

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ежегодник

2018/19

Институт российской истории РАН

Центр экономической истории ИРИ РАН

Научный совет РАН по экономической истории

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Центр экономической истории при Историческом факультете

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕЖЕГОДНИК

2018/19

Москва
2020

ББК 63.3(2)52:63.3(2)6-2+65.9(2Рос)

УДК 94(47)+94(470+571)

Э 40

Редакционная коллегия:

Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров (ответственные редакторы), Н.М. Арсентьев, С.А. Афонцев, А.А. Бессолицын (ответственный секретарь), Журавлев С.В., В.Н. Захаров, В.В. Кондрашин, Корнилов Г.Е., С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, А.М. Маркевич, М.Ю. Мухин, С.А. Саломатина, А.К. Сорокин

Э 40 Экономическая история: Ежегодник. 2018/19. — М.: Институт российской истории РАН, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-8055-0380-2

Очередной выпуск Ежегодника сформирован по результатам состоявшейся в Екатеринбурге 25–26 сентября 2019 г. Всероссийской научной конференции с международным участием «Исторические вызовы и экономическое развитие России», а также на основе новейших исследований по экономической истории.

Проблемам экономики Российской империи посвящены статьи, в которых охарактеризованы: деятельность И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте по регулированию хлебных тарифов в целях преодоления тяжелых последствий неурожая 1891 г.; работа Леденцовского общества как филантропической организации в период модернизации экономики страны; экономическая политика правительства России в отношении Туркестана в начале XX в.; финансовый кризис в горнозаводском хозяйстве Демидовых на Урале в 1909 г.; особенности модернизации экономики Западного Забайкалья в 1880–1920 гг. В ряде научных работ отражены вопросы финансов и банковского дела. Они касаются семейной банковской фирмы «Г. Вавельберг», кредитной истории ряда российских аристократов и сановников – клиентов Санкт-Петербургской конторы Государственного банка, биографии занимавшего в его системе высокие посты А.П. Спундэ, а также деятельности Самаркандского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка.

Советский и постсоветский периоды экономической истории представлены исследованиями проблем: кампании по борьбе с вредительством на объектах промышленности и транспорта в конце 1920-х – начале 1930-х гг.; обеспечения советской авиапромышленности конструкционным металлом в 1921–1964 гг.; роли программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны; модернизации железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг.; стратегии развития угольной промышленности России в 1990-х гг.; хозяйства и социального взаимодействия в советской деревне в 1930-е – начале 1950-х гг.; механизмов взаимодействия союзного центра и республиканского руководства Белоруссии в 1943–1945 гг. по вопросам восстановления сельского хозяйства республики; продовольственного снабжения населения Алтайского края в 1960–1970-х гг.; формирования в России среднего класса на селе в 1990-х гг.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кого интересует экономическая история.

ISBN 978-5-8055-0380-2

© Коллектив авторов, 2020

© Институт российской истории РАН, 2020

Предисловие

Очередной, 18-й выпуск Ежегодника «Экономическая история» сформирован по итогам состоявшейся в Екатеринбурге 25–26 сентября 2019 г. Всероссийской научной конференции с международным участием «Исторические вызовы и экономическое развитие России». В сборник вошли доклады участников конференции, посвященные вопросам, имеющим фундаментальное значение для понимания логики экономического развития России в длительной ретроспективе, а также статьи других авторов, исследовавших проблемы экономической истории страны.

Сборник открывает раздел «**Экономическая история Российской империи**».

В статье **И.Н. Слепнева** рассматривается деятельность Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, образованного по закону от 8 марта 1889 г. Именно в тот период внедряли новый механизм тарифного регулирования на российских железных дорогах. На основе хранящихся в РГИА материалов автор характеризует деятельность **И.А. Вышнеградского** и **С.Ю. Витте** по регулированию хлебных тарифов в целях преодоления тяжелых последствий неурожая 1891 г. Показано влияние этого бедствия на пересмотр тарифной политики по перевозке хлебных грузов.

Финансовый кризис, разразившийся в крупнейшем горнозаводском хозяйстве Демидовых на Урале в 1909 г., исследован в статье **Е.Г. Неклюдова**. Автор прослеживает динамику событий, проявление кризисной ситуации, отразившейся на деятельности предприятий Нижнетагильского округа и положении его населения. Рассмотрены мнения представителей региональных властей, петербургской администрации горнозаводчиков и их самих, а также заводских служащих и рабочих по поводу причин кризиса и путей его преодоления.

Экономическую политику руководства России начала XX в. относительно Туркестана охарактеризовал **А.В. Мамаев**. Он пришел к выводу: процессы модернизации туркестанской окраины происходили во многом стихийно, проекты реформирования так и не были до революции воплощены в жизнь, а проведение мер интеграции и унификации задерживалось из-за незаинтересованности в их скорейшем разрешении со стороны некоторых российских ведомств.

Леденцовскому обществу как филантропической организации, созданной на частные средства в период экономической модернизации, посвящена статья **А.А. Бессолицына**. Проведенный анализ отчетов комиссий Общества за 1909–1917 гг. позволил автору раскрыть механизм работы организации, показать реальный вклад в поддержку изобретений и научных открытий, собственно ради чего и создавалось Общество, а также осветить те проблемы, с которыми сталкивались эксперты в практической деятельности.

Л.В. Кальмина и **А.М. Плеханова** описали особенности модернизации экономики Западного Забайкалья в 1880–1920 гг. Модернизационные опыты сначала самодержавного, а впоследствии советского государства, подчеркивают авторы, обеспечили условия для проведения форсированной социалистической модернизации региона в 1930-х гг.

Подраздел «История финансов и банковского дела» хронологически не выходит за рамки первого раздела.

Статья **П.В. Лизунова** — об истории семейной банкирской фирмы «Г. Вавельберг», основанной в 1848 г. в Варшаве. Автор обстоятельно описывает, как три поколения семьи Вавельбергов создавали один из известных банкирских домов Российской империи.

В.В. Морозан рассматривает кредитные истории ряда известных аристократов и сановников России — клиентов Санкт-Петербургской конторы Государственного банка. Обладая значительными земельными владениями, они особенно нуждались в оборотных средствах для поддержания достаточного уровня производства в своих имениях или на фабрично-заводских предприятиях. Однако эта категория клиентов банка крайне тяжело приспособилась к экономическим требованиям рубежа XIX–XX вв., далеко не все сохранили свои позиции в условиях формирования новых товарно-денежных отношений.

Опровергая устоявшееся мнение советских историков о том, что банки — это орудие «колониализма» как западного, так и российского, **Б.А. Алимджанов** на примере деятельности Самаркандского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка (1900–1917), на основе архивных данных доказывает, что финансовые институты Российской империи учитывали местную специфику и поощряли производство экспортно-ориентированной продукции.

М.Г. Николаев, используя уникальные документы ГА РФ, воссоздал главные вехи биографии А.П. Спундэ (1892–1962) — советского общественно-политического и государственного деятеля. После Октября 1917 г. и до конца 1928 г. с перерывами он занимал высокие посты в системе Государственного банка, а в марте-июне 1918 г. его возглавлял.

Ведущее место в структуре Ежегодника занимает **раздел «История советской и постсоветской экономики»**.

Кампанию по борьбе с вредительством на объектах промышленности и транспорта в конце 1920-х — начале 1930-х гг. рассматривает **О.Б. Мозохин**. Конкретно-историческое изучение данного вопроса, подчеркивает автор, позволяет более четко представить реальные процессы функционирования органов государственной власти и безопасности в исследуемый период. Это важно для формирования в российском обществе объективной картины сложных и дискуссионных проблем отечественной истории.

Решению проблемы обеспечения советской авиапромышленности конструкционным металлом в 1921–1964 гг. посвящена статья **М.Ю. Мухина**. По его мнению, для СССР вопрос создания отечественной промышленности легких сплавов был одним из важнейших аспектов промышленной политики, т.к. авиаиндустрия, которая зависит от импортных поставок конструкционных материалов, по сути, не может считаться полноценной. Лишь в послевоенные годы, на фоне резкого роста выпуска алюминия, удалось осуществить переход к реактивному цельнометаллическому самолетостроению, а в конце 1950-х гг. создать в СССР титановую промышленность, что стало новым этапом развития авиационной металлургии.

Статья **И.В. Быстровой** — о роли программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны. Помощь

по ленд-лизу, констатирует автор, способствовала существенному восполнению военных потерь страны путем предоставления иностранного вооружения, сырья, продовольствия и промышленного оборудования, а деятельность Правительственной закупочной комиссии СССР в США — передаче необходимых Советскому Союзу современных технологий и технической информации.

Работа **Е.В. Демчик** и **Г.А. Гряниковой** посвящена вопросам продовольственного снабжения населения Алтайского края в 1960–1970-х гг. и базируется на комплексе источников (статистические данные, материалы Государственного архива Алтайского края, газетные публикации, воспоминания и т.д.). Определены уровень развития пищевой промышленности, названы стандартные продукты питания, средние цены в розничной сети и организациях общественного питания, показана динамика розничного товарооборота, охарактеризованы качество продуктового снабжения и роль предприятий общественного питания в продовольственном обеспечении городского и сельского населения региона.

В статье **А.А. Конова** раскрыт процесс коренного технико-экономического обновления железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг. Электрификация, считает автор, стала решающим направлением модернизации железнодорожного транспорта края в связи с огромным транзитным значением региона, расположенного на стыке между европейскими и восточными районами СССР.

Стратегия развития в 1990-х гг. угольной промышленности России проанализирована в статье **И.С. Соловенко**. Показана роль основных участников процесса реформирования отрасли и сделан вывод о том, что трудности решения данной проблемы возникли из-за размытости направлений развития отрасли и их частой смены.

Продолжением данного раздела является **подраздел, посвященный аграрной истории**.

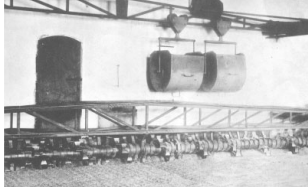
Он открывается статьей **О.А. Суховой**, которая рассматривает проблемы изучения хозяйства и социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е — начале 1950-х гг. Автор отмечает, что крестьянство, адаптируясь к происходившим в тот период изменениям, использовало инструментарий мобилизационной экономики в своих интересах.

В.В. Кондрашин, проанализировав разнообразный комплекс источников и документов, в том числе впервые введенных в научный оборот из Национального архива Республики Беларусь и ряда архивов (как республиканских, так и центральных российских), исследовал механизмы взаимодействия в 1943–1945 гг. союзного центра и руководства Белорусской ССР по вопросам восстановления ее сельского хозяйства.

В статье **О.М. Вербицкой** подробно освещены проблемы формирования в 1990-х гг. в РФ среднего класса на селе. Укрепление социальных и экономических позиций этой страты, констатирует автор, несомненно, пойдет на пользу российскому селу, поскольку в случае ухода из него среднему классу «есть что терять».

Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин, А.А. Бессолицын

Экономическая история Российской империи

К характеристике роли И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте в проведении железнодорожной тарифной политики

Аннотация. В статье рассматривается деятельность И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте в первые годы работы образованного по закону от 8 марта 1889 г. Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Это был первый, и, пожалуй, самый трудный в работе Департамента период, когда происходила отладка нового механизма тарифного регулирования на российских железных дорогах. При этом особое внимание Вышнеградский и Витте уделяли регулированию тарифов на хлеб как на основной вид перевозимых железными дорогами сельскохозяйственных грузов, главный продукт внутреннего потребления населения страны и сельскохозяйственного экспорта. На основе архивных материалов, хранящихся в РГИА, характеризуется деятельность Вышнеградского и Витте по регулированию хлебных тарифов в целях преодоления тяжелых последствий неурожая 1891 г. Показано влияние этого неурожая на пересмотр тарифной политики по перевозке хлебных грузов.

Ключевые слова: И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте, железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 г., Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, Тарифный комитет, тарифное регулирование, железнодорожные тарифы на перевозку хлебных грузов, неурожай 1891 г., зерновой (хлебный) экспорт.

8 марта 1889 г. император Александр III утвердил закон о введении государственного регулирования тарифов на российских железных дорогах. Закон, хотя получил нейтральное наименование «Высочайше утвержденное временное положение о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам»¹, по сути, был направлен на кардинальную реформу постановления всего железнодорожного тарифного дела в стране. Несмотря на декларируемый временный характер, закон фактически имел силу в течение всего отпущенного историей для самодержавия времени.

Тарифная реформа была подготовлена при непосредственном участии министра финансов И.А. Вышнеградского и управляющего Юго-Западными железными дорогами (Юго-Западными ж.д.) С.Ю. Витте. Все тарифное делопроизводство сосредоточилось во вновь образованном органе государственного регулирования железнодорожных тарифов — Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов. Первым его директором в период с марта 1889 г. по февраль 1892 г. был Витте.

Для понимания роли в проведении железнодорожной тарифной реформы Вышнеградского и Витте имеет смысл обратиться к ее предыстории. В середине

* Слепнев Игорь Николаевич — кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, wite@yandex.ru.

1870-х гг. закончился продолжавшийся более чем десятилетие период железнодорожного гондлерства в России. Образовавшаяся в результате лихорадочного строительства обширная сеть протяженностью более 20 тыс. верст эксплуатировалась несколькими десятками акционерных железнодорожных обществ, проводивших самостоятельную тарифную политику в области перевозок грузов. Особую роль в обеспечении доходности перевозок играли хлебные грузы, составлявшие более половины всего объема перевозок российской железнодорожной сети и важнейшую статью доходов железнодорожных обществ. В силу того, что сеть железных дорог в Европейской России приобрела достаточно развитую структуру, железнодорожные компании с конца 1870-х гг. вступали между собой в конкурентную борьбу, предметом которой служили хлебные грузы Центрально-Черноземного района, Поволжья и украинских губерний. Путем в одних случаях понижения, в других — повышения хлебных тарифов эти компании пытались притянуть и удержать на эксплуатируемых линиях хлебные грузы. Целью проводимой ими тарифной политики было приобретение максимально возможной прибыли как за счет снижения тарифов и получения дохода от увеличения перевозимой товарной массы, так и за счет повышения до определенных пределов хлебных тарифов на направлениях, где конкретные железнодорожные компании выступали в качестве монополистов².

Многие из акционерных железнодорожных обществ имели правительственную гарантию получения доходов на вложенные в строительство железных дорог капиталы. Это позволяло обществам в разгоревшейся конкурентной борьбе за хлебные грузы прибегать к снижению тарифов даже ниже себестоимости перевозок, т.е. в стремлении переиграть конкурентов акционерные железнодорожные компании принимали рискованное, на первый взгляд, решение работать себе в убыток.

Однако в итоге пострадавшей стороной оказывалось государство, бюджет которого терпел многомиллионные убытки на выплатах владельцам железнодорожных акций и облигаций гарантированного высочайше утвержденными уставами железных дорог дохода.

Пытаясь выйти из тупиковой ситуации, правительство стало предпринимать меры по слиянию конкурировавших железнодорожных обществ в более крупные компании. Ярким примером тому стало учреждение в 1878 г. акционерного общества Юго-Западных ж.д. путем слияния Бресто-Гравеской, Киево-Брестской и Одесской дорог. Разработку и внедрение железнодорожной тарифной политики вновь образованного акционерного общества осуществлял стоявший у руля управления Обществом Вышнеградский и его ближайший помощник в тарифных вопросах Витте. По данным, содержащимся в подготовленной руководимым Витте отделом эксплуатации Управления Юго-Западных ж.д. печатной записке «О средствах к возвышению доходности Юго-Западных железных дорог», чистый доход общества за первое пятилетие эксплуатации последних увеличился почти в три раза — с 3,3 (1879) до 9,6 млн руб. (1883). Секрет феноменального роста доходности был раскрыт Витте в изданной в Киеве в 1883 г. книге «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов». Основой тарифной политики, позволявшей достигать стремительного роста доходности акционерных железных дорог, был провозглашен коммерческий

принцип установления максимально высоких тарифов, которые каждый отдельно взятый товар был в состоянии выдержать без снижения интенсивности грузоперевозок.

Однако практически одновременно в руководстве Юго-Западных ж.д. наметилась тенденция иного порядка. Летом 1883 г. Вышнеградский и Витте в качестве представителей от Юго-Западных ж.д. вошли в состав образованной для рассмотрения тарифного вопроса при Министерстве путей сообщения (МПС) специальной Комиссии, руководимой товарищем (заместителем) министра путей сообщения А.Я. Гюббенетом. Вскоре Вышнеградский представил в Комиссию Гюббенета записку «Значение конкуренции между железными дорогами и меры для регулирования этой конкуренции», в которой предлагалось внедрить способ регулирования конкурентной борьбы между акционерными обществами железных дорог путем согласования их коммерческих интересов с общеэкономическими интересами государства³.

В 1886 г. произошло важное событие, повлиявшее на дальнейшую судьбу как Вышнеградского, так и Витте. Возглавлявший акционерное общество Юго-Западных ж.д. Вышнеградский был назначен членом Государственного совета. Его место в управлении компанией, но с еще более широкими полномочиями занял Витте. Вместе с тем перешедший на государственную службу Вышнеградский привлекал Витте к экспертизе тарифных распоряжений государственного органа — подведомственного МПС железнодорожного совета⁴.

Катализатором процесса усиления государственного вмешательства в тарифное дело на российских железных дорогах стала катастрофа императорского поезда в Борках 17 октября 1888 г. Спустя месяц, 18 ноября, тарифное дело по решению Александра III было передано из ведения МПС в ведение Минфина. В результате этого решения финансовое ведомство превратилось в штаб подготовки железнодорожной тарифной реформы, призванной ввести государственное регулирование железнодорожных тарифов. Непосредственное участие в ее разработке принял Витте. Ему Вышнеградский передал отредактированный после рассмотрения в Госсовете экземпляр «Временных правил относительно составления, публикации, введения в действие и отмены тарифов российских железных дорог» (входили в пакет документов, связанных с проведением железнодорожной тарифной реформы). 2 марта 1889 г. Витте в письме из Киева Вышнеградскому представил свое мнение по поводу этого документа⁵.

Спустя неделю, 10 марта 1889 г. произведенного в действительные статские советники Витте назначили директором нового департамента, которым он руководил по 15 февраля 1892 г. По должности он возглавлял одновременно и Тарифный комитет Министерства финансов, занимавшийся решением частных тарифных вопросов. Высшим тарифным органом являлся Совет по тарифным делам, в состав которого входили представители торговли, промышленности и ряда министерств.

Такова вкратце сложная и не лишенная драматизма предыстория, ставшая прологом к трехлетней деятельности Витте в качестве главного действующего лица в осуществлении государственного регулирования тарифов на сети российских железных дорог в руководимом Вышнеградским Министерстве финансов.

Произошедшую с ними качественную трансформацию (переход из высшего управленческого звена акционерного железнодорожного общества на высшие ступени государственного управления империи) Витте ярко описал в конфиденциальном письме от 13 августа 1889 г. к преемнику М.Н. Каткова на посту редактора «Московских ведомостей» С.А. Петровскому. Характеризуя предпринятые им совместно с Вышнеградским меры противодействия решению общего собрания акционеров Курско-Киевской ж.д. (среди которых значительную долю составляли члены Государственного совета и Сената) не подчиняться решению Тарифного комитета о регулировании конкурентной борьбы железных дорог за экспортные хлебные грузы, Витте писал: «Кто бы мог подумать лет пять тому назад, что Ив/ану/ Алекс/ее/вичу и мне придется вести ожесточенную борьбу против ж/елезно/-дорож/ной/ конституции с высшими правительственными учреждениями!»⁶.

Тарифная реформа 8 марта 1889 г. стала поворотным пунктом в истории российских железных дорог. Ее проведение дало в руки государства мощный рычаг воздействия на хозяйственное развитие страны. Значение, придававшееся Департаменту железнодорожных дел при проведении государственной экономической политики, подчеркивает то обстоятельство, что министр финансов Вышнеградский регулярно (по итогам шести-, двенадцати- и пятнадцатимесячного периодов) представлял на рассмотрение императора обзорные докладные записки о деятельности руководимого Витте департамента⁷.

Финансовым результатом пересмотра тарифов в 1889 г., введившего дифференциальные тарифные схемы на сети российских железных дорог, стало общее удешевление перевозок. О неизбежности снижения доходности железных дорог в случае радикального вмешательства государства в тарифную политику Витте указал еще в «Принципах железнодорожных тарифов по перевозке грузов»⁸. По подсчетам руководимого им Департамента железнодорожных дел, при пересчете стоимости перевозок 1889 г. по новым тарифам общее удешевление перевозок составило 579 013 руб. во внутреннем сообщении. Наиболее значительное удешевление тарифов во внутренних перевозках было произведено в направлениях к Москве и Петербургу. Тарифы были снижены по всем линиям, пересекавшим северный и промышленный районы — на станциях Балтийской, Петербурго-Варшавской (между Динабургом и Петербургом), Московско-Ярославской и Московско-Нижегородской дорог, а также на некоторых станциях железных дорог Варшавского района. Кроме того, тарифы понижались для центров мукомольного производства (Твери, Торжка, Завидова, Валдайки, Сейма, Ельца, Ливен, Курска и станций Курско-Киевской дороги, при которых располагались мельницы). Более того, размер провозных плат, введенных осенью 1889 г., на деле был меньше тех, что рассчитывали по принятой общетарифной формуле. При перевозках к балтийским портам разница колебалась от 9 до 17 % (к Петербургу — 8,9%; Ревелю — 12,7; Риге — 16,8; Либаве — 13,7; Кенигсбергу — 13; Данцигу — 17,3%). Еще большая разница — до 26% к общетарифному уровню существовала по отношению к пунктам западной сухопутной границы (к Александрово — 18%; Границе — 26,1; Сосновицам — 15,5; Радзивилову — 18,4; Волочисску — 26%) и черноморским портам (к Одессе — 12,8; Николаеву — 10; Севастополю — 24,1; Таганрогу — 26; Ростову — 13,5; Новороссийску — 21,6%)⁹.

Тенденция к обратному соотношению ставок внутренних и вывозных сообщений на расстояниях до 300 и свыше 800 верст обеспечивала преимущества в экспорте для центральных земледельческих губерний. Действительно, расположенные на расстоянии в среднем 300 верст от главного внутреннего рынка страны — Москвы — и на расстояниях в 800—1500 верст от внешних рынков, они получали существенные выгоды от произведенного в 1889 г. пересмотра тарифов¹⁰.

Удешевление перевозок к Москве превысило 269 659 руб., что стало закономерным результатом использовавшихся тарифных ставок внутреннего сообщения, которые на коротких расстояниях были меньше, чем вывозные. Например, на перевозки от 101 до 200 верст вывозные ставки составляли 1/26 коп. с пудо-версты, а во внутреннем сообщении — 1/27 коп.; от 201 до 300 верст — соответственно 1/30 и 1/35 коп. с пудо-версты. Выгодность установленной схемы тарифов для производителей товарного хлеба центрально-черноземных губерний подчеркивает тот факт, что 54% объема внутренних хлебных перевозок в 1889 г. (106 135 вагонов) было отправлено во внутреннем сообщении на расстояние от 1 до 300 верст¹¹.

Удешевление перевозок хлебных грузов для вывозных сообщений составило почти в два раза большую сумму, чем для внутренних — 1 104 554 руб. В 1889 г. из 790 994 вагонов хлеба (482,6 млн пуд.), отправленных по железным дорогам, 41,8% вагонов (472 024 с 287,9 млн пуд.) были перевезены к 19 вывозным пунктам. Во внутреннем же сообщении в 1889 г. железные дороги перевезли 194 млн пуд. хлебных грузов. Таким образом, 59,7% хлебных перевозок российских железных дорог составлял экспорт¹².

В общей сложности провоз хлебных грузов был удешевлен на 1,7 млн руб.¹³ Безусловно, произведенное удешевление способствовало усилению в первую очередь экспортных хлебных перевозок, а также перевозок к крупным городским и промышленным центрам и служило орудием проведения экономической политики, направленной на увеличение золотого запаса и ускорение индустриализации страны. Установив контроль за железнодорожными хлебными тарифами, правительство получило мощный рычаг, с помощью которого рассчитывало эффективно управлять внутренней и внешней торговлей страны. Уже на одном из первых заседаний Тарифного комитета Витте говорил о возможности увеличения экспорта и предотвращения нехватки продовольствия в отдельных местностях путем рационального распределения хлеба в империи при помощи льготных железнодорожных перевозок¹⁴.

Вопрос об использовании потенциала тарифного регулирования возник на состоявшемся 21 января 1891 г. заседании Тарифного комитета. Здесь рассматривалось отношение министра внутренних дел по представлению пермского губернатора о 50%-м понижении тарифов на перевозку зерна и муки по Уральской и Самаро-Златоустовской дорогам в пострадавшие от неурожая местности Пермской губернии. В конце заседания, в основном одоббившего предложенные меры, Витте сообщил о приказе министра финансов Вышнеградского Департаменту железнодорожных дел приступить к разработке данных о ценах на хлеб по России, о продовольственных нуждах отдельных местностей, а также к систематизации ходатайств губернских учреждений о правительственной по-

моши. Конечной целью работ предусматривалось принятие тарифных мер для облегчения и удешевления подвоза хлеба в местности, пострадавшие в 1890 г. от неурожая¹⁵.

На заседании Тарифного комитета 7 февраля 1891 г. был заслушан доклад Хлебного отделения Департамента железнодорожных дел, подготовленный по данным двух министерств — внутренних дел и государственных имуществ. Министр внутренних дел сообщил в Министерство финансов о необходимости предоставления из общего продовольственного капитала империи более 4 млн руб. на продовольственные нужды населения Оренбургской, Симбирской, Уфимской, Казанской, Пензенской, Саратовской и Самарской губерний.

Министерство государственных имуществ представило полученные от сельских хозяев — корреспондентов Департамента земледелия и сельской промышленности — сведения о территориальной распространенности неурожая 1890 г., подтвержденные донесениями податных инспекторов. Согласно собранным сведениям, неурожай охватил два крупных района на востоке и юге страны. Самой обширной стала территория восточной части Европейской России: все Заволжье (к востоку от Волги и к югу от Камы) — Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую губернии и Уральскую область. Неурожай распространился также на Казанскую, Симбирскую, некоторые местности Пермской, Вятской, Нижегородской, Костромской, Пензенской и Саратовской губерний. Особенно значительные последствия неурожая (усугубленные несколькими предшествовавшими такими же годами) отмечались в Саратовской губернии. «Многие хозяева-корреспонденты из зауральских уездов Пермской губернии, а также из губерний Уфимской, Оренбургской и Самарской называют 1890 год голодным», — подчеркивалось на заседании Тарифного комитета. Даже на правом берегу Волги, где не уродились главным образом яровые, вследствие недостатка кормов для скота крестьяне вынуждены были продавать последний скот за бесценок, например, лошадей — за 1 руб. 50 коп.¹⁶

Второй район неудовлетворительного урожая хлебов охватывал большую часть Кубанской и Терской областей, Ростовский округ Донецкой области, Ставропольскую, Екатеринославскую и некоторые уезды Таврической, Полтавской и Харьковской губерний. По сравнению с восточным районом недород хлеба в южном, где еще сохранялись запасы от предшествовавших урожайных лет, не имел таких ощутимых последствий. Кроме вышеперечисленных регионов не уродились озимые в некоторых юго-западных уездах Волынской губернии.

На основании этих данных руководимый Витте Тарифный комитет предполагал оказывать помощь пострадавшим районам посредством снижения хлебных тарифов. Такую меру на заседании признали своевременной и эффективной в условиях, когда цены на хлеб и овес еще не везде успели подняться. Так, наибольшее повышение цен произошло в восточном районе в уездах Пермской и Оренбургской губерний — от 20 до 50 коп. за пуд, а в южном — в некоторых уездах Таврической и Волынской губерний, восточной части Ставропольской губернии и области Терской — от 20 до 30 коп. за пуд. В Самарской, Симбирской, Казанской (юго-восточные уезды) и в Саратовской губерниях, несмотря на неурожай, цены на рожь оказались ниже тех, что были на 1 января 1890 г.

Однако Тарифный комитет признал, что цены — не абсолютный показатель оценки степени нужды населения в продовольствии. Наибольший рост цен обычно приходился на весну, когда усиливался спрос не только на продовольственный, но и на семенной хлеб. Осенью же и в начале зимы, как отмечалось на заседании, «даже плохой урожай не всегда останавливает население от продажи наличного хлеба для уплаты повинностей и покрытия других платежей»¹⁷.

Тарифный комитет постановил понизить на 50% провозные платы в пострадавшие от неурожая местности. Эту временную (до 1 сентября 1891 г.) меру ввели для Уфимской, Вятской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Нижегородской и Ставропольской губерний, ряда уездов Екатеринославской, Харьковской и Таврической губерний, Кубанской и Терской областей, а также для Ростовского и Таганрогского округов области Войска Донского¹⁸. Так комитет надеялся поспособствовать «более правильному распределению хлебных запасов в империи», поддержанию местных цен на более или менее нормальном уровне, рациональному распределению и употреблению правительственных ссуд¹⁹.

Наряду с оказанием помощи населению пострадавших от неурожая губерний правительство продолжало содействовать развитию хлебного экспорта. Сдерживающим его рост фактором явилась устойчивая тенденция к повышению курса рубля. Курс кредитного рубля к золотому в 1887 г. составил 55,7 коп.; в 1888 г. — 59,5; в 1889 г. — 66. Резкий скачок курса (более чем на 38% к уровню 1887 г.) произошел в начале 1890 г., поднявшись к середине года до 77 коп.²⁰ Повышение курса рубля серьезно затронуло интересы помещиков-экспортеров, лишив их дополнительной прибыли. Правительство находилось в сложном положении, т.к., с одной стороны, стремилось к укреплению курса рубля, с другой — заботилось об увеличении хлебного экспорта, от которого зависела стабилизация курса. В итоге складывалась парадоксальная ситуация: повышение курса кредитного рубля приводило к уменьшению доходов экспортеров от вывоза зерна, притормаживая в условиях падения хлебных цен зерновой экспорт и уменьшая тем самым возможности модернизации российской экономики.

В конце октября 1890 г. в связи со стремительным ростом курса кредитной валюты министр путей сообщения Гюббенет обратился к Вышнеградскому и государственному контролеру Т.И. Филиппову с предложением рассмотреть в Совете по тарифным делам вопрос о снижении хлебных тарифов для оказания помощи сельскому хозяйству²¹.

Относительно этого предложения Вышнеградский в письме Филиппову от 2 ноября 1890 г. подчеркнул: данный вопрос «представляется настолько важным», что он немедленно приступил к разработке своих соображений, которые предполагал «вскоре разослать». Спустя несколько месяцев при активном участии Витте была подготовлена обширная записка «Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог». 19 февраля 1891 г. Вышнеградский разослал записку участвовавшим в работе Особого совещания под председательством А.А. Абазы ведущим министрам — А.Я. Гюббенету, И.Н. Дурново, М.Н. Островскому и Т.И. Филиппову²².

Отметим, что Департамент железнодорожных дел уже летом 1890 г. принял определенные меры по понижению тарифов на экспортируемые перемолочные хлебопродукты. В июле 1890 г. Хлебное отделение Департамента разослало циркуляр «О правилах применения перемолочных тарифов к муке, пшени и солоду, вывозимым за границу». Согласно этому циркуляру, экспортерам перемолочных продуктов возвращалась разность в провозной плате между прямыми тарифами на зерно и провозной платой от места отправления до места переработки и от места переработки до пункта вывоза за границу. Срок действия тарифов устанавливался по 1 июля 1895 г.²³ Как указывалось в сопроводительном письме, направленном Московскому биржевому комитету за подписью С.Ю. Витте и Л.И. Вилинского, устанавливаемые циркуляром льготы предпринимались «ввиду необходимости оказать возможное содействие увеличению вывоза нашего зерна в переработанном виде»²⁴.

По-видимому, вследствие произошедших к началу 1891 г. изменений рыночной конъюнктуры, в «Соображениях министра финансов ...» понижение железнодорожных тарифов не рассматривалось в числе мер помощи сельскому хозяйству со стороны железных дорог. Об этом свидетельствует письмо Гюббенета Вышнеградскому, в котором указывалось, что при значительном повышении курса русской валюты во второй половине 1890 г., относительно долговременности которого тогда «существовало, несомненно, распространенное убеждение», железные дороги имели возможность поделить свою прибыль со сельским хозяйством²⁵.

Весной 1891 г. ситуация с хлебными ценами резко изменилась: к 20 апреля стоимость пшеницы на Лондонской бирже возросла до 47 шиллингов за квартал, превысив цену, установившуюся в первую неделю марта, на 9 шиллингов. По сравнению с ценой год назад, в апреле 1890 г. рост составил 12 шиллингов (34%). Причину английский журнал «The Economist» видел не в недостатке пшеницы на рынке, а в наметившейся перспективе значительного сокращения ее предложения в будущем²⁶.

Основания для такого предположения были достаточно серьезны. Два предшествовавших года отличались низкой урожайностью. Малоснежная и холодная зима 1890/91 г. привела к вымерзанию озимых в России и ряде европейских стран, в том числе в Германии, Голландии, Бельгии и Франции. И хотя хороший урожай ожидался в США, Индии и Румынии, ситуация на европейском рынке начала кардинально меняться.

Негативные рыночные тенденции продолжали усугубляться в связи с печальным состоянием посевов яровых хлебов в России. Холодная весна, отсутствие дождей губили всходы. Небывалая засуха летом 1891 г. привела к гибели посевов во многих районах. Наиболее неурожайными оказались 19 производящих губерний, где сбор хлебов в 1891 г. достигал всего лишь 25% среднегодовых сборов²⁷. Часть уездов пострадали в Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и Херсонской губерниях. Удовлетворительный урожай был собран только в Киевской, Бессарабской, Таврической губерниях, на Северном Кавказе и в южных округах области Войска Донского.

В складывавшейся сложной ситуации на внутреннем рынке происходил усиленный вывоз зерна за границу под влиянием растущего спроса западных

покупателей. Помещики и хлеботорговцы были охвачены стремлением использовать благоприятную конъюнктуру на мировом хлебном рынке. Вместе с тем по мере выяснения масштабов неурожая правительство стало принимать меры по защите внутреннего потребительского рынка. С 28 июля 1891 г. вводился запрет на вывоз ржи, но устанавливался трехнедельный льготный срок до 15 августа для завершения ранее заключенных торговых сделок. Опасаясь запрета правительства на экспорт других хлебов, экспортеры начали усиленный вывоз его на хранение за границу в ожидании дальнейшего повышения цен. О масштабах усиления экспорта свидетельствует тот факт, что за весь 1891 г. из Одессы вывезли 5 879 тыс. пуд. ржи, а за 15 дней августа — 1 979 тыс. пуд., т.е. 1/3 годового вывоза. Одесский гофмаклер в «Торговом бюллетене» от 1 сентября 1891 г. констатировал: «Первые дни истекшего августа месяца составляют эпоху не только в летописях Одесской хлебной торговли, но даже и в анналах всех европейских хлебных бирж»²⁸.

Вскоре началась лихорадочная экспортная торговля пшеницей. Усиленный экспорт хлеба происходил не только из южных, но и из балтийских портов и по западной границе. Агент Министерства финансов в Берлине Е.Л. Кочетов писал Витте 12 августа 1893 г., что закрытие русско-германской границы в 1891 г. было фиктивно и Вышнеградский разрешил «высыпать из России предварительно хлеба даже больше, чем немцам требовалось, и это истинная правда: я сам, будучи в Кенигсберге в конце сентября, т.е. больше месяца спустя, видел по станциям за немецкой границей горы русского хлеба, прикрытого и неприкрытого брезентами, который железная дорога все еще осилить не была в состоянии, и который, уронив цены за границей, безобразно поднял наши»²⁹.

Об этом же свидетельствуют и данные статистики внешней торговли России. В 1890/91 сельскохозяйственном году ржи было вывезено на 23,1 млн пуд. больше предыдущего 1889/90 г., а пшеницы — на 16,7 млн пуд.³⁰

В этом отношении показательно сравнение объема экспорта и доходов от него. Вследствие роста цен на зерно произошло общее увеличение доходов от экспорта. Кроме того, под влиянием неурожая резко изменились рыночные тенденции. Для предшествовавших ему лет характерным было отставание роста стоимости экспорта от роста его объемов. Так, в 1888 г. экспорт ржи увеличился на 28 873 тыс. пуд. (36,9%), а его стоимость по сравнению с 1887 г. — на 12 937 тыс. кредитных руб. (23,6%). Иная тенденция преобладала в 1891 г. Несмотря на то, что объем экспорта всех хлебов сократился на 26 711 тыс. пуд. (6,4%) к уровню 1890 г., доходы от него возросли на 14 992 тыс. кредитных руб. (4,4%). В том числе объем экспорта ржи, сократившись на 8 526 тыс. пуд. (11,2%), в денежном выражении вырос на 9 215 тыс. кредитных руб. (18,2%). Соответственно экспорт пшеницы сократился в 1891 г. на 5 716 тыс. пуд. (3,1%), а доход от него возрос на 6 767 тыс. кредитных руб. (3,8%)³¹.

Несмотря на неурожай, зерновой экспорт России достиг в 1891 г. значительных размеров. Поэтапный запрет экспорта различных видов зерна мало способствовал его удержанию на внутреннем рынке. К тому же, вероятно, правительство и не стремилось во чтобы то ни стало добиться достижения этой цели. Свидетельство тому — высказывание председателя Комитета министров Н.Х. Бунге в конце мая 1892 г. на заседании Особого совещания о мерах по вы-

возу хлеба из пределов империи: «Главнейшее значение принятой в прошедшем году меры запрещения вывоза хлеба заключается в ее нравственном значении, показавшей населению заботливость о его нужде»³².

Без сомнения, правительство придавало огромное значение хлебному экспорту. Именно его интересы неизменно учитывались при выработке экономической политики. Например, при обсуждении хлебных тарифов на заседании Тарифного комитета 29 апреля 1889 г. Витте подчеркнул, что нельзя рассматривать вопрос об упорядочении хлебных тарифов исключительно с точки зрения доходности дорог. Необходимо, чтобы тарифы не препятствовали хлебному производству страны, от которого «в теснейшей зависимости» находилось поступление доходов от прямых и косвенных налогов в казну. Кроме того, от состояния хлебного производства зависел размер хлебного экспорта, непосредственно оказывавший влияние на курс бумажных денег³³. На это же указывали Вышнеградский и Витте в уже упоминавшейся обстоятельной записке: «Хлеб — главный предмет не только нашего сельскохозяйственного производства, но и отпуска за границу, важнейший источник благосостояния народного хозяйства, а вместе с тем и основной ресурс хозяйства государственного»³⁴.

В связи с этим возникает вопрос, действительно ли правительство проводило политику, которую современники нередко определяли как «голодный экспорт» и связывали с получившими скандальную огласку словами Вышнеградского «не доедим, но вывезем»³⁵? Ответ — в цифрах о среднедушевом остатке хлеба при сравнении с нормой его потребления на душу населения — 1,5 четв. в год³⁶.

За 27 лет (с 1870/71 по 1897/98 гг.) наименьший остаток был в 1889/90 г. — 1,38 четв. на душу населения и в 1891/92 г. — 1,46 четв., вывоз же хлеба — соответственно 0,54 и 0,22. То есть именно эти два года без всяких оговорок можно назвать временем «голодного экспорта», и обвинения в адрес Вышнеградского в проведении ущербной экономической политики имели под собой реальную основу.

Однако приведенные общие статистические данные, как и любые усредненные показатели, недостаточно полно отражали действительную картину. Так, авторы подготовленного по заказу Витте либерально-народнического сборника «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» утверждали, что сбор с надельных, арендуемых и купчих земель обеспечивал крестьян собственным хлебом лишь в 22 из 50 губерний Европейской России. В остальных хлеба не хватало даже для собственного потребления крестьян. С учетом потребности в фуражном хлебе круг таких губерний суживался до шести (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Область Войска Донского, Тамбовская и Оренбургская)³⁷. В общей сложности, по подсчетам авторов сборника, около 52% крестьян не могли полностью обеспечить себя сельскохозяйственными продуктами³⁸.

Демографические последствия неурожая 1891 г. имели катастрофический характер. В 1892 г. смертность в России возросла на 5,5%, т.е. приблизительно на 654,5 тыс. человек³⁹.

Одновременно рождаемость по сравнению со среднегодовой за 25 лет сократилась в 47-ми, смертность увеличилась в 30-ти, а естественный прирост

населения уменьшился в 34-х губерниях⁴⁰. При сопоставлении данных о сред-недушевом остатке хлебов и действительном продовольственном обеспечении крестьянства становятся более понятными причины тяжелых последствий неурожая и голода 1891 г.

Также отметим, что предпосылки тяжелых последствий неурожая, вызвавшего голод и массовые потери населения, возникли не вдруг, а складывались в течение ряда лет. В упомянутой выше всеподданнейшей докладной записке Александру III этого не отрицал и сам Вышнеградский. Как отмечал Б.В. Ананьич, одной из глубинных социально-политических причин произошедших катастрофических событий явилась предельно жесткая фискальная политика Вышнеградского. С вступлением на пост министра финансов он значительно усилил давление налогового пресса на крестьянство, взыскав, в частности, в 1887–1888 гг. недоимки на сумму свыше 16 млн руб. по отмененной ранее подушной подати. В целом за 1888–1891 гг. было получено 209,4 млн руб. перевыручки по бюджету⁴¹.

Впоследствии, будучи министром финансов, Витте в докладе о государственной росписи доходов и расходов на 1899 г. признавал, что ни одна страна Западной Европы не испытывала таких серьезных потрясений от неурожая, как Россия. Если неурожай, констатировал Витте, особенно в центральных и восточных губерниях «нередко повергает значительную часть пострадавшего населения в состояние такой нужды, из которой оно не может выйти собственными силами, то это показывает, что земледельческое население здесь, в общем, не успело еще обеспечить себе прочного экономического положения и обезопасить себя на случай возможных невзгод»⁴².

Позднее, выступая на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Витте перешел на иную точку зрения. Он заявил об ошибочности статистических данных, свидетельствовавших о недоедании крестьянства. Ссылаясь на голод 1891 г., он утверждал, что «население имеет больше хлеба, чем показывается по статистическим сведениям. Статистика делает наших крестьян голодными»⁴³.

Возможно, Витте был прав, говоря о наличии запасов хлеба в стране, не учитываемых Центральным статистическим комитетом. Но как директор Департамента железнодорожных дел и председатель Тарифного комитета он, несомненно, отчетливо представлял ситуацию, сложившуюся в 1890 и 1891 гг. в продовольственном обеспечении пострадавших от неурожая местностей. Без хлеба оказалась масса крестьянского населения, хлебные же запасы находились в руках помещиков, перекупщиков. Неурожай и высокие цены обернулись обогащением последних и разорением и голодом первых. Например, чистый доход в приволжских вотчинах Орловых-Давыдовых за 1887–1890 гг. в среднем составил 228,7 тыс. руб. в год, а за 1891–1892 гг. — 386 тыс. руб., увеличившись на 69% по сравнению с предыдущим четырехлетием. При этом наибольший чистый доход был получен в вотчинах в 1891 г. — 513,6 тыс. руб.⁴⁴

В силу указанных обстоятельств слова Витте о неточности статистических данных можно расценивать как заявление, сделанное в иной исторической обстановке и в определенных политических целях, но не отражавшее действительного положения дел на рубеже 80–90-х гг. XIX в.

Активная разработка тарифных мер для облегчения доставки хлеба в пострадавшие от неурожая районы началась с конца июня 1891 г. Тарифный комитет установил пониженные ставки в 1/100 коп. с пудо-версты на повагонную перевозку хлебных грузов. Льготный тариф распространялся на все станции железных дорог для хлеба, отправлявшегося по специальным свидетельствам губернских и уездных земских управ⁴⁵. Кроме того, устанавливались пониженные тарифы в пострадавшие районы и для общего пользования, достигавшие на расстоянии свыше 1 200 верст также 1/100 коп. с пудо-версты⁴⁶. Последний тариф призван был способствовать возвращению на внутренние рынки хлеба, скупленного для экспорта до повышения цен⁴⁷. Вместе с тем вводились тарифные льготы для перевозки скота и лошадей из местностей с недостатком кормов в места избытка. Облегчалась доставка дров в постигнутые неурожаем безлесные районы. С этой же целью, а также для поощрения добычи каменного угля и привлечения на заработки из голодавших районов понижались железнодорожные тарифы на уголь Подмосковского бассейна. Снижались пассажирские тарифы для выезда крестьян из пострадавших районов на поиски работы. Сверх того, вводились бесплатные перевозки хлеба и других предметов, жертвуемых через благотворительные учреждения пострадавшему от неурожая населению⁴⁸. Были приняты и другие льготы по перевозкам.

Все эти тарифы публиковались в издаваемом при Общем съезде представителей железных дорог «Сборнике тарифов российских железных дорог», выходявшем дважды в неделю. Затем Департамент железнодорожных дел составил и издал справочную книжку «Льготные и пониженные тарифы на перевозку хлебных грузов по железным дорогам, установленным ввиду неурожая 1891 г.». Туда вошли все установленные пониженные и льготные тарифы с краткими пояснениями по их использованию. В 1892 г. вышло дополненное издание этого справочника. В нем Департамент железнодорожных дел рекомендовал земствам пострадавших уездов производить заготовки в районах избытка хлеба — преимущественно на северном Кавказе, в южном, юго-западном, западном и прибалтийском крае, т.е. в районах железных дорог: Владикавказской, Донецкой, Севастопольской, Юго-Западных, Фастовской, части Курско-Киевской, части Либаво-Роменской, части С[анкт]-Петербургско-Варшавской, Риго-Динабургской и Псково-Рижской⁴⁹. Таким образом, правительство рассчитывало, что земства, самостоятельно ориентируясь в сложившейся на хлебном рынке ситуации, используя льготные тарифы и упрощенный порядок их применения, заготовят необходимое количество хлеба в местах его избытка. Тем самым предполагалось уменьшить спекуляции хлеботорговцев, снизить цены в пострадавших районах без существенного их поднятия в районах закупок, следовательно, и рационально использовать средства отпущенные правительством для помощи пострадавшим от неурожая районам⁵⁰.

Правительство вполне отдавало себе отчет в сложности ситуации, возникшей к лету 1891 г., о чем свидетельствовала всеподданнейшая докладная записка Вышнеградского по Департаменту железнодорожных дел от 27 июня 1891 г. «О принятых Министерством финансов льготах по железнодорожным перевозкам хлебных грузов». Министр финансов указывал на резкий рост цен (в среднем на 50–60% по сравнению с началом года) на рожь и ржаную муку, являв-

шихся главным продуктом питания населения. Сбор ржи ожидался даже ниже уровня 1880 г. (наименее урожайного за предшествовавшие 12 лет), а урожай озимой пшеницы — значительно ниже среднего. Ссылаясь на имевшиеся в Министерстве финансов данные о хлебных запасах, Вышнеградский отмечал, что при посредственном (по некоторым губерниям — неудовлетворительном) сборе ржи в два предшествовавших года и при значительном ее отпуске за границу запасы этой зерновой культуры не могли быть значительны. Вместе с тем, по его мнению, рост цен на хлеб и муку был искусственным из-за усиления спекуляции «под влиянием ложных слухов о полном неурожае во многих местностях».

Вышнеградский рассчитывал на удовлетворительный урожай яровых, который в значительной степени мог бы покрыть недобор ржи. Поэтому в его докладе не было речи о каких-либо мерах по ограничению экспорта. Перечисляя выработанные Тарифным комитетом и введенные с 26 июня 1891 г. льготные тарифы, Вышнеградский ожидал, что они будут способствовать привлечению хлеба на внутренние рынки и ослабят его вывоз из России, усилившийся в связи с посредственным урожаем за границей и понижением курса кредитного рубля⁵¹.

Спустя две недели, 12 июля 1891 г., министр финансов представил Александру III доклад «О результатах установленных Министерством финансов льгот по железнодорожным тарифам на перевозку хлебных грузов». В докладе приводились сравнительные данные о ценах на рожь и ржаную муку, свидетельствовавшие об успехе применения тарифных льгот (см. табл. 1).

Таблица 1

**Цены на рожь и ржаную муку на внутренних рынках России
к 20 июня и началу июля 1891 г. (руб. за пуд)**

Города	Рожь		Мука ржаная	
	к 20 июня	к началу июля	к 20 июня	к началу июля
Москва	-	-	1,32	1,20
Елец	1,16	1,00	1,28	1,10
Саратов	1,20	1,00	1,37	1,17
Царицын	1,20	1,00	1,45	1,20
Орел	1,10	1,03	1,15	1,05

Составлено по: РГИА. Ф. 268. Оп. 6. Д. 3. Л. 22.

Таким образом, цена ржи на внутренних рынках понизилась в размере от 7 до 20 коп., а муки — от 15 до 25 коп. за пуд. Запрет экспорта ржи способствовал стабилизации цен в августе-октябре 1891 г.

Однако с октября цены начали вновь расти, достигнув максимума в ноябре. Пуд ржи в Саратове в конце ноября стоил 1 руб. 53 коп., в Орле в середине ноября — 1 руб. 35 коп., в Киеве около 20 ноября — 1 руб. 28 коп. Максимальные цены на рожь в Харькове в конце января доходили до 1 руб. 23 коп. за пуд. В Таганроге цена пуда ржи увеличилась в среднем с 92 коп. до 1 руб. 37 коп. в ноябре, а в Одессе — с 1 руб. 01 коп. до 1 руб. 18 коп.⁵² Таким образом, цены росли повсеместно — и в неурожайных местах, и там, где был избыток хлеба.

Хлебные закупки земств сосредоточились в районе Владикавказской ж.д., где были значительные избытки хлеба. С прекращением экспорта хлебные залежи стали там стремительно увеличиваться: к 1 августа — 1 397 вагонов, к 1 сентября — 7 741, к 1 октября — 9 960. Хлебные залежи достигли пика к 1 ноября — 11 525 вагонов (более 7 млн пуд. хлеба). К 5 декабря 1891 г. залежи на Владикавказской ж.д. составили 5,6 млн пуд., всего же на ее линиях находились 9,5 млн пуд. хлеба⁵³.

Министр путей сообщения Гюббенет распорядился о перевозке до 1 марта 1892 г. (до предполагаемого начала весенней распутицы) 60 млн пуд. хлеба в пострадавшие от неурожая местности. Трудность заключалась в том, что перевозки осуществлялись в направлении, противоположном обычному, и осложнялись экстремальными зимними условиями. Для организации перевозок было создано особое управление под руководством полковника А.А. Вендриха. За период с сентября 1891 г. по март 1892 г. было перевезено в неурожайные местности 91,9 млн пуд. хлеба, купленного на государственные и общественные средства, в том числе бесплатные перевозки грузов благотворительных комитетов составили 4,2 млн пуд.⁵⁴ Витте, сменивший в феврале 1892 г. Гюббенета на посту главы Министерства путей сообщения, также внес вклад в организацию бесперебойных перевозок в пораженные неурожаем и голодом регионы.

Принятые меры способствовали снижению цен на рожь на внутренних рынках страны (см. табл. 2).

Таблица 2

**Цена ржи на внутренних рынках России в феврале—апреле 1892 г.
(руб. за пуд)**

Города	Февраль	Март	Апрель
Саратов	1,36	1,30	1,14
Орел	1,26	1,19	1,08
Харьков	1,20	1,10	0,98
Киев	1,13	1,03	0,85

Составлено по: Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 г. СПб., 1895. С. 17.

Таким образом, на указанных четырех внутренних рынках цена пуда ржи понизилась в феврале—апреле 1892 г. на сумму от 18 до 28 коп. (от 14,3 до 24,8%). Однако, несмотря на определенный успех тарифной политики и льготных перевозок, предпринятые меры лишь смягчили тяжелые последствия неурожая 1891 г. Неустойчивость сельского хозяйства, о которой писал Витте, стоила правительству 162,5 млн руб. только прямых затрат на преодоление последствий неурожая и голода⁵⁵.

Позже проявились и другие негативные последствия для экономики страны. Запрет экспорта хлеба стал причиной вытеснения России с европейских рынков. Так, США за 1891—1892 гг. увеличили экспорт не только пшеницы, но ржи и овса, в вывозе которых Россия занимала монопольное положение. Вывоз

ржи из США с 1 июля 1891 г. по 1 апреля 1892 г. по сравнению с тем же девяти-месячным периодом 1890—1891 гг. увеличился в 13, а овса — в 8 раз⁵⁶.

В связи с этим русский генеральный консул в Лондоне писал об опасности усиления конкуренции со стороны Штатов и больших коммерческих способностях американцев. По его мнению, на это увеличение «не следует смотреть как на преходящее явление; оно может только еще усиливаться в будущем. Американцы, захватив теперь клочок, не только не упустят его из рук, а еще разгонят его во всю полноту»⁵⁷.

В самом правительстве существовала сильная оппозиция решению о запрещении хлебного вывоза из страны. На одном из заседаний Особого совещания по этой проблеме министр госимуществ М.Н. Островский открыто заявил о неэффективности и вредности запрета, который привел к нарушению традиционных торговых связей, вытеснению российского зерна с иностранных рынков. Кроме того, отмечал министр, в стране были задержаны те запасы, которые «могли бы с выгодой для известной части землевладельцев и безо всякого ущерба для остальной части населения найти себе выход за границу»⁵⁸. Аналогичного мнения придерживался и Витте. Он назвал запрет хлебного экспорта неудачной мерой, предпринятой находившимся в нервном состоянии Вышнеградским, хотя и не отрицал ее положительного значения для поддержки голодавшего населения⁵⁹.

Потрясения, которые испытала экономика страны вследствие неурожая 1891 г., заставили правительство приступить к осуществлению ранее разработанных мер по совершенствованию организации хлебной торговли. 23 октября 1892 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново подал на высочайшее рассмотрение пакет предложений Комиссии В.К. Плеве, исследовавшей причины падения цен на сельскохозяйственные произведения. В результате император в качестве первоочередных задач признал необходимость сооружения сети элеваторов, развития в хлебной торговле варрантного⁶⁰ кредита и реорганизации сельскохозяйственного управления⁶¹.

Принятый курс на совершенствование инфраструктуры и организации хлебной торговли имел определенные результаты. К 1894 г. в России действовали 9 элеваторов и 117 постоянных хранилищ емкостью 13,5 млн пуд.⁶² К 1 января 1898 г. на 14 железных дорогах было 79 элеваторов вместимостью 19,9 тыс. пуд. и 223 зернохранилища на 15,2 тыс. пуд. Наибольшей их вместимостью отличались железные дороги: Рязано-Уральская — 12,7 тыс. пуд.; Владикавказская — 10,7; Харьковско-Николаевская — 2,2; Юго-Западные — 1,9; Сызрано-Вяземская — 1,9; Московско-Казанская — 1,8; Юго-Восточные — 1,3 тыс. пуд.⁶³

Вероятно, именно создание широкой сети элеваторов и зернохранилищ обезопасило страну от повторения невзгод неурожая 1891 г. Пример тому — сложная ситуация 1897 г. Несмотря на то, что в 1897/98 сельскохозяйственном году среднедушевой остаток хлебов составил всего 1,60 четв., это было не сравнимо с последствиями неурожая 1891 г.⁶⁴ Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов жизненный опыт крестьянства, пережившего страшный голод 1891—1892 гг. По-видимому, в стране имелись скрытые запасы хлеба, оставшиеся от предыдущих урожайных лет. Между тем создание сети элеваторов и зернохранилищ, несомненно, способствовало преодолению резких периодических колебаний хлебной торговли России.

При введении в действие хлебных тарифов в 1889 г. министр финансов Вышнеградский предполагал полностью их пересмотреть спустя два-три года, учтя накопившийся опыт их применения и новые потребности народного хозяйства. Пересмотр планировалось произвести с таким расчетом, чтобы новые тарифы были введены в действие с осени 1892 г. Однако в августе 1891 г. Вышнеградский всеподданнейше докладывал о невозможности приступить к подготовке пересмотра ввиду исключительной ситуации, созданной неурожаем. Важнейшей задачей хлебного тарифного пересмотра в нормальных условиях он считал необходимость облегчить хлебный экспорт путем удешевления провозной платы по железным дорогам. При неурожае, утверждал он, «поощрение вывоза хлеба за границу понижением тарифов могло бы причинить огромный вред». По его мнению, до выяснения размера урожая 1892 г. не было необходимых данных для пересмотра вывозных хлебных тарифов, поэтому его перенесли на 1893 г.⁶⁵

Намеченный пересмотр тарифов осложнялся сильным влиянием на железнодорожные перевозки неурожая 1891 г. Требовалась определенная осторожность при использовании данных этого и следующего годов для разработки новых тарифов. По этой причине было решено взять за основу пересмотра 1893 г. сведения о перевозках хлеба за 1890 г.

Целью тарифного пересмотра была проверка соответствия результатов тарифной реформы 1889 г. задачам общеэкономической политики правительства. Установление льготных и пониженных тарифов на перевозку хлебных грузов и запрещение хлебного экспорта в 1891 г. резко изменили условия как внутренней, так и внешней торговли России. Ее значительно потеснили на западноевропейских хлебных рынках. Поэтому правительство рассматривало пересмотр 1893 г. как возможность предпринять эффективные меры для восстановления и развития российского экспорта⁶⁶.

Таким образом, пережитые в 1891–1892 гг. потрясения экономического и демографического характера стали переломным пунктом в политике правительства. Витте, сменивший Вышнеградского на посту министра финансов, вынужден был отказаться от практики безоглядного форсирования хлебного экспорта и упования на возможность эффективного распределения хлебных запасов в стране при помощи одних только рычагов тарифного регулирования. Гораздо больше внимания стало уделяться вопросам организации внутренней и внешней хлебной торговли, что позволило придать экономическому росту страны более устойчивые темпы.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1889. Т. 9. № 5831.

² См.: История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2000.

³ Подробнее см.: *Слепнев И.Н.* И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте и подготовка железнодорожной тарифной реформы // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в. Сб. к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2017.

⁴ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л., 1972. С. 21–22.

- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 268. Оп. 6. Д. 436. Л. 13–15 об.
- ⁶ Цит. по: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей». С. 23.
- ⁷ См.: РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 3.
- ⁸ *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. М., 2002. Кн. 1. С. 197.
- ⁹ *Вышнеградский И.А., Витте С.Ю.* Соображения министра финансов о восполнении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог. СПб., 1891. С. 45–46.
- ¹⁰ Справка по вопросу о железнодорожных тарифах на перевозку хлебных грузов // Научно-справочная библиотека РГИА. Печ. записка № 2100. С. 21.
- ¹¹ *Вышнеградский И.А., Витте С.Ю.* Соображения министра финансов ... С. 50, 51, 53.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 53.
- ¹⁴ Журналы Тарифного комитета. СПб., 1892. Вып. 1. С. 488. Похожую мысль Витте (будучи уже министром финансов) изложил в своем первом бюджетном докладе Александру III. См.: *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997. С. 28.
- ¹⁵ Журналы Тарифного комитета. Вып. 1. С. 489–490.
- ¹⁶ Там же. С. 492.
- ¹⁷ Там же. С. 495–496.
- ¹⁸ Там же. С. 498.
- ¹⁹ Там же. С. 496, 498.
- ²⁰ *Покровский В.И.* Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т. 1. С. XXXIII.
- ²¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1273. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 1–2. В публикации И.Ф. Гиндина и М.Я. Гефтера, очевидно, вследствие опечатки «Соображения министра финансов ...» ошибочно датированы 1893 г. См.: *И.Ф. Гиндин, М.Я. Гефтер.* Вводная статья. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880–1890-х годах // *Материалы по истории СССР.* М., 1959. Т. 6. С. 124.
- ²³ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 143. Оп. 1. Д. 127. Л. 29 об.–30.
- ²⁴ Там же. Л. 27.
- ²⁵ РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1273. Л. 6 об.–7.
- ²⁶ *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов-н/Д, 1966. С. 162.
- ²⁷ *Раевский М.Н.* Неурожай 1891 года в связи с общей характеристикой нашей хлебной производительности, а также вывоза за границу за предыдущие годы. СПб., 1891. С. 5.
- ²⁸ Цит. по: *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России ... С. 165.
- ²⁹ Там же; РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 202. Л. 11.
- ³⁰ *Покровский В.И.* Сборник статистических сведений ... С. 17, 21.
- ³¹ Подсчитано по: Там же. С. 105.
- ³² Цит. по: *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России ... С. 168–169.
- ³³ Журнал особого Совещания и Тарифного комитета. СПб., 1889. С. 2.
- ³⁴ *Вышнеградский И.А., Витте С.Ю.* Соображения министра финансов ... С. 145.
- ³⁵ О политике И.А. Вышнеградского см.: *Судейкин В.Т.* Замечательная эпоха в истории русских финансов (очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). СПб., 1895. С. 55–106; *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899). Т. 2. Министерство И.А. Вышнеградского. Харьков, 1900; *Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 139–151; Министерство финансов: 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 3–320; *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960; *Laue Th.H.* Sergei Witte and industrialisation of Russia. N.Y.; L., 1963; *Степанов В.Л.* Иван Алексеевич Вышнеградский // *Отечественная история.* 1993. № 4. С. 99–115; *Ананьич Б.В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 387–394; *Степанов В.Л.* Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: Политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // *Отечественная история.* 2004. № 5. С. 49–69; *Степанов В.Л.* Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX — начало XX в.) // *Экономическая история: Ежегодник: 2004.* М., 2004. С. 51–66;

- Степанов В.Л.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнеры и конкуренты // Российская история. 2014. № 6. С. 39–60; и др.
- ³⁶ Беря за основу указанную норму, необходимо иметь в виду, что была тенденция к ее искусственному снижению. В 70-х гг. XIX в. статистический отдел Департамента земледелия основывал свои расчеты на еще более высокой норме годового потребления хлеба — 1,75 четв. См.: *Раевский М.Н.* Неурожай 1891 года ... С. 20.
- ³⁷ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / под ред. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. М., 1897. Т. 1. С. VII. Подробнее о роли Витте в подготовке данного сборника см.: *Дякин В.С.* С.Ю. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. К проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1987. С. 106–127.
- ³⁸ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. С. 62.
- ³⁹ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. М., 1980. С. 116.
- ⁴⁰ Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. С. V.
- ⁴¹ *Ананьич Б.В.* Новый курс ... С. 393.
- ⁴² Цит. по: *Симонова М.С.* Проблема «оскудения Центра» и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х гг. XIX — начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 243.
- ⁴³ *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 98.
- ⁴⁴ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX века) М., 1969. С. 300.
- ⁴⁵ Ставки в 1/100 коп. распространялись на земские хлебные грузы Воронежской, Харьковской, Курской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Казанской, Симбирской, Нижегородской, Вятской, Херсонской, Екатеринославской и Полтавской губерний, а также Елецкого, Ливенского и Малоархангельского уездов Орловской губернии // Журналы Тарифного комитета. Вып. 1. С. 500.
- ⁴⁶ Льготные и пониженные тарифы, установленные на железных дорогах по случаю неурожая 1891 г. СПб., 1891. С. 6.
- ⁴⁷ Там же. С. 24.
- ⁴⁸ ЦГА Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.
- ⁴⁹ Льготные и пониженные тарифы ... С. 21.
- ⁵⁰ Подробнее о деятельности земств по преодолению последствий голода 1891/92 г. и роли железнодорожного транспорта в хлебных перевозках в этот период см.: *Robbins R.* Famine in Russia. 1891–92. The imperial government responds to a crisis. N.Y.; L., 1975.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 6. Д. 3. Л. 18–19 об.
- ⁵² *Измайлов А.* Железные дороги в неурожай 1891 г. СПб., 1895. С. 17.
- ⁵³ *Вендрих А.А.* Отчет по управлению перевозками по железным дорогам в местности, пострадавшие от неурожая. СПб., 1896. С. 5.
- ⁵⁴ *Измайлов А.* Железные дороги в неурожай 1891 г. С. 18. Вместе с тем наблюдалась тенденция к некоторому возрастанию в портах количества грузов, хранившихся в ожидании разрешения на вывоз. Если на 1 декабря 1891 г. на одесских складах находились 42 тыс. пудов, то к 1 марта 1892 г. — 181 тыс. пудов ржи и ржаной муки. См.: *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России ... С. 168.
- ⁵⁵ *Ананьич Б.В.* Новый курс ... С. 394.
- ⁵⁶ *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России ... С. 171.
- ⁵⁷ Цит. по: Там же. В реальности вследствие преодоления аграрного кризиса в начале XX в. проявилась тенденция к росту как российского зернового экспорта, так и доходов от него. См.: *Слепнев И.Н.* Россия на мировом рынке в конце XIX века: зерновой экспорт, внутреннее производство, аграрный кризис (историографическая ситуация и методические подходы) // Многогранный талант историка. Сб. воспоминаний и статей памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2019. С. 322–323.
- ⁵⁸ Там же. С. 167.
- ⁵⁹ *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 76.
- ⁶⁰ Варрантный (гарантированный) кредит выдавался под залог сертификата, подтверждавшего наличие на элеваторе или складе зерна или иных товаров.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 1273. Л. 16–16 об.
- ⁶² *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М., 1988. С. 61.

- ⁶³ Историческая справка к пересмотру Общего Устава российских железных дорог. СПб., 1909. С. 52.
- ⁶⁴ Покровский В.И. Сборник статистических сведений ... Т. 1. С. 7.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 268. Оп. 6. Д. 3. Л. 28–29 об.
- ⁶⁶ Журнал по пересмотру тарифов на хлебные грузы в 1893 году. СПб., 1893. С. 4.

Библиография

- Laue Th.H.* Sergei Witte and industrialisation of Russia., N.Y.; L.: Columbia University Press, 1963. 374 p.
- Robbins R.* Famine in Russia. 1891–1892. The imperial government responds to a crisis. N.Y.; L.: Columbia University Press, 1975. 278 p.
- Ананьич Б.В., Ганелин П.Ш.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1972. С. 12–34.
- Ананьич Б.В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 387–394.
- Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. М.: Наука, 1980. 240 с.
- Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (Конец XIX — начало XX века) М.: Наука, 1969. 394 с.
- Вендрих А.А.* Отчет по управлению перевозками по железным дорогам в местности, пострадавшие от неурожая. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1896. 248 с.
- Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. М.: Наука, 2002. Кн. 1. 608 с.
- Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / под ред. А.И. Чупрова, А.С. Посникова. М.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1897. Т. 1. 604 с.
- Вышнеградский И.А., Витте С.Ю.* Соображения министра финансов о восполнении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог. СПб.: б.и., 1891. 177 с.
- Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.
- Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 368 с.
- Дякин В.С.* С.Ю. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в. К проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Наука, 1987. С. 106–127.
- Журналы особого Совещания и Тарифного комитета по вопросу о выработке общих оснований для урегулирования провозных плат на хлебные грузы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1889. 96 с.
- Журнал Тарифного комитета по пересмотру тарифов на перевозку хлебных грузов в 1893 году. СПб.: б.и., 1893. 33 с.
- Журналы Тарифного комитета. СПб.: Б.и., 1892. Вып. 1. 532 с.
- Золотов В.А.* Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX века. Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1966. 250 с.
- Измайлов А.* Железные дороги в неурожай 1891 г. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1895. 54 с.
- История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2000. 575 с.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX в. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.
- Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1988. 259 с.
- Льготные и пониженные тарифы, установленные на железных дорогах по случаю неурожая 1891 г. СПб.: Министерство внутренних дел, 1891. 77 с.
- Материалы по истории СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 6. 800 с.
- Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899). Т. 2. Министерство И.А. Вышнеградского. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело», 1900. 594 с.

- Министерство финансов: 1802–1902. Ч. 2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1902. 700 с. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В.И. Покровского. СПб.: Деп. таможенных сборов, 1902. Т. 1. 670 с.
- Раевский М.Н.* Неурожай 1891 года в связи с общей характеристикой нашей хлебной производительности, а также вывоза за границу за предыдущие годы. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. 34 с.
- Симонова М.С.* Проблема «оскудения Центра» и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х гг. XIX — начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971. С. 236–263.
- Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987. 254 с.
- Слепнев И.Н.* С.Ю. Витте и железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 г. (К вопросу о балансе предпринимательских интересов и экономической политики) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 20–32.
- Слепнев И.Н.* И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте и подготовка железнодорожной тарифной реформы // Россия и мир в конце XIX — первой половине XX в. Сб. к 85-летию Бориса Васильевича Ананьича. СПб.: Лики России, 2017. 680 с.
- Слепнев И.Н.* Россия на мировом рынке в конце XIX века: зерновой экспорт, внутреннее производство, аграрный кризис (историографическая ситуация и методические подходы) // Многогранный талант историка. Сб. воспоминаний и статей памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / отв. ред. Ю.А. Петров. М: Ин-т российской истории РАН, 2019. С. 313–324.
- Степанов В.Л.* И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте: партнеры и конкуренты // Российская история. 2014. № 6. С. 39–60.
- Степанов В.Л.* Иван Алексеевич Вышнеградский // Отечественная история. 1993. № 4. С. 99–115.
- Степанов В.Л.* Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX — начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник: 2004. М.: РОССПЭН, 2004. С. 51–66.
- Степанов В.Л.* Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: Политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.
- Судейкин В.Т.* Замечательная эпоха в истории русских финансов (очерк экономической и финансовой политики Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского). СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1895. 110 с.
- Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 241 с.

Неклюдов Е.Г.*

Кризис на демидовских заводах в 1909 г.: причины и следствия, оценки и реакции

Аннотация. В статье анализируется финансовый кризис, разразившийся в крупнейшем горнозаводском хозяйстве Демидовых на Урале в 1909 г. Прослежены динамика событий и проявления кризисной ситуации, повлиявшей как на деятельность предприятий Нижнетагильского округа, так и на положение населения. Представлены точки зрения региональных горных властей, заводладельцев и их петербургской администрации, а также заводских служащих и рабочих на причины кризиса и пути его преодоления. Выявлена реакция Министерства торговли и промышленности и Совета министров России на локальный «тагильский» кризис, который отразил общую неблагоприятную ситуацию в горнозаводской промышленности региона. Представлены предпринятые государством и заводчиками меры, позволившие предотвратить углубление финансового кризиса и перерастание его в социальный.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская промышленность, Демидовы, финансовый кризис.

В 1909 г. в уральском имении наследников П.П. Демидова князя Сан-Донато разразился острый финансовый кризис, поставивший действовавшие там горные предприятия на грань банкротства и закрытия, а рабочее население — на порог обнищания и голода. Это произошло в тот момент, когда российская металлургия уже выходила из затяжного экономического кризиса, который охватил ее в самом начале XX в. Кризис был вызван перепроизводством железа и падением цен на внутреннем рынке. Его отложенным проявлением и стал локальный «тагильский» кризис. Он получил широкую огласку, когда министру торговли и промышленности В.И. Тимирязеву поступил запрос из Государственной думы по поводу «хронической» задержки заработной платы рабочим и жалования служащим демидовских Нижнетагильских заводов, что не только нарушало действующее законодательство, но и было чревато обострением социальной напряженности.

В научной литературе встречаются упоминания об этом событии¹, однако комплексного анализа его причин, хода, реакции на него различных участников — от заводских рабочих и служащих до чиновников и заводчиков — еще не предпринималось. Между тем источники позволяют дать многостороннюю характеристику «тагильского» кризиса 1909 г., имевшего жизненно важные последствия для местного социума и отразившего общую неблагоприятную ситуацию в горнозаводской промышленности Урала.

Демидовское имение в то время представляло собой один из крупнейших в стране промышленных комплексов, состоявший из двух взаимосвязанных частей. Одна включала Нижнетагильский горнозаводский округ в Верхотурском уезде Пермской губернии в составе восьми металлургических заводов, нескольких крупных рудников (в том числе железный Высокогорский и Меднорудянский), многочисленных золотых и платиновых приисков. На посессионном

* Неклюдов Евгений Георгиевич — доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, ntplant9@mail.ru.

праве округу принадлежали около 620 тыс. дес. земли с лесными массивами, где шла заготовка древесного топлива; горнозаводское население насчитывало 43 622 «наличные души». Это хозяйство, по оценке специалистов, было самым богатым на Урале и еще вполне перспективным, несмотря на то, что действовало уже около полутора веков. Другую часть имения составлял Луньевский горнозаводский округ, приобретенный П.П. Демидовым в 1884 г. у наследников Н.В. Всеволожского. Округ располагался вдали от Нижнетагильского — в Соликамском уезде Пермской губернии и соединялся с ним железной дорогой. Там действовали два металлургических завода и Луньевские каменноугольные копи. Площадь округа вместе с Усьвенской лесной дачей достигала 205 тыс. дес., состоявших на праве собственности.

Владельцами всего этого имения выступали представители седьмого и восьмого поколений известного рода заводчиков Демидовых, принадлежавших к ветви знаменитого Акинфия Никитича Демидова и его сына Никиты. В 1896 г. они организовали семейно-паевое товарищество. К началу 1909 г. его участниками оставались братья Е.П. Демидов, П.П. Демидов-мл. (умер в апреле того же года) и А.П. Демидов, их сестры — княгиня М.П. Абамелек-Лазарева и Е.П. Павлова, а также наследники скончавшейся в 1904 г. графини А.П. ди Ногеры: ее малолетние сыновья от первого брака — Павел, Сергей и Николай Карагеоргиевичи, муж граф Н. ди Ногера и малолетние дети от второго брака — Альберт, Дживовани, Амедео и Елена ди Ногера. В Санкт-Петербурге располагалось правление имениями наследников П.П. Демидова, состоявшее из наемных специалистов во главе с председателем А.Н. Ратьковым-Рожновым (в правление входил и старший наследник Е.П. Демидов, служивший в то время чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел). Правление занималось продажей металлов и финансовыми операциями заводов. Непосредственное управление промышленным комплексом осуществляло Главное нижнетагильское заводоуправление, которому подчинялись конторы, действовавшие при каждом предприятии².

В ходе инициированного министром следствия выяснилось, что задержки заработной платы начались на заводах еще в 1907 г., но благодаря торговой лавке Общества потребителей (снабжала рабочих в счет их заработка «предметами первой необходимости» по таксе, утвержденной местным представителем горного надзора окружным инженером Л.Г. Кихлером) они «особенного неудовольствия рабочих не вызывали». Как впоследствии отмечали представители рабочих, «имевшие сбережения от доброго старого времени начали расходовать эти сбережения, а неимущие пробивались кредитом, который был открыт им в это тяжелое время Обществом потребителей в усиленном размере». Однако в январе 1908 г. лавка, не получая от заводоуправления долгов за товары, отпущенные рабочим в кредит, «вынуждена была отказать в дальнейшем отпуске». В то же время «расчеты по заработной плате стали еще неаккуратнее», в результате чего сложилось критическое положение, при котором рабочие «не могли получить платы ни деньгами, ни припасами».

С санкции пермского губернатора А.В. Болотова окружной инженер разрешил снабжение рабочих «по справкам заводоуправления» (на заводах их называли «талоны» или «купоны») из частной лавки местного купца А.О. Лошкаре-

ва, предупредив его, что «в случае хотя бы одной жалобы рабочих на отпуск им плохого товара», он немедленно отзовет свое разрешение. Однако Л.Г. Кихлер проживал в далекой от Тагила Кушве и лишь иногда приезжал на демидовские заводы, поэтому не смог наладить действенный контроль. Как утверждали представители рабочих, тогда на всех заводах округа получила распространение «обширная талонная операция», к которой примкнули многие другие торговцы. Сначала, «будучи увлечены перспективой большого оборота и возможностью сбыть залежавшиеся товары», они «охотно и наперебой друг с другом отпускали товары по талонам», исходя из номинальной стоимости этих суррогатов, фактически заменивших деньги. Но по мере того, как заводоуправление и с торговцами стало расплачиваться не деньгами, а векселями, они не только ограничили отпуск товаров по талонам, но и «стали практиковать скидку», в результате чего «служащие и рабочие теряли значительную часть заработанных своим трудом денег». На заводах появились спекулянты и «подделыватели» талонов, «обнаружить которых было весьма затруднительно»³.

В марте, когда «положение стало еще тяжелее», Кихлер уже напрямую обратился в Петербургское правление, прося А.Н. Ратькова-Рожнова лично приехать на заводы и «удовлетворить рабочих расчетом». В ответ было получено уведомление о том, что правление «принимает все меры <...> для чего необходимо присутствие председателя в столице». Лишь после того, как «депутация от рабочих» вместе с окружным инженером побывала в Петербурге и «настоятельно потребовала восстановить нормальные расчеты», к празднику Пасхи на заводы поступили около 300 тыс. руб., что несколько разрядило сложившуюся ситуацию, но не устранило ее причин. «В настоящее время, — сообщал инженер в начале следующего 1909 г., — положение Нижнетагильских заводов остается прежним, а из Петербургского правления идут лишь большие обещания и незначительные переводы денег, нисколько не улучшающие состояние дел». «Весь трагизм положения, — сокрушался впечатлительный чиновник, — заключается в том, что окружной инженер, видя тяжелое и безвыходное положение рабочих, должен вместе с тем сознавать свое полное бессилие изменить и облегчить его, т.к., предъявляя требование уплаты сотен тысяч рублей заработка, он должен стучаться буквально в закрытый карман управления»⁴.

Вместе с тем Кихлер не мог не отметить, что деятельность заводов в эти тяжелые годы не прекращалась. Так, в 1908 г. были выплавлены 3 733 тыс. пуд. чугуна и 113 тыс. пуд. меди, выделаны 1 862 тыс. пуд. различных сортов железа, добыты 6 пуд. 16 фунтов золота и 40 пуд. 24 фунта платины. Хотя производительность предприятий снизилась по сравнению с докризисным временем примерно на четверть, тем не менее, ценность даже этого количества «выработанных продуктов» выражалась в немалой сумме — около 9 млн руб. «И такое-то огромное и богатейшее имение, — вслед за окружным инженером удивлялись чиновники Уральского горного управления, — дало прибыли <...> в 1906 г. — 169 тыс. руб., в 1907 г. — 170 тыс. руб., а в 1908 г. — не только не последовало прибыли, но <...> дало значительный убыток»⁵.

Оказалось, что на всем имении Демидовых (по балансу на 1 января 1909 г.) числились 7 651 тыс. руб. ипотечного долга (по залогу части имения в Нижегородско-Самарском земельном банке в 1903 г.). Недоимки по горной подати

составляли 634 тыс. руб., а по земским сборам — 350 тыс. Долг рабочим, служащим и частным торговцам достиг 805 тыс. руб., и еще около 560 тыс. руб. заводы задолжали «по разным другим неоплаченным обязательствам», которые в целом составили около 10 млн руб. По свидетельству главного начальника уральских заводов П.П. Боклевского, которому министр поручил составить отзыв на запрос депутатов, «не имея нисколько оборотного капитала, заводы давно уже жили только залогом металлов и полупродуктов в Государственном и частных банках, все более и более запутывая свои денежные дела и расчеты». Он прогнозировал дальнейший рост долга перед рабочими и возможную остановку предприятий к осени 1909 г. «Такая перспектива, — констатировал руководитель региональной горной администрации, — отлично сознается не только заводоуправлением, но и всеми служащими и рабочими, находящимися в крайне удручающем положении». Однако даже в такой ситуации рабочие вели себя «весьма благоразумно, не производя никаких демонстраций и беспорядков». Они лишь «ежедневно приходили группами со всех заводов в главную контору и неотступно просили о расчете за истекшее время и, особенно, о принятии мер к тому, чтобы им не остаться совсем без работы в будущем». Необходимо заблаговременно позаботиться о том, полагал Боклевский, чтобы «население не осталось совершенно на произвол судьбы и под влиянием злонамеренной агитации, которая не преминет воспользоваться озлоблением, всегда вызываемым безработицей, чтобы сеять смуту». «Царящее теперь благоразумие и спокойствие, — предупреждал он, — легко может смениться противоположным настроением»⁶.

В своем отзыве Боклевский выделил целый комплекс причин, вызвавших, по его словам, «упадок богатейшего округа, дававшего миллионные доходы в течение многих десятилетий». К первой группе он отнес «общие причины, стоящие вне власти местных деятелей <...> экономические затруднения последних лет», которые привели к «упадку всей промышленной жизни России и сильнейшему затяжному кризису в железной промышленности с чрезвычайно резким падением цен и в то же время сокращением потребления». К этому присоединились «новые бедствия для Урала»: засушливое лето 1907 г., вызвавшее «сильный неурожай не только хлебов, но и трав», многоснежная зима 1907/08 г. и дождливое лето 1908 г., затруднившие гужевые перевозки. Однако эти причины, полагал главный начальник, «относились к категории случайных неблагоприятных обстоятельств» и касались почти всех уральских заводов, «перенесших те же невзгоды, но не дошедших до такого упадка».

«Несравненно более губительное значение» имели «коренные причины, лежавшие в самой постановке дела» в демидовском имении. К второй группе Боклевский отнес некомпетентность не только владельцев, «весьма мало осведомленных в положении заводской жизни и деятельности» и «требующих только доходов в привычном размере», но и их Петербургского правления, которое «свои прямые обязанности выполняло крайне неудовлетворительно»⁷. Доказательством последнего утверждения стало «оставление заводов не только без запасного, но даже и оборотного капитала», при этом полученная ипотечная ссуда, обременявшая заводы (ее обеспечение требовало ежегодно более 700 тыс. руб.), «неизвестно куда была израсходована». Вместо того чтобы «огра-

ничиться только властью ревизионной, — добавлял он, — <...> Правление стремилось издалека распоряжаться ходом заводского дела, парализуя инициативу и свободу местной администрации». При такой ограниченной компетенции и отсутствии оборотных средств окружное управление «вело дело крайне нехозяйственно» и вынуждено было «все внимание сосредоточить на приискании источников денежных средств и успокоении кредиторов и рабочих». «Думать о технике, хозяйстве и правильном распределении работ» было некогда, поскольку «все заботы направлялись лишь на то, чтобы вся эта громадная махина хоть как-нибудь продолжала бы двигаться и не остановилась совсем». «Я не говорю о личных качествах главных деятелей, — уточнял свою позицию главный начальник, — быть может, они тоже оставляют желать многого, но будь хоть о семи пядей во лбу, а при таком положении дела никто не справится». При этом «второстепенные служащие, непосредственно руководившие работами, были сильно деморализованы всей той обстановкой, в какой им приходилось действовать», а это в свою очередь вело к падению трудовой дисциплины и производительности труда при сохранении «несообразно высоких сдельных плат». К особой группе «неблагоприятных условий» Боклевский отнес «огромный избыток рабочих, всех природных местных обывателей, число которых вдвое, если не втрое, превышало количество действительно необходимых при современных условиях производства рабочих рук <...> Все это население, естественно, не желает покидать свои дома и земельные угодья, все считают себя вправе требовать работы на заводах, и заводоуправлению приходится в силу исконных традиций, как остатка крепостного права, серьезно считаться с этим требованием, очень тяжело отражающемся на правильном ходе работ»⁸.

Анализ причин «тагильского» кризиса приводил главного начальника к заключению о необходимости крупных внешних инвестиций, достигавших 10 млн руб. Менее значительная помощь от государства, которую уже получали Богословский, Катавский, Кыштымский и Холуницкий горнозаводские округа, ранее Нижнетагильского оказавшиеся в подобном же положении, по оценке специалиста, «благодетельных результатов» не принесла и «только напрасно обременила заводы новыми долгами, которые редко удавалось возратить казне». Указанной же немалой суммы, по подсчетам, опиравшимся на предложения окружного управления, должно было хватить на масштабную реконструкцию заводов, рудников и приисков, а также на оплату «кричащих долгов». Однако, поскольку ни Демидовы, ни их правление не имели таких средств и «не были в состоянии собственными силами вывести заводы из их настоящего безотрадного положения», Боклевский предложил провести акционирование и организовать даже не одно акционерное общество, «общее для всего предприятия», а несколько — «по каждой отдельной отрасли окружного хозяйства». Самостоятельные общества можно было бы создать по железному, медному, каменноугольному и золотоплатиновому производствам, а связующим звеном, «регулирующим взаимное соотношение между отдельными предприятиями», могло бы выступить «главное общество, оставляющее у себя земельно-лесное хозяйство». «Акционерная форма дела, — полагал главный начальник, — дала бы возможность получить необходимые денежные средства, поставила бы владельцев в нормальные отношения к их имуществу, которым сами они не в со-

стоянии правильно и целесообразно распоряжаться, избавила бы главноуправляющего от невыполнимой обязанности непосредственно руководить во всех подробностях столь многообразными специальными отраслями». Понимая, что посессионный статус Нижнетагильского округа не допускал раздробления составных частей заводского имущества, главный начальник предложил при акционировании передать часть акций казне и «бессрочное право посессии превратить в срочное право концессии».

Однако как опытный администратор Боклевский знал, что акционирование не могло быть проведено принудительно, а «современное Правление заводов более чем вероятно не согласится на предложенную меру». Если бы так и произошло, он предлагал «оставить Тагильский округ без всякой правительственной денежной поддержки и допустить дело до учреждения администрации», т.е. до банкротства и введения кредиторского управления. Подобный опыт уже пережил другой крупный уральский округ — Богословский, когда, по замечанию главного начальника, «отказ в дальнейшей правительственной поддержке вызвал самодеятельность, и теперь дела округа серьезно поправляются»⁹.

Прогнозируя реакцию владельцев и Петербургского правления, главный начальник был недалек от истины: центральное демидовское управление рассматривало в то время другие варианты решения финансовых проблем и сохранения владения округом в руках Демидовых. Оно, в частности, не исключало продажу права разработки наиболее ценных платиновых приисков, «дававших на рынок $\frac{1}{3}$ мировой потребности», и даже уже получило предложение о покупке от французской компании. Однако, писали члены Петербургского правления в «объяснительной записке» к ходатайству, поданному министру финансов В.Н. Коковцову еще в декабре 1908 г., «при вынужденной срочности продажи получить справедливую оценку будет затруднительно, и придется продавать платиновое дело по цене униженной и на условиях, имеющих затруднить общее заводское дело, а также и интересы населения округа».

«Владельцы еще не остановились на решении, произвести ли эту тягостную и несправедливую для всей истории дела операцию, пытаясь удержать другие отрасли производства в своих руках, или же идти на путь ликвидации в иностранные руки всего дела», — сообщали члены правления, надеясь, что на помощь «двухсотлетнему уральскому демидовскому делу» поспешит «отечественная казна». Вместо продажи владельцы и правление просили государственную ссуду в размере 4 млн руб. «на условиях необычных и внеуставных», т.е. в срочном порядке и с обязательством погасить ее в течение пяти лет «путем ежегодных отчислений 25% валового дохода, получаемого от платины»¹⁰.

Для обоснования столь необычной просьбы необходимо было привести и особые аргументы. В первую очередь следовало доказать перспективность «демидовского дела» и случайность наступившего его кризиса. «Главная задача Правления <...>, — отмечалось в “объяснительной записке”, — заключается в ясности доказательств, что затруднения носят характер временный и что дело Тагильское — дело здоровое, основанное на могучих запасах ископаемых и материалов, правильное и удачное производство продуктов из которых затрудняется в силу целого ряда причин, частью независимых от воли владельцев и Правления, частью же может быть приписано вине тех и других, как относив-

шихся иногда слишком широко и недостаточно расчетливо к составу, численности и требованиям рабочего населения, превышающего необходимую для эксплуатации норму и не выполняющего с должною добросовестностью своих обязанностей». Указав на главное из своих «упущений», владельцы и администраторы самокритично добавляли, что «в их системе управления и заводоуправления есть еще существенные недочеты, исправление которых признается первой и главнейшей задачей».

Приведенные в ходатайстве данные показывали, что за десятилетие (1896–1905) ежегодная прибыль всего имения «выражалась в округленной сумме 1,5 млн руб.», из которой на совершенствование технического оборудования заводов и промыслов направлялось до 600 тыс., а залог, совершенный в 1903 г. в ипотечном банке, был вызван необходимостью консолидировать накопленные за прежние годы долги и потому не принес дополнительных средств. «Не будь встречных, вне воли Правления, явлений, которые глубоко потрясли как само дело, так и все расчеты», хозяева не сомневались, что и последующие годы были бы столь же доходными, как и предыдущее десятилетие. «Резкие изменения в ходе дела и в балансе наступают первый раз <...> с 1906 г. и особенно ярко проявляются в дефиците 1907 г., отражающемся на операционном 1908 г. и наступающем 1909 г.», — свидетельствовали члены правления. Они подсчитали, что перерасход средств за это время, «находящийся в связи по преимуществу с рабочим движением в округе и одновременно с неблагоприятными стихийными условиями», достиг «не постепенно, а в короткий срок» 3,5 млн руб. Он «поглотил все прибыли и парализовал вместе с тем и все усилия Правления удержать дело в свободном положении, исключаяем необходимость прибегать к займу в размере 4 млн», с помощью которого можно было бы «возвратить изъятый из оборотных средств капитал и <...> вновь поставить дело на прочное начало». «Из истории дела видно, — утверждали члены правления, — что не личные расходы владельцев повлияли на затруднительное состояние в данный момент, а условия, лежащие глубже, вне их воли и переживаемые всею горнопромышленностью»¹¹.

Дополняя сведения главного начальника уральских заводов, владельцы и Петербургское правление акцентировали внимание на тяжелых для заводского бюджета последствиях забастовок в 1905–1906 гг. на Нижнетагильском и Выйском заводах, Высокогорском, Меднорудянском рудниках и Луньевских коях. Указывалось на «упадок дисциплины в среде рабочих и ухудшение технических результатов, обусловленных понижением качества и добросовестности в исполнении работ», «на уменьшение числа рабочих часов и <...> повышение до 50% заработной платы», на что вынуждены были пойти владельцы под натиском рабочего движения. Они сообщили также о хищениях платины, достигших в те годы примерно 40 пуд., что было равносильно убытку в 1 млн руб. Существенно затрудняло функционирование топливной отрасли заводского хозяйства и завершавшееся землеустройство населения. Оно «стесняло выбор лесосек, вследствие споров населения и в конечном выводе изымало из пользования заводов 290 тыс. дес. <...> что уменьшало лесную площадь, а ее удаление от заводов отражалось на качестве сгораемого топлива и его стоимости, т.е. на цене всего производства».

Сокращение же оборотных средств вынуждало «продавать свои продукты дешево, если за них уплачивают наличными, и покупать товары дорого или худ-

шего качества, если их можно получить в кредит, в результате чего получилось сокращение дохода и усиление расхода к невыгоде самого дела». Те же причины вынудили отказаться от капитального ремонта оборудования, следствием чего явилась насущная необходимость «значительных единовременных затрат на эти ремонты». Хозяева округа обещали 2 млн руб. из запрашиваемой казенной ссуды употребить на переоборудование заводов в течение трех лет и на приобретение драг в расчете довести добычу платины до 150 пуд. в год. Планировалось также развивать новую лесозаготовительную отрасль во владельческом Луньевском округе (там, в отличие от посессионного Нижнетагильского округа, Демидовы могли заниматься торговлей лесом), построить в Перми лесопильный завод и пристани.

В течение трех лет правление обещало исправить свой самый значимый «недочет» и существенно, что особенно важно, «без предварительных затрат» сократить «лишних рабочих». Дело в том, что себестоимость продукции уральских заводов, использовавших собственное сырье и топливо, почти полностью слагалась из заработных плат, что и делало сокращение количества рабочих или их заработка основными способами снижения высоких издержек производства. По мнению правления, это «могло быть достигнуто легко и без потрясений при сознании самими рабочими необходимости этих сокращений для дела и для их собственной пользы». Основанием для такого предположения служило скорое завершение землеустройства населения, которое как государством, так и заводчиками рассматривалось в качестве компенсации за потерю работы¹². По подсчетам Боклевского, размер земельного и лесного надела на наличную душу составил бы в округе в среднем 7,3 дес., что превышало установленную законом высшую норму. Уже в 1909 г. планировалось за счет сокращений получить до 900 тыс. руб. экономии и направить освободившиеся средства на те мероприятия, которые «требовали предварительных затрат», в частности, на замену устаревшего кучного способа выжига угля печным, на применение новых видов топлива (каменный уголь, торф) и проч. Оставшиеся от ссуды 2 млн руб. «обращались на прочное устройство финансового положения», т.е. на уплату срочных долгов, включая «недоимки рабочим и служащим».

После осуществления преобразований в течение пяти лет владельцы и правление обещали увеличить доход всего хозяйства до 2,5 млн руб., что стало бы гарантией от повторения подобных кризисных ситуаций в будущем. «Всемерное напряжение усилий Правления и владельцев, съехавшихся для устранения затруднений и осуществления проектируемых реформ, будет иметь за собою твердую почву, если кредит будет разрешен», — обещали ходатаи. Они предлагали в обеспечение ссуды предоставить тагильские платиновые прииски «как наиболее ценный и верный по устойчивости добычи и цене продукт», а также изъявили «готовность принять иные возможные способы контроля и обеспечения, которые будут признаны правительством необходимыми и выполнимыми»¹³.

Между тем в отсутствии денег и в ожидании ответа от министра, Петербургское правление решилось лишь на замену управляющего округом: вместо горного инженера Г.А. Маркина был назначен инженер-механик Н.А. Спижарный. По свидетельству Л.Г. Кихлера, хотя рабочие «уже давно не придавали никакой веры обещаниям Петербургского правления», приезд нового управляющего в конце

февраля 1909 г. подал им надежду на скорейшее возвращение долгов. О том же писали и уполномоченные тагильских рабочих и служащих: «Всякий отлично понимал, что без денег теперь положительно в заводах делать нечего»¹⁴.

Однако ожидания не оправдались: Спизарный приехал «без копейки денег». В финансовом плане он «получил полномочие лишь на выдачу на 40 тыс. руб. векселей для распределения по потребительским лавкам, дабы восстановить на некоторое время кредит». Был также заключен договор с купцом И.Ф. Уткиным на «беспереывную доставку» муки, перебои с которой уже случались на заводах. На самом современном в округе Нижнесалдинском рельсопрокатном заводе рабочие, встретившие управляющего «общим всей толпы криком: “Денег, денег, денег!”», услышали от него весть о том, что завод вскоре может остановиться ввиду неполучения нового казенного заказа на рельсы. Управляющий даже предложил рабочим «ходатайствовать перед петербургскими властями об ускорении дачи заказа».

Рабочие составили соответствующую телеграмму на имя председателя Совета министров П.А. Столыпина. Но, свидетельствовал Кихлер, «после общего обсуждения <...> решили, что забота о снабжении завода нужной работой должна остаться на обязанности самого управления, и составили другую телеграмму, где вместо просьбы о предоставлении заказа, просили поддержать их дальнейшее существование и обязать господ Демидовых произвести расчет рабочим за прошлое выработанное время и впредь производить правильные двухнедельные расчеты». Тогда же рабочие Выйского медеплавильного завода, входившего в состав округа, обратились за помощью к пермскому губернатору, «видя в отсутствии денег <...> несостоятельность Демидовых». Как свидетельствовал окружной инженер в марте 1909 г., «в настоящее время <...> денег в кассе нет, торговцы, отпускавшие ранее товары рабочим по талонам заводоуправления, не получая денег, прекратили отпуск товаров, и талоны обращаются лишь среди мелких торговцев, которые, пользуясь безвыходным положением рабочих, учитывают талоны <...> с удержкою от 20 до 30 % стоимости». Для контраста к своему рапорту главному начальнику он приложил телеграмму, полученную из Петербурга, в которой члены правления заверяли, что «у заводоуправления и в среде некоторых служащих сложилось превратное представление о положении дела в преувеличенно мрачном виде». «Интересы служащих и рабочих не страдают и будут, хотя и с опозданием, удовлетворены сполна, равно как и все заводское действие усилиями владельцев и Правления <...> имеет быть восстановлено в надлежащий порядок», — обещали хозяева. При этом в заключение они отметили, что «надеются на полное спокойствие и энергию заводоуправления»¹⁵.

Как оказалось, целью нового управляющего была не только очередная попытка успокоить людей обещанием денег. Уполномоченные сообщали, что он «привез с собой <...> программу своего управления, посредством которой рассчитывал поправить заводские дела». Программа заключалась в «сокращении штатов служащих и рабочих и сбавке плат», а также той части накладных расходов, которые в отчетах назывались «попечительские». Это были те самые «реформы, не требовавшие предварительных затрат», о которых упоминалось в «объяснительной записке» Петербургского правления.

На первом же совещании нового управляющего с инженерами было предложено возобновить действие Выйского завода после окончания ремонта на руднике. При этом рабочие должны были согласиться на сокращение оплаты труда «с таким расчетом, чтобы медь производилась <...> по цене, близкой к нынешней рыночной стоимости», упавшей за последние два года с 22 до 11,8 руб. за пуд. Сокращение заработной платы предстояло также осуществить и «по всем отделам железного производства на всех заводах округа». Опасаясь последствий массового увольнения рабочих, заводоуправление пыталось пока ограничиться уменьшением расценок за работы, что в тех условиях только и могло сразу снизить себестоимость продукции и поднять рентабельность производства. Однако вскоре начались и сокращения. Уполномоченные констатировали: «Рабочие увольняются большими группами, объявлена сбавка плат; закрыт приют для сирот имени Авроры Карловны Демидовой¹⁶, существовавший много лет; объявлено о прекращении пособия на содержание местного горнозаводского училища, которое в нынешнем году справляет 200-летний юбилей своего существования и которое так долго снабжало заводы дешевыми техниками».

Понятно, что такие меры не вызывали энтузиазма у населения. «Безотрадно положение увольняемых рабочих, — писали уполномоченные. — Почти исключительно местные жители, оставшись неожиданно без работы, они положительно не видят никакого выхода, не знают, что будет с ними и их семьями. Многие из них могли бы заняться старательскими работами по добыче золота и платины, но заводоуправление взимает за это солидную арендную плату, и они боятся рисковать, т.к. результаты работ старателя находятся в зависимости не от интенсивности труда, а основаны на слепом счастье. Добыча ископаемых воспрещается без арендной платы даже на собственных покосах мастеровых, т.к. землеустройство у нас не закончено и наделы не отграничены». «Печальные события отражаются на всей экономической жизни округа, — добавляли они, — на промышленных и ремесленных заведениях, на торговле, словом, на всем громаднейшем окружном населении, существование которого находится в прямой зависимости от благосостояния заводов»¹⁷.

«Сознавая весь ужас надвигающегося бедствия и не видя никакого иного выхода», рабочие и служащие в конце апреля 1909 г. вновь уполномочили своих представителей (Ф.И. Кларка, Г.З. Лаломова и Н.М. Евдокимова) «ехать в Петербург и ходатайствовать перед правительством о принятии неотложных решительных мер <...> и организации дела на новых началах». Эти меры должны были гарантировать «населению предоставление непрерывной работы в той области труда, в которой уральский рабочий, по условиям своего быта и оседлости на исключительно благоприятной для этого труда территории, единственно может быть полезен отечеству».

Вначале представители посетили Петербургское правление, где их вновь «пытались утешить надеждами на получение в дело капиталов» и даже читали им «проект договора с французскими капиталистами, по которому предполагалось привлечь будто бы в дело 10 млн руб.» Но уполномоченные, «зная уже по опыту цену всем подобным миллионным проектам Правления, остерегались верить в возможность осуществления этого проекта и имели основание считать его таким же мыльным пузырем, как и все предшествующие». Они направили

министру торговли и промышленности В.И. Тимирязеву отпечатанную еще в Тагиле обширную «докладную записку». В ней был представлен взгляд на причины кризиса и пути его преодоления, исходивший от «многочисленного трудового населения округа», включая и служащих, хорошо информированных о состоянии дел на заводах и сильно обиженных на своих работодателей. Главными виновниками кризиса они однозначно назвали Демидовых. Заводовладельцы, «усыпленные той легкостью, с которой плыли им в руки <...> громадные барыши», по оценке авторов записки, «не заглядывали в глаза будущему», не смогли вовремя сориентироваться в наступившее «время конкуренции и падения цен на железо» и провести «капитальное переоборудование заводов». Вместо того, чтобы «усилить капитал предприятия», отмечалось далее, Демидовы «ухитрились» за последние 12 лет получить 4 040 тыс. руб. «в счет текущих и будущих дивидендов»¹⁸. Правда, констатировали уполномоченные, за это же время 6 439 тыс. руб. были «употреблены на новые постройки», но средства эти «приобретались посредством займов» и шли не столько на переоборудование заводов, сколько на «замену старых заводских корпусов новыми». Единственной «заслуживающей внимания постройкой» ими признавался рельсопрокатный завод, названный специалистами образцовым. В то же время нерациональным они сочли возведение «громаднейшего центрального магазина для склада железа» вблизи станции «Тагил» Пермской железной дороги и вдали от узловой станции заводской дороги, соединявшей предприятия округа.

«Безалаберность» хода реконструкции являлась, по мнению уполномоченных, следствием частой смены управляющих — «явления за последние годы хронического». Мало того, что это «сыграло обратную роль и отразилось весьма вредно на деле», назначаемые из Петербурга «совершенно новые люди <...> попадая на теплое место по различным протекциям, оказывались или аферистами, или просто негодными для заводской службы». Ярким примером стало приглашение «под видом профессора геологии <...> лица с громадным окладом жалованья, для производства разведок меди». Однако «этот господин не только не нашел никакой меди, но оказался тяжело больным человеком (алкоголиком) и причинил столько хлопот заводоуправлению, что понадобилось вмешательство властей, дабы возможно скорее покончить с ним расчеты и выдворить из заводов». Другое важное мероприятие — реорганизацию счетного дела — поручили провести главному бухгалтеру, «командированному на заводы с огромным окладом жалованья». Но в итоге все свелось к увеличению документооборота и штата счетоводов. Особенно критиковали введенную тогда «конфиденциальную систему оплаты», при которой оклад «значительных служащих» держался в тайне. «Не говоря уже о нравственном влиянии такой системы на служащих, получающих украдкой от других вознаграждение за свой труд, — возмущались уполномоченные, — легко представить себе, какую путаницу вносила в счетоводство эта конфиденциальная система выдач». «Поражали своим несоответствием» и размеры окладов новых администраторов, назначаемых из Петербурга. Например, приглашенный заведующий меднокотельного завода «получал вознаграждение больше, чем была сумма, производимая всему штату служащих и рабочих этого завода». «Мы могли бы привести здесь еще целый ряд примеров безалаберного и бесхозяйственного ведения дела Демидовыми, — писали

осведомленные уполномоченные министру, — но имеем основание думать, что причины, приведшие Нижнетагильские заводы в совершенный упадок, в достаточной мере известны Вашему превосходительству через посредство местных уральских органов министерства»¹⁹.

Единственным выходом, вытекающим из такого анализа причин кризиса, являлось «устранение» Демидовых. Это предлагалось сделать признанием их либо «неправоспособными посессионерами», либо банкротами. В первом случае для лишения владельцев права на посессионные земли уполномоченные просили об издании особого закона и введении временного казенного управления на «промежуточный период», когда Демидовы «будут отрешены от владения заводами, но не будет еще налицо новых предпринимателей или еще не будут изысканы способы и условия передачи им пользования заводами». Если бы «применение этого способа встретило непреодолимые препятствия», они сочли необходимым «предъявление массовых исков со стороны всех кредиторов», включая государство, с целью признания владельцев «несостоятельными должниками» и учреждения казенного управления для того, чтобы не допустить остановки заводов. При этом не исключалась и возможность оставления заводов в казенном владении. «Нижнетагильский округ по естественным условиям, обилию полезных ископаемых и горючего материала, дешевых сравнительно рабочих рук нуждается только в одном факторе производства — капитале», — заявляли уполномоченные. Они не сомневались в том, что найдутся «энергичные предприниматели-капиталисты», которым казна «всегда будет иметь возможность передать заводы <...> на праве собственности или аренды, или иной формы владения <...> и даже частями при разделе округа по роду производства». Кроме этих административных мер, необходимо было «немедленно испросить в законодательном порядке» 800 тыс. руб. на уплату долгов рабочим и служащим и затем выделять еще по 200 тыс. руб. ежемесячно «на пособие безработным и нуждающимся рабочим и служащим». Одновременно требовалось завершить землеустройство населения, которое, «хотя и не решало для населения вопроса о возможности существования, тем не менее, являлось вопросом большой важности»²⁰.

Судя по имевшейся информации, в правительстве рассматривались все изложенные выше предложения о дальнейшей судьбе демидовских заводов. Есть даже сведения о том, что не исключались учреждение казенного управления или передача посессионного Нижнетагильского округа во владение казны «за справедливое вознаграждение» (как это происходило в те же годы с еще одним «проблемным» горнозаводским имением на Урале — Холуницким округом признанного «несостоятельным должником» И.А. Поклевского-Козелл²¹). В частности с такими предположениями выступил В.И. Тимирязев на заседании Государственной думы 29 апреля 1909 г.²² Возможно, оно было следствием полученной Тимирязевым «докладной записки» от тагильских рабочих и служащих. Однако принятие таких ответственных мер, требовавших санкции императора и законодательных органов, было отложено ввиду острой необходимости предоставления первоочередной финансовой помощи населению.

Получив первые известия о «тагильском» кризисе от окружного инженера и главного начальника, центральные и региональные власти еще в конце марта

1909 г. откликнулись на происходившие в округе события. Министр финансов разрешил увеличить на 250 тыс. руб. норму кредита Нижнетагильским заводам по залому металлов в Екатеринбургском отделении Государственного банка, ранее установленной в размере 2 млн руб.; 180 тыс. руб. планировалось перевести на счет заводов из «специальных средств», находившихся в распоряжении пермского губернатора. Обе суммы предназначались исключительно для расчета с рабочими и для продовольственной помощи тем, кто в ней нуждался. Были организованы комиссии в Нижнем Тагиле и Нижней Салде с участием окружного инженера, местных земских деятелей, полиции и представителей общестственности, которые должны были составить списки нуждающихся семей и организовать распределение помощи. Но на первых же заседаниях комиссий в конце марта — начале апреля выяснилось, что положение с продовольствием не было критическим. «Голода нет, и для выдачи пособий время не наступило. Рабочие имеют хлеб от заводоуправления и будут иметь его впредь до остановки заводов», — рапортовали члены комиссий. Приглашенный на одно из совещаний главноуправляющий Н.А. Спизарный пояснил, что увольняемых рабочих рассчитывают полностью. Если и остаются не получившие полного расчета, то потому, что «заводоуправлениями не все еще закончены списки». Окружной инженер при этом уточнил, что рабочие получали расчет «не деньгами, а хлебом», который поставлял под залог металлов купец И.Ф. Уткин. Этот торговец обещал и далее заниматься поставками муки «до тех пор, пока управление заводами будет постепенно выкупать у него заложенные в обеспечение муки металлы». Однако «ввиду неопределенности и случайности денежных поступлений» управляющий не смог дать такого обещания. Он предложил устроить на заводах временные склады хлеба и использовать для этого деньги, полученные от губернатора. С этим согласились и другие участники совещаний, полагая, что в таком случае помощь можно будет оказывать своевременно. «Если полная остановка заводов произойдет летом, — полагали члены комиссий, — рабочие смогут найти себе заработки и пропитание на стороне; если же остановка произойдет осенью или зимой, то, несомненно, для рабочих наступит столь тяжелое положение, что необходимо будет немедленно прийти им на помощь»²³.

Информация из Тагила оперативно поступала в Санкт-Петербург не только от местного горного начальства, но и от заводских рабочих, направлявших туда свои частные просьбы о помощи по мере того, как прекращалась деятельность предприятий. Уже в марте были «приостановлены на неопределенное время» доменная и мартеновская печи Нижнетагильского завода и доменная печь в Нижней Салде. В мае «за неимением горючих материалов» закрылись Висимо-Уткинский, Висимо-Шайтанский, Лайский, Черноисточинский и Антоновский заводы, вскоре прекратились работы и на Высокогорском руднике (всего по приблизительным подсчетам временно без работы осталось тогда 54% заводских и рудничных рабочих).

На фоне нараставшего кризиса 17 апреля Совет министров признал необходимым ранее планировавшиеся на продовольственную помощь населению деньги (всего 250 тыс. руб.) направить на заготовку древесного топлива, требовавшегося для возобновления работы предприятий.

29 июля Совмин «отпустил за счет ожидаемых по действующей государственной росписи остатков» дополнительно 500 тыс. руб. «на неотложные расходы по поддержанию деятельности Нижнетагильских заводов <...> с зачетом в сумму долга наследников П.П. Демидова казне и обеспечением возврата их всем принадлежащим им горнозаводским имуществом». Начало погашения этих ссуд «с начислением узаконенных 6%» отсрочили на два года²⁴.

Деньги были выделены правительством в тот самый момент, когда на некоторых предприятиях сложилась особенно тяжелая ситуация. По свидетельству окружного инженера, прибывшего 1 августа «по вызову рабочих» Меднорудянского рудника, «все они обносились и все голодают или, вернее <...> питаются исключительно одним хлебом и овощами с собственных огородов». «Овощей уже скоро не будет, и грядущая зима их ужасает. Уже в настоящее время, благодаря плохому питанию, рабочие теряют силы и сильно понизили производительность <...> и уверяют, что на этой же почве развивается брюшной тиф. Рабочие, в общем, настроены мирно, но есть и признаки возбуждения», — делился своими впечатлениями Л.Г. Кихлер. Его предчувствия оправдались: через два дня, когда заводоуправление решило провести окончательные расчеты «с зачетом долгов рабочих», в результате которых многие из них вообще ничего бы не получили, забастовал 841 (из 990) рудничный рабочий, а вслед за этим «за неимением руды» был остановлен и Выйский медеплавильный завод. «Приостановка рудника и завода, — полагал окружной инженер, — вероятно, затянется на неопределенное время от двух недель до двух месяцев». На самом деле, забастовка продлилась до 17 сентября. Как сообщал тот же инженер, вначале рабочие настаивали «на своевременной и полной уплате заработков, на сохранении прежних расценок с пуда добытой руды <...> и на обратном принятии всех бастовавших рабочих». Заводоуправление, однако «никаких обязательств на себя не приняло», предложив рабочим лишь постепенную уплату долга и новую систему расценок работ «по добыче руды с кубической сажени без понижения заработка». Твердая позиция управления привела к тому, что рабочие «приняли все условия» и возобновили работу. «Никаких нарушений порядка со стороны рабочих, а также призыва войск, арестов и высылки не было, — рапортовал Кихлер. — Все бастовавшие рабочие получили окончательный расчет <...> После же того, как условия заводоуправления были приняты, работы на руднике возобновились при прежнем составе рабочих, кроме окончательно уволенных 18 чел.» (вскоре девять из них тоже были приняты на работу). Причину сговорчивости рабочих можно определить по их телеграмме, направленной министру торговли и промышленности в разгар забастовки, 21 августа: «Ожидаемая голодовка наступила, люди в отчаянии, покорнейше просим Вашего содействия в продовольственной помощи»²⁵.

В такой ситуации важно было поскорее получить и распределить правительственную ссуду. Главный начальник распорядился создать комиссию в составе делопроизводителя Уральского горного управления Н.Б. Шлезигера, бухгалтера Н.Ф. Кириллова и окружного инженера Л.Г. Кихлера. Оказалось, правда, что не вся ссуда предназначалась для уплаты долгов рабочим: по решению директора Горного департамента Н.Н. Курмакова на это отводились только ко 130 тыс. руб., что составляло примерно половину долга. Остальные деньги

поступали на расчеты с потребительскими обществами, на заготовку топлива и землеустроительные работы. Правительственная помощь не распространялась на служащих, поставщиков припасов и торговцев, которым заводоуправление тоже задолжало значительные суммы денег. Предполагалось, что погашением оставшихся долгов должно заняться само демидовское управление. Для этого 30 октября 1909 г. с разрешения Совета министров был все-таки заключен договор с французской Платинопромышленной компанией при условии, что выданный аванс в размере 500 тыс. руб. будет направлен «на неотложные нужды по поддержанию деятельности заводов». Распределением аванса занималось само Петербургское правление, но под контролем горных властей. В декабре Демидовым была предоставлена дополнительная ссуда из Нижегородско-Самарского земельного банка. Он под залог Луньевского округа выделил 670 тыс. руб., из них 400 тыс. руб. ушли на погашение долга по ссуде, выданной банком шесть лет назад под залог Нижнетагильского округа, а 270 тыс. руб. поступили «на неотложные потребности заводов», о чем правление дало расписку Горному департаменту²⁶.

За счет этих сумм, достигавших 1,5 млн руб., острая фаза финансового кризиса была пройдена. Осенью поступили доходы от продажи металлов на Нижегородской ярмарке, был получен и новый заказ на рельсы. Как свидетельствовал Кихлер, к середине 1910 г. денежный расчет рабочих и подрядчиков «производился уже в установленные сроки, но по отдельным производствам в неодинаковом размере». Так, полностью были выплачены долги приисковым рабочим, и расчет с ними производился своевременно; то же можно было сказать и о работниках медного рудника и Выйского завода, задолженность которым составляла всего около 6 тыс. руб. Долг рабочим всех остальных производств, хотя и сократился, но достигал еще около 70 тыс. руб., поскольку «полный расчет отставал по срокам от полутора до двух получек». «Менее аккуратно» уплачивались долги служащим, что «особенно тяжело отзывалось на мелких служащих, получавших небольшое жалованье». Понимая это, заводоуправление старалось именно им «выплачивать долг в большем проценте». Особенно значимым, по мнению окружного инженера, являлось «поддержание общественных потребительских лавок» с целью «парализовать могущую быть эксплуатацию рабочих местными торговцами-кулаками при реализации купонов (для приобретения припасов)». Теперь эти купоны выдавались заводоуправлением «в самом ограниченном количестве и только по желанию самих рабочих в течение времени между расчетными сроками»²⁷.

Существенную роль сыграли и «реформы», настойчиво проводившиеся заводоуправлением во главе с Н.А. Спижарным. По подсчетам окружного инженера, если на 1 марта 1909 г. в округе было занято 19 197 рабочих, то в 1910 г. их количество сократилось до 17 038, в 1911 г. — на 27%, до 14 082 человек. По мере того как предприятия возобновляли работу, далеко не все работники нанимались вновь. При этом не открылись Висимо-Уткинский, Лайский и небольшой прокатный Исинский заводы. Случались и массовые увольнения. Так, рабочие механического и кузнечного цехов, а также цеха рельсовых скреплений Нижнетагильского завода, вопреки распорядку, в соответствии с которым выходными считались лишь два дня Пасхальной недели, в 1910 г. решили праздновать шесть

дней. Заводоуправление сочло «самовольные действия рабочих забастовкой» и сразу уволило 221 человек, временно остановив действие этих цехов.

Кроме того, заводоуправление ввело новые «условия работ» с пониженными на 20% расценками. По свидетельству Кихлера в июне 1910 г., «урегулирование и введение в прошлом и нынешнем годах рабочих расценок по всем производствам <...> и сокращение излишнего числа рабочих рук подняла производительность <...> вследствие чего заработок их, за небольшим исключением, не только не уменьшился, но во многих случаях увеличился. Работы в настоящее время идут исправно и спокойно, не вызывая жалоб со стороны рабочих, оставшихся в работах». В том году планировалось увеличить производительность всех действующих в Нижнетагильском округе металлургических предприятий, поднять добычу платины и золота, а также каменного угля, антрацита и заготовку лесных материалов в Луньевском округе; около 417 тыс. руб. выделялось на переоборудование домен. Управление было «сильно озабочено дальнейшей судьбой медного рудника», поскольку его разведанные запасы обеспечивали работу медеплавильного завода лишь на пять лет. В округе производились разведки под руководством профессора В.В. Никитина, но они не давали «желательного результата». Тем не менее стабилизация производственного процесса давала надежду на то, что доходы демидовского хозяйства покроют издержки и положение заводов поправится, хотя только за текущий год необходимо было заплатить государственные налоги в размере 276 тыс. руб., а выплаты процентов по займам составляли 811 тыс. руб.²⁸

Через год, в июне 1911 г., другой горный инженер, Е.Я. Романов, временно замешавший Л.Г. Кихлера, тоже констатировал «общее улучшение дел» в округе. Он приписывал этот успех новым расценкам, значительно понизившим себестоимость производства, а также «лучшей постановке работ в округе». Правда, понижение расценок и «требовательность со стороны администрации» вызывали недовольство рабочих и крупные забастовки (на Нижнесалдинском заводе и на медном руднике), но он считал их бесперспективными. «Перед рабочими в настоящее время встал грозный вопрос: или вынести на своих плечах округ, или довести его до окончательного краха, который, прежде всего, печально отразится на самих же рабочих, что они прекрасно знают по опыту некоторых закрытых заводов Урала, — докладывал Романов главному начальнику уральских заводов в Екатеринбург. — Отягощенный большой задолженностью, округ не может платить рабочим таких цен, которые платят заводы, свободные от долгов. В самом деле, округ не может довольствоваться, например, прибылью от производства в 500 тыс. руб. в год <...> т.к. она целиком уйдет на уплату процентов по займам, и еще будет дефицит в 300 тыс. руб.»

«Упрек по отношению к заводоуправлению в том, что оно все внимание обратило на “выжимание пота из рабочих” и мало заботится о механических усовершенствованиях, несправедлив в том отношении, что у заводоуправления нет ни средств, ни кредита на эти усовершенствования и ему приходится выворачиваться, пользуясь лишь существующими устройствами. В этом отношении я смело могу сказать, — уверял инженер, — что заводоуправление достигло некоторых весьма существенных результатов, которые дают надежду на улучшение общего положения дел в округе». На его вопрос «о видах на будущее»

управляющий Спижарный ответил, что «об этом он лично ничего сказать не может, т.к. будущее зависит не от него одного, а также от Петербургского правления, от рабочих, состояния рынка и разных случайностей, которых нельзя предвидеть». Он предложил «судить о будущем по достигнутым в настоящее время результатам»²⁹.

По мнению специалистов, окончательно преодолеть кризис демидовским заводам, как и многим другим горным предприятиям, помогло общее улучшение рыночной конъюнктуры и начавшийся экономический подъем в стране. В 1912 г. это позволило расторгнуть «кабальный договор» с Платинопромышленной компанией и направить доходы от возросшей добычи драгоценного металла на реконструкцию заводов (не исключалось, кстати, и акционирование этой отрасли хозяйства для того, чтобы впоследствии получить под акции банковскую ссуду). Полномасштабная реорганизация в демидовском хозяйстве началась в 1913 г. по плану, подготовленному А.Н. Ратьковым-Рожновым, Н.А. Спижарным, В.В. Никитиным и известным металлургом М.А. Павловым. План предусматривал вложение 5 240 тыс. руб.³⁰ на существенное увеличение производства чугуна и стали с концентрацией его на четырех крупнейших заводах, где осуществлялась техническая модернизация на основе новейших для того времени достижений науки и техники. Крупные изменения намечались в энергетическом хозяйстве Нижнетагильских и Луньевских заводов, где электричество должно было заменить водяные и паровые двигатели, а также в железнодорожном транспорте и топливной отрасли с перспективой перехода всех стадий металлургического процесса на минеральное топливо.

«Только при таком переоборудовании, — заверяло Петербургское правление, — возможны успешная и отвечающая современным условиям производственная деятельность округа и устройство на будущее время такого положения, какое при пережитом в 1907–1909 гг. промышленном кризисе не только поставило округ в невозможность выполнения перед казною обязательств к уплате горной подати, но поставило само существование заводов в настолько критическое положение, что только правительственная субсидия помогла округу выйти из создавшегося положения»³¹.

Таким образом, само демидовское правление признавало ведущую роль государства в преодолении «тагильского» кризиса. При этом следует иметь в виду не только правительственную ссуду, которая не покрывала все «кричащие» долги, но и данные Советом министров разрешения на частные сделки Демидовых с иностранной компанией и российским ипотечным банком на особых условиях, которые обязывали владельцев потратить полученные деньги исключительно «на неотложные нужды заводов». Не только владельцы и их администраторы, но и региональные горные власти, и заводское население обращались тогда за поддержкой к государству. Очевидно только оно и могло оказать оперативную помощь и предотвратить перерастание финансового кризиса в социальный, признаки которого уже проявились на заводах летом 1909 г. Симптоматично, что при этом государство сосредоточилось на оказании поддержки горнозаводскому населению, а не предпринимателям, хотя и носившим знаковую фамилию — Демидовы, но показавшим свою, как они уверяли, временную несостоятельность. Государство таким путем выполнило свою первейшую социальную

функцию. Просьба же Демидовых о предоставлении масштабной финансовой помощи не была удовлетворена, скорее всего, потому что она предназначалась не только на погашение долгов работникам и заготовку топлива, но и на реконструкцию заводского хозяйства, осуществление которой являлось делом самих владельцев.

Несмотря на обвинения демидовской администрации в некомпетентности, отметим, что она все-таки сумела отдалить видимые проявления общего экономического кризиса в Нижнетагильском округе до того момента, когда ситуация в российской металлургии уже начала улучшаться. Наиболее острая фаза финансового кризиса настигла демидовские заводы позднее многих других уральских горных предприятий, которым в тех условиях не помогла и равнозначная правительственная помощь. В совокупности с последовавшим вскоре общим экономическим подъемом государственная ссуда для Нижнетагильских заводов оказалась не только своевременной, но и не столь обременительной. Сыграли свою положительную роль и особенности многоотраслевой структуры демидовского хозяйства, связанные с его исключительными природными богатствами. К заслуге демидовского управления следует также отнести пришедшее под влиянием сложившейся критической ситуации понимание ее глубинных причин и принятие решений, направленных на устранение сначала социальных, а затем и организационных остатков уходящей протоиндустриальной эпохи в виде окружной системы и горнозаводского населения как социальной категории, сохранявшей черты сословия. Мероприятия по рационализации трудовых отношений и структурной реорганизации сложного окружного хозяйства, вызванные этим кризисом, являлись важным элементом процесса модернизации не только демидовских заводов, но и всей уральской горнозаводской промышленности. В этой связи довольно жесткие меры по отношению к рабочим оправдывались экономической необходимостью, хотя и вызывали неизбежный рост напряженности в местном социуме. Сгладить его во многом помогало решение земельного вопроса в имении.

Комплекс предпринятых государством и владельцами мер позволил тогда сохранить Нижнетагильский и Луньевский округа во владении Демидовых и избежать как акционирования (его предполагало горное начальство и не исключали владельцы), так и учреждения казенного или кредиторского управления (их предлагали то же начальство, а также заводские служащие и рабочие). Акционирование требовало значительного времени на подготовку и затруднялось нахождением округа под залогом. Установление казенного управления или антикризисной администрации вело за собой трудновыполнимое привлечение больших казенных или частных капиталов на поддержание огромного округа, обремененного крупными долгами.

Сепаратное решение посессионного вопроса в отношении Нижнетагильского округа путем отчуждения земель и лесов от заводов, как это предлагали сделать представители тагильского населения, было чревато прекращением металлургического производства. К тому же оно противоречило намерению казны решить этот вопрос в общем порядке³². Предложения горных властей в отношении самих заводчиков Демидовых ограничивались лишь временным отстранением их от управления. Требование же заводского населения «устранить»

Демидовых подразумевало удаление их и от владения имением с перспективой замены «энергичными предпринимателями-капиталистами», т.е. являлось более решительным, но и оно не выходило за пределы существовавших общественных порядков, несмотря на усилившуюся в те годы социал-демократическую агитацию.

Отметим, что одно из предложений, выдвинутых во время кризиса 1909 г. главным начальником уральских заводов, все-таки реализовалось через восемь лет. Во время нового, еще более сильного экономического кризиса, вызванного Первой мировой войной и революцией, Демидовы пошли на создание акционерного Общества Нижнетагильских и Луньевских заводов с участием банковского капитала. В марте 1917 г. из владельцев заводов они стали владельцами акций. Однако проявить себя в новой роли им не позволила история, поскольку уже в январе 1918 г. принадлежавшие Обществу предприятия были национализированы Советским государством³³.

Примечания

- ¹ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 227–231; Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. С. 71–72, 252.
- ² Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 12–46.
- ³ Государственный архив Свердловской области (ГА СО). Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 11–11 об., 154–154 об.
- ⁴ Там же. Л. 12–13 об.
- ⁵ Там же. Л. 14–17 об.
- ⁶ Там же. Л. 28–30.
- ⁷ О конфликте между владельцами и разногласиях в Петербургском правлении см.: Неклюдов Е.Г. «Войны» между владельцами Нижнетагильских и Луньевских заводов в начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 78–84.
- ⁸ ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 30 об.—33.
- ⁹ Там же. Л. 33 об.—35.
- ¹⁰ Там же. Л. 61–63.
- ¹¹ Там же. Л. 63 об.—67 об.
- ¹² Именно такой способ обеспечения увольняемых рабочих в случае остановки или закрытия завода предусматривался законом от 3 декабря 1862 г. «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1865. Т. 37. № 38989). Его дополнил закон от 19 мая 1893 г. «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в уральских горнозаводских округах» (Там же. Собрание третье. СПб., 1897. Т. 13. № 9628). О поземельных отношениях и проектах их урегулирования см.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.
- ¹³ ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 68–73.
- ¹⁴ Там же. Л. 155–155 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 54–58.
- ¹⁶ А.К. Демидова (1808–1902), урожденная баронесса Шернваль фон Валлен, жена П.Н. Демидова и мать П.П. Демидова, во втором браке Карамзина; учредительница приюта в Нижнем Тагиле, названного в ее честь Авроринским.
- ¹⁷ ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 155 об., 155.
- ¹⁸ В соответствии с санкционированным императором «Положением об управлении ...» 1896 г. Демидовы имели право на 75% (с 1906 г. — на 55%) прибыли, оставшейся «за покрытием всех операционных расходов и убытков». При этом владельцы могли «определять при рассмотре-

нии ежегодной сметы размер предварительного дивиденда, подлежащего выдаче из кассовых средств предприятия в счет причитающегося им чистого дохода». После подведения итогов года и утверждения суммы дивидендов эти «выдачи» удерживались, а в случае недостатка записывались долгом на владельцев «с начетом процентов» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1899. Т. 16. № 13273; 1911. Т. 28. № 28121). Заводские балансы свидетельствуют, что на 1 января 1906 г. сумма этого долга составляла 1 278 тыс. руб., а к 1907 г. увеличилась до 1 504 тыс., но к 1908 г. сократилась до 197 тыс. руб. (ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 18–21). Владельцы, действительно, пользовались своим правом и иногда злоупотребляли им, но все-таки рассчитывались по своим долгам.

¹⁹ ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 153–154.

²⁰ Там же. Л. 156 об.–157 об.

²¹ Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики ... С. 497–522.

²² Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала ... С. 230–231.

²³ ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1540. Л. 74, 78, 94–95 об., 97–98 об., 102–102 об.

²⁴ Там же. Л. 83, 90, 101, 118–118 об.

²⁵ Там же. Л. 185–185 об., 188, 190; Д. 1540а. Л. 4, 47–48.

²⁶ Там же. Д. 1540а. Л. 13, 50–50 об., 53, 74, 88–89 об.

²⁷ Там же. Л. 109–110.

²⁸ Там же. Л. 129–136 об.

²⁹ Там же. Л. 150–151 об.

³⁰ Видимо, эта сумма складывалась из заводских доходов, части капитала, унаследованного Е.П. Демидовым от его родственника и бывшего опекуна Ю.С. Нечаева-Мальцова, и из денег, вложенных в дело женой Демидова С.И. Воронцовой-Дашковой (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23, 29–30).

³¹ ГА СО. Ф. 24. Оп. 19. Д. 1028. Л. 1–3 об.; Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых ... С. 72–73.

³² Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011. С. 193–223.

³³ Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала ... С. 234–235; Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых ... С. 118–123; Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики ... С. 46.

Библиография

Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996. 212 с.

Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М.: Наука, 1982. 262 с.

Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил: НТГСПА, 2007. 293 с.

Неклюдов Е.Г. «Войны» между владельцами Нижнетагильских и Луньевских заводов в начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 78–84.

Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 274 с.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. 664 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1865. Т. 37.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1897. Т. 13; 1899. Т. 16; 1911. Т. 28.

Мамаев А.В.*

Экономическая политика российских властей в отношении Туркестана в начале XX в.

Аннотация. Статья посвящена деятельности властей России в начале XX в. относительно экономического развития туркестанской окраины и ее интеграции в империю. Помимо трудов историков используются материалы Госдумы и Госсовета, ревизии К.К. Палена, архивные фонды Азиатской части Главного штаба и Совета министров.

Автор констатирует, что внимание к Туркестану возросло, шло обсуждение как концептуальных вопросов развития и интеграции, так и конкретных мер. Метрополии не удалось достичь единой политики и единства управления. Действия отличались «однбокостью»: благодаря активности Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) вопросы обустройства переселенцев имели приоритет над проблемами коренного населения.

Процессы модернизации происходили стихийно, проекты реформирования много лет разрабатывались либо их не успели принять или воплотить в жизнь до революции. Можно предположить, что меры интеграции и унификации задерживались из-за незаинтересованности части ведомств в их скорейшем разрешении.

Ключевые слова: Туркестан, Россия, империя, модернизация, экономическая политика, метрополия, окраина, ГУЗиЗ, Госдума, переселенцы.

Вопрос об окраинных регионах России занимает особое место при изучении территориального аспекта имперской модернизации: окраины нуждались не только в реализации экономического потенциала, но и в интеграции в империю. Своей спецификой отличался Туркестан — одна из последних присоединенных к России территорий, имевшая древнюю культуру и значительное мусульманское население.

В начале XX в. в метрополии формировались прагматические представления о необходимости законодательных усилий для обеспечения развития Туркестана, внедрения капиталистических институтов, повышения доходности этой окраины для империи. Однако представления о путях модернизации Туркестана были противоречивыми. Восстание 1916 г. показало глубину не только политических, религиозных, но и экономических противоречий, накопившихся в регионе во время кризиса имперской системы. Историк Д. Смил считает, что именно со среднеазиатского восстания стоит вести отсчет периода гражданских войн в России¹.

Советская историография акцентировала внимание на классовом антагонизме в регионе и эксплуатации трудящихся как бюрократией и буржуазией из центра, так и местными, национальными. В работах современных российских историков есть тенденция к подчеркиванию позитивной, цивилизующей роли метрополии², а исследователи бывших советских республик больше внимания уделяют элементам национализма, «колониального гнета» и «выкачивания» ресурсов³. Вопросы экономической политики метрополии в Туркестане, особен-

* Мамаев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, Институт экономики РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, andreydx2006@yandex.ru. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)»

но в последние годы империи, нуждаются в дальнейшем изучении при условии деидеологизации. Некоторые российские и зарубежные исследователи стремятся по-новому рассмотреть данную проблематику — сквозь призму соответствия российской имперской модели управления, к началу XX в. исчерпавшей (или не исчерпавшей) ресурсы и возможности эффективного развития⁴.

В статье внимание акцентируется на деятельности правительства и Госдумы в начале XX в. по выбору путей и разрешению противоречий хозяйственно-экономической модернизации Туркестана. Изучение этих вопросов может помочь выяснить, как империя в преддверии революции 1917 г. представляла себе развитие хозяйства и модернизацию этой окраины.

Идея о необходимости специальных усилий для хозяйственного развития Туркестана возникла только на рубеже XIX—XX вв. При этом имелись геополитические мотивы (закрепить регион за Россией, интегрировать в империю) и экономические (обеспечить замещение американского хлопка, необходимого текстильной промышленности, использовать природные богатства Туркестана — землю и недра). Вплоть до 1917 г. регионом управляло Военное министерство. В крае действовало положение об управлении 1886 г., которое все меньше соответствовало динамично развивавшемуся хозяйству Туркестана. Он не был представлен в третьей и четвертой Государственных думах. Неудачей закончилась попытка прогрессистов (февраль 1914 г.) восстановить в Госдуме представительства Степного и Туркестанского краев⁵.

По мере развития в России национализма все более важной для Российского государства становилась задача усиления русского влияния на окраинах, их приспособления к интересам русского народа как ядра империи. Такие идеологические основы формулировали видные государственные деятели: главноуправляющий земледелием и землеустройством А.В. Кривошеин и туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. Важнейшее значение для хозяйственной интеграции региона имела постройка железной дороги в Европейскую часть России. Движение по линии Оренбург — Ташкент было открыто в 1906 г., что значительно повысило транспортную доступность края и обеспечило, в частности дешевый вывоз хлопка. «Приближение» Туркестана к империи значительно усилило приток населения из «коренных» губерний и укрепило хозяйственные связи региона с Европейской Россией. Наблюдался интенсивный рост экономики. Сбор хлопка в 1907—1913 гг. увеличился более чем на 20%, число крупного рогатого скота — на 19%, почтовые денежные обороты с 1907 по 1911 гг. возросли почти вдвое. «Край этот развивает и усложняет свою экономическую жизнь», — отмечали депутаты Госдумы⁶.

Курс на аграрную колонизацию

Самым острым для Туркестана оставался аграрный вопрос, тесным образом связанный с заселением края русскими крестьянами, землеустройством коренного населения и решением хлопковой проблемы.

Долгое время край был закрыт для организованного переселения, оно шло стихийно. Власти не помогали уходившим от малоземелья крестьянам, их ну-

жда в земле и обустройстве потенциально вела к столкновениям с коренным населением. Однако в конце XIX в. в правительственных кругах укрепляется представление, что переселение крестьян из внутренних губерний России надо воспринимать скорее позитивно, т.к. оно было незначительно в сравнении с приростом населения и в то же время укрепляло российское влияние на окраинах. К такому выводу пришел в 1895 г. правительственный Комитет по постройке Сибирской железной дороги, которым фактически руководил управляющий делами статс-секретарь А.Н. Куломзин⁷. Интенсификация процессов переселения, принятие государством ведущей роли в этом процессе были обусловлены малоземельем крестьян, их возросшей протестной активностью и, как казалось, громадным объемом свободных земель на окраинах.

Постепенно были созданы госструктуры, призванные способствовать переселению. С 1896 г. все связанные с этим направлением вопросы решало одно ведомство — Переселенческое управление (помощник начальника А.В. Кривошеин, с 1902 г. — руководитель)⁸. Закон от 6 июня 1904 г. снял ограничения на добровольное переселение сельских обывателей и мещан-землевладельцев, в том числе в Туркестан⁹.

Аграрные беспорядки в условиях Первой русской революции 1905 г. актуализировали идею организации переселения крестьян в Сибирь и другие регионы Азиатской России. Поддержали эту идею землевладельцы и несколько правительственных чиновников, опасавшиеся изъятия части помещичьих земель (как предполагалось по проекту Н.Н. Кутлера) и заявлявшие о необходимости защиты неприкосновенности частной собственности.

В 1906 г. были приняты правила о переселении. Переселившиеся на казенные земли в Туркестане были освобождены от казенных платежей и земских денежных соборов на пять лет и их половины — в следующие пять лет (полное освобождение на 10 лет — для Закаспийской области). Кроме того, власти могли устанавливать этим людям льготы по отбыванию натуральных земских повинностей в течение пяти лет после водворения. «Организованные» переселенцы могли рассчитывать на предоставляемые правительством ссуды: путевые (до 50 руб.), на общественные надобности и хозяйственное устройство (устанавливало Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) в зависимости от трудности хозяйственного устройства или особой государственной необходимости; в 1913—1916 гг. для областей Туркестана — 165 руб. на семью), а также на безвозмездное получение лесного материала для построек, возврат ссуд предполагался в течение десяти лет после пяти льготных¹⁰.

После 1905 г. на нужды переселения государство готово было расходовать все большие суммы, причем помимо непосредственных нужд траты росли на агрономическую помощь, дорожные работы, науку, общепользные ссуды, составив к 1912 г. 26% всего переселенческого бюджета. Эти функции выполняло Переселенческое управление, что повысило эффективность использования средств¹¹. За семь лет переселенческая смета увеличилась на 516%. Управление («Всеазиатская земская управа») все больше влияло на жизненный уклад и развитие производительных сил края¹², в ведомственные учреждения привлекали экспертов¹³.

«Переселенческое дело, — отмечал член Госдумы, октябрист М.И. Симоненков, — превращалось из простого выселения крестьян из Центральной России в

комплексный процесс освоения и развития окраин»¹⁴. При премьерере П.А. Столыпине правительство рассматривало колонизацию как комплексный процесс управляемого государством заселения окраин переселенцами из центра России. Они должны были стать движущей силой экономического развития в интересах метрополии, в первую очередь в аграрной сфере. Проводить этот курс стал главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. «Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой, — писал Кривошеин, — <...> будущее края — в сельском хозяйстве, и притом хозяйстве особом: промышленном, сложном»¹⁵.

С ним соглашался военный министр А.Ф. Редигер. В 1906 г. он указал председателю Совета министров С.Ю. Витте (и в 1908 г. в записке П.А. Столыпину), что «колонизация Туркестана русским элементом имеет громадное значение для государства по соображениям политического и социально-экономического свойства»¹⁶.

Однако эта идея сталкивалась с сопротивлением не только со стороны чиновников Туркестана, но и части имперской элиты. Против самой русской колонизации никто не возражал, однако противоречия были относительно темпов переселения и размещения людей. Так, довольно скептичен был министр финансов В.Н. Коковцов, который заявлял премьеру, что проблему переселения в Туркестан следует считать второстепенной по сравнению с такими потребностями, как усиление обороны, упорядочение землеустройства во внутренних губерниях, развитие образования, и нужно соответственно определять размер средств. Низкие темпы оросительных работ, согласно заявлению Коковцова Госдуме, объяснялось затруднительным положением казначейства¹⁷. В итоге дискуссий Совет министров 11 июня 1908 г. признал «весьма серьезное государственное значение» правильной постановки переселения, но отметил его «сравнительно скромное место» «в ряду задач ближайшей очереди»¹⁸.

После ревизии Туркестана в 1908–1909 гг. сенатор К.К. Пален не поддерживал форсированное государственное вмешательство в колонизацию края, опасаясь в нем национальной розни. Сенатор предложил развивать край путем частной предприимчивости, введения земель в гражданский оборот, создания благоприятных условий для проникновения «сильных представителей русской народности». Вместо наращивания количества переселенцев он призвал улучшить их качество¹⁹.

Посетивший Туркестанский край в марте–апреле 1912 г. военный министр В.А. Сухомлинов в своем докладе императору назвал ближайшей целью правительства две задачи: широкое развитие хлопководства и подготовку «всех годных для заселения пространств под русскую колонизацию». При этом особая роль отводилась выходящим в запас в крае нижним чинам — их можно было научить аграрной технике и сдавать им в аренду участки поливной земли²⁰.

Выступая в декабре 1912 г. в Госдуме председатель Совета министров В.Н. Коковцов, все же признал значимость переселенческого дела для правительства и необходимость использования естественных богатств окраин «в интересах русского народа» путем орошения земель, в том числе с участием бизнеса²¹.

В Госдуме переселенческая политика правительства критиковалась левыми либералами, социалистами и национальными фракциями, в первую очередь мусульманами. Представитель мусульманской фракции М.Ю. Джафаров говорил, что переселенческие меры ведут к «озлоблению» коренного населения, в то время как надо стремиться вызывать их симпатию и доверие. Он потребовал предварительного количественного и качественного обследования окраинных земель, первоочередного наделения необходимым количеством годной земли коренного населения. Также он напомнил о необходимости внесения правительством в Госдуму давно обещанного законопроекта о землеустройстве коренных жителей²². В итоге мусульманская фракция выступила против выделения денежных средств центральным учреждениям Переселенческого управления²³.

В 1916 г. трудовик В.И. Дзюбинский заявил о недопустимости практиковавшихся управлением «беспорядочных» способов и приемов отнятия у коренных владельцев киргизских земель, а также о передаче их почти даром «владельцам пришлым и чуждым»²⁴. В свою очередь представители правых сил критиковали власть за медленные темпы колонизации «в угоду местным инородцам»²⁵.

Одной из основных проблем была нехватка земель в Средней Азии для колонизационного фонда. В условиях засушливого климата большая часть земель нуждалась в искусственном орошении. На местах переселения жили либо сарты-земледельцы, в хозяйстве которых существенную роль играла ирригация, либо кочевники-киргизы, которые постепенно переходили к оседлости, но все-таки для скотоводства нуждались в значительных участках земли. Если оседлых сартов Российская империя признала собственниками своих земель, то киргизские земли находились не в собственности, а в бессрочном пользовании и принадлежали государству. Практика сложилась так, что для переселения крестьян из метрополии земли либо покупались у местного населения, либо «добровольно» уступались им, создавалась благоприятная обстановка для развития аренды земли. В условиях интенсификации переселения свободных пригодных земель в Туркестане становилось недостаточно, а власти формально не могли изымать излишки, т.к. это не было прописано в законодательстве.

В управлении были убеждены в наличии у коренных жителей края значительного объема фактически свободных земель, пригодных для переселения. Работавший в ученом комитете Министерства земледелия и госимуществ А.А. Кауфман после командировки в 1903 г. в Туркестан утверждал, что законодательные нормы отвода земель оседлому коренному населению и практика их применения были излишне широки. Это вело к «более или менее полному закрытию возможности отвода земель под заселение в Ферганской и Самаркандской областях, а в значительной мере — и в Ташкентском уезде, Сырдарьинской области». В то же время, по его оценке, излишних земель у кочевников было значительно больше, чем требовалось для целей колонизации²⁶. Туркестанский генерал-губернатор с 1909 г. А.В. Самсонов полагал, что старожилы и туземное население должны «потесниться и дать место основной государственной народности»²⁷.

Однако с тезисом о наличии значительных излишков земель не согласились в туркестанской администрации, где предупреждали об опасности конфликта с

коренным кочевым населением, чей уклад жизни насильственно и радикально менялся изъятием «излишков» земли и искусственным стимулированием перехода к оседлости²⁸.

Альтернативой быстрому способу развития переселения путем изъятия земель у коренных жителей мог бы стать более медленный и дорогой путь — орошения новых земель. Туркестанский генерал-губернатор в 1905–1906 гг. Д.И. Субботич признал этот способ «самым правильным при разрешении вопроса о колонизации края», «безобидным» для киргизов и «самым продуктивным с точки зрения государственности», но отмечал, что «путь этот медленный и дорогой, хотя, быть может, для будущего — неизбежный». По мнению Субботича, в ближайшем будущем вряд ли можно было рассчитывать на новые ирригационные работы, поэтому возникала «необходимость взять землю у одной части подданных государства и отдать другой»²⁹.

Власти пытались заняться орошением новых земель, но единственным крупным реализованным проектом в начале XX в. стал Романовский канал в Голодной степи, который строился более десяти лет и был завершен лишь в 1913 г.

По этому поводу А.А. Кауфман (к тому времени ушедший с госслужбы и ставший кадетом) высказал мнение, что направляемые в Туркестан на орошение и переселение «сотни миллионов рублей» выгоднее затратить на улучшение крестьянского хозяйства в центре России³⁰. Спорным был и выбор района оросительных работ. Прогрессист С.С. Крым отмечал, что более целесообразно оросить не Голодную Степь, а Фергану, что способствовало бы созданию «русского крестьянского» ядра в Туркестане «в самой толще местного населения» и развитию текстильной промышленности, нуждавшейся в хлопке. По словам Крыма, мелиорация в Фергане могла бы добавить 10% площади для хлопка, т.е. около 80 тыс. дес., количество, которое с трудом и напряжением планировали оросить в Голодной степи. Крым говорил о важности обсуждения этого вопроса и оценки, что приоритетнее — цели орошения или судьба Аральского моря, а также судоходства на реках, т.к. выведение большого количества воды для орошения вело к высыханию Аральского моря и прекращению там рыболовства³¹.

Стремясь сократить казенные траты власти, говорили (в частности Коковцов) о необходимости законодательно разрешить привлечение частных средств на орошение казенных земель. По этому вопросу отмечалось противоборство двух течений. Представители одного из них предлагали обеспечить орошение земель частным капиталом, чтобы максимально быстро развивать хлопководство, используя труд привычного к этому коренного населения; второго — продолжить переселение в Туркестан и усилить русское влияние, для чего делом ирригации должно было заняться государство.

До революции решений по этому вопросу не было принято, разногласия касались перехода части земель в собственность предпринимателей, условий распределения воды и вопроса о правительственных гарантиях. Мешали неопределенность с правом собственности и желание использовать земли для колонизации³². Также до революции не получила развития инициатива октябристов — разработать закон о мелиоративном кредите под залог недвижимости, чтобы стимулировать орошение «снизу»³³.

В связи с 300-летием Дома Романовых Госдума в 1913 г. одобрила создание 150-миллионного фонда с привлечением частных средств на масштабные мелиоративные работы в России в пятилетний срок. План был поддержан Советом министров, но сорван войной³⁴. В 1914 г. Госдума приняла план переустройства построенного вел. кн. Николаем Константиновичем канала императора Николая I в Голодной степи, который имел технические несовершенства, требовались деньги на капитальный ремонт. Предполагалось объединить канал императора Николая I с Романовским каналом, что увеличивало число орошаемой земли в Голодной степи на 12 тыс. дес. — до 57 тыс. дес.³⁵

Хотя до революции удалось совсем не многое, планы развития орошения были очень серьезными. Глава ГУЗиЗ А.В. Кривошеин ставил целью создать «второй Туркестан», населенный русскими. Составленные к началу войны проекты орошения предполагали в будущем охват 940 тыс. дес. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов (с 1909 г.) предлагал на порядок увеличить ассигнования государства на орошение земель для русских переселенцев — до 10–15 млн руб. ежегодно за счет пошлин с заграничного хлопка³⁶. По словам Кривошеина, целью правительственной работы в Туркестане было оросить не менее 3 млн дес. земли, что могло дать «еще около 20 млн пудов хлопка, и 300 тыс. крепких русских хозяйств, т.е. свыше 1,5 млн русского населения»³⁷. Цена преобразования Туркестана составила бы около 700 млн руб. от казны, полагал Кривошеин. Он был уверен, что затраты с избытком окупятся «в несколько лет», также было очевидно, что расходы будут постепенными по мере орошения земель. Глава ГУЗиЗ надеялся, что аренда и распродажа части орошенных земель помогли бы финансировать дальнейшие оросительные работы, но для начала требовались «большие деньги» от казны. Часть нужных средств, по его мнению, можно было бы найти в Туркестане, например, введя хлопковый налог³⁸.

Темпы развития орошения оказались слишком медленными, что сконцентрировало внимание метрополии на вопросе изъятия «излишних» для кочевников земель. Проводником ускоренной колонизации путем изъятия земли стало ГУЗиЗ, в интенсификации переселения его поддерживало большинство в III и IV Думах. Император также выступал за ускорение колонизации. Генерал-губернатор края А.В. Самсонов тоже поддержал планы изъятия земель.

Многолетнее обсуждение проблемы закончилось тем, что 19 декабря 1910 г. император подписал закон, дополнивший ст. 270 «Туркестанского положения». Это было примечание, согласно которому разрешалось изымать в колонизационный фонд «излишние» для местного населения земли³⁹. «Под намеченную экспроприацию киргизских земель, — отмечал исследователь И.Л. Ямзин, — было подведено статистическое обоснование»⁴⁰. Новые оценки показали у киргизов значительные излишки, которые изымались административным порядком, причем без проведения сплошного землеустройства кочевников. Работники переселенческого управления вытесняли кочевников с мест зимовок, пастбищ.

Согласно инструкции Совета министров от 9 июня 1909 г., в случае решения кочевников Туркестана перейти к оседлости, им давали землю по нормам для переселенцев и только в пользование с обложением оброчной податью. Значит, не в потомственное владение, пользование и распоряжение с обложением по-

земельным налогом, как предполагало «Туркестанское положение» и как были устроены коренные оседлые земледельцы⁴¹.

Противоречие инструкции и главного правового акта края вызвало ведомственные разногласия. Местные власти указывали на приоритет норм «Туркестанского положения» над распоряжением ГУЗиЗ о применении в регионе инструкции 1909 г. Отмечалось, что хотя она и ускоряет землеустройство бывших кочевников, но лишает их значимого права владения, пользования и распоряжения землей. По мнению туркестанских чиновников, такие изменения были возможны только после их законодательного закрепления. В итоге земельное ведомство решило заняться разработкой особого законопроекта, чтобы добиться отмены соответствующего пункта «Туркестанского положения». Против инструкции выступил Минфин из финансовых соображений: в ведомстве посчитали слишком льготной оброчную подать, которой следовало облагать осевших туркестанских кочевников⁴². Инструкция закрепляла неравный статус осевших киргизов в сравнении с коренными земледельцами и приравнивала их к переселенцам, не могла не восприниматься кочевниками Туркестана негативно, порождала у них опасения за будущее. Земельный вопрос стал основной причиной того, что восстание 1916 г. приобрело особо жестокие формы в Семиречье.

Помимо поиска свободной земли следовало решить вопрос, каких переселенцев на ней селить и как стимулировать их к выращиванию хлопка. Наилучшим принципом отбора сочли зажиточность. «От колониста требуется много энергии, подвижности, терпеливости, хладнокровия, требуется выносливость и мужественность. Колонисту необходимо обладать разнообразными познаниями: он должен быть не только земледельцем, но и ремесленником <...> Колонисту необходимо <...> обладать денежными средствами на первое оборудование. Наконец, колонист должен проявить сознательность: ему должны быть известны условия жизни и хозяйства той колонии, куда он направляется», — отмечал чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г.К. Гинс⁴³. Он подчеркивал важность европейского опыта поддержки переселения состоятельных людей: «Пособия выдаются людям, которые обладают некоторыми средствами и обещают поэтому стать прочными засельщиками <...> Европа не знает “самовольных” и легальных переселенцев: она знает состоятельных и несостоятельных. Поддержка оказывается первым», — Гинс указывал на желательность заимствования западноевропейского опыта путем обеспечения всесословного переселения, привлечения интеллигентных сил, удержания в колониях чиновников, например, награждая их землей⁴⁴.

В 1914 г. был принят закон об отводе переселенцам орошенных земель Голодной степи. В Думе его назвали «первым колонизационным», потому что он устанавливал компактный район заселения; определял, кого государство желает видеть в качестве колонистов; стимулировал крестьян к выращиванию нужных для государства культур; предполагал меры содействия и государственного контроля процесса освоения территории. Согласно закону, переселенцы должны были быть «крепкими хозяевами» с имуществом в месте выхода не менее чем на 1 тыс. руб., способными быстро приспособиться и вернуть расходы на орошение. Фиксировался принцип религиозного неравноправия: допускались

русские подданные христиане. Новшеством был допуск к переселению всех сословий, не только крестьян. Ограничивался размер выдаваемого им в пользование участка — от 8 до 10 дес. Также были определены меры для стимулирования выращивания на их землях хлопка. Земля переселенцам передавалась с обязательством возместить затраты казны на орошение в течение 20 лет, также переселенцы платили сбор на содержание оросительных систем, что стимулировало их к выращиванию более доходных культур, прежде всего хлопка; вводился запрет на выращивание риса — он требовал много воды и заболачивал местность⁴⁵.

Был закреплён принцип бессословности заселения казенных земель Азиатской России. 7 октября 1913 г. Переселенческое управление ГУЗиЗ внесло соответствующий законопроект на рассмотрение Думы. В марте 1914 г. работавшая в ней Переселенческая комиссия признала «отвечающим назревшим потребностям» предложение о предоставлении права переселения на общих основаниях с сельскими обывателями другим сословиям, в том числе потомственным и личным почетным гражданам, духовенству, мещанам и дворянам⁴⁶. В мае 1916 г. Дума приняла проект⁴⁷.

Площадь первых орошенных казной земель в Туркестане и число переселенцев, размещенных на этой территории Голодной степи (1 250 семей к 1917 г.), были слишком незначительными в сравнении с общим притоком крестьян из Европейской России и количеством коренного населения⁴⁸. Проект хлопководческого «русского Туркестана» в имперской России не был реализован.

Военное ведомство и законодатели задумались и о защите привилегированного положения казаков, на земли которых покушались как коренное население, так и новые переселенцы. Принятый Госдумой в июне 1913 г. проект об установлении правил наделения землей Семиреченского казачьего войска обеспечивал для казаков норму в 30 дес. земли на каждого мужчину — значительно больше, чем для крестьян⁴⁹. Это решение вызвало критику за нерациональное использование земельного фонда⁵⁰.

Интересы коренного населения в деятельности правительства и Госдумы уходили на второй план, отсутствие достаточной правовой защищенности провоцировало недовольство.

Проблема правовой регламентации

Вплоть до революции Туркестан управлялся положением 1886 г., которое в начале XX в. критиковалось как имперскими чиновниками, так и местными чиновниками за отсутствие внимания ко многим хозяйственным вопросам бурно развивавшегося края, требовавшим перехода от регулирования обычаям к правовой регламентации. При разработке нового положения (с 1902 г.) следовало сформулировать приоритеты развития окраины. Как отмечала Т.В. Котюкова, проблема создания нового правового акта превратилась в «краеугольный камень всех нерешенных проблем туркестанской жизни»⁵¹.

До революции многолетние усилия по составлению проекта реформы управления (комиссия К.А. Несторовского 1902–1903 гг., совещание 1908 г.,

ревизия К.К. Палена 1908–1909 гг., совещание во главе с госконтролером П.А. Харитоновым в 1912 г.) так и не увенчались успехом. Разногласия сохранялись между ГУЗиЗ, военным ведомством, туркестанской администрацией, ревизором К.К. Паленом. К 1913 г. имперской бюрократией были сформулированы следующие экономические и геополитические цели: хлопковая специализация, устранение препятствий капиталистическому развитию в интересах метрополии и развитие русской колонизации. Однако стратегия и методы их достижения оставались неясными. Дальнейшая ведомственная борьба привела к передаче разработки «Туркестанского положения» местной администрации, которая не имела достаточного штата чиновников, средств и не соглашалась с некоторыми заложенными в основе проекта принципами. Война остановила работы на начальной стадии, а экстренные усилия генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в конце 1916 — начале 1917 г. не успели воплотиться в конкретный проект⁵².

Центр, проводя унификацию управления, ставил задачу — заменить специфические нормы Туркестана на общее для империи законодательство с сохранением лишь самых нужных ограничений. К примеру, Пален полагал, что общие для империи законы можно внедрить в Туркестане во всех сферах, кроме водопользования⁵³. Это породило противоречия. Самсонов, в частности говорил о недоучете специфики края, выступал против попыток «подогнать» управление к общим нормам внутренних губерний⁵⁴.

Для развития капиталистического уклада следовало внедрить рыночные отношения в земельную сферу — разрешить куплю-продажу и аренду земли, однако для этого нужно было провести землеустройство коренного населения, у которого не было документов на владение, юридического закрепления за ними участков.

Октябристы в Госдуме и часть имперской элиты (Пален, например) выступали за признание начала частной собственности на землю на всем пространстве империи⁵⁵. Между тем ГУЗиЗ было против, опасаясь, что имевшие зачаточные представления о праве собственности кочевники могли продать участки и остаться без земли⁵⁶. Нерешенность вопроса обуславливали высказанные главноуправляющим кн. Васильчиковым опасения, что при переходе кочевников к оседлости используемые ими угодья (за неимением права собственности) будут значительно уменьшены, и у государства появится возможность изъять появившиеся излишки⁵⁷.

Крупные мелиоративные работы, частное предпринимательство в сфере хлопководства и интересы расширения колонизации в Туркестане требовали решения вопроса о правовых основаниях пользования водой. Ведь при усложнении экономической жизни опора на нормы обычаев создавала запутанные ситуации, порождала противоречия и конфликты в отношениях местного населения, частных предпринимателей и государства, обладавшего правом распоряжения водой. О водопользовании с Семиречье и Закаспийской области не было вообще никаких правовых указаний. Проблема «водного» закона поднималась в течение десятилетий. Важность ее была и после ревизии К.К. Палена, но проект положения внесли в IV Госдуму только в январе 1913 г.

В проекте устанавливался принцип верховного распоряжения государства всеми водами, независимо от того, на чьей земле они находились. Возможность

пользования водой закреплялась, как и по обычному праву, за всеми пользователями земли в объеме нужд орошения. Неиспользуемую воду следовало направлять сначала для государственных и общественных надобностей, а затем — частным лицам. Закреплялось преимущество задач орошения над промышленно-техническими целями. Создавалась система органов распределения воды и регулирования ее использования. Проект опирался на нормы обычного права, развивая их и регулируя новые отношения; закреплял приоритет сельского хозяйства в Туркестане; давал государству инструменты эффективного распределения воды, реализации проектов орошения. В то же время он фиксировал тесную связь прав на воду с земельными правами, вопрос о которых не был окончательно решен. До начала революции новый водный закон так и не вступил в действие: в июне 1916 г. он был принят в Думе, но «застрял» в Госсовете⁵⁸.

В феврале 1916 г. социал-демократы, трудовики и представители национальных групп в Думе попытались отменить вероисповедные и национальные ограничения в узаконениях и административных распоряжениях. В том числе указывалось на экономические ограничения. Так, в пределах Туркестана и Степных областей всем представителям нехристианских исповеданий запрещалось покупать земли и недвижимое имущество, кроме представителей туземного населения и местных евреев (остальным евреям было запрещено селиться в Туркестанском крае)⁵⁹.

Слабое развитие промышленности в регионе и подчиненность ее интересов задачам сельского хозяйства не вызывали особого недовольства в правительстве и Думе, где Туркестану отводили роль аграрной окраины и поставщика сырья, прежде всего хлопка. В то же время о значительном потенциале, прежде всего сельскохозяйственной промышленности, заявляли и Пален, и Самсонов. При этом зарубежные инвестиции в стратегический, с точки зрения геополитики, край не допускались без высочайшего разрешения. Идею переноса ткацкой и бумагопрядильной промышленности в Туркестан резко критиковали правительственные круги правого толка. «Последнее дело, если у нас замышляется перенесение фабричной обработки хлопка и шерсти из коренной России на инородческую окраину, и без того поднятую за счет русского народа. До этого могли додуматься только явные и тайные враги русского царя», — отмечала в 1913 г. право-монархическая газета «Земщина»⁶⁰.

Тем не менее постепенно происходил процесс унификации правовых норм с общеимперскими. Так, в июне 1913 г. Госдума приняла представленный Министерством торговли и промышленности законопроект, распространявший правила о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимоотношениях фабрикантов и рабочих — на некоторые окраинные территории империи, в том числе Ферганскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую, Семипалатинскую и Акмолинскую области. Проект предполагал учредить в каждой из областей присутствия по фабричным и горнозаводским делам и должности старшего инспектора. Обосновывая важность проекта, министерство отмечало значительный рост в этих областях числа подлежащих надзору промышленных заведений и занятых в них рабочих. Также подчеркивалась необходимость этого проекта «ввиду роста промышленной жизни и ввиду того, что некоторым окраинам нужно предоставить те же условия, в которых находится

центральная <...> Россия». Проект поддержали генерал-губернатор Самсонов и Военное министерство, указавшие на быстрое развитие промышленности и рост числа рабочих⁶¹.

Развитие сельскохозяйственного производства было затруднено без доступа к широкому рынку сбыта продукции, которым могла бы стать Европейская Россия. Аграрной, в первую очередь хлопковой специализации Туркестана также мешало отсутствие доступа к дешевым зерновым культурам Сибири и Семиречья. В этой связи важным представлялось развитие транспорта. В Думе предложили ускорить создание Южно-Сибирской дороги, которая соединила бы Туркестан с Семиречьем и далее с Сибирью⁶².

В июне 1914 г. был принят разработанный Министерством путей сообщения проект организации перевозки скоропортящихся грузов из Туркестана в Петербург и Москву, а потом и на заграничные рынки, главным образом мяса — из Оренбургского района, рыбы — из района Аральского моря и фруктов — из Средней Азии. Согласно проекту предполагались закупка холодильных вагонов и оборудование складов для заморозки и хранения⁶³.

Госдума вносила пожелания развивать на окраинах водные и железнодорожные пути, почтово-телеграфную сеть, мелкий кредит, ввести земства, удешевить тарифы, укрепить права собственности. Были предприняты и конкретные шаги в этом направлении. Жители Закаспийской области в отличие от городов остальной части Туркестана имели землю лишь в пользовании с обязательством в определенный срок возвести жилые постройки, а поэтому участки не могли служить залогом в банках, обеспечением при подрядах, затруднена была их купля-продажа, отсутствовал дешевый кредит. В январе 1913 г. октябристы предложили распространить на Асхабад (Ашхабад) право собственности горожан на приусадебные участки, что помимо решения вышеуказанных проблем обеспечило бы пополнение городской казны сборами с недвижимости⁶⁴. Докладчик барон Н.Б. Вольф акцентировал внимание на тот факт, что принятие проекта помогло бы упорядочить городское дело. Финансовая комиссия, а вслед за тем сама Госдума признали законодательное предположение желательным. Как разъяснил начальник Азиатской части Генштаба С.В. Цейль, военное ведомство само намеревалось решить этот вопрос в отношении всех городов Закаспийской области. Задержка была связана с отсутствием планов участков и необходимостью ввести в проект ограничения на переход земли иностранцам⁶⁵. Разработку законопроекта в феврале 1914 г. взял на себя военный министр, но вопрос так и не был решен.

Развитием городского и земского хозяйства в начале XX в. занимались органы самоуправления. Статистические данные показывают, что те города, в которых имелись такие органы, обладали гораздо более развитым хозяйством, чем поселения, где «Городовое положение» в полной мере не действовало. В 1913 г. октябристы предложили Думе вслед за Ташкентом ввести городское самоуправление в столице Закаспийской области — 44-тысячном Ашхабаде, что должно было улучшить его благоустройство и повысить качество городского управления. По данным члена Госдумы Э.П. Беннигсена, Ашхабад имел к тому времени «нечто вроде» городской думы с совещательными полномочиями, однако права управления оставались у местного уездного начальника и областного правления⁶⁶.

Как отмечали октябристы, за введение городского самоуправления выступала и местная администрация, но в центре решение вопроса связывали с введением нового положения об управлении Туркестанским краем⁶⁷. Хотя Госдума признала желательным законодательное предположение, но оставила его «без движения»⁶⁸.

Эксперты и думские комиссии обсуждали введение в Туркестане земских учреждений на началах самоуправления. Эту идею поддержал К.К. Пален, но против были А.В. Самсонов и правительство — опасались, что контроль над земствами захватят сепаратистски настроенные консервативные местные элиты. Поэтому предлагалось лишь назначать в органы управления выбранных генерал-губернатором представителей населения с совещательным голосом.

Довольно остро в крае стояла проблема мелкого кредита, необходимого для непосредственных производителей хлопка, вынужденных перед началом сезона занимать деньги у ростовщиков и закупщиков под высокий процент. Попытки развить мелкий кредит наталкивались на сопротивление ведомств. Так, до 1917 г. из-за неопределенности в решении проблемы земельной собственности и документов на владение не был утвержден внесенный в Минфин в 1912 г. устав Среднеазиатского земельного банка, ставившего целью «удовлетворение нужды мелкого землевладельческого класса в кредите»⁶⁹.

Проблема доходности и «недоуправления»

В начале XX в. в метрополии шли активные дискуссии по вопросам убыточности Туркестана, экономической эффективности имперской политики, оценка которой зависела от выбора критериев. Изменения предполагались в сторону усиления обложения и унификации с остальной империей⁷⁰. В пересмотре нуждалась вся налоговая система края, опиравшаяся на поземельный налог и кибиточную подать. В то же время в этой сфере нельзя было не учитывать специфику региона. Так, в Туркестане не приносили значимого дохода косвенные сборы, игравшие важную роль в метрополии, например, акцизный — с алкоголя. Российская раскладочная общинная система поземельного налога была чуждой для Туркестана, кибиточная подать была несправедливой — ее платили на равных и богач, и бедняк. В регионе выращивались культуры, приносившие разную доходность, отличались условия земледелия на неорошаемых и орошаемых (богарных) землях. Госконтроль заявлял о слишком слабом налоговом бремени кочевников — в пять раз меньше, чем у русских крестьян. Пален связывал повышение прибыльности Туркестана с усилиями центра по организации и развитию местного хозяйства⁷¹.

Идея введения налога на хлопок, доходы от которого можно было бы использовать на развитие ирригации Туркестана, до начала Первой мировой войны не была воплощена, находившиеся под хлопком земли облагались по доходности как зерновые культуры, хотя хлопчатник был гораздо прибыльнее. В этом вопросе интересы производителей хлопка, текстильщиков и потребность государства снизить зависимость от хлопкового импорта сталкивались с задачей найти деньги на государственное орошение и переселение туда русских крестьян. Налог на хлопок ввели только в 1914 г., когда началась война.

Перед ней обсуждалась идея особого налога с коренного населения Туркестана, т.к. оно было освобождено от воинской повинности. Однако власти опасались недовольства, поскольку отсутствие воинской повинности являлось привилегией, предоставленной еще при присоединении края к России. До революции решительной модернизации налоговой системы края так и не произошло.

Опыт экономического развития Туркестана подсказывал, что необходима координация управленческих действий в рамках некоего централизованного органа. Среди ведомств наиболее активную политику в Туркестане проводило ГУЗиЗ, а Кривошеин даже заслужил прозвище «министра Азиатской России» и «первого министра русских колоний»⁷². Земельное ведомство было далеко от монопольного управления краем, ведущую роль продолжал играть генерал-губернатор, Туркестан находился в ведении Военного министерства. Влияние имели и другие органы управления метрополии.

Бюджетная комиссия IV Госдумы предложила создать для согласования всех мер особый постоянный орган — межведомственный комитет при переселенческом управлении, а ответственным за исполнение задачи колонизации должно было стать все объединенное правительство. Это предложение приняла сельскохозяйственная комиссия⁷³, но полностью оно не было реализовано. Чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г.К. Гинс вспоминал, что в совещании по выработке проекта основных начал преобразования управления Туркестаном высказывалась идея учредить по примеру Сибири комитет по заселению края, который мог бы объединить колонизационные мероприятия. Однако поддержки это предложение не получило⁷⁴.

Существовала точка зрения, что ведущую роль в крае по образцу кавказского наместника следовало отдать генерал-губернатору, значительно усилив его власть и объединив в его руках все управление. Между тем предложения рассматривать Туркестан как некий особый регион, наталкивались на сформулированную центром задачу правовой унификации⁷⁵. Устранить ведомственные противоречия и создать единый центр принятия решений по управлению Туркестаном до революции 1917 г. в империи не смогли.

Восстание 1916 г. привело к тому, что вместо задач экономического развития региона на первый план вышла необходимость его «успокоения». В декабре 1916 г. в ходе обсуждения в Думе туркестанских событий в числе причин восстания были названы последствия экономической политики метрополии, в первую очередь насильственное отобрание земли у киргизов без учета их быта и условий жизни, форсированное водворение поселенцев. Отмечалось, что в части Семиречья была «уничтожена вся русская колонизация»⁷⁶.

Выводы

Вопросы развития хозяйства Туркестана и его интеграции в империю были в центре внимания Госдумы, которая не только обсуждала и корректировала правительственные инициативы, но и создавала законопроекты, формулировала общие принципы курса метрополии в крае. Прежде всего, думское большинство и ГУЗиЗ занимались проблемой масштабного переселения в Туркестан, а не обустройством

местного населения, т.к. Туркестан должен был стать в будущем переселенческой колонией. Не учитывался факт быстрого разрушения привычного образа жизни коренных жителей, что привело к углублению противоречий в регионе⁷⁷.

Российское правительство не смогло выработать единую политику в отношении Туркестана. К 1917 г. не был создан проект нового «Туркестанского положения», призванного зафиксировать новый курс империи в крае, многие проекты реформирования либо по многу лет разрабатывались, либо находились на стадии обсуждения. Не было создано единого органа, который бы обеспечил проведение скоординированной политики в отношении Туркестана. В итоге модернизация проходила во многом стихийно, не было сделано ничего, чтобы минимизировать последствия слома традиционного уклада, имущественной дифференциации, обезземеливания, эксплуатации. Появились маргинальные слои. Правительство и Дума были слабо информированы о развитии ситуации в крае и недостаточно уделяли внимания хозяйственным вопросам.

Можно предположить, что реформы задерживались, т.к. некоторые ведомства по разным причинам не были заинтересованы в немедленном законодательном утверждении частной собственности на землю, в определении порядка землеустройства коренного населения, установлении налога на хлопок, в казенных финансовых вливаниях в край, в унификации системы его управления.

Пользуясь поддержкой в Думе, ГУЗиЗ стало действовать обособленно, добиваясь последовательного законодательного решения по приоритетным для него вопросам колонизации, землеустройства переселенцев. Однобокость действий земельного ведомства мешала формированию единой политики империи, усилила региональные противоречия. По справедливому замечанию Палена, эти действия создали аграрные трудности, посеяли «семена национальной розни», породившей восстание. Недостаточно внимания развитию Туркестана уделяло Министерство финансов, не желавшее финансировать окраины. Сохранялись сложности с мелким кредитом, из-за чего доходы от выращивания хлопка получали не производители, а ростовщики и скупщики.

Предложения о вливаниях бюджетных средств в Туркестан негативно воспринимались российским обществом; за конкуренцию с производителями метрополии критиковались планы развития промышленности края; введению налога на вывозимый из него хлопок противодействовали предприниматели, сторонники «хлопковой независимости» России; правые круги выступали против привлечения в Туркестан частного, особенно иностранного, капитала.

Российская империя так и не смогла учесть интересы сторон, заинтересованных в экономическом развитии Туркестана; обеспечить его интеграцию в состав империи; упорядочить противоречивые соответствующие нормы и их применение; урегулировать новые для края хозяйственные институты. В действиях центра проявились тенденции: с одной стороны, к превращению Туркестана в колонию, с другой — к его правовой унификации и хозяйственной интеграции. Представители левых течений в Госдуме (а после восстания 1916 г. и генерал-губернатор края А.Н. Куропаткин) заговорили о необходимости улучшения положения «туземцев» в условиях радикальных изменений. Туркестанское восстание нанесло удар по экономическому развитию региона, став проявлением кризиса имперской модели управления в России.

Примечания

- ¹ *Smele J.D.* The «Russian» civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world. L., 2015.
- ² См.: *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 176.
- ³ См.: *Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995; *Очерки по истории государственности Узбекистана.* Ташкент, 2001; *Камолитдин Ш.С.* Актуальные проблемы историографии истории Средней Азии: уч. пособие. Ташкент, 2017.
- ⁴ *Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006; *Правилова Е.А.* «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX–XX века // *Ab Imperio.* 2002. № 4. С. 115–143; *Новая имперская история Северной Евразии.* Ч. 2. Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. Казань, 2017; *Фурсов К.А.* Две империи. Экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009; *Фурсов К.А.* Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* М., 2010. № 6. С. 28–44.
- ⁵ *Законодательство думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы.* М., 2006. С. 415–422.
- ⁶ Законодательное предположение № 287 о восстановлении представительства в Государственной Думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской // *Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая.* 1914 г. СПб., 1913. Вып. III. С. 1.
- ⁷ *Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857–1921). Париж, 1973. С. 116.
- ⁸ Там же. С. 116–117. В 1908 – осень 1915 гг. Кривошеин был главноуправляющим землеустройством и земледелием.
- ⁹ *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 134–136.
- ¹⁰ Правила о переселении на казенные земли (1906 г.). Ст. 15. Прим. 1; ст. 16. Прим. 1 // *Сибирские переселения: документы и материалы.* Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 10–38; *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).* Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 90–93, 101.
- ¹¹ *Филимонов А.В.* Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX – начала XX века // *Исторический курьер.* 2018. № 2. Ст. 9. С. 13–14.
- ¹² *Ямзин И.Л., Воицинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л. 1926. С. 67–68.
- ¹³ *Филимонов А.В.* Разработка и реализация программ финансирования ... С. 14.
- ¹⁴ Законодательное предположение № 287 ... // *Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия вторая.* СПб., 1914. Вып. III. С. 1–2.
- ¹⁵ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб., 1912. С. 55, 76.
- ¹⁶ *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 1276. Оп. 2. Д. 36. Л. 369.
- ¹⁷ *Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая.* СПб., 1913. Ч. I. Стб. 271–272.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 22 об., 37–37 об., 98 об.–99.
- ¹⁹ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910. С. 417–418.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 28 об., 30.
- ²¹ *Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая.* СПб., 1913. Ч. I. Стб. 271–272.
- ²² Там же. Стб. 520.
- ²³ *Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая.* СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1729.
- ²⁴ *Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая.* Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4377–4378.
- ²⁵ *Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая.* СПб., 1913. Ч. I. Стб. 395.
- ²⁶ *Кауфман А.А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: отчет члена ученого комитета Министерства земледелия и госимуществ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. С. 205.

- ²⁷ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Б.м., 1909. С. 28–29.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 1–3, 12–13.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412. Л. 31–33, 36 об.
- ³⁰ Кауфман А.А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 10, 32.
- ³¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 79–83.
- ³² Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 146–149.
- ³³ Законодательное предположение № 67. 1913 г. об изыскании средств для мелиоративного кредита и о пересмотре закона о капитале на сельскохозяйственные улучшения // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. I. С. 1–3.
- ³⁴ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 60, 271.
- ³⁵ Доклад № 843 по законопроекту об отпуске из государственного казначейства средств на переустройство канала императора Николая I в Голодной степи // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. СПб., 1914. Вып. IX. С. 1–10; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 1185.
- ³⁶ Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. С. 312–313; Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова ... С. 38.
- ³⁷ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина ... С. 30, 53, 67.
- ³⁸ Там же. С. 67–72, 80.
- ³⁹ Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты 1910 г. Ч. I. Стб. 2586–2634; Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты 1911 г. Ч. II. Стб. 1.
- ⁴⁰ Ямзин И.Л., Воицинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. С. 35.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4232. Л. 34–35 об.
- ⁴² Там же. Л. 2–2 об., 10, 40.
- ⁴³ Гинс Г.К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 43.
- ⁴⁴ Там же. С. 45–48.
- ⁴⁵ Проект закона об отводе орошаемых системой Романовского канала казенных участков Голодной степи Ходжентского уезда Самаркандской области // Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Пг., 1914. Вып. I. С. 732–735.
- ⁴⁶ Доклад № 435 по законопроекту о предоставлении лицам всех сословий права переселения на казенные земли Азиатской России на общих с сельскими обывателями основаниях // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. СПб., 1914. Вып. V. С. 1–3.
- ⁴⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4633.
- ⁴⁸ Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 68, 81.
- ⁴⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 2329–2330; Доклад № 422 по законопроекту об установлении правил о наделении земель Семиреченского казачьего войска // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. IV. С. 1–5.
- ⁵⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия 2. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 786–793.
- ⁵¹ Котокова Т.В. Краина на особом положении ... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 18–19, 374.
- ⁵² См. подробнее: Мамаев А.В. Подготовка реформы управления Туркестанским краем в начале XX в.: экономические аспекты // Научный диалог. 2019. № 11. С. 388–406.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 2–3 об., 11, 67 об.–68.
- ⁵⁴ Там же. Л. 72–76.
- ⁵⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1681–1686, 1697–1698.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 74–76, 77 об.–78.
- ⁵⁷ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз (Петербург, 1907 г.). СПб., 1907. С. 3–4, 33, 91.
- ⁵⁸ Доклад № 116 по законопроекту положения о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1916 г. Пг., 1916. Вып. III. С. 1–54; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. III. Стб. 4633–4639, 5213.

- ⁵⁹ Законодательное предположение № 64 об отмене вероисповедных и национальных ограничений // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1915–1916 гг. Пг., 1916. Вып. II. С. 2.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4296. Л. 5 (вырезка из газеты).
- ⁶¹ Доклад № 395 по законопроекту о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих на некоторые губернии и области Кавказа, Сибири, Степного края и Туркестана и об установлении нового штата фабричной инспекции // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб., 1913. Вып. VI. С. 1–10; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 2220–2221; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4133. Л. 33–34, 46.
- ⁶² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1701–1702.
- ⁶³ Доклад № 855 по законопроекту об утверждении строительной стоимости работ и поставок по оборудованию холодильными устройствами линии Самарканд – Санкт-Петербург (через Сызрань – Тулу – Москву) и отпуске в 1913 г. на приступ к означенным работам 1 млн руб. // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. СПб., 1914. Вып. X. С. 1–21; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 1305–1307; 1399–14.
- ⁶⁴ Законодательное предположение № 66. 1913 г. о распространении на г. Асхабад ст. 269 Положения об управлении Туркестанским краем // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. I. СПб., 1913.
- ⁶⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. II. Стб. 564–566.
- ⁶⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 2239–2240.
- ⁶⁷ Законодательное предположение № 68. 1913 г. о введении Городового положения в г. Асхабаде, Закаспийской области // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. I. СПб., 1913.
- ⁶⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 2240–2241.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4148. Л. 34, 68–68 об., 70.
- ⁷⁰ *Правилова Е.А.* «Цена» империи ... С. 116, 132–136, 139; Центральная Азия в составе Российской империи. С. 136–138.
- ⁷¹ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 136.
- ⁷² *Вошнин В.* Колонизационное дело при А.В. Кривошеине // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 3–24.
- ⁷³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1703–1704.
- ⁷⁴ *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. С. 29.
- ⁷⁵ *Корнеев В.В.* Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. – февраль 1917 года) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 56–70.
- ⁷⁶ Стенографический отчет Государственной Думы. Заседание 15 декабря 1916 г. // Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов. Ташкент, 1932. С. 151, 159–160.
- ⁷⁷ См. подробнее: *Мамаев А.В.* Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы // Клио. 2018. № 11. С. 73–82.

Библиография

- Smele J.D.* The «Russian» civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world. L.: Hurst, 2015. 423 p.
- Ахмеджанов Г.А.* Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент: Фан, 1995. 217 с.
- Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов. Ташкент: Госиздат, 1932. 175 с.
- Воицинин В.* Колонизационное дело при А.В. Кривошеине // Вопросы колонизации. 1916. № 18. С. 3–24.
- Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Б.м.: б.и., 1909. 58 с.
- Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 65 с.
- Глущенко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 573 с.
- Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты 1910 г. СПб.: Гос. типография, 1910. Ч. I. 3368 стб.
- Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты 1911 г. СПб.: Гос. типография, 1911. Ч. II. 3724 стб.
- Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. СПб.: Гос. типография, 1913. Ч. I. 2438 стб.
- Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. СПб.: Гос. типография, 1913. Ч. III. 2698 стб.
- Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. СПб.: Гос. типография, 1914. Ч. V. 1396 стб.
- Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Пг.: Гос. типография, 1916. Ч. III. стб. 3503–5820.
- Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 766 с.
- Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб.: Гос. типография, 1912. 88 с.
- Камалиддин Ш.С.* Актуальные проблемы историографии истории Средней Азии: уч. пособие. Ташкент: ТашГИВ, 2017. 206 с.
- Кауфман А.А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: отчет члена ученого комитета Министерства земледелия и госимущества А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. 205 с.
- Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 82 с.
- Кауфман А.А.* Переселение. Мечты и действительность. М.: Народное право, 1906. 37 с.
- Корнеев В.В.* Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. – февраль 1917 года) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 56–70.
- Котюкова Т.В.* Украина на особом положении ... Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
- Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857–1921). Париж: б.и., 1973. 350 с.
- Мамаев А.В.* Подготовка реформы управления Туркестанским краем в начале XX в.: экономические аспекты // Научный диалог. 2019. № 11. С. 388–406.
- Мамаев А.В.* Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы // Клио. 2018. № 11. С. 73–82.
- Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.
- Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб.: Сенатская типография, 1910. 419 с.
- Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Шарк, 2001. 208 с.
- Правилова Е.А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое издательство, 2006. 453 с.
- Правилова Е.А.* «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX–XX века // Ab Imperio. 2002. № 4. С. 115–143.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. СПб.: Гос. типография, 1913. Вып. I. 966 с.; Вып. VI. 825 с.
- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. СПб.: Гос. типография, 1914. Вып. IX. 892 с.

- Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1914 г. СПб.: Гос. типография, 1914. Вып. III. 849 с.
- Проекты законов, одобренные Госдумой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Пг.: Гос. типография, 1914. Вып. I. 745 с.
- Сибирские переселения: документы и материалы. Новосибирск: НГУ, 2003. Вып. 1. 198 с.
- Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
- Филимонов А.В.* Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX – начала XX века // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 9. С. 1–18.
- Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент: ФАН, 1983. 128 с.
- Фурсов К.А.* Две империи. Экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX – начале XX в. (научный доклад). М.: Ин-т экономики РАН, 2009. 42 с.
- Фурсов К.А.* Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 6. С. 28–44.
- Центральная Азия в составе Российской империи. М.: НЛЮ, 2008. 464 с.
- Ямзин И.Л., Воишин В.П.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 328 с.

Бессолицын А.А.*

Леденцовское общество как филантропический проект в условиях экономической модернизации России

Аннотация. Статья посвящена деятельности организации, созданной на частные средства с целью поддержки ученых, изобретателей, рационализаторов в условиях экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв., — «Общества содействия опытных наук и их практических применений имени Христофора Семеновича Леденцова». На основе результатов анализа отчетов Совета и комиссий этой организации показаны механизм ее инновационной работы и реальный вклад в поддержку изобретений, научных открытий, а также освещены проблемы, с которыми сталкивались эксперты. В результате отказа от реализации значительного числа проектов (прежде всего в силу их слабой научной проработки) и ограниченности в средствах Общество поддерживало уже сложившиеся научные школы и коллективы, отделяя при этом отрицательное отношение к изобретению от отношения к самому изобретателю. С этой целью организация проводила просветительскую работу и содействовала конкретным изобретателям, выводя их «на правильный путь». Леденцовское общество являлось филантропической организацией, т.к. в практической деятельности руководствовалося завещанием своего основателя, считавшего необходимым помогать в осуществлении преимущественно таких открытий и изобретений, которые не требовали больших финансовых затрат, но при этом были бы полезны стране. В статье использованы материалы профильного издания Общества — журнала «Временник», издававшегося в 1910–1917 гг.

Ключевые слова: Х.С. Леденцов, филантропическая организация, инновационные проекты, целевой капитал, изобретения, научные школы, финансовые риски.

Введение

Российская империя на рубеже XIX–XX вв. как страна догоняющего развития вслед за Японией активно включилась в процесс модернизации своей экономики. Целью модернизации явилось стремление существенно упрочить позиции России в мировом промышленном производстве и сократить свое отставание по уровню экономического развития от передовых индустриальных стран. Реализации этой цели способствовала торгово-экономическая программа, разработанная в 1893 г. в Министерстве финансов при активном участии его главы С.Ю. Витте. Она вошла в историю как «Программа Витте», ставшая, по сути, моделью перехода страны к индустриальному развитию. Она предполагала целый комплекс мер, включая совершенствование уже сложившихся и формирование новых промышленных центров, создание более благоприятных условий для частного бизнеса, в том числе за счет привлечения его к систематическому совещательному участию в управлении экономикой.

Ускоренное развитие страны на рубеже веков потребовало подготовленных и грамотных специалистов в разных отраслях промышленности, а также под-

* Бессолицын Александр Алексеевич — доктор экономических наук, Институт российской истории РАН, A_Bessolitsyn@mail.ru.

держки творческой инициативы, что проявилось в создании профессиональных, технических, научных и иных обществ, которые способствовали повышению профессионализации многих специальностей. С другой стороны, частная инициатива (проявившаяся в активном поиске новых способов и приемов в организации производства, изобретении современных механизмов, существенно повышающих производительность труда, научных открытиях в области техники и технологий и т.п.) также вносила значительный вклад в модернизацию страны.

Для ускорения социально-экономического развития требовался новый технологический прорыв, который, в свою очередь, должен был стимулировать экономический рост, придать ему желаемый динамизм. В условиях промышленной модернизации необходимо было реализовать целый комплекс мероприятий по решению инновационных проблем и достижению новых технологических целей, что влекло за собой вливание значительных инвестиций без четких гарантий их возврата. Решение подобных проблем, как правило, поддерживается специальными инвестиционными фондами, которые в своей деятельности учитывают факторы риска.

Первый подобный российский фонд — «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Христофора Семеновича Леденцова» — был специально создан для поддержки научных исследований, изобретений и изобретателей в начале XX в. Со временем фонд мог бы превратиться в мощную филантропическую организацию, но в силу исторических условий этого не произошло. Тем не менее накопленный Обществом практический опыт поддержки научных проектов и изобретений в 1909–1918 гг., безусловно, представляет не только познавательный, но и научный интерес.

Нельзя сказать, что Христофору Семеновичу Леденцову и его Обществу не уделяется должного внимания. Именем этого человека названа улица в Вологде, а на месте его захоронения в 1910 г. установлен памятник. С 2009 г. (100-летие основания Общества) регулярно проводятся «Леденцовские чтения» — научно-практические конференции. На первой из них в одном из докладов отмечалось, что посвященная Х.С. Леденцову и его Обществу библиография насчитывает 76 наименований¹.

Однако большинство публикаций посвящены личности основателя организации, его коммерческим и социальным проектам, особенностям благотворительности и меценатства. Сама же деятельность Общества еще не стала предметом специального исследования. Как правило, она рассматривается лишь в контексте «Общего дела» Леденцова².

Исключение составили статья В.А. Волкова и М.В. Куликовой³, акцентировавших внимание на поддержке Обществом научных исследований, а также несколько публикаций О.Н. Завьяловой⁴, в которых проанализирована деятельность Общества не только с точки зрения его благотворительности и научного меценатства, но и как попытки организации первого в России эндаумент-фонда.

Идея создания подобного общества в стране возникла еще в 1902 г., когда по случаю 100-летнего юбилея Министерства финансов при Минской Казенной палате чины этого ведомства решили отчислять 1% получаемого ими содержания на формирование капитала, проценты с которого перечислялись на

стипендии «беднейшим и достойнейшим детям чиновников названных учреждений, находящимся в учебных заведениях»⁵.

Этот фонд с официальным наименованием «Капитал в память столетия учреждения Министерства финансов» был высочайше утвержден только в декабре 1913 г. Финансовые возможности фонда были ограничены: прибыль с собранного им в 1902 г. капитала в размере 5 272 руб. (в феврале 1915 г. — около 8 432 руб.) составила в 1913 г. всего 347 руб. Тем не менее в 1913 и 1914 гг. этой суммы оказалось достаточно для учреждения двух стипендий по 75 руб. и выделения денег для выплаты единовременных пособий — на воспитание детей «наиболее недостаточных чиновников учреждений, принимавших участие в образовании капитала»⁶.

Создание сформированного полностью на частные средства «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений» в России было новым явлением в условиях начавшейся экономической модернизации. Привлечение частного бизнеса к решению общих интересов промышленности и торговли рассматривалось как неотложная задача. «Совещательные по части торговли и промышленности учреждения, — отмечал С.Ю. Витте, — оказываются существующими лишь фиктивно, а центральное — Совет торговли и мануфактур, — по самому составу своему не отвечающее возложенным на него по закону обязанностям, сосредоточило свою деятельность на рассмотрении такого рода дел, которые частью подлежали бы изъятию из его компетенции (привилегии на новые открытия, изобретения и усовершенствования) <...> Поэтому вопрос о преобразовании как центрального, так и местных совещательных учреждений по части торговли и промышленности не только вполне назрел, но едва ли может быть долее откладываемым»⁷.

Подобная позиция министра финансов стимулировала предпринимательское сообщество более активно включиться в процессы модернизации. Многие предприниматели делали значительные денежные пожертвования Императорскому русскому техническому обществу, которое поддерживало передовые инженерные разработки в металлургии, электротехнике, воздухоплавании, нефтяном деле, т.е. стимулировало развитие новых, перспективных направлений в производстве, а также занималось подготовкой и переподготовкой инженерных и рабочих кадров. Практически в том же ключе была организована и деятельность фонда Леденцова.

Цель данной статьи: основываясь на отчетах комиссий Общества (публиковались в его печатном органе — журнале «Временник»), представить деятельность последнего как инновационный и одновременно филантропический проект, выявить организационные проблемы экспертов Общества и показать его вклад в поддержку изобретений и научных исследований.

Основная часть

История «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений» началась с духовного завещания мецената и предпринимателя Х.С. Леденцова (от 13 апреля 1905 г.), который весь личный капитал завещал на создание своего детища.

Поскольку биография Леденцова исследована достаточно подробно, то нет необходимости специально останавливаться на этом сюжете. Достаточно лишь отметить, что отец Христофора Семеновича был известным вологодским купцом, судовладельцем и промышленником, имел в Вологде меховой магазин, занимался перевозками товаров по Вологде и Сухоне. Среди представителей вологодского купечества он имел положительную репутацию и отличался образованностью. От отца Христофор Семенович унаследовал довольно значительный капитал. Его он умело преумножил, будучи владельцем винокуренного завода, нескольких доходных домов (один из которых находился в Петербурге), магазина в Вологде, занимаясь также торговлей льном и пушниной. Но основное богатство принесли ему акции железных дорог — для того времени, пожалуй, самые доходные⁸.

Свой дом в Вологде, где длительное время размещались вологодские присутственные места, он продал казне. Правда, процедура покупки заняла пять лет (1888—1893). Первоначально собственник выставил цену — 170 тыс. руб., но постепенно понизил ее более чем в два раза. Это сделало покупку для казны чрезвычайно выгодной, поскольку строительство нового здания обошлось бы в 269 тыс. руб. Поэтому в Департаменте государственной экономии решили приобрести в собственность казны дом (с земельным участком), принадлежавший Леденцову, за назначенную им цену — 80 тыс. руб.⁹

После смерти жены Леденцов переехал Москву, где продолжил активно заниматься общественной и благотворительной деятельностью. 15 марта 1900 г. он выступил учредителем Технического музея содействия труду и передал в дар Московскому отделению Императорского русского технического общества 50 тыс. руб. Сотрудники музея проводили просветительскую работу. Кроме того, меценат впервые в России организовал систему учреждений по охране труда, пенсионных касс, потребительских обществ, способствовал созданию профсоюзных организаций в России и т.д.

В то же время Леденцов продумывал новые организационные формы стимулирования научных исследований. В его духовном завещании подчеркивалось: «Все мое движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно не заключалось, и где бы оно не находилось <...> завещаю в собственность Императорскому московскому университету и Императорскому Московскому техническому училищу безраздельно, на цели, указанные в третьем пункте сего завещания и на условиях в том же пункте установленных с тем, чтобы все мое состояние было обращено моими душеприказчиками в государственные или правительством гарантированные процентные бумаги. Этот капитал, которому должно быть присвоено наименование капитала “Христофора Семеновича Леденцова”, имеет быть положен моими душеприказчиками на вечное время на хранение и управление в Московскую Контору Государственного Банка или в другое Государственное Кредитное учреждение и должен навсегда оставаться неприкосновенным»¹⁰.

Общество отличалось от фонда Альфреда Нобеля — учредителя Нобелевской премии, т.к. создавалось на совершенно других принципах и концепциях. Устав Общества был утвержден в 1909 г., цель его заключалась не в награждении ученых и изобретателей, как у Нобеля, а в содействии научным открытиям, ис-

следованиям, изобретениям и усовершенствованиям в сфере техники, а также в их испытании и проведении в жизнь¹¹.

Уже в завещании Леденцов указал обязательные условия распоряжения целевым капиталом, которые затем были отражены в Уставе Общества. Только 10% дохода с неприкосновенного капитала разрешалось тратить на «аппаратные расходы» (канцелярские, почтовые, издательские и т.п.), а остальные 90% должны были идти на расходы, связанные с опытами, работами, проверками и приобретениями необходимых материалов. Подчеркивалось, что оказывать «содействие изобретателям желательно не столько в форме денежной помощи, сколько в организации возможно выгодного использования открытий и изобретений: 1) путем выдачи отзывов об исследованиях и открытиях, 2) выделения материальных пособий для осуществления научных исследований, 3) устройства лабораторий; 4) издания трудов Общества, 5) составления библиотек, 6) устройства публичных чтений, бесед, музеев и выставок». Основными формами содействия являлись «подача советов и указаний, а также обсуждение представленных проектов»¹².

Предполагалось, что средства Общества будут пополняться из различных источников. Первое место отводилось капиталам, которые по воле жертвователей являлись неприкосновенными. Пример в этом плане показал сам Леденцов, который еще при жизни сформировал такой капитал — 100 тыс. руб. процентными бумагами по номинальной стоимости. Именно этот капитал стал основой существования Общества, а доходы с него должны были использоваться согласно духовному завещанию. Наконец, фонд мог пополняться за счет пособий и пожертвований от различных учреждений и частных лиц или «случайных поступлений»¹³.

Первое организационное собрание состоялось 17 мая 1909 г. в помещении Политехнического общества. На нем был избран Совет (18 человек). Его председателем стал Семен Андреевич Федоров, заслуженный профессор Императорского Московского технического училища, товарищем председателя — Николай Алексеевич Умов, заслуженный профессор Императорского Московского университета¹⁴.

Среди членов Совета были ведущие ученые (например, финансист, профессор Петербургского университета И.Х. Озеров, профессора Московского университета П.Н. Лебедев и А.П. Павлов) и известные предприниматели (директор правления «Товарищества Городищенской суконной фабрики» С.И. Четвериков, директор правления «Товарищества мануфактур И.А. Коновалова с сыновьями» А.И. Коновалов и др.)¹⁵.

Совет Общества управлял делами и определял смету доходов и расходов на предстоящий год (утверждалась годичным Общим собранием). Действительными членами организации, помимо известных ученых и предпринимателей, могли стать лица, активно проявившие себя либо научными исследованиями в области естествознания или техники, либо реальными достижениями в сфере технической и промышленной деятельности.

Первоначально постоянными членами (и членами-корреспондентами) Общества были 120 человек. В их числе — профессора Московского университета В.И. Вернадский и Н.Д. Зелинский, московский городской голова Н.И. Гучков,

директор «Товарищества мануфактур “Анисим Елагин с С-ми”» Б.С. Елагин, преподаватель Московского технического училища В.В. Зворыкин, директор Санкт-Петербургского технологического института Д.С. Зернов и др.¹⁶

Постоянно обновлялся и пополнялся состав Общества. К 1 января 1917 г. его действительными членами стали около 300 человек. Среди них были известные представители деловых кругов: директор правления «Товарищества Московского металлического завода» Ю.П. Гужон, председатель Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников, директора правления Богородско-Глуховской мануфактуры Н.Д. и П.А. Морозовы, директор «Товарищества Новокостромской мануфактуры» С.Н. Третьяков и др.¹⁷

Для проведения экспертиз при Обществе были организованы восемь экспертных комиссий, которые возглавили ведущие ученые разных областей знаний:

- 1) воздухоплавание (Н.Е. Жуковский, ученый-механик, основоположник гидро- и аэродинамики, заслуженный профессор Московского университета);
- 2) химия (И.А. Каблуков, профессор кафедры неорганической и аналитической химии Московского сельскохозяйственного института);
- 3) электротехника, фотография, кинематография, приборы научного и учебного назначения и метеорология (П.Н. Лебедев, физик-экспериментатор, профессор Московского университета);
- 4) химическая технология, горное дело и металлургия (П.П. Петров, ученый, специалист в области химической технологии волокнистых веществ и товароведения; Я.Я. Никитинский, профессор, основоположник научного товароведения пищевых продуктов);
- 5) технология волокнистых веществ (С.А. Федоров, инженер-механик, инженер-текстильщик, директор Московского технического училища);
- 6) железнодорожное дело, строительное и архитектурное дело, отопление, вентиляция (А.П. Гавриленко, инженер-механик, ректор Императорского технического училища);
- 7) двигатели всех родов (В.И. Гриневецкий, профессор Московского технического училища, основатель и главный руководитель Московской школы теплотехников);
- 8) машины, орудия, приспособления и аппараты различного назначения (Н.Ф. Чарновский, ученый в области технологии металлов и дерева, профессор Императорского Московского технического училища).

Это были ключевые направления научно-технического прогресса на рубеже XIX–XX вв. Развитие данных отраслей экономики, их практическое внедрение в промышленное производство и определяло успехи модернизации, укрепляло обороноспособность страны, способствовало повышению жизненного уровня населения. Инновационные разработки в этих сферах необходимо было внедрять в максимально сжатые сроки, что требовало значительных капиталовложений. Творческую активность изобретателей и ученых должно было стимулировать привлечение частных средств.

Совет рассматривал заявления о предоставлении субсидий демократично и оперативно. Формы отчетности получившим субсидии лицам могли быть назначены разные: доклад на заседании Совета или годовичного собрания Общества, статья во «Временнике» или письменный отчет. Только после этого при-

нималось решение о прекращении или возобновлении дальнейшего финансирования.

Уже в самом начале деятельности (1909 г. — 1 января 1910 г.) члены Совета не смогли принять значительное количество заявлений на изобретения в различных областях знаний. В результате из 150 представленных заявлений рассмотрены следующие: воздухоплавание — 12 (из них удовлетворены 2); химия — 2 (1); электротехника, фотография, кинематография, приборы — 24 (1); химическая технология — 20 (3); технология волокнистых веществ — 5 (3); железнодорожное, строительное, архитектурное дело — 2 (0); двигатели всех родов — 12 (1); машины, орудия, приспособления — 48 (2). Кроме того, были поданы пять заявлений на изобретения, не соответствовавшие задачам организации. Таким образом, из рассмотренных 130 заявлений (остальные еще находились в процессе рассмотрения) были удовлетворены всего 13, что составило 10% общего числа изученных предложений¹⁸.

Это вызвало критику в адрес организации. В двух московских газетах появились статьи под заголовками «Участь русских изобретателей», в которых стоявшие во главе Общества «светила науки», по сути, обвинялись в нецелевом расходовании его средств, в несоблюдении заветов основателя организации («печальника и радетеля русских изобретателей») и неоказании помощи изобретателям. Отвечая на эти обвинения, товарищ председателя Общества Н.А. Умов отметил, что «авторы желали получить помощь в совокупности на сумму около 300 тыс. руб., при том что доход Общества составлял всего 72 тыс. руб. в год», а реальные изобретения, получившие поддержку экспертов, были профинансированы на 12 тыс. руб.¹⁹ «Значительное число неудачников среди русских изобретателей, — писал Умов, — обратило на себя внимание Общества. Между ними оказались люди, с большим остроумием и тщательностью разрабатывавшие свои ложные идеи, обнаружившие при такой разработке большую механическую сноровку. Ввиду этого Совет решил отделять отрицательное отношение к проекту от отношения к личности изобретателя и оказывать ему поддержку»²⁰.

Анализируя программные вопросы развития организации, Умов признавал, что «содействие опытным наукам и их практическим применениям оказалось задачей настолько обширной, что в нее не уместаются как цели общественных учреждений, так и цели индивидуальные. В основе этих разнообразных задач лежит в сущности одна мысль — содействие индивидуальному таланту и знанию <...> Поэтому Совет пришел к убеждению, что наиболее производительным осуществлением идей основателя Общества будет поддержка тех деятелей, которые вооруженные результатами современного научного знания идут путями указываемыми его историческим развитием»²¹.

Значительный процент отказов побудил членов Общества проанализировать и обнародовать основные причины отклонения большинства заявок, опубликовав доклады и заключения практически всех экспертных комиссий. В этой связи «Временник», выходявший три раза в год (до 1917 г. включительно), можно рассматривать в качестве важного источника для исследования работы организации в целом.

Из опубликованных докладов следовало, что положительные заключения на представленные изобретения не могли быть даны, прежде всего, в силу «от-

сутствия описания самого изобретения и раскрытия его сущности, а также из-за не предоставления формы требуемого содействия и точного определения испрашиваемой субсидии»²².

Кроме того, был разработан и опубликован перечень претензий, согласно которым заявления на изобретения и разработки не могли быть поддержаны. Перечислялись следующие причины отказов: отсутствие новизны изобретения; неясность цели опытов; неприемлемые денежные условия; несоответствие целям Общества; непрактичность изобретения; отсутствие его технической разработки или какой-либо определенной мысли; непригодность поставленной цели; отсутствие каких-либо преимуществ перед существующими механизмами; вследствие противоречия законам природы всех представленных «*regretum mobile*», спиритических явлений и т.п.²³

Что же касается изобретений, получивших положительные заключения, по мнению членов экспертной комиссии, только единственное из них представляло по своей цели («ее удачное достижение должно было иметь государственное значение») особую важность для одной из самых крупных отраслей народного хозяйства — хлопчатобумажного производства. Это касалось внедрения новой технологии окрашивания льняных тканей по способу изобретателя Шевелина²⁴. В связи с этим было принято специальное решение:

«1. Провести экспертизу изобретения, для чего: а) расширить состав комиссии Общества приглашением специалистов по химии, б) ассигновать на предварительные расходы по ознакомлению с изобретением и по производству опытов 300 руб.;

2. Предложить означенной комиссии наметить программу дальнейших работ и представить расчеты о возможных надеждах на успех этого дела в практике;

3. Представить смету на постановку более широких опытов и проверочных работ по намеченной комиссии программе;

4. Выработать условия, на каких Общество могло бы войти в соглашение с изобретателем, по проведению в жизнь его изобретения»²⁵.

Главная проблема состояла в том, что опытная станция Шевелина не обладала достаточными ресурсами и техническими возможностями, чтобы изготовить окрашенные по новой технологии ткани в таком количестве, которое позволило бы рекламировать их для внедрения на других фабриках. Согласно заключению экспертной комиссии, «при выпуске партий волокна хотя бы до 250 пудов в месяц появляется возможность заинтересовать такими испытаниями наиболее приспособленные промышленные предприятия. Представленная смета на производство опытных работ признается весьма умеренной и не подлежащей сокращению»²⁶. На основании экспертного заключения было решено: «Выдать изобретателю Шевелину испрашиваемую сумму в размере 7 тыс. руб. При этом 2 тыс. руб. ассигнуются сразу после утверждения протокола, а остальные 5 тыс. выдаются председателем комиссии частями по мере представления Шевелиным оправдательных документов (с 15 до 29 июня 1910 г.)»²⁷.

Относительно удовлетворения остальных ходатайств (за 1909 г.) были приняты решения в основном об оказании содействия либо в виде незначительного пособия в размере 250—300 руб. (на проведение дальнейших испытаний в ла-

боратории механического кабинета Московского университета), либо в форме предложения экспертизы и выдачи соответствующего отзыва²⁸.

Анализ заключений, сделанных на 11–14-м заседаниях экспертных комиссий, тоже свидетельствовал, что проекты, как и прежде, представляли собой «бесплотную затрату часто продолжительного времени и значительного труда, частью вследствие незнакомства авторов с основами науки, частью вследствие неосведомленности их относительно машин, способов и приемов, уже осуществленных в технике». Большинство проектов отклонили, главным образом, «по невозможности ожидания какого-либо успеха, по отсутствию новизны, практичности, целесообразности и т.д.»²⁹.

В специальном заявлении Общества отмечалось: «Внимание изобретателей весьма часто направляется на такие области, которые не составляют их специальности <...> Комиссия встречается с изобретением давно известных вещей, или же с отсутствием надлежащего запаса знаний для разрешения таких задач, которые требуют предварительной научной подготовки, между тем, изобретатель мечтает разрешить их, так сказать, от чистого разума»³⁰.

Подчеркивалось, что чаще всего изобретатели пытались внедриться в область воздухоплавания. Они предлагали Обществу рассмотреть на основе представленных схематических моделей возможность создания летательного аппарата «без какого-либо экспериментального изучения всех его отдельных деталей или самого механизма». Речь шла, по сути, о помощи в создании целого производства, причем «эта форма содействия является при настоящем состоянии средств Общества наименее осуществимой»³¹.

Начало XX в. характеризовалось рядом научных открытий и технических достижений. Безусловно, лидирующее положение занимали нововведения в области воздухоплавания. Начиная со второй половины XIX в. предпринимались попытки (в том числе и в России) предложить концепцию летательного аппарата. Первый устойчивый полет удалось совершить братьям Райт в 1903 г. Это событие активизировало изобретателей и рационализаторов к поиску новых форм и возможностей летательных аппаратов. Поэтому проекты в области воздухоплавания, отправленные на рассмотрение Общества, были достаточно разнообразными. Хотя большинство из них отклонялись экспертной комиссией по ранее названным причинам, но ряд изобретений в этой области не были поддержаны по чисто экономическим соображениям — отсутствие необходимых Обществу средств на поддержку такого рода проектов.

В частности заявку К.Э. Циолковского³² о выделении субсидии на построение металлической оболочки дирижабля, несмотря на положительный отзыв 14 ученых, инженеров и математиков, комиссия Общества отклонила на том основании, что «при отсутствии точных опытных данных о физико-механических свойствах материалов и швов в указанных условиях, нельзя рекомендовать постройку больших моделей»³³.

Правда, благодаря «доброму содействию Леденцовского общества» было профинансировано создание предложенных Циолковским малых моделей. Однако, отмечали в комиссии, «осмотр присланного экземпляра, заставляет оценивать с технологической стороны предлагаемую постройку модели, как пока еще весьма мало разработанную идею»³⁴. Это была достаточно типичная формулировка от-

каза, которая касалась в основном заявок на поддержку проектов, представленных малоизвестными изобретателями. На этом основании некоторые исследователи делают вывод, что Совет и эксперты Общества в первую очередь максимально финансировали собственные работы, а также удовлетворяли запросы близких лиц³⁵. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Безусловно, постоянные члены Общества получали дополнительные средства, но лишь для продолжения уже сделанных научных исследований и строительства лабораторий. За полученные деньги все ученые, независимо от принадлежности к Обществу, отчитывались по установленной форме. Кроме того, организация, следуя завещанию Леденцова, поддерживала преимущественно такие открытия и изобретения, которые «при наименьшей затрате капитала могли бы приносить возможно большую пользу для большинства населения»³⁶.

К отказу в поддержке своего изобретения Циолковский отнесся философски, полагая, что Общество «до известной степени право, хотя несомненно, что некоторая техническая разработанность проекта есть, раз существуют функционирующие модели. Совершенная техническая разработанность грандиозного изобретения и не может быть, раз изобретение еще не введено в жизнь»³⁷. В этом смысле ученый был прав: инновационные изобретения несли в себе определенный риск, прежде всего финансовый, поскольку в ближайшей перспективе выделенные средства могли не оправдаться. Позднее Циолковский по решению Совета Общества от 10 мая 1910 г. все-таки получил небольшое пособие в сумме 400 руб. на создание из металла модели дирижабля «возможно больших размеров» с условием, что ее представят на испытания Совета³⁸.

Между тем, несмотря на значительное число отказов в поддержке того или иного изобретения, количество заявок и обращений продолжало расти. За два года деятельности Общества (май 1909 г. — июнь 1911 г.) Совет рассмотрел 374 заявления, 62 из них были удовлетворены, 245 — получили отказ, а на 67 — запрошены дополнительные сведения³⁹. При этом число удовлетворенных заявок, хотя медленно, но росло и к 1911 г. составило 17%, однако, доля отклоненных изобретений оставалась значительной.

Справедливости ради, отметим, что большая часть отвергнутых заявок носила, скорее, курьезный характер и не имела никакого отношения к техническому прогрессу. Общество даже вынуждено было опубликовать для всеобщего обозрения ряд заявлений на подобные изобретения. Среди них оказались: способ искусственного получения гуттаперчи из неподходящих веществ; свисток, непрерывно свистящий при движении паровоза и тем предупреждающий встречных об опасности; приспособление для приготовления сочней и хворостов из теста; шкаф для учебных пособий, новизна которого заключалась в использовании его для помещения в нем таблиц; водяные лыжи для спасения утопающих; сигнальный прибор, прикреплявшийся к поясу купальщика и служивший для нахождения последнего, если тот утонет; кровать универсального типа (на все возрасты жизни); «свинтильскрутный метермолет, приводимый в движение петрольпетом» (летательным аппаратом); мухоловка особой системы; соха-плуг, «инкубатор для цыплят и умывальник — им. Х.С. Леденцова»; тележка, которую приводили «в движение силой медиумизма и спиритизма» и др.⁴⁰

Тем не менее, отмечалось в резолюции Общества, и среди малообразованных изобретателей встречались люди, не увлекавшиеся крупными непосильными для них задачами, но «всю силу своего скромного гения направившие на доведение до конца своей маленькой, но правильной и полезной мысли. Эти скромные задачи не оставались без поддержки Общества. Благодарность этих скромных тружеников творчества, засвидетельствованная в их письмах, может служить достаточным опровержением недоброжелательных суждений»⁴¹.

Всего в мае 1909 г. — мае 1912 г. поступили 566 заявлений на изобретения, из них частично или полностью были удовлетворены 148 (26%). Сумма испрашиваемых пособий превышала 0,5 млн руб., но цена реально удовлетворенных запросов едва доходила до 25 тыс. руб.⁴²

Потребность в справках по текущей технической, научной и патентной литературе, необходимой для работы экспертных комиссий и конкретных изобретателей, побудили Совет основать библиотеку с общедоступным читальным залом. К 1912 г. в ней числились более 1,5 тыс. томов и выписывались 157 периодических изданий⁴³. Библиотека Общества впервые стала собирать издания и рукописи диссертационных работ по естественным наукам и технике, активно участвовала в информационном обмене и распространении научных знаний. К октябрю 1918 г. библиотека считалась лучшей технической библиотекой Москвы: 2,5 тыс. томов; 3,5 тыс. русских и иностранных журналов⁴⁴.

В дальнейшем Общество сделало ставку на известных ученых, преподавателей вузов, которые профессионально занимались прикладными научными исследованиями. Это позволило существенно улучшить ситуацию с поддержкой заявок и ходатайств. В 1910 г. было удовлетворено ходатайство академика В.И. Вернадского о субсидировании 3,6 тыс. руб. на проведение исследований радиоактивных пород в России и связанных с ними лабораторных работ.

По отделу воздухоплавания на испытание планеров по предложению академика Н.Е. Жуковского была предоставлена дополнительная субсидия в размере 600 руб. к ранее ассигнованным 200 руб. и еще 3 тыс. руб. — на поддержание аэродинамической лаборатории Московского технического училища⁴⁵.

5 декабря 1910 г., выступая на посвященном памяти Леденцова торжественном заседании, Жуковский отметил: «В настоящее время, при блестящем развитии воздухоплавания, научные исследования по сопротивлению воздуха становятся на первую очередь <...> Благодаря поддержке Леденцовского общества в Аэродинамической лаборатории Московского университета вскоре будет поставлен построенный механиком Кирхгофом большой прибор для испытания винтов. На этом новом аппарате можно будет испытывать винты диаметром до 5-ти метров. Поддержка Общества позволила Аэродинамической лаборатории университета закончить также две большие установки: новой большой трубы и компрессора с котлом»⁴⁶. В заключение Жуковский подчеркнул, что «в России есть теоретические силы, есть молодые люди, готовые беззаветно предаться спортивным и научным изучением способов летания. Но для этих изучений нужны материальные средства. Поэтому всегда будет с глубокой благодарностью сохраняться память основателя нашего Общества Х.С. Леденцова, завещавшего свое обширное состояние на поощрение научных исследований и изобретений»⁴⁷.

Общество оказывало финансовую помощь и другим авиаконструкторам. В феврале 1911 г. авиаконструктор-любитель Н.Р. Лобанов получил ссуду в 300 руб. для завершения постройки аэроплана. Б.Н. Юрьеву тоже выделили субсидию — для создания одновинтового вертолета. Эти конструкторы получили за свои работы на второй Московской выставке воздухоплавания (март—апрель 1912 г.) соответственно Большую серебряную и Малую золотую медали⁴⁸.

Уже в 1910 г. Общество удовлетворило 20 ходатайств на получение пособий. Так, по просьбе профессора Л.А. Чугаева на исследование комплексных соединений платины выделили 1 тыс. руб. с условием, что полученные результаты будут представлены во «Временнике», а образцы созданных препаратов поступят в распоряжение Общества. Профессор А.Е. Чичебабин обратился с ходатайством о субсидии в 1,6 тыс. руб. для производства исследований нефтяных кислот в лаборатории органической химии Московского технического училища. Это ходатайство тоже удовлетворили. Московскому Обществу испытателей природы (под руководством профессора М.А. Мензбира) были предоставлены 2 тыс. руб. на фаунистические исследования, включая приобретение микроскопов, рисовальных принадлежностей и оплату ассистентов. При этом оговаривалось: как только надобность в приборах исчезнет, их передадут в распоряжение Общества, а результаты работ опубликуют во «Временнике». Получило поддержку и ходатайство профессора П.Н. Лебедева об оказании субсидии для продолжения его научных работ, связанных с разработкой имевших важное прикладное значение беспроволочного телеграфа и телефонии. На оборудование его лаборатории (20 сотрудников) Общество ассигновало 12 тыс. руб., а для аренды необходимого помещения — еще 3 тыс. руб.⁴⁹

Планомерная разработка научных и технических вопросов продолжилась в 1911 г. (удовлетворены ходатайства, а также выданы отзывы или оказана финансовая помощь по 32 делам), о чем свидетельствуют отчеты профессоров о полученных субсидиях: В.И. Гриневецкого — испытания двигателей жидкого топлива; П.Н. Лебедева — организация лаборатории физических исследований; М.А. Мензбира — фаунистические исследования; И.А. Каблукова — совершенная при содействии Общества заграничная поездка; Н.Д. Зелинского и П.И. Бахметьева — исследования: соответственно 2 тыс. руб. и 3,5 тыс. франков (София) и др.⁵⁰

В 1912 г. были выделены преподавателю Технического училища Б.И. Угрюмову 800 руб. (продолжение научных исследований в области электрических машин), профессорам: И.В. Егорову — 600 руб., А.Е. Чичебабину — 810 руб. (исследование нефтяных кислот), П.П. Лазареву — 3 тыс. руб. (работы, начатые П.Н. Лебедевым в лаборатории при университете А.Л. Шанявского) и т.д.⁵¹

Гранты в размере 50–500 руб. предоставлялись в основном на постройку аппаратов, необходимых для проведения исследований, на получение патентов, работу в научной лаборатории, разработку чертежей и т.п., всего по 34 заявлениям. Только на новое оборудование (или совершенствование уже действовавшего) научных учреждений Общество выделило 37 085 руб. При этом Институту экспериментальной медицины были предоставлены дополнительные 29 тыс. руб. в счет ассигнованных ранее 50 тыс. руб. (наибольшая сумма единичного ассигнования за весь период деятельности Общества)⁵².

В 1913 г. Общество одобрило предложение П.П. Лазарева об устройстве в Москве музея приборов, изобретенных русскими учеными; ассигновало 5 тыс. руб. на проведение под руководством того же Лазарева научных работ в лаборатории им. П.Н. Лебедева при университете Шанявского, дополнительные 2,5 тыс. руб. — для продолжения в 1914 г. научных исследований Мензбира и еще 1,5 тыс. руб. — на содержание самой лаборатории. Менее значимые суммы (300–750 руб.) выделили на зоологическое изучение территории Дагестана, проведение научной экспедиции по исследованию некоторых областей Туркестана и т.д.⁵³ Всего в 1913 г. Общество рассмотрело 168 заявлений, из них 50 (30%) удовлетворило и 113 (67%) отклонило. 29 заявлений поступило в VII отдел (машины и оборудование), и которых 7 удовлетворены, 22 отклонены, и ни одного — во II отдел (химия)⁵⁴.

В 1914 г. были рассмотрены 88 заявлений, из них 37 (42%) удовлетворены, 51 (58%) отклонены. Больше всего заявлений пришлось на VIII отдел (машины-орудия) — 11 (3 удовлетворены, 8 отклонены), что объяснялось началом Первой мировой войны и желанием исследователей и изобретателей активно включиться в разработки как по заказам Военного министерства, так и по личной инициативе⁵⁵.

Новым направлением в деятельности Общества стала организация работы Карадагской научной станции в Крыму (по отделу биологии и геологии). Сама станция располагалась в небольшом имении «Карадаг» вблизи Феодосии и была подарена организации в 1914 г. Т.И. Вяземским, доктором медицины, сотрудником кафедры физиологии Московского университета. Станция действовала в составе Леденцовского общества до 1917 г. включительно, а после его закрытия в 1918 г. была передана Московскому университету. Управление станцией, содержавшейся на средства Общества, поручили Попечительской комиссии в составе председателя и двух членов, избравшихся Советом Общества⁵⁶.

Организация постепенно, по мере накопления капиталов стала выделять более значительные средства на поддержку изобретений и научных исследований. Если в начале ее деятельности суммы поддержки варьировались в пределах максимум 50–300 руб., то согласно справке за 1915 г. размеры субсидий значительно возросли. Так, были удовлетворены ходатайства об ассигновании 8 тыс. руб. на исследования в области военных разработок (например, новых медицинских препаратов для помощи раненым); 900 руб. и 1 000 руб. — для продолжения работ, касавшихся соответственно русской нефти и платиновых соединений; 500 руб. — на опыты по очистке и обеззараживанию питьевых вод в тылу армии; 2 000 руб. — на исследования относительно гребных судовых винтов; 800 руб. — для завершения конструктивной разработки локомотива с двигателем внутреннего сгорания; 3 000 руб. — на осуществление модели двигателя внутреннего сгорания для автомобильного и авиационного дела и соответствующие опыты и т.п.⁵⁷

В 1915 г. Общество удовлетворило 40 (30,5%) заявлений, в том числе 2 — относительно изобретений военно-санитарного характера, а 84 (64%) отклонило, 11 из которых касались изобретений военной техники⁵⁸.

Всего же организация за время работы в 1909–1917 гг., помимо поддержки научных исследований и лабораторий, рассмотрела около 1 тыс. заявок на усовершенствования (аналог рационализаторских предложений), а также изобретения и открытия⁵⁹.

Еще одним новым (не заявленным первоначально) направлением в деятельности Общества стало учреждение премий за научные и технические разработки. Так, 23 сентября 1914 г. Совет Общества рассмотрел заявление Ярославского фабриканта валяной обуви И.С. Кашина, предложившего учредить на его средства две премии за разработку способа механического изготовления валяных сапог для замены ручной работы в той части процесса, которая представляется наиболее трудной и вредной для здоровья рабочих. Члены Совета заявили, что подобная инициатива предпринимателей, несомненно, заслуживает поддержки Общества.

После определения задачи проекта было решено, что «присуждение премии должно было производиться особой экспертной комиссией в числе семи лиц, избранной Советом Общества; комиссия присуждала первую и вторую премии за два проекта, признанные лучшими из числа представленных». Если лицо получало первую премию, ему выдавали «немедленно 500 руб., и, по испытанию на деле первой машины или модели, в случае признания комиссией практической пригодности машины для промышленных целей — еще 1 200 руб.».

В случае же присуждения второй премии человек получал 300 руб., причем «расходы по ознакомлению инженеров, предпринимателей и широкой публики с условиями учреждаемой премии» Общество брало на себя⁶⁰. Однако эта инициатива не получила сколько-нибудь широкого развития: предприниматели неохотно выделяли средства на научные разработки и изобретения. Даже постоянные члены Общества, известные фабриканты и заводчики — А.И. Коновалов, Ю.П. Гужон, Г.А. Крестовников, Н.Д. и П.А. Морозовы, С.Н. Третьяков — не фигурировали в отчетах в качестве активных меценатов и научных благотворителей.

При этом поддержка ученых и изобретателей во многом зависела от финансовых возможностей Общества. Ежегодно оно утверждало смету расходов, распределявшихся по трем рубрикам: оказание индивидуальной помощи исследователям и изобретателям; содействие исследованиям и изобретениям; выделение средств на оборудование и приспособление для научных и учебно-вспомогательных учреждений⁶¹.

Количество удовлетворенных ходатайств и расходы по ним ежегодно представлялись в отчетах «Временника» в виде таблиц по отделам экспертизы. Наибольшие показатели, как правило, касались «оборудования и приспособления уже действующих научных учреждений»⁶². Это свидетельствовало о том, что главное направление работы организации сосредоточивалось на поддержке сложившихся научных школ и коллективов, что, в свою очередь, минимизировало финансовые риски и повышало эффективность от вложенных средств. Так, в счет ассигнованной Обществом Институту экспериментальной медицины максимальной суммы в 50 тыс. руб. в 1911 г. 29 тыс. руб. (58%) пошли на дооборудование в нем научной лаборатории⁶³.

В целом неприкосновенный капитал, который по мере реализации имущества Леденцова постепенно обращался в процентные бумаги, возрос с 1 млн 302 тыс. руб. (1910) до 1 млн 782 тыс. руб. (1 января 1917 г.), т.е. всего за шесть лет увеличился почти на 500 тыс. руб. Ежегодные доходы Общества от неприкосновенного капитала им. Х.С. Леденцова, хотя не быстрыми темпами, но тоже росли. Если на 1 января 1910 г. они составляли 60,8 тыс. руб., а расход всего 6,3 тыс. руб.⁶⁴, то

на 1 мая 1910 г. — 83,5 и 12,6 тыс. руб. соответственно⁶⁵. Доходы организации на 1 января 1913 г. составили 102 262 руб., а расходы возросли до 96 691 руб.⁶⁶

Первая мировая война, хотя и внесла определенные изменения в работу Общества (появление изобретений и предложений, связанных с решением военных задач), но на росте его доходов и расходов принципиально не отразилась. Доходы организации за 1914 г. составили 100 145 руб., расходы — 94 013 руб.⁶⁷, баланс на 1 января 1917 г. — 2 044 655 руб. (приход — 131 551 руб., расход — 117 424 руб.). Кроме того, было выдано дополнительно безвозвратных субсидий на 4 885 руб., для общего содействия исследованиям и изобретениям — еще 14 747 руб., для производства экспертиз и опытов — 6 120 руб. и т.д.⁶⁸ При этом Общество неукоснительно следовало завету своего основателя: тратить как можно меньше средств на то, что напрямую не связано с поддержкой научных исследований и субсидированием изобретений. Например, расходы на оплату труда экспертов в 1911 г. составили 2 140 руб. при 191 рассмотренном деле, что составило в среднем чуть более 11 руб. на одну экспертизу⁶⁹.

Безусловно, эти средства позволяли оказывать материальную помощь отдельным ученым и научным коллективам, исследовательским лабораториям, конкретным изобретателям и рационализаторам, о чем и мечтал основатель Общества Х.С. Леденцов.

Заключение

Леденцовским обществом был выработан действенный механизм поддержки изобретателей и рационализаторов, а также научных коллективов, который включал: подачу заявки на изобретение или открытие лаборатории на имя Общества; ее рассмотрение профильными экспертными комиссиями, состоявшими из авторитетных ученых и практиков; отбор наиболее достойных заявок и передачу их Совету Общества, который и принимал окончательное решение о форме «содействия» и в любом, даже отрицательном отзыве, давал экспертное заключение по представленному проекту.

Организация руководствовалась в своей практической деятельности завещанием Х.С. Леденцова. Он специально указал на необходимость поддержки преимущественно таких открытий и изобретений, которые не требовали больших финансовых затрат, но при этом были бы полезны всему российскому обществу. В этом смысле данная организация, безусловно, являлась филантропической. Главный акцент в своей работе, помимо поддержки заявок от отдельных изобретателей и рационализаторов, она делала на субсидирование уже сложившихся научных школ и коллективов. Такой подход, с одной стороны, был более прагматичен и эффективен, поскольку уменьшал риски от внедрения изобретений и инноваций, с другой — позволял выполнять главный завет основателя Общества.

В организации уделялось особое внимание поддержке и воспитанию самих изобретателей. Многие их проекты, поддержанные Обществом, заложили фундамент новых направлений в науке и технике, однако, война и последующая революция остановили эту деятельность. В октябре 1918 г. по решению советской власти Общество было официально закрыто, а его имущество национализировано.

Примечания

- ¹ См.: *Завьялова О.Н.* К вопросу об изучении деятельности Х.С. Леденцова и «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений» // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 22 апреля 2009 г. Вологда, 2009. С. 50–75.
- ² См.: *Митрофанов А.* Христофор Леденцов как Нобель: и в России могла бы быть столетняя научная премия. URL: <https://www.miloserdie.ru/>; *Бочков А.С.* Христофор Семенович Леденцов — мыслитель и меценат. М., 2013; *Бочков А.С.* Вологодский нестяжатель Леденцов Христофор Семенович. М., 2014; *Марков Е.А.* Две судьбы: Христофор Леденцов и Иван Милютин — меценаты просвещения и науки // Милютинские чтения. Культура, образование и экономика провинциального города второй половины XIX — начала XXI века. Сб. научных работ. Череповец, 2018. Вып. 9. С. 19–22; и др.
- ³ *Волков В.А., Куликова М.В.* Общество поддержки научных исследований им. Х.С. Леденцова // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 135–143.
- ⁴ *Завьялова О.Н.* Династия Белозеровых — Леденцовых: приращение символического капитала на ниве благотворительности // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2011. С. 55–63; *Завьялова О.Н.* Меценатство науки: наследие Х.С. Леденцова и современность // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование: материалы III междунар. науч.-практ. конференции, г. Вологда, 28–29 марта 2013 г.: в 2 ч. Вологда, 2013. Ч. 1. С. 101–108; *Завьялова О.Н.* Механизм управления первым фондом целевого капитала (на материалах Леденцовского общества (1909–1918)) // Восьмой международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества». М., 2013. С. 145–146.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 349. Л. 1–2.
- ⁶ Там же. Л. 24–25, 29, 33.
- ⁷ Представление С.Ю. Вите в Государственный Совет «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» от 30 октября 1893 г. // *Vitte С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2002. Т. 4. Кн. 1. С. 93–94.
- ⁸ URL: <https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=427&pid=202&sub=workabout>.
- ⁹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11 (1893 г.). Д. 333. Л. 27–28.
- ¹⁰ Временник Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова за 1909 г. М., 1910. Вып. 1. С. 11.
- ¹¹ Устав Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова. М., 1912. С. 3.
- ¹² Там же. С. 4.
- ¹³ Там же. С. 4–5.
- ¹⁴ Временник ... за 1909. Вып. 1. С. 15.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 18–27.
- ¹⁷ *Волков В.А., Куликова М.В.* Общество поддержки научных исследований им. Х.С. Леденцова. С. 138.
- ¹⁸ Временник ... за 1910. Вып. 1. С. 76.
- ¹⁹ *Умов Н.А.* Несколько слов о деятельности Общества имени Х.С. Леденцова // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова. Том третий. Речи и статьи общего содержания. М., 1916. С. 376–377.
- ²⁰ Там же. С. 377.
- ²¹ *Умов Н.А.* Программные вопросы и предположения. Вступительная статья к отчету о деятельности Общества имени Х.С. Леденцова за первую половину 1911 года // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова. Том третий. С. 382.
- ²² Временник ... за 1910. Вып. 1. С. 71–72.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 72.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Временник ... 1910. Вып. 3. С. 12–15.
- ²⁸ Временник ... 1910. Вып. 1. С. 71–72.
- ²⁹ Там же. С. 73.
- ³⁰ Там же. С. 74.

- ³¹ Там же. С. 74–75.
- ³² Циолковский Константин Эдуардович (1854–1935) — русский и советский философ, изобретатель и школьный учитель. Основоположник теоретической космонавтики. Обосновал использование ракет для полетов в космос, пришел к выводу о необходимости использования «ракетных поездов» — прототипов многоступенчатых ракет. Основные научные труды относятся к аэронавтике, ракетодинамике и космонавтике. Начиная с 1885 г. Циолковский разрабатывает теорию металлического дирижабля. В 1887 г. он сделал доклад в Политехническом музее на тему: «О возможности постройки металлического аэростата, способного изменять свой объем и даже складываться в плоскость», в 1889 г. обратился в Императорское русское техническое общество (ИРТО) с просьбой о выделении 300 руб. на создание модели металлического аэростата. 23 октября 1890 г. на заседании VII отдела ИРТО просьба ученого была рассмотрена: «Г-ну Циолковскому оказать нравственную поддержку, сообщив ему мнение Отдела о его проекте. Просьбу же о пособии на проведение опытов отклонить». Позднее Циолковский на собственные средства сделал небольшие модели оболочек аэростата (30x50 см) из гофрированного металла и проволочные модели каркаса (30x15 см), чтобы доказать, в том числе и себе, возможность использования металла. Заявка Циолковского о выделении субсидии на постройку металлической оболочки дирижабля рассматривалась в Леденцовском обществе в 1909 г.
- ³³ *Циолковский К.* Дополнительные технические данные к построению металлической оболочки дирижабля без дорогой верфи. Отзыв Леденцовского общества. Калуга, 1915. С. 8–9.
- ³⁴ Там же. С. 9.
- ³⁵ *Бочков А.С.* Христофор Семенович Леденцов — мыслитель и меценат. С. 119.
- ³⁶ Там же. С. 90.
- ³⁷ *Циолковский К.* Дополнительные технические данные... С. 9.
- ³⁸ *Бочков А.С.* Христофор Семенович Леденцов — мыслитель и меценат. С. 123.
- ³⁹ *Временник ...* 1911. Вып. 3. С. 13.
- ⁴⁰ Там же. С. 14–15.
- ⁴¹ Там же. С. 15.
- ⁴² *Временник ...* 1912. Вып. 2. С. 25.
- ⁴³ Там же. С. 27.
- ⁴⁴ *Бочков А.С.* Вологодский нестяжатель Леденцов Христофор Семенович. С. 172–173.
- ⁴⁵ *Временник ...* 1911. Вып. 2. С. 16.
- ⁴⁶ *Жуковский Н.Е.* Аэродинамические лаборатории Московского университета и Императорского технического училища (Речь, произнесенная Н.Е. Жуковским 5 декабря 1910 г. на торжественном заседании, посвященном памяти Х.С. Леденцова). М., 1911. С. 3, 11.
- ⁴⁷ Там же. С. 23.
- ⁴⁸ *Бочков А.С.* Христофор Семенович Леденцов — мыслитель и меценат. С. 124–125.
- ⁴⁹ *Временник ...* 1911. Вып. 2. С. 16–18.
- ⁵⁰ *Временник ...* 1912. Вып. 1. С. 31–34.
- ⁵¹ *Временник ...* 1912. Вып. 2. С. 12–14.
- ⁵² Там же. С. 15–16, 20.
- ⁵³ *Временник ...* 1914. Вып. 1. С. 28–29.
- ⁵⁴ Там же. С. 35.
- ⁵⁵ *Временник ...* 1915. Вып. 1. С. 51.
- ⁵⁶ Там же. С. 55.
- ⁵⁷ *Временник ...* 1915. Вып. 2–3. С. 17.
- ⁵⁸ Там же. С. 19.
- ⁵⁹ *Бочков А.С.* Вологодский нестяжатель Леденцов Христофор Семенович. С. 182.
- ⁶⁰ *Временник ...* 1914. Вып. 2. С. 3–6.
- ⁶¹ Финансовый отчет Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова за 1911 г. М., 1912. С. 2.
- ⁶² Там же. С. 2.
- ⁶³ Там же. С. 2–3.
- ⁶⁴ *Временник ...* 1910. Вып. 3. С. 9.
- ⁶⁵ Там же. С. 9.
- ⁶⁶ *Временник ...* 1913. Вып. 2. С. 6.
- ⁶⁷ *Временник ...* 1915. Вып. 1. С. 55.
- ⁶⁸ *Временник ...* 1916. Вып. 2–3. С. 1–2.
- ⁶⁹ Финансовый отчет за 1911 г. С. 3.

Библиография

- Бочков А.С.* Христофор Семенович Леденцов — мыслитель и меценат / А.С. Бочков. М.: Луч, 2013. 400 с.
- Бочков А.С.* Вологодский нестяжатель Леденцов Христофор Семенович / А.С. Бочков. М.: Киммерийский центр, 2014. 502 с.
- Волков В.А., Куликова М.В.* Общество поддержки научных исследований им. Х.С. Леденцова // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 135–143.
- Жуковский Н.Е.* Аэродинамические лаборатории Московского университета и Императорского технического училища (Речь, произнесенная Н.Е. Жуковским 5 декабря 1910 г. на торжественном заседании, посвященном памяти Х.С. Леденцова). М.: О-во содействия успехам опыт. наук и их практ. применений им. Х.С. Леденцова, 1911. 23 с.
- Завьялова О.Н.* К вопросу об изучении деятельности Х.С. Леденцова и «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений» // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда: Вологодский ин-т бизнеса, 2009. С. 50–75.
- Завьялова О.Н.* Династия Белозеровых — Леденцовых: приращение символического капитала на ниве благотворительности // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда: ВИБ, 2011. С. 55–63.
- Завьялова О.Н.* Механизм управления первым фондом целевого капитала (на материалах Леденцовского общества (1909–1918)) // Восьмой международный научный конгресс «Роль бизнеса в трансформации общества». М.: Московская финансово-промышленная академия, 2013. С. 145–146.
- Завьялова О.Н.* Меценатство науки: наследие Х.С. Леденцова и современность // Леденцовские чтения. Бизнес. Наука. Образование: материалы III междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 28–29 марта 2013 г.: в 2 ч. Вологда: Вологодский ин-т бизнеса, 2013. Ч. 1. С. 101–108.
- Марков Е.А.* Две судьбы: Христофор Леденцов и Иван Милютин — меценаты просвещения и науки // Милютинские чтения. Культура, образование и экономика провинциального города второй половины XIX — начала XXI века. Сб. научных работ. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2018. Вып. 9. С. 19–22.
- Митрофанов А.* Христофор Леденцов как Нобель: и в России могла бы быть столетняя научная премия. URL: <https://www.miloserdie.ru/>.
- Представление С.Ю. Витте в Государственный Совет «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» от 30 октября 1893 г. // *Vumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4. Промышленность, торговля и сельское хозяйство России. Кн. 1. Организация торгово-промышленного ведомства. Программы экономического развития. Акционерное учредительство. М.: Наука, 2006. 702 с.
- Умов Н.А.* Несколько слов о деятельности Общества имени Х.С. Леденцова // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова. Том третий. Речи и статьи общего содержания. М.: Императорское Московское общество испытателей природы и Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова, 1916. С. 376–380.
- Умов Н.А.* Программные вопросы и предположения. Вступительная статья к отчету о деятельности Общества имени Х.С. Леденцова за первую половину 1911 года // Собрание сочинений профессора Николая Алексеевича Умова. Том третий ... С. 381–387.
- Устав Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова. М.: Тип. Императорского московского университета, 1912. 12 с.
- Циолковский К.* Дополнительные технические данные к построению металлической оболочки дирижабля без дорогой верфи. Отзыв Леденцовского Общества. Калуга: изд. лица, пожелавшего остаться неизвестным, 1915. 10 с.
- Финансовый отчет Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова за 1911 г. М.: Изд. Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова, 1912. 5 с.

Кальмина Л.В., Плеханова А.М.**

Особенности модернизации экономики Западного Забайкалья (1880–1920-е гг.)

Аннотация. Осознание самодержавием геополитической роли Забайкалья как военно-экономической базы для укрепления позиций России на Востоке способствовало активизации его хозяйственной жизни. Сооружение Транссибирской магистрали, ставшее первым крупным модернизационным проектом в регионе, легло в основу экономической концепции его развития, заключавшейся в создании транспортной инфраструктуры как стержня индустриального роста. Идеи царизма по развитию региона с акцентом на геополитическом факторе были взяты за основу советским государством, сформировавшим в 1920-х гг. концепцию трансформации региона на иной экономической основе и с подкреплением идеологической составляющей. Западное Забайкалье, получившее с созданием Бурят-Монгольской АССР статус национальной автономии, было призвано сыграть роль «плацдарма мировой революции на Буддийском Востоке». Модернизационные опыты самодержавного, а впоследствии советского государства обеспечили условия для проведения форсированной социалистической модернизации 1930-х гг.

Ключевые слова: Забайкалье, Бурят-Монгольская АССР, Монголия, геополитическая стратегия, экономическая модернизация, промышленный переворот, Транссибирская магистраль, Кяхтинская железная дорога, новая экономическая политика.

Хронологические рамки статьи сразу вызывают вопросы: можно ли говорить об экономической модернизации Забайкалья в дореволюционные годы, когда регион оставался «ахиллесовой пятой» сибирской экономики, по большому счету так и не выйдя из отведенной ему роли «сырьевого придатка», а также считать таковой экономическую стратегию нэпа, которая, хотя и поставила экономику региона на новые рельсы, не добилась (да и не могла добиться) прорывных результатов? С большой натяжкой, судя по конечному результату. Однако, утвердительно отвечая на этот вопрос, авторы исходили из двух моментов. Во-первых, экономические трансформации не являются одномоментным актом. Модернизационная перестройка, будь то переход от индивидуального производства к кооперации или от мануфактуры к фабрично-заводскому производству, это длительный процесс, состоящий из нескольких этапов, или стадий. Мы солидарны с исследователями, выделяющими «традиционную» стадию, или «стадию создания предварительных условий», которая обязательно предшествует «стадии непрерывного роста»¹. Во-вторых, расстановка политических сил на Востоке складывалась таким образом, что вынуждала правительство формировать концепцию перестройки экономики восточных регионов. На рубеже XIX–XX вв. в правительственных кругах уже обозначилось

* Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, kalminal@gmail.com;

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, plehanova.am@mail.ru.

Работа выполнена: Л.В. Кальминой — в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», госрегистрация № АААА-А17-117021310269-9), А.М. Плехановой — при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630А

понимание того, что закрепиться в Приамурье, Приморье и получить прямой выход в азиатское пространство на одной военной силе вряд ли возможно. Политическая сила государства обнаружила жесткую зависимость от самодостаточности экономической системы, позволяющей опереться на собственные ресурсы, поэтому в модернизационной стратегии развития империи важное место отводилось восточным районам России с их высоким ресурсным потенциалом².

Об экономической модернизации Сибири — естественном следствии нового этапа исторического развития России, начало которому дало падение крепостного права, — можно говорить применительно к 1880-м гг. Запаздывание процесса в первую очередь обуславливалось неблагоприятными природно-географическими условиями. Обширные территории, суровый климат, слабая заселенность региона сдерживали формирование здесь капиталистического уклада. В Забайкалье промышленная модернизация имела догоняющий характер даже по отношению к другим территориям Сибири. Хронологически она совпала с активной колонизацией края на «грабительской» стадии. Идея получения баснословных прибылей без особых затрат была понятна и близка представителям различных социальных слоев общества, для которых модель экстенсивного развития, еще не исчерпавшая свой потенциал, выглядела наиболее предпочтительной.

На рубеже XIX–XX вв. Забайкалье все еще имело неразвитую экономику, нацеленную главным образом на форсированное выкачивание природных богатств: торговлю, хоть и интенсивную, но с устаревшими формами; неразвитую инфраструктуру; слабое промышленное освоение, когда целые отрасли находились в руках феодальных предпринимателей. Попытки серьезных изменений в экономике неизбежно вызывают сопротивление со стороны традиционных хозяйственных структур и идеологических систем государственной бюрократии³. Забайкальский регион не стал исключением. Хотя кяхтинское купечество и проявило готовность вложить свои средства в реализацию государственных проектов транспортного строительства⁴, большинство представителей забайкальского купеческого сословия предпочли собственные интересы получения сиюминутной прибыли, предоставив государству самому упражняться в запоздалых опытах по интенсификации забайкальской экономики.

В предстоящей задаче капитализации Сибири главную роль было призвано сыграть транспортное строительство, что являлось региональной особенностью экономической перестройки. В отличие от центра России, где промышленный переворот последовательно охватывал сначала легкую промышленность, затем тяжелую индустрию, транспорт, связь, сельское хозяйство, модернизация экономики Сибири началась с транспорта — вначале водного, потом железнодорожного, что создавало условия для промышленной революции в других отраслях⁵. Магистраль должна была «подтянуть» всю инфраструктуру и дать начало стремительному экономическому росту.

Однако, хотя сооружение Транссибирской магистрали фактически было первой крупной акцией в модернизации Сибири, мы разделяем мнение исследователей, что это был в первую очередь инициированный государством крупнейший стратегически ориентированный проект⁶. Главные доводы обоснования ее строительства формировались вне связи с объективными задачами экономического развития Сибири. Проводник проекта С.Ю. Витте легко отказывался от защиты

экономических интересов Сибири в пользу конъюнктурных «государственных соображений»⁷. Со строительством магистрали внешнеэкономическая цель выхода России на Восток была достигнута. С одной стороны, Китай и Япония стали более доступны как торговые партнеры, с другой — магистраль реально упрочивала военно-стратегические позиции России в регионе, ослабляя потенциальную опасность территориальных потерь и расширяя условия для проведения активной внешней политики⁸.

Поэтому дотянувшаяся до Забайкалья магистраль, проведя некоторый «косметический ремонт» регионального экономического пространства, поначалу ожидаемо оставила его конфигурацию неизменной, закрепив процесс развития регионального рынка не столько за счет местной промышленности, сколько в результате экономических связей с промышленностью Европейской России. С проведением железной дороги сюда хлынул поток товаров более дешевых, чем могла произвести местная промышленность. Тенденция снижения производства проявилась уже в 1900 г., когда железная дорога только начала функционировать: объемы местной промышленности в области сразу уменьшились на 615 667 тыс. руб.⁹

Втянув Забайкалье в российскую экономическую орбиту, магистраль в то же время по-своему распределила между регионами экономические роли, отведя главную — Уралу, отодвинув на задний план даже те немногие прибайкальские производства, которые теоретически имели перспективы развития. Металлургические заводы, выполняя железнодорожные заказы, первоначально увеличили производительность до максимальной в своей истории, но затем зачали, не имея возможности конкурировать с более дешевым уральским металлом. Николаевский завод в Иркутской губернии в 1894 г. получил заказ на рельсы, рельсовые крепления, чугунные трубы на сумму 3 млн руб., а уже в 1899 г. прекратил свое существование. Принадлежавший Кабинету Петровский чугунно-литейный и железоделательный завод, впоследствии сданный в аренду частной компании, в 1909 г. тоже прекратил работу (с большими убытками)¹⁰.

Ускорил индустриализацию Забайкалья военный фактор. Неудачно окончившаяся Русско-японская война (1904–1905) наглядно продемонстрировала слабость экономического развития восточных рубежей империи. Военные агенты доносили из Китая, что «слава непобедимости России в Азии исчезла», тогда как «военное могущество Китая растет на глазах у всех»¹¹. Поэтому усиление промышленной мощи Забайкалья, являвшегося связующим звеном между Монголией, Китаем, российским Дальним Востоком и Центральной Россией, вошло в число наиважнейших задач правительства. Регион, ранее рассматривавшийся как сырьевой придаток огромной империи, стал формироваться как «точка экономического роста».

Для иллюстрации этого тезиса обратимся к фактам преобразования торгово-промышленной сферы забайкальской экономики. В торговле стремительно шел процесс «горизонтальной» модернизации, предусматривавший сосуществование архаичных форм посредничества с модернизированными стационарными¹². Резкое снижение оборотов крупнейшей в Восточной Сибири Верхнеудинской ярмарки — с 1,7 млн руб. в 1886 г. до 580 тыс. руб. в 1901 г.¹³ — стало следствием легкости приобретения товаров из первых рук с появлением рельсового пути и отсутствием необходимости их закупки сразу на год, поскольку оптовые склады открылись вдоль железной дороги во многих городах. Оптовая ярмарка

перестала играть роль главного посредника между Сибирью и промышленными центрами. Магистраль дала жизнь массе мелких ярмарок по селам и деревням, резко выросло число торгующих (поскольку собственную торговлю теперь можно было открыть с капиталом менее 1 тыс. руб.), возросли их мобильность и умение быстро оценить рыночную конъюнктуру.

В начале XX в. стартовали опыты по механизации процесса золотодобычи: в 1907 г. на 335 приисках Забайкалья работали восемь паровых котлов, драга и паровой насос. Несмотря на то, что модернизация единичных приисков состоятельных владельцев и крупных золотопромышленных компаний обеспечила незначительную часть производственного процесса, и лишь несколько крупных золотопромышленников стремились обставить свои прииски как капиталистические предприятия, начало промышленному перевороту в отрасли было положено.

Мощные каменноугольные месторождения Забайкалья — Танхойские и Тарбагатайские копи (на последних в 1907 г. работали 1 600 человек, давших продукции на 368,6 тыс. руб.¹⁴) — с самого начала развивались как крупное капиталистическое производство, где темпы роста обеспечивались усиленной механизацией. За последующее десятилетие добыча угля в Западно-Забайкальском горном округе возросла более чем в три раза¹⁵.

Стремительными темпами развивалась и цементная промышленность: в 1902 г. Кокертойский и Брянский заводы выработали продукции на 560 тыс. руб., в 1908 — уже на 600 тыс. руб.¹⁶ Богатые залежами слюды, асбеста, меди и железа окрестности Верхнеудинска, планы сооружения машиностроительного завода в уездном городе усиливали его перспективы стать центром будущего промышленного региона.

Стремительно набирал обороты процесс урбанизации как составляющей модернизации: с 1899 г. по 1907 г. численность городского населения Забайкальской области выросла с 39,5 до 112,9 тыс. человек, население областного центра Читы с 1897 до 1904 гг. увеличилось с 11,5 до 41 тыс. человек, а Верхнеудинска — на 15%¹⁷.

Однако в первую очередь в соответствии со сложившимся алгоритмом планы экономического укрепления Забайкалья были связаны с созданием надежной транспортной инфраструктуры, обеспечивающей одновременно «цепную реакцию» промышленной динамики и распространение российского влияния на прилегающие территории.

В отчетах военных агентов Забайкалье оценивалось как основная база будущих военных действий с Китаем¹⁸, а перед лицом экстремальных военно-политических обстоятельств Россия всегда искала возможности создания многовариантной системы транспортных выходов¹⁹.

Близкое соседство с Монголией, получившей независимость после Синьхайской революции 1911 г., усиливало геополитический потенциал региона, обещавшего стать надежной торгово-промышленной базой в реализации монгольской политики. Механизмом усиления в этой стране российского влияния должна была послужить Кяхтинская железнодорожная ветка, которую предполагалось провести от приграничной Кяхты (бывшего центра русской торговли с Китаем) по Монголии до г. Урги, соединив другим концом с одной из станций Забайкальской железной дороги²⁰.

Ее проведение предполагало не только успешную конкуренцию с другими странами в монгольском экспорте, утратившем свои позиции после падения ввоза чая через Кяхту, но и полное вытеснение с монгольского рынка мануфактуры нероссийского производства, последующее установление монополии на ввоз металлоизделий и домашней утвари, а также прочное обоснование там русских золотопромышленников. Авторы экономической записки о значении Кяхтинской дороги отвели ей (фактически — Забайкалью) роль соединительного звена России с рынком Монголии и средства выхода ее товаров на Сибирскую магистраль²¹.

«Однобокость» и непоследовательность модернизационных процессов в Забайкалье при акценте их на военных целях служат хорошей иллюстрацией тезиса об опережении военной составляющей и сопряженных с ней отраслей экономики. Это было «почерком» российской модернизации, отличавшейся неравномерностью развития разных сфер жизни и некомплексностью модернизационных усилий²². К тому же проектов в дореволюционных усилиях модернизации региона было больше, чем реальных действий. Тем не менее авторы отнесли себя к сторонникам «оптимистического варианта» дореволюционной модернизации²³, хотя специалисты оценивают ее как «провал буржуазно-либеральной модели раннеиндустриальной модернизации в России, удачной лишь в смысле «обусловившего революционную альтернативу в обеспечении дальнейшей модернизации страны социального материала»²⁴. Не претендуя на оценку процесса в общероссийском масштабе, беремся утверждать: начавшаяся с большим опозданием экономическая модернизация Забайкалья не успела полностью использовать свой потенциал, определенный выгодным геополитическим положением, но ее начальный этап в дореволюционный период состоялся. С включением Забайкалья во внешнеполитические интересы российского правительства в его сознании произошел поворот относительно роли и назначения края. В результате возникли политические установки, способствовавшие активизации его хозяйственной жизни: были проведены первые, пусть запоздалые, опыты модернизационных преобразований в торгово-промышленной сфере. Главное, что была создана модернизационная концепция региона (развитие транспортной инфраструктуры как стержня экономического роста и средства вовлечения в орбиту своего влияния сопредельных территорий), которая была положена в основу дальнейшего развития на базе иного общественного и идеологического потенциала.

Нарушенный революционными событиями 1917 г. «естественный ход модернизационного перехода»²⁵ в регионе был возобновлен в середине 1920-х гг. в условиях новой экономической политики. Фактором, подтолкнувшим модернизацию, стало совпадение региональных интересов и общегосударственных задач. Руководство страны, иницируя социально-экономическое развитие Западного Забайкалья, преследовало несколько целей.

Во-первых, важен был политический фактор. Предоставив в мае 1923 г. национальную автономию коренному этносу Западного Забайкалья — бурятам, обеспечив компактность территории и экономическую целостность Бурят-Монгольской республики, субсидируя ее экономику, власть рассчитывала на политическую лояльность руководства советской республики и его всемерную поддержку в проведении социалистических преобразований.

Во-вторых, имелась идеологическая подоплека: подъем экономики национальных окраин должен был показать угнетенным в царской России инородцам преимущества нового — социалистического строя.

В-третьих, существенную роль играли военно-стратегические приоритеты, поскольку в связи с высокой вероятностью военных конфликтов в условиях конфронтации с мировыми державами требовалось обеспечить защиту восточных границ.

В-четвертых, учитывался значительный геополитический потенциал республики, являвшейся «воротами» во Внутреннюю Азию. Бурят-Монгольская АССР должна была выступить своеобразной витриной российской политики в отношении восточных этносов и цивилизаций: «На Бурят-Монгольскую республику возложена большая, сложная и слишком ответственная задача <...> Она должна собою проложить дорогу социалистическим идеям в таинственно неведомые дебри сознания и психики трудящихся масс востока, в частности, Монголии, Тибета и т.д.»²⁶.

Национальный фактор — общность языка, истории, религии и культуры монголоязычных народов, стремление к их единению придавало Бурят-Монголии роль «плацдарма мировой революции на буддийском Востоке». Революция 1921 г., разрушившая основы феодально-теократического строя Монголии, обращение ряда монгольских политических деятелей за поддержкой к Советской России и оказанная ею в дальнейшем военная и экономическая помощь, подписание 5 ноября 1921 г. соглашения между РСФСР и Народным правительством Монголии о взаимном признании стали ключевыми событиями. Они предоставили советскому руководству возможность рассматривать Монголию как образец «освободившейся от колониального гнета азиатской страны», «трамплин» для экспорта революции в Китай, революционный «мост» в Азию²⁷.

В-пятых, основой модернизации региона послужила экономическая составляющая. Октябрьская революция произошла в стране, отличавшейся разнообразием национальных регионов, прошедших неодинаковые стадии исторического развития. Осознавая, что экономическое положение национальных окраин существенно повлияет на их дальнейшее развитие, новая власть стремилась к единообразию и «выравниванию различных ступеней» развития регионов. Уже в постановлении X съезда РКП(б) отмечалось, что первейшей задачей пролетарской революции является «последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах»²⁸.

Учитывая неразвитость промышленной основы в регионе, отсутствие капиталов для освоения богатых природных ресурсов, развитой транспортной инфраструктуры, отдаленность от крупных промышленных центров руководство республики строило планы социально-экономического развития Бурятии. Они были основаны на «преодолении хронически дефицитного крестьянского состояния» за счет «всемерной индустриализации и урбанизации»²⁹. Определяя перспективы и направления развития промышленности и транспорта в Бурятии, Госплан республики учитывал, прежде всего «монгольский фактор»³⁰. Соседнее государство рассматривалось в качестве рынка сбыта продукции. Безусловно, в 1920-х гг. слабо развитая бурятская промышленность, работавшая на старом, изношенном оборудовании, мало что могла предложить своему ближайшему соседу. Однако в пер-

спективе аргументом в пользу организации на территории республики крупного промышленного комбината в составе действующих предприятий (при условии их расширения и переоборудования) и за счет строительства новых послужило наличие обширного рынка сбыта не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Монголии и Северной Маньчжурии. Госплан БМАССР определял перспективы широкого вывоза в Монголию продукции стекольного, винокуренного, электрометаллургического, целлюлозно-бумажного, экстрактно-варочного из бадана, лесопильного, лесохимического и маслобойного заводов.

В свою очередь, Монголия с ее богатым скотоводческим хозяйством могла быть важным поставщиком сырья для обрабатывающей промышленности республики. По данным Кяхтинской пароформалиновой камеры, в 1924/25 г. фактический ввоз из Монголии разных кож достиг 200 тыс. штук, однако в Бурятии задержалось лишь около 15%, а остальное транзитом вывезли в другие регионы. Правительство БМАССР, считая подобную ситуацию недопустимой, связывало перспективы расширения Чикойского кожевенного завода с возможностью увеличения импорта в Бурятию монгольского кожсырья, стоимость которого в 1925 г. была на 11% ниже цен Верхнеудинского рынка³¹. Кроме того, при разработке пятилетнего плана ЦСНХ республики доказывал необходимость строительства в Верхнеудинске овчинно-шубного завода. Рентабельность этого производства доказывалась существованием в довоенное время в Кяхте сравнительно крупного частного овчинно-шубного завода, работавшего на сырье из Монголии (только в 1914 г. из нее вывезли 625 тыс. овчин)³².

Таким образом, большинство разрабатываемых в 1920-е гг. проектов экономического роста Бурят-Монгольской АССР связывались с укреплением и расширением хозяйственных связей с Монголией.

Практическая реализация концепции выравнивания социально-экономического развития ранее отсталых территорий, ежегодно увеличивающиеся объемы государственных дотаций наряду с допущением многообразия форм собственности, разрешением свободы торговли, арендных отношений и других мер, привнесенных новой экономической политикой и направленных на либерализацию советской хозяйственной системы, дали положительные результаты. Капиталовложения в промышленность Бурятии в 1923–1928 гг. составили 943,7 тыс. руб., из которых 72,6% было выделено на расширение и переоборудование предприятий и 27,4% — на капитальный ремонт.

В результате объем валовой продукции республики по сравнению с 1913 г. был увеличен в 1,5 раза. В 1927/28 г. промышленные предприятия (вместо 16 их стало 20) выпустили продукции на сумму 5 975 тыс. руб. или 230% уровня 1923/24 г.³³ Общая стоимость имущества промышленных предприятий возросла с 1 401 тыс. до 2 899,6 тыс. руб., т.е. более чем в два раза, а стоимость основных фондов составила 2 489,6 тыс. руб.³⁴ Тем не менее финансовые ресурсы были очень ограничены. Руководство республики сетовало на то, что «центр средств на усиление капитала промышленности отпускает в недостаточной степени»³⁵. Это свидетельствовало о перманентно возраставшем региональном «индустриальном самосознании».

Дефицит финансовых средств не позволил как до революции, так и в период нэпа существенно трансформировать внутрирегиональное экономическое пространство. В 1929 г. в отраслевой структуре промышленного производства

по-прежнему преобладающее место занимали кожевенная отрасль (32,4% от общей стоимости произведенной продукции), лесобработывающая (24%), пищевая (19,3%), стекольная (17,9%), в то время как на долю металлообработывающей приходилось лишь 0,8%³⁶.

Ограниченность ресурсов не позволила воплотить и реанимированный в 1926 г. дореволюционный проект сооружения Кяхтинской железной дороги, призванной улучшить транспортные коммуникации и обеспечить более устойчивое экономическое партнерство с Монголией. Теперь инициатором ее строительства выступил Совет народных комиссаров Бурят-Монгольской республики³⁷. В правительственных кругах данную линию стали нередко называть Верхнеудинск-Монгольской, поскольку изначально учитывалась возможность и даже необходимость ее продолжения в Монголию. Специалисты указывали: «Согласованная и цепко увязанная деятельность советских и монгольских торговых предприятий, надлежащая организация водного транспорта в пределах Монголии, соответствующие тарифы, держащиеся на уровне себестоимости — дадут возможность втянуть все монгольское хозяйство, по крайней мере, хозяйство Халхи — центральной части Монголии, в сферу влияния Кяхтинской железной дороги. Не только монгольское сырье, экспортируемое за границу, но и требующиеся для снабжения монгольского населения промтовары, как советского, так китайского и английского происхождения, в силу коммерческой выгоды, пойдут по пути Урга — Верхнеудинск — Владивосток»³⁸. Однако из-за недостатка финансовых средств реализация идеи была опять отложена.

При всех своих «экономических достижениях» Бурятия к исходу 1920-х гг. оставалась районом с крайне низким уровнем развития промышленности. Если к концу 1928 г. в целом по СССР объем валовой продукции промышленности составлял 48%, а сельского хозяйства — 52%, то в Бурятии соответственно — 14 и 86%³⁹.

Доля валовой продукции промышленности республики в экономике РСФСР выражалась в 0,04%, тогда как сельскохозяйственная продукция составляла 0,45%, а население — 0,52%⁴⁰. В 1920-х гг. в республике практически не велось нового промышленного строительства, только восстанавливались, переоборудовались и расширялись старые предприятия. Промышленность по-прежнему была представлена небольшими предприятиями добывающей (в основном пищевкусовой) промышленности, а предприятия тяжелой индустрии отсутствовали.

Причинами трудностей модернизации экономики в 1920-х гг. стали не только дефицит финансовых средств, но и дуалистический (административно-рыночный) характер нэповского курса. С одной стороны, советская власть, сделав ставку на частный капитал, с его помощью вызволила экономику из кризиса, с другой — регламентировала его работу в пользу государственно-кооперативного сектора настолько жестко, что дальнейшая частнопредпринимательская деятельность стала невозможной. В 1927/28 г. в промышленности республики на долю государственного сектора приходилось 92,29% валовой продукции, кооперативного — 7,64%, частного — 0,07%⁴¹. Разрешительно-регулирующие меры государства, характеризующие институциональные условия реализации нэпа, выступали неэффективным инструментом модернизации. Государственный контроль всех составляющих экономического пространства, преференции государственно-кооперативному сектору и ущемление частного —

факторы, не только нарушавшие хрупкую систему хозяйственных связей, но и сдерживавшие модернизационные процессы. Вместе с тем следует заметить, что в последующие, 1930-е годы именно государственная собственность позволила обеспечить форсированный вариант модернизации на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва»⁴².

Таким образом, реализация дореволюционной концепции модернизации Забайкалья была возобновлена Советским государством в 1920-е гг. В ее основе лежали экономические и политические мотивы, но решающее значение имел геополитический, который в Западном Забайкалье усиливался еще и национальным фактором. Кроме того, в советское время модернизационная стратегия дополнительно приобрела идеологическое звучание, актуальное для воплощения большевистской идеи мировой революции.

Модернизация экономики Забайкалья в исследуемый период не охватывала всю совокупность процессов, которые позволили бы говорить о ней как о масштабном явлении. Являясь «воротами» во Внутреннюю Азию и обладая огромным экономическим и геополитическим потенциалом, Забайкалье ни до революции, ни в 1920-х гг. так и не стало экономически самодостаточным регионом. Вместе с тем модернизационные опыты самодержавного, а впоследствии советского государства, проведенные в течение без малого трех десятилетий в Западном Забайкалье, пусть робкие и непоследовательные, обеспечили подготовку и дали старт созданию экономической базы для проведения полномасштабной успешной социалистической модернизации 1930-х гг., беспрецедентной по темпам, масштабам и результатам.

Примечания

- ¹ *Гавров С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит. М., 2010. С. 23.
- ² *Бужин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX — начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. Барнаул, 2006. Ч. I. С. 67.
- ³ *Орлова Э.А.* Модернизация: теоретико-методологические основания изучения // *Цивилизации*. Вып. 8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. М., 2008. С. 417.
- ⁴ Изыскания железной дороги на Кяхту от станции Мысовой Забайкальской железной дороги до Кяхты. Общая записка. СПб., 1910. С. 1, 3, 27.
- ⁵ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 252.
- ⁶ *Зубков К.И.* Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890–1920-е гг.) // *Уральский исторический вестник*. 1994. № 1. С. 82.
- ⁷ *Зиновьев В.П.* Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // *Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.*: сб. материалов конф. Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 191; *Канн С.К.* Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX — начало XX в.). Сибирь и войны XIX–XX веков: сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2014. С. 12.
- ⁸ *Мерцалов В.И.* Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Чита, 2011. С. 51; *Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В.* Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск, 2018. С. 43.
- ⁹ Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / под ред. Б.В. Базарова. Иркутск, 2015. С. 119.
- ¹⁰ *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975. С. 95; *Солдатов В.* Железнодорожные поселки по Забай-

- кальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. СПб., 1912. Вып. II. Т. V. Ч. 1. С. 268.
- ¹¹ Материалы по Западному Китаю, собранные Р.А. Сыртлановым во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1913. Вып. LXXXVI. С. 87.
- ¹² *Щеглова Т.К.* Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации: традиции и новации в размещении ярмарок в начале XX века // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII—XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 219.
- ¹³ Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 520. Л. 12, 42; Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Томск, б.г. С. 193.
- ¹⁴ ГА РБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 530. Л. 5.
- ¹⁵ *Берсенева Л.Ф.* Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями (июнь 1907 — февраль 1917 г.) // История экономического развития Забайкалья в конце XIX — начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник (Чита). 1972. № 6. С. 32—33; *Раднаев Б.Э.* Развитие промышленности Забайкалья в период капитализма // Социально-экономическое развитие Бурятии. XVII — начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 136.
- ¹⁶ *Вольский З.* Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурно и торгово-промышленной жизни. СПб., 1908. С. 410; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 год. Томск, 1905. С. 177.
- ¹⁷ Обзор Забайкальской области за 1899 год. Чита, 1900. Введ. 9; Обзор Забайкальской области за 1907 год. Чита, 1908. Введ. 5; ГА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2265. Л. 55; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб., 1904. С. 2—3; Обзор Забайкальской области за 1904 год. Чита, 1905. Введ. 5.
- ¹⁸ Монголия. Опыт военно-статистического очерка Командира 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка А.А. Баторского. С приложением 41 маршрута и 2 карт // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1891. Вып. XLVIII. С. 139—140.
- ¹⁹ *Ламин В.А.* Императивы формирования Российской транспортной системы // Императивы России в транспортную систему Восточной Азии: сб. науч. ст. / науч. ред. Л.В. Курас, Н. Хишигт. Улан-Удэ, 2008. С. 3.
- ²⁰ *Третьяков В.Г.* Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX — начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Статьи участников III Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. трудов. Иркутск; Улан-Батор, 2014. С. 121.
- ²¹ Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П.П. Червинского. СПб., 1913. С. 56, 68, 71, 75.
- ²² *Мау В.А.* Сочинения: в 6 т. М., 2010. Т. 1. С. 31, 32.
- ²³ *Кальмина Л.В., Плеханова А.М.* Забайкальские экономические опыты 1900-х—1920-х гг. как начальный этап модернизационных преобразований // Власть. 2013. № 3. С. 131.
- ²⁴ *Братченко Т.М., Сенявский А.С.* От protoиндустриализации к раннеиндустриальной модернизации дореволюционной России // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф. г. Саранск, 20—21 июня 2007 г. Саранск, 2007. С. 64.
- ²⁵ *Алексеев В.В.* Российская революция в контексте теории модернизации (постановка проблемы) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII—XX вв. Новосибирск, 1999. С. 5.
- ²⁶ *Иванов Д.* К ликвидации бурят-монгольской неграмотности // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 61(159). С. 2.
- ²⁷ *Родионов В.А.* Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ, 2009. С. 51.
- ²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917—1924. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970. Т. 2. С. 253.
- ²⁹ *Козьмин Н.Н.* Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск, 1926. С. 58—59.
- ³⁰ *Кальмина Л.В., Плеханова А.М.* Монгольский фактор в экономической стратегии Российского / Советского государства в Забайкалье (1910—1920-е гг.) // Власть. 2015. № 5. С. 161—166.
- ³¹ Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР. Верхнеудинск, 1927. С. 51.
- ³² Там же. С. 55.
- ³³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 21. Д. 562. Л. 329.

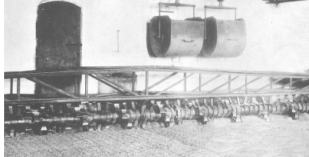
- ³⁴ Социалистическое строительство Бурятии за десять лет: экон. обзор и стат. справочник (1923–1932). Верхнеудинск, 1933. С. 14, 34.
- ³⁵ Четвертая сессия БурЦИКа // Бурят-Монгольская правда. 1927. № 9(979). С. 1.
- ³⁶ Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/27–1927/28. Верхнеудинск, б.г. С. 86.
- ³⁷ См.: ГА РБ. Ф. Р-195. Оп. 4. Д. 22.
- ³⁸ Козьмин Н.Н. Основы капитального строительства Бурятии. С. 73.
- ³⁹ ГА РБ. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 44. Л. 5.
- ⁴⁰ Самойлович П. Бурят-Монгольская АССР. М., 1933. С. 70.
- ⁴¹ ГА РБ. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 666. Л. 2.
- ⁴² Сенявский А.С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. Улан-Удэ, 2007. С. 51.

Библиография

- Алексеев В.В. Российская революция в контексте теории модернизации (постановка проблемы) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1999. С. 3–12.
- Берсенева Л.Ф. Экономическое развитие Забайкалья в период между двумя революциями (июнь 1907 — февраль 1917 г.) // История экономического развития Забайкалья в конце XIX — начале XX века. Забайкальский краеведческий ежегодник (Чита). 1972. № 6. С. 29–41.
- Братченко Т.М., Сенявский А.С. От протоиндустриализации к раннеиндустриальной модернизации дореволюционной России // Модернизационные парадигмы в экономической истории России: материалы Всерос. науч. конф. г. Саранск, 20–21 июня 2007 г. Саранск, 2007. С. 50–65.
- Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX — начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. Барнаул, 2006. С. 66–73.
- Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб.: Изд-во и склад издания при Первом Санкт-Петербургском адресном деле, 1908. 582 с.
- Гаеров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: МГДУТ, 2010. 269 с.
- Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов Всерос. конф. Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. С. 185–193.
- Зубков К.И. Россия и Урал на переломе геополитических эпох (1890–1920-е гг.) // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 76–92.
- Иванов Д. К ликвидации бурят-монгольской неграмотности // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 61(159). С. 2.
- Изыскания железной дороги на Хяту от станции Мысовой Забайкальской железной дороги до Хяты. Общая записка. СПб.: Знаменская типография инж. Г.А. Бернштейна, 1910. 86 с.
- Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Забайкальские экономические опыты 1900-х — 1920-х гг. как начальный этап модернизационных преобразований // Власть. 2013. № 3. С. 130–133.
- Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Монгольский фактор в экономической стратегии Российского / Советского государства в Забайкалье (1910–1920-е гг.) // Власть. 2015. № 5. С. 161–166.
- Канн С.К. Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX — начало XX в.). Сибирь и войны XIX–XX веков: сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 5–12.
- Козьмин Н.Н. Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1926. 144 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917–1924. 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. 543 с.
- Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. 112 с.
- Ламин В.А. Императивы формирования Российской транспортной системы // Императивы России в транспортную систему Восточной Азии: сб. науч. ст. / науч. ред. Л.В. Курас, Н. Хишигт. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. С. 3–32.

- Материалы по Западному Китаю, собранные Р.А. Сыртлановым во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, 1913. Вып. LXXXVI. С. 53–241.
- Май В.А.* Сочинения: в 6 т. М.: Дело, 2010. Т. 1. 712 с.
- Мерцалов В.И.* Забайкалье в геополитическом пространстве Дальнего Востока (1851–1991 гг.) // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Чита — Маньчжурия, 11–15 октября 2011 г. / под ред. М.В. Константинова. Чита: Забайкальский гос. гуманитарно-педагогический ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2011. С. 48–57.
- Монголия. Опыт военно-статистического очерка Командира 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка А.А. Баторского. С приложением 41 маршрута и 2 карт // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Изд. Военно-ученого Комитета Главного штаба, 1891. Вып. XLVIII. С. 1–277.
- Обзор Забайкальской области за 1899 год. Чита: Тип. Забайкальского обл. правления, 1900. 50 с.
- Обзор Забайкальской области за 1904 год. Чита: Тип. Забайкальского обл. правления, 1905. 112 с.
- Обзор Забайкальской области за 1907 год. Чита: Тип. Забайкальского обл. правления, 1908. 98 с.
- Орлова Э.А.* Модернизация: теоретико-методологические основания изучения // Цивилизации. Вып. 8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2008. С. 129–165.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб.: Изд. Центрального стат. комитета Министерства внутренних дел, 1904 [4], X, 184 с.
- Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. 89 с.
- Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. 328 с.
- Раднаев Б.Э.* Формирование рабочего класса в золотодобывающей промышленности Забайкалья конца XIX — начала XX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII — начало XX в. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1987. С. 57–71.
- Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П.П. Червинского. СПб.: Тип. Т-ва С. Суворина «Новое время», 1913. 212 с.
- Родионов В.А.* Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
- Самойлович П.* Бурят-Монгольская АССР. М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1933. 120 с.
- Сенявский А.С.* Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты // Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. С. 32–57.
- Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 год. Год двенадцатый. Томск: Изд. Ф.П. Романова, 1905. 965 с.
- Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л.М. Дамешека, А.В. Ремнева. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Солдатов В.* Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. СПб.: Тип. АО «Слово», 1912. Вып. II. Т. V. Ч. 1. 380 с.
- Социалистическое строительство Бурятии за десять лет: экон. обзор и стат. справочник (1923–1932). Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933. 149 с.
- Третьяков В.Г.* Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX — начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века. Дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Статьи участников III Междунар. науч.- практ. конф.: сб. науч. трудов. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 110–120.
- Щеглова Т.К.* Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации: традиции и новации в размещении ярмарок в начале XX века // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. С. 218–232.
- Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / под ред. Б.В. Базарова. Иркутск: Оттиск, 2015. 228 с.

История финансов и банковского дела

Лизунов П.В.*

Семейный банкирский дом «Г. Вавельберг»: от меняльной лавки до акционерных коммерческих банков в Варшаве и Петербурге

Аннотация. В статье рассматривается история семейной банкирской фирмы «Г. Вавельберг», основанной в 1848 г. в Варшаве. Начиная с мелкой разменной лавки, три поколения семьи Вавельбергов создали один из известных банкирских домов Российской империи, на основе которого были учреждены Санкт-Петербургский Торговый банк (1912, с середины 1914 г. — Петроградский) и Западный банк в Варшаве (1913). С усложнением экономических отношений в конце XIX — начале XX в. значение банкирских домов начало падать. Им становится все сложнее конкурировать с крупными акционерными банками, которые обладали более солидными капиталами и большими возможностями. С начала 1910-х гг. ряд российских банкирских домов приступают к акционированию, другие в своем развитии шли в том же направлении. Петроградский Торговый банк прекратил свое существование после национализации большевиками всех частных коммерческих банков в 1917 г., Западный банк в Варшаве — в 1946 г.

Ключевые слова: банкирский дом «Г. Вавельберг», С.-Петербургский (Петроградский) Торговый банк, Западный банк в Варшаве, Петербург, Варшава.

Одним из известных частных банков Российской империи был семейный банкирский дом «Г. Вавельберг». Фирма и ее владельцы часто упоминаются в российской и польской литературе, однако специальных, посвященных им публикаций нет. Разрозненные сведения общего характера содержатся в различных справочниках, статьях и документах, в основном по истории банков, предпринимательства, благотворительности, литературы и архитектуры.

Отрывочные материалы о банкирском доме «Г. Вавельберг» и Санкт-Петербургском (Петроградском) Торговом банке отложились в нескольких архивах. Так, в фонд Петроградского Торгового банка Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 627) вошли бухгалтерские книги правления и отделений банка; списки лиц, имевших вклады в банке; книги корреспондентских счетов; главная депозитная книга онкольных счетов; книги учета количества акций, облигаций и займов; книги специальных текущих счетов и др. В том же архиве в фонде Петроградской конторы Государственного банка (Ф. 588) — несколько дел по операциям репорта фирмы «Г. Вавельберг»; в фонде Петроградского Международного коммерческого банка (Ф. 626) — с перепиской с банкирским домом «Г. Вавельберг»; в фонде документов личного происхождения (Ф. 1101) — письма членов этой фамилии к родственникам и знакомыми по операциям банка и семейным делам. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 14, 479, 852, 1245, 1886) отложились дела о взимании с банкирского дома «Г. Вавельберг» 5%-го сбора с доходов от денежных капиталов и 0,216%-го сбора по специальным текущим счетам, личные дела последних владельцев и др.

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, pavelvl@mail.ru.

Упоминания об этом банкирском доме, его владельцах и С.-Петербургском Торговом банке содержатся в мемуарах современников. Однако значительную часть самых разных сведений удалось найти в российской и польской периодической печати.

Банкирская контора «Г. Вавельберг» в Варшаве

Основателем банкирского дома «Г. Вавельберг» являлся Герш-Генрик Маркусович (Hersz, Herszowi, Hirsz, Hirsch, Henryk, Neuman, Гирш-Генрик, Гирша Нахман, Цви Хирш, Генрих Михайлович) Вавельберг (1813–1891), происходивший из бедной еврейской семьи, проживавшей в Польше. Его отец Маркус Хирш (Герш) (Markus (Malkiel) Hirsz) Вавельберг (1791–1847) некоторое время был мелким торговцем тканей, затем уличным швейцаром; мать — Фрумета (Фредерика), в девичестве Тромпетер (Frumeta (Fryderika) Trompeter) (1795–1859)¹, была дочерью Натана Зелига Халеви (Natan Zelig Halevi). Свое имя он получил в честь деда Хирша (Герш, Гирш, Hirsz) Цви (Tzvi) (ок. 1760–?), который обосновался в Варшаве во второй половине XVIII в. Наименование фамилии «Вавельберг» (польск. — «Wawelberg»), вероятно, от польского слова «Wawel» — названия холма в Кракове (Вавельский холм), расположенного на левом берегу Вислы².

С ранней юности Г. Вавельберг работал на складе железа компании «Привес» («Prywes»), затем занимался продажей иностранных сигар и папирос³, потом служил в конторе по продаже пятиклассных лотерейных билетов. По одной из версий на расторопного юношу обратил внимание бывший начальник 5-го жандармского округа (Царство Польское) отдельного корпуса жандармов гр. Ф.К. Нессельроде, приходившийся двоюродным племянником российскому канцлеру К.В. Нессельроде. Выйдя в 1844 г. в отставку, он остался жить в Варшаве. В то время Вавельберг работал в лотерейной конторе, постоянным клиентом которой был Нессельроде. Он и предоставил Вавельбергу ссуду, позволившую последнему открыть в 1846 г. в Варшаве (напротив Польского банка, в доме Я. Яноша) небольшую меняльную и лотерейную контору «Г. Вавельберг» («H. Wawelberg»). Кроме продажи и страхования билетов варшавской лотереи, она оказывала услуги по размену российских и иностранных денег, взимая за эти операции банковский процент.

Через два года, в начале мая 1848 г. Генрих и его младший брат Самуил (Самуэль, Samuel) Вавельберг (1817–1893) открыли в Варшаве банкирскую контору «Братья Вавельберг». Однако просуществовала она недолго. В начале ноября 1850 г. после записи в варшавское купеческое собрание Генрих объявил о начале работы собственной конторы «Г. Вавельберг»⁴. В разные годы она располагалась по различным адресам: ул. Проходная (Przechodnia), 1–3, 8, рядом с площадью Железных ворот; ул. Сенаторская (Senatorska), 16(25); ул. Вербовая (Wierzbowa), 11; ул. гр. Коцебу, 6(8), в 1917 г. переименованная в ул. Александра Фредра⁵.

Еврейские купцы давно играли важную роль в разнообразных отраслях торговли и промышленности Царства Польского, особенно в банковском деле.

подавляющее большинство польских банкиров были иудеями или имели еврейские корни. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть списки владельцев банкирских домов и контор Варшавы, Лодзи, Львова других польских городов⁶.

В 1862 г. Г. Вавельберг записался в варшавские купцы 1-й гильдии, а со второй половины 1869 г. по 1890 г. числился также петербургским купцом 1-й гильдии⁷. Первой его супругой была Фелиция (Фейга, Feiga), урожденная Хойнацкая (Гойнацкая, Chojnacka) (1821—1864), на которой он женился в 1843 г. В этом браке были рождены: Ипполит, Мария-Анна и Николай. Второй раз Генрих вступил в брак в 1865 г. с Элеонорой Волперт (1837—1885), в девичестве Хандельсман (Handelsman). Она была вдовой М. Волперта (Maurycy Wolpert), брак с которым продлился чуть более года⁸.

По мере роста капитала банкирской конторы «Г. Вавельберг» существенным источником ее дохода стала выдача краткосрочных кредитов в форме учета векселей или долговых расписок средним торговцам, владельцам небольших лавок и предприятий. Контора давала и принимала векселя и кредитивы на иностранные банкирские дома и исполняла всякого рода дела, входившие в круг банкирской деятельности. Наиболее близко Г. Вавельберг в то время сотрудничал с молодым варшавским банкиром Г. Березой.

В 1860—1870-х гг. банкирский дом «Г. Вавельберг» открыл свои филиалы в Вене, Львове, Познани и Вроцлаве (Бреслау). В Варшаве он являлсяграничным агентством известных страховых компаний «North British and Mercantile» (Эдинбург) и «Pheenix» (Лондон)⁹.

В 1871 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» совместно с петербургскими купцами Г.П. Елисеевым, А.М. Варшавским и А.Е. Горвицем, варшавскими банкирами Осипом, Мечиславом и Леонидом Эпштейнами, Ф. Неффеном, Л. Роземблумом, вроцлавским банкиром И. Лейпцигером, а также с Вроцлавским (Бреславльским) банком, «Шлезисше Банк-Ферейн» участвовал в учреждении Варшавского Учетного банка¹⁰.

Деятельность банкирского дома «Г. Вавельберг» сводилась к инвестированию и привлечению сторонних средств в учреждение акционерных обществ по строительству железных дорог, позднее — в создание системы эмеритальных касс на железных дорогах юго-запада России и Польши. С середины 1880-х гг. банкирский дом стал активно участвовать в страховом и ипотечном деле на территории Царства Польского. Средства привлекались в больших объемах, поэтому доходность была весьма высокой. Также в банкирской конторе производились платежи срочных купонов от польских процентных бумаг и принимались вышедшие в тираж польские ценные бумаги¹¹.

Фирма «Г. Вавельберг» участвовала почти во всех коммерческих проектах известного польского банкира И.С. Блюха, имея долю в разных предприятиях, таких как Варшавский Коммерческий банк, Виленский Частный коммерческий банк, Варшавское Товарищество страхования от огня, Товарищество кредита города Варшавы и др.¹²

В 1891 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» активно участвовал в учреждении страхового общества «Заботливость». Его учредители: Ю.А. Вертгейм (агент Польского банка в Варшаве), К.Ф. Гурский (директор Варшавского страхово-

го от огня общества), Э. Гербст (совладелец фирмы «Карл Шейблер» в Лодзи), К. Дитрих (совладелец жирардовой фирмы «Гилле и Дитрих»), графы Ф.К. Замоиский и Л.А. Красинский (крупные землевладельцы), Л.Л. Кроненберг (банкир), А. Темлер (совладелец варшавской фирмы «Темлер и Шведе») и К. Шленкер (владелец фабрики «Карл и Иван братья Шленкеры»). Они собрали основной капитал в размере 500 тыс. руб., разделенных на 2 тыс. именных акций по 250 руб. каждая. 5 апреля 1891 г. был утвержден Устав общества, а его деятельность началась 3 июня 1892 г.¹³

Большую часть жизни Г. Вавельберг провел в Варшаве, иногда лишь выезжал в Петербург по делам фирмы или за границу для поправки здоровья. Некоторые его поездки, уже в преклонном возрасте, растягивались на длительное время. Так, в одном из писем его сын И. Вавельберг писал, что отец уже второй год находится на лечении в Карлсбаде¹⁴. Возраст и болезни повлияли на характер Генриха. В одном из посланий его дочь Мария-Анна сообщила брату, что «отец ведет себя очень капризно, как ребенок»¹⁵.

В 1890 г., за год до кончины, Г. Вавельберг получил звание потомственного почетного гражданина, которое распространялось также на его сына Ипполита с женой Луизой и на их детей Михаила, Вацлава и Ядвига¹⁶. По подсчетам польской прессы Генрих входил в число 66 варшавских миллионеров¹⁷.

4(16) июня 1891 г. после продолжительной и тяжелой болезни Г. Вавельберг умер в возрасте 78 лет в собственном доме в предместье Варшавы в Млочинах¹⁸. 7(19) июня его похоронили на еврейском кладбище польской столицы (ул. Окоповая (Okopowa)).

«Новости и биржевая газета» писала: «Умерший в Варшаве банкир Генрих Вавельберг принадлежал к числу энергичных деятелей и искусных финансистов. В Царстве Польском “банкирский дом Вавельберг” производит крупные операции и занимает первоклассное положение среди финансовых учреждений. Генрих Вавельберг основал свой банк в Варшаве в 1848 году с очень ограниченными средствами, но благодаря добросовестному ведению дела, энергии и редкому уму основателя банк его имел блестящий успех и быстро развивал свои операции. Весьма симпатичною чертой покойного была отеческая заботливость о служащих у него лицах»¹⁹.

Польская «Тиражная газета» также отмечала, что, «начав дело с самого скромного состояния, покойный Генрик Вавельберг за 60 лет своей деятельности заработал значительные средства и обеспечил широкую известность своей фирмы». По утверждению газеты, в последние годы он все меньше и меньше занимался коммерческими делами, уделяя большое внимание филантропической деятельности, которой и завоевал реальное уважение почти во всех слоях общества²⁰.

Газета «Варшавский курьер» на первой полосе сообщала, что «похороны сопровождались огромной процессией, состоящей из представителей местного купечества и горожан». Отмечалось, что покойный был «одним из крупнейших банкиров в Варшаве, и его уважали за его необыкновенную благотворительность»²¹.

После смерти Г. Вавельберга совладельцами банкирского дома стали его сын Ипполит Вавельберг с женой Луизой, их дети (Михаил, Вацлав и Ядвига),

а также зять С.М. Ротванд. Права полных товарищей фирмы с 1892 г. имели И.Г. Вавельберг и С.М. Ротванд. Родная сестра первого и жена последнего — Мария-Анна Ротванд, урожденная Вавельберг, участвовала в семейном деле как вкладчица²².

Младший брат Генриха Самуэль, являвшийся прокуристом (доверенным лицом) банкирского дома «Братья Вавельберг» и занимавшийся в основном лотерейными билетами, отошел от дел²³. Еще в начале 1850-х гг. он фактически перестал участвовать в делах семейной фирмы. В 1860—1870-х гг. Самуэль занимал должность секретаря Совета Главного еврейского дома призрения престарелых и сирот в Варшаве²⁴. Вместо него к делам банкирского дома был привлечен сын основателя фирмы — Ипполит Генрихович (Андреевич) Вавельберг, он же Гуне-Нунсен-Ипполит (Chuna Nunssyn Hipolit) (1844—1901).

В 1861 г. после окончания курса реальной гимназии в Варшаве И. Вавельберг поступил на подготовительные курсы при Варшавском университете, но затем по воле отца выбрал Институт сельского хозяйства и лесоводства в Маримонте (близ Варшавы), в котором пробыл недолго. Участие в польском восстании 1863—1864 гг. вынудило 19-летнего юношу из-за опасения репрессий и по совету отца уехать в Германию. Однако в списках участников восстания имя Вавельберга не встречается. Вероятно, его причастность ограничивалась сочувствием²⁵.

По другой версии, изложенной в Еврейской энциклопедии, отъезд в Германию был связан с «закрытием института правительством»²⁶ (правда, его не закрыли, а перевели в Новоалександрию). В 1869 г. Вавельберг окончил Коммерческую академию в Берлине. Получив образование и вернувшись в Варшаву, он вступил в управление делами в банкирской конторе отца в качестве одного из сотрудников фирмы и делового партнера. Об этом публично было объявлено особым циркуляром²⁷.

28 октября 1869 г. Ипполит Вавельберг женился на Луизе (Людвига-София, Людмила) Берсон (1851—1927), дочери польского торговца Сигизмунда Берсона (Zygmunt Shimon Berson) (1814/5—1864) и Елены (Гелена, Helena, Hinda), урожденной Кох (Kohn, Cohn) (1818—1903). В этом браке родились Фелиция, Ядвига, Михаил-Сигизмунд и Вацлав.

Отделение банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге

С целью расширения деятельности в сентябре 1869 г. Г. Вавельберг отправился в Петербург, где записался в купцы 1-й гильдии. В столице, в доме притча Казанского собора (угол Невского пр., д. 25 и Казанской ул., д. 1) он открыл отделение своего банкирского заведения²⁸.

В 1860—1870-х гг. в Петербурге обосновалось немало еврейских купцов и банкиров — выходцев из Польши. Среди них выделялись С.А. Френкель, Л.С. и Л.Л. Кроненберги, В.А. Ляский, Ф.Л. Гальперт, И.С. Блюх, М.Г. Эпштейн и др. Их прельщали доступность кредитов и открывающиеся широкие возможности. Многие польские финансисты сыграли важную роль в учреждении в Петербурге банков: Международного коммерческого, Учетного и ссуд-

ного (1869), Русского для внешней торговли (1871)²⁹. В 1870 г., почти одновременно с Вавельбергом в Петербурге открыл банкирскую контору «Маврикий Нелькен» еще один еврейский банкир из Варшавы — М.И. Нелькен³⁰.

Появление в Петербурге значительного числа польско-еврейских банкиров вызывало серьезные опасения у некоторых российских чиновников, экономистов, журналистов и обывателей. Граф Н.П. Игнатьев в марте 1881 г., накануне своего назначения на пост министра внутренних дел, писал: «В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел»³¹.

По утверждению К.В. Трубникова (бывший чиновник Главного управления по делам печати, издатель и редактор «Журнала для акционеров», «Коммерческой газеты», «Биржевых ведомостей»), скрытая борьба немецких и еврейско-польских банкиров за влияние в сфере российских финансов началась в 1870-х гг. Он уверял, что еще до Русско-турецкой войны (1877–1878) «еврейская клика сделалась политической силой» в России, а «на бирже евреи забрали в свои руки главные отрасли торговли и промышленности»³².

В Петербурге Г. Вавельбергу пришлось столкнуться с предвзятым отношением и недоверием местных банкиров, не желавших его признавать и избежавших любого общения с ним. Противостояние зашло довольно далеко, что серьезно осложнило деятельность конторы. Тогда Вавельберг обратился за помощью к влиятельному банкиру Л.С. Кроненбергу, который пообещал решить эту проблему. На частном приеме петербургских банкиров, данном Кроненбергом 24 ноября 1873 г., накануне предстоящего Первого съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита, во время беседы с гостями хозяин громко объявил, что «Вавельберг так же ответственен, как и Кроненберг». В поддержку своих слов добавил, что петербургское отделение Варшавского Коммерческого банка, учредителем которого он являлся, открывает фирме Вавельберга неограниченный кредит. После этого отношение многих столичных банкиров к банкирскому дому «Г. Вавельберг» изменилось в лучшую сторону³³.

Упрочив свои позиции среди петербургских банкиров, Генрих вскоре стал серьезной фигурой в финансовой сфере. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. банкирский дом «Г. Вавельберг» подписался на 2 млн руб. на внутренний 5%-й заем 1878 г., выпущенный для покрытия чрезвычайных военных расходов. Сумма очень значительная для средней банкирской конторы. На самую большую сумму — свыше 45 млн руб. подписался Волжско-Камский коммерческий банк, на 10 млн руб. — Государственный банк, на столько же — С.-Петербургский Частный банк. Из банкирских и торговых домов на 10 млн руб. подписался «И.Е. Гинцбург», на 2,5 млн руб. — «Штиглиц и К^о», на 4 млн руб. — «Бр. Елисейевы», кроме того, на 2 млн руб. — Г.П. Елисейев, на 1,3 млн руб. — С.П. Елисейев, по 1 млн руб. — Ф.И. Петрококино и К.К. Фелейзен³⁴.

В 1886 г. Г. Вавельберг направил в Петербург в качестве управляющего филиалом банкирской конторы своего старшего сына Ипполита. Согласно предписанию Санкт-Петербургской Казенной палаты от 8 февраля 1886 г., он был

записан из варшавского 1-й гильдии купечества в петербургское 1-й гильдии «как пробывший 5 лет непрерывно в купечестве 1-й гильдии в черте еврейской оседлости»³⁵.

Согласно оценке кредитоспособности ряда крупных российских банков и банкирских домов в первой половине 1890-х гг. (дана по просьбе банкирского дома «Мендельсон и К^о» директором С.-Петербургского Международного банка А.Ю. Ротштейном) фирма «Г. Вавельберг» в Петербурге и Варшаве была отнесена к группе «хороших». Ротштейн собственноручно напротив ее написал карандашом по-немецки сначала «хороший» («gut»), затем зачеркнул слово, начал писать «остается хорошим» («bleibt gut»), потом исправил и написал «остается достаточно хорошим», а ниже добавил «не участвует в промышленности». В список им были внесены 14 коммерческих банков и 17 банкирских домов: 8 петербургских, 8 варшавских, 1 лодзинский, 3 рижских, 2 виленских, 6 московских и 3 одесских. При оценке банков Ротштейн использовал формулировки «первоклассный» («prima»), «хороший» («gut»), «плохой» («schlecht») ³⁶.

Банкирский дом «Г. Вавельберг» весьма тесно был связан с Международным банком, в котором имел счета. С начала 1890-х гг. он был одним из наиболее крупных клиентов, от которых Международный банк принимал фонды в депозит клиентов и в собственный портфель. Только за один апрель 1893 г. банк совершил с фирмой «Г. Вавельберг» несколько значительных оборотов по активу.

1 апреля банкирский дом передал в онкольный депозит 100 закладных листов Дворянского земельного банка, 125 акций Русского для внешней торговли банка, 60 — Учетного и ссудного банка, 5%-х свидетельств Крестьянского поземельного банка — на 43 тыс. руб.

7 апреля также поступили без указания названия счета 1 200 акций Русского для внешней торговли банка, 500 — Грязе-Царицынской ж.д., 150 — Курско-Киевской ж.д., 100 — Учетного и ссудного банка, 50 — Частного коммерческого банка, 500 — Рыбинско-Бологовской ж.д. и облигаций 4,5%-го внутреннего консолидированного займа II выпуска — на 65 тыс. руб.

12 апреля «Г. Вавельберг» внес 200 акций Юго-Западных ж.д., 250 — Грязе-Царицынской ж.д., 17 апреля — 500 акций Частного коммерческого банка, 100 — С.-Петербургско-Тулского акционерного земельного банка, облигаций 4,5%-го внутреннего консолидированного займа II выпуска — на 20 тыс. руб., III Восточного займа — на 55 тыс. руб., 5%-х закладных листов Полтавского земельного банка — на 144 тыс. руб.

19 апреля Международный банк получил от банкирского дома на 100 тыс. руб. 5,5%-х закладных листов Крестьянского поземельного банка, 300 акций Русского для внешней торговли банка, 100 — Частного банка, 500 — Грязе-Царицынской ж.д., 50 — Учетного и ссудного банка. Кроме того, закладных с выигрышами листов Дворянского банка — на 90 тыс. руб., 4,5%-х облигаций Внутреннего займа 1893 г. — на 30 тыс. руб., банковских билетов II-го выпуска — на 20 тыс. руб., 6%-й золотой ренты — на 15 тыс. руб. 24 апреля «Г. Вавельберг» внес 100 акций Привислинской ж.д. ³⁷

Заявление Ротштейна о неучастии банкирского дома «Г. Вавельберг» в финансировании промышленности вскоре перестало соответствовать реальному

положению дел. В период экономического подъема 1890-х гг., воспользовавшись удобным случаем, он завладел $\frac{1}{3}$ пакета акций общества чугунолитейного и машиностроительного завода «Бр. Фельзер и К^о» в Риге. Не сумев при наступлении кризиса 1899–1903 гг. и последующей депрессии реализовать акции компании, «Г. Вавельберг» держал их «в мало ликвидном состоянии». Кроме того, зависимость предприятия от банкирского дома была обусловлена вексельным кредитом, выданным обществу «Фельзер» на весьма обременительных условиях. Кроме выдачи векселей и уплаты высоких процентов в размере 8–10%, компания была обязана в качестве дополнительной гарантии обеспечивать кредитные суммы депонированием в конторе «Г. Вавельберг» значительных пакетов своих акций. В 1900 г. банкирский дом учел векселя завода на 375 тыс. руб. из 9%, в 1901 г. — на 275 тыс. руб. из 10%. Всего за период 1900–1910 гг. по одним процентам он получил от «Бр. Фельзер и К^о» более 130 тыс. руб., также в депозите банкирского дома постоянно находились облигации общества нарицательной стоимостью до 600–700 тыс. руб. В 1909 г. «Г. Вавельберг» даже намеривался объединить общество «Фельзен» с Коломенским машиностроительным заводом³⁸.

Петербургская контора «Г. Вавельберг» сумела снискать доверие в придворных кругах. По поручению Кабинета его императорского величества и кассы Министерства императорского двора и уделов банкирский дом «Г. Вавельберг» с 1870 г. производил разные финансовые операции: покупал и продавал процентные бумаги, иностранную валюту, таможенные металлические купоны, обменивал бумаги после окончания сроков купонов и конверсий, переводил денежные суммы за границу и проч.

Операции по покупке и продаже разных ценностей производились в следующих размерах: 1876 г. — 1 782 715 руб.; 1882 г. — 6 300 670; 1884 г. — 2 198 632; 1887 г. — 3 479 812. В 1893 и 1894 гг. таких операций было произведено на 4 146 770 руб.

Кроме того, в 1893–1894 гг. банкирский дом «Г. Вавельберг» совершил обмен по случаю конверсий 5%-х банковских билетов и 5%-х восточных займов на 4 578 650 руб. с предоставлением бенефикаций 13 400 руб. в пользу капиталов Министерства двора. Только в 1894 г. были сделаны переводы за границу: Берлин — кредитив на 100 тыс. мар. (12 апреля); Париж, художнику Ф. Фламенгу (портрет императрицы Марии Федоровны) — чек на 100 фр. (4 мая); на имя светлейшего кн. Д.Б. Голицына — кредитив на 2 800 ф. ст. (28 мая). Телеграфом переведены на имя Руа 46 300 фр. (4 июня); в Лондон, российскому посольству — 62 300 ф. ст. (11 июля)³⁹.

По утверждению заведующего кассой Министерства императорского двора и уделов А.И. Венедиктова, «банкирский дом Вавельберга исполняет <...> все банкирские обязанности и при этом принимает все меры к более выгодному для Министерства выполнению возложенных на него поручений, что всегда подтверждалось сравнением с другими кредитными учреждениями». Упомянулось, что касса Министерства двора получила одобрительные отзывы о банкирском доме «Г. Вавельберга» из Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Венедиктов полагал, что владелец банкирского дома И.Г. Вавельберг и его компаньон О.С. Берсон заслуживают поощрения: пер-

вый — золотой портсигар с государственным гербом, второй — золотые часы с гербом из бриллиантов. Предложение поддержал министр императорского двора генерал-адъютант барон В.Б. Фредерикс. Его ходатайство было направлено на усмотрение Николая II, который в апреле 1899 г. «высочайше разрешил» наградить подарками Вавельберга на сумму 700, а Берсона — 500 руб.⁴⁰

Успешные финансовые операции на С.-Петербургской бирже принесли банкирскому дому «Г. Вавельберг» значительную прибыль. Из-за отсутствия ежегодных отчетов сложно определить размеры его операций и доходов. Из сохранившихся документов, например, видно, что по размерам отчислений банкирского дома процентов в пользу вкладчиков по текущим счетам петербургское отделение значительно превосходило варшавское. Так, в 1895 г. банкирский дом в Петербурге уплатил вкладчикам проценты по текущим счетам в размере 45 041 руб. С этой суммы он внес в С.-Петербургское губернское казначейство причитающиеся 2 252 руб. 5%-го государственного сбора. В 1901 г. вкладчики получили за первое полугодие 132 734 руб., и с этой суммы банкирский дом уплатил в Казначейство 6 640 руб., а за второе — 139 118 руб. и 6 958 руб. соответственно. В 1905 г. за второе полугодие банкирский дом «Г. Вавельберг» в Петербурге заплатил вкладчикам 7 574 руб., а варшавское отделение — 4 396 руб.⁴¹

О доходах банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге за 1909 г. можно судить по материалам Особой комиссии для определения податной прибыли лиц и фирм, торгующих на Фондовом отделе С.-Петербургской биржи для исчисления дополнительного раскладочного сбора. Так, по сведениям комиссии, прибыль владельцев банкирского дома «Г. Вавельберг» составила 500 тыс. руб., «Кафталъ и Гандельман» — 500; «Юнкер и К^о» — 225; «Мейер и К^о» — 150; «Бр. Бурцевы» — 110; «Бр. Джамгаровы» — 100; «Захарий Жданов и К^о» — 100; «Бр. Рябушинские» — 100; «Маврикий Нелькен» — 75; «Волков и сыновья» — 60; «Лампе и К^о» — 50; «Громме Т.» — 15; «Янкелевич И., Варшавский А.» — 10 тыс. руб. Сведения включали в себя данные о валовом доходе не только от операций на бирже, но и в конторах⁴².

Об оборотах банкирского дома «Г. Вавельберг» в Варшаве можно судить по данным Расчетной палаты Варшавского отделения Государственного банка за 1910 г. Так, услугами безналичных расчетов, основанных на зачете взаимных требований и обязательств, воспользовались 17 банков и банкирских домов Варшавы. Оборот варшавских банков через Расчетный отдел в 1910 г. достиг 957 млн руб. В эту сумму были включены безденежные покрытия осуществленные Государственным банком на 244 млн руб., Коммерческим банком в Варшаве — на 166; банкирским домом «В. Ландау» — на 106; Варшавским Учетным банком — на 84; Азовско-Донским банком — на 73; «Г. Вавельберг» — на 64; «С. Натансона сыновья» («S. Natansona S-wie») — на 57; Торговым банком в Лодзи (Варшавский филиал) — на 35; «А. Голдфедер» («A. Góldfeder») — на 26; Волжско-Камским банком — на 23; Лодзинским Купеческим банком — на 17; «А. Перетц и К^о» («A. Peretz i S-ka») — на 12; «Маркус Кролл» — на 12; С.-Петербургским Международным банком — на 11; «Соловейчик и Моргенштерн» («Sołowiejczyk i Morgenstern») — на 8; Банком Кооперативных товариществ в Варшаве — на 7; «Станислав Лессер» («S. Lesser») — на 2 млн руб. Эти цифры, отчасти, дают представление об обороте разных банков в Польше⁴³.

Банкирский промысел связан со всевозможными финансовыми и рисками и потерями, с которыми приходилось сталкиваться и дому «Г. Вавельберг». Он оказался одним из значительных кредиторов разорившегося в 1889 г. торгового дома «Федор Рафалович и К^о» в Одессе. Долги фирмы составляли 1 837 716 руб.: Государственному банку — 724 864; Международному банку — 263 160; Частному Торговому банку — 220 764; «Г. Вавельбергу» — 204 059; «Г. Рафаловичу» в Париже — 150 526; Учетному и ссудному банку — 117 496; «И.Е Гинцбургу» — 48 843; Unione Bank in Medyolana — 32 878; Московскому Коммерческому банку — 37 226; «Robert Warschauer» в Берлине — 24 000; М. Пику в Одессе — 18 900 руб. В августе 1889 г. была образована администрация для ликвидации фирмы, а 1 января 1894 г. было официально объявлено о прекращении существования торгового дома «Ф. Рафалович и К^о». Погашение его долгов продолжалось до 1915 г.⁴⁴

Другой подобный случай произошел в июле 1899 г., когда наступил крах известного миллионера С.П. фон Дервиза, связанного с многочисленными промышленными и кредитными предприятиями. Принадлежащие фон Дервизу бумаги оказались заложены во многих банках. В списке его главных кредиторов была и фирма «Г. Вавельберг», имевшая векселей на 575 тыс. руб. и еще более крупную сумму долга по специальному текущему счету. Претензия банкирского дома к должнику составляла 2 073 170 руб.⁴⁵

Совладельцы банкирского дома «Г. Вавельберг»

С 1880-х гг. дальнейшему развитию фирмы «Г. Вавельберг» в Варшаве способствовал зять основателя банкирского дома Станислав Матвеевич Ротванд (1839–1916)⁴⁶. Он родился в г. Ленчица (Łęczyca), окончил там школу, затем — гимназию в Варшаве. Его дед Леон Ротванд был мелким торговцем, а отец Мордухай Матеуш (Матвей, Mateusz) (1809–1898) — ординатором еврейской больницы в Варшаве, мать — Барбара (Варвара), урожденная Вейнберг (Weinberg) (1811–1889).

В 1855 г. в возрасте 16 лет Станислав Ротванд крестился и принял лютеранство⁴⁷. После окончания гимназии, в 1856 г. он поступил в Московский университет на юридический факультет. Однако после закрытия там кафедр гражданских, уголовных и административных законов Царства Польского, он перевелся в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1860 г. со степенью кандидата прав и с правом на чин 10 класса по гражданской службе и на производство в офицеры — по военной. В июне 1860 г. он поступил на службу судебным аппликантом (практикантом, кандидатом) при Варшавском гражданском трибунале 1-й инстанции, где в ноябре 1863 г. был назначен на должность патрона (защитника)⁴⁸.

После непродолжительной службы в ведомстве Комиссии юстиции Царства Польского он занялся адвокатской деятельностью в юридической конторе А. Бжезинского. В 1863 г. Ротванд открыл свою собственную адвокатскую контору в Варшаве, получив права адвоката в Варшавских департаментах, а в феврале 1870 г. был назначен заступающим место адвоката в Апелляционном суде. Он стал успешным специалистом по гражданскому праву, особенно в ком-

мерческих вопросах. Ротванд имел репутацию превосходного защитника и, как следствие, большой успех у клиентов. С введением с 1 июля 1876 г. Судебных уставов и упразднением должности адвоката Ротванд был зачислен присяжным поверенным при Варшавской судебной палате. После русификации судебных органов в Польше он оставил профессию адвоката⁴⁹.

В августе 1875 г. Ротванд женился на дочери Г. Вавельберга Марии-Анне (1846—1894), вдове своего старшего брата Леона Ротванда (1837—1868), принявшей в 1874 г. лютеранство. В этом браке были рождены сын Анджей-Леон и две дочери Софья-Анна и Леонтия-Станислава. От первого брака осталась дочь Фелиция.

С 1880 г. в качестве совладельца банкирского дома «Г. Вавельберг» Ротванд стал принимать деятельное участие в его делах в качестве юрисконсульта. В январе 1883 г. он был приписан к варшавскому купеческому обществу. После смерти И. Вавельберга Ротванд фактически единолично руководил Варшавским отделением фирмы, на правах полного товарища⁵⁰.

Не без основания современники считали Ротванда одним из самых богатых и влиятельных представителей польской буржуазии. Он являлся председателем правлений Страхового общества «Заботливость» и Западного банка в Варшаве; директором Общества Стараховицких горных заводов (Towarzystwo Starachowickich Zakładów Gorniczuch); членом правлений Варшавского страхового от огня общества, Акционерного промышленного общества механических и горных заводов «Лильпоп, Рау и Левенштейн» («Lilpop, Rau и Lowenstein»), Общества свеклосахарного и рафинадного завода «Черск» («Czersk»), акционерного общества Красинецкого свеклосахарного завода («Krasiniec»), Общества свеклосахарного завода «Млодзешин фабричный» («Młodzieszyn Fabryczny») и ряда других промышленных и финансовых учреждений. Ротванд владел четырьмя каменными домами в Варшаве.

В июле 1885 г. варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко утвердил Ротванда в звании кандидата, в 1888 г. — члена Варшавского городского податного присутствия, а в 1897 г. — члена Губернского податного присутствия.

В 1899 г. после введения государственного промыслового налога варшавский генерал-губернатор П.А. Шувалов утвердил Ротванда в должности члена по промысловому налогу присутствия. Присутствие представляло собой независимую межведомственную комиссию в составе губернатора, управляющего Казенной палатой, управляющего акцизными сборами, прокурора Округного суда, председателя Губернской земской управы, городского головы и двух представителей налогоплательщиков, избираемых Губернской и Городской земскими управами. Присутствие было одним из учреждений, участвовавшим в сборе промыслового налога, задачей которого являлось рассмотрение жалоб на решения Общего присутствия Казенной палаты, относившиеся к сбору этого налога.

В январе 1909 г. Ротванд за 10-летнюю службу в Губернском по промысловому налогу присутствии был награжден чином действительного статского советника. В ходатайстве варшавского генерал-губернатора Г.А. Скалона, направленном главноуправляющему собственной его императорского величества канцелярии статс-секретарю А.С. Танееву, сообщалось, что статский советник Ротванд «известен с давних пор местным властям и мне лично как один из ред-

ких по своей политической уравновешенности общественных деятелей». Скалон отмечал, что Ротванд посвящает «половину, если не большую часть своего времени, общественным начинаниям, он принимает участие лишь в тех из них, которые являются чуждыми политике». Генерал-губернатор, характеризуя Ротванда, особо подчеркивал «основное его стремление — работать на пользу края, но не иначе, как рука об руку с правительством». «Вся консервативная часть польского общества, — утверждал Скалон, — относится к Ротванду с полным уважением, наоборот, оппозиционные, а тем более революционные партии сильно его недолюбливают, особенно за то, что, обладая большими денежными средствами, Ротванд в последние три года революционной смуты упорно отказывался жертвовать на цели, шедшие в разрез с интересами государственного порядка»⁵¹. В итоге 1 января 1909 г. Николай II подписал указ о пожаловании вышеназванного чина⁵².

В марте 1885 г. Ротванд был избран членом Варшавского биржевого комитета, затем товарищем председателя. В 1906 г., после отставки М. Эпштейна, он получил должность председателя биржевого комитета, в которой оставался до своей смерти⁵³. С мая 1903 г. по выбору Купеческого общества Ротванд состоял старшиной варшавского купечества. С 1896 г. он неизменно избирался членом наблюдательного комитета Варшавского городского кредитного общества, был членом комитета Общества земледельческих колоний, членом правления Всероссийского общества сахарозаводчиков, членом Совета съездов представителей промышленности и торговли.

В апреле 1906 г. Ротванда как председателя Варшавской фондовой биржи избрали представителем от торговой и промышленной курии в Государственный совет⁵⁴. В одной из посвященных этому событию газетных статей Ротванда охарактеризовали как «просвещенного человека, европейского склада ума <...> светлого ума и обширных познаний»⁵⁵. В 1912 г. он выбыл по жребию, но 25 октября его избрали вновь. В Госсовете Ротванд примыкал к группе центра, принимал деятельное участие в работе постоянной финансовой комиссии и ряда временных комиссий.

6 мая 1913 г. Ротванд за благотворительную деятельность был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, дающим право получения потомственного дворянства. Определением Департамента герольдии Правительствующего сената от 22 мая 1914 г. С.М. Ротванд с сыном Анджеем-Леоном были возведены в потомственное дворянство с правом внесения в 3-ю часть Дворянской родословной книги Варшавской губернии. Герб дворянского рода Ротвандов с изображением червонного лапчатого креста на серебряном щите и 8 серебряных монет на червонном щите, указывающих «на всемиловейшее пожалование <...> Станислава Ротванда за благотворительную его деятельность», был утвержден Департаментом герольдии 21 июля 1917 г.⁵⁶

Начало Первой мировой войны застало Ротванда на лечении на немецком курорте Киссингене в баварской провинции Нижняя Франкония. Он пробыл в Германии несколько месяцев и только в октябре сумел выехать в Россию, а затем вернуться в Варшаву. После оккупации города немцами в 1915 г. Ротванд выступил против бойкота польскими юристами немецкой судебной системы и присоединился к комиссии, ведущей переговоры с германскими властями.

Умер С.М. Ротванд 23 февраля 1916 г. в возрасте 77 лет и был похоронен на евангелическо-аугсбургском (лютеранском) кладбище в Варшаве⁵⁷.

В 1886 г. петербургское отделение банкирского дома было оформлено в торговый дом полное товарищество «Г. Вавельберг», состоявшее из двух «полных товарищей» — Г.М. Вавельберга (с 1892 г. И.Г. Вавельберга) и С.М. Ротванда⁵⁸.

В 1889 г. в товарищество вступили совладельцами присяжный поверенный Игнатий-Людвиг Альбертович (Адальбертович) Шебеко (Ignace-Ludwig Szebe-ko) (1859—1937) и Осип Семенович (Иосиф Сигизмундович) Берсон (1847— после 1917). С их приходом значительно возросли размеры операций банкирского дома. Позднее оба также станут «полными товарищами» фирмы.

И.А. Шебеко происходил из потомственных дворян Могилевской губернии римско-католического вероисповедания. После окончания полного курса Императорского Александровского лицея в Петербурге с чином титулярного советника в июне 1880 г. он начал службу по Министерству юстиции. Приказом от 18 октября 1880 г. был назначен кандидатом на должности по судебному ведомству при прокуроре Варшавской судебной палаты. С 1883 г. исполнял обязанности товарища прокурора Варшавского окружного суда, в апреле 1885 г. был назначен товарищем Лифляндского губернского прокурора, с июня — исполнял обязанности Лифляндского губернского прокурора, 22 ноября за выслугу лет он был произведен в чин коллежского асессора. 31 августа 1886 г. его назначили товарищем прокурора Казанского окружного суда. В том же году приказом по ведомству Министерства юстиции от 17 ноября по собственному прошению он был уволен от службы и в дальнейшем состоял присяжным поверенным округа Варшавской судебной палаты⁵⁹.

В январе 1887 г. Шебеко женился на Фелиции Леоновне (Львовна) (1865—1934), дочери Леона и Марии-Анны Ротвандов. С 1896 г. Шебеко занимал должность вице-председателя правления Варшавско-Венской ж.д., был членом правления Кутновского сельскохозяйственного общества, акционерного общества «Электричество» и др. Владел он большим имением Глоговец размером 600 десятин земли в Кутновском уезде Варшавской губернии. В 1909 г. Шебеко как помещик Варшавской губернии был избран в Государственный совет от землевладельцев Царства Польского, а в 1913 г. переизбран в связи с окончанием срока полномочий.

В начале Первой мировой войны он оказался в Германии, где был арестован, впоследствии депортирован через Данию в Россию. 1 января 1915 г. Шебеко был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени⁶⁰. В апреле 1915 г. Николай II назначил его членом чрезвычайной следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками, созданной 9 апреля 1915 г. под председательством сенатора А.Н. Кривцова⁶¹. 1 января 1917 г. Шебеко был пожалован чином статского советника⁶².

Весной 1917 г. он покинул Россию и вернулся в Польшу, в 1918 г. был членом Польского национального комитета в Париже. После провозглашения независимости Польши Шебеко находился на дипломатической службе. В 1920 г. он был представителем Польши в Германии, в 1922 г. — в Лиге Наций. Тогда же его избрали депутатом Сейма, в 1928 г. переизбрали. Но вскоре Шебеко сложил с себя депутатские полномочия и отошел от политической деятельности⁶³.

Осип Берсон (родной брат Луизы, жены И. Вавельберга) происходил из еврейской семьи, жившей в Варшаве с XVIII в. Его дед и отец — Майер и Сигизмунд Берсоны занимались торговлей, коммерцией и банкирскими делами. О.С. Берсон был присяжным маклером Варшавской фондовой биржи. В 1884 г. он записался в петербургские купцы 1-й гильдии. Родство и деловая хватка стали основанием для привлечения его к семейному бизнесу в качестве представителя и совладельца банкирского дома «Г. Вавельберг».

Берсон владел собственной банкирской конторой в Петербурге, которая располагалась в том же доме, что и контора «Г. Вавельберг» (на углу Невского пр., д. 25 и Казанской ул., д. 1, а в 1912–1917 гг. — на Невском пр., д. 3). С 1911 г. Берсон являлся членом Совета фондового отдела С.-Петербургской фондовой биржи, членом правлений Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. Согласно газете «С.-Петербургский биржевой день», накануне Первой мировой войны Берсон имел личный капитал не менее 1 млн руб.⁶⁴ Журнал «Банки и биржа» также причислял его к числу петроградских миллионеров с капиталом в 1 млн руб.⁶⁵

Участие в банковских синдикатах и консорциумах

В 1891–1892 гг. банкирский дом «Г. Вавельберг» в качестве субучастника входил в состав синдикатов по I и II конверсиям 6%-х закладных листов акционерных земельных банков. Квота его по I конверсии составляла 1,5%, по II — 0,5%. В результате участвовавшие в синдикате банки и банкирские дома реализовали большую часть новых закладных листов своим клиентам, не прибегая к услугам биржевых маклеров. В 1894–1899 гг. «Г. Вавельберг» совместно с Международным банком участвовал в реализации бумаг акционерных обществ «Сталь» и «Русские электротехнические заводы»⁶⁶.

Международный банк привлекал банкирский дом «Г. Вавельберг» и в другие коммерческие проекты — он являлся субучастником Международного и Учетного и ссудного банков в сделке нереализованного 3%-го займа 1891 г., а его квоты составляли по 0,05% обоим банкам. «Г. Вавельберг» был субучастником этих банков в сделке по реализации того же займа синдикатом «Banque de Paris et des Pays-Bas» («Paribas»). В этом случае его квота составляла по 0,04% обоим банкам⁶⁷.

Когда в конце 1893 г. Международный банк предложил «Deutsche Bank» принять участие в операции выкупа в казну Главного общества российских железных дорог, тот согласился. «Deutsche Bank» предоставил в распоряжение Международному банку 2 тыс. акций общества, из которых 364 получил банкирский дом «Г. Вавельберг»⁶⁸.

Одноименная банкирская контора участвовала в банковском синдикате по реализации негарантированного 4%-го займа Общества Варшавско-Венской ж.д. 1894 г., выпущенного на сумму 8 031 250 руб. В синдикат вошли «Disconto-Gesellschaft», «Mitteldeutsche Greditbank», «Schlesischer Bankverein» (Бреславль), «Credit Lyonnais», «Balser» (Брюссель), Коммерческий (Варшава), Международный, Учетный и ссудный, Русский для внешней торговли, Волжско-Камский (Петербург) банки, а также банкирские дома «С. Блейхредер», «Мендельсон и К^о»,

«М.А. Ротшильд и сыновья» (Франкфурте), «Липпманн Розенталь и К^о» (Амстердам) и др.⁶⁹

В марте 1893 г. Международный банк, приняв от Государственного банка 11 600 4%-х металлических билетов по 300 руб. на 3,48 млн руб., предложил российским и германским банкам сформировать синдикат для их покупки и реализации. Квоты участия были распределены следующим образом: по 17,5% получали Международный, Учетный и ссудный, Русский для внешней торговли и банкирский дом «Г. Вавельберг», по 10% — «Deutsche Bank», «Dresdner Bank» и «Berliner Handels-Gesellschaft». Синдикат взял бумаги по курсу 133,5 руб. за 100 акций и разместил их по 138 руб. за 100 акций. Уже к 2 апреля операция была завершена. За вычетом всех расходов чистая прибыль синдиката составила 157 тыс. руб., которую распределили в соответствии с квотами участия⁷⁰.

Постепенно банкирский дом «Г. Вавельберг» прочно вошел в основную группу «друзей» Международного банка для эмиссий государственных, железнодорожных и ипотечных бумаг. Со второй половины 1890-х гг. совместно с Международным банком он принял участие в финансировании ряда промышленных проектов. Одним из первых таких дел стала покупка 1 тыс. акций Ревельского спиртоочистительного завода у его акционеров. Целью их приобретения было преобразование предприятия в Общество спиртоочистительных заводов и перенесение производства в Петербург. В синдикат, кроме Международного банка (взявшего 200 акций), вошли Русский для внешней торговли и Учетный и ссудный банки (по 100), банкирские дома «Г. Вавельберг» (50), «I.G. Bloch» (50), «Бр. Джамгаровы» (40), «И.В. Юнкер и К^о» (30), «Г. Шерешевский и К^о» (15), «Леон Гольдштанд» (10) и др.

Участвовал «Г. Вавельберг» в 1897 г. в возглавляемом Международным банком синдикате по приобретению и продаже акций Общества Русских механических заводов Гартмана. К общему собранию 18 июля 1896 г. Международный банк предоставил 10 975 акций (5 000 — своих и 5 975 — субучастников); «Dresdner Bank» (всего — 17 950 акций); Учетный и ссудный банк (3 000); И.И. Кестлин (2 100); Г. Гартман, Е. Гутман и А.Г. Рафалович (по 1 000); И. Гольдштанд (600); А.Ю. Ротштейн (500); «Г. Вавельберг» и «И.В. Юнкер и К^о» (по 400); А.Ф. Кох (250); Г.И. Дернер (200) и др. Директор Международного банка А.Ю. Ротштейн сообщал коллеге из Учетного и ссудного банка Д.И. Петрокино, что при их реализации он будет действовать совместно с банкирскими домами «Г. Вавельберг», «И.В. Юнкер и К^о», «Грубе, Небо и К^о».

При приобретении акций общества Жирардовских мануфактур Гилле и Дитриха на сумму 2,5 млн руб. Международный банк среди прочих коммерческих предприятий взаимодействовал также с фирмой «Г. Вавельберг»⁷¹.

В 1896—1899 гг. Международный банк сообща с «Banque Internationale de Paris», «Russian American Manufacturing С^о» и «дружественными» банкирскими домами «Г. Вавельберг», «И.В. Юнкер и К^о», «Бр. Джамгаровы» и другими учредили и финансировали Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество и участвовали в реализации его акций. В качестве акционера «Г. Вавельберг» владел 200—220 акциями общества, которые давали ему восемь голосов в общих собраниях⁷².

Банкирский дом «Г. Вавельберг» был одним из крупнейших владельцев акций Российского золотопромышленного общества. 26 мая 1895 г. к первому общему собранию учрежденного общества он предоставил 750 акций. Среди акционеров Золотопромышленного общества были Ф.И. Палашковский (1 134 акции), маклер Ф.И. Петрококино (10 387), член правления Учетного и ссудного банка Н.М. Полежаев (1 250), директор Международного банка А.Ю. Ротштейн (1 125), Международный банк (1 875), «И.В. Юнкер и К^о» (500), «Ефруси и Поржес» (1 000) и др. В 1897 г. «Г. Вавельберг» владел 2 700 акциями Золотопромышленного общества, в 1898 г. — 3 906, в 1899 г. — 4 549, в 1900 г. — 1 839, но в 1903 г. — только 100⁷³.

Являлся банкирский дом «Г. Вавельберг» и членом «Синдиката для исследования рудных богатств в Китае», учрежденном в 1897 г. По договору между участниками синдиката от 14 июня 1897 г. его капитал в 500 тыс. руб. был разделен на 100 паев. Ф.И. Петрококино и Международный банк взяли по десять паев, А.Ю. Ротштейн и А. Кох — по четыре, И. Гольдшанд и «Г. Вавельберг» — по три.

26 января 1900 г. комитет синдиката постановил образовать акционерное общество для эксплуатации концессий на разработку золота, полученных В.Ю. Гротом от китайского правительства в пределах Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии. Капитал образованного Акционерного общества рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии («Монголор») составил 1,3 млн руб., разделенный на 12 тыс. акций по 250 руб. Банкирский дом «Г. Вавельберг» приобрел из них 84 акции⁷⁴.

При размещении в 1897 г. облигаций Рыбинской ж.д. русские банки из своей доли в 50% отдали 26% субучастникам: 20% — банкирским домам «Г. Вавельберг», «Бр. Джамгаровы», «Г. Волков с сыновьями», «И.В. Юнкер и К^о»; 2% — Рижскому Биржевому банку и 4% — мелким субучастникам⁷⁵.

В 1898–1899 гг. «Г. Вавельберг» в качестве представителя «Всеобщей компании электричества» участвовал в переговорах о создании «большого русского синдиката 1899 г.» для финансирования работ по электротехническому развитию в России. В него входили такие известные банки, как «Deutsche Bank», «Dresdner Bank», «Dischoht-Gesellschaft», банкирский дом «De Rothschild Frères» в Париже, Международный коммерческий и ряд других банков, крупнейшие европейские электротехнические концерны «Сименс и Гальске» («Siemens & Halske»), «Всеобщая компания электричества» («Allgemeine Elektrizitts-Gesellschaft») и Русское электрическое общество «Унион». В результате переговоров доли участников синдиката распределились следующим образом. Доля Ротшильдов составляла 16,5%; Международного банка — 18,5; «Генерального общества промышленности в России» — до 10; группы «Сименс и Гальске», «Всеобщей компании электричества» и «Униона» — по 12; Франко-Швейцарского общества электрической промышленности — 10; банка «Варшауер и К^о» — 3; Русского для внешней торговли, Учетного и ссудного, Азово-Донского и Частного банков, банкирских домов «Г. Вавельберг», «Мейер и К^о», «И.В. Юнкер и К^о», «М.М. Варбург и К^о» (Германия), «Липпман и Розенталь» (Голландия) — по 1%⁷⁶.

В начале 1899 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» совместно с Русским Торгово-промышленным и Международным банками, «И.В. Юнкер и К^о», Э.Л. Нобе-

лем и Г.М. Лианозовым участвовал в создании Нефтепромышленного общества «Кудако», учредителем которого являлся торговый дом «П.О. Гукасов и К^о»⁷⁷.

В 1899—1900 гг. по инициативе Международного банка было учреждено Биби-Эйбатское нефтепромышленное общество. Его крупнейшими акционерами, кроме Международного банка, являлись банкирские дома «Г. Вавельберг» и «И.Е. Гинцбург».

Свидетельством респектабельного положения дома «Г. Вавельберг» стало его участие в синдикате из 15 «главнейших петербургских банков и банкиров с капиталом 5 350 000 руб.»⁷⁸, известным также под названием биржевого или банковского «Красного креста». Созданный 20 октября 1899 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте, синдикат из крупнейших столичных банков и банкирских домов действовал под непосредственным контролем Государственного банка, который выделял необходимые денежные ресурсы для операций на столичной бирже. По мнению правительства и банкиров, синдикат, возникший в самом начале экономического кризиса 1899—1903 гг., должен был смягчить его негативное влияние на положение дел ряда промышленных предприятий и банков. Предложение министра финансов было «высочайше утверждено» Николаем II⁷⁹.

В банковский синдикат вошли банки: Волжско-Камский, Русский для внешней торговли, Международный, Учетный и ссудный, Частный, Коммерческий (Варшава), Русский Торгово-промышленный, Сибирский Торговый, Русско-Китайский, С.-Петербургско-Азовский, С.-Петербургско-Московский и банкирские дома: «Г. Вавельберг», «Э.М. Мейер и К^о», «И.В. Юнкер и К^о», «Лампе К^о».

Заведывание операциями синдиката сосредоточивалось в ведении особого комитета (председатель — управляющий Госбанком), который состоял из представителей Международного, Волжско-Камского, Учетного и ссудного, Русского для внешней торговли банков и банкирского дома «Г. Вавельберг»⁸⁰.

Решения комитета принимались большинством голосов (при условии, что с мнением большинства согласен управляющий Госбанком), постановления же были обязательны для всех участников синдиката и не могли быть оспорены, а его заседания созывались по мере надобности управляющим Госбанком.

Целью синдиката, указанной в договоре, являлось предотвращение резкого падения цен обращающихся на С.-Петербургской бирже солидных дивидендных бумаг, путем их покупки и продажи.

Срок действия синдиката определялся до 1 июня 1900 г.⁸¹ В связи с сохранившимся «угнетенным настроением биржи» 22 мая 1900 г. банки и банкирские дома, вошедшие в синдикат, решили продлить его действия еще на полгода, с 1 июня по 1 декабря. А через две недели, 6 июня синдикат «ввиду израсходования» всей выделенной суммы постановил увеличить капитал до 8 025 000 руб. и продлить срок еще на три месяца, до 1 марта 1901 г.⁸²

10 февраля 1901 г. на имя управляющего Государственным банком Э.Д. Плесске поступили два конфиденциальных письма от управляющего С.-Петербургской конторой Московского Купеческого банка И.А. Исаева, человека вполне осведомленного и компетентного. В них он высказал свое мнение о недостатках синдиката и собственные предложения о его устройстве⁸³. По мнению Исаева, при устройстве синдиката не было выработано никакой системы, вследствие

этого во главе дела оказались несколько лиц, которые собирались для обсуждения и решали, какие бумаги завтра нужно будет поддержать и купить на бирже. Исполнял подобные поручения на бирже банкирский дом «Г. Вавельберг» через своего управляющего О.С. Берсона, Учетный и ссудный банк — через доверенного банка Ю.И. Рамсейера. «Эти господа, — утверждал Исаев, — вечером же сообщали некоторым маклерам и спекулянтам, что завтра будут поддерживать такие-то бумаги, которые они и скупали рано до биржи». В начале биржевого собрания они ничего не делали, но в конце начинали усиленно искать бумаги, повысив их на 5–10 руб., по которым они покупались синдикатом. В результате покупавшие утром наживались, остальные же теряли. Исаев предлагал, чтобы, наконец, остановить падение бумаг и успокоить публику, внести ряд изменений в устройство синдиката. Так, он рекомендовал усилить в нем роль Госбанка и увеличить размеры капитала от 10 до 21 млн руб.⁸⁴

17 февраля 1901 г. банки, вошедшие в синдикат, постановили продлить его действие еще на год, с 1 марта 1901 г. по 1 марта 1902 г., а сумму капитала в 8 025 000 увеличить до 10 031 250 руб.

Решения о продлении действий синдиката принимались вновь 17 февраля 1902 г., затем — 22 февраля 1903 г. Лишь в 1903 г. экономика России снова вступила в полосу подъема, что сразу же отразилось на настроении биржи. Постепенно курсы многих ценных бумаг укреплялись. Ввиду улучшившегося положения денежного рынка капитал синдиката с 1 марта 1903 г. был сокращен до первоначальной суммы — 5 350 000 руб.⁸⁵ Однако в конце того же года тревожные и неопределенные известия с Дальнего Востока стали волновать фондовый рынок, вызывая значительные колебания курсов дивидендных ценностей. Опасения военного конфликта влияли как на курсы государственных фондов, так и на расценки дивидендных бумаг. Поскольку положение в регионе оставалось весьма неопределенным, то для успокоения биржи вновь заговорили о возобновлении деятельности банковского синдиката⁸⁶.

30 января 1904 г. по инициативе министра финансов Э.Д. Плеске «ввиду военных событий, которые неизбежно влекут за собой понижение биржевых ценностей, возникло предложение о возобновлении деятельности синдиката банков для поддержания курсов ценных бумаг»⁸⁷. 26 февраля был заключен очередной синдикатский договор. С 1 марта 1904 г. капитал синдиката вновь увеличили до 8 025 000, а с 2 декабря 1905 г. — до 10 031 250 руб.⁸⁸

Хотя начало Русско-японской войны вызвало настоящее смятение на фондовом рынке, но под влиянием правительственных мер паническое настроение вскоре прошло, и С.-Петербургская биржа перешла к более спокойной оценке нового состояния народного хозяйства страны.

В дальнейшем деятельность синдиката продлевалась 19 февраля 1905 г., 21 февраля 1906 г., 27 февраля 1907 г., 26 февраля 1908 г. и 28 февраля 1909 г.

На состоявшемся 4 марта 1910 г. заседании представителей банков и банкиров, принимавших участие в синдикате, управляющий Госбанком А.В. Коншин сделал заявление о желательности прекращения деятельности синдиката ввиду того, что обстоятельства, вызвавшие его образование в 1899 г., «ныне миновали». Выслушав Коншина, участники заседания постановили считать синдикат прекратившим свое действие⁸⁹.

В 1911–1912 гг. «Г. Вавельберг» как субучастник синдиката участвовал в реализации паев товарищества нефтяного производства «Бр. Нобель». Общее собрание товарищества 18 июня 1910 г. решило выпуском новых акций увеличить акционерный капитал с 15 до 30 млн руб., на что 22 ноября 1911 г. последовало высочайшее соизволение. Курс был установлен в 8 800 руб. за пай при номинальной стоимости в 5 тыс. руб. Товарищество «Бр. Нобель» заключило соглашение с Учетным обществом об организации синдиката для гарантии реализации нового выпуска своих акций на 15 млн руб. В синдикат вошли немецкая (75%) и русская (25%) группы. В составе первой были Учетное и Берлинское торговое общества, также предусматривалось участие в ней представителей Голландии и Швеции. Русскую группу возглавил Международный банк. В нее также вошли Учетный и ссудный, Азовско-Донской, Волжско-Камский, Русско-Азиатский и Русский для внешней торговли банки. Русская группа выделила 7% Частному коммерческому, Сибирскому, Русскому Торгово-промышленному банкам, банкирскому дому «Г. Вавельберг» и 5% — остальным субучастникам синдиката. Срок действия последнего устанавливался по 31 декабря 1912 г.⁹⁰

Типичный «поляк Моисеева вероисповедания»

В помещенной в Еврейской энциклопедии биографии И.Г. Вавельберга отмечалось, что он принадлежал к поколению, выросшему в эпоху реформ польского политического деятеля А.И. Велепольского, сторонника равноправия евреев. Признавая их не нацией, а «вероисповедальной группой», Вавельберг стремился к сближению евреев и поляков. По своим воспитанию, семейным связям и положению среди поляков в Петербурге и Варшаве он был типичным «поляком Моисеева вероисповедания»⁹¹, поэтому много жертвовал на развитие польской культуры. Без его участия не обходилось ни одно польское крупное благотворительное или просветительное начинание.

26 апреля (8 мая) 1898 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» отмечал 50-летний юбилей. Поскольку глава фирмы проживал в Варшаве, то там и проходили главные торжества. В течение нескольких часов помещения банкирского дома были заполнены людьми. По подсчетам польских газет, в тот день более 1 тыс. человек посетили юбиляров. На их имя поступило более 500 поздравительных телеграмм из разных мест страны и из-за рубежа. Поздравления И.Г. Вавельбергу и С.М. Ротванду прислали вел. кн. Владимир Александрович, министр финансов С.Ю. Витте, управляющий Государственным банком Э.Д. Плеске, директор Особенной канцелярии по кредитной части Б.Ф. Малешевский, председатель департамента государственной экономии Госсовета М.Д. Сольский и др. Поздравительные адреса поступили от банков — С.-Петербургского Международного, Русского для внешней торговли, С.-Петербургского Учетного и ссудного, Азовско-Донского, ряда иностранных, а также от Варшавского и С.-Петербургского биржевых комитетов, маклеров Варшавской и С.-Петербургской биржи, страхового общества «Россия»⁹². Для служащих петербургского отделения устроили обеды: для высших — в ресторане «Медведь», для низших — в квартире одного из служащих при конторе⁹³.

По случаю 50-летней годовщины со дня основания банкирского дома Ипполит Вавельберг и его жена Луиза пожертвовали 300 тыс. руб. на строительство доступного жилья для польских рабочих. В день учреждения фирмы владельцы банкирского дома «Г. Вавельберг» участвовали в церемонии закладки первого камня в основание комплекса зданий «Дешевые квартиры в городе Варшаве имени Ипполита и Людвики Вавельберг» («колония Вавельберг»). Для организации и управления учреждением были созданы специальные фонд и Комитет учреждения дешевых квартир (просуществовал до середины 1920-х гг.), пожизненным председателем которого избрали И.Г. Вавельберга⁹⁴. Председателем комитета с 1897 г. и до своей смерти состоял С.М. Ротванд⁹⁵.

Пожертвованный четой Вавельбергов капитал должен был приносить ежегодно 4% чистой прибыли, которая составляла от 10 до 12 тыс. руб. Этот доход и должен был пойти на строительство. В конце 1897 г. Вавельберг приобрел участок в районе Воли (Wola) в части Млынова (Młynów) размером 4 800 кв. м. Построенный в 1898–1900 гг. архитектором Э. Голдбергом жилой комплекс представлял собой три кирпичных пятиэтажных здания, расположенных от улицы Гурчевской (Górczewskiej) вдоль улицы Дзялдовской (Działdowskiej). Колония была одним из первых в Польше недорогих жилых комплексов (в них квартир с кухнями и без них, рассчитанных на 1 800 человек). Имелась общая бесплатная механическая прачечная, дезинфекционная камера, баня с ванными, общий зал с большими комнатами, кухней и буфетами для собраний обитателей в свободное время, для свадеб, концертов и т.п., врачебная амбулатория, фельдшерская, мертвецкая (отдельная для христиан и для евреев). На всех этажах находились ватерклозеты, изолированные для мужчин и женщин, мусоропровод. В одном из зданий помещались городские начальные бесплатные училища для мальчиков и девочек. В другом здании располагался детский приют⁹⁶.

За квартиры «в колонии Вавельберг» взималась плата от 5 до 12 руб. в месяц, в зависимости от размера, тогда как в Варшаве плата за комнату составляла от 7 до 12 руб., за комнату с кухней — от 10 до 22 руб. в месяц. В подавляющем большинстве рабочие занимали квартиры, которые не отвечали самым элементарным гигиеническим требованиям и удобствам⁹⁷.

Другой совладелец банкирского дома — С.М. Ротванд, желая со своей стороны отметить юбилей фирмы и в то же время почтить память покойной супруги, учредил фонд им. Марии Ротванд (100 тыс. руб.). В его распоряжение Ротванд передал здание (ул. Сенная (Siennej), д. 85), приобретенное им за 40 тыс. руб., добавив еще 60 тыс. руб.

В результате оно перешло в собственность общества «Дешевые квартиры...» и предназначалось для квартир рабочих, детских яслей, швейных мастерских и школ для девочек старшего возраста. Доход от этой недвижимости шел на содержание и расширение нового фонда, который заботился о детях рабочих⁹⁸.

Будучи поклонником польской литературы, И. Вавельберг помогал писательнице Э. Ожешко в трудное для нее время. После смерти Ожешко он за свой счет издал полное собрание ее сочинений. Ипполит финансировал и способствовал переводу на русский язык дешевых изданий сочинений А. Мицкевича,

Б. Пруса, Г. Сенкевича, предназначенных для бедных слоев населения Польши. Вавельберг поддерживал ее прессу и студентов в Петербурге, был попечителем дешевой студенческой столовой польского Римско-католического благотворительного общества. За крупное пожертвование И. Вавельберг получил звание почетного члена этого общества. Он искренне верил, что с помощью пожертвований он сможет снять с евреев обвинения в исключительности, выдвинутые поляками, и сблизить представителей двух народов. Чтобы доказать историческую связь между евреями и поляками, Ипполит учредил при Львовском университете премию за сочинение по истории евреев в Польше⁹⁹. В 1894 г. И.Г. Вавельберг, Л.Л. Кроненберг, И.С. Блюх, граф С. Ржищевский, польский пианист и композитор И.Я. Падеревский пожертвовали 4 тыс руб. на установление памятника Ф. Шопену на его родине — в Желязова-Воля¹⁰⁰.

Однако признания среди поляков Вавельберг не получил, что его сильно удручало. Когда в 1897 г. по случаю 100-летия со дня рождения Мицкевича собирали деньги на его памятник в Варшаве, Ипполит направил в Комитет по сбору средств 50 тыс. руб., но получил отказ. Деньги были ему возвращены. Поляки высокомерно заявили, что желают создать памятник своему поэту от имени всей нации, а не от отдельных людей, и на польские, а не на еврейские средства¹⁰¹. Вавельберг воспринял это очень болезненно.

В отличие от евреев-ассимиляторов он открыто признавал себя иудеем. Постепенно наступил перелом в его воззрениях. Под влиянием растущего антисемитизма он стал принимать более активное участие в еврейской жизни. Вавельберг являлся членом правления С.-Петербургской еврейской общины и синагоги и пожертвовал на ее строительство 20 тыс. руб. Он был членом Общества распространения просвещения среди евреев, членом и казначеем Еврейского колонизационного общества, выплачивал пособия жертвам еврейских погромов. В его доме в Варшаве располагалась Еврейская школа. В 1892 г. на пожертвования Вавельберга открыли лечебный летний лагерь (колонию) в Цехоцинке для детей из бедных польских и еврейских семей. В течение летнего сезона в лагере находили приют 150–280 детей. Кроме содержания специального здания Ипполит ежегодно жертвовал на нужды лагеря 2 500 руб.¹⁰²

В июле 1900 г. при участии Вавельберга было образовано Акционерное общество дешевых гигиенических квартир для еврейского населения, учредителем которого выступил барон Г.Е. Гинцбург. Цель общества — обеспечить бедных евреев дешевым и удобным жильем в городах и местечках губерний черты оседлости и Привислинского края. Капитал общества составлял 500 тыс. руб., разделенный на 2 тыс. акций по 250 руб. каждая. Директорами правления являлись Г.Е. Гинцбург, И.Г. Вавельберг, Л.И. Бродский, М.И. Варшавский и Д.С. Поляков. Международная Ассоциация еврейской колонизации, основанная по инициативе и на деньги барона Хирша, купила 900 акции за 225 тыс. руб. На средства общества в Вильно были построены два дома — более чем на 200 квартир¹⁰³.

С 1900 г. Вавельберг состоял членом правления общества Днепровской мануфактуры, ставившей целью построить в м. Дубров Могилевской губернии ткацко-прядельную фабрику для подъема благосостояния местного еврейского населения.

Ипполит являлся почетным членом Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге, находившегося под высочайшим покровительством его императорского величества, председателем которого был Витте. На основании его всеподданнейшего доклада Николай II 28 ноября 1897 г. утвердил Вавельберга в вышеназванном звании. Ежегодно он вносил на нужды Дома призрения по 500 руб.¹⁰⁴

И.Г. Вавельберг скончался в ночь с субботы на воскресенье 7(20) октября 1901 г. в Висбадене в отеле «Блок» («Block») в возрасте 57 лет. Смерть наступила после непродолжительной тяжелой болезни сердца¹⁰⁵. Тело перевезли в Варшаву и похоронили на еврейском кладбище на Окоповой улице, рядом с могилой отца. В 1928 г. в его честь была названа одна из столичных улиц, где находилась «колония Вавельберг».

Почти все польские и многие российские газеты сообщили о смерти «известного варшавского банкира и филантропа». В большей части периодических изданий, независимо от политических направлений и пристрастий, были размещены хвалебные некрологи, в которых перечислялись его человеческие качества и благотворительные дела¹⁰⁶. Газета «Варшавский курьер» называла Вавельберга «представителем финансовой фирмы европейского значения». Краковская газета «Голос народа» писала, что «это был один из самых редких видов польских евреев в Польше». Газета «Варшавский дневник» отмечала, что покойный «пользовался широкой известностью не только как представитель банковской фирмы, занимавшейся крупными финансовыми предприятиями, но и как просвещенный и образованный деятель, уделявший свой досуг и часть денежных средств на общественные и благотворительные дела»¹⁰⁷.

Однако встречались и весьма нелицеприятные оценки его личности. Например, в ежемесячнике «Всепольский обзор» сообщалось, что умер «столп примирительной партии». Указывалось, что Вавельберг, хотя и жертвовал много денег на общественные цели, но не стоит забывать, что разбогател он на человеческих бедах, был «биржевым разбойником», который заработал миллионы на удачных банковских спекуляциях, и имя его «особо громко слышалось среди стонов и проклятий». По утверждению журнала, Вавельберг был «олицетворением наихудшего типа примиренца», что «люди такого типа считают Россию своей родиной, даже если они родились в Варшаве и говорят по-польски». В заключение ежемесячник назвал Вавельберга «поляком, евреем и русским в одном лице»¹⁰⁸.

Даже через много лет в Польше вспоминали, что банкиры И.Г. Вавельберг и С.М. Ротванд были «великими патриотами» Польши, но их патриотизм не мешал им участвовать в биржевых спекуляциях, в результате которых многие поляки — клиенты их банковского дома были разорены¹⁰⁹.

Банкирскую контору «Г. Вавельберг» в Петербурге и Варшаве не раз обвиняли в разжигании страсти к азартной игре с биржевыми бумагами, в том, что она работала не только на свой счет, но и принимала в залог ценные бумаги на миллионы рублей. Так, в августе 1895 г. в разгар биржевого ажиотажа, когда много ценных бумаг, приобретенных у клиентов с рассрочкой платежа, оказались в конторе «Г. Вавельберг», она потребовала от этих людей доплат. Большинство из них не могли внести требуемые банком дополнительные суммы, поскольку все их средства были поглощены спекуляцией. Контора произвела экзекуцион-

ные продажи заложенных бумаг, оставив их часть за собой. В результате многие клиенты потеряли свои залогов¹¹⁰.

В течение 1895 г. Варшавская биржа являлась местом беспрецедентной спекулятивной игры. Главным предметом биржевых сделок были акции крупных машиностроительных и чугунолитейных заводов: «Лильпоп, Рау и Ловенштайн», Стараховицких горных заводов, «К. Рудзкий и К^о» (Варшава), «Русско-Балтийского вагонного завода» (Рига) и др. Повышение цен, начавшееся в 1894 г., постепенно усиливаясь, продолжалось до второй половины 1895 г. В конце августа — начале сентября спекулятивное увлечение на Варшавской бирже достигло апогея. Со второй половины сентября началось обратное движение: курсы всех акций стали понижаться. На Варшавской бирже 11 ноября произошло резкое падение цен. Так, акции предприятия «Лильпоп, Рау и Ловенштайн», которые еще в июле—августе котировались по 2 210—2 250 руб., 11 ноября упали до 1 300 руб., «К. Рудзкий и К^о» понизились с 1 920—1 930 до 960 руб., Стараховицких горных заводов — с 320 до 185 руб.¹¹¹

По утверждению польской прессы, только принудительная продажа залогов в течение 15—20 дней принесла варшавской конторе «Г. Вавельберг» более 6 млн руб. чистой прибыли. В газетах отмечалось, что даже в сказках «Тысячи и одной ночи» не происходило более невероятных событий¹¹².

Недовольство и многочисленные жалобы на банкирский дом «Г. Вавельберг» в Варшаве вынудил его сосредоточить основную свою деятельность в Петербурге, а в Польше больше уделять внимания благотворительности¹¹³.

Завещание И.Г. Вавельберга было вскрыто в его доме в Царском Селе (ул. Бульварная, д. 6)¹¹⁴, где собралась вся семья умершего. Согласно его воле значительные суммы предназначались на благотворительные цели в Петербурге и Варшаве¹¹⁵. После смерти мужа Луиза Вавельберг с 1902 по 1907 г. состояла в 1-й гильдии петербургского купечества, а с 6 ноября 1907 г. была «перечислена» в разряд «не торгующих потомственных почетных граждан»¹¹⁶.

Вскоре после смерти Ипполита Вавельберга в прессе от имени совладельцев банкирского дома было опубликовано официальное сообщение о том, что никаких изменений в управлении не будет, и все существующие договоренности с акционерными обществами и доверенными лицами останутся в силе¹¹⁷.

Михаил Вавельберг — представитель третьего поколения банкиров Вавельбергов

Наследником И.Г. Вавельберга был его сын — Михаил-Сигизмунд (Михаэль) Ипполитович Вавельберг (1879—1947). Родился он в Варшаве, как записано в акте о рождении, в принадлежавшем отцу доме № 795 7-го Вольского участка. Свидетелями были С. Ротванд и Б. Кафталь. В 1899 г. Михаил окончил Николаевскую Царскосельскую классическую гимназию, а в 1903 г. — юридический факультет Санкт-Петербургского университета¹¹⁸. В 1908 г. Михаил получил свидетельство купца 1-й гильдии и возглавил семейный банкирский дом. 6 августа 1911 г. он женился на Ванде-Маргарите (1889—?), дочери Артура и Софии Браунштейн (Braunstein).

М.И. Вавельберг являлся действительным членом Фондового отдела С.-Петербургской биржи; директором правления Донецко-Грушевского акционерного общества каменноугольных и антрацитовых копий (владел наибольшим количеством акций)¹¹⁹ и акционерного Общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения; членом правлений Страхового общества «Россия», акционерного общества антрацитовых рудников «Боково», Рижского чугунолитейного и машиностроительного завода (бывшего «Фельзер и К^о») и др.; владел несколькими домами в Петербурге.

Банкирский дом «Г. Вавельберг» был одним из крупнейших держателей акций Международного¹²⁰ и Частного банков¹²¹, владельцем акций таких крупных промышленных компаний, как Ленское золотопромышленное товарищество, Российское золотопромышленное общество, Биби-Эйбатское нефтепромышленное общество, Русское общество машиностроительных заводов Гартмана, С.-Петербургский вагоностроительный завод и др. Банкирский дом был связан со многими российскими банками. Через него оплачивались купоны и тиражные закладные листы таких земельных банков, как С.-Петербургско-Тульский, Московский, Бессарабско-Таврический, Ярославско-Костромской, Полтавский, Харьковский, Нижегородско-Самарский, Донской, Виленский, Тифлисский, Михайловский (Кутаиси) и др. В банкирской конторе «Г. Вавельберг» и его отделениях можно было получить дивиденд сразу же после общего собрания нескольких крупных коммерческих банков: Южно-Русского промышленного, Азовско-Донского, Рижского Коммерческого, Виленского Частного, Минского Коммерческого банка, а также ряда акционерных предприятий, например, Бакинского нефтяного общества, Общества Путиловских заводов, Московского Общества для сооружения и эксплуатации подъездных железных путей в России и др. В банкирской конторе производился платеж по срочным купонам польских процентных бумаг.

О солидном положении банкирского дома «Г. Вавельберг» свидетельствовало его кредитование по специальным текущим счетам (on call), под обеспечение процентных бумаг в Государственном банке. Число клиентов по таким счетам было относительно невелико и редко достигало 200 фирм. Различными являлись и интенсивность использования этих счетов отдельными клиентами, и размеры сумм кредита в разные годы.

Онкольный счет в Госбанке банкирскому дому «Г. Вавельберг» был открыт еще в 1889 г. В 1890 г. им было получено 739 500, в 1891 г. — 1 132 931, в 1892 г. — 21 780, в 1894 г. — 888 000. После создания в 1895 г. С.-Петербургской конторы Государственного банка ей передали кредитные дела данного банкирского заведения. С начала существования конторы заимствования производились регулярно. В 1895 г. банкирскому дому «Г. Вавельберг» были выданы 2 825 550 руб.¹²²

Погашения по долгам производились регулярно и на большие суммы. При этом остаток по обеспечению счета всегда был значительным и только один раз опустился ниже 1 млн руб. Были годы, когда фирма крайне редко обращалась к услугам Госбанка. В частности, в 1903 г. по специальным текущим счетам в его С.-Петербургской конторе «Г. Вавельберг» совсем не брал займы, лишь рассчитывался по прошлогодним заимствованиям, начав год с 1 629 руб., закончив с 305 руб. долга. Примечательно, что и свободный кредит банкирского дома

был незначительным — не более 1 294 руб. Очевидно, он предпочитал не держать в С.-Петербургской конторе ценные бумаги без дела. Более активно фирма «Г. Вавельберг» использовала ресурсы конторы в 1910 г.: при наличии двух специальных текущих счетов использовался только один. По нему получали деньги 30 раз. В 18 случаях банкирский дом заимствовал средства под свидетельства 4%-й государственной ренты, в 12 — под другие ценные бумаги¹²³.

Банкирский дом «Г. Вавельберг» в С.-Петербурге производил операции репорта с имевшими кредит в С.-Петербургской конторе Госбанка первоклассными иностранными фирмами и банками, например: «Comptoir National d'Escompte», «Charles Weisweiler», «Banque Russe» (Париж), «Direction der Disconto Gesellschaft», «Robert Warschauer et Co», «Mendelson et Co», «Swiss Bankverein», «Anglo-Foreign Banking Co», «London Agency», «Dresden Bank», «Gredit Lyonnais», «Lazad Freres et Co», «Perien et Co», «Louis Dreyfus et Co» и др.¹²⁴

В начале XX в. агенты и представители банкирского дома «Г. Вавельберг» действовали во многих провинциальных городах Западной и Центральной России, Урала, Сибири и Средней Азии. Среди них были Вятка, Сарапул, Слободской, Яранск, Малмыж (Вятская губерния); Орск, Троицк, Челябинск, Верхотурье, Ирбит (Оренбургская); Пермь, Кунгур, Оса (Пермская); Уфа, Златоуст, Мензелинск (Уфимская), а также города Иркутск, Самарканд, Витебск, Екатеринбург, Владивосток и др.

Банкирский дом по форме своей организации по-прежнему оставался «полным товариществом». Его владельцами в 1910 г. являлись находившиеся в разной степени родства друг другу М.И. Вавельберг, С.М. Ротванд, О.С. Берсон, И.А. Шебеко и А.С. Ротванд. Доверенными банкирского дома в Петербурге были проработавшие там по 15–20 лет и более Х.Х. Мантке, В.К. Торопов, О.Э. Бирман, Г.Ф. Небо, А.М. Гольдштейн, И.В. Юнгер, А.Э. Форсберг. В петербургской конторе начальником фондового отдела являлся Юнгер, специально текущего счета — Небо, заграничных переводов — Ф.Л. Фредман-Клюзель, вексельного — Форсберг; текущих счетов — Ф.Л. Спокойный; по счетам залога — Г.Р. Реннерт, кассового — Д.Ф. Селезнев; бухгалтерского — К.К. Штремберг, контрольного — Э.В. Вольфейль; биржевого — А.Г. Эмич¹²⁵.

Несмотря на кажущееся благополучие банкирского дома, в отношениях между его варшавскими и петербургскими владельцами нарастало напряжение. Оно особенно обострилось после смерти И.Г. Вавельберга. Возникла необходимость принятия серьезных решений. В марте 1907 г. при активном участии владельцев банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге была предпринята первая попытка учредить Западный банк в С.-Петербурге с отделениями в Варшаве и Лодзи. По уставу первоначально складочный капитал нового банка составлял 5 млн руб., который предполагалось образовывать выпуском 20 тыс. акций по 250 руб. каждая. Позднее организаторы намеривались решением общего собрания акционеров и с разрешения министра финансов увеличить капитал до 10 млн руб. Учредителями были М.И. Вавельберг, его брат В.И. Вавельберг, его мать Л.С. Вавельберг, его дяди О.С. Берсон и С.М. Ротванд, его кузен А.С. Ротванд и муж кузины И.А. Шебеко¹²⁶. Западный банк, по сообщениям польской прессы, по поводу отношений с аристократией и промышленностью намеревался придерживаться программы своего предшественника — банкир-

ского дома «Г. Вавельберг» в Варшаве¹²⁷. Сообщалось, что владельцы его отделений (в Варшаве и Петербурге) решили преобразовать фирму в акционерный банк по семейным обстоятельствам. Часть его капитала будет представлена немецко-французским синдикатом¹²⁸. В петербургской прессе никаких заметных комментариев по поводу предстоящего открытия банка не было.

Однако в 1907 г., вероятно, из-за разногласий среди владельцев банкирского дома в обоих городах, Западный банк не состоялся. По-видимому, польскую сторону не устраивала зависимость от петербургских партнеров.

Западный банк в Варшаве

21 декабря 1912 г. министр финансов представил Правительствующему Сенату утвержденный им 17 декабря устав учреждаемого в Варшаве акционерного общества под тем же названием — «Западный банк» («Bank Zachodni»). Учредителями, среди которых не было Вавельбергов, являлись: С.М. Ротванд, его сын А.С. Ротванд, И.А. Шебеко, его жена Ф.Л. Шебеко (урожденная Ротванд), адвокат М.К. Юрчик-Табецкий, муж дочери С.М. Ротванда Софии-Анны и итальянский гражданин маркиз К.К. Арригони, муж младшей дочери С.М. Ротванда Леони (Елеонора, Лола). Складочный капитал банка определялся первоначально в 5 млн руб., образуемый выпуском 20 тыс. акций по 250 руб. каждая. Акции выпускались как именные, так и на предъявителя по желанию их владельцев¹²⁹.

Западный банк в Варшаве возник на основе варшавского отделения банкирского дома «Г. Вавельберг». Учредительное собрание состоялось 18 июня 1913 г., на котором прошли выборы членов совета и правления банка. Председателем совета банка избрали С.М. Ротванда, вице-председателем — кн. З. Любомирского. В совет банка вошли Г. Гинсберг, Э. Гейман, князя А. и М. Радзивиллы, Ф. Шиле, И. Шебеко. Председателем правления был избран А.С. Ротванд, его заместителем — Б. Павликевич. Членами правления стали С. Ляндау и М. Табецкий. Баланс Западного банка на 31 августа 1913 г. составлял 26 620 697 руб.¹³⁰

После смерти С.М. Ротванда председателем правления банка стал его сын Анджей, который исполнял эту должность до 1939 г.¹³¹ Анджей-Леон Ротванд (1877—1951) окончил в 1897 г. гимназию в Варшаве, а в 1904 г. — Институт инженеров путей сообщения в Петербурге Александра I. После его окончания Анджей работал инженером-технологом на железнодорожной линии Варшава — Калиш, имел чин коллежского асессора. Он был введен отцом в принадлежавшие семье предприятия, и постепенно взял на себя управление ими. С 1910 г. Анджей был членом Совета общества «Лильпоп, Рау и Левенштейн», правления Варшавского общества Страхования и страхового общества «Przeźorność», сахарных заводов «Cielse» («Цельце»), «Красинец», «Черск» и «Млодзешин фабричный».

Банкирский дом «Г. Вавельберг» в Варшаве передал ведение всех текущих дел Западному банку, в который перешли большинство прежних сотрудников. До середины 1920-х гг. банкирский дом находился в ликвидации. Его интересы представлял Западный банк, который через мировой суд Варшавы регулярно извещал должников банкирского дома о необходимости вернуть старые креди-

ты¹³². Директором банкирского дома «Г. Вавельберг» в Варшаве до его окончательной ликвидации являлся Анджей Ротванд.

Еще до Первой мировой войны Западный банк в Варшаве стал одним из крупнейших кредитных организаций Царства Польского. Во время войны банк проявил исключительную жизнеспособность, исправно выполняя свои обязательства без использования моратория. Разделение на два отдельных банка позволило уменьшить убытки, связанные с потерей российского денежного рынка, от которого пострадали другие варшавские банки¹³³.

В конце мая 1915 г. состоялось годовичное собрание акционеров Западного банка. Несмотря на то, что истекший операционный год был завершен по балансу с чистой прибылью в 200 975 руб., собрание акционеров решило не выплачивать дивиденды, а полученную прибыль направить на увеличение запасного капитала¹³⁴.

Западный банк, кроме центрального отделения, имел три городских филиала в Варшаве, четыре — в Гдыни, Кракове, Лодзи и Познани, а также два отделения — в Катовице и Радоме. Центральное отделение банка в Варшаве находилось в здании, где ранее располагалась банкирская контора «Г. Вавельберг» (ул. Александра Фредри, д. 6).

Первоначальный капитал Западного банка, составлявший 5 млн руб., вскоре был увеличен до 7,5 млн руб. В декабре 1913 г. банк приступил к выпуску 10 тыс. новых акций в 250 руб. нарицательных каждая, по выпускной цене за акцию в 275 руб., кроме издержек за изготовление и гербовый сбор. С 1 января 1914 г. новые акции участвовали в прибыли банка наравне со старыми.

Санкт-Петербургский Торговый банк: организация и устройство

По инициативе М.И. Вавельберга на основе банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге был учрежден еще один акционерный коммерческий банк — «С.-Петербургский Торговый банк» со складочным капиталом 5 млн руб., который с 1 июля 1912 г. был увеличен до 10 млн руб.¹³⁵

Открытие банка состоялось 1 марта 1912 г. (Невский пр., д. 25) и прошло весьма буднично, почти незаметно. Руководство С.-Петербургского Торгового банка ограничилось лишь публикацией в газетах соответствующего объявления¹³⁶. Не все петербургские издания упомянули об этом событии. Те же, кто написали о нем, сообщили лишь краткую информацию. Журнал «Финансовое обозрение» отмечал: «Наблюдается стремление банкирских домов преобразоваться в акционерные общества. Еще недавно старинная московская фирма “Банкирский дом бр. Рябушинские” преобразовалась в акционерный “Московский Торговый банк” с основным капиталом 5 млн руб. <...> Ныне опубликован устав нового коммерческого банка под названием “С.-Петербургский Торговый банк”, учредителями которого являются владельцы банкирской конторы “Г. Вавельберг”. Банк может открыть свои операции не позже 6 месяцев после опубликования устава и лишь по внесении по каждой акции 50% нарицательной стоимости ее (т.е. 2,5 млн руб.)»¹³⁷.

К 1 марта банкирский дом «Г. Вавельберг» передал ведение всех своих текущих операций Торговому банку, в который перешел и весь состав прежних со-

трудников. Право подписи всех доверенных фирмы «Г. Вавельберг» с 1 марта прекращалось, за исключением М.И. Вавельберга и О.С. Берсона¹³⁸.

Одновременно с учреждением С.-Петербургского Торгового банка завершилось строительство его нового здания. Решение о возведении специального здания банка было связано с реорганизацией банкирского дома «Г. Вавельберга» в акционерный коммерческий банк. Еще 1910 г. М.И. Вавельберг приобрел у наследников петербургского купца 1-й гильдии К.Б. Корпуса участок с двумя домами на углу Невского пр. и ул. Гоголя, где решил построить новое здание для своего банка. В ноябре того же года М. Вавельберг подал в С.-Петербургскую городскую управу ходатайство о постройке банка, и 14 марта 1911 г. получил разрешение. Общая площадь застройки составляла 400 кв. саженей (1 821 кв. м)¹³⁹. Проектирование было заказано архитектору М.М. Перетятковичу, победившему на закрытом конкурсе. В конце сентября 1910 г. он предоставил свой проект.

Еще на стадии обсуждения эскизов фасадов здания возникли некоторые сложности. С.-Петербургский градоначальник Д.В. Драчешский доводил до сведения министра внутренних дел П.А. Столыпина свое мнение о проекте Перетятковича: «Нахожу <...> замысел воспользоваться фасадом Дворца дождей в Венеции для банкирского дома не может быть признан удачным, равно как и отсутствие согласованности в разработке трех фасадов <...> принимая во внимание, что проект действительно вызывает критику, несмотря на свои художественные достоинства, и что дом занимает одно из лучших мест по главной улице в столице, окончательное суждение о художественных достоинствах проекта, передать на высочайшее благоволение»¹⁴⁰.

В феврале 1911 г. проект фасада был рассмотрен и одобрен С.-Петербургской городской управой, а в апреле Техническо-строительный комитет МВД, рассмотрев этот проект, не разделял мнение градоначальника и признал «означенные приемы архитектурной обработки фасадов <...> вполне допустимыми»¹⁴¹. Получив также положительный отзыв со стороны Академии художеств, 5 мая 1911 г. Столыпин во всеподданнейшем докладе представил «проект постройки лицевого дома и надворных флигелей во дворе банкирского дома “Вавельберг” по Невскому проспекту и улице Гоголя, под № 7–9, 1–3» на высочайшее усмотрение, на котором Николай II собственноручно начертил «Съ» — согласен¹⁴². После этого Перетяткович приступил к воплощению своего архитектурного проекта.

В августе 1912 г. строительство было завершено. Огромный пятиэтажный дом (высота 24 м) с мансардой трапециевидной формы (28) и треугольным внутренним двором имел три различных по стилю фасада: один — по Невскому проспекту (52) и два — по ул. Гоголя (по 55 м). Площадь первого этажа составляла 235,6 кв. саж. (1 072,5 кв. м), второго — 244,6 (1 113,6), третьего, четвертого и пятого — по 294,6 (1 341,2), мансарды — 168,6 (767); всего 1 532,6 кв. саж. (6 977 кв. м)¹⁴³.

Дом был полностью облицован блоками грубоколотого темно-серого сердобольского гранита. Цена квадратной сажени (4,55 кв. м) фасада обычного здания в Петербурге составляла от 150 до 250 руб. за материал и работу, а фасады банка Вавельберга обошлись в 500 руб. за кв. саж.¹⁴⁴ Из того же гранита сделаны

рустованные колонны, барельефы, пилястры и многочисленные разнообразные фигурные украшения, исполненные какой-то мрачноватой символикой. Разработка фасадного декора здания была выполнена скульпторами В.В. Козловым и Л.А. Дитрихом. Фасадные работы доверили Русскому акционерному обществу гранитного и строительного дела¹⁴⁵.

Большая часть находившихся на фасадах 135 маскарон (скульптурные украшения) — это 48 привычных для Петербурга масок львов, остальные — человеческие и звериные головы, растения и воинская атрибутика. В полусфере над аттиком фасада по Невскому проспекту помещен маскарон льва, держащего в пасти щит с инициалами основателя банкирского дома — «Г. Вавельберг» и «Н W». Последняя монограмма красуется и на щите, расположенного на фасаде по ул. Гоголя.

Современники из-за внешнего сходства здания банка с Дворцом дождей (Венеция), Палаццо Медичи-Риккарди (Флоренция) и банка Святого Духа (Рим) называли его «Дворец дождей» или «Денежное палаццо». Однако в обиходе чаще именовали «Дом Вавельберга».

В начале сентября 1912 г. «Петербургская газета» сообщила: «На углу Невского проспекта и ул. Гоголя более года строился дом, принадлежащий банкирскому дому Вавельберга. Только на днях сняты, наконец, леса, и фасад дома открылся взорам публики. Дом, действительно, нужно считать выдающимся по красоте. Сразу бросается в глаза его сходство со знаменитым Дворцом дождей в Венеции. Но в постройке сказалось, видимо, желание владельца соединить красоту с доходностью. И это отразилось на общем виде сооружения отрицательно. Верхняя часть не совсем гармонирует с нижней и является несколько тяжеловатой. Стильные венецианские окна уступили место окнам, характерным для обыкновенных доходных квартир»¹⁴⁶.

Сложилось общее мнение, что архитектор при проектировании банка находился под сильным влиянием Палаццо дождей в Венеции. В интервью репортеру «Петербургской газеты» на вопрос об этом сходстве сам Перетяткович ответил, что у него «была эта идея», и он «имел в виду не специально Палаццо дождей, но вообще готический стиль, тот, который встречается в Северной Италии — в Болонье и во Флоренции». Верхняя часть дома, по словам архитектора, выстроена в стиле «Раннего Возрождения, но вообще он не задавался целью дать буквальную копию Палаццо дождей». На вопрос репортера, не будет ли здание резко выделяться на сером фоне Северной столицы, Перетяткович сказал: «Я ничего не делал бессознательно. Не знаю, что лучше: мой ли дом, или дом, выстроенный другой банкирской конторой, весь в каких-то дырках». Вероятно, он имел в виду здание Коммерческого банка «И.В. Юнкер и К^о» (Невский пр., д. 12), возведенный в 1910–1911 гг. по проекту архитектора В.И. Ван дер Гохта¹⁴⁷.

Художественные достоинства нового здания банка современники оценивали неоднозначно. Примером «беспринципного эклектизма» называл здание художник и историк искусства А.Н. Бенуа¹⁴⁸. Искусствовед, историк архитектуры Г.К. Лукомский отмечал, что в здании «есть несколько отдельных красивых пятен», но в целом дом «малоудачен»: «совсем печален цвет стен», не гармонирующих со старым Петербургом и «едва ли вообще применим к петербургским постройкам». Однако обработка первого этажа (банковский зал) по улице Гоголя,

по мнению Лукомского, «очень хороша <...> и по содержанию своему чрезвычайно логична». Он находил, что это место дома — лучшее, признавая, что удачен и фасад по Невскому проспекту, где окна магазинов помещены между колоннами. Но при этом, полагал, что неудачны обработка и соотношение двух первых этажей с остальной массой дома, которые оторваны друг от друга¹⁴⁹.

Лукомский в беседе с журналистом «Петербургской газеты» высказал мнение относительно новых появившихся в столице построек, в том числе и дома Вавельберга: «Очевидно, что красивый фасад — есть лучшая реклама <...> для учреждений банка»¹⁵⁰. Безусловно, в архитектурном отношении Перетяткович как зодчий и Вавельберг как заказчик стремились добиться необходимого визуального впечатления здания, внушавшего солидность, респектабельность, надежность, доверие клиентов к самому банку. Естественно, что в облике Торгового банка нашли отражение архитектурные вкусы эпохи.

Парадный вход в Торговый банк с двумя гранитными ступенями располагался в углу здания между Невским проспектом и улицей Гоголя в глубокой арочной нише. За массивными дубовыми дверями находился вестибюль с 8 колоннами ионического ордера в форме ротонды, из которого через неширокий проход вошедшие попадали в огромный операционно-кассовый зал (187,5 кв. саж. = 853,5 кв. м) высотой в два этажа, решенный в стиле неоренессанса. Потолок огромного банковского зала в центре поддерживался 10 колоннами ионического ордера, отделанными искусственным мрамором черного цвета¹⁵¹. Расположенные в два ряда колонны делили пространство зала на три части. Украшением зала были резной плафон с рельефными гипсовыми золочеными розетками в орнаментальных рамах и бронзовые люстры оригинальной формы в кессонированном потолке. Значительную часть второго этажа занимала обходная галерея с деревянной, черного цвета балюстрадой, идущая по периметру двусветного зала. В конце операционного зала находилась массивная резная скамья из черного дерева, встроенная в такую же лестницу, ведущую на галерею. Стены зала были покрыты плитами белого искусственного мрамора, пол — белого и серого мрамора. Вся внутренняя отделка дома (в том числе изготовление колонн из искусственного мрамора) была выполнена Первой Санкт-Петербургской артелью мраморных и гранитных мастеров¹⁵².

В новом здании банк занимал лишь небольшую площадь: частично — два первых этажа и подвал. На первом этаже по улице Гоголя располагался кассовый зал для работы с клиентами. На втором этаже находились бухгалтерия и кабинеты руководства банка, по утверждению инспекторской группы Банка Франции, — «самые роскошные из тех, которые мы увидели в Санкт-Петербурге»¹⁵³.

В подготовленном инспектором Анри Колларом-Хостингом (Henri Collard-Hostingue) докладе о деятельности и устройстве российских банков отмечалось, что сам по себе С.-Петербургский Торговый банк не представлял «большого интереса», если не считать некоторых примененных при его строительстве новшеств (в частности, при сооружении кладовых с сейфами, а также инженерного оборудования), которые «заслуживают внимания». Помещения кладовых с сейфами находились в подвале, который не сообщался с остальными помещениями банка. К кладовым вела лестница, начинавшаяся от вестибюля

у входа в операционный зал банка. Кладовые были построены полностью из железобетона. При их сооружении впервые в Петербурге применили новый метод гидроизоляции. Между двумя слоями бетона (внешним — толщиной 20 см и внутренним — 60) был проложен специальный гидроизолятор, состоявший из тонкого слоя свинца, находившегося между двумя слоями пропитанной гудроном бумаги, изготовленной в Дюссельдорфе. Французская комиссия особо отметила оригинальную систему наблюдения, которая к тому же была весьма привлекательной из-за невысокой стоимости. В четырех углах смотрового коридора, оборудованного вокруг кладовой с сейфами, под углом 45 градусов установили зеркало, которое позволяло с определенной точки контролировать продолжение коридора. Благодаря небольшому окошку, выходящему на лестницу, контролер имел возможность наблюдать происходящее, не входя в коридор¹⁵⁴.

Оценили французы системы жизнеобеспечения (отопление и вентиляция), примененные в Торговом банке. Два котла подогревали воду, которая под воздействием разницы в давлении циркулировала по трубопроводам в здании. Приток свежего воздуха осуществлялся одновременно с отводом отработанного воздуха. Большой вентилятор забирал воздух из внутреннего двора. Затем воздух проходил через чистые хлопковые фильтры. После этого в зимнее время он прогревался водяными радиаторами, увлажнялся и направлялся сверху в зал. Забор отработанного воздуха осуществлялся снизу, при помощи пяти или шести вентиляторов, размещавшихся под крышей. Каналы циркуляции воздуха были расположены в армированном бетоне, толщиной 3 см, и слое штукатурки в 2 см. Кроме того, для предохранения от охлаждения под крышей они обертывались слоем фетра, а затем покрывались еще одним слоем бетона. Благодаря этим мерам воздух сохранял теплоту и способность хорошо циркулировать. Комиссия пришла к заключению, что при строительстве банка архитектору удалось реализовать проект, предусматривающий комфорт и удобство. В ходе строительства были использованы замечательные инженерные идеи (часто инженерные системы исследуются после завершения строительства), что всегда ведет к определенной экономии средств¹⁵⁵.

Помещения банка планировались с учетом требований времени и заказчика, но прежде всего функциональности: светлые, просторные и удобные, без каких-либо особых излишеств. По приблизительным подсчетам, строительство здания обошлось в огромную по тем временам сумму — свыше 500 тыс. руб.

В доме Вавельберга сдавались помещения под магазины на первом этаже, а для разных правлений (Российской бумагопрядильной мануфактуры, Верхне-Исетских горных и механических заводов, сталелитейных и механических заводов «Сормово») — на третьем и четвертом этажах. Там же располагались выставочный зал акционерного общества автомобилей «Русский Рено» (с 1916 г. — его правление), представительство фабрики математических и чертежных инструментов Г. Герляха и др. Верхний, мансардный, и частично второй этажи предназначались для жилья¹⁵⁶.

Устав С.-Петербургского Торгового банка был утвержден 15 декабря 1911 г. Учредителями банка были М. и В. Вавельберги, их мать Л.С. Вавельберг, сестра Ядвига (по мужу Берсон) и дядя О.С. Берсон¹⁵⁷.

Младший брат Михаила Вавельберга Вацлав (Вячеслав) (1885—1945) записался в 1913 г. в петербургское купечество 1-й гильдии¹⁵⁸. В 1916 г. он вошел в состав правления Торгового банка¹⁵⁹. Как и старший брат, Вацлав окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию (1906), затем — юридический факультет, но не С.-Петербургского, а Казанского университета (1912)¹⁶⁰.

Все лица, владевшие акциями С.-Петербургского Торгового банка, имели право присутствовать на общем собрании акционеров, но право голоса было только у тех, кому принадлежали не менее 20 акций. Обладавшие 40 акциями имели два голоса, 70 — три, 100 — четыре, затем каждые 20 акций сверх 100 давали еще один голос. Однако в общем собрании акционеров никто не мог располагать числом голосов, превышавшим $\frac{1}{10}$ часть голосов, присутствовавших членов собрания. Руководящими органами Торгового банка являлись общее собрание акционеров, правление и совет банка. Собрание по уставу собиралось не реже одного раза в год для обсуждения и принятия отчета за истекший год. На общем собрании избирались члены правления банка в составе не менее трех человек и члены совета — не менее пяти человек сроком на три года. Для избрания в правление и совет банка необходимо было иметь на свое имя не менее 50 акций. Члены совета ежегодно избирали из своей среды председателя¹⁶¹.

Председателем правления Торгового банка был избран М.И. Вавельберг, членами правления — О.С. Берсон (товарищ председателя) и В.К. Торопков. Председателем совета банка выбрали Н.Н. Кокшарова. По образованию он был горным инженером, являлся чиновником особых поручений при министре Императорского дворца, председателем правления Общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, директором Русского общества «Всеобщей компании электричества», имел чин действительного статского советника.

В члены совета Торгового банка вошли: тайный советник в отставке, директор-распорядитель Товарищества льнопрядильной фабрики «Я. Грибанова и Сыновья» в Москве А.А. Смецкой; член правления Общества Коломенского машиностроительного завода В.Г. фон Струве; генерал-лейтенант в отставке Н.А. Медведев; инженер-технолог, совладелец и распорядитель торгового дома в Петербурге в форме товарищества на вере «Майкоп-Эйнемское нефтепромышленное товарищество», член правлений Бакинско-Черноморского нефтяного общества, Общества Мальцовских заводов и др. А.Ц. Слабошевич; действительный статский советник в отставке, председатель Совета съездов деятелей по средней и мелкой промышленности и торговли П.Н. Исаков; А.Г. Малахов и присяжный адвокат, член правлений Варшавского товарищества сахарных заводов, общества свеклосахарного и рафинадного завода «Михалов» М.И. Берсон (1874—1944)¹⁶². Последний был мужем Ядвиги, урожденной Вавельберг (1878—1942); его отец — Ян Берсон был сыном Майера Берсона.

Торговый банк имел 26 отделов: бухгалтерия; биржевой-I; биржевой-II; вексельный; главная касса; займы и страхование; хозяйственный; безопасные ящики; иностранные переводы; контроль; инспекция; корреспонденция; корреспонденция on call; on call; расчетный; регистратура; архив; русские переводы; секретариат; товарный; текущих счетов; фондовый; личный состав; контроль on call; контроль переводных счетов; городская контора¹⁶³. Штат служа-

щих банка состоял из 200—250, в Московском отделении — около 70 человек¹⁶⁴. В 1917 г. в Петрограде оставалось почти 100 служащих банка, не считая артельщиков, мальчиков и сторожей¹⁶⁵.

Доверенными и начальниками отделов Торгового банка в основном являлись бывшие сотрудники банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге: Х.Х. Мантке, О.Э. Бирман, Г.Ф. Небо, А.М. Гольдштейн, И.В. Юнгер, А.Э. Форсберг, К.К. Штремберг, Ф.Л. Спокойный, Д.Ф. Селезнев. Как и ранее, фондовый отдел возглавлял Юнгер; специальных текущих счетов — Небо; текущих счетов — Спокойный; вексельных переводов — Форсберг; кассовый — Селезнев. Должность главного бухгалтера занимал Бирман, с 1913 г. — Штремберг.

В марте 1912 г. на С.-Петербургский Торговый банк была переведена часть кредитов бывшего банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге — 4 млн руб., из которых одна половина — по переучету векселей и специальному текущему счету под векселя, другая — по специальному текущему счету под процентные бумаги¹⁶⁶.

В начале февраля 1913 г. Торговый банк обратился в Государственный банк с ходатайством об увеличении ему кредитов: под векселя — до 5 млн руб., под процентные бумаги — до 3 млн руб. Основанием для увеличения кредита было развитие банкирских операций. Учетно-ссудный комитет С.-Петербургской конторы Госбанка на заседании 11 февраля, имея в виду увеличение основного капитала Торгового банка с 5 до 10 млн руб., а также развитие учетной и вкладной операций, признал возможным увеличить кредиты по переучету векселей и по специальному текущему счету под векселя до 5 млн руб., по специальному текущему счету под процентные бумаги — до 3 млн руб.¹⁶⁷ С.-Петербургская контора, разделяя мнение Учетно-ссудного комитета, передала ходатайство на рассмотрение Совета Госбанка, который дал свое согласие.

29 февраля 1912 г. состоялось первое общее собрание Торгового банка, постановившее увеличить складочный капитал на 5 млн руб. Реализация нового выпуска произошла вполне успешно, все акции были разобраны владельцами акций первого выпуска¹⁶⁸.

С.-Петербургский Торговый банк на основании постановления первого общего собрания акционеров и с разрешения министра финансов приступил к дополнительному выпуску новых акций банка в количестве 20 тыс. штук, по 250 руб. на сумму 5 млн руб. Условия эмиссии были следующими: выпускная цена новых акций определялась в 302 руб. 50 коп. за каждую, из них 250 руб. поступали в складочный капитал банка, 50 руб. — в запасной капитал и остальные 2 руб. 50 коп. — на расходы по выпуску акций. Владельцы находящихся в обращении акций пользовались преимущественным правом на получение новых в количестве одной новой на одну акцию прежнего выпуска¹⁶⁹.

По размеру складочного акционерного капитала С.-Петербургский Торговый банк занял 13 место среди всех российских кредитных учреждений. В этом списке банки с капиталами до 10 млн руб. располагались следующим образом:

1. Русский для внешней торговли — 50 млн руб.
2. Русско-Азиатский — 49, 5 млн руб.
3. Международный — 48 млн руб.
4. Азовско-Донской коммерческий — 37,8 млн руб.

5. Частный — 30 млн руб.
6. Соединенный — 30 млн руб.
7. Русский Торгово-промышленный — 25 млн руб.
8. Сибирский Торговый — 20 млн руб.
9. Варшавский Коммерческий — 20 млн руб.
10. Волжско-Камский — 18 млн руб.
11. Учетный и ссудный — 15 млн руб.
12. Московский Купеческий — 12,5 млн руб.
13. С.-Петербургский Торговый — 10 млн руб.
14. Московский — 10 млн руб.
15. Коммерческий — «И.В. Юнкер и К^о» — 10 млн руб.
16. Рижский Коммерческий — 10 млн руб.
17. Лодзинский Торговый — 10 млн руб.

Первые семь кредитных учреждений составляли первую группу — банки с крупным складочным капиталом (от 50 до 25 млн руб.), вторую — имевшие средний основной капитал от 20 до 10 млн руб. (четыре петербургских банка, по три — московских и провинциальных). В эту группу «средних российских банков» входил и С.-Петербургский Торговый банк. В третью группу входили все остальные 24 акционерных банка с капиталом менее 10 млн руб. Среди акционерных банков столицы по величине основного капитала Торговый банк занимал десятое место, опережая Русско-Французский, Русско-Английский, а также Центральный банк Общества взаимного кредита¹⁷⁰.

Обороты, балансы, прибыль

Уже в первый неполный год деятельности С.-Петербургского Торгового банка наблюдалось постоянное увеличение суммы его баланса. Только за июль-август 1912 г. он увеличился почти на 6 млн руб., что объясняется, с одной стороны, приливом вкладов на 2 млн руб., с другой — возрастанием сумм, занятых у корреспондентов на 3,2 млн руб. Следует отметить, что эти суммы были очень значительными — задолженность банка по корреспондентскому счету *postro* выражалась в сумме 17,3 млн руб., в то время как складочный капитал банка составлял только 10 млн руб. Из активных операций у банка были развиты, главным образом, операции с частными негарантированными бумагами как в виде ссуд и специальных текущих счетов, так и кредитов корреспондентам. Этот последний счет и дал главное увеличение за рассматриваемый промежуток времени — 4,3 млн руб. Учетной операцией банк занимался мало, и она выражалась почти постоянно в сумме около 6 млн руб.¹⁷¹ К концу 1912 г. баланс Торгового банка достиг 47,4 млн руб. (согласно опубликованному балансу на 1 декабря)¹⁷².

20 марта 1913 г. состоялось ежегодное общее собрание акционеров Торгового банка, на котором присутствовали 39 человек, владевших 26 161 акцией и имевших 1 275 голосов (всего по списку значились 62 акционера, располагавших 30 934 акциями и 1 502 голосами)¹⁷³.

Наибольшее число акций предоставили М.И., В.И. и Л.С. Вавельберги (по 4 000 шт. каждый), М.И. Берсон (2 400), О.С. Берсон (2 375), банкирский

дом «Г. Вавельберг» в Варшаве (2 400) и «Nationalbank für Deutschland» (1 050)¹⁷⁴. К собранию 800 акций представил Э.Л. Ландсгоф, по 400 — А.А. Верт и Б.А. Каменка, 150 — С. Штомф, по 100 — барон А.Г. Гинцбург, Л. Левинсон, Э.Р. Макферсон, Коммерческий банк «И.В. Юнкер и К^о», 25 — барон Г.Г. Врангель¹⁷⁵.

Правление Торгового банка в отчете общему собранию акционеров охарактеризовало первый операционный год (с 1 марта по 31 декабря 1912 г.) как вполне успешный. Общий оборот банка (по дебету и кредиту) достиг 3 034 389 323 руб. По отдельным статьям он составил: по счету кассы — 459 721 373 руб., покупке и продаже бумаг за счет клиентов и собственный — 308 600 810, учету векселей — 21 241 845, специальному текущему счету — 133 210 308, счету корреспондентов лоро — 239 419 970, вкладам и текущим счетам — 57 543 652 руб.

Ежемесячные балансы банка показывали постепенное и неуклонное развитие операций. Баланс, сведенный на 1 апреля 1912 г. в сумме 33 254 385 руб., достиг к 1 января 1913 г. 47 772 892 руб.

Правление банка указало и на возрастание учета векселей (на 1 января — 9 855 758 руб., на 1 апреля — уже 5 435 508 руб.), а также вкладов и текущих счетов (соответственно — 12 719 229 и 9 336 062 руб.). По счету прибылей и убытков валовая прибыль, исчисленная весьма осторожно, выразилась в 1 879 848 руб.¹⁷⁶ Правление Торгового банка особо отметило, что осложнения на Балканах в последнюю треть 1912 г. не благоприятствовали расширению банковских операций.

Единогласно собранием был утвержден отчет о деятельности банка за первый операционный год (10 месяцев). Постановили выдать дивиденд по 20 руб. 85 коп. на акцию первого выпуска и по 12 руб. 50 коп. — второго. Остаток чистой прибыли в размере 34 493 руб. решили причислить к прибыли текущего года. Была утверждена смета расходов на 1913 г. в размере 664 500 руб. Собрание акционеров уполномочило правление банка увеличить (если оно найдет это целесообразным) складочный капитал еще на 5 млн руб., доведя его до 15 млн руб. путем нового выпуска акций¹⁷⁷.

Первое годовое собрание акционеров, отмечал журнал «Банки и биржа», побило «рекорд быстроты». Оно началось в 17 ч 15 мин и закончилось в 17 ч 22 мин. Журнал с сарказмом сообщал: «Жаль было стариков-акционеров, взбиравшихся на 3 этаж, в залы банкирского дома Вавельберг, любезно предоставленные акционерам для заседаний, только из-за того, чтобы за 7 минут решить целый ряд предложений, унащенных миллионными цифрами». Все вопросы «с быстротой экспресса промелькнули перед акционерами» и единогласно ими были приняты. Лишь на вопрос о вознаграждении ревизионной комиссии (3 тыс. руб. на пять человек) послышался голос из публики с укоризной: «Так мало?»¹⁷⁸.

В апреле 1913 г. акции Торгового банка постановлением Совета фондового отдела С.-Петербургской фондовой биржи были допущены к официальной котировке. Высшая их цена составляла 375 руб. в мае, низшая — 325 руб. в июле¹⁷⁹. Акции Торгового банка не относились к ходовым биржевым бумагам, с которыми регулярно совершались сделки на бирже. Они находились в «твердых руках» и не представляли интереса для биржевой спекуляции.

Согласно отчету за 1913 г. Торгового банка (предоставлен 22 марта 1914 г. общему собранию акционеров), его общий оборот составил 3 645 422 904 против 3 034 389 323 руб. за 10 месяцев предшествовавшего года. Так, по счету кассы — 586 560 560 против 459 721 375 руб.; учету векселей — 29 930 141 против 21 241 845 руб.; покупке и продаже бумаг за счет клиентов и собственный — 381 601 095 против 308 600 810 руб.; вкладам и текущим счетам — 80 602 050 против 57 543 552 руб.

Баланс на 1 января 1914 г. выражался в сумме 62 216 408 против 47 772 892 руб. на 1 января 1913 г. При этом из отдельных статей баланса учет векселей достиг 14 638 035 против 9 855 758 руб. за 1912 г., а вклады и текущий счет — 15 583 199 против 12 719 229 руб. Разница между полученными и уплаченными процентами достигла 1 109 673 руб., превысив прошлогоднюю сумму на 600 790 руб., между тем прибыль по бумагам составила всего 150 734 против 388 600 руб., а счет комиссий составлял 867 596 против 935 574 руб. за 1912 г.¹⁸⁰

За вычетом уставных отчислений из прибыли дивиденд Торгового банка за второй операционный 1913 г. был определен в размере 25 руб. на акцию, остаток в 233 549 руб. причислили к прибыли за 1914 г.¹⁸¹

В целом финансовые результаты за 1913 г. были не столь благоприятными, как за предыдущий год. Начавшееся в конце 1912 г. стеснение денежного рынка в связи с сильной эмиссионной деятельностью других банков прогрессивно увеличивалось в 1913 г. и повлекло за собой сильное сокращение биржевых операций как по поручениям, так и за собственный счет. Затем во второй половине года, в момент наибольшей напряженности денежного рынка, возник полнейший застой на бирже.

Помимо этих общих причин на деятельности Торгового банка отразились специальные меры Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, в результате произошло значительное сокращение биржевых операций банка и временное уменьшение его текущих счетов и вкладов¹⁸². Решением Кредитной канцелярии Торговому банку был временно закрыт кредит в Госбанке. Торговому банку были поставлены условия: отстранить от должности директора М.И. Вавельберга и заменить его другим лицом; банку приступить к восстановлению счетов наименее состоятельных клиентов, сумма онкольного обеспечения которых не превышала 1–2 тыс. руб.¹⁸³

В конце июля 1913 г., как только вышеназванные требования были исполнены, министр финансов В.Н. Коковцов распорядился возобновить кредит Торговому банку¹⁸⁴. Эта «история преступления, наказания и прощения» банкира Вавельберга, отмечал журнал «Биржевая спекуляция и акционерное дело», выглядела весьма «странно!»¹⁸⁵.

В июле 1913 г. правлением Торгового банка на должность директора-распорядителя был приглашен член правления Азовско-Донского банка коммерции советник А.А. Верт. С 1 сентября он приступил к исполнению своих обязанностей¹⁸⁶. Однако его служба продлилась недолго, уже в 1914 г. Верт покинул банк¹⁸⁷.

В конце 1913 г. из состава правления Торгового банка вышел О.С. Берсон, который решил сконцентрироваться на деятельности собственного банковского дома «О.С. Берсон и К^о».

В докладе правления Торгового банка общему собранию акционеров о деятельности банка за третий операционный 1914 г. обращалось внимание на возникшие чрезвычайные условия, вызванные Первой мировой войной. Резкое ухудшение денежного рынка при объявлении войны и необходимость представления дебиторам банка отсрочек и льгот в платежах, при одновременном более интенсивном спросе по текущим счетам и вкладам, побудили правление увеличить кассовую наличность банка и сократить активные операции. Вследствие изменения курса рубля и значительного повышения процентных ставок за границей правление сочло необходимым уменьшить задолженность банка во Франции и Англии, которую благодаря заблаговременно принятым мерам, удалось значительно сократить. В результате произошло сокращение оборотов банка и вместе с тем изменилось соотношение отдельных статей прибылей и убытков. Так, общий оборот банка за 1914 г. выразился в сумме 3 000 611 931 против 3 645 422 904 руб. за предыдущий год. По счету покупки и продажи бумаг за счет клиентов и собственный оборот составил 143 798 645 против 318 601 095 руб. за прошлый год; ссудам по специальному текущему счету — соответственно 31 876 405 и 102 054 711; учету векселей — 30 849 322 и 29 930 141; текущим счетам и вкладам — 104 962 079 и 80 602 050, а баланс банка на 1 января 1915 г. был сведен к 54 193 710 против 62 216 408 руб. на 1 января 1914 г.

Военные события отразились в значительной степени на конечном результате деятельности банка. Полученная прибыль составила 570 339 руб., за исключением отчисления в запасной капитал; вознаграждения совету банка и выданных служащим наградных составила 510 017 руб. Акционерам в качестве дивиденда было выдано по 10 руб. на акцию, всего 400 000 руб., остаток прибыли в размере 110 017 руб. причислили к прибыли текущего года.¹⁸⁸

Во время Первой мировой войны Петроградский Торговый банк в очень крупных размерах совершал сделки на «частной бирже», т.к. официальная Петроградская фондовая биржа была закрыта накануне войны по распоряжению министра финансов П.Л. Барка. В 1915–1916 гг. банку удалось избавиться от многих отягощавших его портфель бумаг.

Из-за чрезвычайных экономических условий Торговый банк продолжил проявлять осторожность в развитии активных операций, в связи с чем его общий оборот за 1915 г. выразился в сумме 2 460 419 822 против 3 000 611 931 руб. за предыдущий год. Начавшиеся еще в 1914 г. изменения финансово-экономических отношений особенно резко сказались в 1915 г. Урегулирование оборота, при обычных условиях, совершавшиеся при помощи кредита, почти полностью вытеснились расчетом на наличные, что повлекло за собой два важных последствия. С одной стороны, значительно сократился вексельный товарный оборот, сузилась учетная операция, с другой — образовалось значительное обилие свободных средств, вызывавшее усиленный рост вкладов и текущих счетов.

Баланс банка на 1 января 1916 г. был сведен к 86 182 169 против 54 193 710 руб. на 1 января 1915 г. Из статей актива учет векселей составлял 13 534 519 руб., счет принадлежавших банку процентных бумаг — 5 180 042; ссуды по специальному текущему счету — 20 066 815. Из статей пассива: вклады и текущие счета — 23 641 477 руб.; счет корреспондентов «ностро» — 6 971 388 руб.

После отчислений в запасной капитал, вознаграждений членам совета и награда служащим в распоряжение акционеров поступили 641 927 руб. Было решено ограничиться выдачей дивиденда в размере 10 руб. на акцию, как в прошлом году. Остаток прибыли в размере 241 927 руб. был отнесен к прибыли текущего года¹⁸⁹.

В 1915 г. вместо выбывшего Слабошевича в члены совета Торгового банка избрали присяжного поверенного и стряпчего Е.А. Манасевича. В 1916 г. вместо выбывших членов совета Торгового банка Н.А. Медведева и П.Н. Исакова избрали новых — инженера-технолога И.Б. Кафталя и барона В.А. Каульбарса.

Согласно данным газеты «С.-Петербургский биржевой день», личное состояние М.И. Вавельберга в 1914 г. достигло 7 млн руб.¹⁹⁰ На 1 января 1915 г. его капитал, по подсчетам журнала «Банки и биржа», равнялся 6 млн руб.¹⁹¹ Сведения выглядят весьма достоверно и соответствуют другим источникам.

В декабре 1916 г. курс акций Торгового банка составлял 368 руб., в то время как в декабре 1915 г. — 250 руб. Впрочем, курсы всех российских дивидендных ценностей тоже выросли в 1916 г. по сравнению с 1915-м.¹⁹²

Участие Торгового банка в банковских синдикатах 1912–1917 гг.

В операциях по финансированию различных проектов восемь самых значительных петербургских банков нередко действовали, по утверждению И.Ф. Гиндина, в тесном контакте. Остальные менее солидные банки часто выступали участниками в операциях, во главе которых стояли четыре крупнейших банка: Торгово-Промышленный, Русско-Азиатский, Международный и Сибирский. Два самых больших банка — Русско-Азиатский и Международный — при финансировании масштабных предприятий в некоторых случаях действовали совместно. Азовско-Донской банк при эмиссиях ценных бумаг обычно привлекал к участию Международный и Русский для внешней торговли, а также более мелкие акционерные банки — Торговый, Коммерческий «И.В. Юнкер и К^о» (Московский Промышленный банк) и некоторые банкирские дома¹⁹³.

Осенью 1912 г. разразился новый биржевой кризис, вызванный событиями на Балканах. 18 октября по инициативе министра финансов Коковцова был создан второй банковский синдикат. Его целью являлось «предотвращение неосновательного падения цен обращающихся на С.-Петербургской бирже дивидендных бумаг путем покупки и продажи соответствующих акций и паев». Указывалось, что синдикат «отнюдь не задается целью поднимать цены на эти бумаги и будет оперировать лишь в отношении таких предприятий, жизнеспособность коих не вызывает сомнений»¹⁹⁴. По существу он являлся продолжением подобных синдикатов, создававшихся с 1899 г. при Госбанке¹⁹⁵.

В синдикат вошли 17 коммерческих банков (Волжско-Камский, Русский для внешней торговли, Международный, Учетный и ссудный, Частный, Русско-Азиатский, Торгово-Промышленный, Азовско-Донской, Московский Купеческий, Варшавский Коммерческий, Сибирский, Соединенный, Русско-Французский, Русско-Английский, Торговый, Московский, Коммерческий «И.В. Юнкер и К^о») и шесть банкирских домов («Э.М. Мейер и К^о», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К^о», «Бр. Джамгаровы», «Кафталя, Гандельман и К^о», «Г. Лесин»).

Предельная сумма затрат синдиката была определена в размере 30 млн руб., авансируемая Государственным банком по мере необходимости. Заведование операциями синдиката сосредоточивалось в ведении особого комитета под председательством управляющего Госбанком.

Операции синдиката закончились в апреле 1913 г. Однако 11 мая 1913 г. на общем собрании банков его участники просили управляющего Госбанком А.В. Коншина продлить действия синдиката еще на девять месяцев, до 30 апреля 1914 г.¹⁹⁶

3 мая 1914 г. участники синдиката решили вновь продлить его деятельность — до 1 февраля 1915 г. Одновременно, признавая что сумма затрат, установленная ранее является недостаточной, они приняли постановление об ее увеличении до 100 млн руб.¹⁹⁷ Этот документ был высочайше утвержден после доклада министра финансов П.Л. Барка 7 мая 1914 г.

24 января 1915 г. был подписан очередной договор между синдикатом 22 частных петроградских банков и Госбанком о поддержке с 1 февраля до 1 ноября курса дивидендных бумаг до суммы 100 млн руб. 27 февраля 1916 г. участники синдиката решили продлить его действия до 31 декабря 1916 г.¹⁹⁸ После это делали еще раз. Но 16 мая 1917 г. управляющий Госбанком П.И. Шипов сообщил министру финансов, что составленный из частных банков и банкирских контор синдикат закончил свою деятельность.

Накануне Первой мировой войны Торговый банк был одним из главных акционеров товарищества машиностроительного завода «Феникс». В портфеле банка к общему собранию «Феникса» (30 ноября 1913 г.) имелись 1 708 акций. Для сравнения: у Русского для внешней торговли банка — 6 500 акций, у Международного — 3 000, у Азовско-Донского — 800.

Торговый банк являлся крупным акционером Северного стекольно-промышленного общества. К общему собранию акционеров 8 мая 1914 г. он представил 1 319 акций, больше имели только Азовско-Донской банк (2 000 акций) и банкирский дом «Лампе и К^о» (1 500)¹⁹⁹.

Самое крупное совместное участие петербургских банков было связано с организацией «Russian General Oil» (RGO). В ее борьбе с товариществом нефтяного производства «Бр. Нобель», последнего поддерживал Азовско-Донской банк²⁰⁰. Торговый банк вошел в банковский консорциум по приобретению ценных бумаг этого товарищества. На состоявшемся 26 февраля 1914 г. очередном общем собрании его пайщиков и акционеров наибольшее количество паев и акций предоставили банки на следующие суммы: Международный — 3 815 750 руб., Азовско-Донской — 2 644 500, Торговый — 1 653 250, Волжско-Камский — 1 074 000, Торгово-Промышленный — 1 424 000, Сибирский Торговый — 622 750, Русско-Азиатский — 608 500, Учетно-Ссудный — 294 250, Коммерческий «И.В. Юнкер и К^о» — 226 000, «Г. Вавельберг» — 199 000, нефтепромышленное общество А.И. Манташев — 275 000, Э.К. Нобель — 707 500, Э.Л. Нобель — 622 500, Лионский кредит — 153 000, П.И. Гукасов — 452 000 руб.²⁰¹

25 июня 1915 г. на общем собрании крупные пакеты акций «Бр. Нобель» были представлены банками на следующие суммы: Международный — 3 млн руб.; Русско-Азиатский — 2,3; Азовско-Донской — 1,35; Петроградский Торговый — 1,2; Московский — 1,1 млн; Волжско-Камский — 769 тыс. руб., кроме того, Мо-

сковское Купеческое общество и Нефтепромышленное и торговое товарищество «Бр. Мирзоевы и К^о» — по 1 млн руб., Русское товарищество «Нефть» — 945 тыс. руб.²⁰²

На 21 мая 1916 г. в списке акционеров товарищества «Бр. Нобель» первое место по количеству акций паев занимал Международный банк (158 паев — на 790 000 руб., 8 600 акций — на 2 150 000, всего 2 940 000 руб.), далее шли Русско-Азиатский (соответственно 256 — на 1 280 000, 4 110 — на 1 027 500, всего 2 307 500), Петроградское отделение Московского банка (28 — на 140 000, 7 390 — на 1 847 500, всего 1 985 500), Азовско-Донской коммерческий банк (33 — на 165 000, 5 288 — на 1 322 000, всего 1 487 000), Петроградский Торговый (48 — на 240 000, 3 535 — на 883 750, всего 1 123 740), Московское купеческое общество взаимного кредита (4 000 акций на 1 млн руб.), Волжско-Камский банк (66 — на 330 000, 2 386 — на 596 500, всего 926 500 руб.)²⁰³.

В 1916–1917 гг. Торговый банк входил в синдикат по реализации 16 тыс. акций общества Мальцовских заводов, образованный Русско-Азиатским банком совместно с Международным и «Banque de Paris et des Pays-Bas»²⁰⁴.

В мае 1917 г. Торговый банк участвовал вместе с Международным в выпуске акций (и подписке на них) Донецко-Грушевского акционерного общества каменноугольных и антрацитовых копий²⁰⁵.

Сообща с Русско-Азиатским банком и парижским «Société Générale» в сентябре 1917 г. Торговый банк участвовал в учреждении синдиката по реализации 30 тыс. акций (не реализованных прежним синдикатом) по 180 руб. Общества Брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода 13-го выпуска. При этом предоставлялось преимущественное право приобретения остальных 34,5 тыс. не реализованных акций этого выпуска. Планировалось реализовать акции по средней цене свыше 205 руб. за каждую. Торговому банку предлагалось «участие в размере 3 000 акций», за которые следовало внести 540 тыс. руб. Акции синдикат успешно реализовал. За участие в этом деле Торговому банку причиталось 112 236 руб., к которым прибавлялся остаток особого счета, включая проценты (8% за 78 дней)²⁰⁶.

Также вместе с Русско-Азиатским банком Петроградский Торговый в 1916–1917 гг. договаривался о предоставлении Обществу Московско-Казанской ж.д. долгосрочного кредита в размере 65,1 млн руб. под обеспечение 4 ½%-ми облигациями общества. Состоявшееся соглашение об открытии железной дороге кредита под векселя получило утверждение министра финансов²⁰⁷.

Клиентура, вклады и вкладчики Торгового банка

Весьма внушительно выглядит бухгалтерская книга «Acten-Register», содержащая «Список и адреса русских обществ и отдельных лиц, ведущих дела с Торговым банком». В ней записаны российские государственные учреждения, торговые промышленные предприятия и отдельные лица, перечислены почти все действовавшие в России крупнейшие кредитные учреждения²⁰⁸. Естественно, что столь обширные связи были налажены еще в бытность банкирского дома «Г. Вавельберг» и продолжены Торговым банком. Некоторые из них имели коррупционный характер.

В мае 1914 г. в Государственной думе обсуждались обнаруженные чрезвычайной ревизионной комиссией Министерства народного просвещения финансовые нарушения с фондовыми операциями по покупке процентных бумаг Управлением пенсионной кассы учителей и учительниц Министерства народного просвещения, к которым оказались причастными банкирский дом «Г. Вавельберг», а затем и С.-Петербургский Торговый банк.

Суть их заключалась в следующем. Когда министерством стал управлять Л.А. Кассо, Управление пенсионной кассой в 1910–1913 гг. продало значительное количество своих процентных бумаг, а взамен купило другие — с целью увеличить свою доходность. Переплата кассой при покупке бумаг против биржевой цены в 1910 г. составила 17 тыс. руб., а недополучено при продаже бумаг было 5 600 руб.; в 1912 г. было переплачено при покупке бумаг до 19 тыс. руб. против биржевой цены.

Управление пенсионной кассы с 1909 на 1910 г. сделало заказов на 900 тыс. руб. (переплатив 3 300 руб.), с 1910 на 1911 г. — на 2,5 млн руб. (14 тыс. руб.), с 1911 на 1912 г. — на 4,6 млн руб. (свыше 60 тыс. руб.), с 1912 на 1913 г. — на 4,2 млн руб. (более 80 тыс. руб.). При этом до 1907 г. операции Пенсионной кассы по покупке процентных бумаг совершались исключительно через Госбанк, а с 1910 г. покупка производилась еще у банкирского дома «Г. Вавельберг» и других частных банков. За 1911 г. ревизионная комиссия констатировала переплату при покупке бумаг до 32 тыс. руб., в 1912 г. — 103 тыс. руб.

В 1913 г., как обнаружила чрезвычайная ревизионная комиссия, Управление пенсионных касс уже не покупало ценных бумаг через Госбанк, а приобретало их только у частных банков. При этом покупались бумаги, которые не котировались на фондовой бирже. В 1913 г. таковых было куплено более чем на 7 млн руб., на 1914 г. было заказано еще на 3 млн руб. Согласно отчету ревизионной комиссии все не котировавшиеся бумаги были куплены только у двух банков — С.-Петербургского Торгового (приобретено 63% всех бумаг на 20,5 млн руб.) и С.-Петербургской конторы Московского Купеческого (на 5,7 млн руб.).

Ревизионная комиссия для проверки сделала выписки из бюллетеней Московской биржи за 1912 г., в которых обнаружила, что облигации займа г. Москвы, приобретенные Пенсионной кассой, всего несколько раз котировались на бирже. Цены продавцов были не выше 90 ½ руб., цены покупателей — не выше 89 руб., а только в 1912 г. купили этих облигаций на 2,3 млн руб. по цене 92 руб.

Не котировавшихся на бирже бумаг в 1910–1913 гг. купили более чем на 12 млн руб., при этом на сумму около 6 млн руб. — у «Г. Вавельберга» и Торгового банка. Переплаты по этим покупкам и ущерб для казны были очевидны. Все перечисленные данные, обнаруженные чрезвычайной ревизионной комиссией, наводили на мысль о чьей-то заинтересованности в покупках ценных бумаг государственным учреждением у частных банков²⁰⁹.

По сохранившимся «Балансам вкладов» Торгового банка можно проследить изменения размеров вкладов и имена вкладчиков за все время его существования (март 1912 г. — февраль 1917 г.). Размер вкладов на 31 марта 1912 г. составлял 1 727 444 руб., количество вкладчиков — 293 человек и фирм. Все они были бывшими клиентами банкирского дома «Г. Вавельберг» в Петербурге. Наибо-

лее крупными вкладчиками являлись А.Л. Брант (181 997 руб.) и М.Г. Забелло (70 000 руб.).

К 31 января 1913 г. размер вкладов увеличился до 2 400 848 руб. (срочные — 2 326 348, до востребования — 84 500 руб.), а число вкладчиков почти не изменилось — 287 человек и фирм. Добавились внушительные вклады: Л.А. Винавер и М.А. Цехановская-Божеянова — по 65 тыс. руб.; правление Акционерного общества Брянского рельсового и механического завода — 500 тыс. руб., Русский Торгово-промышленный банк — 75 тыс. руб.

На 31 января 1914 г. размер вкладов достиг 2 689 938 руб. (срочные — 2 689 238, до востребования — 331 900 руб.), зафиксирован 301 вкладчик. Наряду со старыми крупными появились новые: И.Б. Жук — 60 тыс. руб., А.З. Вербловский — 50 тыс. руб., товарищество «Богданов и К^о» с 16 вкладами на сумму 310 тыс. руб.²¹⁰

К 31 января 1915 г. размер вкладов Торгового банка сократился до 2 137 589 руб. (срочные — 310 200, до востребования — 1 827 389 руб.), уменьшилось и количество вкладчиков — до 182. Из них наиболее крупными были Гренцер (250 тыс. руб.), Брант (175), С.А. Фридендер (62), Л.Е. Рудковская (50), Вербловский, «А.Н. Богданов и К^о» (260), тарифный отдел Акционерного строительного общества (150), «Дюбуа и Тимме» (150)²¹¹.

К 31 января 1916 г. сумма вкладов уменьшилась до 1 692 453 (срочные — 1 128 253, до востребования — 564 200 руб.), число вкладчиков сократилось до 108. Из них наиболее крупными являлись Гренцер, Брант, «А.Н. Богданов и К^о», тарифный отдел Акционерного строительного общества, правление компании Цепного пароходства по р. Шексне (50 тыс. руб.), торговый дом «И.Е. Гинцбург» (50), барон А.Г. Гинцбург (30)²¹².

Наконец, на 13 декабря 1917 г. сумма вкладов составляла всего 694 648 руб. (срочные — 547 448, до востребования — 147 200 руб.), вкладчиков осталось только 84 человека и фирмы. Многие успели снять срочные вклады, среди них были Брант (175 тыс. руб.), Гренцер (225 тыс. руб.). Из крупных вкладчиков остались М.И. Вавельберг (47 019 руб.), К.К. Андерсон (40 тыс. руб.); Позиасон, правление компании Цепного пароходства по р. Шексне и торговый дом «И.Е. Гинцбург» (по 50 тыс. руб.), товарищество «А.Н. Богданов и К^о» (93 200 руб.)²¹³.

Петроградский Торговый банк в 1917 г.

В январе 1917 г. акции Торгового банка на Петроградской бирже покупались по 362–383 руб. и продавались по 386–395 руб., в феврале — по 442 и 560 руб. соответственно. В октябре на частных биржевых собраниях сделки с акциями Торгового банка совершались по 460–480 руб.²¹⁴

На состоявшемся 28 февраля 1917 г. чрезвычайном общем собрании акционеров Торгового банка обсуждался вопрос об увеличении основного капитала на 5 млн руб. Правление предложило общему собранию назначить размер выпускной цены новых акций в 300 руб. каждая. Преимущественное право подписки на новые акции решили предоставить старым акционерам из расчета одна новая акция на две старые²¹⁵.

Зимой 1917 г. в биржевой прессе появились сообщения о возможном слиянии Петроградского Торгового банка с одним из провинциальных банков. Однако правление Торгового банка категорически опровергло эти слухи, сообщив, что «Торговый банк стоит вне подобных комбинаций, так как крупных пакетов акций этого банка не имеется ни у кого, кроме семьи Вавельберг»²¹⁶.

В 1917 г. у банка было три отделения: Московское (с октября 1912 г.; ул. Ильинка, д. 21; управляющий — В.В. Барто), Харьковское (с марта 1916 г.; Николаевская пл., д. 19; С.В. Гольденев) и Знаменское (с апреля 1917 г.; Знаменская пл., Невский пр., д. 83 и угол Лиговки)²¹⁷. Планировали открыть отделения в Киеве, Екатеринбургe, Одессе и Ростове-на-Дону²¹⁸.

3 мая того же года под председательством Манасевича состоялось последнее годовое общее собрание Торгового банка, в котором участвовали 17 акционеров. Наибольшее число акций представили М.И. Вавельберг и его родственники: сестра Я.И. Берсон (урожденная Вавельберг), мать Л.С. Вавельберг и брат В.И. Вавельберг. По-прежнему каждый из них владел по 4 тыс. акций банка. Собрание единогласно утвердило отчет банка за 1916 г., рассмотрело и утвердило сметы расходов на 1917 г. В члены правления банка были избраны кооптированный советом В.И. Вавельберг и переизбранный А.И. Слабошевич. В члены совета банка были избраны Н.А. Андре и В.Г. Струве, в члены ревизионной комиссии — барон Г.Г. Врангель, В.А. Зборовский, П.П. Леонов, М.А. Липманович и С.Л. Шерешевский²¹⁹.

Накануне был опубликован баланс Торгового банка на 1 января 1917 г. Он был сведен к 136 944 306 против 86 182 169 руб. на 1 января 1916 г.; из статей актива: учет векселей — соответственно 19 487 875 и 13 534 519; счет принадлежащих банку процентных бумаг — 5 894 376 и 5 180 042; ссуды по специальному текущему счету — 30 209 397 и 20 066 815 руб.; из статей пассива: вклады и текущие счета — 64 067 107 и 23 641 477 руб., счет корреспондентов «ностро» — 9 626 861 и 6 971 388 руб.

Чистая прибыль составила 1 653 300 руб., за вычетом отчислений в запасной капитал, вознаграждений членов совета и тантьемы служащим в распоряжение акционеров поступило 1 397 531 руб. Акционеры получили дивиденд в размере 25 руб. на акцию, всего 1 млн руб., остаток прибыли — 397 531 руб. был отнесен к прибыли текущего года²²⁰.

При Временном правительстве братья Вавельберги в качестве представителей Торгового банка активно участвовали в работе Совещания представителей акционерных коммерческих банков, в Синдикате банков по реализации «Займа свободы»²²¹.

В начале декабря 1917 г. братья Вавельберги, по-видимому, предчувствуя приближающуюся катастрофу, вели переговоры с директором Русского Торгово-промышленного акционерного общества «Балтика» о продаже Петроградского Торгового банка. О серьезности переговоров свидетельствует запись в дневнике директора общества: «Среда 6 декабря <...> Если только у нас не произойдет полной трагедии, можно рассчитывать, что дело это благополучно окончится»²²². Однако сделке не суждено было сбыться.

По плану, разработанному председателем СНК РСФСР В.И. Лениным, утром 14(27) декабря вооруженные революционные отряды захватили сразу все

петроградские частные банки. По сообщению газеты «День», служащие Петроградского Торгового банка были напуганы криками пришедших вооруженных людей: «Смирно, прошу с места не трогаться». Ввиду раннего времени члены правления банка еще отсутствовали. Комиссар стал выяснять, где они проживают, на что председатель комитета служащих банка Б.М. Карчевский (отдел корреспонденций) ответил, что он ни в какие переговоры с прибывшими вступать не желает до выяснения позиции профсоюзного совета. В ответ комиссар заявил, что не выпустит ни одного служащего банка до тех пор, пока ему не предоставят адреса членов правления. Карчевский от имени служащих высказал протест против подобного насилия. Тогда комиссар заявил ему следующее: «Ты, товарищ, здесь главный воротила и мутишь всех остальных, ступай-ка за решетку кассы!». Туда же был посажен управляющий. После долгих поисков членов правления, адреса которых так и не удалось найти, комиссар отправился в Государственный банк за инструкциями. Вернувшись обратно, он разрешил выпустить всех служащих Торгового банка, просидевших под охраной вооруженных солдат без еды до 16 часов. В банке был оставлен караул²²³.

В ходе операции задержали и доставили в Смольный директора Русско-Азиатского банка Л.В. Сирвинта, директора и вице-директора Волжско-Камского банка В.В. Виндельбанта и В.Ф. Соллогуба, членов правлений банков: Е.Д. Львова и Е.М. Эпштейна (Азовско-Донской), кн. Д.Н. Шаховского (Русского Торгово-промышленный) и Н.И. Капустина (Русский для внешней торговли)²²⁴. Аресты банковских деятелей начались еще в ночь на 14 декабря, до закрытия банков. Всем арестованным было предъявлено обвинение в саботаже²²⁵.

Весь день на Невском проспекте толпы возбужденных людей осаждали закрытые банки. Люди пытались получить хоть какую-нибудь информацию о своих вкладах, вернуть ценности и капиталы. Та же картина наблюдалась 15 декабря и в последующие дни. Около всех банков были выставлены усиленные караулы, которые никого не пропускали внутрь банков. Ни одно из распоряжений большевиков не вызывало такого негодования, как захват банков. Перед ними происходили весьма тяжелые сцены, вызванные слухами о предстоящей конфискации капиталов.

Днем 14 декабря состоялось совещание представителей финансово-кредитных учреждений, на котором после горячих прений было решено подчиниться требованию комиссаров о выдаче соответствующих ключей. Избежавшие ареста банкиры решили отправить делегацию для переговоров с заместителем народного комиссара финансов В.Р. Менжинским. В состав делегации вошли М.И. Вавельберг (Торговый банк), В.Б. Ельяшевич (Московский Промышленный), Ю.И. Ремсейер (Учетный и ссудный), В.С. Субботник (Сибирский), А.И. Светлицкий (Частный) и В.В. Розенберг — управляющий делами Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков. В 20 ч делегация отправилась в Госбанк, где встретилась с В.Р. Менжинским, Г.Л. Пятаковым и В.В. Оболенским. Во время переговоров обсуждались вопросы о работе банков в новых условиях и о судьбе арестованных банкиров. Вавельберг заметил, что «реформа банков невероятно серьезное дело и требует полного душевного спокойствия, а этого спокойствия не может быть, пока арестованные не освобождены»²²⁶. Было также указано на общее тяжелое положение, в котором на-

ходились кредитные учреждения вследствие подрыва доверия к ним со стороны широких масс.

Во время переговоров об освобождении арестованных банкиров произошел настоящий торг. Большевики потребовали, чтобы члены совета съездов банков поручились за своих арестованных коллег круговым ручательством, и в случае если те не будут выполнять взятых обязательств, то имущество всех членов правлений банков будет конфисковано. Представители банков не согласились и предложили внести денежный залог. Пятаков связался по телефону с Лениным, который согласился с залогом в 1 млрд руб. После переданного ему Пятаковым пояснения банкиров, что общий размер капиталов всех коммерческих банков не достигает такой суммы, глава СНК РСФСР согласился уменьшить залог до 1 млн руб. за каждого арестованного. Но поскольку денег в наличии у банков не имелось, большевики согласились принять чеки промышленных предприятий. Сумму в 6 млн руб. распределили между банками пропорционально их капиталам и сумме депозитов. Сделка была заключена, и банкиров вскоре освободили²²⁷.

Вечером 14 декабря 1917 г., когда все петроградские банки и кредитные учреждения уже были заняты большевиками, состоялось заседание Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. Назначенное на 18 ч, оно началось только в 22.30. На нем с докладом о необходимости национализации частных банков выступил один из комиссаров Государственного банка Г.Я. Сокольников. В заключение своей речи он огласил подготовленные Лениным декреты о национализации банков и ревизии стальных ящиков в банках²²⁸.

Первым декретом банковское дело объявлялось государственной монополией, все частные акционерные банки и банкирские конторы объединялись с Госбанком, ему передавались все активы и пассивы ликвидируемых банков. Временное управление делами частных банков передавалось совету Госбанка.

Согласно второму декрету все деньги, хранившиеся в банковских сейфах, приказывалось внести на текущий счет клиентов в Госбанке. Золото в монетах и слитках конфисковывалось и передавалось в общегосударственный фонд²²⁹.

15 декабря вечером представители банков совместно с Оболенским и Пятаковым обсуждали вопрос о национализации банков. Их представители предложили принцип соглашения, который заключался в следующем. Государственный банк превращался в Народный банк и акционировался, причем частные банки им поглощались, сохранив, однако, «свое лицо», т.е. место, название и т.д. Банковские акции, существовавшие до этого времени в каждом банке, должны быть заменены вновь выпущенными акциями Национального банка согласно балансам. Прежнее управление оставалось в каждом банке, но в составе правления будут комиссары или представители Национального банка²³⁰. Однако относительно этого плана Пятаков и Оболенский каких-либо гарантий не дали и отвечали уклончиво.

20 декабря на улицах Петрограда появились расклеенные объявления за подписью Сокольникова. В них сообщалось, что банки заняты воинской силой для обеспечения беспрепятственной ревизии операций банков и ввиду объединения частных банков с Государственным в один общий Народный банк. Мера

эта предпринята «для борьбы с банковской спекуляцией и режимом капиталистической эксплуатации». Далее управляющий комиссариатом извещал, что обычные операции бывших частных банков будут возобновлены немедленно, если «этому не воспрепятствует саботаж банковских правлений и банковских служащих»²³¹.

23 декабря 1917 г. в национализированных банках началась ревизия стальных ящиков. 18 февраля 1918 г. очередь дошла до Торгового банка²³². Сохранились три рисунка художника И.А. Владимирова, на которых отражены реквизиция ценных бумаг и вскрытие стальных ящиков в Петроградском Торговом банке²³³.

Декретом СНК от 29 декабря 1917 г. все сделки с ценными бумагами воспрещались. За нарушение декрета виновные подлежали преданию суду, а все их имущество должны были конфисковать²³⁴.

Через месяц, декретом от 26 января 1918 г., все банковские акции аннулировались, а всякие выплаты дивидендов по ним прекращались. Все акции банков подлежали немедленному представлению в местные отделения Госбанка. Владельцы, не предоставившие свои акции в двухнедельный срок, карались конфискацией всего принадлежащего им имущества. Всякие сделки и акты по передаче банковских акций запрещались, виновные подвергались тюремному заключению сроком до трех лет²³⁵.

Опубликованный декрет о конфискации капиталов коммерческих банков и об аннулировании их акций явился полной неожиданностью для банкиров. Представители банков отмечали, что их все время неверно информировали о намерениях СНК по отношению к национализированным банкам. Им неоднократно официально заявляли, что национализацию предполагается осуществить превращением Госбанка в акционерный Народный банк, причем акции упраздненных частных банков будут обмениваться на акции нового банка по установленному курсу²³⁶.

Одновременно с изданием этого декрета со всех частных банков Петрограда были удалены вывески с их наименованиями и заменены плакатами с надписью: «Отделение Народного банка Российской Республики»²³⁷.

В январе 1918 г. состоялось совещание главных бухгалтеров и инспекторов национализированных петроградских банков, созданное управляющим Петроградской конторой Госбанка А.Ф. Карелиным для выработки мер к осуществлению технической ликвидации частных банков. Принимая во внимание, что издание декрета о национализации банков последовало 14 декабря 1917 г., совещание полагало, что настоящий срок следует считать окончанием самостоятельной деятельности частных банков, а стало быть, к тому моменту должны быть приурочены балансы и ликвидационные отчеты национализированных банков. При составлении баланса на 14 декабря совещание признало целесообразным принять за образец ту форму, в которой частные банки публиковали обычно свои общие балансы в официальных изданиях²³⁸.

Согласно последнему отчету Петроградского Торгового банка на декабрь 1917 г. баланс фондов и акций по гарантированным правительством бумагам составлял 10 млн руб., по негарантированным — 4,3 млн руб.²³⁹

Вскоре после национализации частных банков все члены семейства Вавельбергов покинули Россию. М.И. Вавельберг выехал в Париж, затем перебрался

в Варшаву. В начале 1920-х гг. он вошел в правление Западного банка²⁴⁰. Являлся Вавельберг и членом «Союза защиты имущества поляков, пострадавших на территории России» во главе с А. Ледницким.

15 апреля 1924 г. М.И. Вавельберг стал членом парижской масонской ложи «Космос». В феврале 1925 г. он перешел в парижскую ложу «Гермес», из которой была создана группа вольных каменщиков в Польше. В ноябре 1926 г. Вавельберга возвели во вторую степень, в ноябре 1927 г. — в третью. В 1928 г. он обратился к великому мастеру Великой народной ложи Польши С. Стемповскому с просьбой об открытии русской ложи в Варшаве. Однако из-за начавшейся антирусской кампании, проводимой правительством Ю. Пилсудского, русскую ложу создать не удалось²⁴¹. Сам Вавельберг был радиирован (исключен) в ноябре 1936 г.

В Польше в конце 1930-х гг. М.И. Вавельберг выступал против притеснения евреев, особенно студентов²⁴².

Умер М.И. Вавельберг 19 июля 1947 г. в возрасте 69 лет и похоронен в Варшаве на еврейском кладбище на ул. Окоповой, рядом с отцом и другими членами семьи.

В.И. Вавельбергу пришлось еще раз побывать в Советской России. Начало Второй мировой войны застало его с женой Иреней и сыном Ипполитом (1921—2014) в Ровно, в который вошла Красная армия. Они выехали во Львов в надежде пересечь границу с Венгрией, но неудачно. В начале лета 1940 г. семья Вавельбергов была депортирована в Сибирь и оказалась в Ханты-Мансийске. После подписания 30 июля 1941 г. договора о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики в изгнании («соглашение Майского — Сикорского») поляки из врагов стали союзниками. В приложении к соглашению указывалось, что советское правительство предоставляет амнистию всем польским военнопленным и содержащимся в заключении на территории СССР польским гражданам. Многие поляки устремились на юг СССР, чтобы выехать из Советского Союза. Попытались воспользоваться возникшей возможностью и Вавельберги. Им удалось добраться до Тобольска, но болезнь Вацлава вынудила их там задержаться²⁴³.

25 апреля 1943 г. СССР вновь разорвал дипломатические отношения с польским правительством в Лондоне, обвинив его в сотрудничестве с немцами²⁴⁴. Вавельберги снова были арестованы. Только через семь лет семья смогла вернуться в Варшаву, в которой она не нашла своей квартиры, уничтоженной во время войны. В.И. Вавельберг и его жена решили покинуть Польшу и через Италию выехали в Бразилию. Их сын Ипполит присоединился к ним в 1951 г.²⁴⁵ В.И. Вавельберг умер в Сан-Паулу 22 апреля 1954 г. Его прах был доставлен в Варшаву и захоронен рядом с родственниками.

* * *

Семейное предприятие, основанное Г. Вавельбергом в Варшаве в 1846 г., сначала в виде меняльной лавки, а с 1848 г. — банкирской конторы, просуществовала до 1912 г., после чего на ее основе возникли два акционерных коммерческих банка — С.-Петербургский (Петроградский) Торговый банк (1912—1917) и Западный банк в Варшаве (1913—1949). За все время существования банкирского

дома «Г. Вавельберг» его владельцами были три поколения семейства Вавельбергов и их близкие родственники Ротланды, Берсоны и Шебеко. Обладая незначительными средствами, они смогли создать один из крупнейших в Российской империи банкирских домов с двумя самостоятельными отделениями в Варшаве и Петербурге. После акционирования банкирского дома и создания двух коммерческих банков члены семейного клана не утратили контроля над ними. Они владели крупными пакетами акций этих банков и входили в органы их управления.

С развитием и усложнением экономических отношений значение банкирских домов и контор постепенно начало падать. Им становилось все сложнее конкурировать с более крупными акционерными банками, которые обладали значительно большими капиталами, пользовались государственной поддержкой, имели тесные связи с иностранными банками, располагали разветвленной сетью филиалов и отделений в разных городах страны.

Этот процесс стал особенно заметным в конце XIX — начале XX вв. Из значительных российских банкирских домов свои позиции сохранили только единичные фирмы. Но и они были вынуждены объединяться с ведущими акционерными банками, входить в банковские консорциумы и синдикаты. Реальной возможностью для банкирских домов сохранить свои позиции было акционирование. В 1911 г. банкирский дом кн. С. Любомирского акционировался в Варшавский Промышленный банк. В 1912 г. акционировались еще несколько известных банкирских фирм: «Бр. Рябушинские» — в Московский банк, «И. В. Юнкер и К^о» — в Московский Промышленный. Банкирский дом «А. М. Бродский и К^о», основанный в 1901 г., был реорганизован в Одесский Купеческий банк. В 1913 г. банкирский дом «Вильгельм Ландау» в Варшаве преобразовали в коммерческий банк «Вильгельм Ландау» с капиталом 10 млн руб. Другие банкирские заведения в своем развитии шли в том же направлении. В начале 1916 г. обсуждался проект объединения банкирских домов «Маврикий Нелькен» и «Бр. Джемгаровы» в один акционерный коммерческий банк под названием «Московско-Кавказский банк» с капиталом 10 млн руб. и правлением в Москве. Однако проект не осуществился: банкирский дом «Маврикий Нелькен» 31 декабря 1916 г. реорганизовали в Петроградский банк, банкирский дом «Бр. Джемгаровы» 1 октября 1917 г. купил Петроградский Учетный и ссудный банк. Слияние или поглощение банкирских домов более крупными акционерными банками стали еще одной реальностью. Известен случай приобретения в 1913 г. Международным банком за 75 тыс. руб. банкирского дома «И. Бунимович» в Вильно. Весьма схожие процессы происходили в Западной Европе, где старые банкирские дома реорганизовывались в акционерные коммерческие банки.

Примечания

¹ *Reychman K.* Szkiecy genealogiczne. Serja 1. Warszawa, 1936. S. 193.

² *Волков Л.* Экономическая борьба Привислинья (К вопросу о центре и окраинах) // Русский вестник. 1899. Т. 263. № 10. С. 773.

³ *Bogdaniec J.* Kronika niedzielnia // Dziennik Polski. 1897. 20 czerwca.

⁴ *Kurjer Warszawski.* 1850. 4 listopada.

- ⁵ Путеводитель по Варшаве и ее окрестностям ... Варшава, 1873. С. 152; Путеводитель по Варшаве и ее окрестностям с адресным отделом и планом города. Варшава, 1892. С. 28; *Warszawski Rocznik Adresowy Firm Handlowych, Przemysłowych i Rękodzielniczych: z dołączeniem adresów znakomitszych firm prowincyi powiększony kalendarzem rocznym i wiadomościami pożytecznymi na rok 1878.* Warszwa, 1878. S. 61; *Warszawski Rocznik Adresowy Firm Handlowych ... na rok 1882.* Warszwa, 1882. S. 10; Привислинский календарь на 1898 год (Календарь Царства Польского). Варшава, 1898. С. 57.
- ⁶ *Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1869.* Warszawa, 1869. S. 183–183; *Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1870.* Warszawa, 1870. S. 497; Я.Ш. Варшава // Еврейская энциклопедия. СПб., 1910. Т. 5. С. 331.
- ⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 40. Д. 777. Л. 1.
- ⁸ *Reychman K. Szkice genealogiczne.* Serja 1. S. 193.
- ⁹ *Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1870.* Warszwa, 1870. S. 501.
- ¹⁰ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 1. Ст. 49632. С. 652; Устав Варшавского Учетного банка. Варшава, 1899. С. 3–4; *Gazeta Warszawska.* 1871. 10(22) lipca; *Kurjer Warszawski.* 1871. 7(19) czerwca.
- ¹¹ *Всеобщий календарь на 1880 год.* СПб., 1880. С. 482.
- ¹² *Кредит и банки в России до начала XX века.* Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 263.
- ¹³ Устав страхового общества «Заботливость» в Варшаве. Варшава, 1891; История торговли и промышленности в России / под ред. П.С. Спасского. СПб., 1900. Т. 1. С. 31.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 434. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 50–63.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 776. Л. 3; Д. 777. Л. 1–2 об., 7–7 об., 15–30.
- ¹⁷ *Gazeta Lwowska.* 1891. 11 listopada.
- ¹⁸ *Kurjer Warszawski.* 1891. 5(17) czerwca.; 6(18) czerwca.; *Gazeta Handlowa.* 1891. 6(18) czerwca.
- ¹⁹ *Новости и биржевая газета.* 1891. 7 июня.
- ²⁰ *Gazeta Losowań Papierów Publicznych.* 1891. 8(20) czerwca. S. 194.
- ²¹ *Kurjer Warszawski: dodatek poranny.* 1891. 8(20) czerwca.
- ²² *Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1 ноября 1892 г. по 1 февраля 1893 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов.* СПб., 1893. С. 71; *Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1 ноября 1893 г. по 1 февраля 1894 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям ...* СПб., 1894. С. 11, 73.
- ²³ *Dziennik Warszawski.* 1871. 30 kwietnia (12 maja). S. 690.
- ²⁴ *Obraz statystyczny Głównego Domu Schronienia Ubogich sierot i starców starozakonnych w Warszawie.* Warszawa, 1863. S. 24.
- ²⁵ *Розенштадт Б.* Еврейские жертвы в польском восстании 1863 года. Историческая справка // *Еврейская старина.* 1913. Кн. 6. С. 485–492.
- ²⁶ *С-ва М. Вавельберг, Ипполит* // *Еврейская энциклопедия.* СПб., 1910. Т. 5. С. 200.
- ²⁷ *Gazeta Handlowa.* 1869. 31 marca (12 kwietnia).
- ²⁸ *Gazeta Handlowa.* 1869. 23 września (5 października); *Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям.* СПб., 1870. С. 11; *Адресная книга с.-петербургского биржевого купечества, биржевых маклеров и браковщиков при С.-Петербургском порту.* СПб., 1877. С. 13; *Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1-го ноября по 1-е февраля 1887 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям.* СПб., 1887. С. 10.
- ²⁹ *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 34, 189.
- ³⁰ *Gazeta Handlowa.* 1869. 23 września (5 października).
- ³¹ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Попытка созыва Земского собора и падение министерства Н.П. Игнатъева // *История СССР.* 1960. № 5. С. 127.
- ³² *Трубицков К.В.* Устроители «правящего класса» в России // *Русский экономист.* 1884. Вып. 3. С. 82.
- ³³ [Peretz A.] *Ignotus. Finansjera warszawska 1870–1925. (Z osobistych wspomnień),* Warszawa, 1926. S. 47.
- ³⁴ *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. Очерк истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 43, 67.
- ³⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 479. Оп. 19. Д. 2354. Л. 2, 4.
- ³⁶ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1208. Л. 283–283 об.; *Ананьич Б.А.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. С. 137; *Кредит и банки в России до начала XX века.* Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 267–268.

- ³⁷ Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк ... С. 106–107, 140–142.
- ³⁸ Нетесин Ю.И. Из истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам акц. о-ва бр. Фельзен и К^о, Рига) // Известия Академии наук Латвийской ССР. 1960. № 4(153). С. 34–35, 37–38.
- ³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 2579. Л. 1–2, 3–11 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 13–15.
- ⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 19. Д. 163. Л. 2, 45, 49; Д. 194; Оп. 3479. Д. 22. Л. 1, 2, 4.
- ⁴² Там же. Ф. 852. Оп. 2. Д. 296. Л. 8–9, 19–20, 25–25 об., 27–28; Д. 333. Л. 33–34 об.
- ⁴³ Izba roznachunkowa // Kurjer Warszawski. 1911. 11 lutego; Ломейер А. Расчетные палаты в России // Промышленность и торговля. 1913. С. 209–212.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1486.
- ⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 5036. Л. 20–20 об.
- ⁴⁶ Jeske-Choiński T. Neofici polscy: materiały historyczne Warszawa: Druk Piotra Laskauera i S-ki, 1904. S. 212; Wawelbergowie i Stanisław Rotwand // Żydzi w Polsce Odrodzonej. Warszawa, 1933. Vol. 2. S. 443–445; Mieses M. Polacy-chrześcijanie pochodzenia żydowskiego. Warszawa, 1938. T. 2. S. 196–197; [Peretz A.] Ignotus ... S. 104–114.
- ⁴⁷ Антошевский И.К. Евреи-христиане. Историко-генеалогические заметки. СПб., 1907. С. 39.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Д. 790. Л. 15; Глинин Р.А. Развитие института представителей на присоединенных польских территориях // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 12–26.
- ⁴⁹ К XXV-летию введения судебных уставов 20 ноября 1864 года в губерниях Царства Польского. Краткие сведения о судебных установлениях Варшавского судебного округа и деятельности их с 1876 по 1901 г. Варшава, 1901. С. 59; [Peretz A.] Ignotus ... S. 104–105.
- ⁵⁰ Gazeta Lwowska. 1906. 03 kwietnia.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 8. Д. 1074. Л. 1–2 об.
- ⁵² Там же. Ф. 1162. Оп. 2. Д. 790. Л. 6.
- ⁵³ Jubileusz wybitnego obywatela // Gazeta Lwowska. 1913. 23 stycznia.; Stulecie Giełdy Warszawskiej (1817–1917). Warszawa, 1917. S. 164, 168–169, 186–187.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 790. Л. 15, 17; Государственный совет. Исторический очерк / сост. А.Г. и М.Л. Левенсон. СПб., 1907. С. 208; Высшие чины Российской Империи. Биографический словарь: в 3 т. / сост. Е.Л. Потемкин. М., 2017. Т. 3. С. 83; Słowo Polskie (wydanie poroźniowe). 1906. 2 kwietnia.
- ⁵⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 790. Л. 1.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 1513. Л. 1 об.–2, 3, 7–8.
- ⁵⁷ Sokal E. Śp. Stanisław Rotwand. Wspomnienie pozgonne // Przegląd Techniczny. 1916. 22 marca. T. 54. № 11/12. S. 99–100; Некролог // Kurjer Warszawski. 1916. 24 lutego; Kurjer Warszawski. 1916. 25 lutego; Stanisław Rotwand // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa, 1989–1991. T. 32. S. 320–322.
- ⁵⁸ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов / под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1905. Ч. 2. С. 495.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 840. Л. 4–6, 25–32.
- ⁶⁰ Там же. Л. 11.
- ⁶¹ Там же. Л. 18.
- ⁶² Там же. Л. 26.
- ⁶³ Ignacy Szebeko (Sylwetka) // Postęp: pismo codzienne dla rodzin polskich. 1922. 18 stycznia; Mieses M. Polacy-chrześcijanie pochodzenia żydowskiego. Warszawa, 1938. T. 2. S. 213; S.p. Ignacy Szebeko // Kurjer Warszawski: wydanie wieczorne. 1937. 28 maja. S. 12; Ibid. 30 maja. S. 21; Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / сост. Б.Ю. Иванова, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. М., 2008. С. 319–320; Ignacy Szebeko // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa, 2010–2011. T. 47. S. 576–578.
- ⁶⁴ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 12 марта.
- ⁶⁵ См.: Банки и биржа. 1915. № 1. С. 7.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 147. Л. 1а–9, 10–42.
- ⁶⁷ Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк ... С. 470–474.
- ⁶⁸ Там же. С. 243.
- ⁶⁹ Kurjer Warszawski. 1898. 31 maji (12 czerwca); Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Харьков, 1907. Т. 3. С. 464–465.
- ⁷⁰ Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк ... С. 348.
- ⁷¹ Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: А. Нобель, А. Ротштейн, Г. Спитцер, Р. Дизель / под общ. ред. и с предисл. В.И. Бовыкина. М., 1996. С. 60–62, 81, 122, 134–135.

- ⁷² РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 437. Л. 11. 39–42, 44; *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 230; *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк ... С. 357, 368–369, 377–379.
- ⁷³ *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 591, 594.
- ⁷⁴ Там же. С. 600, 603.
- ⁷⁵ *Ананьич Б.В. Лебедев С.К.* Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: сб. статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С. 438.
- ⁷⁶ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 147; *Дякин В.С.* Из истории проникновения капиталов в электропромышленность России. (Большой Русский синдикат 1899 г.) // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 208–239.
- ⁷⁷ *Бовыкин В.И.* Зарождение финансового капитала в России. С. 272.
- ⁷⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 12 об.
- ⁷⁹ Там же. Д. 313. Л. 12–12 об., 42.
- ⁸⁰ Там же. Д. 324. Л. 10 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 12; Д. 313. Л. 1 об.
- ⁸² Там же. Д. 296. Л. 42–42 об.; Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 14, 16.
- ⁸³ Там же. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 18–21.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 40.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 587. Оп. 56. Д. 296. Л. 76.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1004. Л. 23–23 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 40.
- ⁸⁹ Там же. Л. 127.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 630. Оп. 2. Д. 297 Л. 7–8; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 520, 727.
- ⁹¹ И.А. Вавельберг. Некролог // Восход. 1901. 11 октября. С. 12.
- ⁹² 50-lecie domu H. Wawelberga // Kurjer Warszawski. 1898. 27 kwietnia (9 maja); Jubileusz firmy «H. Wawelberg» // Gazeta Handlowa: dziennik poświęcony handlowi, polityce i ekonomii. 1898. 27 kwietnia (9 maja).
- ⁹³ Петербургский листок. 1898. 27 апреля.
- ⁹⁴ K. W. Tanie mieszkania // Kurjer Warszawski. 1898. 21 kwietnia (3 maja).
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. Д. 790. Л. 12.
- ⁹⁶ Kurjer Warszawski. 1898/7. 23 grudnia (4 stycznia); Нива. 1897. №. 45. С. 1076; Неделя. 1897. 2 ноября. С. 1414; Неделя строителя. Бесплатное прибавление к журналу «Зодчий». 1900. № 31; Tanie mieszkania w Warszawie // Tygodnik Mód i Powieści: pismo ilustrowane dla kobiet. 1898. 2(14) maja. S. 195–196; Адрес-календарь гор. Варшавы на 1912 г. / сост. Н.Ф. Анаемов. Варшава, 1912. С. 80–81.
- ⁹⁷ Gazeta Rzemieślnicza: pismo tygodniowe wychodzi co sobota. 1897. 27 listopada. S. 385–386.
- ⁹⁸ Jubileusz firmy «H. Wawelberg» // Gazeta Handlowa: dziennik poświęcony handlowi, polityce i ekonomii. 1898. 27 kwietnia (9 maja).
- ⁹⁹ *С-ва М.* Вавельберг, Ипполит. С. 201; *Вишницер М.Л.* Критика и библиография. Новейшие исследования по истории евреев в Польше // Еврейская старина. 1909. Т. 1. С. 124, 139; Dziennik Polski. 1897. 10 listopada.
- ¹⁰⁰ Открытие памятника Шопену в Железной Воле (Письмо из Варшавы) // Русская музыкальная газета. 1894. № 11. С. 222–223.
- ¹⁰¹ Kurjer Nowojorski: tygodnik polityczny, społeczny i literacki. 1897. 03 lipiec. № 25; *Bogdaniec Jaksa.* Kronika niedzielna // Dziennik Polski. 1897. 20 czerwca; *Слюзберг Г.О.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2. С. 306–307.
- ¹⁰² Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 238–239; *Котик А.* Летние колонии для детей // Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи. 1903. № 7–8. С. 199.
- ¹⁰³ Устав Акционерного общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения. СПб., 1900. С. 3–6; Prawda. Tygodnik Polityczny, Społeczny i Literacki. 1900. 7(20) października. S. 507; *Лизунов П.В.* Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы. СПб., 2017. С. 137.
- ¹⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 427. Л. 1–3.
- ¹⁰⁵ Dziennik Polski (wydanie popołudniowe). 1901. 11(24) października.

- ¹⁰⁶ Hipolit Wawelberg // *Gazeta Losowań Papierów Publicznych: tygodnik finansowo-ekonomiczny*. 1901. 13(26) października. S. 338; *Gazeta Handlowa: dziennik poświęcony handlowi, polityce i ekonomii*. 1901. 13(26) października; *Przegląd Tygodniowy*. 1901. 13(26) października. S. 506; *Gazeta Rzemieślnicza*. 1901. 20 października (2 listopada). S. 366–367; *Dziennik Polski (wydanie popołudniowe)*. 1901. 24 października (6 listopada).
- ¹⁰⁷ Hipolit Wawelberg (Wspomnienie pośmiertne) // *Kurjer Warszawski*. 1901. 08(21) października; *Głos Narodu*. 1901. 04 listopada; *Варшавский дневник*. 1901. 9(22) октября.
- ¹⁰⁸ *Przegląd Wszepolski: miesięcznik polityczny i społeczny*. 1901. № 11. S. 693–694.
- ¹⁰⁹ Z. Historia cięcla cesarskiego *Legenda Wawelberga «polskiego» działacza społecznego // ABC: nowiny codzienne*. 1938. 21 grudnia; *Na posterunku // Rola*. 1897. 11 grudnia.
- ¹¹⁰ *Граве Н.С.* К истории еврейства // *Русский архив*. 1914. Т. 52. Кн. 3. Вып. 10. С. 240.
- ¹¹¹ *Kurjer Warszawski*. 1895. 24 lipca (5 sierpnia); 15(27) sierpnia; 24 sierpnia (5 wrzesia); 13 października (12 listopada).
- ¹¹² Z. Historia cięcla cesarskiego *Legenda Wawelberga «polskiego» działacza społecznego // ABC: nowiny codzienne*. 1938. 21 grudnia.
- ¹¹³ *Ibid.*
- ¹¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 35. Д. 108. Л. 3–3 об.
- ¹¹⁵ *Nowa Reforma*. 1901. 10 listopada.
- ¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 19. Д. 2354. Л. 4 об.
- ¹¹⁷ *Kurjer Warszawski*. 1901. 4 listopada.
- ¹¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37135. Л. 2–3, 7–9, 10–11.
- ¹¹⁹ *Биржевое обозрение // Обозрение театров*. 1917. 20 апреля.
- ¹²⁰ В списках акционеров Международного банка фирма «Г. Вавельберг» упоминается с 1872 г., когда он к общему собранию 19 апреля (1 мая) 1872 г. представил семь акций. К 10(22) апреля 1898 г. к общему собранию акционеров банка «Г. Вавельберг» предоставил 1 000 акций, к 1(14) апрелю 1900 г. — 2 150, к 14(27) апреля 1901 г. — 412, в 1912 г. Торговый банк (бывший «Г. Вавельберг») — 3 176. См.: *Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк ... С. 55, 414, 427, 431.
- ¹²¹ На состоявшемся 25 апреля 1911 г. чрезвычайном общем собрании С.-Петербургского Частного банка присутствовало 38 акционеров, предоставивших 5 546 акций. В числе наиболее крупных владельцев акций значились Азовско-Донской банк (1 000 акций), И.П. Манус (1 600), банкирские дома «Кафтал, Гандельман и К^о» (1 481), «Г. Вавельберг» и «Маврикий Нелькин»; и др.
- ¹²² РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 213. Л. 130–226 об.
- ¹²³ *Морозан В.В.* Кредитная история столичных банковских заведений в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка в 1896–1914 гг. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Четвертой междунар. конференции*. Н. Новгород, 2017. С. 441–442.
- ¹²⁴ РГИА. Ф. 588. Оп. 3. Д. 846. Л. 1–1 об.
- ¹²⁵ *Весь Петербург на 1910 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. 2-й отдел*. СПб., 1910. С. 1209.
- ¹²⁶ *Устав Западного банка // Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1907. № 64. Ст. 562. С. 2294–2312; *Kurjer Warszawski*. 1907. 19 listopada.
- ¹²⁷ *Gazeta Losowań Papierów Publicznych*. 1907. 5 lipca.
- ¹²⁸ *Ibid.* 16 marca.
- ¹²⁹ *Устав Западного банка. Варшава, 1913*. С. 1–4.
- ¹³⁰ *Kurjer Warszawski*. 1913. 18 wrzesnia.
- ¹³¹ *Варшавское утро*. 1913. 7(20) июля; *Kurjer Warszawski*. 1913. 16 lipca; *Ibid.* 24 lipca; *Morawski W.* *Słownik historyczny bankowości polskiej do 1939 roku*. Warszawa, 1998. S. 142–143.
- ¹³² *Obwieszczenia Publiczne: dodatek do Dziennika Urzędowego Ministerstwa Sprawiedliwości*. R. 6. № 84. 1922. 28 października. S. 5, 7.
- ¹³³ *Morawski W.* *Słownik historyczny ...* S. 142.
- ¹³⁴ *Финансовое обозрение*. 1915. № 11. С. 11.
- ¹³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 5; *Торгово-промышленный мир России*. 1915. Пг., 1915. Ч. II. Отд. II. С. 23.
- ¹³⁶ См.: *Биржевые ведомости*. 2-е изд. 1912. 1, 2, 3 марта.
- ¹³⁷ *Финансовое обозрение*. 1912. № 3. С. 16.
- ¹³⁸ *Банковая и торговая газета*. 1912. № 3. С. 73.
- ¹³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 52. Д. 156. Л. 1–3; РГИА. Ф. 1293. Оп. 143. Д. 44. Л. 1–5; *Новые постройки в центре Петербурга // Зодчий*. 1910. № 17. С. 185; *Предстоящие торги // Там же*. 1910. № 49. С. 494.

- ¹⁴⁰ РГИА. Ф. 1293. Оп. 143. Д. 44. Л. 1, 3–4.
- ¹⁴¹ Там же. Оп. 170. Д. 13. Л. 237–238.
- ¹⁴² Там же. Д. 68. Л. 6.
- ¹⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 209. Л. 53.
- ¹⁴⁴ *Лодыгин А.Н.* О способах добывания электрической энергии в Олонеккой и Нижегородской губерниях для пользования ею в местах кустарного производства // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Пг., 1915. Т. XI. С. 286.
- ¹⁴⁵ Весь Петроград на 1915 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., 1915. С. 1363.
- ¹⁴⁶ «Дворец дождей» на Невском проспекте // Петербургская газета. 1912. 4 сентября. С. 4.
- ¹⁴⁷ Спектатор. Венецианские дома в Петербурге (Беседа с архитектором М.М. Перетятковичем) // Петербургская газета. 1912. 6 сентября. С. 3.
- ¹⁴⁸ *Бенуа А.* Художественные итоги // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб., 1913. С. 411; *Бенуа А.Н.* Александр Бенуа размышляет ... Статьи, письма, высказывания. М., 1968. С. 146.
- ¹⁴⁹ *Лукомский Г.К.* Новый Петербург. Мысли о современном строительстве // Аполлон. 1913. № 2. С. 29–30.
- ¹⁵⁰ Новые постройки в Петербурге (Беседа с архитектором-художником Г.К. Лукомским) // Петербургская газета. 1912. 9 сентября.
- ¹⁵¹ *Лукомский Г.К.* Новый Петербург ... С. 32–33.
- ¹⁵² Зодчий. 1915. № 17. С. XV.
- ¹⁵³ Государственный банк в 1913 году: французский взгляд. М., 2015. С. 146.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 146–147.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 147–148.
- ¹⁵⁶ Банки и биржа. 1913. № 6. С. 16.
- ¹⁵⁷ Устав С.-Петербургского Торгового банка // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. № 9. Ст. 37. С. 387–403; Банковое дело. 1912. № 1. С. 9.
- ¹⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 19. Д. 2354. Л. 7.
- ¹⁵⁹ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 91. Л. 24–30.
- ¹⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7693. Л. 9–9 об.
- ¹⁶¹ Устав С.-Петербургского Торгового банка // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. № 9. Ст. 37. С. 388–403.
- ¹⁶² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 9 об.
- ¹⁶³ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–125.
- ¹⁶⁴ Там же. Д. 83. Л. 1–XXIX; Д. 86. Л. 1–2.
- ¹⁶⁵ Там же. Д. 86. Л. 1–3.
- ¹⁶⁶ Там же. Ф. 587. Оп. 53. Д. 123. Л. 103 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 104.
- ¹⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 5 об.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ См.: [*Гетиц В.А.*] С.-Петербургская биржа. 1912. СПб., 1913.
- ¹⁷¹ Финансовое обозрение. 1912. № 22. С. 4.
- ¹⁷² Финансовое обозрение. 1913. № 3. С. 26.
- ¹⁷³ Банки и биржа. 1913. № 7. С. 5.
- ¹⁷⁴ Банковая и торговая газета. 1913. № 3. С. 76.
- ¹⁷⁵ Банки и биржа. 1913. № 7. С. 5.
- ¹⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 5–5 об.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 6–6 об.; Финансовое обозрение. 1912. № 7. С. 10.
- ¹⁷⁸ Банки и биржа. 1913. № 7. С. 5.
- ¹⁷⁹ Финансовое обозрение. 1913. № 9. С. 11; [*Гетиц В.А.*] С.-Петербургская биржа. 1913. СПб., 1914. С. 47.
- ¹⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 46–46 об.
- ¹⁸¹ Отчет Петроградского Торгового банка за 1913 год. Пг., 1914. С. 1–2.
- ¹⁸² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 46.
- ¹⁸³ Участь банкиров, лишенных кредита // Речь. 1913. 19 июля (1 августа).
- ¹⁸⁴ Биржевые факты и слухи. СПб. Торговый банк // Биржевые известия. 1913. 1 августа; Финансовое обозрение. 1913. № 17. С. 13.
- ¹⁸⁵ Наказанный и прощенный банкир // Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1913. № 1. С. 6–7.
- ¹⁸⁶ Банковая и торговая газета. 1913. № 8. С. 337.
- ¹⁸⁷ Доклад правления Петроградского Торгового банка общему собранию акционеров 11 апреля 1915 г. // Отчет Петроградского Торгового банка за 1914 год. Пг., 1915. С. III.

- ¹⁸⁸ Там же. С. I—II.
- ¹⁸⁹ Доклад правления Петроградского Торгового банка общему собранию акционеров 30 апреля 1916 г. // Отчет Петроградского Торгового банка за 1915 год. Пг., 1916. С. I—II.
- ¹⁹⁰ С.-Петербургский биржевой день. 1914. 12 марта.
- ¹⁹¹ Банки и биржа. 1915. № 1. С. 7.
- ¹⁹² Обзорение театров. 1917. 1—2 января. С. 19.
- ¹⁹³ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 367—368.
- ¹⁹⁴ РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 1006. Л. 1.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 169.
- ¹⁹⁶ Там же. Л. 22.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 49—49 об.; 81 об.—82.
- ¹⁹⁸ Там же. Л. 125—126 об., 127, 128—129, 139—140, 142—146.
- ¹⁹⁹ Обзорение театров. 1913. 9 мая. С. 15.
- ²⁰⁰ Общее собрание акционеров товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» // Биржевые ведомости. 1914. 26 сентября.
- ²⁰¹ Финансовое обозрение. 1914. № 5. С. 16.
- ²⁰² Промышленная Россия. 1915. № 10—11. С. 17.
- ²⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 19. Л. 23; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917. С. 133—134.
- ²⁰⁴ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 416.
- ²⁰⁵ Там же. Ф. 626. Оп. 1. Д. 402. Л. 5—9.
- ²⁰⁶ Там же. Ф. 630. Оп. 2. Д. 385. Л. 13, 15—16, 99.
- ²⁰⁷ Там же. Д. 1005. Л. 2—9, 24—24 об., 28—28 об.
- ²⁰⁸ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 46. Л. I—XVIII об.
- ²⁰⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. IV. Заседания 76—97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). СПб., 1914. Ст. 875—878.
- ²¹⁰ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—98.
- ²¹¹ Там же. Л. 128—133.
- ²¹² Там же. Л. 151—154.
- ²¹³ Там же. Л. 170—182.
- ²¹⁴ Обзорение театров. 1917. 6—7 января. С. 18; 22—23 января. С. 15; 3 октября. С. 10; 5 октября. С. 11.
- ²¹⁵ Там же. С. 18.
- ²¹⁶ Там же. 19/20 февраля. С. 18.
- ²¹⁷ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 91. Л. 24 об.—25.
- ²¹⁸ Банки и биржа. 1914. № 11. С. 9.
- ²¹⁹ Обзорение театров. 1917. 5 мая. С. 12.
- ²²⁰ Доклад правления Петроградского Торгового банка общему собранию акционеров 3 мая 1917 г. // Отчет Петроградского Торгового банка за 1916 год. Пг., 1917. С. I—II.
- ²²¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Документы и материалы. Март—октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 197—198, 260—261, 281—282; Ч. 2. С. 339—398.
- ²²² Русская революция глазами петроградского чиновника. Из дневника 1917—1918 гг. / Е.-П. Нильсен, Б. Вайль // Грани. 1987. № 146. С. 283.
- ²²³ День. 1917. 15 декабря.
- ²²⁴ Арест банкиров // Правда. Вечерний выпуск. 1917. 15 декабря.
- ²²⁵ День. Орган социалистической мысли. 1917. 15 декабря.
- ²²⁶ Захват банков // Наш век. 1917. 17(30) декабря.
- ²²⁷ День. 1917. 19 декабря.
- ²²⁸ Наш век. 1917. 15(28) декабря.
- ²²⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 230—231.
- ²³⁰ Захват банков // День. 1917. 16 декабря.
- ²³¹ Наш век. 1917. 21 декабря (3 января) 1917.
- ²³² Гиндин А.М. Как большевики национализировали частные банки. (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962. С. 74—75.
- ²³³ Николаев М.Г. Национализация частных банков в иконографии революционной эпохи (рисунки художника И.А. Владимиров) // Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М., 2017. С. 241—264.
- ²³⁴ Декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 13. Ст. 185. С. 193.

- ²³⁵ О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 19. Ст. 295. С. 286.
- ²³⁶ В банках // Наш век. 1918. 27 января (9 февраля).
- ²³⁷ Там же. 24 января (6 февраля).
- ²³⁸ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–2.
- ²³⁹ Там же. Д. 33. Л. 57–58.
- ²⁴⁰ Obwieszczenia Publiczne: dodatek do Dziennika Urzędowego Ministerstwa Sprawiedliwości. 1923. 25 lipca. № 59 A. S. 8.
- ²⁴¹ Русские мasonicкие ложи (XX век). Париж. Ложа Космос. Виртуальный сервер Дмитрия Галковского. URL: <http://samisdat.com/5/23/523f-kos.htm> (дата обращения 04.05.2019); Серков А.И. История русского масонства XX века, СПб., 2009. Т. 2. С. 357–358.
- ²⁴² Races et racisms: Bulletin du Groupement d'étude et d'information. Paris. 1937. № 6. С. 14; Nowy Głos. 1938. 27 lutego; 25 marca.
- ²⁴³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сб. документов: в 4 т. 1939–1945 гг. / под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. 1939–1945 гг. М., 2017. Т. 4. С. 390.
- ²⁴⁴ Там же. С. 409.
- ²⁴⁵ Kotecki A. Z Tobolska do Warszawy przez Sao Paulo. Pamiętki rodziny Wawelbergów w Muzeum Niepodległości w Warszawie // Niepodległość i Pamięć Czasopismo humanistyczne Muzeum Niepodległości w Warszawie. Rocznik XIX 2012. Nr. 1–4 (37–40). Warszawa, 2012. S. 218–226.

Библиография

- Morawski W. Słownik historyczny bankowości polskiej do 1939 roku. Warszawa: MUZA SA, 1998. 208 s. Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1870. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1870. 560 s.
- [Peretz A.] Ignotus. Finansjera warszawska 1870–1925. (Z osobistych wspomnień), Warszawa: Skład główny w księgarnia F. Hoesicka, 1926. 128 s.
- Warszawski Rocznik Adresowy Firm Handlowych, Przemysłowych i Rękodzielniczych: z dołączeniem adresów znakomitszych firm prowincyi powiększony kalendarzem rocznym i wiadomościami pożytecznymi na rok 1878. Warszswa: [s.n.], 1878. 225 s.
- Warszawski Rocznik Adresowy Firm Handlowych ... na rok 1882. Warszswa: [s.n.], 1882. 230 s.
- Reychman Kazimierz. Szkice genealogiczne. Serja I. Warszswa: F. Hoesick, 1936. 211 s.
- Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. Очерк истории частного предпринимательства. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 198 с.
- Антошевский И.К. Евреи-христиане. Историко-генеалогические заметки. СПб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1907. 53 с.
- Бенуа А.Н. Александр Бенуа размышляет ... Статьи, письма, высказывания. М.: Советский художник, 1968. 749 с.
- Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 295 с.
- Весь Петроград на 1915 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг.: Изд. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. 884 с.
- Всеобщий календарь на 1916 г. СПб.: Изд. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. 924 с.
- Всеобщий календарь на 1917 г. СПб.: Изд. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. 930 с.
- [Гетц В.А.] С.-Петербургская биржа. 1912. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1913. 176 с.
- Гиндин А.М. Как большевики национализировали частные банки. (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М.: Госфиниздат, 1962. 143 с.
- Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М.: Госфиниздат, 1948. 454 с.
- Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. IV. Заседания 76–97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). СПб.: Гос. типография, 1914. 10 с., 1928 стб.
- Государственный банк в 1913 году: французский взгляд. М.: Интербук-бизнес, 2015. 200 с.
- Государственный совет. Исторический очерк / сост. А.Г. и М.Л. Левенсон. СПб.: Тип. Петроградской тюрьмы, 1907. 263 с.
- Государственный совет Российской империи 1906–1917. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 343 с.
- Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 640 с.

- Еврейская энциклопедия: свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.: Общ-во для науч. еврейских изданий Брокгауз и Ефрон, 1910. Т. 5. 960 стб.
- Заварихин С.П., Фалтинский Р.А.* Капитал и архитектура: История архитектуры и строительства банковских зданий в России. СПб.: Стройиздат СПб., 1999. 374 с.
- История торговли и промышленности в России / под ред. П.С. Спасского. СПб.: Тип. Гаевского, 1900. Т. 1. 61 с.
- Кредит и банки в России до начала XX века. Санкт-Петербург и Москва. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 667 с.
- Лебедев С.К.* С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
- Лукомский Г.К.* Современный Петербург. Очерки истории возникновения и развития классического строительства (1900–1915 гг.). Пг.: Изд-во «Свободное искусство», 1916. 94 с.
- Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. 2-е изд. Харьков: Типо-литография «Печатное Дело», 1907. Т. 3. 1223 с.
- Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 434 с.
- Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. Документы и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 795 с.
- Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Пг.: Тип. «Содружество», 1915. Т. XI. 549 с.
- Путеводитель по Варшаве и ее окрестностям, с изложением исторического очерка происхождения г. Варшавы / сост. М. М–в. Варшава: Тип. Управления Варшавского жандармского округа, 1873. 248 с.
- Путеводитель по Варшаве и ее окрестностям с адресным отделом и планом города. Варшава: Изд. Русской книжной торговли А.А. Флегонтова, 1892. 188 с.
- Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Изд. Ленинградского Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. 608 с.
- Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: А. Нобель, А. Ротштейн, Г. Спитцер, Р. Дизель / под общ. ред. и с предисл. В.И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1996. 311 с.
- Серков А.И.* История русского масонства XX века. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. Т. 2. 469 с.
- Слиозберг Г.О.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж: Изд-во Комитета по чествованию 70-летнего юбилея Г.Б. Слиозберга, 1933. Т. 2. 331 с.
- Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сб. документов в четырех томах / под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. Т. 4. 1939–1945 гг. М.: Аспект-Пресс, 2017. 700 с.
- Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1-го ноября по 1-е февраля 1887 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1887 году. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1887. 711 с.
- Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб.: Тип. Ю. Виганда, 1870. 511 с.
- Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1 ноября 1892 г. по 1 февраля 1893 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов. СПб.: Гос. типография, 1893. 808 с.
- Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и других званий, получивших с 1 ноября 1893 г. по 1 февраля 1894 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям... СПб.: Гос. типография, 1894. 815 с.
- Торгово-промышленный мир России. Художественное иллюстрированное издание 1915. СПб.: Торгово-промышленный мир России, 1915. 380 с.
- Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов: Составлен по данным, извлеченным из материала Отдела торговли, Особенной канцелярии по кредитной части и Департамента железнодорожных дел Министерства финансов / под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб.: Э. Вернь, 1905. 1808 с.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Документы и материалы. Март-октябрь 1917 г. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 692 с.

Морозан В.В.*

Аристократы и сановники — клиенты Санкт-Петербургской конторы Государственного банка

Аннотация. В статье рассматривается кредитные истории ряда известных российских аристократов и сановников — клиентов Санкт-Петербургской конторы Государственного банка. Отмеченная клиентура пользовалась различными услугами этого учреждения, однако наиболее востребованными были ссуды для сельских хозяев и промышленные кредиты. Обладая значительными земельными владениями, аристократы и сановники особенно нуждались в оборотных средствах для поддержания достаточного уровня производства в своих имениях или на фабрично-заводских предприятиях. При этом в большинстве случаев их кредитные отношения со столичной конторой Государственного банка осложнялись частым срывом платежей как по процентным ставкам, так и по погашению капитальных долгов. Очевидно, в конце XIX—XX вв. процесс приспособления этой категории клиентов банка к экономическим требованиям времени шел крайне тяжело. Далеко не все смогли сохранить свое положение на товарном рынке страны.

Ключевые слова: Государственный банк, кредит, землевладение, горное производство, долги.

Учрежденная 1 сентября 1894 г. Санкт-Петербургская контора Государственного банка всецело взяла на себя дела по всем ранее аккредитованным в Центральном управлении фирмам и лицам, продолжив прежнюю практику банка по обеспечению оборотными средствами деловых кругов столицы. В частности, к 31 декабря 1894 г. в конторе были открыты кредиты под учет векселей 394 фирмам и отдельным предпринимателям, в том числе 19 частным банкам и банкирским конторам. В число аккредитованных клиентов входили и представители аристократических фамилий, а также крупные чиновники империи. Под векселя получали средства князя Михаил Сергеевич и Петр Михайлович Волконские, кн. Александр Сергеевич Долгоруков, граф (гр.) Сергей Дмитриевич Шереметев, барон (бар.) Михаил Николаевич Медем, гр. Александр Иванович Мусин-Пушкин и др. Кн. М.С. Волконскому как крупному торговцу скотом был открыт кредит в 150 тыс. руб., а гр. Петру Павловичу Шувалову как собственнику железодельного завода — в 600 тыс. руб.

Впрочем, такого рода потребители банковских средств пользовались услугами конторы не только на разные нужды, но и по разным операциям. Так, гр. Федор Иванович Паскевич-Эриванский получал ссуды под товарные векселя для своей писчебумажной фабрики. Вексельный кредит ему был открыт на 100 тыс. руб. Кн. Урусову разрешили поручительский кредит, а Надежде Михайловне Половцовой предоставили промышленный кредит на особых основаниях. Немало таких лиц было среди тех, кому выдавали ссуды как сельским хозяевам под соло-векселя. Такими клиентами являлись действительный тайный советник А.Н. Куломзин, генерал от инфантерии Г.И. Бобриков, бар. А.Е. Врангель, статс-секретарь Н.К. Гирс, кн. Микеладзе, А.И. Нератов, кн. Е.В. Гедройц, И.А. Звягинцев, Н.М. Цеймерн, гр. Г.И. Рибопьер, кн. Юсупов, А.А. Левашев и др.

* Морозан Владимир Васильевич — доктор исторических наук, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, v_moga@mail.ru.

Так, министр иностранных дел, член Государственного совета Николай Карлович Гирс стал получать сельскохозяйственные ссуды под свое имение еще до открытия столичной конторы. Однако клиентом Санкт-Петербургской конторы ему довелось быть недолго. 14 января 1895 г. он ушел из жизни, имея долг перед конторой 7 260 руб. 50 коп. (погашен его наследниками в течение отмеченного года).

Среди представителей этого рода активным пользователем сельскохозяйственного кредита стала баронесса Наталья Ивановна Гирс, жена тайного советника Федора Карловича Гирса. Ее имение — 5 046 дес. земли — располагалось при мызе Ивановской в Ямбургском уезде. Несмотря на высокую оценочную стоимость этих владений (65 880 руб.), 4 августа 1899 г. Санкт-Петербургская контора открыла Н.И. Гирс кредит в размере лишь 3 тыс. руб. Видимо, на таком решении сказалась задолженность владелицы земельным банкам суммы в размере 38 828 руб.¹

В 1904 г. Гирс просила правление конторы увеличить выдаваемую ей сумму, но получила отказ — от Учетно-ссудного комитета. Однако клиентом банка она оставалась до 1907 г.

Ряд потребителей банковских средств из аристократической среды предпочитали пользоваться промышленными кредитами, нередко на особых основаниях. Очевидно, этой практикой пользовались те, кто имели возможность обращаться непосредственно к императору, т.к. подобные кредиты требовали высочайшего дозволения. Большинство из этих особ предпочитали оформлять такие ссуды в форме текущих счетов под векселя или ценные бумаги. Среди наиболее крупных заемщиков по таким кредитам были Надежда Михайловна Половцова (2 млн руб.), Путиловский завод (345 тыс. руб.), Верхне-Амурская золотопромышленная компания (198 тыс. руб.), Ленская золотопромышленная компания (200 тыс. руб.)².

Половцова смогла добиться кредита в Санкт-Петербургской конторе благодаря хлопотам мужа, статс-секретаря А.А. Половцова. С высочайшего разрешения, последовавшего 20 января 1895 г., ей был открыт промышленный кредит в размере 3 млн руб. для снабжения оборотными средствами Богословского горнозаводского округа, а также находившихся в ее имениях в Тамбовской и Воронежской губерниях мукомольных мельниц и винокуренных заводов. Деньги предоставлялись с условием соблюдения в отношении срока этого кредита, размера процентов и способа его обеспечения на уставных основаниях Государственного банка. В качестве обеспечения были приняты от Н.М. Половцовой соло-векселя и паи «Товарищества Невской ниточной мануфактуры» на номинальную сумму 3 млн руб.³ У госпожи Половцовой уже сложилась кредитная история в Государственном банке. 9 июля 1884 г. министр финансов Н.Х. Бунге (с согласия государственного контролера Д.М. Сольского) разрешил правлению этого банка перевести на ее имя числившиеся на опекуновском управлении по делам статского советника С.Д. Башмакова долги банку — 1 882 479 руб. 27 коп. Министр утвердил этот перевод после покупки у опекуновского управления Богословского горного округа на следующих условиях:

«1) чтобы кроме закладной на Богословский горный округ в обеспечение переводимого долга г. Половцовой были предоставлены в банк на всю сумму

долга векселя по предъявительству, за ее подписью, с правом обмена таковых векселей, при наступлении им годичного срока, на такие же новые векселя; 2) чтобы на 1 января 1885 г. Половцовой были внесены в уплату выросших по 1 января того же 1885 года по переводимому на нее долгу проценты — 63 813 руб. 91 коп. и 18 824 руб. 79 коп. — в погашение капитального долга, и 3) чтобы затем остальной долг — 1 863 654 руб. 48 коп. был погашен г. Половцовой, согласно прилагаемому плану погашения, к 1 января 1919 г. по банковым правилам ежегодными уплатами на срок 1 января каждого года 6% интереса и 1% с суммы 1 863 654 руб. 48 коп.»⁴.

После совершения купчей дела Богословского горного округа развивались с большими трудностями. Несмотря на крупный кредит, предоставленный Государственным банком в 1896 г., положение Половцовых лишь ухудшилось. К середине отмеченного года они были должны Горному департаменту 1 571 759 руб. 93 коп. и Государственному банку — 1 584 634 руб. 50 коп., всего 3 156 394 руб. 43 коп.⁵ Чтобы улучшить финансовое положение округа, Комитет министров 17 мая 1896 г. разрешил выпуск облигаций вновь образованного Богословского горнозаводского общества из расчета рубля золотом облигационного капитала за рубль кредитного долга. При этом ставилось условие: чтобы эти облигации были выкуплены обществом в годичный срок, и чтобы их хранение и все расчеты по переведенным на общество долгам были сосредоточены в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка.

Но центральное управление банка на этих мерах не остановилось. Начиная с января 1896 г. оно ежегодно стало сокращать сумму открытого Половцовой долга, снизив его к 1900 г. до 1 млн руб. Обеспечением же этого долга были паи «Товарищества Невской ниточной мануфактуры». Отметим, что заемщик заканчивал каждый календарный год со значительным долгом перед Санкт-Петербургской конторой. Таким образом, положение Половцовых усложнялось год от года. В октябре 1905 г. по делам Богословского горнозаводского общества была учреждена администрация. В этой связи векселя, обеспечивавшие долг этого общества Государственному банку, по мере наступления сроков, стали опротестовываться. Для сохранения поручительской надписи Половцовой на соло-векселях Богословского общества и бланковой подписи общества на ее же векселях по этим долговым обязательствам банк предъявил иск на общую сумму 2 770 000 руб.⁶

В марте 1908 г. кредит Половцовой был пересмотрен в сторону его уменьшения до 300 тыс. руб. К тому моменту в залоге в Санкт-Петербургской конторе находилось 750 паев «Товарищества Невской ниточной мануфактуры» на номинальную сумму 750 тыс. руб. при биржевой цене в 2 062 500 руб.⁷

Принимая во внимание сложившееся положение дел, совет Государственного банка решил, что для сокращения задолженности Половцовой по ее кредитам, обеспеченным паями «Товарищества Невской ниточной мануфактуры», биржевая стоимость которых была ниже суммы долга, взывать в пользу банка дивиденды по означенным паям. В частности в 1908 г. в счет погашения долга поступили 75 тыс. руб. дивидендов, или по 100 руб. на каждый из 750 паев. Между тем долг перед банком составлял на 6 сентября 1908 г. 3 880 540 руб. 58 коп. Из них: 1) по ссуде 1895 г. в размере 3 млн руб. долг — 243 566 руб. 81 коп.; 2) по ссуде 1900 г.

в размере 1 млн руб. с накопившимися процентами — 1 128 426 руб. 61 коп.; 3) по ссуде 1904 г. в размере 600 000 руб. с накопившимися процентами — 751 620 руб. 49 коп.; 4) по авансу за рельсы, выданному в 1902 г. в размере 800 000 руб. и набевшими процентами — 933 339 руб. 59 коп.; 5) по авансу за рельсы, выданному в 1904 г. в размере 600 000 руб. и набевшими процентами — 751 587 руб. 08 коп.⁸

После смерти Надежды Михайловны 9 июля 1908 г. все имущество покойной по решению Санкт-Петербургского окружного суда от 4 октября 1908 г. перешло к ее мужу статс-секретарю А.А. Половцову. Между тем заниматься коммерческими делами своей семьи он не стал, доверив управление обширным имуществом сыну Александру. Управляющим Главной конторы продолжал состоять Иван Иванович Бергман. Имущество семьи Половцовых было достаточно обширным, однако крайне отягощено долгами различным учреждениям и частным лицам. Далее приводятся сведения только по недвижимому имуществу в Санкт-Петербурге (см. табл. 1). Отметим, что после смерти Половцовой Санкт-Петербургская контора продолжала кредитовать эту семью. В частности в марте 1909 г. Половцовы получили промышленную ссуду в размере 147 695 руб. Этим отношениям не помешала и смерть статс-секретаря 7 октября 1909 г.

Таблица 1

Недвижимое имущество Н.М. Половцовой в Санкт-Петербурге на 1908 г.

Имущество	Оценка для взимания городского сбора (руб.)	Оценка при приеме на страх (руб.)	По последнему акту укрепления собственности (руб.)	При залоге в кредитном учреждении (в руб.)	Сумма долга по залогу имущества к 9 июля 1908 г. (руб.)
Дом в Адмиралтейской части 2 уч. по Морской ул. № 54	199 680	500 000	200 000	—	Северному банку — 277 567
Дом в Коломенской части 1 уч. по Мал. Мастерской ул. № 2-б	38 500	100 000	30 000	51 700	Кредитному обществу — 38 700
Дом в Казанской части 3 уч. по Театральной площ. № 18/10	219 418	471 300	225 000	416 668	Московскому земельному банку — 240 303
Дом в Царском Селе по Московскому пер. № 7, 1, 4	50 000	200 000	63 000	—	С.И. Петровскому — 225 000
Поместье близ г. Нарвы в Ямбургском уез. С.-Петербургской губ.	777 30	90 000	20 000	—	—
Всего долга по недвижимому имуществу					781 570

Составлено по: РГИА. Ф. 588. Оп. 5. Д. 81. Л. 6–7.

Достаточно долгими и сложными были кредитные отношения Государственного банка и семьи князей Долгоруковых. Все началось еще в 1880-х г., когда Александру Сергеевичу Долгорукову был предоставлен соло-вексельный кредит. В феврале 1885 г. ему открыли новый кредит в Киевской конторе банка по учету векселей в размере 120 тыс. руб. Князь просил деньги на развитие своего сахарного производства в Киевской губернии. Однако отмеченную сумму предоставили с условием, что он погасит долг по прежнему соло-вексельному кредиту в размере 53 565 руб. После выплаты этой суммы, 6 июня 1885 г. в Санкт-Петербург перевели кредит, и А.С. Долгоруков пользовался им долгие годы. Перевод был произведен по прошению самого клиента, проживавшего в столице (ул. Галерная, д. 77).

Примечательно, что с отмеченной даты и до 1897 г. как размер кредита, так и сумма задолженности по нему в 120 тыс. руб. остались без изменений. А.С. Долгоруков регулярно представлял в банк исключительно векселя своей супруги княгини Ольги Петровны Долгоруковой, которые и переписывались по мере наступления сроков. В 1897 г. руководство Государственного банка потребовало от князя начать постепенное сокращение задолженности, определив сумму ежегодного погашения в 10 тыс. руб. Долгорукову пришлось подчиниться этому решению, и к 1 июля 1908 г. его задолженность по векселям жены была окончательно погашена, а сам кредит закрыт.

23 мая 1912 г. Долгоруков обратился в Санкт-Петербург в контору Государственного банка с прошением об открытии ему нового кредита, предупредив, что намерен, как и прежде, использовать векселя своей жены⁹. По сложившейся практике учетно-ссудное отделение конторы стало собирать сведения о кредитоспособности обер-гофмаршала Долгорукова. В частности из Черниговского отделения банка пришло письмо с некоторыми сведениями о его имущественном состоянии. Хотя князь не имел в этом отделении ни счетов, ни открытых кредитов, управляющему филиалом удалось собрать некоторые данные о клиенте. Оказалось, что имение князя находилось в образцовом хозяйственном состоянии. Винокурный завод в д. Поповке был заново отстроен с применением последних технических новшеств. По словам управляющего, Долгоруков имел безупречные нравственные качества, пользовался репутацией осторожного и экономного хозяина, был вполне кредитоспособен¹⁰.

Однако дожидаться решения по своему прошению князю не удалось, т.к. 7 июля того же года он ушел из жизни. Продолжить переговоры с руководством конторы пришлось его жене, Ольге Петровне, которая уже пользовалась кредитом в Госбанке. «В настоящее время, — писала княгиня в заявлении, — пользуюсь кредитом в Пензенском отделении Государственного банка на 200 тыс. руб. исключительно под торговые векселя, получаемые мною при продаже сахара-рафинада и песка, и пользовалась кредитом в Моршанском отделении Госбанка, также на 200 тыс. руб. под векселя — частью торговые, частью моего покойного мужа <...> Кредиты эти прошу сохранить мне и в будущем, независимо от вновь мною испрашиваемого, с тем лишь изменением, чтобы вместо векселей мужа мне разрешили предъявлять векселя сына моего князя Сергея Александровича. По вновь испрашиваемому кредиту также предполагаю предъявлять векселя моего сына С.А. Долгорукого»¹¹.

Обширные владения Долгоруковой достались ей от матери, графини Софьи Львовны Нарышкиной. В частности в Кролевецком уезде Черниговской губернии ей принадлежали 2 759 дес. земли с доходностью в 6 384 руб. Там же располагался сахарный завод, приносящий до 15 тыс. руб. дохода (родители Долгоруковой занимались производством сахара с 1847 г.). В начале XX в. княгиня продавала сахар, хлеб, семена клевера, скот и лес на сумму до 1 млн руб. Только на покупку свекловицы, топлива и разных материалов она тратила до 300 тыс. руб. в год¹². Сахарный завод был оценен в 338 997 руб. Прибыль по нему в 1912 г. составила 120 884 руб. В имении «Криски» располагался винокуренно-ректификационный завод, который оценивался в 128 480 руб. Обороты по этому предприятию в отмеченном году составили 89 320 руб., а чистая прибыль по винокурению — 15 194 руб. Еще 11 413 руб. княгиня получала от ректификационного производства. По мнению управляющего Черниговским отделением Государственного банка С.К. Гангелина, на оборотные средства Долгоруковой необходимо было до 1 250 тыс. руб.¹³

Производство в имениях княгини было поставлено на широкую ногу. Так, Земетчинский сахарный завод (Тамбовская губерния) производил до 360 тыс. пуд. сахарного песка в год, рафинада — до 100 тыс. пуд. Тальновский сахарный завод (Киевская губерния) давал до 600 тыс. пуд. сахарного песка, Черешенский завод (Черниговская губерния) — до 250 тыс. пуд. Ольгинский винокуренный завод вырабатывал до 150 тыс. литров спирта сырца, а Поповский — до 70 тыс. литров¹⁴. По признанию Долгоруковой, на продажу отправлялось до 500 тыс. руб. в год разных хлебов. Необходимые материалы она покупала за наличные деньги. Но сахарный песок и рафинад до 400 тыс. руб. продавала в кредит под векселя. В частных банках вексельным кредитом не пользовалась и даже этого не планировала. Примечательно, что основные хлопоты по управлению имуществом и производством в имениях княгини лежали на инженер-технологе Н.В. Монахове. Приведем описание недвижимого имущества О.П. Долгоруковой:

1. Земетчинское имение в Тамбовской губернии Маршанского уезда в 8 304 дес. земли (оценен в 1 993 043 руб.);
2. Земетчинский свеклосахарный и рафинадный завод (882 872 руб.);
3. Богородицкое имение Тамбовской губернии Моршанского уезда в 3 643 дес. (874 330 руб.);
4. Морсовское имение Тамбовской губернии Моршанского уезда в 6 345 дес. (951 750 руб.);
5. Имение «Оболонь» Кролевецкого уезда Черниговской губернии в 1 916 дес. и имение «Криски» в 1 490 дес. (851 500 руб.);
6. Ольгинский винокуренный завод при имении «Крыски» (120 тыс. руб.);
7. Поповское имение в Конотопском уезде Черниговской губернии в 739 дес. (258 770 руб.);
8. Поповский винокуренный завод (33 тыс. руб.);
9. Имение Волынцево в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1 655 дес. (579 250 руб.);
10. Имение «Верхняя Орианда» на южном берегу Крыма в 65 дес. (800 тыс. руб.);
11. Участок около Сухума в 75 дес. (75 тыс. руб.);
12. Дом в Санкт-Петербурге на Галерной ул. № 77. 355 кв. саж. (300 тыс. руб.)¹⁵.

Все имущество оценивалось в 7 719 515 руб., причем относительно перечисленных земельных владений имелся долг Государственному дворянскому банку — 1 450 250 руб., дома же в Петербурге — Санкт-Петербургскому городскому кредитному обществу — 113 249 руб.

Вместе с тем в Санкт-Петербургском казначействе хранились бумаги в обеспечение акциза сахара на номинальную сумму 421 721 руб. Еще 4 тыс. руб. в виде бумаг содержались в обеспечение ректификационного Ольгинского завода. Наконец, княгине принадлежало заповедное имение, состоявшее из двух частей: 1) Тальновское имение в Усманском уезде Киевской губернии в 19 783 дес. с Тальновским сахарным заводом, производившее до 550 тыс. пудов сахарного песка; 2) имение «Мисхор» на южном берегу Крыма в 115 дес. земли¹⁶.

После смерти мужа к Долгоруковой должна была отойти часть его значительных владений. Учитывая это, руководство Санкт-Петербургской конторы согласилось открыть ей кредит до 200 тыс. руб., но с условием, что это произойдет после вступления ее в наследство.

По духовному завещанию кн. А.С. Долгорукова все его недвижимое имущество, частью на правах собственности, частью — пожизненного пользования, перешло в полное распоряжение его жены. Примечательно, что подписавшими завещание свидетелями были крестьяне Абдул-Азис Абдряшитов-Акчурин, Анатолий Григорьевич Щербаков и Александр Васильевич Грибанов. По желанию Долгорукова раздел его имений между сыновьями должен был состояться лишь после смерти его супруги. Она скончалась 21 сентября 1927 г. Впрочем, в завещании было прописано, какие части собственности Долгорукова-отца должны были перейти во владении сыновей, Сергея и Петра. Так, Сергей Долгоруков должен был получить в наследство имущество, общей стоимостью 973 775 руб.¹⁷ Дочери же — княгини Мария Трубецкая и Ольга Дитрих, графиня Софья Ферзен и Варвара Кочубей — получили свои доли ранее (по согласованию с женой Долгорукова, актом о выделении).

В своем прошении об открытии кредита Ольга указала, что будет представлять векселя своего сына. По поводу же кредитоспособности флигель-адъютанта кн. С.А. Долгорукова директор учетно-ссудного отделения писал, что «в связи с открытием финансового кредита под его векселя», «надлежит обратить внимание <...> что имущественное обеспечение указанных лиц заключается как в собственных имениях кн. О.П. Долгоруковой, так и в имениях, находящихся в пожизненном ее пользовании, каковое обстоятельство, казалось бы, послужило препятствием в случае обращения взыскания на означенное имение»¹⁸.

Действительно, при взыскании долгов с подобных владений правовые нормы Российской империи создавали некоторые трудности. Так, имение, состоявшее в пожизненном пользовании другого лица, могло быть продано с публичных торгов по требованию кредиторов собственника. Вместе с тем в случае обращения кредиторами собственника взыскания на таковое имение, пожизненный пользователь мог требовать принятия мер к тому, чтобы право пожизненного владения учитывалось при производстве, описи, оценке и торге, и чтобы оно было известно покупщику с публичного торга.

Поэтому учетно-ссудное отделение первоначально предполагало взять с княгини Долгоруковой расписку о том, «что в случае назначения имений, на-

ходящихся в ее пожизненном пользовании, в продажу с публичных торгов, она отказывается от означенного пользования». Однако, подсчитав, что имущество ее и сына оценивалось в 9 467 518 руб., а испрашиваемый кредит был равен 600 тыс. руб., отдел решил не брать с нее расписки.

Ведя переговоры об открытии предъявительского кредита в Санкт-Петербургской конторе, Ольга Петровна активно пользовалась такой же линией в Моршанском отделении Государственного банка. Только в январе 1912 г. она брала деньги под векселя 12 раз. Векселя предоставляла шестимесячные, на суммы от 1 до 9 тыс. руб. (в основном это были 2 тыс. руб.), общая же сумма полученного кредита за январь составила 30 тыс. руб. Векселя все были местные. При этом к концу месяца после погашения части кредита за княгиней остался долг в 15 руб.¹⁹

Активно используя предоставленный банком кредит, княгиня смогла поддерживать высокое производство на своих сахарных и винокурных заводах. На это обращали внимание и сотрудники банка. «Сахарное производство во всех имениях ведется в больших размерах, — отмечали они в мае 1917 г., — и продукты его сбывались и теперь поставляются военному ведомству в большом количестве. Сахар в настоящее время является продуктом не только ценным, но <...> редким и необходимым, потому представляется весьма важным не только поддержать сахарное производство княгини Долгоруковой в существующем в настоящее время размере, но, в интересах испытывающего нужду в сахаре населения, следовало бы даже дать возможность княгине <...> путем банковского кредита увеличить производство сахара на ее заводах»²⁰.

Всего за производственный сезон 1915/16 г. было выработано 1 391 611 пудов сахара. Однако уже в 1916 г. урожай свекловицы оказался крайне низким. По этой причине княгине было сложно представлять в Государственный банк товарные векселя для покрытия оборотных средств. Их недостаток вынудил ее заложить имение Волынцево (оно же Афанасьевка или Еленовка).

В конце 1916 г. Долгорукова поручила инженеру-технологу из управления ее делами Якову Петровичу Дурову продать имение Волынцево. Оно находилось в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии и имело площадь 1 613 дес. земли по цене не ниже 1 900 000 руб. При этом княгиня настаивала, чтобы все расходы по совершению сделки, вместе с крепостными пошлинами, были отнесены на счет покупателя. В имении работала небольшая шахта некоего штейгера Фадеева, который уплачивал за пуд добытого угля по три четверти копейки. Срок арендного договора истекал 1 июля 1918 г. Княгиня была намерена продлить аренду еще на пять лет, т.к. Фадеев планировал расширить добычу. Примечательно, что Я.П. Дурову поручалось также произвести геологические изыскания для определения объемов возможной добычи угля в имении²¹. Согласно договору Дуров должен был получить за хлопоты по продаже имения 6% запродажной суммы. Срок исполнения этого поручения действовал до 1 апреля 1917 г. Однако выполнить взятые на себя обязательства Дуров не смог. И хотя имение Волынцево находилось в залоге в Государственном банке для обеспечения кредита княгине, намерение его продать сохранилось.

Учитывая трудности в деле производства сахара, руководство банка в мае 1917 г. решило поддержать Долгорукову, сохранив ей в Санкт-Петербургской

конторе кредит в 200 тыс. руб. и увеличив ей кредит в Моршанском отделении с 200 до 600 тыс. руб. В том же месяце Н.В. Монахов попытался заключить с горным инженером Григорием Федоровичем Овсянниковым контракт на разработку угля в Волынцеве.

Аналогичное производство имел другой клиент банка, кн. Владимир Николаевич Орлов. Его предприятия производили сахара на сумму до 1 350 00 руб. в год, продавая при этом зерновых и масличных продуктов до 600 тыс. руб.²² В своем письме главноуправляющий всеми делами и имениями кн. В.Н. Орлова, действительный статский советник Иосиф Игнатьевич Цеханович писал: «Отпуская товар в кредит, мы обеспечиваем таковой выданными нам векселями, сумма которых не превышает 50 000–60 000 руб. В целях наиболее успешного оборота в наличных деньгах в особенности в период обработки свеклы, сбора зерновых и масличных продуктов, т.е. с марта по сентябрь, когда имение требует правильности и срочности уплат, для нас представляется иногда особо существенным иметь кредит под имеющиеся у нас векселя наших покупателей»²³. Орлов просил в 1913 г. открыть ему предьявительский кредит под векселя на 60 тыс. руб. Кроме того, в отмеченное время при поддержке банков железно-дорожной ветки он осуществлял постройку от своего имения Эртельского в Бобровском уезде Воронежской губернии до с. Мордово (около 32 верст). Воронежские владения князя занимали 17 тыс. дес. земли. В 1897 г. он построил там сахарный завод, оцененный в 1 млн руб. Стоимость же имения составляла 5 950 тыс. руб. Князь владел домом в Петербурге, который оценивали в 800 тыс. руб. Из всей оценочной стоимости владений Орлова в 8 250 тыс. руб. в залоге находилось имущество на сумму 2 094 502 руб.²⁴

Долгими и сложными для Санкт-Петербургской конторы стали кредитные отношения с кн. Константином Эсперовичем Белосельским-Белозерским. В Уфимской губернии во владении этой семьи издавна была значительная земельная собственность — Катово-Ивановское. В 1869 г. это имение и Усть-Катавский железодобывательный завод перешли по наследству к К.Э. Белосельскому-Белозерскому. Позднее по дарственной записи его супруги, Надежды Дмитриевны, князю было уступлено принадлежавшее ей имение Юрюзано-Ивановское, купленное ею у генерала И.О. Сухозанета. В обоих имениях имелись железодобывательные заводы, которые, пользуясь собственной рудой и топливом, вместе с Усть-Катавским предприятием производили к началу XX в. около 1,7 млн пуд. чугуна и готовые железные изделия. Катаво-Ивановский завод производил рельсы на сумму до 1 млн пуд. в год, а на Юрюзанском заводе выпускали, главным образом, сортовое железо и в небольшом количестве — листовое железо, а также ежегодно — томленную сталь до 800 тыс. пуд.²⁵ В разные годы князь получил в Государственном банке значительные ссуды для модернизации имевшихся заводов. Таким образом, к моменту учреждения Санкт-Петербургской конторы главного банка страны перед ним у Белосельского-Белозерского имелся крупный долг.

В 1898 г. князь продал принадлежавший ему Усть-Катавский завод и 40 дес. земли при нем вновь учрежденному бельгийскому Южно-Уральскому металлургическому обществу, одним из учредителей и главным акционером которого был сам Белосельский-Белозерский. Основной капитал Общества состоял из

6 млн франков, разделенных на 12 тыс. акций, из которых 4 тыс. были оставлены за учредителями. Помимо причитавшейся доли ценных бумаг (4 тыс. акций) князь получил еще 2 800 таковых на сумму 1 400 тыс. франков (уплата за Усть-Катавский завод и предоставленные Обществу 2 тыс. вагонов). К отмеченному пакету, князь подписался еще на 2 200 акций, для оплаты которых взял ссуду под залог Крестовского острова. Всего в распоряжении Белосельского-Белозерского оказались 6 200 акций²⁶. Примечательно, что по заключенному с Южно-Уральским металлургическим обществом договору, князь отдавал отмеченному предприятию все остальные принадлежавшие ему в том районе земельные владения с имевшимися железоделательными заводами. Очевидно, Белосельский-Белозерский решил стать обеспеченным рантье, учитывая, что, помимо уже приобретенных им бумаг Общества, он получил за указанную выше аренду еще часть из дополнительного выпуска акций.

Однако последующие события в стране и просчеты акционеров в организации производства бельгийского Общества разрушили надежды Белосельского-Белозерского. Учредители этого предприятия полагали, что имевшиеся промышленные и материальные ресурсы были достаточными для активного развития производства. Казалось бы, обеспеченное лесными и рудными материалами бельгийское Общество обошлось бы без средств, которые могли быть получены от реализации его акций. Ведь из 12 тыс. бумаг чуть более половины были переданы Белосельскому-Белозерскому, следовательно, более 1 млн франков выпало из основного капитала. Выделив в качестве компенсации князю крупный пакет бумаг за проданный им Усть-Катавский завод, 40 десятин земли и аренду заводов, бельгийское предприятие лишило себя значительной части первоначальных оборотных средств и возможности инвестировать значительную часть основного капитал в модернизацию заводов. Кроме того, Общество к 1901 г. затратило свыше 2 млн руб. на устройство вагоностроительного завода и проведение некоторых технических усовершенствований на других предприятиях. Понимая, что в таких условиях, отягощенное экономическим кризисом Южно-Уральское металлургическое общество не сможет обеспечить его желаемыми доходами, Белосельский-Белозерский 14 июля 1900 г. добился для этого предприятия в качестве оборотных средств кредита в 1 млн руб. сроком на пять лет под 6% годовых. Промышленную ссуду князю выдали под его соло-векселя с дополнительным обеспечением залоговым свидетельством на горнозаводское имущество и Усть-Катавский завод.

Таким образом, за полученные в заем средства князь и Южно-Уральское общество несли солидарную ответственность перед Государственным банком. При этом Белосельский-Белозерский передал Обществу указанный 1 млн руб. под векселя последнего. Вскоре на заводе обнаружили недостачу залогового металла на 360 тыс. руб., что повлекло увеличение долга до 1 360 тыс. руб. Впрочем, на этом трудности с кредитом не закончились. Усилившийся кризис и падение цен на металл вынудили заемщиков просить отсрочки долговых платежей в 1902 и 1903 гг. 9 августа 1902 г. высочайшим соизволением это ходатайство было удовлетворено. Однако и это не улучшило финансовое положение Общества, которое в том же году обратилось в Государственный банк с просьбой о дополнительной ссуде в 450 тыс. руб.

Положение дел Белосельского-Белозерского оказалось столь тяжелым, что ему пришлось обратиться к царю с ходатайством об учреждении над его имуществом особого, вне общих норм законодательства, опекунского управления для уплаты его долгов. Общий долг князя составлял 5,5 млн руб., из которых 1,2 млн руб. он был должен Государственному банку. В активе же у него состояли 365 тыс. дес. земли в Катавском и Юрюзанском имениях с заводами, которые оценивались в 3,72 млн руб. К его активам также относился Крестовский остров в Петербурге (278 дес. земли с обширной дачей), оцененный в 1,76 млн руб. Князь владел 9 370 акциями Южно-Уральского общества и векселями того же предприятия на сумму 1,1 млн руб. Всего в активе этого клиента Санкт-Петербургской конторы было 8,4 млн руб.²⁷ Просьба князя, вопреки негативному отношению к ней С.Ю. Витте, была удовлетворена решением императора 20 февраля 1903 г. Согласно учрежденной опеки, кредиторы Белосельского-Белозерского не ограничивались в правах, а сам должник отстранялся от управления имуществом и лишался права заключать какие-либо новые долговые обязательства. Со стороны опекунского управления надлежало предпринять все меры по погашению долгов князя — за счет вырученных от продажи товаров и земли, залога и перезалога имущества, а также от полученных чистых доходов от пакетов акций. Если после платежа требуемых процентов и капитальных долгов образовывались излишки, то по усмотрению опеки эти средства могли быть отчислены на содержание Белосельского-Белозерского. Однако последующие события показали, что при попустительстве властей опекунское управление регулярно нарушало установленные правила своей деятельности. Вопреки первоначальным требованиям о приоритете долговых обязательств князя перед Государственным банком и ограничениям расходов по содержанию Белосельского-Белозерского опекуны без стеснения выделяли ему средства из разных источников. Особенно значительные доходы опекунское управление получало от ренты и продажи земельных участков на Крестовском острове в Петербурге. Таким образом, нарастающий долг князя перед Государственным банком по неуплате процентов и погашению капитального долга (к 1912 г. — более 3,5 млн руб.) так и остался невыплаченным (2 858 463 руб. — капитальная сумма и 710 185 руб. — непогашенные проценты)²⁸.

Рассматривая отношения с Санкт-Петербургской конторой Государственного банка аристократов и сановников, отметим их интерес к депозитным операциям. Указанная категория клиентов столичной конторы относилась к числу ее самых солидных вкладчиков. Многие из них предпочитали хранить здесь свои сбережения в виде пакетов ценных бумаг. Внося на хранение такие ценности, они также доверяли конторе управлять этими капиталами, следить за купонными выплатами и процессами погашения облигаций, начислять полученные средства на свои счета.

Несомненно, основными клиентами Санкт-Петербургской конторы по вкладам на хранение были государственные фонды, крупные фирмы и состоятельные частные лица. В канун Первой мировой войны в соответствующем отделении конторы числился 1 501 вклад — 3 045 519 листов разных процентных бумаг на общую сумму 2 294 086 581 руб. 49 коп.²⁹ Самым крупным держателем столичной конторы являлось Управление сберегательных касс России —

2 349 156 листов (на 1 823 419 523 руб. 47 коп.), далее следовали Главное управление уделов — соответственно 221 873 листа (194 072 872 руб. 28 коп.); Общество взаимного страхования жизни «Нью-Йорк» — 34 617 (36 465 560 руб.); Санкт-Петербургская сберегательная касса — 207 737 (34 750 362 руб. 50 коп.); Пенсионная касса вольнонаемных служащих по казенной продаже питей — 25 928 (26 560 042 руб.); Общество страхования жизни «Эквитебль» — 20 006 (15 307 787 руб.); Эмеритальная касса Министерства юстиции — 13 471 (43 558 000 руб.)³⁰. Остальные держатели существенно отставали от вышеперечисленных вкладчиков.

Держателями бумаг конторы являлись и члены императорской фамилии. В 1913 г. Павел Александрович имел 3 191 лист (3 515 775 руб.), вел. кн. Дмитрий Павлович — соответственно 1 883 (1 704 500 руб.), вел. княгиня Мария Павловна — 2 674 (637 512 руб.), вел. кн. Кирилл Владимирович — 1 195 листов (1 009 052 руб.), императрица Мария Федоровна — 1 574 (1 456 093 руб.). Весьма солидными были: майоратный капитал принца Ольденбургского — 261 лист (на сумму 2 737 845 руб.), вклады царя Николая II — соответственно 241 (1 036 400 руб.), императрицы Александры Федоровны — 597 (895 000 руб.), вел. княгини Ольги Николаевны — 1 760 (2 400 000 руб.), вел. княгини Татьяны Николаевны — 1 313 (1 339 000 руб.)³¹.

Далее приводятся сведения о капитале принцессы Е.М. Ольденбургской, хранившемся в Санкт-Петербургской конторе в начале XX в. Очевидно, что вкладчики из императорской фамилии старались разнообразить пакет своих бумаг. В частности, в портфеле принцессы хранились ценные бумаги разных лет второй половине XIX в.

Таблица 2

Капитал принцессы Е.М. Ольденбургской, хранившийся в Санкт-Петербургской конторе Государственного банка во вкладах на особых основаниях

Наименование ценных бумаг	Число листов	Сумма
Свидетельства 4% гос. ренты	9	900
5% билеты 1-го внутреннего с выигрышем займа	10	1000
5% билеты 2-го внутреннего с выигрышем займа	10	1000
3 8/10% конверсионные облигации	6	900
4% консолидированные облигации первой серии	62	191 875
4% облигации Николаевской железной дороги	307	38 375
4% облигации Главного общества российских железных дорог 1858 г.	18	9000
4% облигации Российского золотого займа 3-го выпуска	14	41250
4% облигации Российского золотого займа 5-го выпуска	1	125
4% облигации Российского золотого займа 6-го выпуска	134	380 000
4 1/2 % закладных листов Харьковского земельного банка	3	3000
4 1/2 % закладных листов Виленского земельного банка	177	171 100
Дивидендные акции Московско-Брестской железной дороги	2	
Итого	753	838 775

Составлено по: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1661. Л. 17.

Перечисленные выше кредитные истории — лишь малая толика самых разнообразных взаимоотношений между Санкт-Петербургской конторой и российскими аристократами и сановниками. Имея привилегированное положение в обществе, они не пренебрегали и возможностью использовать Государственный банк для удовлетворения своих деловых и личных интересов. Некоторые из них со значительной выгодой для себя эксплуатировали капиталы банка, принося ему существенные убытки.

Примечания

- ¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 588. Оп. 2. Д. 167. Л. 6 об.
- ² Там же. Д. 31. Л. 83.
- ³ Там же. Оп. 5. Д. 81. Л. 77.
- ⁴ Там же. Д. 72. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 43.
- ⁶ Там же. Д. 81. Л. 8.
- ⁷ Там же. Л. 77 об.
- ⁸ Там же. Л. 9.
- ⁹ Там же. Д. 82. Л. 1–2.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Л. 10.
- ¹² Там же. Л. 2.
- ¹³ Там же. Л. 9.
- ¹⁴ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁵ Там же. Л. 14 об.–15.
- ¹⁶ Там же. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Л. 32.
- ¹⁸ Там же. Л. 43.
- ¹⁹ Там же. Л. 54–55.
- ²⁰ Там же. Л. 81.
- ²¹ Там же. Л. 73.
- ²² Там же. Д. 83. Л. 1.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 1 об.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 391. Л. 125.
- ²⁶ Там же. Л. 125 об.
- ²⁷ Гиндин И.Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические записки. 1968. № 82. С. 131.
- ²⁸ РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 392. Л. 98 об.
- ²⁹ Там же. Оп. 5. Д. 19. Л. 1 об.
- ³⁰ Там же. Л. 18.
- ³¹ Там же. Л. 18–19.

Библиография

Гиндин И.Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические записки. 1968. № 82. С. 120–168.

Алимджанов Б.А.*

История деятельности Самаркандского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка

Аннотация. В статье рассматриваются основы деятельности и функции Самаркандского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка (1900–1917). В советской историографии банки понимались в качестве орудия «колониализма» как западного, так и российского. На основе архивных данных доказывается, что финансовые институты Российской империи учитывали местную специфику и поощряли производство экспортно-ориентированной продукции. Автор в статье активно использует межбанковскую переписку, ежегодные отчеты директора филиала, а также материалы ревизии Самаркандского отделения. Впервые в историографии исследованы активные и пассивные операции банка, проанализированы его расходы и прибыли, изучен персонал. Кроме того, в отличие от советских и постсоветских исследований делается вывод, что банки не стали «монополистами» в экономике Средней Азии. Основной причиной этого было их приспособление к реально существовавшим экономическим отношениям в Туркестанском генерал-губернаторстве и ханствах. Работа базируется на материалах Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова: Русско-Азиатский банк, Самарканд, Туркестан, модернизация, Средняя Азия, периферия.

История банков и банковского дела в Туркестане и среднеазиатских ханствах фактически не исследована. В советское время она рассматривалась в свете концепции «монополистического капитализма». Частично учеными исследована деятельность Госбанка, Русско-Азиатского и Волжско-Камского банков в Туркестанском генерал-губернаторстве¹. Частично не соглашусь с характеристикой деятельности и функционирования банков, данной советскими и постсоветскими исследователями. Например, по мнению З.Д. Кастельской, «российский капитализм для обеспечения эксплуатации местной экономики создал в Туркестане густую сеть банков»². Полагаю, что эти кредитно-финансовые учреждения не эксплуатировали местную экономику, а, наоборот, помогали купечеству увеличить экспорт региона.

Известный советский историк А.С. Садыков считал, что «деятельность финансового капитала не изменила в корне характера товарно-денежных и кредитных связей, существовавших в Хиве в прежнее время, а лишь создала известную иерархию в подчинении банковскому капиталу почти всех производителей (через посредников)»³. Однако архивные данные свидетельствуют, что этого не было. Также не считаю верным его утверждение о том, что «деятельность купцов-предпринимателей знаменовала появление в крае местной торгово-промышленной буржуазии, которая заняла достаточно сильные позиции в его экономике. Но тесная связь и сильная финансовая зависимость от российского торгово-промышленного и особенно банковского капитала не позволяла ей стать монополистом в торгово-промышленной сфере»⁴. Данное определение противоречит

* Алимджанов Бахтиер Абдирахимович — кандидат исторических наук, докторант института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни (Ташкент, Узбекистан), felix_1985@mail.ru.

концепции империи, т.к. никто не мог стать монополистом в спекулятивной экономике. Нужно учитывать, что спекуляция достигла наивысшего пика в Туркестане в 1911–1913 гг. во время Первой мировой войны, став средством выхода из экономического кризиса, охватившим край в 1907–1909 гг., 1913–1914 гг.

Также, на мой взгляд, ошибочно мнение Н.Б. Хотамова о том, что «российский финансовый капитал в своей колонии — Средней Азии совсем не заботился о положении местных банков, которые появились в регионе независимо от российских, а потому оставались слабыми и не оказывали большого влияния на экономическую жизнь Средней Азии»⁵. Ведь именно банки способствовали спекуляции на местных рынках, что и замедлило «модернизацию» экономики региона.

Советский исследователь деятельности банков в Туркестане Б.И. Искандаров отмечал, что «банки в условиях Средней Азии мало стимулировали развитие экономики края. Система кредитования исходила не из интересов экономического развития края, а из корыстных целей представителей банков, которые с каждым годом все шире охватывали отдаленные районы дореволюционного Таджикистана»⁶. Отметим, что банки находились в городах Туркестана и редко кредитовали сельских клиентов. Цель статьи — на материале Самаркандского отделения Русско-Азиатского банка доказать, что он финансировал в основном купцов и торговцев Самарканда, а не отдаленных районов «дореволюционного Таджикистана». В статье использованы материалы Российского государственного исторического архива (Ф. 630, 632), большинство из которых впервые введены в научный оборот; межбанковская переписка, ежегодные отчеты директоров филиала, а также материалы ревизии Самаркандского отделения.

Самым крупным банком в регионе, имевшим разветвленную сеть (13 филиалов) по всей Центральной Азии, считался Русско-Азиатский коммерческий банк (основан в 1910 г.). Он стремился взять в свои руки хлопководство и промышленное производство, но в итоге так и не сумел стать локомотивом экономического развития региона. Основной причиной этого, на мой взгляд, стало приспособление имперских финансовых институтов к реально существовавшим экономическим отношениям в Туркестане и ханствах. «Модернизация» экономики Центральной Азии в понимании банков состояла в финансировании экспортных культур и посредничестве между метрополией и периферией. «Колониальная» периферия казалась привлекательной сферой для инвестирования и получения сверхприбылей, но спекулятивный характер туркестанской экономики помешал «нормальному развитию банков. В результате экономическая «модернизация» Центральной Азии затянулась и приняла своеобразные формы.

Экономический обзор Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства

В начале XX в. Самаркандская область Туркестана считалась производителем пшеницы и фруктов для продажи на его внутреннем рынке и за пределами такового. «Фрукты, чай, хлопок, мануфактура — вот товары, с которыми приходится оперировать здешним банкам»⁷, — писал об экономике региона инспектор банка в 1916 г. Быстрыми темпами развивалось местное виноделие. Здесь

работали несколько фирм (Филатовы, Шмидт, Гладышев, Шустов, Агриев, Алишоев). В Самарканде хлопковое производство не было так хорошо развито, как в Ферганской долине. В 1916 г. под хлопок было отведено 68,880 десятин земли (6,78% всей засеваемой площади), пшеницу и рожь — 59,04%, рис — 11,45%, виноград — 1,31%. «Самаркандский хлопок, — писал ревизор, — качеством ниже ферганского; в официальной котировке он расценивается на 50 коп. дешевле ферганского»⁸.

Промышленность края была развито слабо. Самарканд имел восемь хлопкоочистительных заводов, три — маслобойных. Несмотря на то, что по экономическим показателям он отставал от Коканда — главного центра Туркестана по торговле чаем. В 1915 г. здесь фирмами было развешано 11 млн фунтов чая.

В Самарканде действовали несколько чайно-рассыпчных фирм — Вогау, Ризаевых, Тагиевых, Кузнецова, Хасановых, Кин-Чонга и др., продукция которых распространялась по всей Средней Азии⁹. В документе читаем: «Если не считать стоящие особняком такие фирмы, как Вогау и Кузнецов, в кредите не нуждающиеся, то окажется, что все чайное дело находится в руках персов, народа большей частью пришлого, не имеющего права владеть здесь недвижимостью»¹⁰.

Несмотря на аграрный характер Самаркандского экономического региона, к 1916 г. здесь действовали семь филиалов ведущих банков Российской империи — Государственного, Азовско-Донского, Волжско-Камского, Московского Учетного, Сибирского торгового, Соединенного и Русско-Азиатского. По активным (7 млн руб.) и пассивным операциям на первом месте был филиал Русско-Азиатского банка¹¹. «По пассивным операциям, — писал инспектор банка, — более успешно других работает Соединенный банк, благодаря тому, что отделение его помещается на базаре»¹².

Активные операции банка

Самаркандский филиал Русско-Азиатского банка был основан в 1900 г., его директором назначили известного предпринимателя Туркестана Л.Н. Бауера¹³. В 1908 г. филиал посетила ревизия К.В. Берга, задачей которого была выявить убытки Самаркандской группы отделений за 1907 г. (более 320 тыс. руб.) и решить судьбу его директора¹⁴.

Самаркандский филиал Русско-Азиатского коммерческого банка (до 1910 г. — Русско-Китайского) считался центральным для среднеазиатской группы отделений. В 1907–1910 гг. оборот Самаркандской группы Русско-Китайского банка (Коканд, Ташкент, Бухара, Асхабад, Маргелан, Верный, Андижан, Кульджа, Кашгар, Батум, Наманган) составлял 10 млн руб. в год¹⁵. В 1911 г. произошла децентрализация управления среднеазиатскими филиалами Русско-Азиатского банка, и Самаркандское отделение потеряло свои управленческие функции, превратившись в обычное отделение¹⁶. Ревизор, проверив деятельность филиала и самого Бауера (к тому времени уволенного), пришел к выводу, что его не следовало оставлять на должности¹⁷. В итоге Бауера обвинили в ряде финансовых махинаций в пользу собственной фирмы (Торговый дом «Братья Бауер») ¹⁸.

Директором назначили опытного управленца Ф.С. Миляшкевича, товарищем директора — Н.Н. Ищенко. 1 января 1909 г. под их руководством в целях непрерывного наблюдения за деятельностью отделений при Самаркандской группе был учрежден состоявший из шести человек «Контрольный отдел»¹⁹.

Берг призвал правление банка повысить его служащим заработную плату («из-за дороговизны жизни в Туркестане» они «искали дополнительную работу вне банка»)²⁰, не увлекаться вексельной операцией из-за высокой спекуляции, настаивая, что «нужно отдать предпочтение подтоварным кредитам, при коих банк может сдерживать спекулятивный характер своих клиентов, выдавая конечно ссуды в разумных размерах»²¹.

На 1 января 1908 г. по всем отделениям среднеазиатской группы было выдано вексельных кредитов на 12 300 000 руб., товарных — на 3 млн руб.²² Ревизор предложил разделить Самаркандскую группу на две, чтобы увеличить обороты: Самаркандскую (с отделениями в Самарканде, Батуме, Асхабаде, Бухаре, Верном и Кульдже) и Кокандскую (с отделениями в Коканде, Ташкенте и Кашгаре и агентствами в Андижане, Маргелане, Намангане)²³. Вторая группа, по мнению Берга, должна была непосредственно финансировать хлопкоочистительные предприятия Андижана, Маргелана и Намангана до продажи этого хлопка в Москве. Он считал, что так можно было заработать «гораздо больше, чем финансируя только кокандские фирмы»²⁴. Ратовал ревизор и за повышение банковских ставок по кредитам. Хотя основными клиентами банка считались средние и мелкие торговцы, но высокие ставки очистили бы портфель банка от слабых клиентов, укрепив позиции сильных²⁵. Кроме того, предлагалось перевести свободные денежные средства из дальневосточных отделений в среднеазиатские²⁶.

В 1910 г., накануне реорганизации Самаркандской группы, правление Русско-Азиатского банка снизило процентные ставки по кредитам. Это было связано с сильной конкуренцией с другими банками в Среднеазиатском регионе. Если в 1906 г. с вексельных и подтоварных кредитов взималось 8,5–11,5%, то к 1911 г. — от 7,5 до 5,5%²⁷. В результате прибыльность Самаркандской группы снизилась на 3%²⁸.

Самаркандское отделение активно развивало кредитование под определенные товары. Среди них в основном были черный и зеленый чай; сахар, рафинад; хлопок; пшеница и ячмень; овечья шерсть, невыделанная кожа, козлиная, овчина; листовое железо; не более 50% от фактической стоимости — сухофрукты; фисташки, миндаль; мануфактура²⁹.

После децентрализации отделение в первую очередь финансировало импортеров чая, мануфактуристов, скупщиков хлопка, коконов и, как правило, осуществляло товарные операции за собственный счет.

С 1916 г. Самаркандский филиал Русско-Азиатского банка начал активно финансировать экспорт винограда (кишмиша). В 1916 г. на операцию с этим продуктом выделили 4 млн руб. Основной причиной выдачи такой огромной суммы являлся рост цен на виноград. Инспекторы банка отмечали, что только «кишмишный базар» давал за день более чем 0,5 млн руб.: «В рублях за пуд составляет 26 руб., до войны этот товар шел по 2 руб. 50 коп. — 3 руб. за пуд, а осенью 1914 г. упали даже до 1 руб. 80 коп. — 2 руб. <...> Вот повышение, какого не знает ни хлопок, ни мануфактура, ни хлеб, ни обувь»³⁰.

Ревизоры предупредили правление банка, что Самаркандский филиал должен был выдавать кредиты под фрукты только солидным клиентам, учитывая транспортный коллапс в регионе³¹. Дело в том, что Первая мировая война внесла свои коррективы в деятельность самаркандских купцов и банкиров: на рынке спекуляция достигла наивысших размеров. Банки, не имея возможности осуществлять привычную для них финансовую деятельность, были вынуждены заниматься спекуляцией на фруктах, сахаре и хлопке. В 1916 г. филиал через брата переводчика банка продал сахара на сумму выше 8 тыс. руб., получив чистой прибыли более 48 тыс. руб. Ревизор настаивал на прекращении незаконных банковских операций с сахаром³². Но в тот год такие операции оказались неизбежными: «Местная торговля не дает достаточного материала для работы. Из заведений промышленных <...> только несколько мукомольных мельниц; несколько винокуренных заводов, пивоваренный завод — вот <...> и все»³³.

Первая мировая война повлияла и на вексельные операции банка. Если в 1911 г. было учтено векселей на сумму 2 901 357 руб. 14 коп.³⁴, то к сентябрю 1916 г. — 521 тыс. руб. «Вексельного материала здесь совсем нет вообще, — писал ревизор, — а теперь и подавно; солидных же клиентов, которым можно было бы учитывать дружеские векселя можно пересчитать по пальцам»³⁵.

В 1912–1916 гг. среднегодовой баланс Самаркандского филиала Русско-Азиатского банка не превышал 4–5 млн руб.³⁶, а его валовый оборот после реорганизации резко снизился (см. табл. 1).

Таблица 1

**Обороты
Самаркандского филиала Русско-Азиатского банка (руб.)**

Год	Общие обороты
1910	497 232 739
1911	233 520 245
1912	197 264 261
1914	185 996 390
1915	202 718 171
1916	422 680 102

Рассчитано по: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 534. Л. 2, 15 об., 33 об., 54 об., 82 об., 107.

Банк пытался развивать торговые операции за свой счет, но успеха не достиг. К 1914 г. доход от них сократился, а в 1915 г. отделение уже не продавало товары за свой счет³⁷.

Таблица 2

Операции филиала за собственный счет (руб.)

Год	Куплено	Продано	Чистая прибыль и комиссия
1911	362 786,28	370 278,49	5 474,72
1914	14 839,54	14 839,54	300,30

Рассчитано по: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 534. Л. 24, 63.

Банк не смог развить консигнационную (комиссионную) операцию с хлопком: «За весь прошлый сезон (т.е. 1916 г.) отделение получило на консигнацию лишь 6 вагонов хлопка»³⁸, — писал ревизор.

Пассивные операции банка

Самаркандское отделение Русско-Азиатского банка принимало вклады на текущие счета, до востребования и срочные. В 1901–1910 гг. объем вкладов вырос — с 2,5 до 10 млн руб.³⁹ С каждым годом остатки по вкладам увеличивались. На начало 1912 г. они составляли 717 тыс. руб., 1913 г. — 664 тыс., 1914 г. — 706 тыс., 1915 г. — 538 тыс., 1916 г. — 805 тыс., 15 ноября 1916 г. — 1 млн 806 тыс. руб.⁴⁰ В течение 1916 г. вклады более чем удвоились, что было связано с удачной реализацией населением винограда и сушеных фруктов. Ежегодно на текущие счета принимались 8–10 млн руб.⁴¹ Наиболее крупные суммы по срочным вкладам принадлежали шести клиентам банка: товарищество «Бр. Шмидт» — 124 878 руб. (под 4,5% годовых), А. Муминджанов — 115 тыс. руб. (4,75), Я. Левиев — 68 тыс. руб. (4,75), «Бр. Тагиевы» — 53 128 руб. (4), С. Шакаров — 52 502 руб. (3), Торговый дом «З. Агзамов» — 50 100 руб. (3)⁴².

В графе «Пассивные операции» числились и закладные на имущество должников банка. С 1912 г. эти закладные выписывались на имя помощника директора банка Н.Н. Ищенко⁴³. К 1 января 1915 г. сумма по закладным составляла более 300 тыс. руб.⁴⁴ Самым крупным должником банка являлся разорившийся в 1913 г. Торговый дом «Бр. Ризаевы» — боле 240 тыс. руб. Все долги обеспечивались соло-векселями. Должники на 1 января 1915 г.: «Ходжи Мухаммад Пир Мухамедов — 2 векселя с двумя подписями (на сумму 2 тыс. руб.); Н.С. Ситаров — 26 векселей (45 тыс. руб.); Торговый дом «Бр. Ризаевы» — 35 векселей на сумму 34 500 руб. и 7 соло-векселя (11 400 руб. + 4 926 пуд. зеленого чая (236 450 руб.)); Торговый дом “Бр. Боруховы и Исахаровы” — 48 соло-векселей (29 тыс. руб.); Мухаммад Раджаб Мухаммадиев — 2 протестных векселя (3 тыс. руб.) и 1 учтенный (1 тыс. руб.); “Бр. Мошиях”, Ари и Юна Максумовичи Фузайловы — 12 учтенных векселей (10 800 руб.)»⁴⁵. К 1917 г. все должники расплатились с банком на 80%⁴⁶.

Клиенты банка

Клиентами Самаркандского филиала Русско-Азиатского банка были в основном торговцы чаем, хлопком, мануфактурой, фруктами и коконами, а также виноделы. Крупными чайными торговцами в Самарканде и по всему Туркестану считался Торговый дом «Бр. Ризаевы». Он имел огромные долги, писал ревизор в 1916 г., не только в филиале банка в Самарканде, но и в Индии — 148 тыс. руб., в Учетно-Ссудном банке Персии — 110 тыс. руб., в банке Восточного о-ва — 20 тыс. руб. и проч.⁴⁷

Дело Ризаевых продолжил бывший приказчик этой фирмы К. Алиаскеров и братья Тагиевы, активно сотрудничавшие с банком. Алиаскеров, писал ревизор, «торгует в основном чаем и другими товарами <...> джут, чалма, мешки, спички, ртуть, олово и др. Человек очень энергичный и деятельный, прекрасно осведомлен в базарных делах и настроениях, сохранивший старые торговые связи в Шанхае и Лондоне <...> Его долг на 15 ноября 1916 г. составляет 507 тыс. руб. (товарный счет) и кредит в 604 тыс. руб. Недвижимостью не владеет, так как является персидско-подданным»⁴⁸.

Про братьев Тагиевых сообщалось: «Онколь подтоварные документы 74.793 р. 44 к. Товарные аккредитивы 1.007 р. 13 к. Солидная фирма, торгующая чаем; имеет собственную рассыпку. Состоят также нашими интересными клиентами и по пассивным операциям, ибо имеют у нас текущий счет с весьма изрядным постоянным остатком, достигающим иногда 120 тыс. руб., а к 16.11.1916 г. <...> в сумме 88 тыс. руб. Этой цифре, однако противостоит крупная задолженность по онколю под чай: на то же число 229 тыс. руб., при утвержденном товарном кредите в 200 тыс. руб.; соло-векселей имеется только на 50 тыс. руб.»⁴⁹.

Крупными торговцами мануфактурой и хлопком в Самарканде были торговые дома: «Бр. Калантаровы», «Бр. Левиевы», «С. Исахаровы»⁵⁰, «Пинхас Абрамов с братьями», «Ю. Мулокандов с братьями» и «Бр. Фузайловы»⁵¹. Ревизор банка писал: «Торговый Дом Бр. Калантаровы — первоклассная старинная фирма; издавна торгует мануфактурой, владеют хлопкоочистительным заводом и чуть ли не десятками домов в русской и туземной части города. Якуб Исакович Калантаров — один из старейших членов нашего учетного комитета. Торговому Дому открыт крупный кредит во всех местных банках, в том числе: в Государственном — 320 тыс. руб., Волжско-Камском — 400 тыс. руб. и у нас — 300 тыс. руб. <...> Або Хаим и Якуб Левиевы ведут каждый самостоятельно торговлю пряжей и мануфактурой и другими товарами. Якуб Левиев рекомендует себя как местного “короля пряжи” <...> Задолженность Я. Левиева очень значительна. Однако, необходимо иметь в виду, что по статье “товары” сумма 465 тыс. руб. — представляет собою стоимость товара по покупной цене, а так как товар в значительной части был куплен задолго до крупного повышения цен, частью даже до войны, то по мере постепенной реализации товара, Якуб Левиев зарабатывает огромные суммы»⁵².

Характеризуя Торговый дом «Пинхас Абрамов с братьями» ревизор отмечал: «Фирма старая. Правлению известная. Торгует мануфактурой, пряжей, имеет хлопкоочистительный и винокуренный заводы. Не так давно положение дел было совсем скверное, но теперь, слышно, Торговый дом оправился. Главный

элемент неизвестного положения дел Торгового дома — это крупный онкольный счет под спекулятивные бумаги в одном из банков Москвы; Меер Абрамов говорит, что задолженность по этому счету, открытому еще до войны, составляет всего 200 тыс. руб., но есть некоторые основания полагать, что задолженность гораздо больше, а какова в настоящее время ценность обеспечения <...> неизвестно. Небольшой пакет онкольных процентных бумаг Торговый дом имеет и у нас. Долг в 14.075 руб. обеспечен очень неважно. 9 тыс. руб. из них обеспечены только 197 акциями о-ва «Чимион», которые нельзя реализовать ни по какой цене <...> К 16 ноября задолженность их понизилась до 75 тыс. руб.»⁵³.

Согласно еще одному отчетному документу, Торговый дом «Ю. Мулокандов с братьями» — «одна из крупных фирм в нашем городе. Владеет большой недвижимостью, оцениваемой свыше полмиллиона рублей и пользуется полным доверием и уважением. Глава фирмы — Юнатан Мулокандов состоит членом учетного комитета местного отделения Государственного банка и ведет дела крайне осторожно»⁵⁴.

Крупными виноделами в Самарканде считались «Товарищество Д. Филатова», Ю.С. Ачильдиев. «Д.Л. Филатов» крупное, хорошо оборудованное виноделие в Самарканде, — писали банкиры. — Торговля винно-гастрономическими и другими товарами здесь, в Ташкенте и разных городах Ферганы; весьма крупная недвижимость во всех перечисленных пунктах. Дело старое, основанное еще в 1858 г. Во главе дела стоит ныне сын покойного Д. Филатова Б.А. Варакин довольно молодой и энергичный человек <...> В нашем банке имеет 75 тыс. руб. кредита»⁵⁵. Про Ю.С. Ачильдиева ревизор сообщал: «Небольшой виноградник, подаренный ему отцом стоимостью 15 тыс. руб., собственные сбережения приблизительно в таком же размере, вот все ресурсы. Собственного винограда было совсем недостаточно, пришлось по бешеным ценам докупать, закладывая банку только что выжатое сусло <...> Собственно говоря, у Ачильдиева почти ничего не было; даже необходимые для хранения выделанного вина бочки <...> пришлось купить для него нам же. 21 июля мы приобрели для Ачильдиева 200 дубовых бочек за 6.803 руб. 38 коп., причем в задаток было получено лишь 600 руб., т.е. меньше 10%. Не только средства на покупку бочек, пришлось в октябре дать деньги даже на перевозку заложенного вина из кишлака Ходжа Сака в город, так как и на это у Ачильдиева не хватало средств. В ноябре пришлось дать еще 5 тыс. руб. на расходы по переработке вина. Общая цена заложенного вина 50 тыс. руб. Но впредь нужно воздержаться от его финансирования»⁵⁶.

Скупщиками фруктов в Самарканде были такие фирмы, как торговые дома — «М.Ю. Розенберг с Сыновьями» (старая фирма, работавшая более 50 лет в Одессе, Самарканде, Баку, Астрахани) и «Г.И. Марьяновский и Сыновья». По отчету ревизора «в середине октября 1916 г. задолженность Торгового дома «М.Ю. Розенберг с Сыновьями» в Самарканде по товарным счетам выражалась в следующих цифрах: в Сибирском банке — 615 тыс. руб., Русско-Азиатском — 275 тыс. руб., Азовском — 150 тыс. руб., Соединенном банке — 12 тыс. руб. т.е. свыше 1 млн руб. К положительным сторонам фирмы надо отнести то обстоятельство, что она, насколько мы могли проследить, работает не на спекуляцию, товар покупает не для себя, а лишь на комиссионных началах, исполняя заказы своих многочисленных старых заказчиков»⁵⁷.

По поводу Марьяновского читаем: «В Самарканде имеет заведение для сушки плодов, которое он сам оценивает в 130 тыс. руб. <...> человек, несомненно, очень ловкий, деятельный, энергичный и, по-видимому, сведущий на своем деле, но, несомненно, спекулянт, любитель азарта. Также торгует разными товарами (рис, фрукты, проволока, холст, мешки, бумага, сахар и т.д.). Должен банку 339 тыс. руб. <...> Марьяновский покупал через нас же варенье по 13 руб. и пюре абрикосовое по 9–10 руб. за пуд, причем во все это дело вложил собственных около 3 тыс. руб. Эти товары оценены отделением в 257 тыс. руб. Марьяновский приобрел товар всецело за наш счет, огромная прибыль, которая все-таки, вероятно, будет, останется ему целиком, а нам <...> только риск, который в данном случае особенно велик. Если можно с некоторым сомнением отнестись к выдаче ссуд под сушеные фрукты, то еще более основательные сомнения возбуждает вопрос о выдаче ссуд под такие товары, как варенье и пюре»⁵⁸.

Банк финансировал таких средних и мелких торговцев, как Х. Багир Заде (продавец чая и фруктов), У. Ахмедов, К. Алимджанов, Р.Ш. Кермани. «Х. Багир Заде — коммерсант не из больших, — отмечал банкир. — В этом году, как и многие другие, увлекся спекуляцией фруктами, чем раньше совсем не занимался. К 16.11.1916 г. задолженность Багир Заде выражалась в сумме 34 тыс. руб. обеспеченных 3.200 пудов кураги и сабзы и 333 пудами брусничного листа. Фрукты отправлены в Баку, видимое дело на спекуляцию, так как ни один из документов, отправленных в июле-августе, еще не выкуплен»⁵⁹. По сообщению ревизора, К. Алимджанов торговал «фруктами за свой счет и на комиссионных началах в Ходженте; положение его дел известно здесь не так хорошо. В прошлом году дела его были совсем плохи: он протестовался, не платил и даже, покинув Ходжент, переселился в Москву, где занимался маклерством. В августе его товарный счет вновь начал функционировать. Задолженность Алимджанова доходила до весьма внушительной суммы 100 тыс. р., но затем понизился и к 16.11.1916 г. составляла 52 тыс. руб. Соло-векселей имеется на 30 тыс. руб. Проценты по счету взимаются с Алимджанова в размере лишь 8%, тогда как более солидные клиенты платят 9% и даже больше. Кроме нас Алимджанов работает в крупных размерах также и с двумя местными банками»⁶⁰.

Документы содержат информацию и о других торговцах: «Р.Ш. Кермани — человек совсем небольшой. Он состоит в каких-то отношениях, никому здесь неясных, с богатым китайским чаоторговцем И. Кин-Чонгом: не то у него доверенный, не то компаньон по Самаркандской рассыпке, которая, во всяком случае, числится на имя Кин-Чонга. Кин-Чонг живет в Китае, Кермани большей частью тоже там»⁶¹ <...> Ахмедов — человек маленький. Основная профессия — маклерство на кишмишном базаре; раньше работал, главным образом для Межеровского и Таратуты (крупная одесская фруктовая фирма). Занимается, однако, при нашей поддержке небольшими покупками и за свой счет; на счету, вероятно, числятся документы, принадлежащие разным клиентам Ахмедова из Троицка, Оренбурга и др. мест. Документы, в общем, выкупаются недурно. Кредит был открыт в сумме 21.205 руб., т.е. был допущен перебор в размере почти 80%. К 16 ноября 1916 г. задолженность сократилась до 63 тыс. руб.»⁶².

Важно отметить, что только 10% клиентов Самаркандского филиала Русско-Азиатского банка были не из Самарканда (например, из Джизака, Уратюбе, Ходжента и других городов Туркестанского генерал-губернаторства).

Расходы и прибыли банка

После ликвидации Самаркандской группы в 1910 г. текущие расходы Самаркандского филиала Русско-Азиатского банка значительно сократились, но в годы войны резко увеличились. Так, в 1910 г. они составили 158 108 руб.; в 1911 г. — 92 087; в 1912 г. — 84 823; в 1913 г. — 74 667; в 1914 г. — 70 170; в 1915 г. — 72 149; в 1916 г. — 98 тыс. руб.; проект сметы за 1917 г. — 104 тыс. руб.⁶³ Основными причинами роста расходов стали рост цен и инфляция, 60% приходилось на жалование служащих банка. Были мобилизованы на войну 15 сотрудников отделения (директор, три доверенных, бухгалтер, шесть служащих, артельщик и три сторожа). Содержание мобилизованных обходилось ежегодно в 31 тыс. руб.⁶⁴

Прибыли банка до начала войны росли нестабильно, в 1913 г. наблюдались убытки по основным его операциям. В 1914 г. банк закрыл операционный год с убытком, а в 1915 г. в результате спекуляции отыгрался и вышел на прибыль.

Таблица 3

Прибыли и убытки банка (руб.)

Год	Прибыль по счету процентов	Прибыль/убыток
1910	100 607,11	+10 976
1911	104 264,88	+44 616
1912	122 960,47	+5 083
1913	нет сведений	-36 904
1914	76 569,82	-92 842
1915	84 506,94	+39 233
10.10.1916	136 328,13	+147 206*

* Чистая прибыль отделения в 1916 г. составила 228 055 руб.

Рассчитано по: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 534. Л. 120 об.

В 1910–1916 гг. валовая прибыль банка составила 522 200 руб., чистая — 246 934 руб., списания и резервы — 405 012 руб., чистый убыток — 129 746 руб. За 6 $\frac{3}{4}$ лет Самаркандское отделение получило 117 188 руб. чистой прибыли, однако из этой суммы надлежало вычесть образованный в 1910 г. резерв (из средств правления) — 108 362 руб. В итоге банк имел только 8 826 руб. прибыли (в среднем по 1 308 руб. в год)⁶⁵. Как отмечал ревизор, «отделение заработало 522 200 руб., а списало и образовало резервы совместно с правлением

513 374 руб., соотношение цифр следующее: валовая прибыль 100%, списания 98,3%, иначе говоря, из каждого заработанного рубля нам не осталось даже 2 копеек»⁶⁶.

Резкий рост прибылей банка в 1916 г. объяснялся его сахарной спекуляцией на рынке, возвратом старых долгов клиентов, приливом вкладов⁶⁷. Будущее банка ревизоры в 1916 г. видели не очень радужным. По их мнению, он мог развиваться только в том случае, если Самаркандский регион станет промышленным⁶⁸.

Персонал банка

Самаркандскому отделению Русско-Азиатского банка (как и всем его среднеазиатским филиалам) не хватало профессиональных кадров. В начале Первой мировой войны большая часть его опытных служащих были мобилизованы. По сообщению ревизоров, в банке в основном работали «новички; из которых 20 человек до 1916 г. поступило на службу только 8 человек; среди служащих 8 дам»⁶⁹, при этом отмечалась сильная текучесть кадров. В течение 1916 г. на службу поступили 23, а остались 21 человек⁷⁰. С 1914 г. часто менялись и директора банка: ими последовательно были Н.Н. Ищенко, П.Е. Редько, Э.А. Гальян, Б.Р. Шенклер и С.С. Попов⁷¹.

Банковские служащие часто писали доносы и жалобы на свое руководство в правление — А.И. Путилову в Петербург. Например, в 1910 г. один из служащих Н. Ищенко просил правление о переводе в Восточное транспортное общество, отмечая при этом: «Продолжать службу совместно с г. Миляшкевичем я больше не в силах»⁷². Директор же Самаркандской группы Миляшкевич по этому поводу писал Путилову: «Н. Ищенко предпочел бы остаться в банке при окладе 9 тыс. руб. + наградные 1,5 тыс. руб. + готовой квартире на три года. Хотя в случае реорганизации группы считаю Н. Ищенко подходящим для Управления Самаркандским отделением»⁷³. В одном из писем директор, в свою очередь, просил «убрать из Туркестана» сотрудника Калиновского. Он «распускал и среди клиентов сведения о недобросовестности нашего Московского отделения при продаже хлопка, которое г. Калиновский позволил себе обвинить чуть ли не во взяточничестве»⁷⁴.

Заключение

Деятельность Самаркандского отделения Русско-Азиатского банка можно разделить на два этапа: в 1895–1910 гг. филиал считался руководителем и центром среднеазиатских отделений Русско-Азиатского банка, а в 1911–1917 гг. — одним из успешных (после Кокандского и Ташкентского) отделений в Среднеазиатском экономическом регионе России. Самаркандский филиал банка в основном финансировал мануфактуристов и чайные фирмы, а в годы Первой мировой войны — фруктовых скупщиков, осуществлял пассивные операции. Самаркандское отделение банка не смогло полностью наладить в городе и крае контроль и финансирование торговых операций, став лишь символом модерна в имперской периферии.

Примечания

- ¹ См.: *Аминов А.М.* Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент, 1959. С. 272; *Вексельман М.И.* Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1987. С. 35, 40–50, 62–67, 69–74, 82–83, 85–90, 93, 114–116, 119–120; *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997; *История Узбекской ССР* / под ред. М.Г. Вахабова, В.Я. Непомнина, Т.Н. Кары-Ниязова. Ташкент, 1956. Т. 1. Кн. 2. С. 207–208; *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 64; *Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969; *Китанина Т.М.* Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — начале XX в. (финансово-промышленная группа А.И. Путилова и железнодорожное строительство). СПб., 2018; *Махкамова Н.Р.* Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009. С. 26; *Погорельский И.В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л., 1968. С. 92; *Потанова Н.Ю.* История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент, 2011. С. 74–76, 91; *Садыков А.С.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972; *Юлдашев А.М.* Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ташкент, 1961; *Юлдашев А.М.* Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1970. С. 124–126, 208–217, 219–221; *Хотамов Н.Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990; *Яго К.* Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // *Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012* / под ред. Л.И. Бородкина, Ю.А. Петрова. М., 2012. С. 293–314; *Crisp. O.* The Russo-Chinese Bank: An Episode in Franco-Russian Relation // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 52. № 127. 1974. April. P. 197–212; *Honma M.* Banking in Central Asia and Mongolia since 1875. Cambridge, 2019; *Quested R.K.I.* The Russo-Chinese Bank a Multinational Financial Base of Tsarism in China. Birmingham, 1977.
- ² *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края ... С. 64.
- ³ *Садыков А.С.* Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. Ташкент, 1965. Вып. 296. С. 153.
- ⁴ *Махкамова Н.Р.* Социальная структура общества ... С. 26.
- ⁵ *Хотамов Н.Б.* Роль банковского капитала ... С. 4.
- ⁶ *Искандаров Б.И.* Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику до-революционного Таджикистана (вторая половина XIX в.). Душанбе, 1976. С. 115.
- ⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 1–2 об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Л. 9 об.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 302. Л. 21–23.
- ¹⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Д. 305. Л. 122.
- ¹⁶ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 533. Л. 234.
- ¹⁷ Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 302. Л. 1–3.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Д. 305. Л. 576–578.
- ²⁰ Там же. Д. 302. Л. 7.
- ²¹ Там же. Л. 8.
- ²² Там же. Л. 10–11.
- ²³ Там же. Л. 12–13.
- ²⁴ Там же. Л. 14–15.
- ²⁵ Там же. Л. 19–20.
- ²⁶ Там же. Л. 24.
- ²⁷ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 533. Л. 44–48.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 303. Л. 463.

- ³⁰ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 2 об.—4 об., 10 об.—11 об.
³¹ Там же. Л. 7 об.
³² Там же. Л. 94 об.
³³ Там же. Л. 8 об.
³⁴ Там же. Д. 534. Л. 17.
³⁵ Там же. Д. 537. Л. 12 об.—13 об.
³⁶ Там же. Д. 534. Л. 82 об.
³⁷ Там же. Л. 92.
³⁸ Там же. Д. 537. Л. 1—2 об.
³⁹ Там же. Л. 44—48.
⁴⁰ Там же. Л. 96 об.—97 об.
⁴¹ Там же. Д. 534. Л. 25.
⁴² Там же. Д. 537. Л. 96 об.—97 об.
⁴³ Там же. Д. 536. Л. 17—18.
⁴⁴ Там же. Л. 64.
⁴⁵ Там же. Л. 65.
⁴⁶ Там же. Л. 95.
⁴⁷ Там же. Д. 537. Л. 19 об.—21.
⁴⁸ Там же. Л. 57 об.—59 об.
⁴⁹ Там же. Л. 90 об.—91 об.
⁵⁰ «К 09.09.1916 г. Исахаровым было открыто аккредитивов всего на 107 тыс. р., из которых только 1, на 8,5 тыс. р. не был к 01.11.1916 г. еще ликвидирован» (Там же. Л. 75 об.—77 об.).
⁵¹ «Мы позволили себе открыть г. Фузайловым дополнительный кредит до 50 тыс. р. на время хлопкового сезона в виду безусловной прочности предприятия и солидности клиента; кроме того Фузайловы обещались сдавать нам весь свой хлопок на комиссионную продажу» (Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 305. Л. 495).
⁵² Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 23 об.—24 об., 27 об.—28 об.
⁵³ Там же. Л. 89 об.
⁵⁴ Там же. Ф. 632. Оп. 1. Д. 303. Л. 201.
⁵⁵ Там же. Ф. 630. Оп. 1. Д. 537. Л. 36 об.
⁵⁶ Там же. Л. 39 об.—42 об.
⁵⁷ Там же. Л. 69 об.—72 об.
⁵⁸ Там же. Л. 63 об.—66 об.
⁵⁹ Там же. Л. 83 об.
⁶⁰ Там же. Л. 81 об.
⁶¹ Там же. Л. 91 об.—92 об.
⁶² Там же. Л. 80 об.—81 об.
⁶³ Там же. Л. 97 об.—98 об.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Там же. Л. 104 об.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Там же. Л. 104 об.—105 об.
⁶⁸ Там же. Л. 114 об.—115 об.
⁶⁹ Там же. Л. 155 об.—160 об.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ Там же. Л. 13 об.—14 об.
⁷² Там же. Д. 533. Л. 115—116.
⁷³ Там же. Л. 150.
⁷⁴ Там же. Л. 235—235 об.

Библиография

- Crisp. O.* The Russo-Chinese Bank: An Episode in Franco-Russian Relation // The Slavonic and East European Review. Vol. 52. №. 127. 1974. April. P. 197–212.
- Honma M.* Banking in Central Asia and Mongolia since 1875. Cambridge: Central Asia Forum Series, 2019. 268 p.
- Quested R.K.I.* The Russo-Chinese Bank a Multinational Financial Base of Tsarism in China. Birmingham: Slavonic monographs, 1977. 225 p.
- Аминов А.М.* Экономическое развитие Средней Азии (Колониальный период). Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. 298 с.
- Вексельман М.И.* Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент: Фан, 1987. 145 с.
- Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М.: Наука, 1997. 622 с.
- Искандаров Б.И.* Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.). Душанбе: Дониш, 1976. 143 с.
- История Узбекской ССР / под ред. М.Г. Вахабова, В.Я. Непомнина, Т.Н. Кары-Ниязова. Ташкент, 1956. Т. 1. Кн. 2. 497 с.
- Кастельская Э.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М.: Наука, 1980. 123 с.
- Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л.: Наука, 1969. 179 с.
- Китанина Т.М.* Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — начале XX в. (финансово-промышленная группа А.И. Путилова и железнодорожное строительство). СПб.: Гуманитарная акад., 2018. 222 с.
- Лаврентьев В.А.* Капитализм в Туркестане. М.: Коммун. академия, 1930. 160 с.
- Махкамова Н.Р.* Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент: Aloqachi, 2009. 323 с.
- Погорельский И.В.* Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1968. 148 с.
- Потапова Н.Ю.* История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент: УМЭД, 2011. 152 с.
- Садыков А.С.* Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. Ташкент: Изд-во «Наука» УзССР; ТашГУ, 1965. Вып. 296. 183 с.
- Садыков А.С.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент: Фан, 1972. 209 с.
- Юлдашев А.М.* Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент: Узбекистан, 1970. 256 с.
- Хотамов Н.Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе: Дониш, 1990. 319 с.
- Яго К.* Русско-Китайский банк в 1896–1910 гг.: международный финансовый посредник в России и Азии // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012 / под ред. Л.И. Бородкина, Ю.А. Петрова. М., 2012. С. 293–314.

Николаев М.Г.*

Банкир волею Партии: страницы биографии А.П. Спундэ (1892–1962)

Аннотация: В статье воссозданы основные вехи биографии А.П. Спундэ (1892–1962) — советского общественно-политического и государственного деятеля, который после Октября 1917 г. до конца 1928 г. (с перерывами) занимал высокие посты в системе Государственного банка, а в марте-июне 1918 г. возглавлял главный банк страны. Автор использовал личный фонд А.П. Спундэ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, но до сегодняшнего дня остававшийся невостребованным специалистами, изучающими банковскую историю эпохи нэпа. Материалы фонда, в частности, проливают свет на такой малоизвестный сюжет, как конфликты в высшем банковском руководстве в 1927–1928 гг.

Ключевые слова: Госбанк РСФСР/СССР, ГА РФ, А.П. Спундэ, А.Л. Шейнман, С.В. Косиор, Г.К. Орджоникидзе.

2 февраля 1939 г. состоялась премьера созданного в 1938 г. режиссерами Г.М. Козинцевым и Л.З. Траубергом кинофильма «Выборгская сторона» (последнего из трилогии «Юность Максима»). В него вошли и несколько эпизодов, хорошо запомнившихся многим поколениям советских зрителей, прежде всего финансистов, всегда ощущавших дефицит внимания отечественного кинематографа к своей негероической профессии. Не случайно еще до выхода фильма на экраны отрывок из литературного сценария Козинцева и Трауберга «Максим в Государственном банке» был опубликован в журнале Госбанка СССР «Деньги и кредит»¹.

Назначенный новой властью комиссар-управляющий Государственным банком предстал на экране в образе рабочего-большевика, руководителя красногвардейского отряда, который вместе с солдатом — выходцем из деревенских низов (выбор героев призван олицетворить союз пролетариата с беднейшим крестьянством) отправился в «цитадель капитала» для того, чтобы наладить работу важнейшего органа управления экономикой страны.

Это кадровое назначение, произведенное в фильме Я.М. Свердловым, явно противоречило историческим фактам. За 20 послереволюционных лет еще не истерлись из памяти современников те реальные персонажи, которые занимали комиссарские посты в Государственном банке в первые дни и месяцы после победы вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г.: С.С. Пестковский, В.В. Оболенский, Г.Л. Пятаков, А.П. Спундэ. Понятно, по какой причине их место занял рабочий Максим: из всех вышеперечисленных только Александр Петрович Спундэ не значился ко дню выхода кинофильма на экраны в списках «врагов народа», но и о нем к тому времени предпочитали не вспоминать.

Это забвение начало развеиваться только в послесталинский период. Однако процесс оказался незавершенным. Интерес к фигуре Спундэ, проявившийся сначала в 1960-х гг., а затем в эпоху перестройки, быстро угас в изменившихся условиях новой России.

* Николаев Михаил Георгиевич — Департамент по связям с общественностью Банка России, nmg@cbr.ru.

Спундэ упоминается в различных энциклопедиях и справочниках последних десятилетий², но специально посвященных ему работ, немного. В 1966 г. очерк о нем был представлен в книге, рассказывающей о революционерах Прикамья³. В 1979 г. журнал «Даугава» опубликовал еще один небольшой очерк. Журналист латвийского издания, использовавший более раннюю публикацию, коснулся главным образом событий революционной эпохи. Задав вдове Спундэ — Кравченко Александре (Анне) Григорьевне⁴ — вопрос о том, как сложилась его судьба после 1919 г., журналист вложил в ее уста ответ, характерный для брежневской эпохи. Так, после перечисления занимаемых им в 1920-х гг. должностей, она, якобы, подытожила: «У него нелегко сложилась жизнь <...> Его не стало в 1962 году»⁵. Эта формула позволяла читателю понять, что герой очерка в период массовых репрессий избежал расстрела и не умер в заключении.

В 1990 г. журналист И.Б. Брайнин издал переписку А.Г. Кравченко и А.П. Спундэ, снабдив ее комментариями и послесловием историко-биографического характера⁶. Вышедшая уже в новую, горбачевскую эпоху книга претендовала на то, чтобы предоставить читателю «сырой», «необработанный», следовательно, не искаженный интерпретациями материал, важный для понимания революционной эпохи. Личность Спундэ представлялась публикатору достойной внимания пусть не в силу выдающейся, но все же весьма активной его роли в революционных событиях, а также несомненной «честности и принципиальности»⁷. Подразумевалось, что автор писем вполне мог быть причислен к категории незаслуженно забытых деятелей революции, пострадавших в сталинскую эпоху. Фрагменты революционной биографии Александра Петровича известны по его опубликованным воспоминаниям. Однако при жизни автора вышло лишь одно из них⁸.

Полные биографические сведения (в том числе позволяющие существенно дополнить то, на что не обратил внимания Брайнин) представлены в хранящемся в ГА РФ личном фонде Спундэ⁹. Кроме обширной (и частично опубликованной) переписки здесь находятся черновики его деловых писем, несколько вариантов незаконченных воспоминаний¹⁰. До сегодняшнего дня специалисты по банковской истории не обращались ни к соответствующим архивным документам, ни к напечатанным в начале 1970-х гг. в региональной прессе отрывкам из воспоминаний Спундэ о его работе в Государственном банке в первые месяцы советской власти¹¹.

В биографии Александра Петровича насчитываются пять связанных с историей Госбанка эпизодов. Первый комиссарский опыт Спундэ получил на Урале, в Екатеринбургской конторе Государственного банка, а 2 января 1918 г. его назначили комиссаром главного банка страны (на правах товарища управляющего) в столичном Петрограде. В марте—июне в связи с отъездом главного комиссара Народного (Государственного) банка Пятакова на Украину его обязанности исполнял Спундэ. В свой следующий приход в этот банк (июнь 1922 г. — 1923 г.) он получил пост управляющего его Всеукраинской конторой, а с 20 мая 1926 г. до конца октября 1928 г. фактически являлся заместителем председателя Правления Госбанка СССР. Перед войной (1939) Спундэ успел поработать в системе Госбанка СССР уже на весьма скромной, несопоставимой с прошлыми постами должности — кассира Коминтерновского отделения Московской городской конторы.

Не ставя в данной публикации задачу полномасштабной реконструкции жизненного пути Спундэ, остановимся более подробно на тех неизвестных эпизодах его биографии, которые относятся к банковской теме, а также на сюжетах, позволяющих лучше представить особенности личности нашего героя.

Родился Александр Петрович в г. Цесис Лифляндской губернии в семье столяра. Его отец воспитывался круглым сиротой, в молодости батрачил. Мать занималась домашним хозяйством¹². Семья обладала весьма скромным достатком, очевидно, поэтому не могла позволить себе многого. Например, за почти шестилетнее обучение в Торговой школе семья должна была заплатить 32 руб., а в реальном училище — 50 руб. Разница составляла полумесячный заработок отца¹³. Очевидно, это обстоятельство позволяло определить на учебу в реальное училище только старшего сына. «Мы с Володей, — вспоминал Александр, — еще совсем детьми (11–13 лет) в совершенстве знали, как закладывать вещи в городском ломбарде, как отсрочить полученную под наши пожитки ссуду в несколько рублей, как выкупить вещи, когда все возможные по правилам отсрочки уже использованы и, тут же, или через несколько дней заложить ее вновь»¹⁴.

Способный мальчик, который с детства оказался восприимчивым к религии, рос весьма чувствительным. Так, на приемных экзаменах в Торговую школу он не расслышал слова диктанта, закрыл лицо ладонями и расплакался. Мать добилась переписки диктанта, и Сашу приняли на одно из двух вакантных мест (при 42 претендентах). Учился он на одни пятерки¹⁵. О своей природной застенчивости, не преодоленной и в зрелом возрасте, Спундэ неоднократно упоминал в мемуарах¹⁶.

История сохранила и сведения о первых заработанных деньгах будущего главы Государственного банка. Однажды, когда они с братом, выполняя свои домашние обязанности, принесли работавшему на строительстве дома отцу обед, подрядчик предложил им прибавить дранку под штукатурку. Мальчики не решились даже спросить про цену. После недельной работы по 12 часов в сутки младшему семилетнему Александру заплатили 35, а старшему (два года разницы) Владимиру — 50 коп.¹⁷ Позднее, в годы учебы в Торговой школе Спундэ не пренебрегал возможностью помочь родителям, давая уроки отстающим ученикам, что добавляло в семейный бюджет 10–15, а иногда и 20 руб. в месяц¹⁸.

Эпизод, связанный с другим заработком Александра и пережитым им унижением, оставили неизгладимый след в его памяти. Отличавшаяся энергичностью мать приложила все усилия, чтобы ее обладавшего хорошим музыкальным слухом и неплохим голосом сына зачислили певчим в хор при Рижском кафедральном соборе. Добившись аудиенции у протоиерея и изложив ему свою просьбу, она дала Александру знак поцеловать у священника руку в знак благодарности. «Это было первое в моей жизни серьезное унижение, — писал Спундэ. — Я запомнил его на всю жизнь. Пережитая в связи с этим боль была весомой составной частью в формировании моего характера и мировоззрения»¹⁹.

Как бы то ни было, но пение в архиерейском хоре (включая приглашения на венчания и похороны) давало певчому несколько десятков рублей в год²⁰. Вокальные способности юноши дали ему возможность поступить в Рижское училище Императорского музыкального общества, но вскоре он предпочел продолжить учебу на общеобразовательных курсах.

Еще в детстве Александра родители пытались развить его музыкальные способности. Мать упростила соседскую девушку, игравшую на танцевальных вечерах, обучить сына игре на рояле. Однако занятия требовали регулярности, настаивание на их продолжении давало повод для упреков в назойливости, и визиты были оставлены. К балалайке же, осваивать которую приходилось при помощи самоучителя, по словам Спундэ, «душа не присохла»²¹. Видимо, примитивными навыками игры на рояле он все-таки овладел, т.к. в своих поздних письмах (1920-е гг.) упоминал о том, как усаживался за инструмент и наигрывал мелодии латышских народных песен²².

О революционной деятельности Спундэ до его осуждения (24 января 1913 г.) известно достаточно, за исключением некоторых любопытных деталей. Например, в 1912 г. он, еще находившийся под арестом, получил оплеуху от надзирателя и объявил голодовку. Прекратил ее только после вызова к тюремному начальству и заверения, что впредь таких недоразумений не будет²³.

Любопытен его опыт работы на оптическом заводе Герца по выходу до суда под залог. Имея с детства привычку — откровенно бездельничать или работать изо всех сил без отдыха, он «нечаянно чуть не подвел рабочий коллектив». «Поставили меня к станку точить металлические оправы для каких-то приборов, — вспоминал Спундэ. — <...> И вот я заточивал этих оправ столько, что у соседних рабочих поднялась тревога, как бы не снизили сдельные расценки. Под давлением рабочих мастер перебрал меня в кузницу, подавать заготовки кузнецу. Здесь я и без того физически не очень сильный человек, да к тому же еще и ослабленный тюрьмой, перевыполнять норму уже не смог»²⁴. Расширил ли этот опыт его представления о феномене «пролетарской солидарности» — вопрос риторический.

Склонность к рефлексии и отсутствие достаточной твердости характера у Спундэ скрывались за внешней суровостью (что найдет проявление и в послеоктябрьский период). В этой связи обратим внимание на сообщаемый мемуаристом интересный эпизод, связанный с пребыванием в тюремном заключении. В камере, где помимо Спундэ находились еще двое молодых людей, неформальным лидером стал боевик. Он увлекательно рассказывал о бельгийских увеселительных заведениях и открыто заявлял о допустимости частично тратить экспроприруемые деньги на себя, что, по его мнению, являлось своеобразной компенсацией за риск. Противопоставить этой «гнилой» философии правильную, «здоровую» и отстоять свою точку зрения в спорах с оппонентом, очевидно, Спундэ не сумел, подведя печальные итоги борьбе за идейное лидерство: «Мне оставалось одно — замолчать»²⁵.

Участие с 1909 г. в революционном движении в составе Латышской социал-демократической рабочей партии закончилось для Александра ссылкой в Сибирь, куда его отправили 31 марта 1913 г. В Енисейской губернии ссыльный сменил несколько мест проживания. Сначала это было с. Ачинское, в 80 км от железной дороги, потом Минусинск. В начале Первой мировой войны Спундэ по распоряжению генерал-губернатора отправили в с. Бея и только в марте 1915 г. ему удалось перевестись в г. Енисейск. В Бее он успел поработать в местном кредитном товариществе — учреждении мелкого кредита. Осенью 1915 г., лишившись приработка и страдая от недоедания, Спундэ вернулся в Минусинск, где нашел работу счетовода в Минусинской конторе Русско-Азиатского банка²⁶.

Полученные в Торговой школе знания и приобретенные в период службы в вышеназванных кредитных учреждениях навыки стали базой, с которой он вступил в 1917 г., вознесшей его на высокие посты в финансовом ведомстве. Конечно, эта база выглядела более солидной по сравнению с опытом заведования больничной кассой в Сормове у кинематографического Максима.

В октябрьские дни Спундэ находился в Петрограде в качестве делегата II съезда Советов²⁷. Затем он уехал туда, откуда был делегирован, — в Екатеринбург. Большинство в местном Совете давно принадлежало большевикам, и смена власти произошла в городе безболезненно. Спундэ был направлен комиссаром в местную контору Государственного банка. Организация повседневной работы не вызвала у него больших трудностей: «Главный вопрос, который встал передо мною еще до того, как я открыл тяжелые двери банка, заключался в том, каким образом, опираясь на банковскую сеть, начать регулировать экономику, подготавливая переход к управлению ею»²⁸.

Характерен и круг чтения нового управляющего («Капитал» К. Маркса как ранее усвоенная теоретическая база и немецкая литература по финансовым вопросам, включая «Финансовый капитал» Р. Гильфердинга). Мемуарист признал, что штудирование марксистской экономической классики мало способствовало пониманию того, как решить практические задачи. Необходимо было «не обеспечить сохранность и доходность банковских капиталов», а найти способ, «как, опираясь на эти капиталы, направить промышленность по новому пути».

Рассказывая о саботаже банковских чиновников, Александр Петрович делился интересным наблюдением: конфискации крупных состояний и полное прекращение земельных денежных операций встретили если не сочувствие, то понимание со стороны многих старых служащих. Но «когда большевики стали, по их мнению, губить государственные деньги на “разрушение” и без того слабой русской промышленности, тут многие из них пытались встать нам поперек дороги»²⁹. Вскоре, однако, как и повсеместно, новые власти столкнулись с нехваткой денежной наличности. Мнения разделились: тратить ли без сожаления имеющийся золотой запас, как считали те, кто жил ожиданием близкой помощи от международного пролетариата, или беречь каждую золотую копейку, отказываясь от выполнения важных мероприятий? Спундэ, вызывая упреки в осторожности, стоял ближе ко второй точке зрения, полагая необходимым прежде чем решиться на траты, сначала четко определить, в чем состояли первоочередные нужды, требовавшие удовлетворения.

По его словам, он так и не успел «как следует» войти в банковскую работу, когда пришлось выехать в Петроград в качестве депутата Учредительного собрания от Вятской губернии.

Но уже 2 января 1918 г. он стал второй фигурой в бывшем Государственном банке, приняв пост товарища главного комиссара. Решение об этом назначении было принято во время разговора В.И. Ленина с Н.Н. Крестинским — одним из руководителей уральских большевиков, а с конца декабря 1917 г. — членом Коллегии Наркомфина (НКФ). Руководящая работа в банке, где сложилась напряженная обстановка в силу неприятия его служащими новой власти, мало кого могла прельстить. Первый руководитель банка из числа большевиков С.С. Пестковский вспоминал, как он, приехав в Смольный в «поиске работы», случайно

набрел на отдыхающего на диване В.Р. Менжинского. В завязавшейся с ним беседе, отвечая на расспросы, Пестковский имел неосторожность обмолвиться, что изучал курс финансовой науки в Лондоне, после чего был тут же назначен без «испрашивания согласия» главным комиссаром Государственного банка. Попытка нового назначенца, пораженного таким оборотом событий, аннулировать постановление, успеха не имела. Визит в банк протекал под пристальным и недоброжелательным взглядом толпы банковских служащих. «Этот первый дебют так обескуражил меня, — вспоминал Пестковский, — что я опять стал налегать на Менжинского, прося освободить меня от непосильного бремени. Два дня спустя Менжинский уступил: вместо меня управляющим банком был назначен т. В.В. Осинский»³⁰.

Вместе с В.М. Смирновым Осинский прибыл в Петроград совсем с другой целью — организовать «высшее экономическое совещание» (впоследствии ВСНХ), но затем их «перебросили» в Государственный банк. Ведя борьбу за получение из его кладовых денежных средств для Совнаркома (СНК) РСФСР, назначенцы позже «подтянули новые силы и прежде всего привлекли в свою “боевую группу” только что приехавшего из Киева т. Пятакова», который и был немедленно назначен товарищем управляющего банком³¹.

Подобные экспромты в деле кадровых назначений предпринимались в тот период достаточно часто. Так, Г. Соломон вспоминал, как приехав после Октября 1917 г. в Петроград из Швеции, он в беседе с Менжинским также неожиданно получил приглашение занять пост главы Государственного банка в силу имевшегося опыта работы в одном из банковских учреждений. «Среди нас были люди, знакомые с банковым вопросом по книгам и учебникам, — вспоминал Осинский, — были специалисты по теории банков (Пятаков), оказались позже прежние служащие частных банков (т. Соловей), но не было ни одного человека, знакомого с банковской техникой в целом и, в частности, с техникой российского государственного банка»³².

В полной мере это относилось и к Спундэ, который сразу же после своего назначения переехал из роскошного номера гостиницы «Астория» в здание банка на Садовой улице, где поселился в приемной бывшего управляющего, поставив там железную койку с солдатским одеялом и подушкой. Питался он в совнаркомовской столовой в Смольном. Работать пришлось в условиях саботажа. Очевидно, впечатлений хватило надолго. Уже покинув банк, 9 октября 1918 г. из Москвы он писал супруге по поводу наметившегося перелома в отношении советской власти к интеллигенции (дискутируя в партийной прессе, Л. Соновский и К. Радек высказывались в пользу необходимости пойти навстречу беспартийной интеллигенции и дать ей представительство в Советах): «Я продолжаю быть скептиком, думаю, что все эти надежды напрасны. Тащить эту публику в Советы мне кажется излишним <...> Возможно, что я перегибаю палку, подталкиваемый горечью при воспоминании о саботаже и еще более — несколько презрительным отношением к этим людям»³³.

Как самую тяжелую обязанность вспоминал он необходимость выслушивать просьбы граждан о получении с личных счетов добавочных сумм сверх ограничительной нормы. В своих решениях Спундэ руководствовался исключительно впечатлениями, полученными в ходе беседы с просителями. «Как всегда, — замечал он по этому поводу, — особенно сильно нуждались субъективно наиболее

честные люди, не способные пойти по пути спекуляции, не припрятавшие «кое-чего» на «черный день»»³⁴.

Одним из главных направлений работы в период, когда еще банком управлял Пятаков, стали организация учета и национализация хранившихся в частных банках крупных личных состояний, ревизия банковских сейфовских ячеек. «Многие личные средства, — вспоминал Спундэ, — хранились в банках не только в форме вкладов, но и в особых стальных ящиках, вделанных в бетонные стены банковских подвалов. Вкладчики арендовали такие ящики за большие суммы и хранили там драгоценности и документы без какого-либо контроля со стороны банка. Таким образом, от налогов и контроля, по сути дела, открыто прятались огромные средства. В Петрограде было свыше 30 тыс. таких сейфов. Ключи от них хранились и в банке, и у владельцев, но вскрывать их можно было только в присутствии банковских работников.

Постановление о ревизии этих сейфов было опубликовано в газетах, были указаны дни и часы ревизии. Одну любопытную деталь нам подсказали немногие низовые работники банков, оставшиеся с нами. Личные сейфы во всех банках имели номера, причем, как правило, первые номера имели очень старые вкладчики, а последние — люди, нажившие состояния на только что закончившейся войне³⁵. Мы начали ревизию этих сейфов с последних номеров и обнаружили, что многие их владельцы покидают Петроград, как только узнают о предстоящей ревизии. В сейфах мы находили огромные суммы в иностранной валюте, в виде золотого песка и т.д. В тех случаях, когда владельцы не являлись, а банковские служащие отказывались выдать нам ключи, сейфы вскрывали рабочие Петроградских заводов»³⁶.

Вспомнил он и историю, связанную, по его мнению, с попыткой подкупа. Стараясь сохранить на службе старых опытных работников, Спундэ пытался наладить с ними не только хорошие деловые, но и личные отношения. Однажды двое служащих, зная об увлечении комиссара музыкой, пригласили его в отдельную ложу Мариинского театра. Довольно быстро выяснилось, что помимо культурной составляющей в программу вечера входила и «деловая часть». Служащие попросили дать разрешение на получение довольно большой суммы золота из сейфов, заблокированных декретом Совнаркома. Формально все должно было носить характер какой-то совершенно необходимой помощи одному из тогда еще действовавших частных банков, связанных с границей. Возмущившийся Спундэ, как он пишет, «пулей вылетел из ложи» и ушел из театра.

В период исполнения своей комиссарской должности занятый проблемой национализации частных банков Спундэ задумывался и над дальнейшими мерами: как сделать банки не только аппаратом общественного счетоводства, но и экономическим измерительным инструментом? По его мнению, широкая гласность всех банковских операций, периодическая отчетность посредством выпуска специальных печатных бюллетеней должны были послужить средством общественного контроля за главным направлением проводимых экономических мероприятий³⁷.

Эта позиция нашла отражение в «тезисах банковской политики» председателя СНК Ленина. Они были написаны в апреле 1918 г. по результатам совещания с участием нескольких финансовых работников. В ходе голосования по вопросу о превращении банков в «единый аппарат счетоводства и регулирования со-

циалистически организованной хозяйственной жизни всей страны в целом» Спундэ и Ленин высказались «за», Я.С. Ганецкий — «против», И.Э. Гуковский «воздержался»³⁸. О последнем Спундэ был весьма нелестного мнения. Он пытался убедить Ленина отменить уже состоявшееся в марте 1918 г. назначение Гуковского на пост наркома по делам финансов³⁹.

Упомянув обо всех этих теоретических спорах касательно новой «послеоктябрьской» роли Государственного банка и представления о ней председателя СНК, Н.В. Валентинов позже, уже применительно к возрожденной в годы нэпа банковской системе, указывал, что она не имела ничего общего с фантастической теорией о «Едином банке-Левиафане, изобретенном в революционном хмелю». «Эту надуманную идейку, — подытоживал автор, — жизнь раздавила. — Выступая 19 октября 1921 года на московской губернской партийной конференции, Ленин обмолвился следующей фразой: “О Государственном банке у нас в конце 1917 г. было написано весьма достаточно вещей, оказавшихся <...> только исписанной бумагой”»⁴⁰. Очевидно, это позднее ленинское признание можно распространить и на период весны 1918 г.

1 марта 1918 г., после отъезда главы Госбанка Пятакова на Украину, Спундэ уже исполнял обязанности главного комиссара⁴¹. Примыкая к «левым коммунистам», 24 февраля 1918 г. в знак протеста против заключения Брестского мира Спундэ подписал коллективное заявление об уходе с ответственных партийных и советских постов, но все же продолжал работать.

Однако спустя несколько месяцев, 12 июня 1918 г. на заседании правительства Ленин написал записку, в которой известил секретаря СНК Н.П. Горбунова: «Сейчас звонил из Петрограда Крестинский: Спундэ уходит. Пятаков будет сегодня Вам звонить по просьбе Крестинского. Николай Николаевич просит Вас, до окончательного решения по банкам, назначить Пятакову свидание и постараться снова пустить его в банковское дело»⁴².

Тогда же, в июне, Спундэ поехал в станицу Урюпинская, где встретился с братом своей жены, ожидавшей рождения ребенка в доме матери. После возвращения в Москву отправился на Урал. В июле он оказался в Перми, куда переехали из захваченного белыми войсками Екатеринбурга партийные и советские организации. Там его назначили областным комиссаром земледелия, но этой должности, по собственному признанию, он почти не исполнял⁴³.

15 октября 1918 г. Спундэ в составе специальной дипломатической миссии выехал за границу для подписания соглашения между РСФСР и Австро-Венгрией (дополнение к Брест-Литовскому мирному договору). К этому периоду относится описание, сделанное женой Е.А. Преображенского, секретарем делегации Полиной Виноградской: «Высокий, худющий, обросший рыжей щетиной <...> Александр Петрович Спундэ порою даже немного отпугивал людей, особенно своим остропронизывающим взглядом из-под насупленных бровей <...> Отрешенный от житейских забот, Спундэ не удосужился даже перед отъездом запастись ордером на более или менее приличную одежду — это полагалось уезжающим за границу. Он <...> раздобыл где-то невероятной длины старое драповое пальто, доходящее до пят даже ему, а на голову надел потертую черную фетровую шляпу с высокой тульей <...> Несмотря на свою суровость, он был очень мягким и душевным человеком»⁴⁴. Интерес к финансовым вопросам,

очевидно, еще у него не пропал, так как с дороги он посылает жене из Орши образец немецких денег, выпущенных для оккупированных территорий⁴⁵.

По возвращении Спундэ выехал на Украину по партийной мобилизации, а 9 декабря уже писал из Курска, где находились руководившие революционной работой на занятой немцами территории большевистские лидеры. Интересно, что мобилизован он был по списку Наркомата финансов⁴⁶.

С мая 1919 г. Спундэ — заместитель заведующего финансово-экономическим отделом ВСНХ, находился под началом Ф.Ф. Сыромолотова⁴⁷. «Помаленьку втягиваюсь в работу, которая обещает быть интересной, — писал Спундэ жене 20 мая 1919 г. — Третьего дня написал свои тезисы о преобразовании банка в общественное счетоводство. Они переданы профессору Рудановскому (это очень крупная величина в этой отрасли науки) и на следующем заседании коллегии нашего отдела будут рассматриваться»⁴⁸. Успел Спундэ побывать и на Южном фронте, а затем переместился в сторону Сибири, куда его уговорил ехать В.М. Косарев⁴⁹.

Успехи Красной армии на Восточном фронте и отход войск Колчака в глубь Сибири повлекли за собой необходимость направления для работы на освобожденных территориях проверенных кадров. С августа 1919 г. по апрель 1920 г. Александр Петрович перемещался вслед за наступающими частями РККА от Челябинска до Енисейска, занимая высшие посты в губернских и областных партийных органах. Затем последовали его возвращение в Европейскую Россию и работа на посту председателя Вятского губисполкома и члена бюро губкома РКП(б) (с июня 1921 г.).

Для понимания отношения Спундэ к происходившим в стране процессам важны два эпизода, случившиеся до получения назначения в банк. Первый связан с его позицией в отношении изъятия церковных ценностей в период кампании по борьбе с голодом. Переполненный впечатлениями от разговора с местным епископом, показавшимся ему слишком скардным, он как председатель Вятского губисполкома решил осуществить постановление ВЦИК «так расширительно, как нигде». При этом Спундэ был готов нести всю полноту ответственности за перегибы. «Все же мне легче перед совестью ободрать, как липку, церкви, чем дальше собирать с кровью продналог», — делится он своими мыслями с женой 12 марта 1922 г.⁵⁰

Вспоминал он и о визите летом 1921 г. в Вятскую губернию главы ВЦИК М.И. Калинина, прибывшего в составе специального агитпоезда. По приезду Калинин в своем вагоне собрал представителей местного руководящего актива, сообщивших о положении в губернии. После окончания совещания коллеги отозвали Спундэ в сторону и рассказали, что в губпродком поступило требование отпустить сопровождавшим Калинина работникам продукты в размерах, существенно превосходивших нормы для высшей категории рабочих. Тот, недолго думая, заявил резкий протест, обратив внимание на то, что подобные требования особенно недопустимы в условиях, когда примерно половина губернии включена решением ВЦИК в категорию голодающих районов. Около часа, как вспоминал Александр Петрович, шло страстное обсуждение.

Когда перепалка закончилась, пришедшие узнали, что ее результатом стало отданное Калининым распоряжение отменить остановку поезда в Вятке и выехать в Екатеринбург⁵¹. В этом эпизоде присущий Спундэ аскетизм столкнулся с за-

рождавшейся тенденцией — подмены норм, основанных на идеях революционного равенства и самоограничения, системой номенклатурных благ и привилегий.

Позже, осмысливая события тех лет, он писал: «Суровые спартанские нормы для управляющего слоя оправданы полностью. Они были органической составной частью того энтузиазма, без которого не могли бы увлечь массы и победить в совершенно разоренной голодной стране и внутреннюю, и сильную иностранную контрреволюцию. Но та степень недоедания, на которую мы себя обрекали, была производной от нашей общей ошибки военного коммунизма <...> Эту ошибку партия проделала во главе с Лениным. Но все мы полностью разделяли ответственность за нее. Про себя, например, могу сказать, что и в самый момент перехода к военному коммунизму летом 1918 года и все годы Гражданской войны у меня иногда (здесь и далее подчеркнуто А.П. Спундэ. — *М.Н.*) <...> появлялось смутное ощущение, что в наших экономических отношениях с крестьянством что-то не совсем ладно. Но ни разу это смутное ощущение не оформилось в сознательном продуманном критическом отношении к политике военного коммунизма. Эту политику я где мог и как мог, и умел проводил в жизнь по глубокому убеждению. Теперь ясно, что если бы хотя бы к началу 1919 года, когда уже сложился более или менее сносный аппарат управления, перешли бы к продовольственным налогам вместо разверстки и запрещения всякой негосударственной торговли хлебом, Антоновщина — в Тамбовской губернии, Махновщина — на Украине и другие антисоветские выступления в деревне не имели бы и половины той силы, которую они получили. Гражданская война кончилась бы намного скорее, с гораздо меньшим разорением, воздействие нашей революции на международную было бы намного больше, ибо меньше было колебаний крестьянства в других странах»⁵².

Из Вятки Спундэ вновь направили на банковскую работу — в должности управляющего Всеукраинской конторой Госбанка (июнь 1922 г. — 1923 г.). За месяц до нового назначения он узнал, что в ЦК рассматривали его кандидатуру для переброски на особо важный участок работы — в финансовую сферу (разрабатывались проекты денежной реформы). От председателя Сибревкома М.М. Лашевича, возвращавшегося к месту работы из Москвы с Пленума ЦК проездом через Вятку, Спундэ узнал, что его хотят ввести в Коллегию Наркомфина. Но затем было принято другое решение. Как «верный солдат партии» Александр Петрович принял назначение, хотя к этому роду деятельности не испытывал большой симпатии. «Работа в банке меня мало удовлетворяет, — писал он жене из Харькова 5 июня 1922 г. — Правда, есть надежда, что удастся втянуться в партийную работу. Мне сказали, что может быть, мне дадут работу в агитпропотделе ЦК КПУ, заведующим или членом коллегии по совместительству с банком»⁵³ (предпочтения автора очевидны).

Осенью 1922 г. Госбанк РСФСР стал эмиссионным центром, в обращение были выпущены банковские билеты — «червонцы» (началась денежная реформа). «Со времени эмиссии мы начинаем новую эру, — заявил в своем выступлении на Всероссийском съезде управляющих местными учреждениями Государственного банка в декабре 1922 г. член Правления Н.Н. Кутлер. — Госбанк, сейчас, является совершенно другим учреждением, чем он был до настоящего времени»⁵⁴. Принимавший участие в работе съезда Спундэ проявил большую активность и был выделен руководством. «Основной пункт, поднятый всеми управляющими

отделений, за исключением, кажется, Спунде, — отметил А.Л. Шейнман, — был воплем: “давай деньги”»⁵⁵.

Александр Петрович брал слово в ходе работы съезда после докладов Кутлера (об эмиссионной и кредитной политике), З.С. Каценеленбаума (об экспортно-импортных операциях), М.А. Кагана (о работе Хлебного отдела в хлебозаготовительную кампанию 1922 г.).

В своем основном выступлении глава Всеукраинской конторы затронул несколько вопросов. Первый из них касался организации работы банка в деревне, попытки войти в контакт с кооперативными учреждениями. Докладчик говорил о необходимости технически приспособить банк к операциям мелкого кредита. Задача в пределах Украины для всех районов с преобладанием сельскохозяйственного производства, как он полагал, состояла в том, чтобы добиться в отделениях и агентствах активного баланса и ликвидации своей задолженности. В ситуации, когда управляющим было не выгодно держать у себя вклады, не имея возможности поместить их в активные операции, необходимо было направлять средства туда, где шла «коммерчески выгодная работа». Для этого следовало налаживать корреспондентские счета между Правлением и филиалами.

Второй вопрос, к которому оратор привлек внимание коллег, был связан с тем, как банк может влиять на рынок. В условиях пока еще монопольного положения Госбанка ему представлялось важным установить отношения с частником, прежде всего, привлечь его средства на текущие счета. По расчетам Спундэ, в два раза больше оказался рост пассивов частных лиц, а не государственных организаций. Шейнман, разделяя мысль докладчика о важности привлечения вкладов крестьян, считал, что это более отдаленная задача по сравнению с привлечением средств городского населения⁵⁶. Далее Александр Петрович затронул положения недавно направленных на места циркуляров Правления. Они касались права РКИ проводить ревизии деятельности филиалов Госбанка, а также подчиненности последних губфинотделам. Спундэ, не считая ревизионную деятельность РКИ опасной, в проблеме подчиненности, наоборот, предвидел сложности, обращая внимание на то обстоятельство, что губфинотделы испытывали дефицит денежных средств, в то время как банковские учреждения начали выходить из кризиса. «Сейчас создавать над органом, становящимся на ноги, организацию голодную, — полагал докладчик, — это значит создать нездоровые взаимоотношения и заведомо предрешить вопрос о том, что будут трения». Поднял он и проблему необходимости тщательного изучения банковской клиентуры, предлагая завести досье на каждое хозяйственное учреждение в стране. Эту инициативу поддержал член Правления Каценеленбаум, предложив различные варианты организации такой работы. Отреагировал авторитетный экономист и на другие положения, высказанные руководителем Всеукраинской конторы⁵⁷.

В Харькове Спундэ жил, по его словам, одиноко, в гостях ни у кого не бывал, с людьми встречался только по делам. На новой работе проблем с кадрами не возникло, после ликвидации частных банков предложение превышало спрос. Зарплата госбанковских служащих оставалась высокой, и набрать квалифицированный персонал не составило большого труда. В этих условиях банк, как писал Александр Петрович, мог «подбирать сливки». Политические разногласия дореволюционных чиновников с советской властью ушли в прошлое.

Банковскую сеть на Украине новому руководителю удалось развернуть довольно быстро. Много приходилось заниматься хлебозаготовками. В мемуарах Спундэ упоминаются визиты Г.М. Аркуса⁵⁸ — он по поручению Г.Я. Сокольников⁵⁹ занимался золотовалютными интервенциями, организовывая продажу на черной бирже золотых монет в обмен на бумажные червонцы. Не отрицая в условиях отсутствия специальных знаний у новых управленцев необходимости привлечения к решению финансовых проблем старых специалистов в лице Л.Н. Юровского⁶⁰ и Д.А. Лоевицкого⁶¹, Александр Петрович полагал, что золотая поддержка валюты была не нужна или почти не нужна. Ее инициаторы, с которыми к его удивлению были согласны Г.Я. Сокольников и Л.Б. Каменев, «повторяли зады капитализма, да еще домонополистического». Сосредоточение в руках государства банков, промышленности и транспорта при почти полной распыленности сельских земледельцев, — был убежден Спундэ, — делало его экономически достаточно сильным и давало возможность поддерживать валюту только товарными фондами, не допуская расходования золота, которое целесообразнее было пустить на импорт хлопка и других остродефицитных видов сырья <...> Разумеется, при условии бюджетного равновесия, а к нему мы быстро приближались»⁶². Глава украинской конторы Госбанка предполагал даже поднять волновавший его вопрос в обращении в ЦК, но вскоре был переброшен на другую работу.

Здесь важно отметить одну установку, характерную для мировоззрения Александра Петровича. Он воспринимал себя в первую очередь партийным работником, во вторую — ведомственным служащим, считая необходимым решать производственные вопросы не в рамках ведомственных полномочий, а прибегая к авторитету высших партийных инстанций. Эта установка будет обнаруживаться и в дальнейшей его банковской карьере.

Любопытна причина оставления Спундэ (приверженного аскетизму) руководящего банковского поста. Его всегда раздражали предрасположенность к бытовым удобствам, «барство», которое он замечал, например, у А.А. Иоффе и Л.Б. Каменева⁶³. Сам он не изменял своим привычкам. Его бытовые условия и в Харькове отличались непритязательностью: жил он в здании банка, еду готовила жена одного из вахтеров. И вот однажды аскет Спундэ решил вдруг добиться резкого роста интенсивности труда сотрудников путем прибавки зарплаты! Такая новация вызвала неудовольствие Шейнмана, сам же экспериментатор вскоре признал свои действия ошибочными. Скандала не случилось, и процедура отставки получила весьма своеобразное оформление: заботливое начальство предложило Александру Петровичу поехать подлечиться в Германию. При этом Госбанк выразил готовность профинансировать поездку при условии одобрения такого варианта со стороны ЦК. Санкция была получена, и «опальный» банковский руководитель на два месяца отправился в Германию без всякой предварительной диагностики и продуманной программы лечения. По прибытии на место он подвергся осмотру, после чего ему сделали легкую операцию, затронувшую носовую полость. Особых показаний для нее не было. Вся искусственность ситуации, развивавшейся под влиянием резкого падения спроса на медицинские услуги в условиях германского финансового кризиса, была, якобы, до конца осознана самим Спундэ только позднее. Тем не менее возмущения вся эта система медицинских привилегий для профессиональных революционеров у него не вызвала⁶⁴.

На дальнейшей советской карьере Спундэ, безусловно, отразилась его позиция, занятая во внутривнутрипартийной борьбе. В своих мемуарах он привел два эпизода харьковского периода, когда его пытались, как он полагал, вовлечь в оппозиционные круги лица, «не согласные с линией ЦК». Назвал он и имена тех, кто приглашал его на эти «дружеские вечеринки»: предгубисполкома С.М. Кузнецов⁶⁵, один из братьев Ауссем⁶⁶, В.Н. Ксандров⁶⁷. Идейного контакта, как вспоминал Александр Петрович, с инициаторами и приглашенными гостями он так и не установил. Как тогда, так и в период написания мемуаров, он продолжал считать жестко отстаиваемую им линию партии «в основном правильной»⁶⁸.

Не получая удовлетворения от банковской службы, 23 октября 1923 г. Спундэ на приеме у секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова завел разговор о своем новом месте работы. Предложенные на выбор должности председателя губисполкома в Иркутске или Ставрополе его не устроили. Но, очевидно, убедив собеседника в приверженности политической линии, которую заняли сторонники И.В. Сталина, Спундэ получил новое ответственное задание. Ему поручили вести агитационную работу против Л.Д. Троцкого в Ташкенте (там он пробыл примерно месяц). Выезжая из Москвы, Александр Петрович в письме от 13 декабря 1923 г. наказывал жене «бороться за ленинский ЦК», убеждая ее сделать все возможное «для борьбы с "демократизмом" И.Н. Смирнова, Преображенского и в, скрытой форме, Льва Давыдовича (последний еще хуже)»⁶⁹.

Но, несмотря на занятую в начавшейся внутривнутрипартийной борьбе позицию, идейно-политические взгляды Спундэ трудно вписывались в привычные схемы. Коллеги отмечали самостоятельность его мысли. Ленин характеризовал его как человека «честного и неглупого». Он способен был не соглашаться с вождем, высказывать критические замечания в адрес Сталина⁷⁰. Мы можем обнаружить у него симпатии к левым коммунистам в период Бреста, готовность остаться в Германии для нелегальной боевой работы в октябре 1918 г.⁷¹ В нэпе он усматривал, прежде всего, уступки капиталистическим элементам. Например, в письме, отправленном жене из Вятки еще 12 марта 1922 г., упоминается о том, как ему «противна новая экономическая политика»⁷². В другом письме — из Читы 23 мая 1924 г. — он отмечает: «Нэп остается, но требует постепенных его ограничений и преодоления»⁷³. Но при этом мы не встречаем у Спундэ сочувствия к «левой оппозиции», критиковавшей недооценку партийным руководством роста капиталистических элементов в народном хозяйстве и опасности буржуазного перерождения советской власти. Меньше всего в 1923 г. он был готов поддержать требования внутривнутрипартийной демократии.

В самый острый период столкновений с «левой оппозицией» Спундэ сумел оставить яркий след в истории внутривнутрипартийной борьбы. Вот как описал инцидент с его участием Троцкий 31 октября 1927 г.: «На собрании Московского актива 26 октября свистуны были организованы в строго военном порядке под командой Спундэ. Последний дирижировал ими, сидя спиной к трибуне. Во время речей тт. Каменева и Раковского саботажники поднимали бешеный и непристойный шум»⁷⁴.

Сам «дирижер» позднее так изложил события: «Не помню, до поездки в Ташкент или после возвращения оттуда <...> я присутствовал в Москве на собрании Московского партактива в Колонном зале Дома Союзов <...> На этом собрании

актива, между прочим, разыгрался такой инцидент. Зал был переполнен. Нравы тогда были очень простые. Поэтому те, которым не досталось места, сели на подмостки, где был стол для Президиума и трибуна для ораторов. Сел там и я. На собрании выступал и Раковский. Он требовал переход на демократию без каких-либо ограничений. Этим он доводил линию Троцкого до ее логического предела <...> Я, охваченный яростью, вскочил со своего места, бросился к трибуне и стал стучать кулаками по трибуне. Потом уже после собрания я в душе упрекнул председательствовавшего на собрании Шкирятова за то, что он меня не остановил»⁷⁵.

Думается, что этот эпизод, тем более что он происходил на глазах у одного из преданнейших сталинских соратников и активных погромщиков, послужил Александру Петровичу своеобразной «охранной грамотой», предотвратившей самый худший из возможных сценариев его жизненного пути в период массовых репрессий. Но и «своим» человеком в сталинском окружении он не стал. Помимо всего прочего, Спундэ с его, как он сам признавал, замкнутым характером трудно было стать завсегдаем сталинских застолий: по собственным признаниям, примерно до 50 лет даже в гостях он отказывался выпить хотя бы одну рюмку водки⁷⁶.

Более того, забегая вперед, скажем, что одно из его обращений к вождю находилось в жесточайшем противоречии с взятым курсом, заменившим идеи революционного равенства и социальной справедливости системой номенклатурных привилегий. Это обращение касалось одной из важнейших связанных с материальным обеспечением номенклатуры норм — партмаксимума (фактически отменен в конце 1929 г.). 24 октября 1928 г. Спундэ направил Сталину, Рыкову и Орджоникидзе письмо, в котором обратил внимание на стремления некоторых ответственных работников добиться повышения размера партмаксимума. Крайнюю нежелательность пересмотра этой ограничительной меры он обосновал тяжестью подписки на займы, размер которой для простых членов профсоюза должен был составить 75% месячного оклада. Успех этой и будущей кампаний по проведению займов, по его мнению, «не в последней степени будет зависеть от того, насколько широкие массы почувствуют, что коммунисты являются примером в деле необходимого самоограничения <...> Повышение же ставок коммунистам теперь было бы демонстрацией противоположного порядка». «В этом году, — заключал автор письма, — мы не только не можем и не имеем права идти на облегчение положения партийцев, но и правильно было бы некоторое усиление ограничительных моментов»⁷⁷.

Очевидно, недостаточно ортодоксален он был и по отношению к «правому уклону». По крайней мере, на начальной стадии нового витка внутрипартийной борьбы. Если в письме к жене от 23 декабря 1928 г. он характеризовал платформу М.И. Фрумкина как «враждебную», то в отношении Рыкова и Бухарина писал, что решительно отвергает их позицию, хотя и с опозданием⁷⁸.

Письмо о партмаксимуме Александр Петрович написал в период работы в Госбанке СССР, т.е. когда в данной системе он в последний раз занимал ответственный пост. До своего прихода в главный банк страны он «успел поработать» членом Правления Всекобанка (июль 1925 г. — май 1926 г.).

В Госбанке СССР в должности члена Правления он курировал административно-хозяйственный отдел, отдел пассивных операций и Финансово-экономическое бюро. Возглавлял он также и Бюро по улучшению банковского аппарата⁷⁹.

В сохранившихся черновиках его писем и записок руководителям партии и правительства можно найти ранее не известные специалистам свидетельства о весьма непростых отношениях, которые сложились у Спундэ с главой Госбанка СССР Шейнманом.

В письме Г.К. Орджоникидзе от 13 февраля 1928 г. Спундэ утверждал, что весной 1926 г. долго колебался, прежде чем дать согласие на постановку в ЦК вопроса о своем назначении в Госбанк СССР. Произошло это после ликвидации разногласий периода 1923 г. и выработки общей с Шейнманом позиции в отношении основ банковской политики. Предложение вернуться к банковской работе исходило от Шейнмана (после отставки в 1924 г. он вновь возглавил Госбанк СССР с 16 января 1926 г.). Важнейший вопрос о судьбе «спецбанков» и Внешторбанка, в частности, а также взятый курс на «единый банк», инициативу в принятии которого Спундэ приписывал себе, отодвинули на второй план разногласия по внутренним организационным и кадровым вопросам между ним и Шейнманом. Еще в начале зимы 1926/27 г. последний категорически возражал против перемен в Правлении и руководящем составе банка, на которых настаивал Александр Петрович. Весной 1927 г., отчасти соглашаясь с критикой деятельности некоторых членов Правления и признавая необходимость кадровых перемен, глава Госбанка не спешил что-либо предпринимать. Однако пока он четыре с лишним месяца находился в командировке в Германии, Спундэ провел ряд назначений, предоставив ряду обладателей партийных билетов должности заведующих отделами и директоров⁸⁰.

В записке секретарю ЦК ВКП(б) С.В. Косиору⁸¹, сетуя на двусмысленность своего положения в банке, он пояснял, что постановлением ЦК был назначен членом Правления, но фактически на него возложили обязанности заместителя председателя (ни разу не оформленные, за исключением единственного случая, зафиксированного в решении Политбюро в связи с зарубежной командировкой Шейнмана в августе 1926 г.). При этом Спундэ отдавал себе отчет в том, что в ЦК, СНК и СТО его воспринимают как зампреда. Однако сам Шейнман, якобы, неоднократно намекал Александру Петровичу, что тот — временный заместитель до подыскания кандидатуры постоянного⁸².

Конфликт к марту 1928 г. развился до такой степени, что Спундэ, посчитав положение в банке для себя «все более нетерпимым», нашел выход в отъезде в длительную (на три-четыре месяца) командировку по маршруту Хабаровск — Монголия — Китай — Япония. Сообщая об этом Косиору, он подробно (в двух вариантах письма — мартовском и апрельском) описал всю историю своего пребывания в стенах Госбанка и мотивы, побудившие его принять решение об уходе.

Обстановка в Госбанке СССР произвела на назначенного членом Правления в мае 1926 г. Спундэ «весьма тяжелое впечатление». Обслуживавшие посетителей отделы работали сносно, в бухгалтерии дела были запущены, а вот «верхушка аппарата» оказалась в значительной части прямо враждебно настроена к хозяйственному курсу, взятому после осенних просчетов осени 1925 г. Особенно негативно воспринимались сокращение кредитования частника и меры по регулированию торговли. «Был, например, со мной такой случай, — вспоминал Александр Петрович, — через неделю после моего прихода в Банк ныне уволенный член Правления Госбанка Хрущов⁸³ и директор одного из отделов комму-

нист Штерн, уволенный еще в 1926 году, приходили ко мне (каждый отдельно) и уговаривали меня дать новых 100 000 руб. Обществам Взаимного кредита, так как только таким путем можно будет вытащить ранее данные деньги»⁸⁴.

С осени 1926 г. Спундэ неоднократно склонял Шейнмана к необходимости «почистить» Правление от «нечистоплотных людей, вроде Хрущева, Реске»⁸⁵, но тот возражал, объясняя, что «художества Реске» разбирались по докладу ОГПУ на заседании Политбюро, члены которого решили не давать делу ход, т.к. опасались создать неблагоприятное впечатление за границей. У Реске в Кремле, якобы, имелись высокие покровители⁸⁶. Был ли Шейнман искренен, или придумывал для Александра Петровича приемлемое объяснение в защиту тех, с кем хорошо сработался, сказать сложно. Так или иначе, но на несколько месяцев инициатор кадровых перемен оставил свои попытки.

Спундэ, несмотря на недостатки Шейнмана (самодурство, грубость и проч.), считал его «фигурой весьма необходимой и полезной в качестве руководителя кредитного дела в стране», проявлявшего в ряде случаев талант и энергию⁸⁷, и относил к достоинствам своего шефа проведенную им (хотя и в ограниченных масштабах) чистку среднего звена аппарата и его сокращение.

Отмечал он и принципиальный отход Шейнмана от «сокольниковско-тумановского либерального курса». Заседания Правления, напоминавшие парламентские слушания, произнесение программных речей вместо делового обсуждения, ведущая роль беспартийных спецов во главе с А.А. Блюмом⁸⁸ в деле формирования кредитной политики — все это требовало, по мнению Спундэ, решительного изживания. Он видел два пути решения проблемы: обновление состава Правления при сохранении коллегиальной системы работы или переход к единоначалию. Шейнман избрал второй вариант. Заседания стали собираться все реже и реже, текущие вопросы обсуждали путем рассылки документов «вкруговую». Это привело к другой крайности — отсутствию полноценного коллективного обсуждения.

Весной 1927 г. состоялось решение Политбюро о кредитной системе, которое как Шейнман, так и Спундэ считали неудовлетворительным: необходимость перехода к единому банку была подтверждена, но при реализации постановления обнаруживались противоречия. Шейнман вскоре уехал в командировку, а после его возвращения Александр Петрович вновь поставил вопрос о кадровых переменах, считая их залогом успеха в выполнении партийных решений. Глава Госбанка СССР оставался при своем прежнем мнении. Тем временем 30 декабря 1927 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) поставило на вид банковскому руководству непринятие мер по улучшению кадрового состава, персонально адресовав это как Шейнману, так и Спундэ.

Известно, что согласно постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1927 г. местными парторганизациями к 1 января 1928 г. должна была закончиться работа по проверке состава работников кредитных учреждений, включая сотрудников Госбанка СССР. В итоге проверки девяти контор и отделений были выявлены «обилие в аппарате “бывших людей” (дворяне, купечество, чиновники и т.д.): Казанская контора — до 60%, Башкирская — 67%, Владимирское отделение — почти 50%, а также «весьма неудовлетворительная постановка дела с выдвиганием на работу рабочих и крестьян»⁸⁹.

В письме Г.К. Орджоникидзе от 13 февраля 1928 г. Спундэ вспоминал, как на заседании Оргбюро 30 декабря 1927 г. на прямой вопрос Сталина о том, как он оценивает мероприятия по улучшению организационного состояния банка, ответил, что находит эту работу недостаточной⁹⁰.

Последующие устные объяснения и письма Александра Петровича в партийные инстанции содержали сетования на двусмысленность своего положения как неофициального заместителя председателя и отсутствие возможности проведения постановления Оргбюро без вступления в борьбу против Шейнмана и его политики кадровой стабильности.

После февральского (1928) постановления Оргбюро о кредитной системе, которые, как считал Спундэ, ликвидировали остатки принципиальных споров, он возобновил свои «походы» к Шейнману. Исчерпав возможности действий в одиночку, он в конце февраля — начале марта собрал совещание трех партийных членов Правления⁹¹. Но и групповой нажим не имел результатов. Спундэ жаловался на обострение отношений с главой банка, на вынужденный отход от активной работы. «На совещании членов Правления по выработке кредитного плана на квартал мне повесток не присылают, — писал он Косиору. — Я узнаю о них случайно, обычно после совещаний. Т.о., при решении вопросов банка я не имею возможности даже присутствовать. При такой обстановке я сам также уклоняюсь от участия в некоторых делах. Дело в том, что создается положение, что я как бы отвечаю за все, не будучи информированным о ходе работы в банке. Нужно ли говорить, что волокита от этого прибавляется. Люди часто не знают, к кому и за чем им обращаться. Кстати сказать, одним из результатов нынешнего положения в банке является все менее четкое распределение обязанностей между членами Правления»⁹².

Добавил он деталей и в ранее устно изложенный Косиору рассказ об инциденте на съезде управляющих конторами и отделениями Госбанка, порожденный тем, что предложения, вынесенные на обсуждение готовившегося полтора — два месяца совещания, были розданы членам Правления только во время работы форума. Это, по мнению Александра Петровича, сказалось на ходе дискуссии, в которой управляющие заняли неправильную позицию по важному управленческому вопросу, связанному с организацией работы филиалов. Он предупреждал, что если ЦК не предпримет каких-либо действий, то противостояние приобретет форму открытой борьбы, в которую будут втянуты и местные банковские партийные организации.

Апрельское письмо содержало прием, к которому Спундэ прибегал в этой серии обращений «к верхам» неоднократно. Снимая с себя ответственность и перелагая ее на Косиора, он объявлял свое письмо частным, но не возражал против того, чтобы по усмотрению адресата оно рассматривалось как заявление в ЦК⁹³.

Через несколько месяцев, очевидно, после возвращения из командировки, ситуация несколько изменилась. С разрешения Политбюро от 25 июля 1928 г. Шейнман находился в двухмесячном отпуске, продленном до декабря, лечился в Берлине. В августе 1928 г. он был назначен председателем АО «Амторг» в Нью-Йорке, однако 1 ноября Политбюро отменило это решение.

8 августа в черновике записки на имя Рудзутака — заместителя председателя СНК и СТО СССР, курировавшего финансовую сферу, Спундэ высказался в

пользу того, чтобы, не назначая Шейнмана «предамторгом», сохранить за ним при поездке в Америку пост заместителя НКФ. Главный аргумент: в Европе и США уход Шейнмана может быть истолкован как перемена курса политики Госбанка, а это могло отразиться на позиции кредиторов⁹⁴. Создается впечатление, что Спундэ пугала перспектива оказаться на месте своего шефа. Здесь обнаруживается любопытный ментальный феномен, весьма характерный для эпохи «революционного насилия». Шейнман, полагал Александр Петрович, при своих недостатках — незаменим и больше, чем кто-либо другой, достоин находиться на месте главы Госбанка, нужно только вопреки собственным убеждениям заставить его делать не то, что тот считает нужным, а то, что более правильно выражает партийную линию, проводившуюся самим Спундэ. Здесь та же самая логика, как и по отношению партийных руководителей к «спецам»: сами не умеем, но знаем, как надо, поэтому насильно заставим вас хорошо делать то, с чем вы в силу профессиональных соображений категорически не согласны.

В другом, опять-таки «личном», письме Я.Э. Рудзутаку, написанном, очевидно, не раньше начала августа накануне какого-то важного разговора зампреда СНК с его главой — Рыковым, Спундэ констатировал наметившееся улучшение положения дел в банке, которое он связывал с нажимом на Шейнмана извне. Этот нажим Александр Петрович призвал продолжить, подвигая Рудзутака, Рыкова и, «может быть, еще кого-нибудь» (намек на Сталина?), провести с Шейнманом «крутой разговор об условиях работы в банке». Не избегал автор и лишнего раз вспомнить о сложившейся тяжелой ситуации, существовавшей до ее исправления: «Последние месяцы было такое положение, что чем дальше, тем больше, прямо было мучительно приходиться к т. Шейнману за каким-нибудь делом. Он отвечал на любой вопрос, цедя сквозь зубы. Так, что почти всегда нельзя было понять, когда он согласен с тем или иным предложением, когда нет». Предлагалось не «злоупотребляя коллегиальностью», все же оживить работу Правления и ввести в его состав одного-двух партийных работников с целью устранения «спецовских сменовеховских настроений» у некоторых беспартийных его членов. При этом, добавлял Спундэ, руководящую роль Шейнмана нельзя было ослаблять (наличия явного противоречия в своих высказываниях автор не усматривал).

В числе предлагавшихся мер — официальное назначение Постановлением Политбюро и СНК заместителя председателя Правления. Так, чтобы назначенный «знал, за что он отвечает и какими правами пользуется». В заключение Спундэ выражал готовность аннулировать свое заявление Косиору, копию которого он, как утверждалось в письме, в свое время направлял Рудзутаку. При этом автор просил в случае повторения конфликтной ситуации дать ему возможность без долгих проволочек уйти из банка⁹⁵.

Очевидно, в октябре это «повторение» произошло. 30 октября 1928 г. об этом он лишь отдаленно намекнул в письме жене, находившейся в зарубежной командировке: «О Банке нечего писать. Вместе с этим письмом ты прочтешь об изменении моего служебного положения. Первые дни ходил с острой болью в душе. Теперь несколько успокоился». 14 ноября последовало продолжение: «Я уже кончаю сдачу дел в банке. Если получу разрешение быть на пленуме, то пробуду в Москве еще дней 7–8. В противном случае на днях начинаю свой отпуск

<...> Главное, о чем хочу тебе сообщить, это то, о чем я тебе глухо писал еще в Берлин. Я обрел душевный покой после того, как самоопределился в наших спорах. На все кругом стал смотреть более ясными глазами». 8 декабря он делает важное признание о том, что перешел на новую работу не по своей инициативе, при этом подробностей не сообщает, обещая все рассказать супруге после ее возвращения⁹⁶.

Позже, в 1938 г., апеллируя против решения об исключении из партии, он предложил дополнение к своей версии отставки и после пересказа истории конфликта с Шейнманом написал: «Когда в Госбанк был назначен Пятаков⁹⁷, я в 1928 г. в ответ на вопрос т. Сталина о моем отношении к этому назначению, говорил, что в искренность Пятакова не верю. Хотя с тех пор прошло почти 10 лет, возможно, что т. Сталин вспомнит этот разговор. После прихода Пятакова в Госбанк я настойчиво просил освободить меня от работы в банке и в связи с этим был переведен в Наркомфин»⁹⁸.

Очевидно, уход из банка дался Спундэ не просто. В одной из поздних биографических справок (от 17 июля 1962 г.), где упоминается, что с осени 1931 г. он был освобожден от регулярной работы в связи с нервным заболеванием, начало болезни отнесено к 1928 г.⁹⁹

Черновики своих апрельских писем того года Александр Петрович использовал позже, когда в печати стали появляться обвинения в его адрес. В упрек ему ставилась пассивность в борьбе против «извращения партийной линии в Госбанке». 13 сентября 1929 г. «Правда» опубликовала постановление ЦКК ВКП(б), в котором партийные судьи доводили до сведения общественности, что, ознакомившись с предоставленными материалами, они признали эти обвинения безосновательными¹⁰⁰.

Чем же была вызвана отставка Спундэ? Очевидно, его сетования на неопределенность своего положения и просьбы о помощи в давлении на Шейнмана убедили политическое руководство страны в необходимости приставить к руководителю Госбанка СССР более сильную фигуру. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) (опросом) от 16 октября 1928 г. было одобрено назначение заместителем председателя Правления Госбанка Пятакова, включив его в состав коллегии НКФ СССР. А через несколько дней (25 октября 1928 г.) другим решением высшей партийной инстанции Спундэ получил назначение на должность начальника валютного управления и члена коллегии Наркомфина СССР¹⁰¹.

О некоторых подробностях его деятельности на новом месте службы мы узнаем из текста 1938 г. Там автор решил заострить внимание (по понятным причинам) на своих заслугах в борьбе с идейными противниками. Спундэ утверждал, что его переход в НКФ СССР был ускорен тем, что именно по его предложению известный экономист Юровский (впоследствии осужденный, не забыл добавить автор) был снят с должности начальника Валютного управления. Напомнил он и об острых спорах с Пятаковым — по вопросу о мобилизации средств на финансирование строительства по плану первой пятилетки: «В 1929 г. Пятаков явился на заседание Коллегии Наркомфина с заявлением, что он просит Наркомфин поддержать его заявление в ЦК о необходимости резко, на сотни миллионов рублей по тогдашним ценам, снизить ассигнования на капитальное строительство против плана, утвержденного на 1928–29 г. Я заявил, что план мне, действи-

тельно, кажется преувеличенным (это свое мнение я неоднократно отчетливо и прямо высказывал в ЦК), но что нашей обязанностью <...> является, прежде всего, проверить все углы нашего хозяйства и попытаться найти дополнительные средства и лишь в крайнем случае обращаться в ЦК об уменьшении капиталовложений. Через несколько дней я предложил значительно повысить цены на водку и табак, т.е., не задевая ни в чем существенном рабочего и крестьянского бюджета, получить очень крупную сумму дополнительных средств. Так можно было обеспечить финансирование и сохранить устойчивость рубля. Речь шла о сумме, насколько помню много более 100 млн руб. Коллегия НКФ к этому предложению отнеслась прохладно. Пятаков же повел ожесточенную атаку. После ожесточенных многочасовых споров я добился принятия своего предложения и внесения его в Политбюро, где оно было полностью утверждено. Это помогло в 1929 г. не допустить роста цен»¹⁰².

10 января 1930 г. по докладу Рудзутака Политбюро приняло решение назначить Спундэ председателем Тарифного комитета НКПС, введя его в состав коллегии¹⁰³. В этом же году он занял в наркомате пост начальника Международного управления. Об этом назначении он в 1938 г. сообщил следующее: «После нескольких месяцев болезни (во время болезни я был освобожден от работы в НКФ) я в начале 1930 г. был послан на работу в НКПС, сначала председателем Тарифного комитета, а позднее также начальником Международного управления. На это управление я был назначен при следующих обстоятельствах. Мне было поручено в качестве члена комиссии по чистке соваппарата проверить работу Международного управления. При этом я обнаружил, что в этом аппарате в течение ряда лет хоронят дело о перевозке из Маньчжурии в Европу соевых бобов и других грузов через Сибирь. Это могло дать СССР миллионы валюты, которая так остро была нужна особенно тогда. Я добился особо суровой чистки этой части НКПС. Позднее я был назначен начальником этого управления. Отправился к Рыкову в 1930 г. (он был еще председателем СНК) с просьбой помочь мне организовать это дело. Получил категорический отказ — мы, мол, слишком слабы, чтобы идти на конфликт с крупнейшими капиталистическими мореходными фирмами. Перенес дело в Политбюро, где мое предложение было целиком утверждено. Осуществление этого дела дало нашей стране несколько миллионов валюты»¹⁰⁴.

Эти рассказы Александра Петровича о своих «подвигах» рисуют слишком уж упрощенную картину событий, обнаруживают подозрительную легкость в нахождении «правильных» решений, вызывая недоверие в объективности передачи всех важных обстоятельств конфликта и сути позиций оппонентов. И вновь мы сталкиваемся с тем, что автор, пользуясь проверенным средством, перенес решение спорных вопросов на суд высших партийных инстанций.

После ухода из НКПС в связи с болезнью наступила временная трудовая пауза. К работе Спундэ вернулся только в сентябре 1937 г., заняв скромную должность — заведующего отделом социального страхования Центрального комитета профессионального союза рабочих строительных предприятий легкой, лесной и пищевой промышленности. Удивляться не приходится, конъюнктура в кадровой политике слишком сильно изменилась. А в 1939 г. он в последний раз поступил на службу в систему Госбанка, заняв в ней еще более скромное ме-

сто — кассира Коминтерновского отделения Московской городской конторы Госбанка СССР.

Несмотря на то, что на этом банковская карьера Александра Петровича закончилась, не будет лишним затронуть некоторые другие важные вехи его биографии. Известно, что период массовых репрессий он пережил, не подвергаясь лишению свободы, однако опасность быть включенным в проскрипционные списки оставалась весьма высокой. С февраля 1938 г. для Спундэ наступили весьма тревожные дни. Как он позже (1948) вспоминал, на одном из очередных партсобраний ЦК профсоюза строительных рабочих, секретарь повел речь о случаях нарушения демократии, легкомысленном отношении к исключениям из партии, сетуя на то, что «все пишут друг на друга доносы». Спундэ, по его словам, не выдержал и с места возразил: «Не все. Я, по крайней мере, ни одного доноса не писал». Секретарь парировал: «Зато на Вас поступил уже не один донос»¹⁰⁵. Через несколько недель, 8 марта (как следует из другого документа) его больно вызвали на новое собрание, где запись вела специально приглашенная стенографистка. Эта временная пауза усугубила ситуацию. 2–13 марта 1938 г. в Москве проходил судебный процесс по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», на котором фигурировало обвинение Н.И. Бухарина и других «левых коммунистов» в том, что они в 1918 г. в «период Бреста» вместе с левыми эсерами готовили покушение на Ленина.

Александра Петровича попросили рассказать биографию, никаких порицаний не выносилось. На следующий день его вместе с секретарем парторганизации вызвали в Молотовский РК ВКП(б) г. Москвы. На проходившем заседании секретарь райкома предложил Спундэ сдать партбилет. Лишившись его, он подал апелляцию в КПК при МК ВКП(б), позже писал в КПК ЦК ВКП(б) Шкирятову, однако ответа так и не получил¹⁰⁶.

Более подробно история исключения из партии Спундэ передана в сохранившихся в архиве копиях его письма Шкирятову от 12 марта 1938 г. Заседание парткома (с приглашением стенографистки) продолжалось шесть часов. Спундэ задавали вопросы, интересуясь биографическими подробностями, прежде всего тем, знал ли он о подготовке «левыми коммунистами» в 1918 г. покушения на Ленина, Сталина и Свердлова, что «вскрылось» на прошедшем процессе «правотроцкистского блока». Партком принял решение о необходимости проверки приведенных им фактов с последующим вынесением окончательного постановления. На следующий день Спундэ вызвали в Молотовский райком Москвы, где ему задали несколько вопросов, а затем объявили, что 10 марта все будет решаться на бюро райкома. Попытки Александра Петровича пригласить на заседание бюро партийных соратников (которые могли бы дать о нем положительный отзыв) из-за отказа предоставить ему два-три дня на их поиски не увенчались успехом, а единственную «свидетельницу», пожелавшую выступить в его защиту, попросили не приходить. На состоявшемся заседании бюро Спундэ исключили из партии.

Он, обращаясь к Шкирятову, прибег к наивным приемам, способным, как ему казалось, вернуть утраченное доверие: «Положение мое невыносимо тяжелое. Даже уход из жизни мне помочь не может, ибо в глазах товарищей, мнением которых я дорожу, это покажется косвенным признанием моего участия в

заговоре убийц Ленина и других товарищей в 1918 году. Я прошу только об одном: поручить тщательную проверку моего дела самому жесткому, самому придирчивому, но внимательному и добросовестному человеку. Я думаю даже, что лучше было арестовать меня, чтобы все выяснение прошло в форме достаточно подробного допроса. Об этом я пишу одновременно т. Ежову»¹⁰⁷.

Несмотря на все ходатайства, решение об исключении было оставлено в силе. Тем не менее ареста, который часто следовал за этой процедурой, не последовало. Даже спецоперация НКВД, проведенная в отношении латышской, его не затронула¹⁰⁸. Очевидно, известные Сталину заслуги в борьбе с «троцкизмом», а также критическое отношение к сочувствующему «правым» Шейнману и «двурушнику» Пятакову не забылись.

Тем временем, согласно установившимся правилам, Анна Кравченко была вынуждена 18 мая 1938 г. предоставить в партийную организацию журнала «Школа взрослых» (место ее работы) объяснительную записку по поводу случившегося с ее мужем¹⁰⁹.

Больше апелляций Спундэ принципиально не подавал. И только в 1948 г. предпринял новую попытку, о которой, как вспоминал один из друзей его сына Якова, впоследствии жалел. Согласно этой версии, после окончания МАИ Якова, специализировавшегося на ракетостроении, оставили в аспирантуре. Однако при наличии у сотрудников спецотделов сведений о том, что близкий родственник подвергался исключению из партии, получить допуск к работе с «секретными» материалами было невозможно. В тот период, якобы, в Московском комитете ВКП(б) проходила кампания по восстановлению в партии ранее исключенных из нее лиц. Подал заявление и Александр Петрович, фамилия которого была (по семейной легенде) на последнем этапе вычеркнута из списков лично Сталиным, посчитавшим, что тот должен подавать заявление в общем порядке¹¹⁰.

Незадолго до своего исключения из ВКП(б) Спундэ был вовлечен в другую драматическую историю, затронувшую его родственный круг. 2 февраля 1938 г. он письменно обратился к главе НКВД Н.И. Ежову с просьбой о помощи. Его мать — Анна Яковлевна Кальнин, вышедшая после смерти мужа в 1916 г. вторично замуж, проживала в Харькове с внучкой Ириной Владимировной Спундэ — дочерью умершего старшего сына. Ее второй муж подвергся аресту, после чего по неофициальному требованию «органов» 4 февраля в народном суде должен был решаться вопрос о выселении 63-летней женщины с внучкой-школьницей из квартиры. Еще до передачи дела в суд в квартиру врвался некто Бабушкин, представлявшийся следователем секретной части НКВД и требовал добровольно передать ему жилплощадь, грозясь в противном случае выселить мать с внучкой «куда захочет». «Мне кажется, — отметил в заключительной части письма его автор, — что это должно быть немедленно и твердо прекращено»¹¹¹. Подробности всей этой истории известны и из обращений, направленных Спундэ и его матерью 31 января 1938 г. А.Я. Вышинскому и Сталину¹¹².

Трудовая биография Спундэ после ухода из системы Госбанка СССР в конце 1939 г. довольно заурядна. В 1940 г. он работал в должности заместителя главного бухгалтера в оптово-розничном магазине одного из московских главков. В военный период, находясь в эвакуации, он трудится главным бухгалтером межоб-

ластной конторы «Сельэлектро» (г. Нолинск, Кировской обл.). Возвратясь в Москву, в 1944–1946 гг. он работал заместителем главного бухгалтера треста «Моссельэлектро», в 1946–1948 гг. — главного бухгалтера Ленинской конторы «Моссельэлектро»¹¹³. Позже Александр Петрович и его сын занимались переводами (с английского и немецкого языков) для государственных организаций. Не исключено, что в получении заказов на переводы им помогала Кравченко, работавшая в 1943–1959 гг. главным библиотекарем Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.

Для понимания особенностей личности Спундэ приведем еще некоторые из оставленных им письменных свидетельств. В переписке с женой в конце 1920-х гг. имеются новые подтверждения его приверженности моральным нормам эпохи «революционного романтизма». Готовившуюся к возвращению из заграничной командировки Кравченко он просил не привозить ему ничего, кроме кожаной записной книжки и чернил для карманной ручки¹¹⁴. Состоя в должности начальника валютного управления НКФ СССР, 2 февраля 1929 г. он обратился к супруге: «Анюшечка, боюсь очень, что у тебя не хватит денег. Я тебе едва ли что-либо pošлю. Сейчас есть строжайшая директива, особенно нашему брату, прекратить всякие переводы не безусловно необходимые, а также жестко [подчеркнуто дважды. — М.Н.] соблюдать все нормы по части провоза вещей. Поэтому если что смогу сделать, то тебя будет в марте ждать перевод в Берлин. Если его не будет, то знай, что ничего сделать не могу. Занимать тоже неудобно (напр. у Денькова), ибо я не смогу отдать. Вернее, пройдет очень много времени, пока эта возможность явится»¹¹⁵.

В то же время, очевидно, как должное, он принимал проявляемую властью заботу о здоровье и бытовых удобствах «слуг народа»: предоставление новой квартиры на Ленинградском шоссе (в 1938 г. он проживал уже в Доме правительства на ул. Серафимовича, 2), лечение в санатории Управления делами СНК СССР. Выражая опасения в скором развязывании войны после убийства в Варшаве Войкова, он советовал супруге, находившейся в заграничной командировке, не спешить с возвращением («когда еще попадешь»)¹¹⁶.

Спундэ с доверием отнесся к, якобы, готовившейся в 1930–1931 гг. французским генштабом вооруженной интервенции против СССР, которая, по уверениям «Правды», была санкционирована группой Гувера¹¹⁷. Следовательно, судебные процессы по делу «Промпартии» и «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», очевидно, не вызвали у него сомнений. А ведь по последнему из них проходили его бывшие соратники по работе в Правлении Госбанка СССР В.В. Шер и Б.М. Берлацкий.

Особый интерес представляет цитированное ранее письмо к Шкирятову от 12 марта 1938 г., где Александр Петрович перечислил свои «столкновения» с персонами, впоследствии скомпрометировавшими себя. Конечно, необходимо учитывать обстоятельства и мотивы создания подобного документа. Среди его идейных противников за разные годы фигурировали И.Н. Смирнов и В.Н. Яковлева, добившиеся, как он считал, его отъезда из Красноярска, в частности, и из-за возражений против жестких мер в проведении продразверстки. Назван был и Г.Н. Каминский, который во всем поддерживал в Сельскосоюзе «судившегося по процессу Трудовой Крестьянской Партии» П.А. Садырина и после острых

столкновений избавился от Спундэ, воспользовавшись отсутствием последнего для назначения его представителем во Всекобанк. Напомним, что Садырин и Спундэ одно время входили в Правление Госбанка СССР. Далее шла речь о столкновении с Шейнманом и Пятаковым.

Наряду с этим документом в архиве Александра Петровича имеются и другие материалы, позволяющие увидеть в нем неоднозначную фигуру. В текстах, написанных им в военный и послевоенный периоды, мы находим строки, которые могли бы стоить ему очень дорого. Высказанное (даже в форме вопросов) убеждает, что Спундэ сохранил самостоятельность мышления и имел мужество положить на бумагу многие «крамольные» соображения. 28 декабря 1943 г. он, находясь в эвакуации и обращаясь в письме супруге, спрашивал: «Почему большевики, борцы и организаторы дававшего людям исключительный простор Советского государства, почему те же большевики (правда, те же только по одному лишь названию) сначала надломили Советы, передав в 1934 году официальную власть из рук Советов в руки парткомов, а затем Конституцией 1936 года совсем убили советскую власть, т.е. сами в области общеполитической опустили ниже лучших буржуазных государств, но для обмана оставили название Советов?». Далее следовал еще один вопрос, в котором заключена и другая смертельно опасная констатация: «Почему большевики, до примерно 1934 года искренне ведущие политику мира, стали прямо соучастниками разжигания войны и прямыми участниками торговли живыми народами, как скотом на мясном базаре? Сталинский «социализм» Спундэ считал не тем, каким он виделся классикам марксизма, а бисмаркианским его вариантом. «Возможен ли добровольный труд? — не уставал он вопрошать себя и своего адресата в очередной раз. — Не является ли подстегивающая плетка госчиновничества объективной необходимостью <...> Я до сих пор думаю, что это не так»¹¹⁸.

Александра Петровича ни в коей мере нельзя причислять к типичным партийным функционерам сталинского призыва. От них его отличала не связанная с занимаемыми постами потребность в осмыслении социальных явлений, происходивших у него на глазах, а в отдельные периоды и при его непосредственном активном участии.

В 1948–1951 гг. опубликован в 1988 г. Спундэ опубликован в 1988 г. написал «Очерки экономической истории русской буржуазии» — 200 страниц машинописного текста, фрагмент которого был опубликован в 1988 г. опубликован¹¹⁹. В этих очерках затронуты такие сюжеты прошлого, которые самым тесным образом связаны с явлениями, характеризовавшими общественно-политический строй сталинского СССР. Автор выделил два периода, которые представлялись ему особо значимыми для понимания исторического своеобразия русской буржуазии. Оценка Спундэ этих двух эпох, связанных с личностями Ивана Грозного и Петра I, откровенно противопоставлялась положениям, которые были закреплены в официальной советской историографии и отражены в произведениях литературы и искусства, которые в известных случаях содержали и следы прямых указаний Сталина¹²⁰.

Автор смело заявил: «О человеческом бытии во времена Грозного, об уничтожении и растлении всего, хоть немного противостоящего дикому разгулу насилия, о формировании духовного облика людей того времени современные

историки стыдливо умалчивают». По его убеждению в борьбе Москвы и Новгорода в период правления Ивана IV «феодалная реакция одерживает сокрушительную победу над ростками нового, гораздо более прогрессивного экономического строя».

Спундэ не скрывал легко обнаруживаемой связи между подходами к оценке деятельности Петра I и Сталина. Подводя итог одному из своих обзоров, он написал: «Реформаторская деятельность Петра, часто изображаемая прогрессивной, представляет собой яркий пример того, к каким результатам может привести быстрое, очень эффективное для невнимательного наблюдателя развитие производительных сил, если оно не служит формированию соответствующих общественных отношений. Мне приходится столь подробно останавливаться на этом вопросе потому, что в мое время развитие промышленности возведено в ранг всемогущего средства спасения, не зависящего от того, какой ценой, какими способами и чьим в конечном итоге интересам оно служит. С этой точки зрения так называемая сталинская эпоха требует глубокого экономического анализа»¹²¹. Безусловно, если он прямо и не оценивал здравствовавшего правителя, то в отношении его исторического «предшественника» вынес вполне определенный приговор. Автор был убежден, что «Петр талантливо и энергично делал и сделал огромное по своему историческому значению реакционное дело, затормозившее развитие России на целую историческую эпоху».

Помимо этого, Александр Петрович нарушил другие установившиеся историографические каноны: признал Временное правительство «самым талантливым <...> которое только могла создать тогдашняя русская буржуазия», цитировал исторические работы П.Н. Милюкова, ссылаясь на «сомнительного» Г.В. Плеханова.

В его незаконченных мемуарах также можно встретить высказывания, которые не соответствовали общепринятым догматам. Сохраняя верность своим прежним позициям в отношении «троцкизма», он, к примеру, заявлял: «Должен, разумеется, уточнить, что за Троцким шло немало сознательно демократичных людей. Смесь была в троцкизме очень причудливая»¹²².

Очевидно, «причудливой» может выглядеть и смесь тех идейно-политических установок, которые проявлялись как в размышлениях, так и в реальной жизни Спундэ. Критическое отношение к процессу отстранения от власти Советов и подмене ее властью партийного аппарата (о чем сообщалось в написанном им в 1943 г. письме), отнюдь не заставляет его сожалеть о годах, когда он сам утверждал эту власть, вынося за пределы ведомственной компетенции споры по профессиональным вопросам. Числя себя «солдатом партии», он вместе с другими функционерами утверждал эту порочную систему двойного подчинения, которая порождала размывание ответственности и открывала простор для интриганства. Придя на работу в Государственный банк «по воле партии» и утверждая в его деятельности принцип «партийного руководства», Спундэ предал забвению основное правило, хорошо усвоенное настоящими профессионалами банковского дела. Оно гласит: независимость от государства (а в советских условиях — от партийного руководства) его главного банка есть важнейший залог успешной деятельности последнего по обеспечению финансового благополучия страны и ее населения.

Примечания

- ¹ Козинцев Г., Трауберг Л. Выборгская сторона // Деньги и кредит. 1938. № 7–8. С. 140–144. Позднее Козинцев писал: «“Отдельные товарищи” упрекали его за то, что картина оказалась “менее выигрышна по линии банка, чем это было написано в сценарии”» (Козинцев Г. Собр. соч.: в 5 т. Л., 1982. Т. 1. С. 425–429). Вот лишь одно из свидетельств того, что сцены из фильма отложились в памяти поколений. Так, В.В. Герашенко в воспоминаниях об «отрешении от должности» главы Госбанка СССР в августовские дни 1991 г. высказал предположение: новые «комиссары» в своих представлениях о процедуре передачи власти (требование ключей) руководствовались запомнившимися им сценами из этого произведения советского кинематографа. Во всяком случае, можно утвердительно говорить о том, что сам автор помнил эпизод с ключами хорошо (Кротов Н.И. Очерки истории Банка России. Центральный аппарат. Персональные дела и деяния. М., 2011. С. 182).
- ² Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000. С. 503; Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 3. С–Я. С. 169–170. Характерно, что статьи с биографией Спундэ отсутствуют в изданиях брежневского, перестроечного и постперестроечного времени (Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971; Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 2-е изд. М., 1987; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987; Политические деятели России, 1917 год: биографический словарь. М., 1993).
- ³ Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь. 1966. С. 600–609.
- ⁴ Кравченко Александра (Анна) Григорьевна (урожд. Селиванова) (1890–1984), жена А.П. Спундэ. Родилась в г. Ейске в семье учителя; окончила Бестужевские курсы (1916), учительствовала в с. Частые Оханского уезда Пермской губернии; участвовала в революционном движении с 1905 г., член РСДРП(б) с 1907 г. Вела партийную работу в Харькове, Петербурге, Перми; за революционную деятельность неоднократно арестовывалась, лишалась права жить в больших городах, находилась под надзором полиции. С мая по октябрь 1917 г. секретарь Пермского горкома РСДРП(б), после Октябрьской революции — на советской работе в Мотовилихе, в 1918 г. — в Борисоглебске. Командирована на работу в г. Омск, заведующая областной совпартшколой (1919); член Сиббюро ЦК РКП(б); сотрудник Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР с 1920 г.; заместитель председателя Главполитпросвета (1925–1930). Для изучения работы библиотек и школ для взрослых была в зарубежных командировках в Германии и Дании (1927), США (1929) и Японии (1933); ответственный редактор «Крестьянской газеты для начинающих читать» (1930–1937) и журнала «Школа взрослых» (1936–1941); в 1937 г. ей был вынесен строгий выговор по партийной линии за допущенные «политические ошибки». Главный библиотекарь Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (1943–1959); автор многих книг и учебных пособий, статей о политико-просветительной работе; кандидат педагогических наук; награждена орденом Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени.
- ⁵ Калей Леон. Ленин и Спундэ — за // Даугава. 1979. № 4. С. 124.
- ⁶ Там же. С. 118–124. В семейном архиве сохранились более 1 100 писем и телеграмм за 1917–1960 гг., включая 736 писем, написанных в 1917–1931 гг., более 230 вошли в книгу. Составитель, делая выборку для публикации, посчитал наиболее интересной переписку за 1917–1924 гг. См.: Само прошедшее, как оно было ... Переписка Анны Кравченко и Александра Спундэ. М., 1990. С. 4, 15.
- ⁷ Само прошедшее ... С. 3, 246.
- ⁸ Спундэ А.П. В борьбе за пролетарскую революцию // За власть Советов: сб. воспоминаний старых большевиков — участников Великой Октябрьской революции и гражданской войны в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 33–42; Спундэ А.П. Октябрь, 1917 // Новый мир. 1967. № 10. С. 184–198; Спундэ А.П. Смольный 24–26 октября 1917 года // В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982. С. 312–319; Спундэ А.П. Смольный 24–26 октября 1917 года // Это есть наш последний и решительный бой! (июль–октябрь 1917). М., 1987. Кн. 2. С. 308–311.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9665. Документы этого фонда были переданы в архив в 1991–1994 гг. журналистом И.Б. Брайниным и вдовой сына А.П. Спундэ — И.А. Корольковой.
- ¹⁰ Спундэ А.П. О моей жизни. Воспоминания (без окончания). Машинопись с рукописной правкой (1940–1950-е гг.). 118 листов(?). Приписка на первом листе: «Вариант, подготовленный

- к изданию в виде книги» (рабочий экземпляр) (ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 203); *Спундэ А.П.* О моей жизни. Машинопись с рукописной правкой. 210 листов (Там же. Д. 204). На первой странице имеется приписка: «Экземпляр, с которого печатался сокращенный вариант для “Нового мира”. Лето 66 г.». Воспоминания охватывают период до приезда автора в Петроград после Февральской революции 1917 г.; Воспоминания А.П. Спундэ о жизни и деятельности в 1917–1924 гг. (без начала и окончания). Машинопись с рукописной правкой (1940–1950 гг.). 99 листа (Там же. Д. 205). Автор, очевидно, не имел намерения ограничиться в своих воспоминаниях первой половиной 1920-х гг. Так, упоминая о 1927 г., он написал: «Когда дойду до рассказа про эти годы» (Там же. Л. 27). Судя по упоминаниям о сталинских репрессиях (Там же. Д. 203. Л. 75, 115; Д. 204. Л. 80), выражении симпатий к Ю.О. Мартову и его сестре — Л.О. Дан, жене Ф.И. Дана (Там же. Д. 203. Л. 117–118), по позиции редакторов «Правды» И.В. Сталина и Л.Б. Каменева в отношении публикации ленинских «Писем из далека» (Там же. Д. 204. Л. 205) и т.п., можно предположить, что машинописные тексты создавали или редактировали после смерти Сталина. Возможно, редакционную правку вносила А.Г. Кравченко. В одном из текстов воспоминаний сообщается о готовящемся возведении памятника Юрию Долгорукому, следовательно, их писали до 1954 г., когда памятник был установлен. Далее автор сетует, что последние 10–11 лет он в связи со сносом монумента Конституции не может пройти по Советской площади «без острой боли и возмущения». Снос памятника состоялся в ночь с 20 на 21 апреля 1941 г., значит, эти строки были написаны в 1951–1952 гг. (Там же. Д. 205. Л. 18). Также в фонде имеются: копия автобиографии от 7 февраля 1931 г.; автобиография 1930-х гг.; автобиографическая справка от 6 октября 1958 г.; автобиографическая справка от 17 июля 1962 г.; автобиография начала 1960-х гг. (Там же. Д. 191. Л. 1–2, 4–5, 7–8, 18–34, 48–61) и личные листки по учету кадров 1940-х гг. и от 30 июня 1955 г. (Там же. Д. 185. Л. 2 об., 4).
- ¹¹ Александр Спундэ. Товарищ главного комиссара // *Вечерняя Пермь*. 1972. № 174–177. 27–31 июля. В предисловии редакции сообщается, что представленный семьей Спундэ текст воспоминаний публикуется в сокращенном виде. В архивном фонде отложились только газетные номера.
- ¹² В автобиографии от 7 февраля 1931 г. Спундэ назвал местом своего рождения г. Ригу (ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–2).
- ¹³ Там же. Д. 204. Л. 19.
- ¹⁴ Там же. Д. 203. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Д. 204. Л. 20–21; Д. 203. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 182; Д. 205. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Д. 204. Л. 39; Д. 176. Л. 52–53.
- ¹⁸ Там же. Д. 176. Л. 52–53.
- ¹⁹ Там же. Д. 203. Л. 8–10.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 6; Д. 204. Л. 38.
- ²² Там же. Д. 75. Л. 76.
- ²³ Там же. Д. 203. Л. 89–90.
- ²⁴ Там же. Л. 91.
- ²⁵ Там же. Л. 92.
- ²⁶ Там же. Л. 99, 101–102, 109, 116.
- ²⁷ А.П. Спундэ представлял Алапаевский Совет рабочих и солдатских депутатов. См.: Второй всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 136.
- ²⁸ См.: *Вечерняя Пермь*. 27 июля 1972. № 174. С. 3.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Пестковский С.С.* Об октябрьских днях в Питере // *Утро страны Советов*. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде. 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988. С. 157–159. 11–13 ноября 1917 г. Пестковский исполнял обязанности главного комиссара Государственного банка.
- ³¹ *Осинский Н.* Как мы овладели Государственным банком // *Экономическая жизнь*. 1918. № 1. 6 ноября. С. 2–3.
- ³² *Солямон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и увиденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 25.
- ³³ Само прошедшее ... С. 52–53.
- ³⁴ См.: *Вечерняя Пермь*. 1972. № 176. 29 июля. С. 3.
- ³⁵ На заседании ВЦИК, где рассматривались декреты о национализации частных банков и ревизии сейфов, выступавший с докладом Г.Я. Сокольников, согласно газетному отчету, заявил:

- «Новые миллионеры, во время войны заработавшие на спекуляциях, деньги которых имеют особенно нечистоплотное происхождение, не решились вкладывать их на текущие счета и охраняют за стальными брусками и решетками ящиков, оберегаемых наемной банковской стражей» (Известия ЦИК. 1917. № 253. 16 декабря. С. 9).
- ³⁶ Вечерняя Пермь. 1972. № 177. 31 июля. С. 3.
- ³⁷ Там же. № 176. 29 июля. С. 3.
- ³⁸ История Государственного банка в документах. М., 1971. С. 60.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 205. Л. 2. И.Э. Гуковский был назначен на должность заместителя наркома финансов 9 марта, а наркомом — 21 марта 1918 г.
- ⁴⁰ *Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С. 36–37; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. С. 203.
- ⁴¹ Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М., 2017. С. 170.
- ⁴² Ленинский сборник. М., 1975. Т. XXXVIII. С. 207.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 205. Л. 5–6. Однако в письме супруге 7 сентября 1918 г. Спундэ отметил, что «работа очень интересная и занимает все время» (Само прошедшее ... С. 46).
- ⁴⁴ Цит. по: Само прошедшее ... С. 70–72. За день до отъезда Спундэ, описывая свой визит к зубному врачу, посчитал забавным, что женщина-врач, не найдя в нем ничего интеллигентного, приняла пациента за «мужика». Но это еще, куда ни шло, писал он, если бы не одетый по случаю новый френч, а привычная одежда, то она могла бы прийти в ужас «от такого бандита». «Сейчас я настолько приличен, — продолжал Спундэ, — что вчера утром Пятаков, увидев меня, ахнул. “Вот как изменился латышско-уральский медведь”» (Там же. С. 61).
- ⁴⁵ Там же. 65.
- ⁴⁶ Там же. С. 78; ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 205. Л. 16.
- ⁴⁷ Сыромолотов Федор Федорович (1877–1949) — партийный и советский деятель; после Октября 1917 г. участвовал в организации борьбы с оренбургским казачеством; член Уральского губкома РКП(б), исполкома, комиссар финансов, председатель СНХ. В сентябре 1918 г. отозван в Москву, введен в коллегию НКФ и назначен заместителем НКФ на Урале. После занятия Урала Колчаком член коллегии НКФ, а также президиума ВСНХ (апрель 1919 г. — 20 мая 1920 г.). Исполнял обязанности заведующего финансами ВСНХ, являлся председателем Горного совета, наблюдающего за научно-техническим отделом, Главным Геодезическим Управлением; член совета Внешторгбанка (1923), председатель правления Центроспирта. Похоронен на Новодевичьем кладбище.
- ⁴⁸ Само прошедшее... С. 99. В публикации ошибочно фигурирует фамилия «Рудаковский». Рудановский Александр Павлович (1863–1931) — ученый, специалист в области теории бухгалтерского учета. Главный бухгалтер Московской городской управы с 1897 г., по совместительству читал курс по бухгалтерскому учету в Московском коммерческом институте с 1912 г.; работал на бухгалтерских должностях в Центротекстиле, Наркомпроме, ВСНХ, НКПС, Иваново-Вознесенском губисполкоме и занимался научной и научно-организационной работой (с февраля 1918 г.). Соредактор журнала «Вестник счетоводства» (1923–1926), главный редактор журнала «Вестник Института государственных бухгалтеров-экспертов» (1928–1930); автор принципиально нового учения о предмете и методе бухгалтерского учета. Похоронен на кладбище Донского монастыря.
- ⁴⁹ Косырев Владимир Михайлович (1881–1945) — советский партийный и государственный деятель. Весной 1917 г. один из руководителей Совета солдатских депутатов Томского гарнизона; в ноябре председатель Омского Совета, руководил первыми социально-экономическими мероприятиями советской власти в городе. Весной 1918 г. член Западно-Сибирского исполкома Советов. После свержения советской власти в Сибири уехал на Урал; член Уральского областного комитета РКП(б), затем в Москве, секретарь Рогожско-Симоновского райкома РКП(б); член Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б) (1919–1921); председатель Новониколаевского (Новосибирского) губисполкома (1921–1922). С 1923 г. работал в составе ЦКК, с 1928 г. на руководящей работе в системе легкой промышленности РСФСР/СССР; с 1938 г. персональный пенсионер.
- ⁵⁰ Само прошедшее ... С. 146.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 205. Л. 71.
- ⁵² Там же. Л. 39–41.
- ⁵³ Само прошедшее ... С. 148.
- ⁵⁴ Стенографический отчет пленарных заседаний Всероссийского съезда управляющих местными учреждениями Государственного банка 19–22 декабря 1922 г. М., 1922. С. 100.

- ⁵⁵ Шейнман Арон Львович (1886–1944) — государственный, финансовый деятель; председатель Правления Государственного банка РСФСР/СССР (4 октября 1921 г. — 5 марта 1924 г.; 16 января 1926 г. — 19 апреля 1929 г.); заместитель наркома финансов СССР и член ЦО СССР (1926–1929). 20 апреля 1929 г., находясь в зарубежной командировке, отказался вернуться в СССР.
- ⁵⁶ Стенографический отчет пленарных заседаний Всероссийского съезда управляющих местными учреждениями Государственного банка ... С. 81.
- ⁵⁷ Там же. С. 26, 27–28, 77.
- ⁵⁸ Аркус Григорий Моисеевич (1896–1936) — финансовый деятель; работал в органах Смоленской губчека (1918–1919); представитель НКФ РСФСР в Малом Совнаркоме (с февраля 1921 г.), начальник Счетно-операционного управления НКФ (с ноября); член Правления Госбанка РСФСР (19 октября 1921 г. — 4 января 1922 г.), заместитель начальника Валютного управления НКФ (до декабря 1922 г.). С ноября 1922 г. — фактически откомандирован в Госбанк, где с 26 декабря 1922 г. назначен заведующим валютно-фондовым отделом. С 23 июня 1924 г. член Правления Госбанка СССР; с августа 1926 г. откомандирован на постоянную работу в Германию; с февраля 1931 г. заместитель председателя Правления и заведующий отделением зарубежных операций Госбанка; 1-й заместитель председателя Правления Госбанка СССР (1934–1936). 10 июля 1936 г. был арестован, обвинен в участии в «московском террористическом центре» и создании фонда финансирования «троцкистских террористических групп». 3 сентября 1936 г. был приговорен к высшей мере наказания, 4 сентября 1936 г. расстрелян. Реабилитирован 9 сентября 1958 г.
- ⁵⁹ Сокольников Григорий Яковлевич (1888–1939) — государственный и политический деятель. Член коллегии, заместитель наркома НКФ РСФСР (с ноября 1921 г.); с 7 апреля 1922 г. исполняющий обязанности наркома финансов, с 22 ноября нарком финансов РСФСР/СССР. 16 января 1926 г. освобожден от этой должности за близость к «новой оппозиции». 26 июля 1936 г. был арестован по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра»; 30 января 1937 г. Военной коллегией Верховного суда приговорен к десяти годам лишения свободы. 21 мая 1939 г. был убит в камере агентами НКВД в Верхнеуральском политическом изоляторе (г. Тобольск). Реабилитирован 12 июня 1988 г.
- ⁶⁰ Юровский Леонид Наумович (1884–1938) — экономист, специалист в области финансов. С осени 1921 г. заведующий отделом иностранной статистики ЦСУ, консультант НКФ РСФСР. С начала августа 1922 г. заместитель начальника, с июля 1923 г. начальник Валютного управления НКФ РСФСР. Принял участие в разработке и проведении денежной реформы 1922–1924 гг. С октября 1922 г. представитель НКФ в Совете по эмиссионным делам при Госбанке РСФСР (СССР); в октябре 1928 г. освобожден с поста начальника Валютного управления (при сохранении поста члена Коллегии НКФ); в февралю-ноябре 1929 г. начальник Планово-экономического управления НКФ, с апреля 1930 г. член совета Госбанка. 26 июля 1930 г. был арестован, 26 января 1932 г. осужден Коллегией ОГПУ по «делу Трудовой крестьянской партии» и приговорен к восьми годам заключения. 27 декабря 1937 г. его вновь арестовали, обвинили во вредительстве и принадлежности к контрреволюционной террористической группе. 17 сентября 1938 г. его приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли. Реабилитирован 1 июня 1963 г.
- ⁶¹ Лоевский Давид Абрамович (1884–1939) — заместитель начальника Валютного управления НКФ СССР (1920-е гг.); автор книжных и журнальных публикаций по вопросам денежно-кредитной и валютной политики. Арестован по делу о вредительстве в НКФ СССР; 25 апреля 1931 г. осужден Коллегией ОГПУ на 10 лет ИТЛ; повторно арестован и 16 апреля 1939 г. осужден к расстрелу по ст. 58-7, 10, 11 УК РСФСР Военным трибуналом войск НКВД Московского округа. Реабилитирован 31 марта 1956 г.
- ⁶² ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 205. Л. 76–79.
- ⁶³ Там же. Л. 12, 16.
- ⁶⁴ Там же. Л. 81–82.
- ⁶⁵ Кузнецов Степан Матвеевич (1891–1938) — нарком финансов Украины, член коллегии НКФ СССР (1923–1926); заместитель наркома финансов СССР (1926 г. — май 1929 г.). 29 июля 1937 г. арестован, 14 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и 15 января 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 22 сентября 1956 г.
- ⁶⁶ О каком из братьев идет речь, неясно. В пользу младшего (хотя и находившегося в тот период как представитель УССР за границей) говорит его активное участие в оппозиционном движении. Ауссем Владимир Христианович (1882 или 1879 — после 1936) — народный секретарь финансов украинского советского правительства (декабрь 1917 г. — февраль 1918 г.); на руководящих должностях в РККА и разведке (до 1920 г.); на работе в ВСНХ (химическая промышлен-

ность; 1920–1921), полномочный представитель УССР в Германии (1921–1925); председатель ВСНХ УССР (1925–1926); торговый представитель СССР в Турции (1926–1927). В 1927 г. он был исключен из партии как «активный троцкист», в 1937 году пропал без вести в тайге (по другим данным, расстрелян). Реабилитирован в 1989 г. Его старший брат — Ауссем Отто Христианович (1875–1929) тоже участник революционного движения и Гражданской войны в Забайкалье, Амурской и Приморской областях, позже на партийной работе в Крыму. С 1923 г. на дипломатической работе за границей, представитель Наркомпроса УССР в Берлине и Праге, в 1924 г. заместитель полпреда СССР в Берлине и полпреда — в Праге. С осени 1924 г. генеральный консул СССР в Париже, затем в Милане.

⁶⁷ Ксандров Владимир Николаевич (1876–1942) — председатель ревкома г. Симбирска (октябрь 1917 г.); председатель исполкома Симбирского губернского Совета, председатель Главного топливного комитета ВСНХ РСФСР, член коллегии НКПС РСФСР (декабрь 1917 г. — февраль 1918 г.); член Президиума СНХ Украинской ССР, особоуполномоченный СТО РСФСР в Донбассе (1920); член Комитета государственных сооружений РСФСР (1921); член Президиума ВСНХ СССР, председатель Высшей арбитражной комиссии СССР, председатель Правления Промышленного банка СССР (1 ноября 1923 г. — 25 декабря 1929 г.). Заместитель председателя (3–17 ноября 1927 г.), затем председатель Главного концессионного комитета СССР (17 ноября 1927 г. — 1929 г.). В 1938 г. арестован, 20 апреля 1941 г. осужден к десяти годам ИТЛ. Умер 15 апреля 1942 г. в тюрьме. Реабилитирован 21 мая 1955 г.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 205. Л. 76–79.

⁶⁹ Само прошедшее ... С. 156, 157.

⁷⁰ Там же. С. 25, 142–144; Ленинский сборник. Т. XXXVIII. С. 419; ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 75. Л. 139–140.

⁷¹ Само прошедшее ... С. 70.

⁷² Там же. С. 147.

⁷³ Там же. С. 177.

⁷⁴ Л.Д. Троцкий. Как разлагают комсомол (письмо к партийцу-комсомольцу) // Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. М., 1990. Т. 4. С. 232.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 205. Л. 86–87.

⁷⁶ Там же. Л. 76–79; Д. 203. Л. 79.

⁷⁷ Само прошедшее ... С. 246.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 76. Л. 59–59 об.

⁷⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 83. Д. 159. Л. 47, 49.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 226. Л. 1 об.

⁸¹ Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) — советский политический и государственный деятель; с 1923 г. кандидат, с 1924 г. член ЦК РКП(б); член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 13 июля 1930 г.); член Оргбюро и секретарь ЦК (1 января 1926 г. — 12 июля 1928 г.). 3 мая 1938 г. арестован, 26 февраля 1939 г. расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г.

⁸² ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 226. Л. 23–23 об. Записка не датирована. Написана, вероятно, в апреле 1928 г.

⁸³ Хрущов Александр Григорьевич (1871–1932) — финансовый и политический деятель; товарищ министра финансов во Временном правительстве (с 30 мая 1917 г.); член Правления Государственного банка РСФСР/СССР (19 октября 1921 г. — 1928 г.). Согласно решению Правления от 12 июля 1924 г. в его ведении находились инспекция, касса и бухгалтерия. Выведен из состава правления Госбанка постановлением Секретариата ЦК РКП(б) от 20 апреля 1928 г., утвержденным Политбюро ЦК ВКП(б) 3 мая 1928 г.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 226. Л. 11.

⁸⁵ Реске Николай Александрович (1887–1956) — административный, финансовый деятель; чрезвычайный ревизор, уполномоченный ВЦИК по проведению продналоговой кампании, помощник особоуполномоченного по реализации урожая (1921–1922); член Президиума ЦК Помгол (1921 г.); член коллегии Наркомата РКИ (1921–1932); член Правления Госбанка СССР, руководил Хлебным отделом (1923–1928). Решение о выводе из состава правления Госбанка было принято Секретариатом ЦК ВКП(б) 20 апреля 1928 г. и утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 3 мая 1928 г.; член правления и заместитель председателя правления Акционерного камчатского общества (1930–1937). Был арестован в 1938 г., приговорен к восьми годам лишения свободы; освобожден в 1946 г.; повторно арестован в 1949 г. и приговорен к ссылке в Красноярский край. Освобожден в 1955(?) г. Реабилитирован.

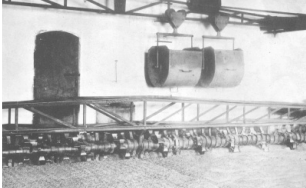
- ⁸⁶ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 226. Л. 11 об. Возможно, автор путает. В письме С.В. Косиору, написанному в апреле 1928 г. и во многом повторяющем мартовское, говорится о «художествах Хрущева» (Там же. Л. 18).
- ⁸⁷ Там же. Л. 2, 11 об.
- ⁸⁸ Блюм Артур Адамович (1877 — не ранее 9 августа 1938) — член лекторской и литературной групп, организатор Замоскворецкого района МК РСДРП(б) (октябрь—декабрь 1905 г.). С 1908 г. на службе в Азовско-Донском банке. После Февраля 1917 г. председатель Петроградского совета уполномоченных служащих кредитных учреждений, одновременно председатель правления потребительского кооператива. Входил от банковских служащих в Петроградское бюро профессиональных союзов и Петроградский совет рабочих депутатов (фракция большевиков). Один из учредителей организации «объединенных социал-демократов интернационалистов». Входил в состав ВЦИК II-го и III-го созывов. С весны 1918 г. — на работе в ВСНХ. С июля 1924 г. — член правления Госбанка СССР. Арестован 16 декабря 1930 г. по обвинению во «вредительстве». Виновным себя не признал. Осужден на пять лет ИТЛ. 15 июня 1931 г. лишение свободы заменено высылкой на Урал. Вторично арестован 15 февраля и осужден 9 августа 1938 г. (по другим данным 20 сентября 1938 г.) Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Реабилитирован 22 июня 1963 г. (*Николаев М.Г.* «Банковский ликбез» для сценаристов ОГПУ. Тюремная записка члена Правления Госбанка СССР А.А. Блюма. 1931 г. // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 3—23).
- ⁸⁹ Докладная записка Учраспреда Правления Госбанка СССР в Орграспред ЦК ВКП(б) о проверке состава работников кредитных учреждений, 20 февраля 1929 года // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М., 2016. Вып. 17. С. 17.
- ⁹⁰ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 226. Л. 2. Очевидно, имеется в виду заседание Секретариата ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1927 г., на котором присутствовал И.В. Сталин. Было принято решение: «Поставить на вид руководителям банков невыполнение директивы ЦК от 27/IV—27 г. об улучшении состава фактически руководящих банковских работников и усилении коммунистического влияния средних звеньев, предупредив их, что невыполнение директивы в ближайшие два — три месяца поставит ЦК перед необходимостью привлечения руководителей банков к строжайшей партийной ответственности» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 583. Л. 1).
- ⁹¹ На 1 октября 1927 г. Правление Госбанка СССР состояло из 16 человек, из них 7 — члены ВКП(б), 9 — беспартийные (По страницам архивных фондов Центрального банка ... Вып. 17. С. 28).
- ⁹² ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 226. Л. 9—10.
- ⁹³ Там же. Л. 18—19. О том, что письмо Косиору было послано, свидетельствует упоминание об этом факте в более позднем письме автора Рудзутаку (Там же. Л. 29—33).
- ⁹⁴ Там же. Л. 25—25 об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 29—33.
- ⁹⁶ Там же. Д. 76. Л. 30—30 об., 34, 46. Постановление СНК об освобождении Спундэ было опубликовано в «Правде» от 30 октября 1928 г.; указана его должность: «заместитель председателя правления Госбанка Союза ССР».
- ⁹⁷ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о назначении Г.Л. Пятакова заместителем председателя Правления Госбанка, включив его в состав коллегии НКФ СССР, было принято (опросом) 16 октября 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 709. Л. 4).
- ⁹⁸ Там же. Д. 228. Л. 7.
- ⁹⁹ Там же. Д. 176. Л. 19. В более раннем документе (1938) он сообщил о приступах эпилепсии, начавшихся в 1927 г. (Там же. Д. 228. Л. 6). В решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 августа 1928 г. содержался пункт, обязывающий Спундэ максимально ограничить свою работу до предоставления отпуска (Там же. Д. 700. Л. 3).
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 191. Л. 1.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 709. Л. 4; Д. 710. Л. 2.
- ¹⁰² Там же. Д. 228. Л. 7—8. Цены на алкоголь были повышены с 15 ноября 1928 г. на 9%, с 15 февраля 1929 г. — на 20% (*Воронов Д.* Алкоголь в современном быту. М.; Л., 1930. С. 49). К заявлению Спундэ в отношении сохранения стабильных цен необходимо отнестись с осторожностью. Так, например, в протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 сентября 1930 г. читаем: «Констатировать, что в текущем хозяйственном году, вопреки решению ЦК (Постановление ПБ ЦК от 20. X. 29 г.) о допустимости продажи части промтоваров только по двойным ценам, была допущена продажа некоторых товаров по тройным и более чем по тройным ценам» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 797. Л. 1—2).

- ¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 772. Л. 6.
- ¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 228. Л. 8–9. Возможно, речь идет о решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июня 1930 г. по докладу Рудзутака и Спундэ «Об организации прямого грузового сообщения между Европой и Дальним Востоком». В протоколе заседания было записано: «а) Разрешить НКПС'у вступить в соглашение с германскими, литовскими, латвийскими, эстонскими и японскими железными дорогами об организации прямого грузового сообщения между Европой и Дальним Востоком; б) Согласиться на безлицензионный провоз грузов в этом направлении за исключением: оружия, снарядов, боевых припасов, опия и приспособлений для его курения, аннулированных ценных бумаг, иностранных лотерей и займов, порнографических произведений и вредных для Советского Союза в политическом и экономическом отношении печатных произведений, клише и т.п. и голубей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 787. Л. 8).
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–2.
- ¹⁰⁶ Там же. Согласно И.Б. Брайнину, в письме в КПК ВКП(б) Спундэ приводит шесть пунктов предъявленного ему обвинения: «1. Был левым коммунистом в 1918 году; 2. Личный друг Бухарина; 3. Личный друг Аболина, “бывшего секретаря ВЦСПС, ныне арестованного”; 4. Во время работы в 1928 году в Госбанке не указывал на ненормальное положение там; 5. Противопоставляя Ленина Сталину; 6. За годы своей партийной работы не критиковал “левых” коммунистов» (Само прошедшее ... С. 244–245).
- ¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 228. Л. 6. В конце письма автор заверяет: «С большой охотой пошел бы на любую работу, в любую глушь, будь то Верхоянск, Камчатка, Колыма или еще что-нибудь в этом роде» (Там же. Л. 10).
- ¹⁰⁸ Спецоперация в отношении лиц латышской национальности проводилась на основании шифротелеграммы главы НКВД СССР Н.И. Ежова № 49990 от 30 ноября 1937 г. На 10 сентября 1938 г. Комиссией НКВД и прокурора СССР было рассмотрено 17 851 дело, в результате чего приговорены к расстрелу 13 944 человека. Всего в рамках операции осудили 21 300 человек, из которых 16 575 расстреляли.
- ¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.
- ¹¹⁰ Ансберг Н.А. Рыцари Октября // журнал «Санкт-Петербургский университет» № 22 (3463), 6 ноября 1997. URL: <http://www.spbumag.nw.ru/97-98/no22-97/content.html> (дата обращения — 20.03.2020).
- ¹¹¹ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 223. Л. 2.
- ¹¹² Там же. Д. 273.
- ¹¹³ Я.А. Спундэ упоминает о том, что отец в 1948–1951 гг. служил кассиром в Мосторге (см.: *Спундэ А. Очерк экономической истории русской буржуазии* // Наука и жизнь. 1988. № 1. С. 76).
- ¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 9665. Оп. 1. Д. 76. Л. 25–25 об., 88–88 об., 91 об.–92.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 91 об.–92.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 12.
- ¹¹⁷ Само прошедшее ... С. 227–228.
- ¹¹⁸ Там же. С. 237–239.
- ¹¹⁹ См.: *Спундэ А. Очерк экономической истории русской буржуазии. С. 76.* У автора встречается сравнение с 1951 г., что косвенно подтверждает датировку, указанную публикатором (Там же. С. 81). О богатом материале по экономике и истории, отложившемся в семейном архиве (включая рукопись «К истории СССР») упоминалось еще в очерке 1966 г. (*Революционеры Прикамья ... С. 609*).
- ¹²⁰ См.: *Марьямов Г. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 69–70, 84–92; Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 2002. С. 615; Илизаров Б.С. Документы ЦК ВКП(б) о формировании образа Ивана Грозного в литературе // Отечественные архивы. 2016. № 1; и др.*
- ¹²¹ *Спундэ А. Очерк экономической истории русской буржуазии. С. 82.*
- ¹²² ГА РФ. Ф. 9558. Оп. 1. Д. 205. Л. 75.

Библиография

- Валентинов (Вольский) Н.* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. 367 с.
- Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. 639 с.
- Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. / сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. 872 с.
- Воронов Д.* Алкоголь в современном быту. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 132, [4]с.
- Второй всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. LXI, 179 с.
- Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М.: РОССПЭН, 2017. 422, [1]с.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
- Илизаров Б.С.* Документы ЦК ВКП(б) о формировании образа Ивана Грозного в литературе // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 46—55.
- Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 3. С—Я. 783 с.
- История Государственного банка в документах. М.: Финансы, 1971. 790 с.
- Калей Леон.* Ленин и Спундэ — за // Даугава. 1979. № 4. С. 118—124.
- Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. М.: Терра, 1990. Т. 4. 280 с.
- Козинцев Г.* Собр. соч.: в 5 т. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1982. Т. 1. 556, [2]с.
- Кротов Н.И.* Очерки истории Банка России. Центральный аппарат. Персональные дела и деяния. М.: Экономическая летопись; Междунар. отношения, 2011. 695 с.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 44. 725 с.
- Ленинский сборник. М.: Политиздат, 1975. Т. XXXVIII. 464 с.
- Марьямов Г.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. 127, [1]с.
- Николаев М.Г.* «Банковский ликбез» для сценаристов ОГПУ. Тюремная записка члена Правления Госбанка СССР А.А. Блюма. 1931 г. // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 3—23.
- Осинский Н.* Как мы овладели Государственным банком // Экономическая жизнь. 1918. № 1. 6 ноября С. 2—3.
- По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2016. Вып. 17. 239 с.
- Пестковский С.С.* Об октябрьских днях в Питере // Утро страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде. 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л.: Лениздат, 1988. 476, [1]с.
- Политические деятели России, 1917 год: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
- Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь: Кн. изд-во, 1966. 823 с.
- Само прошедшее, как оно было ... Переписка Анны Кравченко и Александра Спундэ. М.: Политиздат, 1990. 267, [1]с.
- Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 13. 1024 столб.
- Соломон Г.А.* Среди красных вождей (лично пережитое и увиденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 380, [2]с.
- Спундэ А.П.* Смольный 24—26 октября 1917 года // В дни Октября: Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л.: Лениздат, 1982. 406 с.
- Спундэ А.П.* Смольный 24—26 октября 1917 года // Это есть наш последний и решительный бой! (июль—октябрь 1917). М.: Политиздат, 1987. Кн. 2. 510 с.
- Спундэ А.П.* Октябрь, 1917 // Новый мир. 1967. № 10. С. 184—198.
- Спундэ А.П.* В борьбе за пролетарскую революцию // За власть Советов: сб. воспоминаний старых большевиков — участников Великой Октябрьской революции и гражданской войны в Вятской губернии. Киров: Кн. изд-во, 1957. С. 33—42.
- Стенографический отчет пленарных заседаний Всероссийского съезда управляющих местными учреждениями Государственного банка 19—22 декабря 1922 г. М.: б. и., 1922. 183 с.
- Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 637, [1]с.

История советской и постсоветской экономики

Мозохин О.Б.*

Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах промышленности и транспорта в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

Аннотация. В двадцатых годах за счет преступной халатности, саботажа и низкого профессионального уровня среднего звена руководителей государственные предприятия страны несли огромные убытки. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение навести порядок на предприятиях промышленности и объектах транспорта. Сделать это экономическими методами было бы и сложно, и долго, видимо, поэтому вспомнили о проверенном способе решения всех проблем — о репрессиях. Первоначально ОГПУ и ВСНХ СССР провели кампанию по борьбе с диверсиями и пожарами. Затем прошел первый крупный процесс по борьбе с вредительством — «Шахтинский», позже аналогичные дела были сфабрикованы почти во всех отраслях промышленности и на объектах транспорта. С помощью этих мер был установлен относительный порядок, однако жертвы этих процессов чаще всего не совершали преступлений, в которых их обвиняли. Конкретно-историческое изучение данного вопроса позволяет более четко представить реальные процессы функционирования органов государственной власти и безопасности в исследуемый период. Это важно для формирования в российском обществе объективной картины сложных и дискуссионных проблем отечественной истории.

Ключевые слова: ЦК ВКП(б), Политбюро, Сталин, ОГПУ, вредительство, репрессии, промышленность, транспорт.

Свертывание нэпа во второй половине 1920-х гг. существенно осложнило положение в советской экономике, в том числе в отраслях промышленности. В это время на крупных промышленных предприятиях повсеместно участились случаи аварий, взрывов и пожаров. По мнению руководства страны, это было следствием вредительства и диверсий, инициированных из-за рубежа. Другой причиной указывалась преступная халатность советских граждан.

По указанию Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1927 г. ОГПУ при СНК СССР и ВСНХ были разработаны и представлены на утверждение председателями этих государственных органов В.Р. Менжинским и В.В. Куйбышевым ряд специальных мероприятий по борьбе с диверсиями и пожарами. Решение по их докладу было оформлено постановлением Президиума ЦИК СССР от 4 апреля 1927 г. Постановление приравнивало к государственным преступлениям небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности и транспорте.

В центре и на местах начали формировать межведомственные комиссии. В их состав, кроме сотрудников ОГПУ вошли представители органов советской власти и промышленных предприятий.

* Мозохин Олег Борисович — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, 7077707@bk.ru.

Согласно циркулярам ЦК ВКП(б) партийные органы должны были вести организационную и идеологическую работу по формированию общественного мнения о необходимости «всем до единого следить за происками врагов». Предлагалось вскрывать «контрреволюционный умысел», обеспечивая тем самым безопасность промышленных предприятий. С этого времени факты беспхозяйственности, нарушений техники безопасности, преступной халатности и другие подобные явления стало возможным квалифицировать как вредительство, диверсии или саботаж.

Было принято решение о применении репрессий для наведения порядка. Как правило, они стали применяться к инженерно-техническому персоналу предприятий. При этом вскрытие «контрреволюционного умысла» с целью формирования общественного мнения стали широко освящать СМИ. Ответственность за экономические трудности сталинское руководство взвалило на «классовых врагов», «саботажников», «вредителей» и «старых буржуазных специалистов».

Планировалось провести показательные процессы. Первая фабрикация такого масштаба, организованная ОГПУ и высшим партийным руководством, произошла в каменноугольной промышленности. Дело об «экономической контрреволюции» в Донбассе получило название «Шахтинское». Именно с него началась кампания по борьбе с вредительством.

В это время в каменноугольной промышленности в связи с низкой дисциплиной рабочих, их технической отсталостью, большим количеством прогулов, гонкой за выполнением и перевыполнением планов и норм в ущерб безопасности труда действительно участились крупные аварии и пожары. Обострились отношения среди рабочих шахт, между рабочими и специалистами.

9 февраля 1928 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода доложил председателю СНК СССР А.И. Рыкову о выявлении контрреволюционной организации, которая в течение ряда лет занималась систематическим разрушением угольного хозяйства в Донбассе. Деятельность организации, по его словам, направлялась из Польши и Германии.

Первые материалы по Шахтинскому делу из ОГПУ в Политбюро ЦК ВКП(б) поступили 28 февраля 1928 г. К этому времени следствие велось уже полгода. Реакция Политбюро была однозначной: продолжать следствие для более тщательной проработки. Для доклада по данному делу из Ростова-на-Дону в Москву выехал полномочный представитель ОГПУ Е.Г. Евдокимов.

2 марта 1928 г. Г.Г. Ягода доложил И.В. Сталину, что полномочным Представительством ОГПУ СКК вскрыта мощная организация, действовавшая многие годы в «Донугле». Деятельность этой организации велась на средства, получаемые из Польши и Германии. По непроверенным данным, фамилии работавших в организации специалистов сообщались за границу и там, на имя главных персонажей, клались в банк значительные суммы денег как вознаграждение за контрреволюционную деятельность в СССР¹.

В тот же день В.М. Молотов и И.В. Сталин письменно проинформировали членов Политбюро о заслушанном сообщении сотрудников ОГПУ о специалистах-контрреволюционерах Шахтинского региона. В письме было высказано предположение, что группа специалистов связана с русскими контрреволюци-

онерами в эмиграции, с немецкими капиталистами и контрреволюционерами. Показания арестованных не оставляли никаких сомнений в серьезности этого дела. Предлагалось арестовать ряд инженеров как в Москве, где якобы имелся центр контрреволюционеров, так и в Харькове.

Однако в Политбюро ЦК ВКП(б) возникали сомнения в существовании такой организации. В записке М.П. Томскому от 2 февраля 1928 г. К.Е. Ворошилов писал: «Миша, скажи откровенно, не вляпаемся мы при открытии суда в Шахтинском деле. Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ». На что Томский ответил: «По Шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности нет. Это картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое отношение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить»².

В Политбюро была организована комиссия, которая стала заниматься Шахтинским делом, в составе А.И. Рыкова, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталина, В.М. Молотова и В.В. Куйбышева.

В Политбюро в это время существовала Комиссия по политическим делам, но значение Шахтинского дела, по-видимому, было несколько выше. Поэтому и была создана особая комиссия. Входившие в нее Молотов и Сталин в записке членам Политбюро писали, что «дело может принять интереснейший оборот, если организовать соответствующее судебное разбирательство к моменту выборов в Германии». Таким образом, рассмотрение дела в определенное время, ко всему прочему, влияло и на межгосударственные отношения³.

Позже комиссии Политбюро по Шахтинскому делу были предоставлены права окончательного решения срочных вопросов от имени Политбюро по этому делу с последующим докладом⁴.

В Политбюро ЦК ВКП(б) приняли решение послать секретарю крайкома А.А. Андрееву следующую телеграмму: «Считаем необходимым разбирательство дела шахтинских специалистов в судебном порядке, о чем дадим в ближайшие дни конкретные указания». Куйбышев посчитал нецелесообразным отправлять такую телеграмму, т.к. в этом деле нити вели в «Донуголь», «а с передачей дела в руки судебных органов мы много не сумеем узнать». Он предложил оставить ведение дела в ГПУ, чтобы расследовать все до конца. Его предложение было принято.

Для того чтобы показать связь вредителей, проходивших по Шахтинскому делу, с немецкими капиталистами, нужно было найти какую-то конкретную связь. Учитывая то обстоятельство, что на шахтах работали иностранцы, 5 марта 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решило замешанных в Шахтинском деле немцев арестовать, англичан не трогать (по-видимому, в связи с тем, что выборы в английский парламент не планировались, а отношения с Англией и без того были непростыми), а допросить и освободить.

8 марта 1928 г. Политбюро приняло предложенный И.В. Сталиным, Н.И. Бухариным и В.М. Молотовым проект обращения ЦК ко всем организациям ВКП(б), коммунистам-хозяйственникам, ответственным работникам промышленности и профессорам, ответственным работникам РКИ и ОГПУ «Об экономической контрреволюции в южных районах углепромышленности».

Принятие этого обращения объясняет многое. Прежде всего стало ясно, что это была попытка борьбы с бесхозяйственностью и наведения элементарного

порядка в углепромышленности. При этом экономические методы в условиях «строительства социализма» в годы первой пятилетки оказались неэффективными. В результате Политбюро решило применить репрессивные методы, которые раньше неплохо помогали. «Шахтинский» процесс был первым масштабным мероприятием по борьбе с вредительством. В этом и есть основная причина повышенного внимания Политбюро к этому делу. Данный процесс должен был через страх отомобилизовать работников угольной промышленности на выполнение утвержденных планов первой пятилетки, инициатором которых выступил Сталин.

9 марта 1928 г. комиссия Политбюро по Шахтинскому делу поручила просмотр проекта извещения прокурора в подкомиссии в составе Янсона, Молотова, Сталина, Куйбышева и Бухарина. Проект извещения был переработан основательно, весь испещрен пометками, часть текста вычеркнута. Это еще раз подтверждает то, что процессу уделялось большое внимание. Однако не имелось еще достаточного опыта организации таких гласных, показательных процессов. Необходимо было, по возможности, не опускаясь до конкретики, найти лаконичные фразы, показывающие суть дела, т.к. оставались опасения, что сведения, не соответствующие действительности, могли вызвать недоверие к этому мероприятию.

Так, были вычеркнуты фразы о времени образования организации (1919–1920), о предстоящем кризисе угольной промышленности в 1930 г. и др. 10 марта 1928 г. сообщение появилось на страницах газеты «Правда»⁵.

В это время полномочный представитель ОГПУ в СКК Е.Г. Евдокимов из Ростова-на-Дону сообщил о подготовке для процесса 31 гражданина СССР и пяти немцев. Каким образом велась эта подготовка, можно только предполагать. Сообщалось также о том, кто и какие показания дал, кто еще не сознался. Так, удалось выяснить, что Отто Эрнестон, бывший социал-демократ, два года состоял членом дрезденской организации «Стальной шлем»⁶, из которой он вышел перед отъездом в СССР. Тем не менее данный факт стал отягчающим его вину обстоятельством.

После проведенного ареста немецких специалистов, 12 марта М.М. Литвинов из Берлина проинформировал И.В. Сталина и Г.В. Чичерина о том, что сведения в газетах об арестах в СССР немецких инженеров вызвали всеобщее возбуждение: «Повсюду в публичных местах идут разговоры об этом. Не говорю уже о сильном озлоблении в промышленных кругах». Причем тягчайшие последствия для отношений предсказывались им не только с Германией, но и с американским промышленным миром.

По-видимому, в связи с возникающими сомнениями в объективности следствия Литвинов предложил создать авторитетную комиссию для определения вины арестованных немцев, гарантируя присутствие при допросах представителя Народного комиссариата иностранных дел.

15 марта 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в целях ускорения подготовки «Донбасского дела» для судебного разбирательства предложило Н.В. Крыленко, ввиду возложения на него обязанностей обвинителя, ознакомиться со всеми имевшимися следственными материалами. В.Р. Менжинскому, Н.М. Янсону и В.В. Куйбышеву поручалось в недельный срок ознакомиться со списком всех

арестованных инженеров в Донбассе. Предлагалось разбить их на категории по степени виновности и установить возможность освобождения тех из них, по отношению к которым не было достаточных улик⁷. После ознакомления со списком арестованных вышеуказанные товарищи 23 марта решили на своем заседании освободить некоторых обвиняемых инженеров, которые требовались для работы на шахтах. О чем были проинформированы Сталин и Рыков.

21 марта комиссия по Шахтинскому делу решила всячески ускорить его передачу в Верховный суд СССР для слушания дела в Москве. Н.В. Крыленко обязали выехать в Ростов для составления следственного материала и окончить его подготовку в месячный срок. ГПУ Ростова и Харькова обязали содействовать Крыленко в его работе.

Комиссия Политбюро обязала ГПУ представить список арестованных по «Шахтинскому делу» и места их заключения. Освобождение этих лиц могло производиться только с согласия комиссии Политбюро по данному делу.

Через неделю, 28 марта 1928 г. Евдокимов из Ростова-на-Дону сообщил, что приехавшие из Москвы пять сотрудников приступили к работе. Трое по указанию Крыленко оформляли дела, а двое вели допросы. Было доложено, что уже отпечатаны девять томов дела и проведены очные ставки, которые прошли «хорошо»⁸.

Решением Президиума ЦИК СССР от 28 марта 1928 г. дело о «шахтинских» рудниках передали для заслушивания в специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. Было предложено объединить два дела — «Шахтинское» и «Донугля» — в один процесс.

30 марта 1928 г. состоялся пленум Северо-Кавказского комитета ВКП(б). Основным докладчиком на нем был полномочный представитель ОГПУ по СКК Евдокимов. В докладе он коснулся вопроса о разрыве в 1927 г. отношений с Англией, связав этот факт с участвовавшими случаями поджогов, вредительством и другими подобными действиями, которые с подачи ГПУ стали называть «диверсии». Органы ГПУ, отмечал Евдокимов, начали суммировать, подбирать, квалифицировать и анализировать информацию по фактам диверсий. В результате было установлено, что наибольшее число серьезных случаев вредительства и аварий происходило на участках производства, которыми руководили лица, по выражению докладчика, наиболее энергично вспоминающие «Боже, Царя храни».

Отмечалось, что при сборе фактов о случившихся авариях опросили в течение двух месяцев более 600 рабочих. Был установлен умысел во всех авариях. Вредителями оказались, по мнению ГПУ, бывшие шахтовладельцы. Установили, что члены этой организации в прошлом имели связь с царской контрразведкой. На протяжении всей службы они не верили в перспективы развития отрасли при советской власти, предполагая вести в дальнейшем борьбу с ней.

Евдокимов доложил, что первые аресты прошли в августе, но, по его словам, только в январе «удалось развязать языки ряда специалистов», т.е. только через пять месяцев. После того как о материалах предварительного следствия стало известно в Москве, были произведены дополнительные аресты «в целях перестраховки, без предварительной проработки». В результате некоторые аре-

стованные начали сознаваться во вредительской деятельности, которая проводилась по идеологическим соображениям. По словам докладчика, работа в пользу старых хозяев привела к тому, что специалисты сами пришли к выводу о неэффективности экономической политики Советского государства.

Евдокимов довольно подробно обрисовал ведение Шахтинского дела, в заключение сделав выводы, согласно которым вредительство было бы локализовано в том случае, если бы хозяйственники не находились в плену у специалистов, учились бы быстрее и самостоятельно работать, были бы близки к рабочим и партийным органам.

Другие выступавшие говорили об антисоветской деятельности специалистов, высказав опасение, что это касалось не только Шахтинского дела, но и в целом руководства хозяйством. Ведь в большинстве случаев хозяйственники осуществляли общее руководство, не обладая необходимыми знаниями.

В прениях некоторые выступавшие хвалили сотрудников ГПУ за работу («К нашему счастью, мы еще имеем чекистов») и заявляли: «В последнее время курс взят на смягчение репрессий <...> надо будет взять противоположный курс, и сейчас надо сказать прямо, что, не расстреляв несколько лиц, которые допустили грубейшие промахи, крупные растраты и бесхозяйственность, мы не достигнем соответствующих результатов в их искоренении»⁹.

Другие склонялись к тому, что Шахтинское дело приняло характер кампании: «Почему <...> на каждом предприятии стараетесь найти “Шахтинское дело”. Может быть, действительно стараются найти выдумать, но надо посмотреть вокруг, и если не контрреволюционные, то отдельные головотяпства выправлять нужно»¹⁰.

А.А. Андреев поддержал такое мнение: «Одними своими руками построить социализм мы не можем, надо использовать специалистов <...> Я думаю, что есть у нас, у хозяйственников, внутреннее недоверие к нашим органам ГПУ, что, дескать, они увлекаются своими исканиями преступлений, перебирают и т.д. Такое недоверие есть <...>. Это недоверие после того, какие успехи ГПУ имеет в деле раскрытия экономического контрреволюционного заговора, должно быть изжито и заменено большим вниманием ко всем указаниям этих наших организаций»¹¹.

30 марта 1928 г. по распоряжению крайкома от 23 марта состоялся объединенный пленум Шахтинско-Донецкого окружкома ВКП(б) и окружной Контрольной комиссии первого созыва 17-й окружной партконференции, где слушали доклад Д.А. Булатова о решении краевого партийного комитета по Шахтинскому делу. На пленуме присутствовали 600–700 человек, выступили в прениях — около 20. Прозвучало мнение о том, что Бюро неспособно осуществлять правильное руководство — внутрипартийное и хозяйственной деятельностью. Многие выступившие в прениях недоумевали, почему крайком не снял с работы первых лиц окружкома; были проведены перевыборы его Бюро.

Предваряя решения судебных органов, итоги Шахтинского дела рассмотрел объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). В принятой единогласно 11 апреля резолюции по докладу Рыкова «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства» указывалось: «Дело приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло новые формы <...> методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государ-

ства, против социалистической индустриализации». Подчеркивалось, что непосредственное руководство предприятиями сводилось к «общему руководству», а партийное — к декларациям, а хозяйственники превратились в комиссаров плохого типа, не отвечавших за порученное дело.

Далее констатировалось, что необходимо скорейшее проведение ряда практических мероприятий для устранения вскрытых в Донбассе недостатков, которые были характерны для большинства промышленных районов. Ставилась задача усиления контроля над работой специалистов. Объединенный Пленум предложил в ближайшие месяцы обратить внимание на проверку личного состава специалистов: «Рассматриваемые в связи с Шахтинским делом факты с исключительной резкостью подчеркивают необходимость улучшения дела использования специалистов науки и техники в нашей промышленности, транспорте и т.д. Для этого теперь особенно необходимо усиление проверки их работы и действительное установление строгой ответственности за поручаемое им дело наряду с постоянной заботой о благоприятных условиях их труда». На Пленуме также обсуждались вопросы в отношении выдвиженцев, о вовлечении народных масс в руководство производством, об улучшении условий труда и быта рабочих Донбасса и др.¹²

11 апреля члены комиссии Политбюро по Шахтинскому делу приняли предложение Крыленко объединить дела в один процесс, ограничившись привлечением руководства «Донугля» и Шербиновского рудоуправления. Крыленко просил перенести процесс — с 21 апреля на 15 мая, т.к. согласно УПК РСФСР необходимо было предоставить обвиняемым десять дней для ознакомления с делом. В этой связи предложили к 20 апреля арестованных направить в Москву. Еще раз был поставлен вопрос о целесообразности привлечения к ответственности немецких специалистов Вегенера и Зебальда за их вредительскую работу. Крыленко предложил не привлекать их, чтобы не осложнять процесс, ограничившись высылкой за пределы СССР¹³. 19 июля Политбюро обязало ЦИК принять решение о ликвидации дела Зебальда и высылки его из СССР как нежелательного иностранца.

В связи с завершением следствия по Шахтинскому делу, 17 апреля 1928 г. Политбюро ликвидировало соответствующую комиссию.

26 апреля 1928 г. Л.М. Каганович из ЦК КП(б)У писал И.В. Сталину об окончании следствия по Шахтинскому делу. В частности, что организация существовала и в Москве, распространив влияние на Сибирь, Кавказ и Центральный район СССР. Кроме того, она была связана с польским и французским посольствами в Москве, польским генеральным консульством в Харькове, французским военным министерством, Бюро политической полиции в Берлине. Поляки, по словам Кагановича, щедро субсидировали организацию, используя ее для шпионской и диверсионной работы. Далее Каганович отметил: «Мне кажется, тов. Сталин, что нельзя ограничиваться только той резолюцией, которая была принята на Пленуме ЦК. Резолюция совершенно и абсолютно правильная, но сейчас необходимо более глубоко и конкретно изучить все условия работы наших трестов и хозяйственных организаций и провести такую реорганизацию не только структуры, но и самой работы хозяйственных учреждений, которая бы обеспечила нас от повторения подобных историй».

В частности, мне кажется, необходимо усилить роль ГПУ, примерно так, чтобы в крупных трестах были бы крупные работники, уполномоченные ГПУ, как вроде транспортных органов ГПУ. Эту реорганизацию надо провести под наблюдением и непосредственным руководством руководящих работников ЦК и ЦКК, иначе, я боюсь, как бы у нас на деле в смысле структуры и методов работы не осталось по-старому»¹⁴.

В заключение Лазарь Моисеевич подчеркнул, что «выводы тов. Сталина в его докладе на Пленуме ЦК в отношении новых форм работы контрреволюции и подготовки интервенции получают фактическое подтверждение в материалах этого дела»¹⁵.

Таким образом, прослеживается взаимовлияние на политические решения в стране партийных органов и органов безопасности. Стоило Сталину сделать выводы о новых формах работы контрреволюции, как тут же органы ОГПУ находили подтверждение этому. Вместе с тем Сталин не сделал бы таких выводов до прочтения отправленных органами госбезопасности на его имя докладных записок о контрреволюционной деятельности в СССР.

Более чем за два месяца до завершения следствия и начала суда развернулась пропагандистская подготовка показательного процесса. В передовых статьях «Правды» и «Известий», в выступлении Сталина на собрании партактива Москвы факт существования «контрреволюционной организации», «тайной группы буржуазных спецов» преподносился как доказанный. Сами же сообщения об этом воспринимались в качестве директивы¹⁶.

Интересно отношение к фальсифицированному процессу лиц, живших в то время. Так, работавший в 1928 г. в «Коксобензоле» инженер Борис Сысоев покончил жизнь самоубийством, но перед этим 9 июня написал предсмертное письмо, которое В.Я. Чубарь переслал Сталину 29 июня. В наложенной резолюции Сталин попросил разослать данное письмо членам и кандидатам в члены Политбюро. Сысоев, в частности, писал, что Ротайчик обозвал его контрреволюционером, шахтинцем и хотел отдать под суд: «Но я знаю, что при желании можно обвинить и невинного — сейчас момент такой. Я не хочу позора, не хочу безвинно страдать и оправдываться, предпочитаю смерть позору и страданиям. Я безгранично страдаю за будущее, неужели дело Ленина погубят? Судить меня — это рубить тот последний сук, на котором все держится»¹⁷.

В обвинительном заключении по Шахтинскому делу указано, что в 1922—1923 гг. буржуазные специалисты создали контрреволюционную вредительскую организацию в Шахтинском районе, тесно связанную с бывшими шахтовладельцами Донбасса. С 1925 г. она действовала под непосредственным руководством «Парижского центра». Этот вывод был сделан в связи с происходившими в ноябре 1923 г. рабочими волнениями в Александровск-Грушевске (Шахтинском округе). Тогда шахтеры Власовско-Парамоновского рудника выступили с требованиями улучшения условий труда, повышения заработной платы, соблюдения правил техники безопасности, развития рабочего самоуправления. Прибывшие представители Всероссийского союза горнорабочих провели общее собрание с чтением доклада о сложном международном положении страны, делавшим невозможным немедленное удовлетворение требований рабочих. Этим все и закончилось.

В 1925/26 хозяйственном году рост зарплаты рабочих каменноугольной промышленности в Шахтинском округе обогнал рост производительности труда на 19,1%. Потребовалось срочно обеспечить рост производительности труда и создать накопления для проведения рационализации производства. Сделать это было можно лишь за счет максимальной эксплуатации устаревшего оборудования при сохранении низких расценок оплаты труда, стимуляции энтузиазма рабочего класса, что, в свою очередь, влекло за собой рост травматизма и аварийности.

Несмотря на трудности в 1927–1928 гг. в общесоюзном тресте «Донуголь», куда входили Шахтинский и Белокалитвенский районы, добыча угля составляла 2,5 млн т, что на 0,3 млн т превышало уровень 1913 г. В стране механизированная добыча угля по отношению к общей составляла 15,8%, в Шахтинско-Донецком округе — 45,4%. Вряд ли можно было достичь таких результатов при массовом вредительстве.

Как видно из материалов «Шахтинского дела», определенное количество специалистов, работавших при царском режиме на предприятиях каменноугольной промышленности, не скрывали своего негативного отношения к политике данной новой власти в данной сфере. Многие подсудимые не отрицали своих связей с бывшими шахтовладельцами, эмигрировавшими после революции за границу, однако не признавались во вредительстве и передаче шпионских сведений. Еще 23 ноября 1920 г. был принят декрет об общих экономических и юридических условиях концессий. Тогда же поступили документы о сдаче отдельных предприятий угольной промышленности Донбасса в концессию, что обосновывалось невозможностью средствами республики восстановить Донбасс к 1927 г., как это планировалось. Иностранцам предлагались 72 предприятия каменноугольной промышленности бассейна.

Первыми в Шахтинском округе были арестованы А.К. Колодуб, С.А. Бабенко, В.Н. Самойлов, Л.Б. Кузьма, Н.Е. Калганов, А.В. Детер, Н.Н. Березовский, П.И. Антонов, И.Г. Горлов, В.Т. Беленко и другие специалисты, работавшие на шахтах Донбасса. Многие из них заявили о необъективном ведении следствия и оговоре.

На допросах следователи, искусно манипулируя сведениями о политическом прошлом арестованных, фактах аварий, затоплений на шахтах, об антисоветских высказываниях отдельных инженеров, добились от некоторых специалистов признания о существовании контрреволюционных вредительских групп в Донецко-Грушевском, Несветаевском, Власовском, Щербиновском и Горловском рудоуправлениях, в правлении треста «Донуголь» и в ВСНХ СССР. Руководили ими из-за границы бывшие акционеры угольной промышленности. На основе этих признаний были арестованы 58 специалистов.

На предварительном следствии С.П. Братановский сообщил о составе, структуре и задачах организации, содействовавшей сдаче рудников в концессию бывшим шахтовладельцам. Однако большинство обвиняемых этих показаний не подтвердили.

На процессе по Шахтинскому делу выступило много свидетелей-шахтеров, рассказавших о тяжелых условиях труда, неправильном начислении заработной платы, бюрократизме инженерно-технического персонала, несоблюдении

трудового законодательства, нарушении правил техники безопасности. Лишь отдельные случаи затопления шахт, аварии, порча механизмов отдаленно напоминали акты вредительства.

О контрреволюционной вредительской организации обвиняемые дали противоречивые показания. Так, по признанию Березовского, она возникла в конце 1922 — начале 1923 г. Затем он заявил, что еще в 1919 г. перед ним якобы была поставлена задача — сохранять рудники в интересах бывших шахтовладельцев. На предварительном следствии и в судебном заседании он признал получение от Г.А. Шадлуна денег для раздачи должностным лицам, якобы осуществлявшим вредительскую деятельность в интересах бывших шахтовладельцев, а от Н.Н. Горлецкого — письма с директивными указаниями о вредительстве. Однако последний не мог в данный период совершать эти действия, т.к. в это время он не работал в «Донугле». В 1920—1923 г. он был преподавателем в Горном техникуме, а затем в «Югостале». Горлецкий виновным себя не признал и полностью отрицал предъявленное обвинение. Правдоподобность показаний Шадлуна также вызывает сомнения, поскольку они были даны в результате применения незаконных методов ведения следствия. Ему не давали спать по десять суток, заставляли признаться во всем, что было выгодно следователям¹⁸.

Процесс по Шахтинскому делу не был пущен на самотек. 17 мая 1928 г. Политбюро одобрило решение комиссии о тактике в связи с поведением защитников по данному делу. Г.Г. Ягоде и Н.В. Крыленко поручили наметить лицо для ведения этих переговоров и доложить комиссии.

Артемовскому округу Политбюро разрешило выставить еще двух общественных обвинителей. Однако было предложено не допускать их на процесс до предварительного ознакомления с ними членов комиссии¹⁹.

Заседания специального судебного присутствия Верховного суда СССР по Шахтинскому делу проходили в Колонном зале Дома Союзов с 18 мая по 6 июля 1928 г. под председательством А.Я. Вышинского. Кроме государственных обвинителей (Н.В. Крыленко и Г.К. Рогинского), в них принимали участие 42 общественных. Подсудимых защищали 15 адвокатов. В зале присутствовали делегации трудящихся. Процесс сопровождался демонстрациями с лозунгами, требовавшими сурового наказания преступников. Некоторые из подсудимых признали вину полностью, другие — только часть обвинений, третьи — их отвергли. Суд оправдал четверых из 53 подсудимых, четверым определил меры наказания условно, а девять человек приговорил к заключению на срок от одного до трех лет. Большинство обвиняемых были осуждены на длительное заключение от четырех до десяти лет, одиннадцать человек приговорены к расстрелу (пять из них расстреляли, а шестерым ЦИК СССР смягчил меру наказания).

В связи с «успешным» окончанием дела А.А. Андреев, Г.К. Орджоникидзе и А.И. Микоян обратились в Политбюро с предложением наградить чекистов Евдокимова и Зотова орденом Красного Знамени. Затем список был расширен до 15 человек. Президиум ЦИК СССР 11 января 1929 г. отклонил предложение о награждении за расследование Шахтинского дела сотрудников ОГПУ: Е.Г. Евдокимова, В.А. Балицкого, А.А. Слуцкого, А.Б. Иксарова, Г.Е. Прокофьева и др. По-видимому, это было связано с явно неудавшимся процессом. Судебное за-

седание выявило огрехи в следствии, а виновность обвиняемых оказалась сомнительной.

Тем не менее цель была достигнута. Летом 1928 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин впервые изложил тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма²⁰. После проведенного процесса появились первые публикации о вредительстве по материалам «Шахтинского процесса»²¹. В них авторы цитировали документы судебного заседания, обличали вредителей. Позже этот процесс описывался в основном по вышеуказанным материалам²². Акцент изложения этих материалов не изменился. В 1990-х гг. появились другие публикации по этой проблеме. Шахтинский процесс, несмотря на то, что дело еще не было пересмотрено, а проходившие по нему лица не были реабилитированы, по аналогии с другими процессами по вредительству стали считать очередной фальсификацией еще до решения компетентных органов²³.

Только в 2000 г. Генеральная прокуратура РФ опротестовала решение Специального присутствия Верховного суда СССР по «Шахтинскому процессу» и пришла к выводу: «В деле нет достаточных доказательств обвиняемых в подрыве каменноугольной и иных отраслей промышленности, транспорта, совершенных в контрреволюционных целях в интересах бывших собственников или иных заинтересованных зарубежных организаций, передаче за границу каких-либо шпионских сведений, а равно получении за указанные действия денежного вознаграждения, а также организационной деятельности, направленной к подготовке или совершению террористических актов или иных контрреволюционных вредительских действий, а равно участия во вредительской организации». Лиц, проходивших по этому делу, реабилитировали.

Были опубликованы отдельные документы Архива Президента РФ по «Шахтинскому процессу»²⁴. Впоследствии все относящиеся к нему материалы были представлены в сборнике документов²⁵. Важно отметить, что технология проведения подобных процессов по другим отраслям промышленности отработывалась именно на «Шахтинском процессе».

1 апреля 1928 г. Г.Г. Ягода и Г.И. Благонравов докладывали в Политбюро о раскрытии контрреволюционной организации в НКПС²⁶. 6 июня 1928 г. Сталин писал по поводу сообщенных ему фактов членам и кандидатам Политбюро, членам Президиума ЦИК, секретарям ЦК ВКП(б): «Месяца два назад была разослана первая записка ОГПУ о вредительстве на железнодорожном транспорте. Ныне рассылается вторая по счету записка ОГПУ по вопросу о вредительстве на железнодорожном транспорте, снабженная новыми материалами, показаниями специалистов и данными экспертизы. Ввиду особой важности вопроса как с точки зрения развития нашего хозяйства, так и, особенно, с точки зрения обороны страны просьба прочесть записку лично и держать ее, как сугубо секретный документ»²⁷.

11 июня 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив записку ОГПУ о вредительстве на транспорте, поручило Я.Э. Рудзутаку созвать в десятидневный срок совещание руководителей железнодорожного транспорта для рассмотрения этого вопроса, с предварительным ознакомлением с запиской ОГПУ. Рудзутаку было предложено составить список участников совещания²⁸. Оно состоялось

19–20 июня 1928 г. С докладом, подготовленным по поручению ОГПУ, выступил Г.И. Благодеров. Он сообщил о вредительских группах на Казанской железной дороге, рассказал о ходе проверки, проводившейся ОГПУ и обнаруженных расхождениях между официальными и действительными данными по паровозному парку страны (расхождение составило 870 паровозов; было предложено не списывать, а продолжать использовать выработавшие ресурс паровозы).

Андреев в своем выступлении отметил, что трудно делать прямой вывод о наличии злого умысла во всех этих недостатках, но одно трудно оспорить — это исключение из резервного парка «здоровых» паровозов: «Этот факт убеждает в том, что наличие этого умысла все-таки надо предполагать».

Почти все выступившие на совещании ставили вопрос, есть вредительство или нет? Однозначного ответа не прозвучало. Тем не менее Ягода заявил, что организация вредителей все же «засела» в НКПС, приведя в доказательство выдержки из протоколов допросов арестованных. Подводя итоги совещания, Андреев констатировал: «Никакого вредительства по существу нет, а есть бесхозяйственность»²⁹.

21 октября 1928 г. членам и кандидатам в члены Политбюро были разосланы для ознакомления личные показания вредителей на железнодорожном транспорте, касавшиеся перевозок хлебопродуктов. Ввиду важности дела Сталин просил прочитать эти материалы лично.

Ознакомившийся с ними Рудзутак (находился в то время на отдыхе в Новом Афоне), писал Сталину 27 октября 1928 г.: «Дорогой Коба, хочу поделиться с тобой своими впечатлениями по поводу разосланного материала о вредительстве в связи с хлебозаготовками. Я боюсь, что сейчас идет вредительство со стороны арестованных инженеров в сторону возможной полной дезорганизации центрального и дорожных аппаратов железных дорог в момент наиболее напряженных перевозок. Вновь перечисленные в показаниях “вредители” являются наиболее грамотными железнодорожниками. На транспорте их насчитывается уже не горстями, а штуками. Если учесть, что некомплект инженерно-технического персонала на дорогах доходит до 50%, то понятно, что подорвать работу транспорта на этой линии легко. По существу, материал, доказывающий вредительство в связи с хлебозаготовками, весьма жидкий».

Доказательства сводились к трем основным моментам: нехватка паровозов на Курской железной дороге; недостаток бандажей; наличие неразгруженных составов. Далее Рудзутак продолжал: «На деле нет ни того, ни другого. Но стоит снять квалифицированную группу инженеров сейчас, и вредительство в связи с хлебозаготовками будет налицо. Не лучше ли мне приехать в Москву? Здесь отдохнуть все равно не смогу. Не могу никак привести нервы в порядок, а там я буду спокойнее». Это письмо было показано Менжинскому, но выводов никаких сделано не было, следствие продолжалось³⁰.

3 ноября 1928 г. Д.Е. Сулимов (НКПС) сообщил председателю СНК СССР А.П. Рыкову о том, что вредительство и бесхозяйственность отрицательно сказались на деятельности железнодорожного транспорта, работавшего на пределе своих возможностей. Но вместе с тем отмечалось улучшение перевозки хлеба.

Сулимов докладывал, что намеченные на 1928/29 г. план перевозок в годовом объеме будет транспортом выполнен.

До этого 10 мая 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопрос о мерах по борьбе с засорением хозяйственного и других советских аппаратов и о выдвижении новых кадров (Объединенный Пленум ЦК и ЦКК от 11 апреля 1928 г. Пр. № 2 п. 6). В план работы Оргбюро ЦК ВКП(б) предложили включить этот вопрос, чтобы на стадии его предварительной проработки была привлечена ЦКК.

10 октября 1928 г. Оргбюро, заслушав вопрос о засорении хозяйственного, других советских аппаратов и выдвижении новых кадров, постановило включить в план работы на ноябрь доклады ВСНХ, НКПС и содоклады ОГПУ, Орграспреда ЦК, касающиеся выполнения решения апрельского Пленума ЦК о проверке личного состава специалистов промышленности и транспорта.

При выполнении этого решения началась проверка железнодорожников. Из-за наличия вредительских организаций на железных дорогах ОГПУ проверило 7 011 человек. За политическую неблагонадежность увольнению подлежали 537 человек (7,6%), перемещению с прифронтовых дорог на дороги тыла — 68 (10,8%) и на менее ответственную работу — 654 (9,3%); по 124 лицам имелись разногласия между органами ГПУ и руководством дорог. Таким образом, около 20% всего проверенного состава подлежало или увольнению, или смещению на более низкую должность³¹.

В мае 1929 г. было подготовлено обвинительное заключение о контрреволюционной вредительской организации в НКПС и на железных дорогах СССР. Одновременно было вынесено решение и о вредительстве в золотоплатиновой промышленности, о чем Ягода и Прокофьев доложили Сталину еще 9 июня 1928 г.

24 мая 1929 г. «Правда» писала: «ОГПУ раскрыты контрреволюционные организации на железнодорожном транспорте и в золотоплатиновой промышленности Союза, поставившие себе цель свержения советской власти при помощи иностранной интервенции и восстановления в стране капиталистического строя. Своей цели они добивались путем вредительства, дезорганизации этих отраслей народного хозяйства».

22 мая 1929 г. Коллегия ОГПУ постановила расстрелять участников контрреволюционных организаций на железнодорожном транспорте Н.К. Манна и А.Ф. Величко, а в золотоплатиновой промышленности — вредителя П.А. Палынского³².

Позже появились сведения о том, что подвижной состав на железных дорогах использовался нерационально, предъявлялись нереальные заявки на вагоны. По мнению ОГПУ, эти явления имели место вследствие явного вредительства.

Приказ ОГПУ № 25/12 от 14 января 1931 г. предписал ежедневно получать от органов транспортных отделов сведения о преступных действиях клиентуры транспорта, ударно проводить следствие, поставив ряд показательных процессов. Предлагалось взять в агентурную разработку аппараты хозяйственных объединений, заготовительных и торговых организаций, ведавших вопросами составления планов-заявок, погрузки и выгрузки³³.

Показательные процессы в отношении сотрудников железнодорожного транспорта продолжались. 5 марта 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о нарушениях на железной дороге, предложив зампреду ОГПУ И.А. Акулову провести показательные процессы по четырем делам о крушениях на Казанской, Екатерининской, Юго-Восточной и Донецкой железных дорогах. 20 апреля Политбюро посчитало необходимым заслушать дела о виновниках железнодорожных крушений на станции Таватуст участка Свердловск — Тагил Пермской железной дороги в показательном процессе в линейном суде дороги с освещением в печати. Для организации процесса и поддержания обвинения Политбюро решило командировать помощника Главного транспортного прокурора Липкина³⁴. 26 мая 1934 г. Политбюро утвердило приговор Верховного суда СССР: высшая мера наказания в отношении бывшего диспетчера Московско-Казанской железной дороги Медведева за систематическое взяточничество в течение длительного времени.

В связи с тем, что квалифицированных специалистов-железнодорожников поубавилось вследствие проведенных репрессий, отношение к ним постепенно изменилось. 15 апреля 1934 г. Политбюро утвердило постановление комиссии по железнодорожному транспорту, в котором запретило Транспортному отделу ОГПУ производить аресты работников железнодорожного транспорта без согласования с начальником дороги в каждом отдельном случае. Транспортному отделу ОГПУ и Прокуратуре СССР поручалось в пятидневный срок разработать порядок производства арестов должностных лиц на транспорте и внести на утверждение в Коллегию НКВД, а ОГПУ — разработать положение о Транспортном отделе ОГПУ, его правах и функциях и внести на утверждение в Комиссию по Наркомвнудел. Подготовленный в срок проект этого положения был представлен на комиссии Ягодой.

Интересно, что прогнозы специалистов о перспективах работы железнодорожного транспорта ставились под сомнение. Так, в своей справке Каганович писал Сталину, что, по мнению специалистов, транспорт работал на пределе и не мог грузить больше чем 56 — максимум 60 тыс. вагонов. Достигнутая в 1934 г. участковая скорость — 14,2 км/ч — являлась максимально возможной.

Фактически же транспорт грузил тогда в сутки по 73—75 тыс. вагонов. Коммерческая участковая скорость товарного поезда поднялась до 18,6 км/ч: «Таковы факты, разоблачающие реакционную группу инженеров и профессоров, оправдывающие своими квазинаучными нормами плохую работу железнодорожного транспорта»³⁵. Лазарю Моисеевичу, наверное, было невдомек, что именно такая загрузка привела к многочисленным авариям железнодорожного транспорта.

В начале 30-х гг. был организован показательный процесс над представителями английской фирмы «Виккерс Метрополитен», которым вменялись в вину шпионаж, диверсии, вредительство и т.д. Вместе с шестью англичанами по процессу проходили и двенадцать граждан СССР.

В связи с процессом ежедневно руководству ОГПУ готовилась сводка о настроениях ИТР, рабочих и служащих предприятий и учреждений Москвы. Отношение к этому процессу противоречивое. Интересно высказывание директора завода «Каучук» Вольпе: «Я уважаю Сталина за то, что он сумел построить такую организацию, которая подчиняется его малейшему движению. Этот про-

цесс тоже вовремя выпущен в свет. Плохо стало с электроснабжением, стали в Харькове аварии станций, бац, выпускаются вредители, плохо стало с хлебом, голодает чуть ли не вся Россия, бац, выпускаются в свет вредители сельского хозяйства. Вообще все это ловко устроено».

12 мая 1928 г. Сталин, обращаясь к членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК, просил обратить серьезное внимание на записку Ягоды от 9 мая 1928 г. — о деятельности группы специалистов по военной промышленности: «Дело очень серьезное и сложное, и придется, должно быть, рассмотреть его на ближайшем заседании Политбюро»³⁶.

На ближайшем заседании — 14 мая 1928 г. — Политбюро, рассматривая вопрос о военной промышленности, приняло решение поручить контролировать это дело Орджоникидзе.

Через месяц, 15 июля 1929 г., Политбюро ЦК ВКП(б) уже обсуждало обвинительное заключение ОГПУ по делу о военной промышленности и приняло решение разослать его членам ЦК и ЦИК, а также хозяйственникам, в том числе директорам заводов, особенно работавшим в военной промышленности. Политбюро заранее предредило расстрел руководителей контрреволюционной организации вредителей в военной промышленности. Однако расстрел отложили до окончательного утверждения его даты.

В ОГПУ был составлен соответствующий список. Соглашаясь с предложением о расстреле Михайлова и других, 21 октября 1929 г. Политбюро приняло проект надлежащего сообщения для печати. В нем говорилось, что органы ОГПУ раскрыли и ликвидировали контрреволюционную вредительскую и шпионскую организацию в военной промышленности СССР, которая ставила перед собой задачу путем вредительства и шпионажа ослабить обороноспособность страны, содействовать иностранным интервентам.

Организация состояла в подавляющем большинстве из бывших высших чинов царской армии — бывших генералов и полковников. В связи с этим Коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу бывших генералов, дворян: В.С. Михайлова, Н.Г. Высочанского, В.О. Дыммана, В.Н. Дежанова, а также Н.В. Шульгу (порученца при бывшем вел. кн. Сергее Михайловиче). Приговор привели в исполнение. Все остальные по указанному делу были приговорены к разным срокам заключения в концентрационные лагеря.

При проведении кампании по борьбе с вредительством наблюдались случаи активного и пассивного сопротивления директоров заводов мероприятиям ОГПУ. Для устранения этих явлений при трестах планировалось создание комиссий, состоявших из хозяйственников и представителей ОГПУ³⁷.

Материалы о ликвидации вредительства обобщались и докладывались руководству партии и государства. С этой целью Экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ собирало все имевшиеся материалы по линии «Югостали», ЮМТа, ЮРТa, Коломенского завода, по «Риддеру», Богомолстрою, Алагирскому комбинату, металлургии Урала и др. Эти материалы должны были всесторонне осветить следующие вопросы:

- когда, в какой форме, кому персонально из хозяйственников было сообщено о конкретных вредительских актах на руководимых ими предприятиях;

- отношение их к вопросу о ликвидации вредительства, по материалам, сообщаемым ОГПУ;
- что конкретно было сделано хозяйственниками в деле исправления вредительства; не проводилась ли ликвидация вредительства бюрократическим, недопустимо медленным путем, не дававшим реальных результатов;
- особо предлагалось осветить случаи, когда хозяйственники-руководители противодействовали или бездействовали в деле исправления результатов вредительства;
- предлагалось тщательно подобрать материалы и сообщить, устранены ли были созданные вредителями причины, понижающие качество продукции на предприятиях, и какие меры были приняты хозяйственниками для снижения процента брака³⁸.

Позже по поручению Сталина в особо секретном письме вместе с постановлением Политбюро ЦК от 25 февраля 1930 г. директоров заводов обязали сообщить о принятых мерах по выявлению и ликвидации вредительства в военной промышленности.

Последние в ответ направляли в Политбюро ЦК свои отчеты. На некоторых заводах стали организовывать комиссии по ликвидации последствий вредительства, которые вели протоколы своих заседаний и направляли их в Политбюро. При анализе этих отчетов создается впечатление, что мало кто понимал, что такое вредительство и как с ним бороться. Самым главным было вовремя отрапортовать о проведенных мероприятиях.

Во второй половине сентября правительство планировало заслушать доклад ВСНХ и содоклады ОГПУ, НК РКИ и НК ВС СССР о ходе ликвидации последствий вредительства на предприятиях военной промышленности. Согласно циркуляру № 244 от 17 августа 1930 г. ЭКУ предложило выслать в свой адрес не позднее 15 сентября докладные записки о проделанной работе по ликвидации последствий вредительства отдельно по каждому из обслуживаемых предприятий промышленности. Докладные записки должны были подытожить работу с момента организации комиссии.

В них нужно было представить сведения о времени организации комиссии, вовлечения в работу партийной и профсоюзной общественности, об отношении дирекции, о роли органов ОГПУ в организации и работе комиссии, а также о практических результатах работы по ликвидации последствий вредительства. Требовалась информация по следующим вопросам: мощность предприятия, качество продукции, выполнение программы текущего года, ведение капитального строительства, состояние оборудования и инструментального хозяйства, мобилизационная готовность. Кроме того, необходимо было указать не устраненные элементы вредительства, дезорганизации производства и проч. Отдельно предлагалось отметить практические результаты, достигнутые путем использования осужденных специалистов. Ввиду особой ответственности содоклада ОГПУ была высказана просьба: в докладной записке помещать только проверенные данные³⁹.

Циркуляр ИНФО ОГПУ от 22 августа 1930 г. напомнил о необходимости усилить работу по выявлению и освещению фактов рабочего вредительства,

устанавливая персональных виновников и мотивы вредительства. Этим же циркуляром на органы информации возлагалась задача разработки фактов мелкого рабочего вредительства и обобщения всех соответствующих материалов. Учитывая, что и в дальнейшем одной из форм подрывной работы кулацких и антисоветских элементов на промышленных предприятиях могло быть вредительство, СОУ ОГПУ предлагало обратить внимание на выявление виновников, освещение мотивов вредительства и отношение рабочих к фактам вредительства и репрессиям, применяемым к вредителям⁴⁰.

Немного позже возникло дело «Промпартии». Впервые о нем было доложено в Политбюро 11 ноября 1929 г. запиской Ягоды и Прокофьева (№ 44081 от 6. 11. 29 г.), в которой излагались материалы о вредительстве в металлопромышленности.

В протоколе допроса от 1 октября 1930 г. Е.Ф. Евреинов признал себя виновным в том, что состоял членом контрреволюционной организации, именованной себя «Промышленная партия», или как ее еще называли «Инженерно-промышленная партия». Он показал, что в организацию его вовлек профессор Л.К. Рамзин в 1927 г.

Рамзин, в свою очередь, сказал, что основной целью деятельности «Промышленной партии» являлось свержение советской власти путем контрреволюционного переворота. С самого начала деятельности партии основной была ставка на интервенцию капиталистических стран СССР, что считалось наиболее верным и быстрым способом совершения контрреволюционного переворота. Другой подследственный — В.Ф. Шипов — 18 октября 1930 г. даже рассказал о подготовке теракта против Сталина⁴¹.

25 августа 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав сообщение об использовании показаний «вредителей по линии интервенции», признало необходимым немедленно предать суду контрреволюционный объединенный центр, поставив на суде центральным вопросом показания вредителей о подготовке интервенции. Была создана комиссия в составе М.М. Литвинова, К.Е. Ворошилова, И.В. Сталина, В.Р. Менжинского и Н.В. Крыленко для просмотра в кратчайший срок показаний «вредителей интервенции» с целью опубликования в печати.

20 октября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приказало ОГПУ арестовать диверсионные группы. При этом была проявлена забота о Сталине: ему предложили немедленно прекратить хождение пешком: а также приняты меры по очистке Кремля от ряда живших там не вполне надежных жильцов и др.

Сталин почти всегда лично контролировал ход следствия по всем крупным процессным делам. Под его руководством следствие выяснило: «Промпартия» делала основной упор на военную интервенцию против СССР, для подготовки которой вступила в организационную связь с интервенционистскими организациями как внутри СССР (эсеро-кадетская и кулацкая группа Кондратьева — Чайнова, меньшевистская группа Суханова — Громана), так и за границей (Торгпром, группа Милюкова, интервенционистские круги Парижа). Кроме того, военная интервенция готовилась в 1930 г. силами иностранных экспедиционных корпусов при участии остатков врангелевской армии и красновских казачьих частей. Эти соединения должны были якобы нанести комбинированный удар по Москве и Ленинграду.

11 ноября 1930 г. наркомом юстиции РСФСР Н.М. Янсоном после согласований с Менжинским и Крыленко, был внесен на утверждение Комиссии Политбюро список состава Особого присутствия Верховного суда СССР по делу Рамзина, Калининкова, Ларичева и др. В список вошли председатель суда А.Я. Вышинский, члены суда В.П. Антонов-Саратовский и В.Л. Львов (рабочий-кузовщик завода «АМО», член партии с 1919 г.), запасной судья П.А. Иванов (рабочий-слесарь завода «Красный путиловец» в Ленинграде, член партии с 1918 г.).

При этом Янсон пояснил, что Антонова-Саратовского он вызывал на личные переговоры и договорился с ним, что все его вопросы и выступления в зале заседания будут строжайшим образом согласованы с председателем суда. Львова (о нем хорошо отзывались местные партийные и общественные организации) он также вызывал к себе и посчитал вполне подходящей кандидатурой. Иванова через ВЦСПС выдвинул Ленинградский областной совет профсоюзов. Янсон не встречался с Ивановым, но данные о нем были вполне удовлетворительные, а роль его в качестве запасного судьи — более чем ограниченной. Янсон попросил комиссию Политбюро этот состав суда утвердить и передать на оформление в ЦИК Союза ССР⁴².

Шла уже обычная практика фабрикации не только следствия, но и судебного процесса. 15 ноября Политбюро утвердило вышеназванный состав Особого присутствия Верховного суда СССР (Вышинский, Антонов-Саратовский, Львов, Иванов) и определило дату начала суда — 25 ноября 1930 г.⁴³

17 ноября 1930 г. прорабатывался вопрос о возможности опубликования на немецком языке обвинительного заключения по делу «Промпартии», а в газетах появились публикации, посвященные последней и предстоявшему суду.

21 ноября 1930 г. для руководства ходом дел на этом процессе Политбюро создало комиссию (Литвинов, с заменой Кречинским; Молотов, Сталин, Ворошилов, Менжинский, Янсон и Крыленко). На проходившем 25 ноября — 7 декабря 1930 г. открытом процессе все обвиняемые признали свою вину. Верховный суд СССР приговорил Л.К. Рамзина, В.А. Ларичева, Н.Ф. Чарновского, И.А. Калининкова и А.А. Федотова к расстрелу, а С.В. Куприянова, В.И. Очкина и К.В. Сытна — к десяти годам лишения свободы. Позже по ходатайству осужденных Президиум ЦИК СССР первым пятерым заменил расстрел десятилетним заключением и снизил срок наказания остальным.

Почти во всех отраслях промышленности обнаружили виновных во вредительстве. Были выявлены контрреволюционные организации в «Югостали», а также в бумажной, нефтяной, химической промышленности, авиапромышленности и др.

5 февраля 1930 г. Политбюро ЦК предложило ЦК ВКП(б) организовать два массовых сообщения, адресованных инженерно-техническим работникам. На этих собраниях выступить с докладами о вредительстве поручили Рычкову, Сырцову, Рудзутаку, Кржижановскому и Куйбышеву.

При этом в прессе организовали большую пропагандистскую кампанию о вредительстве. Было принято решение о необходимости в течение ближайшей декады опубликовать в газетах несколько статей Крыленко и Кржижановского, основанных на предоставленных ОГПУ материалах. Чуть позже, 15 февра-

ля 1930 г., Политбюро ЦК приняло решение о необходимости издать отдельными брошюрами статьи о вредительстве, причем не только на русском, но и на немецком, французском и английском языках (чтобы с ними ознакомились представители международного пролетариата).

Г.М. Кржижановский, видимо, в целях сбора материалов для статей, направил в Политбюро ЦК письмо, в котором спрашивал, имеют ли право руководители партии присутствовать на допросах обвиняемых. Утвердительный ответ (относительно членов ЦК и ЦКК) он получил на состоявшемся 25 апреля 1930 г. заседании Политбюро⁴⁴.

Позже Кржижановский⁴⁵ и Крыленко⁴⁶ опубликовали несколько брошюр и статей о вредительстве в народном хозяйстве СССР. Кроме того, стенограммы процессов, на которых Крыленко выступал в качестве обвинителя на процессах Шахтинского дела, «Промпартии», «Союзного Бюро Меншевику» (1931) и др., широко освещались в СМИ. Особо отметим, что в разоблачении вредителей эти авторы были не одиноки⁴⁷.

Кржижановский писал, что продолжительность существования контрреволюционных организаций, широкие масштабы их вредительской деятельности не могли не привлечь к себе внимания советской общественности. По его мнению, вредительство — один из видов непримиримой антисоветской борьбы классовых врагов пролетарской диктатуры и социалистического строительства. Когда страна вступила на путь социалистической реконструкции, «вредительские организации не прекращали своей разрушительной деятельности, вдохновляемой бывшими собственниками и агрессивными группировками заграничной буржуазии». Он считал, что «образованию вредительских организаций на базе реставрационных стремлений буржуазии содействовали социальный состав верхнего слоя инженерства, его отношение к Октябрьской революции и общность интересов с бывшими собственниками»⁴⁸.

Крыленко, в свою очередь полагал, что вредительство — метод борьбы, согласованный с иностранной буржуазией, тесно увязанный с планом интервенции и иностранными правительствами, носивший ярко выраженный политический характер. Он предложил беспощадно расправляться с контрреволюционерами и вредителями, «не менее беспощадно борясь с правооппортунистическими элементами в своей собственной среде, памятуя, что за ними объективно укрывается классовый враг, — вот что должен усвоить себе в ответ на вредительство рабочий класс и вот чему должны научить его новые факты и данные о работе вредительских организаций и контрреволюционных группировок, раскрытых за последний месяц»⁴⁹.

Несмотря на эти призывы к борьбе за светлое будущее и истребление врагов революции, возникало немало вопросов по ведению всех, без исключения, процессных дел.

Одним из образцов фальсификации следствия служит следующий пример. Прокурор СССР 13 февраля 1934 г. сообщил в Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталину о том, что 7 января НКВД РСФСР было сделано в Политбюро представление о санкционировании приговора к ВМН в отношении Холтурина и других осужденных Западно-Сибирским крайсудом 12–16 ноября 1933 г. за вредительство в рабочем снабжении. Выяснилось, что они приняли на себя вину за якобы

совершенное ими вредительство в результате уговора начальника Барнаульского оперативного сектора Чистова и уполномоченного Толмачева. Последние потребовали от обвиняемых признания с целью доказательства своей преданности партии и советской власти. Якобы было необходимо организовать политический процесс о вредительстве, чтобы покончить с расхлябанностью и бесхозяйственностью, распространенных в среде торгово-кооперативных работников⁵⁰.

Интересно также мнение о борьбе с вредительством человека, жившего в то время. Так, в 1930 г. известная революционерка А.М. Коллонтай писала: «Показательные процессы отшатывают от нас сочувствующую интеллигенцию <...> Многие падут и без настоящей вины. Это мне всегда неизбежно больно.

Раз не все идет так, как мечталось и намечалось, раз есть неуспехи, трудности, недочеты, раз в учет брали “темпы”, скорость, а не “качество” и “выносливость” — в результате прорывы. Прорывы. А значит, есть виновный. Где он? Кто? Многие боятся признаться в своей собственной неумелости, в том, что “просчитались”. “Виновники” — вредители, спецы, люди науки, те, что “все” знают, а от нас скрывают. Те, что дают нам нарочно неверные планы, те, что “портят строительство”. Инженер, профессор. Найти виновного “басурманина”, есть естественное наивное желание многих. Мы коммунисты, мы хотим хорошего, строим новую жизнь. Не выходит. Значит что-то “вредит”. Есть еще одна причина, но новое поколение не любит своих более вооруженных в науке старших коллег за почет, за то, что они “авторитет”, за то, что они “занимают место”. По мировоззрению эти старшие действительно “чужаки”. Отсюда примешивается “недоверие”»⁵¹.

Вместе с тем нельзя говорить о том, что вся деятельность органов безопасности была направлена на борьбу с мнимым врагом, имелись факты действительно преступной деятельности, но их было не так много.

Наиболее распространенными видами вредительства в то время являлись подбрасывание в заводские агрегаты болтов, гаек, подсыпание песка в машины, попытки взрыва котлов, неправильный пуск моторов и т.д. Так, на заводе «Проводник» в Москве были зарегистрированы факты поломки в регенерационном отделе шестерни, что вызвало перебои в работе трех смен. Поломки инициировались слесарем и монтером с целью получения сверхурочных.

На тверской фабрике «Пролетарской М-ры» у шлихтовальщика, внесшего предложение перейти на одновременную работу на 3–4 станках, был сломан станок, на котором обнаружили записку: «Я сломал станок, призываю последовать моему примеру других». На тверском Вагоностроительном заводе в конце ноября 1929 г. в течение нескольких дней выявили около десяти фактов вредительства. Установили умышленную поломку шатуна новой лесопильной рамы, также были обнаружены молоток в шестерне, металлическая закладка в параллелях пресса, кусок водопроводной трубы в моторе и т.д. На кирпичном заводе ХОМП (Харьков) произошла авария пресса, при осмотре в нем нашли большой кусок железа. Главной причиной аварии стало недовольство работников переходом на непрерывную рабочую неделю⁵².

В апреле 1934 г. в ЭКО ПП ОГПУ МО поступили сведения, что на макаронной фабрике имени «13-летия ОГПУ» группа антисоветски настроенных лиц, демонстрируя свою озлобленность в отношении советской власти, занималась вредительством — систематическим засорением продукции фабрики посто-

ронными предметами. Это было подтверждено рекламациями, поступившими из разных мест Советского Союза. В одной из них указывалось: «В прибывшей в наш адрес посылке, в одном из 13-ти ящиков лапши оказались засушенные три мыши», в другом — «гвозди, стружка, крысиный помет и др.», в третьей — «кошачья шерсть, кровинки на лапше и дохлый котенок» и т.п.

Следствие установило, что упаковщики И.Т. Чижиков, И.Н. Толкачев, Н.В. Дюк, Д.П. Квартальный и Е.П. Новиков умышленно засорили готовую продукцию фабрики. В этом им содействовала и бесконтрольность со стороны старшего сменного мастера Сергеева. В своих показаниях арестованные, не отрицая умышленного засорения макаронных изделий посторонними предметами, пояснили, что действовали вследствие своей антисоветской настроенности, возникшей на почве материальной нужды и необеспеченности. Всех вышеуказанных упаковщиков Московский городской суд приговорил к различным срокам лишения свободы⁵³.

* * *

В годы Гражданской войны главным средством борьбы контрреволюционных сил против советской власти внутри страны были военный заговор и террор. В условиях нэпа они занимались вредительством и организовывали диверсии, однако их масштабы были незначительны (как правило, виной всему являлись обычные небрежность и халатность).

Советское правительство и органы государственной безопасности вели работу по усилению охраны предприятий, принимали меры по противопожарной безопасности, но это не приносило желаемых результатов. Тогда решили применить репрессии.

Сегодня очевидно, что кампания по борьбе с вредительством посредством фальсифицируемых показательных судебных процессов в промышленности и на транспорте, инициированных Политбюро ЦК ВКП(б), преследовала одну цель: репрессировав одних, через страх отмотилизовать усилия других и таким методом стимулировать развитие экономики.

Шахтинский процесс стал первой ласточкой, на нем отработывался механизм фальсификаций, поэтому и внимание к нему было особое. Затем последовали подобные процессы почти во всех отраслях промышленности, которые никого уже особенно не удивляли. Страх укоренился в советском обществе. Понятия «шахтинец», «вредитель» стали нарицательными и широко применялись и в идеологии, и в обычной жизни.

Отметим, что под руководством В.Р. Менжинского органы государственной безопасности, по сути, превратились в учреждение, обслуживавшее интересы И.В. Сталина. Эта зависимость сохранилась на многие годы. С помощью органов безопасности «вождь народов» уничтожал своих политических конкурентов, проводил ту политику (в том числе экономическую), которую считал целесообразной.

В то время был отработан механизм принуждения арестованных в процессе следствия к даче заведомо ложных показаний. На одних воздействовали психологически, на других — физически, третьих держали без сна на «конвейере» и т.д. В процессе такой «обработки» почти все они признавались «во всем».

Примечания

- ¹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 20–25.
- ² Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 88. Л. 4.
- ³ Там же. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 5.
- ⁴ Там же. Л. 4. Решением Политбюро от 13 марта 1928 г. прежний состав комиссии по «Шахтинскому делу» был дополнен Ворошиловым.
- ⁵ Сообщение Прокурора Верховного Суда СССР // Правда. 1928. 10 марта.
- ⁶ «Стальной шлем» — одна из многочисленных националистических военизированных организаций в Веймарской республике, созданная 23 декабря 1918 г. в Магдебурге. Основной ее целью было противодействие подъему революционного движения в Германии. Личный состав рекрутировался в основном из ветеранов войны, ярых националистов и монархистов, призывавших к восстановлению монархии. В 1933 г. ее члены в возрасте до 35 лет были включены в состав СА. 17 февраля 1934 г. переименована в Национал-социалистическую лигу бывших военнослужащих.
- ⁷ Были освобождены инженеры Светличный, Черненко и Митрофанов.
- ⁸ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 6. Д. 54. Л. 244.
- ⁹ Архив Ростовского областного центра документации новейшей истории. Ф. 7. Оп. 1. Д. 290. Л. 49.
- ¹⁰ Там же. Л. 60.
- ¹¹ Там же. Л. 112, 116–117.
- ¹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 331. Л. 183–197. Резолюция Пленума полностью не публиковалась.
- ¹³ Там же. Д. 329. Л. 10–12.
- ¹⁴ Там же. Л. 28–31. Эти выводы были сделаны по записке Балицкого, в которой он писал, что Донуглевская организация имела свою программу, тактику и действенный центр. В записке он указывает суммы, получаемые от поляков, французов и немцев на шпионаж и вредительство. С его слов, эта организация намечала и подготавливала вредительские действия на случай войны. В заключение было указано, что «выводы тов. Сталина в его докладе на Пленуме ЦК в отношении новых форм работы контрреволюции и подготовки интервенции получают фактическое подтверждение в материалах этого дела».
- ¹⁵ Там же. Л. 32–37.
- ¹⁶ *Беляев Л.П.* «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи. М.; Л., 1999. С. 395–398.
- ¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 329. Л. 143–144.
- ¹⁸ ЦА ФСБ России. № Н-5088.
- ¹⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 329. Л. 134.
- ²⁰ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 63.
- ²¹ См.: Экономическая контрреволюция в Донбассе. Итоги шахтинского дела. Статьи и документы / под общ. ред. Н.В. Крыленко. М., 1928; *Вышинский А.* Два процесса. (О вредительстве на примере процесса «Промпартии» и Шахтинского дела) // Советское государство и революция права. Журнал института советского строительства и права. М., 1931. № 1; *Вышинский А.* Итоги Шахтинского дела // Революция права. М., 1928. № 5; *Аграновский А.* Люди-вредители. Шахтинское дело. М.; Л., 1928; За что их судят. Дешевая рабочая библиотека газеты «Вышка». Кн. 1. Баку, 1928; *Сергеев Б., Плесков В.* Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М., 1928.
- ²² См.: *Трифонов И.Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937), М., 1960; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 4. М., 1970; *Голинков Д.*, Шахтинское дело // Человек и закон. 1976. № 10; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 2-е изд., испр. и доп. Кн. 2. М., 1978.
- ²³ *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов: сб. / сост. И.В. Курилов и др. М., 1991; История отечества: люди, идеи, решения. М., 1991; *Кислицын С.А.* Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д, 1993.
- ²⁴ См.: *Мозохин О.Б.* Без вины виноватые. Шахтинский процесс 1928 г. // Родина. 2008. № 7; *Мозохин О.Б.* «Замешанных немцев арестовать ... Англичан не трогать» // Отечественные архивы. 2008. № 6.
- ²⁵ См.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1–2. М., 2010–2012.
- ²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 372. Л. 1–24.
- ²⁷ Там же. Л. 26.
- ²⁸ Там же. Л. 134.

- ²⁹ Там же. Л. 5.
- ³⁰ Там же. Л. 177–178.
- ³¹ Там же. Д. 373. Л. 3–20.
- ³² Правда. 24 мая 1929. № 116.
- ³³ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 218. Л. 18–21.
- ³⁴ Там же. Л. 17, 18.
- ³⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 375. Л. 57.
- ³⁶ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 170. Л. 40.
- ³⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 58. Д. 340. Л. 262.
- ³⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Пор. 208. Л. 103–104.
- ³⁹ Там же. Л. 422–423.
- ⁴⁰ Там же. Л. 427–428.
- ⁴¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 354. Л. 14, 115.
- ⁴² Там же. Д. 355. Л. 170.
- ⁴³ Там же. Л. 169.
- ⁴⁴ Там же. Д. 353. Л. 48.
- ⁴⁵ *Кржижановский Г.М.* Вредительство как оно есть. ГИЗ. М.; Л., 1930. С. 39; *Кржижановский Г.М.* Вредительство в энергетике. Доклад на заседании секции техники Комакадемии 19/XI 1930 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 5–26; *Кржижановский Г.М.* Вредительство в энергетике. Стенограмма доклада в Коммунистической академии на собрании инженеров и техников коммунистов 19 и 23 ноября 1930 г. и прения по докладу. М.; Л., 1931. С. 72.
- ⁴⁶ *Крыленко Н.В.* Вредительство в снабжении и социалистическое строительство. М.; Л., 1930. С. 30.
- ⁴⁷ *Розенталь К.Я.* Как вредители подготовляли кризис. М.; Л., 1931. С. 32; Вредительство в теории и практике планирования: сб. статей / Ин-т экономических исследований Госплана СССР. М., 1931. С. 275; *Кандидов Б.П.* Вредительство, интервенция и церковь / Центр. сов. союза воинствующих безбожников СССР. М., 1931. С. 72; и др.
- ⁴⁸ *Кржижановский Г.М.* Вредительство как оно есть. С. 3, 4.
- ⁴⁹ *Крыленко Н.В.* Вредительство в снабжении ... С. 23.
- ⁵⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 92. Л. 15.
- ⁵¹ РГАНИ Ф. 3. Оп. 62. Д. 104. Л. 54–55.
- ⁵² ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 208. Л. 77–78.
- ⁵³ *Мозохин О.Б., Плеханов А.М.* и др. 100 лет МЧК: очерки. М., 2018. С. 147–148.

Библиография

- Аграновский А.* Люди-вредители. Шахтинское дело. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. М.: 3-я тип. Транспечати. 326 с.
- Беляев Л.П.* «Шахтинское дело» // Репрессированные геологи. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л.: МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео, 1999. 452 с.
- Вредительство в теории и практике планирования: сб. статей / Ин-т экономических исследований Госплана СССР. М.: Красный пролетарий, 1931. 275 с.
- Вышинский А.* Два процесса. (О вредительстве на примере процесса «Промпартии» и Шахтинского дела) // Советское государство и революция права. Журнал института советского строительства и права. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. № 1. С. 51–57.
- Вышинский А.* Итоги Шахтинского дела // Революция права. М.: Изд-во Ком. Акад., 1928. № 5. С. 3–13.
- Голиков Д.Л.* Шахтинское дело // Человек и закон. 1976. № 10. 132 с.
- Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1978. Кн. 2. 339 с.
- За что их судят. Дешевая рабочая библиотека газеты «Вышка». Баку, 1928. Кн. 1. 32 с.
- Кандидов Б.П.* Вредительство, интервенция и церковь / Центр. сов. союза воинствующих безбожников СССР. М.: Безбожник, 1931. 72 с.
- Кислицын С.А.* Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д: Изд-во науч.-метод. центра «Логос», 1993. 109 с.
- Кржижановский Г.М.* Вредительство как оно есть. ГИЗ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 40 с.
- Кржижановский Г.М.* Вредительство в энергетике. Доклад на заседании секции техники Комкадемии 19/ХI 1930 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 5–26.
- Кржижановский Г.М.* Вредительство в энергетике. Стенограмма доклада в Коммунистической академии на собрании инженеров и техников коммунистов 19 и 23 ноября 1930 г. и прения по докладу. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 72 с.
- Крыленко Н.В.* Вредительство в снабжении и социалистическое строительство. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 30 с.
- Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: Наука, 1991. 146 с.
- Мозохин О.Б.* Без вины виноватые. Шахтинский процесс 1928 г. // Родина. 2008. № 7. С. 105–110.
- Мозохин О.Б.* «Замешанных немцев арестовать ... Англичан не трогать» // Отечественные архивы. 2008. № 6. С. 84–96.
- Мозохин О.Б., Плеханов А.М. и др.* 100 лет МЧК: очерки. М.: Граница, 2018. 303 с.
- Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов: сб. / сост. И.В. Курилов и др. М.: Наука, 1991. 460 с.
- Розенталь К.Я.* Как вредители подготовляли кризис. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 32 с.
- Сергеев Б., Плесков В.* Шахтинцы. История вредительства, суд, приговор. М.: Крестьянская газета, 1928. 90 с.
- Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во политической литературы, 1949. Т. 11. 188 с.
- Трифонов И.Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937), М.: Госполитиздат, 1960. 279 с.
- Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2010–2012. Кн. 1. 974 с.; кн. 2. 1 105 с.
- Экономическая контрреволюция в Донбассе. Итоги шахтинского дела. Статьи и документы / под общ. ред. Н.В. Крыленко. М.: Юридическое изд-во, 1928. 306 с.

Мухин М.Ю.*

Металл для авиапрома. Проблема обеспечения советской авиапромышленности конструкционным металлом в 1921–1964 гг.

Аннотация. Производство конструкционных металлов является ключевым вопросом для авиапромышленности любой страны. Авиаиндустрия, зависящая от импортных поставок конструкционных материалов, по сути, не может считаться полноценной. Поэтому для СССР вопрос создания отечественной промышленности легких сплавов был одним из важнейших аспектов промышленной политики. В 1930-х гг. советская алюминиевая промышленность была создана с нулевого уровня, что позволило начать выпуск цельнометаллических многомоторных самолетов. В годы Великой Отечественной войны, несмотря на потерю двух из трех существовавших на тот момент алюминиевых заводов, СССР смог обеспечить выпуск алюминия на уровне, достаточном для обеспечения авиапромышленности. Однако основная масса советских самолетов не имела цельнометаллических фюзеляжей. Лишь в послевоенные годы, на фоне резкого роста выпуска алюминия, удалось осуществить переход к реактивному цельнометаллическому самолетостроению. В конце 1950-х гг. в СССР была создана титановая промышленность, что стало новым этапом развития авиационной металлургии.

Ключевые слова: авиапромышленность, металлургия, алюминий, титан, алюминиевая промышленность, титановая промышленность, индустриализация, Великая Отечественная война, Сталин, Хрущев, совнархоз, плановая экономика, трансфер технологий, технические инновации, холодная война, реактивная авиация, авиация, авиастроение.

В XX столетии вековая мечта человечества о полетах стала реальностью. Разумеется, впервые человек поднялся в воздух намного раньше — первые полеты на аэростатах относятся еще к XVIII в., однако по-настоящему человечество смогло приступить к освоению «пятого океана» лишь с опорой на аэропланы и другие летающие аппараты, которые были тяжелее воздуха. За какие-то 100 лет авиация прошла путь от технического аттракциона для развлечения публики до циклопического комплекса научных, производственных и транспортных учреждений и организаций. Авиация, став одним из ключевых сегментов вооруженных сил, играет огромную роль для мирового транспорта. Авиапромышленность практически уже в 1930-х гг. превратилась в область хай-тек технологий, определивших уровень технологического развития того или иного государства. В этой связи важность изучения истории отечественной авиапромышленности не вызывает сомнений.

Как всякая крупная комплексная отрасль индустрии, авиапромышленность со временем начала члениться на ряд тесно взаимосвязанных, но, тем не менее, в известной степени, автономных подотраслей. Авиационное моторостроение, авиационное приборостроение, производство авиационного оборудования¹ имели свою специфику, а главное — достаточно часто вступали в важные промышленно-кооперативные связи с другими отраслями индустрии, не имевшими отношения к авиастроению. Так, в СССР авиамоторы

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, mukhin@mail.ru.

достаточно часто устанавливались² на торпедных катерах и танках. К одной из таких «полуавтономных» подотраслей авиастроения относилось и авиационная металлургия. Хотя одномоторные самолеты достаточно долго строились преимущественно из дерева или по композитной³ схеме, уже с 1920-х гг. подавляющее большинство многомоторных самолетов изготавливались из металла. Специфика рассматриваемого производства диктовала особые требования к авиаматериалам. Конструкционный металл, используемый в авиастроении, должен был сочетать в себе высокую прочность и малый вес, коррозионную стойкость (с 1950-х гг. — еще и стойкость к высоким температурам) и относительно низкую себестоимость. Разработать технологию производства таких сплавов в промышленных масштабах было весьма сложной научно-инженерной задачей. С другой стороны, без создания собственной алюминиевой промышленности и промышленности легких сплавов авиаиндустрия любой страны являлась неполноценной, т.к. зависела от импортных поставок жизненно важных конструкционных материалов из-за рубежа. Таким образом, решение «металлической проблемы» стало определяющим фактором развития любого национального авиастроительного комплекса. Цель данной статьи — рассмотреть основные тенденции решения задачи обеспечения авиапромышленности основным конструкционным металлом в 1921–1964 гг. Выбор этого хронологического периода определяется следующими соображениями. До 1921 г. вопрос о переходе к металлическому самолетостроению в России даже не ставился. Соответственно, и проблема производства легких сплавов, необходимых для такого самолетостроения, была явно не актуальна. С другой стороны, сегодня можно исследовать лишь те архивные фонды ведомств, руководивших авиапроизводством в СССР, которые относятся к периоду до 1964 г., что делает невозможным фундированный анализ данной проблематики за последующие годы.

К сожалению, приходится признать, что историография избранного нами сюжета не отличается обширностью. В 1980-х гг. в СССР был опубликован коллективный труд, посвященный истории металлургии легких сплавов в нашей стране⁴. Безусловно, для тех лет это была прорывная монография, сыгравшая заметную роль в развитии отечественной экономической истории. В то же время следует отметить, что, во-первых, значительная часть архивных материалов, имевших непосредственное отношение к развитию индустрии легких сплавов, были на тот момент закрыты. Во-вторых, эта работа охватывала лишь 1917–1945 гг., что полностью выводило за скобки весь послевоенный период. Наконец, нельзя забывать, что, зародившись как подотрасль авиапромышленности, индустрия легких сплавов достаточно быстро превратилась в самостоятельную отрасль, крайне важную не только для авиастроителей. Поэтому сюжеты, связанные с обеспечением авиапрома конструкционными материалами, в данной монографии в известном смысле оказались отгесненными на второй план. К сожалению, в дальнейшем работы, посвященные названной теме, так же были весьма нечасты и охватывали лишь отдельные аспекты этой многоплановой проблемы⁵. Таким образом, в отечественной историографии образовалась досадная лакуна, частично заполнить которую и призвана данная статья.

Внедрение сплавов на основе алюминия в авиаконструкции началось уже на заре авиастроения. Более того, можно сказать, что сначала алюминий поднялся в воздух, а уж потом взлетел первый самолет. В 1900 г. в Германии был сооружен жесткий дирижабль объемом 11 300 м³, причем весь каркас, gondолы и винты изготовили из алюминия⁶. Однако чистый алюминий оказался недостаточно прочен, поэтому не вполне устраивал авиаконструкторов. Проблему удалось решить после того, как в 1909 г. немецкий химик А. Вильм изобрел дюралюмин⁷ — сплав алюминия, меди и магния. Впрочем, достаточно долгое время дюралюмин использовался по большей части именно в дирижаблестроении, а аэропланы продолжали оставаться конструкциями из полотна и фанеры. Лидирующее положение Германии в области алюминиевых сплавов накануне войны хорошо иллюстрирует тот факт, что к 1914 г. в мире существовали только два магниевых завода⁸, и оба находились в Германии. Лишь в ходе Первой мировой войны в конструкциях самолетов начали широко применять алюминий и дюралюминий (из них изготовляли части фюзеляжа, несущие плоскости и детали моторов), а к концу военных действий в Германии появились и цельно-металлические аэропланы.

На первый взгляд, в 1921 г. проблема металлического самолетостроения была не слишком актуальна для Советской России, которая едва-едва вышла из кошмара Гражданской войны. Первоочередными задачами страны стали не какие-то заоблачные мечтания, а преодоление разрухи и коренная реконструкция «военного коммунизма», заслуженно названного отечественными историками «экономической чумой»⁹. Тем не менее в конце 1922 г. — начале 1923 г. культотдел Московского городского совета профсоюзов¹⁰ организовал дискуссию «Авиастроение на новых путях». Ее участником стал молодой и мало кому на тот момент известный авиаконструктор А.Н. Туполев, который выступил с инициативой: развивать отечественную авиапромышленность именно на основе металлического самолетостроения¹¹.

Уже в октябре 1922 г. Туполева назначили главой специально учрежденного органа — Комиссии по постройке металлических самолетов¹². Было очевидно, что создавать металлические самолеты на базе импортного дюралюминия невозможно. Для советского металлического самолетостроения требовался отечественный дюралюминий, а так как до революции этот сплав в России не производился, соответствующую технологию пришлось разрабатывать с нуля.

К 1920 г. собственно химический состав и механические свойства дюралюминия секрета уже не представляли, но помимо этого, было необходимо строго соблюдать режим технологических процессов: плавки, термообработки, обработки давлением и т.д. Первоначально рассматривался вариант с приглашением иностранных специалистов. Так, например, ВСНХ РСФСР вел переговоры с фирмой «Виккерс»¹³ об организации изготовления дюралюминия в Советской России. Однако начальник литейного цеха Кольчугинского завода В.А. Буталов взял на себя ответственность за освоение (фактически разработку) новой технологии и с честью выполнил свою задачу¹⁴. Первый отечественный слиток дюралюминия был получен в апреле 1922 г. на Первом государственном заводе по обработке цветных металлов¹⁵ в Кольчугино. Вскоре кольчугинскую технологию производства дюралюминия¹⁶ передали на Петроградский государствен-

ный медеобработывающий завод «Красный Выборжец»¹⁷, а в начале 1923 г. на заводе «Дукс»¹⁸ разработали собственный сплав, который, по отзыву экспертов из МВТУ, превосходил кольчугоалюминий. Однако, в отличие от кольчугинского завода, ранее выполнявший только механические работы «Дукс» не имел оборудования для «горячей» обработки металла в промышленных масштабах. В марте 1923 г. в СССР было создано «Общество друзей воздушного флота» (ОДВФ), что имело важные для завода «Дукс» последствия. Во-первых, с 25 августа 1924 г. он стал именоваться «Завод им. ОДВФ»¹⁹, во-вторых, на добровольные пожертвования членов этого общества было приобретено оборудование для литейного цеха²⁰. Контракт на строительство литейной мастерской являлся крайне прибыльным заказом (дело происходило в годы нэпа, и строительство велось коммерческими методами), поэтому за него развернулась нешуточная борьба. В результате тендера (участвовали 10 соискателей) победило предложение частных подрядчиков В.С. Лурье и Г.Д. Бехли²¹. Однако, выдвинув условие — снизить до представленного этими подрядчиками уровня цены будущих услуг, — Главное управление военной промышленности (ГУВП) на своем заседании решило передать заказ Государственной строительной конторе при Московском военно-инженерном окружном управлении²².

В 1924 г. Ю.Г. Музалевский, являвшийся ведущим специалистом завода им. ОДВФ в области изготовления дюралюминия, разработал флюс для варки сплавов на основе алюминия. Это было очень важно — до этого флюс приходилось покупать за границей по 500 руб. за кг²³.

2–10 января 1924 г. состоялось посвященное теме металлического самолетостроения совещание представителей ГУВП²⁴, Главцветметалла, Центральный аэрогидродинамический институт, Главного управления воздушного флота авиационных заводов. По сообщениям Д.П. Григоровича, В.В. Калинина, Ю.Г. Музалевского и др. — представителей завода им. Авиахима²⁵, он был готов перейти на производство металлических самолетов. Для этого на заводе хотели создать цех по производству дюралюминия и научно-исследовательскую лабораторию²⁶. Туполев, официально представлявший на том совещании Кольчугинский завод, встретил такую идею в штыки, т.к. отстаивал концепцию создания отдельно и самолетостроительного завода, и литейного производства, и исследовательской лаборатории. После достаточно напряженной дискуссии победила последняя точка зрения, что и предопределило окончательный успех Туполева. Литейное отделение завода им. Авиахима так и осталось полулабораторным, и явно не могло состязаться с объемами выплавки в Кольчугино. Обеспеченный дюралюминиевым прокатом, Туполев развил активную деятельность, и уже в 1925 г. в небо поднялся первый экземпляр цельнометаллического бомбардировщика ТБ-1. Что же касается «Дукса», то литейные работы с алюминием на нем продолжались (в 1927 г. в Америке были закуплены две электропечи для плавки алюминия²⁷), однако было очевидно, что они не могут претендовать на промышленно-значимые объемы.

Между тем суммарные масштабы выпуска дюралюминия в СССР оставались удручающе малыми. Объемы его производства на заводе им. Авиахима были незначительными, поэтому основным производителем «крылатого металла» являлись заводы Госпромцвета²⁸ — Кольчугинский и «Красный Выбор-

жец»²⁹. Однако и для них алюминиевые сплавы были продукцией побочной, выпускаемой в латунно-прокатных цехах «между делом». Это характеризовало не только и не столько отношение заводчан к заказам Авиатреста, сколько производственный порядок проведения работ с дюралюминием. Техническая обработка сплавов на основе алюминия — операция сложная и требующая тщательного соблюдения температурного режима печи. Заводские печи обычно работали на температурах, значительно превышавших допустимые для обработки дюралюминия пределы, и лишь по субботам охлаждались до пригодной для проката дюралюминия температуры³⁰. Такой режим работы снижал как качество, так и количество дюралюминиевого проката.

В экономическом плане для металлургов производство легких сплавов было убыточным направлением работ, поэтому Кольчугинский завод интенсивно старался «спихнуть» с себя дюралюминиевую проблему, которая явно воспринималась руководством предприятия как лишняя обуза. На этом заводе, отмечали очевидцы, по дюралюминию «ходили ногами и ездили на телегах <...> положение с дюралюминием было такое, что от него все отмахивались, целые партии разваливались при горячей прокатке, процент выхода был такой, что заведующий обоснованно утверждал, что дюралюминиевое производство — сплошной убыток»³¹.

В 1926 г. Госпромцвет заявил, что отказывается от производства дюралюминия вообще, и только методологическая помощь со стороны «Авиахима»³² позволила спасти положение. Характерно, что технологию дюралюминиевого литья на завод им. Ворошилова передавали не из Кольчугино, а из «Авиахима».

В среднем, в 1920-х гг. потребность советской авиапромышленности в дюралюминиевом прокате удовлетворялась на 75%. Стремясь разрешить проблему «дюралюминиевого голода», руководство СССР присоединило к заводу «Красный Выборжец» корпуса бывшего «Франко-Русского завода»³³, чтобы уже на новых производственных мощностях развернуть специализированное дюралюминиевое производство. Созданный филиал «Красного Выборжца» вступил в строй в 1927 г., но в полную силу заработал лишь в годы первой пятилетки (1928—1932). В связи с выходом на проектную мощность в 1929 г. филиал получил статус самостоятельного предприятия и стал заводом им. Ворошилова. Решение проблемы производства дюралюминия позволило перевести вопрос металлического самолетостроения в практическую плоскость. С 1927 г. началось серийное производство советских цельнометаллических самолетов — сначала разведчиков Р-3, а с 1929 г. — бомбардировщиков ТБ-1 и истребителей И-4. Но не следует забывать, что этот успех был, в известном смысле, половинчатым: дюралюминий представлял собой сплав на основе алюминия, поэтому ключевое значение для промышленности легких сплавов имело алюминиевое производство. Между тем алюминий в СССР не выпускался вообще.

В 1929 г. Московский обком ВКП(б) собрал совещание по вопросам положения с цветными металлами, на котором основной докладчик безрадостно признал, что годовая потребность СССР в алюминии составляет 17 тыс. т, планируемая выплавка — 5 тыс. т, а пока его добывают путем раскопок на заводских свалках³⁴. Практически весь дюралюминий советской выделки в 1920-х гг. производили из импортного алюминия. По сути перед страной стояла задача создания

совершенно новой индустриальной отрасли, дореволюционного «задела» по которой не существовало. В России были запасы бокситов — алюмоносной руды, но для производства чистого алюминия требовались колоссальные энергетические мощности. Так, в 1930-х гг. на Днепровском алюминиевом заводе для выплавки 1 т чистого алюминия в среднем требовалось 20 тыс. кВт/ч. Таким образом, еще до начала работ по собственно производству алюминия было необходимо подготовить соответствующие электрогенерирующие мощности. Эту проблему удалось решить пуском Волховской (1926), Днепровской (1932) и Свирской (1933) гидроэлектростанций. Волховская ГЭС, тихвинское месторождение бокситов и ленинградский завод им. Ворошилова, на котором осуществлялось литье дюралюминия, находились географически рядом, что было чрезвычайно важно, т.к. позволяло сравнительно быстро создать единый металлургический кластер.

Советские алюминиевые заводы еще только проектировались, но уже 2 августа 1929 г. Совет труда и обороны принял постановление «О перспективах развития цветной металлопромышленности». В нем заложенные в пятилетнем плане темпы развития алюминиевой промышленности пересматривались в сторону увеличения³⁵. Прежний план, рассчитанный исходя из фактического импорта алюминия (т.е. «нам надо выплавлять столько же алюминия, сколько мы сейчас импортируем»), предусматривал доведение производства его выплавки до 5 тыс. т в год. Постановление, основываясь на планах строительства воздушного флота, требовало довести ежегодную выплавку алюминия до 20 тыс. т. В июне 1930 г. на базе Волховской ГЭС началось строительство Волховского алюминиевого комбината. В 1932 г. на заводе прошла первая плавка, а в 1933 г. он вышел на проектную мощность — 6 тыс. т алюминия в год³⁶. Отметим, что разработка технологии получения глинозема³⁷ из тихвинских бокситов представляла собой крайне сложную техническую проблему. Несмотря на то, что наличие алюмоносной руды в окрестностях Тихвина было известно с 1882 г.³⁸, сравнительно низкое содержание алюминия в ней долгое время ставило крест на всех попытках промышленного получения этого металла из волховских бокситов. Специалисты Американской алюминиевой компании, обследовавшие тихвинское месторождение и констатировавшие, что низкое содержание алюминия в руде не позволяло надеяться на эффективное производство, рекомендовали ориентироваться на импорт зарубежных бокситов³⁹. Тем не менее советским химикам удалось решить эту проблему. В конце 1930 г. недалеко от Днепрогэса началось строительство Днепровского алюминиевого комбината (бокситы для него предполагалось доставлять с тихвинского и уральского месторождений). Уже в 1934 г. он вышел на проектную мощность в 20 тыс. т алюминия в год⁴⁰. К 1937 г. удельный вес комбината в общесоюзной выплавке этого металла составил около 70%⁴¹. Третьим советским центром производства алюминия стал Уральский завод (Каменск), строительство которого началось в конце 1934 г. На проектную мощность 20 тыс. т в год предприятие вышло только перед войной, в 1939 г. Строить алюминиевый завод в Кандалакше начали тоже в 1934 г., но к работе он приступил уже после окончания Великой Отечественной войны.

Оборудование для заводов закупали преимущественно во Франции, в меньшей степени — в Италии⁴². Вышеописанные меры позволили решить в первом приближении алюминиевую проблему, однако для выплавки дюралюминия тре-

бывались еще магний и медь. Меди в СССР хватало, а вот магний приходилось импортировать. В связи с этим организация отечественного производства магния становилась определяющим фактором развития советской металлической авиации. Ввод в строй в 1935 г. Днепровского магниевых завода, а в 1936 г. — его уральского аналога, позволил решить эту проблему.

Синхронно с наращиванием объемов выплавки алюминия совершенствовались и методы производства «крылатого металла». Как показала практика использования цельнометаллических самолетов, дюралюминиевые фюзеляжи из-за воздействия атмосферной влаги нередко страдали от коррозии. В 1930 г. специалисты завода им. Авиахима разработали метод плакирования (т.е. покрытия) дюралюминия алюминием (применяется до сих пор). Вскоре плакированный дюралюминий стал основным конструктивным материалом при строительстве советских крупных самолетов⁴³, а неплакированный — с 1932 г. запретили использовать при проектировании новых самолетов⁴⁴.

Впрочем, все же основной тенденцией развития индустрии легких сплавов были не технические новации в изготовлении цельнометаллических фюзеляжей, а физический рост объемов производства дюралюминия. Уже в первом пятилетнем плане было предусмотрено строительство Специализированного завода по обработке легких металлов. В ВСНХ трезво оценивали сложность строительства такого предприятия⁴⁵, поэтому решили составить сразу три эскизных проекта. Первый предполагалось заказать Гипромезу⁴⁶, второй — «фирме в Европе», третий — «американской фирме»⁴⁷. Как видим, советское руководство стремилось «не складывать все яйца в одну корзину» и пыталось подстраховаться на случай неудачи. В ноябре 1928 г. два инженера Госпромцвета отправились в США, где безуспешно пытались договориться с неким «заводом в Фермонте» о приезде американских инженеров для составления проекта. Другой американский контрагент — завод Баума — не отказал наотрез, но выставил столь жесткие и стеснительные для советской стороны условия, что делегаты Госпромцвета были вынуждены свернуть переговоры⁴⁸. В итоге к марту 1928 г. стало ясно — рассчитывать на проектные услуги американских специалистов не стоит. Летом проект Гипромеза был еще не закончен, но, по оценке Музалевского (ведущего советского знатока дюралюминиевого производства), уже нуждался в капитальной переработке, причем объем изменений составлял приблизительно 70% уже выполненных проектных работ.

Таким образом, Советский Союз остался без проекта жизненно необходимого завода. Пытаясь наверстать растроченные впустую девять месяцев, руководство отрасли спешно отправило в Европу новую делегацию во главе с Музалевским. Первым делегация осмотрела предприятие Симменс-Шуккерт. Эта фабрика действительно занималась цветной металлургией и производила электропечи, однако их не использовала. Кроме того, советским специалистам так и не удалось попасть в цеха завода, занятые обработкой алюминия и получением дюралюминия. Из Германии Музалевский отправился во Францию, где уже была проведена некоторая подготовительная работа.

С 1925 г. переговоры о цветных металлах вел А.Г. Шляпников. Французские эмиссары приезжали в Москву и договаривались о добыче алюминия, кабельном и дюралюминиевом производствах. Уже на четвертый день пребывания во Франции Музалевский получил доступ на завод в Ле-Бурже. По се-

бестоимости французский дюралюминий был в шесть раз дешевле советского, производившегося реально, и, исходя из калькуляций, в два-три раза — только предполагаемого к производству на новом заводе. Это объяснялось как меньшей численностью персонала французских предприятий (что снижало затраты на оплату сотрудников), так и большей производительностью французских печей. В то время как на советских предприятиях дюралюминий лили в тигли по 38 кг, на французских заводах пользовались печами, рассчитанными на 1 500 кг расплава. С другой стороны, когда французы пользовались нефтяными печами, в СССР эксплуатировались электропечи, поэтому дюралюминий советского производства был лучше по качеству. Делегации СССР удалось заключить договор о проектировании советского завода французскими специалистами, но Музалевский был недоволен технологическим уровнем решений, предложенных инженерами Ле-Бурже. Поэтому из Франции он направился в Англию, рассчитывая найти там более перспективные технические решения. Однако все попытки Музалевского осмотреть британские заводы по производству «крылатого металла» не увенчались успехом. Вскоре Музалевский и большая часть делегации вернулись в СССР.

Между тем один из советских инженеров — А.В. Сибилев — продолжил путь за океан, в США. Американская алюминиевая компания («Алкоа») в те годы была крупнейшим производителем алюминия и его сплавов в мире. Технологии, применявшиеся на заводах «Алкоа», считались на тот момент наиболее совершенными, и желающих ознакомиться с организацией на них производства было немало. Однако руководство американской корпорации отнюдь не горело желанием делиться с кем-либо своими «ноу-хау», поэтому Сибилев не смог побывать на американских заводах легких сплавов. Тогда он избрал обходной путь и стал с помощью специалистов «Амторга»⁴⁹ собирать информацию об оборудовании, которое на американских машиностроительных заводах заказывалось для фабрик Американской алюминиевой компании. В результате этого исследования стало ясно, что в американской дюралюминиевой промышленности используются электропечи и валковые станы, рассчитанные на заготовки весом в полторы тонны. После возвращения Сибилева на родину по итогам его доклада на новом Специализированном заводе решили установить электропечи вместимостью 1,5–2 т полуфабриката. Первую такую электропечь, небольшую и предназначенную, в основном для отработки технологии, доставили из США в СССР еще в 1927 г.⁵⁰ В 1932 г. были закуплены печи промышленного масштаба, а уже в 1933 г. новый завод, под № 95, вступил в строй.

С другой стороны, даже такой рост индустрии легких сплавов не мог покрыть всех запросов бурно развивавшейся советской авиапромышленности. В 1935–1936 г. спрос на дюралюминиевый прокат существенно превышал предложение⁵¹. Именно постоянная нехватка дюралюминиевого проката, особенно его некоторых сортов, стала одной из важнейших причин провала попыток освоить производство лицензионных моделей авиатехники во второй половине 1930-х гг. Руководство авиапромышленности четко понимало сложившуюся ситуацию: «Серьезное препятствие (для производства лицензионных моделей. — М.М.) — нет базы для производства прессованных профилей и листов с особо гладкой поверхностью»⁵². Поставки полуфабрикатов из алюминиевых сплавов шли с заводов им. Ворошилов (Ленинград) и № 95 (Москва)⁵³, но они

с трудом справлялись даже с текущими заказами. На 1937 г. планировалось еще больше увеличить масштабы авиавыпуска, значит, и расход дюралюминиевого проката. Разумеется, «дополнительные» самолеты уже не могли быть обеспечены металлом. Таким образом, в конце второй пятилетки (1933–1937) в стране постоянно не хватало дюралюминиевого проката, что потребовало срочного строительства третьего по счету завода легких сплавов⁵⁴.

В 1936 г. строительную площадку Каширского электровозостроительного завода, где уже провели обширные подготовительные работы, передали для создания нового предприятия — Ступинского комбината легких сплавов (в дальнейшем — завод № 150). Однако строительство затормозилось и тому были причины.

В 1935 г. в США была направлена делегация советских авиаспециалистов (во главе с А.Н. Туполевым). Ее сотрудники наряду с прочими новациями обнаружили, что американские самолетостроители широко используют дюралюминиевые листы размерами 2 500 на 7 000 мм, в то время как советские заводы не могли изготовить листы размерами больше чем 1 000 на 4 000 мм. Незамедлительно последовала реакция: «Надо пересмотреть стандарты на алюминиевый прокат, существующие с 1922 г. и всеми средствами добиваться техпомощи от Алкоа»⁵⁵. К сожалению, попытки купить у Американской алюминиевой компании перспективную технологию вновь не увенчались успехом. Тогда, помня об успешном опыте Сибилева, советские инженеры обратились к американским машиностроителям, в частности к Форду⁵⁶, который сравнительно быстро изготовил по советскому заказу нужное оборудование — многовалковые станы требуемой ширины. Параллельно аналогичный заказ валковых станов для Днепровского алюминиевого завода был размещен на других американских машиностроительных фирмах⁵⁷.

Ввод комбината № 150 планировался на III–IV кварталы 1939 г., но станы были куплены в 1938–39 гг., а установлены в январе 1940 г., из-за чего пуск завода несколько задержался⁵⁸. Уже в 1940 г. Ступинский комбинат произвел 4 191 т дюралюминиевого проката. Впрочем, это отнюдь не означало прекращение закупок за рубежом оборудования для индустрии легких сплавов. В США, у фирмы «Лэйк Эри инженеринг корпорейшен» были закуплены шесть гидравлических прессов для обработки листового дюралюминия⁵⁹; прессы и станки для обработки материалов, используемых в авиастроении, приобретались и у других американских фирм. Технологическую помощь в освоении проката широких алюминиевых листов Советский Союз получал и из Франции — 5 июня 1939 г. был заключен соответствующий договор с фирмой «Дюралюмин»⁶⁰. Но, видимо, из-за разразившейся вскоре Второй мировой войны этот договор и связанные с ним операции не сыграли существенной роли в истории отечественной цветной металлургии.

В ожидании импортного оборудования Ступинский завод временно передали в ведение Главного управления авиапромышленности. На нем было организовано производство учебных самолетов УТ-1 и воздушных винтов. После начала производства дюралюминиевого проката цех по изготовлению пропеллеров выделился в самостоятельный завод. В 1940 г. на оборудовании Ступинского комбината (на тот момент являвшегося крупнейшим в мире) началась обработка слитков весом до 1 т, что превышало даже американский технологический уровень⁶¹. В мае 1941 г. первая очередь комбината вышла на проектную мощность.

Тем не менее приходится признать, что окончательно проблема обеспечения советской авиапромышленности необходимыми объемами дюралюминиевого проката к началу Второй мировой войны так и не была решена. Масштабы производства легких сплавов увеличивались, но потребности авиапромышленности возрастали обгоняющими темпами. Так, в 1940 г. из 10 000 т дюралюминиевого проката, утвержденных по плану в I квартале Наркомату авиапромышленности (НКАП) реально было поставлено лишь 7 307 т⁶², причем основным лимитирующим выпуск дюралюминия фактором была именно нехватка алюминия. Например, завод № 95 (ведущее предприятие по дюралюминиевому литью) в январе 1940 г. получил только 69% запланированного количества алюминия, в феврале еще меньше — 54,5%⁶³. К тому же периоду относятся многочисленные жалобы («систематически срывает поставки»)⁶⁴ на Днепропетровский магниевый завод. В августе 1940 г. ситуация, на первый взгляд, начала улучшаться.

Таблица 1

Отгрузка алюминия НКАП в августе 1940 г. (т)

Завод	Наряд на август	Фактическая поставка в августе	Выполнение плана (%)
Днепровский алюминиевый	3 240	3 093,14	95,5
Волховский алюминиевый	738	689	93,3
Уральский алюминиевый	1 242	1 246,5	100,3
Всего	5 220	5 028,64	96,3

Составлено по: ГА РФ. Ф. 8007. Оп 1. Д. 27. Л. 56.

Положение вещей внушало оптимизм, однако с поставками прочих необходимых для производства дюралюминия материалов дело обстояло далеко не столь радужно.

Таблица 2

Поставки магния и сопутствующих материалов в августе 1940 г.

Завод	Продукция	Наряд на август	Фактическая поставка в августе
Днепровский алюминиевый	магний	60	3
	сплав МА6	200	73,16
Соликамский калиевый	магний	240	57,7
	сплав МА6	193	0
	сплав МА3	50	0
Зестафонский завод ферро-сплавов	марганец	50	0

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 408. Л. 59.

С учетом того, что дефицит магния лимитировал объем выплавки дюралюминия, очевидно, что уже в III квартале 1940 г. ситуация с обеспечением авиапромышленности конструкционными материалами была весьма далека от идеальной, а это, в свою очередь, ограничивало возможности наращивания авиавыпуска в последние предвоенные месяцы⁶⁵.

К концу года ситуацию удалось несколько улучшить, но плановые показатели все равно не были достигнуты.

Таблица 3

Отгрузка алюминия и магния в IV квартале 1940 г. (т)

Завод	Продукция	План IV квартала	% выполнения
Днепровский алюминиевый	алюминий	9 307	82,2
Волховский алюминиевый	алюминий	1 015	71,4
Уральский алюминиевый	алюминий	3 035	80,5
Всего	алюминий	13 557	81
Днепровский магниевый	магний	26	91,5
	сплав МА6	206	74,5
Соликамский калиевый	магний	216	47,2
	сплав МА6	289	—

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 408. Л. 59.

Как следует из таблицы, основная масса алюминия в СССР на тот момент производилась на Украине, магния — на Урале. Однако в СССР в целом продолжало недоставать и того, и другого. Заказ НКАП в 1940 г. по алюминию был удовлетворен на 31–92% (в зависимости от сорта)⁶⁶. Таким образом, уже тогда было очевидно, что и в будущем году «алюминиевый голод» останется важнейшим фактором экономической жизни СССР. В частности, осенью 1940 г. Госплан, докладывая Совнаркому о ходе выполнения третьего пятилетнего плана (1938–1942), охарактеризовал ситуацию с развитием алюминиевой промышленности весьма пессимистично. Отмечалось, что хотя план пятилетки предполагал трехкратный рост выпуска алюминия, на самом деле за два ее истекших года производство «крылатого металла» возросло лишь на 33%⁶⁷. При обсуждении заказа НКАП на 1941 г. со стороны Наркомцветмета было заявлено, что его план на 1941 г. предусматривал выпуск 90 тыс. т алюминия. Поэтому в данном наркомате не видели возможности одновременно выполнить заказы: НКАП — на 87 тыс. т алюминия и прочих оборонных ведомств — еще на 15–16 тыс. т⁶⁸. Интересно, что нужды прочих экономических ведомств, не имевших отношения к сфере «оборонки», вообще не принимались во внимание. Так, нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин

позднее вспоминал: «Мы брали все или почти все. Например, забирали почти весь алюминий, магний, кобальт, легированные стали, большинство легированных труб и т.д. Здесь мы были монополистами: нам давали то, что никому не давали. Многого в стране еще не хватало. Какие-то отрасли только начинали развиваться. Но для авиации не скупилась»⁶⁹. Чувствуется, что Шахурин испытывал явную гордость по поводу эксклюзивного положения своей отрасли, и его оценки были недалеко от истины. Например, в 1940 г. НКАП действительно потреблял 45% всего поступления алюминия в СССР⁷⁰. Тем не менее, если рассматривать ситуацию с производством этого металла не в отдельной отрасли, а в масштабах всего Советского Союза, она внушала, скорее, опаску, нежели гордость.

Однако руководство авиапромышленности не только не было склонно ограничить свои запросы в отношении алюминия, но, напротив, считало текущий уровень выплавки этого металла решительно недостаточным. Особую тревогу вызывало сопоставление выпуска «крылатого металла» в СССР и Германии (ее, вполне оправданно, рассматривали на тот момент как одного из наиболее вероятных противников нашей страны). Накануне войны с ней Советский Союз по выплавке алюминия опережал Великобританию, Францию, Японию и Италию⁷¹. Однако, по данным советской разведки, Германия по масштабам выпуска этого металла превосходила СССР.

Таблица 4

Выпуск алюминия в СССР и Германии в 1937–1939 гг. (тыс. т)

Страна	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	
				запланировано	ожидается
СССР	37,7	43,9	48,9	67	61
В % к прошлому году	118,6	116,4	111,4	137	124
В % к годовому плану	75,4	87,9	87,3	–	91
Германия*	120	165	192	н.д.	н.д.

Составлено по: ГА РФ. Ф. 8007. Оп 1. Д. 29. Л. 3.

Как видим, несмотря на постоянный и достаточно уверенный рост выплавки алюминия, советская авиапромышленность не могла не только догнать Германию, но даже предотвратить дальнейшее увеличение отставания от Третьего рейха. На самом деле, данные разведки преуменьшали действительное превосходство Германии в алюминиевом выпуске. К 1939 г. она, продолжая удерживать первое место в мире по производству алюминия, произвела 194 тыс. т этого металла⁷², т.е. накануне Второй мировой войны по производству алюминия СССР отставал от потенциального противника в три с половиной раза.

* По данным начальника Металлического отдела НКАП.

Разумеется, такое положение не могло не беспокоить советское руководство. План развития народного хозяйства СССР на 1941 г. предусматривал «обеспечение выплавки <...> 100 000 т алюминия и увеличение мощностей алюминиевой промышленности с расчетом выплавки в 1942 г. не менее 175 000 т»⁷³. Очевидно, что интенсификацию производства этого металла должен был обеспечить новый завод, строительство которого шло в Кандалякше. Однако его так и не завершили в предвоенные годы. Следует также отметить, что даже успешное выполнение плана 1941 г. не позволяло добиться реального «алюминиевого» паритета с Германией, т.к. в 1941 г. немецкая индустрия выплавляла 324 тыс. т алюминия и 24 тыс. т магния⁷⁴.

В этой связи вопрос о дальнейшем наращивании мощности отечественного выпуска алюминия и сплавов на его основе приобрел особую остроту и стал, можно сказать, одной из ключевых проблем авиапромышленности в предвоенный период. Летом 1940 г. нарком авиапромышленности А.И. Шахурин представил в Совет оборонной промышленности докладную записку, посвященную перспективам развития производства проката, поковок и штамповок из алюминия и легких сплавов для авиапромышленности на период 1940–1943 гг.⁷⁵

Потребность в этих полуфабрикатах на 1 января 1943 г. (по расчетам НКАП) составляла 120 100 т в год, из них 12 500 т — прокат из алюминиевых сплавов⁷⁶. При наращивании мощностей заводов № 95, 150 и постройки в срок еще трех — типа № 268 (по прокату магниевых сплавов) получили бы 76 700 т (63,8% необходимого количества), а по магниевым сплавам — 12 500 т (100%).

Для покрытия ожидаемого дефицита Шахурин предложил построить в системе Наркомцветмета (дополнительно к уже существующим предприятиям) еще два прокатных завода типа № 95 мощностью по 20 тыс. т в год. Всего для расширения масштабов выпуска проката из легких сплавов в течение 1941–1943 гг. необходимо было осуществить капитальные вложения в размере 563,5 млн руб. Эти средства, по замыслу Шахурина, требовалось распределить следующим образом: а) на строительство и оборудование двух заводов-дублеров № 95 — 500 млн руб.; б) на сооружение трубо-прессового цеха мощностью 6 300 т в год на заводе № 150 — 40 млн руб.; в) на реконструкцию прессовочного цеха на заводе № 95 с доведением мощности до 7 200 т в год — 20 млн руб. Кроме того, по данной программе следовало предусмотреть выделение «импортного контингента» на 3 млн руб. для приобретения в Германии специальной установки по непрерывному литью типа «Junghaus».

Однако эти крупномасштабные планы вызвали недовольство Госплана, стремившегося по мере возможностей сократить расходы. Поэтому, принимая программу Шахурина в целом, Госплан рекомендовал построить только один завод типа № 95 мощностью 20 тыс. т в год; снизить мощность трубо-прессового цеха на заводе № 150 до 4 200 т в год (Шахурин предлагал 6 300 т), а штамповочного — до 5 тыс. т (Шахурин планировал 6 тыс. т); строительство заводов дюралюминиевого проката поручить непосредственно НКАП и предусмотреть на строящемся Уральском заводе алюминиевого проката производство прутков, проволок и заклепок для НКАП на 3 тыс. т в год. В результате дальнейший выпуск алюминия должен был развиваться следующими темпами:

Таблица 5

**Перспектива выпуска алюминия в 1940–1943 гг.
по скорректированной программе Шахурина (тыс. т)**

Завод	1940	1941	1942	1943	Примечания
Волховский	12,5	13	13	13	функционирует
Днепропетровский, I–VI серии	38,5	39	40,5	40,5	функционирует
Днепропетровский, VII серия	–	5	14,5	14,5	строится
Уральский, I–II серии	16	28	37	37	функционирует
Уральский, III серия	–	–	9	18	строительство не начато
Кандалакшинский	–	–	3	15	Строится; возможен срыв пуска — не окончено строительство электростанции
Сталинский	–	–	14	30	строительные площадки еще не утверждены
Карагандинский	–	–	10	15	
Богословский	–	–	–	2	строительные площадки еще не намечены
Кемеровский	–	–	–	5	
Кольский (аглумин)					
Несветаевский	–	–	10	15	Госплан предлагает перенести строительную площадку
Итого	67	85	151	221	

Составлено по: ГА РФ. Ф. 8007. Оп 1. Д. 29. Л. 2.

Впрочем, надо признать, что возможность осуществления столь амбициозной программы, уже тогда вызывала некоторый скепсис у многих руководителей-хозяйственников. Так как судьба многих заводов-новостроек еще витала в облаках и ожидала разметки и утверждения хотя бы строительных площадок, начальник Главалюминия и заместитель наркома цветной металлургии составили программу-минимум, согласно которой при планомерном развитии отрасли выпуск алюминия в 1942 г. мог достигнуть отметки в 108 тыс. т, а именно:

Таблица 6

**Программа-минимум
развития советской алюминиевой промышленности к 1942 г. (тыс. т)**

Волховский алюминиевый завод	13
Днепропетровский алюминиевый завод	55
Уральский алюминиевый завод	37
Кандалакшинский алюминиевый завод	3

Выпуск магния в этом случае ожидался на уровне 7,9

Днепропетровский магниевый завод	1,6
Каменский магниевый завод	2,5
Соликамский магниевый завод	3,8

Составлено по: ГА РФ. Ф. 8007. Оп 1. Д. 29. Л. 4.

Помимо экстенсивного пути по наращиванию масштабов выплавки алюминия и выработки проката легких сплавов за счет строительства новых предприятий, в предвоенные годы предпринимались активные шаги для решения «алюминиевой проблемы» путем интенсификации труда и внедрения наиболее оптимальных технологических решений на уже действовавших заводах. Так, в 1931 г. для изготовления дюралюминиевых труб диаметром 25(23) мм (имеется в виду внешний и внутренний диаметр) волочением требовалась заготовка диаметром 70(60) мм, которую подвергали 24 операциям волочения и 12 промежуточным отжигам. В 1940 г., с переходом на перспективную технологию изготовления дюралюминиевых труб прокаткой, на изготовление такой же трубы стала требоваться заготовка диаметром 41(35) мм, которую после единственной прокатки подвергали только двум волочениям и одному промежуточному отжигу⁷⁷.

Так достигалась экономия требовавшегося для изготовления одной детали времени, а также материальных ресурсов, что позволяло увеличить выпуск продукции без расширения производственных мощностей. Прогресс индустрии цветного литья был столь значимым, что по плану реконструкции Кольчугинский завод было решено освободить от дюралюминиевого производства⁷⁸. К 1940 г. литейные цеха всех заводов легких сплавов оборудовали электропечами сопротивления⁷⁹.

Даже после создания отечественной алюминиевой индустрии импорт Советским Союзом «крылатого металла» полностью не прекратился. Советская промышленность получала в год около 60 000 т алюминия, при этом мобилизационный план на 1939 г. МП-1 предусматривал потребление 131 100 т алюминия за один год войны. В отличие от большинства позиций плана МП-1 поставленные в нем задания индустрии цветных металлов были невыполнимы. Авиапромышленность являлась основным потребителем алюминия, что в существенной степени и ограничивало развитие в СССР металлического самолетостроения⁸⁰.

В этом свете не вызывает удивление тот факт, что параллельно с вышеописанными работами по экстенсивному и интенсивному развитию отечественной промышленности легких сплавов руководство СССР прилагало значительные усилия по расширению алюминиевого импорта. Увы, на этом направлении добиться сколько-нибудь заметных успехов не удалось. Наоборот, в 1938–1940 гг. произошло сокращение ввоза алюминия, сопровождавшееся сменой основных поставщиков.

Поставка алюминия (т)

Страна	Год		
	1938	1939	1940
Норвегия	2410	3067	500
Франция	1919	220	0
США	4	1824	0
Прочие	3319	202	13
Всего	7652	5313	513

Составлено по: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 379, 407, 691, 791, 1079.

Основными «довоенными» экспортерами алюминия в СССР были Франция и Норвегия. Однако с началом войны поставки Франции резко сократились, т.к. ей потребовался свой алюминий. На освободившийся рынок пришли американские коммерсанты, но и они свернули свою деятельность в 1940 г. в связи с «моральным эмбарго». В 1940 г. Норвегия, подвергшаяся немецкой оккупации, тоже резко сократила поставки. Характерно, что прекращение поступления этого металла в Советский Союз (за исключением импорта американского алюминия) практически всегда означало перенаправление алюминиевого экспорта соответствующего рынка в Германию. При этом следует учитывать, что в СССР немедленно не поступал весь закупленный металл: например, в 1939 г. из 4 779⁸¹ т в страну завезли лишь 477 т алюминия⁸².

В этой обстановке советское правительство попыталось разрядить ситуацию с алюминиевым импортом переносом закупочной деятельности в Германию. Договор о взаимных товарных поставках «на второй договорной период» по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г. между СССР и Германией включал в себя список «1Б» — ее поставок в нашу страну с 11 мая 1941 г. до 1 августа 1942 г.

Список предусматривал поставки 30 тыс. т алюминия начиная с апреля 1941 г.⁸³. В этом месяце в Советский Союз должна была поступить 1 тыс. т этого металла, с 11 мая по 11 августа 1941 г. — 5 тыс. т, в последующие кварталы — по 6 тыс. т.

Таким образом, основная масса обещанного алюминия должна была попасть в СССР из Германии уже после начала операции «Барбаросса» и, разумеется, никогда не была отгружена советским контрагентом. Неслучайно среди прочего в списке поставок в СССР по «ленд-лизу», согласованном советскими, британскими и американскими представителями на Московской конференции 1941 г., фигурировали и 2 тыс. т алюминия, которые союзники обязались ежемесячно направлять в СССР⁸⁴.

Свой вклад в решение алюминиевой проблемы в СССР внесли разведчики — сотрудники Генштаба РККА, которые 15 ноября 1940 г. передали в СНК переводы постановлений Германского имперского управления по материалам. В этих документах — за № 39 и № 47, принятых соответственно в октябре 1936 г. и в сентябре 1939 г.⁸⁵, указывалось, в производстве каких именно изделий было запрещено использовать медь, алюминий и прочие цветные металлы (так достигалась экономия ценного стратегического сырья).

В начале Великой Отечественной войны перед всей советской промышленностью и индустрией легких сплавов встала проблема эвакуации основных производственных мощностей в восточные регионы страны. Однако в отношении алюминиевой промышленности ситуация была особенно острой. Выплавка алюминия — крайне энергозатратный процесс, поэтому алюминиевые комбинаты, «привязанные» к базовым для них гидроэлектростанциям, оказались в исключительно трудном положении. Уже к ноябрю 1941 г. на территории, временно оккупированной вермахтом, остались Волховский и Днепропетровский алюминиевые заводы, обеспечивавшие 60% довоенного производства алюминия⁸⁶.

В IV квартале 1941 г. Урал стал единственным поставщиком алюминия, магния, никеля и кобальта⁸⁷. Впрочем, авиастроению алюминий сам по себе был не нужен — требовались различные детали, изготовленные из дюралюмина и других сплавов цветных металлов. Между тем после того, как заводы № 95 и 150 начали эвакуацию на Урал, а завод им. Ворошилова оказался отсеченным в блокадном Ленинграде, с середины октября 1941 г. выпуск дюралюминиевого проката в СССР практически прекратился⁸⁸. Эвакуация завода № 150 автоматически прекратила и производство заклепочной проволоки⁸⁹, что ставило авиапромышленность в практически безвыходное положение. С ноября 1941 г. по апрель-май 1942 г. весь авиавыпуск фактически базировался на мобзапасы. Нехватка алюминия, без которого было невозможно производство используемых в авиации сплавов, побуждала советских авиаконструкторов предпринимать шаги по сокращению использования дефицитного материала в конструкциях самолетов. В частности это обстоятельство привело к частичному отказу в годы войны от металлических пропеллеров в пользу деревянных⁹⁰.

Решение «алюминиевой проблемы» стало на тот момент ключевым вопросом, определявшим масштабы авиавыпуска сражавшейся страны в целом. Ввиду того, что Днепропетровский и Волховский алюминиевые заводы были потеряны для СССР, на первый план вышла задача интенсификации работы Уральского алюминиевого завода. В ноябре 1942 г. удалось пустить вторую очередь этого предприятия. Одновременно форсированными методами велось строительство аналогичного завода в Сталинске⁹¹.

Решающей победы в деле обеспечения авиапромышленности легкими сплавами удалось достичь весной 1942 г. — в мае наконец-то возобновился выпуск дюралюминиевого проката, прекращенный осенью 1941 г.⁹² Практически одновременно прокат алюминиевых сплавов был налажен на заводах № 95 (в Верхней Салде) и 150 (на ст. Кунцево). В апреле 1942 г. восстановили выпуск заклепочной проволоки⁹³.

Рост производства алюминия и сплавов на его основе немедленно вызвал возрастание выпуска цельнометаллических самолетов.

Таблица 8

Производство цельнометаллических самолетов

Год	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Самолеты	2 935	3 404	3 196	3 802	4 402	4 448	2 818
Динамика к прошлому году (%)		+16	-6	+19	+16	+1	-37

Составлено по: Самолетостроение в СССР 1917–1945 гг. М., 1992. Кн. I. С. 432–435; М., 1994. Кн. II. С. 235–237.

Наибольший прирост выпуска цельнометаллических самолетов пришелся именно на 1942 г. В следующем, 1943 г., относительно индустрии легких сплавов появились как позитивные, так и негативные тенденции. В тот год были введены в строй Богословский (Свердловская обл.)⁹⁴ и Новокузнецкий (Кемеровская обл.)⁹⁵ алюминиевые заводы. Если на Уральском — был превышен довоенный уровень производства алюминия в 5,5 раз, то в целом по стране — на 4%⁹⁶. Кроме того, многие детали самолетов стали производить из авиафанеры (ранее — из алюминия). В результате только за два с половиной года удалось высвободить 30 тыс. т алюминиевого листа⁹⁷.

Важно отметить, что довоенный уровень был превышен как по собственно алюминию, так и по алюминиевым полуфабрикатам, используемым в авиапромышленности.

Таблица 9

Производство алюминиевых полуфабрикатов (% выпуска 1939 г.)

Год	1943	1944
Листы	258	368
Трубы	184	225
Прутки	420	510
Профили	1 097	1 160
Штамповки	206	317

Составлено по: Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 284.

В 1943 г. технология холодной прокатки труб, освоение которой началось еще в 1942 г., получила широкое распространение, в итоге произошел резкий скачок выпуска труб из дюралюминия.

Таблица 10

Выпуск дюралюминиевых труб (т)

1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
1 154	1 182	1 749	1 899	1 713

Составлено по: Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 325.

Холодная прокатка имела ряд несомненных преимуществ перед применявшейся ранее методикой волочения труб. Если при волочении за один проход диаметр трубы можно было изменить на 1,5–3 мм, а толщину стенки — в пределах 0,1–0,3 мм, то при холодной прокатке диаметр мог быть скорректирован на 20 мм, а толщина стенки — на 1,5–3 мм. В 1943 г. была освоена технология качественного литья алюминия в газовых печах, что позволило снизить зависи-

мость металлургии легких сплавов от поставок электроэнергии⁹⁸. Более широкое распространение получила технология непрерывного литья алюминиевых сплавов⁹⁹. Все эти меры в комплексе позволили существенно снизить остроту алюминиевой проблемы для советского авиастроения.

Однако рост выплавки алюминия сопровождался определенным снижением качества. Так, Уральский алюминиевый завод в течение пяти месяцев 1943 г. в отпускаемом НКАП алюминии допускал содержание до 20% продукции III и IV сорта¹⁰⁰. Впрочем, в 1944 г. масштабы выпуска алюминия приобрели уже столь широкий размах, что встал вопрос о перенаправлении части выплавки «крылатого металла» на гражданские нужды. В частности прокатные заводы НКАП получили заказ на изготовление алюминиевой посуды¹⁰¹.

В то же время, надо учитывать, что «алюминиевое изобилие» 1943–1944 гг. оказалось относительным. Действительно, потребности советской авиапромышленности в легких сплавах покрывались практически полностью, но в первую очередь за счет того, что СССР, в отличие от большинства стран — участниц Второй мировой войны, делал ставку не на цельнометаллические самолеты, а на аэропланы композитной схемы. Цельнометаллические фюзеляжи имели лишь многомоторные бомбардировщики Пе-2, Ил-4, Ту-2 и малосерийные Ер-2 и Пе-8. При этом основу советского авиавыпуска времен Великой отечественной войны составляли одномоторные штурмовики Ил-2, истребители Як-1, Як-3, Як-9, ЛаГГ-3, Ла-5 и Ла-7. При этом все одномоторные самолеты строились именно по композитной схеме. Примечательно, что, практически весь рост авиапроизводства военных лет обеспечивался в основном за счет наращивания сдачи одномоторных композитных самолетов — выпуск тяжелых многомоторных цельнометаллических самолетов за годы войны возрос незначительно (см. рис. 1).

Рис. 1.

Составлено по: Самолетостроение в СССР 1917–1945 гг. М., 1992. Кн. I. С. 432–435; М., 1994. Кн. II. С. 235–237.

Однако в 1941 г. выпуск цельнометаллических самолетов уменьшился не слишком значительно. Уже в следующем году он начал расти (!), пусть и очень медленными (по сравнению с суммарным авиавыпуском) темпами. Очевидно, мобзапасы и поставки алюминия из-за рубежа позволили НКАП избежать обвального падения производства металлоемких конструкций.

Таким образом, можно признать: пусть в минимальном объеме, но, так или иначе, советская индустрия легких сплавов с задачей обеспечения отечественной авиапромышленности конструкционными материалами справилась. Но не успели затихнуть финальные залпы Второй мировой войны, как между СССР и США началась новая — холодная война. И ее реалии поставили перед советскими авиаметаллургами новые задачи. Если в годы Великой Отечественной войны основу советского авиавыпуска составляли самолеты композитной схемы, то с переходом на реактивные двигатели технические характеристики самолетов возросли, поэтому теперь ставка на исключительно цельнометаллическое авиастроение стала вопросом не желательности или возможности, а граничным условием продолжения самолетостроения как такового. Либо СССР решал проблему обеспечения авиаиндустрии необходимым объемом металла надлежащего качества, либо советская авиапромышленность утрачивала возможность выпускать самолеты, соответствующие условиям текущего года. По сути на повестку дня встал вопрос о кардинальном расширении и модернизации алюминиевой промышленности и промышленности легких сплавов, сопоставимыми по масштабам с индустриальным рывком 1930-х гг.

Ситуация с обеспечением авиастроения металлом была столь остра, что к ее решению приступили практически сразу после окончания Великой Отечественной войны. Уже 4 февраля 1946 г. был издан приказ НКАП № 41, посвященный вопросам экономии металлов и внедрения различных их заменителей. Так, на I квартал 1946 г. было запланировано внедрение безникелевых сплавов высокого омического сопротивления марок ЭИ-2340 и ЭИ-341 взамен никрома, содержащего 60% никеля, и мягких резиновых бензобаков взамен алюминиевых. Причем если новые бензобаки должны были снизить пожароопасность самолетов, то внедрение новых сплавов сулило экономию 600 кг никеля на тонну сплава. Однако, судя по всему, процесс внедрения разнообразных заменителей в самолетостроение на каком-то этапе «вышел из берегов», поэтому в январе 1951 г. министр авиапромышленности¹⁰² специальным приказом категорически запретил применение на серийных самолетах новых, непроверенных и неапробированных материалов¹⁰³.

Однако вернемся от проблемы заменителей к вопросу обеспечения авиапромышленности металлами. Хотя в 1945–1946 гг. положение с алюминием не внушало опасений, уже в 1947 г. ситуация изменилась, и в Министерстве авиационной промышленности (МАП) забили тревогу. Хотя выпуск цветных металлов рос, а фактическое производство товарной продукции даже обгоняло плановые показатели, ситуация оставалась достаточно острой.

Таблица 11

**Выполнение плана по основной продукции
по цветной металлургии в 1946–1947 гг. (руб.)**

	1946 (факт.)	1947 (план.)	1947 (факт.)
Валовая продукция в неизменных ценах 1926/27 гг.	454 112	578 000	686 379
Товарная продукция в действующих отпускных ценах	540 442	788 731	807 658

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 4296. Л. 18.

Ввиду начавшихся разногласий с Госпланом по поводу поставок алюминия на авиапредприятия руководство авиапромышленности составило план производства «крылатого металла». Госплан исходил из возможности довести выплавку алюминия до 83 тыс. т в 1949 г., и до 90 тыс. т — в 1950 г., однако в Министерстве авиапромышленности сочли эти планы откровенно утопическими и разработали собственный, более реалистический сценарий роста выплавки алюминия.

Таблица 12

Производство алюминия в СССР в 1947–1950 гг. по плану МАП

Год	Ожидаемое выполнение (тыс. т)	Рост по отношению к плану 1947 г. (%)
1947	49	
1948	62	126
1949	76	155
1950	83	169

Составлено по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2977. Л. 22.

Руководство министерства четко выделило ряд ключевых моментов, относящихся к этому плану. Во-первых, полуторный рост производства алюминия к 1950 г. считался предельно возможным даже при максимальной загрузке всех производственных мощностей. Во-вторых, в вышеприведенной таблице представлены цифры, соответствующие ситуации именно максимально интенсивной работы всех предприятий цветной металлургии, причем предполагалось, что мощности по производству алюминия будут расширены за счет восстановления завода № 65, строительства прессового цеха на заводе № 150 и поставок мощных прессов на завод № 268 в порядке ремонтных мероприятий. И, наконец, в-третьих, МАП предъявлял претензии на весь объем алюминия, указанный в таблице, не оставляя на долю всего остального народного хозяйства ни единой тонны этого металла. Надо отметить, что в любом случае — и при росте выплавки согласно плану МАП, и в случае осуществления оптимистических предположений Госплана, авиапромышленности предстояло столкнуться с дефицитом алюминия, т.к. плановая выплавка не покрывала в полной мере производственные мощности по производ-

ству легких сплавов. Так, на январь 1949 г. мощности по прокату цветных металлов должны были составить 108 тыс. т, в январе 1951 г. — уже 119,5 тыс. т¹⁰⁴.

Судя по всему, важность решения алюминиевой проблемы была осознана руководством страны, поэтому конец 1940-х — начало 1950-х гг. стали периодом резкого наращивания мощностей по производству алюминиевого проката. К 1953 г. прогресс был налицо — по сравнению с 1947 г. выплавка алюминия возросла практически втрое.

Таблица 13

**Производственные мощности предприятий XII
ГУ Министерства оборонной промышленности* (т)**

№ завода	Основная продукция	Мощность завода по проекту	Мощность завода на 01.01.1952 г.	Мощность завода на 01.01.1953 г.
65	листы алюминиевых сплавов, листы магниевые, трубы, профили, прутки и проволока алюминиевых сплавов	22 200	11 700	20 190
95	листы, штамповка, трубы, профили и прутки алюминиевых сплавов	28 600	27 250	30 830
150	листы, трубы, профили и прутки алюминиевых сплавов	35 400	31 550	39 885
286	листы, штамповка, профили и прутки алюминиевых сплавов	60 000	36 000	55 480
Всего по главку		146 200	106 500	146 391

* В марте-августе 1952 МАП было объединено с Министерством вооружений в Министерство оборонной промышленности, но затем МАП восстановило свой ведомственный статус.
Составлено по: РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 3610. Л. 167–168.

К январю 1953 г. фактическая мощность предприятий главка не только вышла на плановую отметку, но даже несколько превысила ее. Судя по отсутствию оживленной переписки по «алюминиевому вопросу» в документах МАП и Государственного комитета по авиационной промышленности (ГКАТ)¹⁰⁵, в дальнейшем потребности авиапромышленности в «крылатом металле» удовлетворялись в полном объеме. Эта проблема была снята с повестки дня до начала 1960-х гг., когда советская алюминиевая промышленность внезапно столкнулась с кризисом перепроизводства. К тому моменту ситуация с производством алюминия приобрела несколько двойственный характер. С одной стороны, масштабы производства этого металла наконец-то вышли на отметки, при которых потребности авиапроизводства покрывались полностью — «алюминиевый дефицит» окончательно стал достоянием истории. С другой стороны, снижение себестоимости производства алюминия позволило начать его массовое внедрение в различные отрасли народного хозяйства, в которых ранее и подумать не могли о широком использовании критически важного для авиастроения материала. Значит, алюминиевой промышленности предстоял очередной виток расширения. В 1959 г. было подготовлено

совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии производства алюминия в 1959–1965 гг.». Постановление провозглашало курс на широкое внедрение алюминия и его сплавов в транспорте, строительстве, трубопроводах, электромашиностроении и кабельной промышленности. Соответственно, выработку этого металла планировалось резко увеличить.

Таблица 14

Проект плана наращивания объемов производства алюминия и глинозема (тыс. т)

Год	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
по алюминию	654	734	922	1 093	1 404	1 658	1 910
по глинозему	1 354	1 611	1 804	2 314	2 750	3 367	4 130

Составлено по: РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 740. Л. 66.

Основной прирост производства планировали получить на территории России. Согласно постановлению, к 1965 г. развернутые в РСФСР производственные мощности, должны были достигнуть масштабов 1 604,2 тыс. т по алюминию и 2750,0 тыс. т — по глинозему. Выработка в других союзных республиках должна была иметь меньшие объемы: Казахстан — 110 тыс. т по алюминию и 900 тыс. т по глинозему; Украина — 113 и 210; Азербайджан — 54 и 220; Армения — 29 и 50 соответственно. Для достижения этих значений предлагалось осуществить следующие мероприятия:

- ускорить строительство Красноярского алюминиевого комбината с доведением его мощности к концу 1965 г. до 330 тыс. т алюминия в год (в 1963 г. на этом предприятии предписывалось ввести в строй установку по производству алюминия высокой чистоты мощностью 1 тыс. т в год);
- приступить в 1960 г. к строительству Братского алюминиевого комбината с вводом его в строй к концу 1965 г. (с производственной мощностью 330 тыс. т алюминия в год), а в 1964 г. довести его возможности до 1 тыс. т алюминия высокой чистоты;
- закончить в 1963 г. строительство Иркутского алюминиевого комбината мощностью 165 тыс. т;
- ускорить строительство Ачинского глиноземного завода с вводом к концу 1965 г. мощностей по глинозему — 1 000 тыс. т в год, по содопродуктам — 500 тыс. и по порتلанд-цементу — 2 800 тыс. т в год;
- закончить в 1962 г. расширение глиноземного производства на Уральском алюминиевом с доведением его мощности по производству глинозема к концу 1965 г. до 775 тыс. т.
- закончить расширение глиноземного производства на Богословском алюминиевом заводе с доведением его мощности по глинозему до 620 тыс. т к 1965 г.;
- закончить в 1963 г. расширение Сталинского алюминиевого завода с доведением его мощности по алюминию до 260 тыс. т к 1965 г.; предусмотреть на нем ввод в строй установки по производству алюминия высокой чистоты мощностью 1 тыс. т в год;

- довести на Сталинградском алюминиевом заводе мощности по производству товарного алюминия и силумина к концу 1961 г. до 139 тыс. т;
- построить в составе Надвоицкого алюминиевого завода установку электролиза мощностью 27 тыс. т алюминия в год;
- закончить строительство и ввести в строй Пикалевский глиноземный завод мощностью 170 тыс. т глинозема и 165 тыс. т содопродуктов в год;
- приступить в 1963 г. к строительству в Красноярском крае нового глиноземного завода мощностью 1 600 тыс. т;
- осуществить строительство второго корпуса по производству алюминия высокой частоты мощностью 2 тыс. т на Волховском алюминиевом заводе с вводом в действие в 1961 г.;
- ускорить строительство Павлодарского алюминиевого завода мощностью 110 тыс. т алюминия и 900 тыс. т глинозема в год;
- довести мощность Днепровского алюминиевого завода до 210 тыс. т глинозема к концу 1965 г.;
- закончить строительство в составе Сумгаитского алюминиевого завода второй серии установок электролиза мощностью 26,2 тыс. т алюминия в год с вводом в действие в 1959 г.;
- закончить к концу 1963 г. строительство Кировобадского глиноземного завода мощностью 220 тыс. т глинозема, 260 тыс. т серной кислоты и 80 тыс. т сульфата калия в год;
- приступить в 1961 г. к строительству Ахтинского горно-химического комбината с мощностью 100 тыс. т глинозема в год, с вводом первой очереди (50 тыс. т) в 1965 г.¹⁰⁶

На первый взгляд, рост производства алюминия за шесть лет почти втрое представлялся фантастическим достижением. Однако следует учитывать, предупреждали составители постановления, что уже в 1959 г. США производили 1700 тыс. т первичного алюминия, 820 тыс. т алюминиевого проката и 103 тыс. т первичного магния, т.е. СССР всего лишь пытался сократить отставание от мирового лидера¹⁰⁷.

Так или иначе, все вышесказанное относилось именно к первичному алюминию. Между тем авиапромышленность была в первую очередь заинтересована в поставках алюминиевого проката, впрочем, по плану рост выпуска последнего должен был быть пропорционален росту производства первичного алюминия.

Таблица 15

Наращивание производственных мощностей по выплавке цветных металлов и производству их сплавов по плану 1959 г. (тыс. т)

Металл	Первичные металлы		Прокат всех видов без кабельной продукции и фольги	
	достигнутый уровень	мощность по плану на конец 1965 г.	достигнутый уровень	мощность по плану на конец 1965 г.
алюминий	650	1 910	280	840
магний	20	104	8	90,5
титан	4,5	44	1,5	30,5

Составлено по: РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 740. Л. 128.

Как видно из таблицы, производство и алюминия, и алюминиевого проката предполагалось практически утроить. Тем не менее на практике ситуация стала развиваться по несколько иному сценарию. Уже в 1959 г. реальная производственная программа индустрии легких сплавов была существенно меньше достигнутых значений производственных мощностей.

Таблица 16

**Производственная программа предприятий
по прокату цветных металлов и планы наращивания
их производственной мощности к концу семилетки (тыс. т)**

Прокат	Предприятие	Программа 1959 г.	Планируемая мощность на конец семилетки
алюминия	№ 65 (Моск. обл.)	23,5	21,0
	№ 150 (Моск. обл.)	67,5	128,0
	№ 95 (Свердлов. обл.)	39,8	76,0
	№ 268 (Свердлов. обл.)	67,0	140,0
	Белая Калитва (Ростов. обл.)	33,2	123,0
	№ 511 (Куйбышев. обл.)	28,5	271,5
	Итого	259,5	840,5
магния	№ 65 (Моск. обл.)	5,1	10,5
	№ 268 (Свердлов. обл.)	1,9	—
	Новый завод магниевое проката	—	60,0
	Итого	7,0	70,5
титана	№ 95 (Свердлов. обл.)	0,67	26,5
	№ 65 (Моск. обл.)	0,14	2,5
	№ 150 (Моск. обл.)	0,2	1,5
	Итого	1,0	29,5

Составлено по: РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 740. Л. 130.

Очевидно, что имея техническую возможность прокатывать 280 тыс. т алюминиевого проката, в реальности советское руководство в 1959 г. выдало наряды лишь на 260 тыс. т, т.е. индустрия легких сплавов работала не в полную нагрузку. В дальнейшем эта тенденция усугубилась, всерьез обеспокоив руководство ГКАТ.

Его председатель П.В. Дементьев 2 июня 1960 г. отметил, что только после того, как в том же году будут введены в строй завод № 511 (Куйбышевского совнархоза), прокатный цех Белокалитвенского завода (Ростовского), профильный цех завода

№ 268 (Свердловского) и полностью освоено оборудование (прокатное и штамповочное) в цехах завода № 150 (Московского), суммарная мощность советской индустрии легких сплавов по прокату алюминия составит 500 тыс. т в год¹⁰⁸. В то же время, сообщил руководитель советского авиапрома, несмотря на рост возможностей по производству проката, реальная производственная программа по выпуску этой продукции на протяжении ряда лет практически не росла.

Таблица 17

**Соотношение производственных мощностей и производственной программы по
алюминиевому прокату в конце 1950-х гг. (тыс. т)**

Показатель	1958	1959	1960
Производственные мощности на начало года	261	294	500
Производственная программа	252	259	269

Составлено по: РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1313. Л. 32.

Простой прокатных мощностей можно было бы объяснить нехваткой исходного сырья, однако только в 1958–1960-х гг. производство первичного алюминия возросло на четверть, заказ на алюминиевый прокат — лишь на 7%. Более того, Дементьев подчеркивал, что в 1961 г. планировали увеличить производство первичного алюминия на 80 тыс. т, а производственная программа по алюминиевому прокату составляла лишь 298 тыс. т (всего 30 тыс. т прироста). В связи с таким положением дел вновь построенный завод № 511 не был бы загружен даже на одну смену. Вообще, ситуация выглядела довольно странно. Речь шла даже не о том, что для предыдущих лет более привычна была иная картина: алюминия постоянно не хватало, поэтому руководство и авиапромышленности, и СССР в целом старались максимально использовать любую возможность по увеличению производства алюминиевого проката. На этот раз правомерным оказывался вопрос: а зачем, собственно, Советский Союз строил дорогостоящий завод, продукция которого народному хозяйству была не нужна? Налицо был явный и несомненный просчет планирования. Забегая вперед, отметим, что в дальнейшем ситуация с перепроизводством алюминия только усугубилась, т.к. в начале 1962 г. приступил к выплавке «крылатого металла» Иркутский алюминиевый завод. Весной 1964 г. к нему присоединился Красноярский алюминиевый комбинат, а с лета 1966 г. в строй вступил Братский алюминиевый завод¹⁰⁹. Поскольку в 1960 г. строительство этих индустриальных объектов уже, очевидно, велось полным ходом, руководство страны было обязано учитывать этот факт в расчетах дальнейшего развития отрасли легких сплавов.

В связи с этим странными выглядят приведенные ранее предложения Дементьева. Руководство ГКАТ планировало увеличить производственную программу по выпуску алюминиевого проката до 330 тыс. т. Так как первичный алюминий (его планировалось произвести в 1961 г.) уже был занаряжен различными потребителям, сырье для индустрии легких сплавов рассчитывали получить за счет сокращения закладки алюминия в мобрезервы.

Разумеется, при таком подходе завод № 511 удалось бы загрузить, но вопрос о том, кому будет поставлен произведенный алюминиевый прокат, выводился за скобки. Во всяком случае, авиапромышленность заявки на лишний прокат не выдавала.

Отметим, что в тот период руководство ГКАТ было весьма сильно озабочено вопросами снижения издержек в индустрии легких сплавов, видя именно в этом, а не в наращивании объемов производства, свою главную задачу. Так, 31 мая 1960 г. руководство авиапромышленности отмечало, что для снижения себестоимости алюминиевого проката при сохранении надлежащего качества в соответствии с технологией плавки заводы № 65 и 150 Московского совнархоза используют как высококачественные сорта алюминия, так и алюминий сортом похуже (значит, дешевле). Однако заводы-поставщики регулярно присылали алюминий более высокого качества, несмотря на то, что дирекция предприятий по выпуску легких сплавов ежеквартально сообщала поставщикам и количество, и сортность необходимого сырья. Помимо этого, сетовали в ГКАТ, Союзметалл при Госплане СССР регулярно отправлял на заводы № 65 и 150 значительные объемы алюминия «в порядке освежения» содержимого баз и складов Главного управления государственных материальных резервов (ГУГМР), на которых вообще никакого, кроме высококачественного, алюминия быть не могло. В результате заводы по выпуску алюминиевого проката вынуждены были использовать дорогое сырье и, соответственно, нести существенные финансовые издержки. Так, в 1959 г. завод № 150 получил 63 238 т алюминия, из них 20 160 т — с баз ГУГМР, в результате чего убытки предприятия составили 1,8 млн руб. На II квартал 1960 г. завод заказал 700 т алюминия марки А1 и 300 т марки А2, а вместо этого получил по линии ГУГМР 1 тыс. т алюминия марки А00, вследствие чего только за один квартал убытки завода составили 169 тыс. руб.¹¹⁰ Как видим, ситуация разительно отличалась от 1930—1940-х гг., на протяжении которых дефицит алюминиевого проката являлся постоянным спутником советской авиапромышленности. Теперь производственники индустрии легких сплавов были недовольны, если им присылали слишком дорогое сырье, и не могли сообразить, куда сбывать произведенную продукцию и как загрузить имеющиеся производственные мощности.

Разумеется, сокращение спроса на алюминиевый прокат можно объяснить спадом самолетостроения. Действительно, именно в конце 1950-х гг. масштабы производства самолетов в СССР стабилизировались на отметке «около 1 500 самолетов в год». Разумеется, это смехотворно мало по меркам 1940-х гг. Так советская промышленность легких сплавов попала в типичную ловушку ошибочного маркетинга: были созданы значительные мощности для производства алюминиевого проката, но как раз к моменту их ввода в строй, спрос на алюминиевый прокат резко сократился. Однако, видимо, в проблемах именно алюминиевого проката был еще один аспект. Дело в том, что во второй половине 1950-х гг. рост скоростей самолетов¹¹¹ обусловил широкое применение в авиастроении не только (а порой и не столько) алюминия и его сплавов, сколько титана и магния. История освоения производства и использования титана в СССР заслуживает детального рассмотрения.

Советское руководство подошло к проблеме промышленного производства титана, исходя из уже имевшегося опыта создания алюминиевой промышлен-

ности. Предполагалось, что технологии производства чистого титана и сплавов на его основе будут разработаны в структурах авиапромышленности, затем Авиапром освоит выпуск широкой номенклатуры полуфабрикатов на основе титана, а затем этот металл с его выдающимися характеристиками найдет широкое применение во всех отраслях народного хозяйства. Первым шагом в данном направлении стала разработка в СССР собственно технологии производства высококачественной титановой губки по магнийтермическому способу. Важно отметить, что в отличие от США, советские технологи не имели возможности использовать рутил, были вынуждены ориентироваться на более бедное сырье — ильменит Самотканских месторождений (в 300 км от Запорожья)¹¹², из которого требовалось выплавлять титанистые шлаки. Таким образом, в известной степени, повторялась ситуация начала 1930-х гг., когда советским химикам и металлургам пришлось разрабатывать технологию получения алюминия из бедных бокситов окрестностей Волхова, от работы с которыми отказались западные специалисты. Однако переход к крупномасштабному производству титановых изделий и их широкому внедрению в советскую промышленность стал возможен лишь после кардинального снижения себестоимости титана. Так, в 1954 г. на Днепровском заводе 1 т титана имела себестоимость 486 тыс. руб., в 1958 г. — уже 50 тыс. руб.¹¹³ В конце 1950-х гг. было развернуто строительство новых цехов по производству титана и магния на Днепровском и Березниковском заводах, а в Казахстане шло строительство специализированного Усть-Каменогорского титано-магниевого комбината. Суммарная проектная мощность возводимых по этим планам предприятий и цехов превышала существовавшие на тот момент мощности по выпуску титана в десять раз, а по выпуску магния — в три¹¹⁴. Таким образом, уже на стартовом этапе работы по титановому подразделению индустрии легких сплавов разворачивались на широком фронте, в расчете на всесоюзные масштабы.

Однако на практике ситуация складывалась несколько по-иному. Внезапно (если тут применим этот эпитет) выяснилось, что действительно уникальные характеристики титана в плане тугоплавкости, прочности и малого удельного веса востребованы далеко не во всех отраслях народного хозяйства, а там где эти качества пригодились бы, потребителя отпугивала достаточно высокая себестоимость титана и его сплавов. Кроме того, следует учитывать, что титан нередко требовал специальных технологий для своей обработки. Например, его высокая вязкость вела к многочисленным случаям налипания этого металла на режущий элемент при механической обработке. Для преодоления этого недостатка требовался инструмент со специальным покрытием и/или применение особых смазок. Отмечалось, что титановые изделия отличались малой ударной вязкостью и высокой чувствительностью к надрезам. В специфических условиях плановой экономики, характерных для 1960-х гг., руководители отдельных предприятий явно не горели желанием взваливать на себя дополнительные хлопоты по освоению новых технологических приемов, а ликвидация всесоюзных министерств индустриального блока лишила большинство отраслей индустрии единого центра промышленной политики в масштабах всесоюзной отрасли. В результате внедрение титана и его сплавов в советскую промышленность шло отнюдь не гладко. Так, в 1958 г., когда эти работы только начинались, про-

грамма по производству титановых полуфабрикатов была определена в размере 1 тыс. т. Однако заводы-потребители начали массово отказываться от поставок нового металла, в итоге значительная часть титановых полуфабрикатов так и «зависла» на предприятиях авиапромышленности.

В 1959 г. проблему начали решать сразу по трем направлениям. Во-первых, собственно производственную программу по выпуску титана существенно сократили. Во-вторых, была развернута крупномасштабная работа по пропаганде и агитации за использование титановых сплавов. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте авиационных материалов (ВИАМ) в течение года были проведены два всесоюзных совещания конструкторов различных отраслей. Аналогичные совещания состоялись в Свердловском, Московском, Ростовском и Ленинградском совнархозах. ВИАМ наладил издание специальных сборников по титановым сплавам и листов экспресс-информации, в которых разъяснялись преимущества использования титана для решения тех или иных народнохозяйственных задач и излагались нюансы технологии обработки титановых полуфабрикатов. В-третьих, была развернута энергичная работа по совершенствованию собственно технологии титановых сплавов. ВИАМ, НИИ-48, НИИ-13, Институт металлургии (ИМЕТ) АН СССР и завод № 95 разработали ряд новых сплавов на основе титана, имевших улучшенные характеристики в плане облегчения механической обработки. В результате соответствующую производственную программу выполнили, несмотря на то, что значимый рост спроса на титан и его сплавы в СССР начался только в IV квартале 1959 г.

Однако сокращенные объемы производства явно не устраивали руководство авиапромышленности, поэтому Государственный комитет Совета министров СССР по науке и технике и Госплан СССР поставили перед ЦК КПСС вопрос о дальнейшем расширении круга потребителей титановой продукции. В конце 1959 г. по инициативе партийного и государственного руководства УССР «титановый вопрос» специально рассмотрели в ЦК КПСС и по результатам его обсуждения подготовили постановление Совмина СССР по расширению потребления титановой продукции. Сам процесс разработки и подготовки этого документа уже привел к повышению спроса на титан ввиду расширения круга потребителей. Так, уже на этапе подготовки постановления большинство связанных с оборонными производствами отраслей были вынуждены внести в свои планы научно-исследовательских и опытных работ соответствующие коррективы, учитывавшие первостепенную важность применения титана.

Уже после составления плана производств на 1960 г. ведущие отрасли оборонной промышленности (авиационная, ракетная и др.) резко повысили свои заявки на титановые полуфабрикаты, а заявка судостроительной промышленности и вовсе была увеличена в несколько раз. При подготовке постановления изначально намечалось перевыполнение сокращенной программы 1959 г. в полтора раза, но в результате программа 1960 г. превзошла ее вдвое. Такое выполнение программы выпуска титана, на первый взгляд, вызывало только позитивные эмоции. Практически все крупные потребители этого металла выбрали занаряженные им на год объемы поставок в значительной степени уже в I квартале. Так, авиапромышленность, судостроение и оборонные предприятия¹¹⁵ в I квартале использовали по 70% своей годовой квоты и требовали еще.

Одновременно определился ряд «отстающих» отраслей, которые квоту на I квартал так и не выбрали, поэтому оставшиеся неизрасходованными ими 100 т титана распределили между отраслями оборонного значения¹¹⁶. Впрочем, разрешение вопроса сбыта титановой продукции отнюдь не решало всех проблем широкого применения в советской промышленности титана и сплавов на его основе. Ранее отмечалось, что одним из путей выхода из кризиса 1958 г. производителям легких сплавов на основе титана представлялась разработка целой линейки специализированных сплавов, предназначенных для какой-то узкой задачи. Обратной стороной медали в данном случае стало изобилие узкоспециализированных сплавов, «маневр» которыми между потребителями был практически невозможен. Так, в 1959 г. остались не использованными крупные партии листов сплава 48-ОТЗ толщиной 4–30 мм, а также листов толщиной 0,3 мм и фольги толщиной 0,05 мм из сплава ВТ1¹¹⁷. Потребители, которым эти изделия были занаряжены, по ряду причин от них отказались, а в других отраслях промышленности данная номенклатура титановых изделий оказалась и вовсе не нужна. Обращает на себя внимание, что в 1960 г. наблюдались отказы от использования титановых изделий и полуфабрикатов даже со стороны авиапромышленности. Дело в том, что в начале 1960-х гг. технология обработки титана и даже его конструкционные качества были все еще недостаточно отработаны, поэтому после ряда аварий авиастроители предпочитали жертвовать высокими ТТХ, заменяли титановую деталь на ту, что сделана из нержавеющей стали. При этом ГКАТ обвинял в сложившейся ситуации академическую науку, отмечая, что ИМЕТ АН СССР получил задание на исследование свойств титана в различных условиях и его взаимодействия с другими химическими элементами еще в 1954 г., но вместо выполнения полученного задания институт сосредоточился на разработке на основе титана собственных сплавов, пытаясь подменить собой ведомственные НИИ. В результате эффект самовозгорания титана в кислороде стал полной неожиданностью для производителей, да и склонность к возникновению трещин титановых сплавов в сварных соединениях тоже была обнаружена уже на производстве, что называется, сугубо эмпирически¹¹⁸. Тем не менее главной проблемой титановой продукции считалось, на тот момент, избыточное разнообразие типов сплавов. Если в 1958 г. серийно выпускались лишь 12 сплавов на основе титана, то в 1960 г. — в результате попыток разработки спецсплава на каждый случай — их число достигло 48. Поэтому уже к концу года было принято стратегическое решение ограничить число типов производимых сплавов и запускать в производство новые лишь при твердой уверенности в экономической осмысленности такого решения и только после надежной апробации технологии обработки таких сплавов в опытном производстве.

Другой проблемой титановых полуфабрикатов на этом этапе стала разноплановость сортамента. Ощущался постоянный дефицит фасонного литья из титана и его сплавов, наблюдались затруднения с выпуском труб, профилей и проволоки. Судостроительная промышленность, «распробовав» все преимущества титана как конструкционного материала, немедленно начала требовать крупных поковок, а также листов большого веса и размера. Пожалуй, единственным разделом титанового сортамента, к которому не оказалось претензий, были штампованные детали¹¹⁹.

Таким образом, решив в 1959 г. проблему «куда девать уже произведенный титан», в 1960 г. советское руководство столкнулось с задачей «как произвести еще больше титана и радикально расширить титановый сортамент?». В начале 1960-х гг. основное производство по титановым сплавам в СССР предполагалось развернуть на заводе № 95 (Верхняя Салда), организационно входившем в подчинение Свердловского совнархоза. С 1959 г. там строился большой прокатный цех стоимостью в 300 млн руб., начало работы которого ожидалось в 1961 г., после чего, согласно планам, именно этот завод должен был стать основным производителем деталей и изделий из титана. Специально для работы с титаном там реконструировали кузнечный, трубный и сортаментный цеха.

Изначально завод располагал печами, рассчитанными на работу со слитками весом в 500 кг, что обеспечивало месячную производительность всего в 17 т, но было недостаточно. В 1959 г. для предприятия разработали перспективный проект печи на 2 т. Тогда месячная выработка в 25–30 т, которую могли обеспечить такие печи, казалась вполне достаточной, но в 1960 г. проект пересмотрели в сторону увеличения. Планировалось, что каждая печь сможет работать со слитком в 4 т, однако металлурги столкнулись с рядом технологических затруднений. Привычный путь увеличения массы слитка через наращивание его диаметра был неприемлем — полученный слишком «толстый» слиток затем было бы крайне сложно обрабатывать на имевшемся оборудовании. Поэтому решили увеличивать не диаметр, а длину слитка. Вполне ожидаемо, это естественным образом вело к росту размеров собственно печи, что, в свою очередь, требовало перепланировки производственных помещений. Синхронно на заводе шли опытно-конструкторские работы по увеличению скорости плавки титана¹²⁰. Таким образом, строительство завода пришлось вести одновременно с разработкой новых методов выплавки титана и связанных с этими работами изысканий в области конструирования нового технологического оборудования.

В результате вышеописанных событий и процессов, к середине 1960-х гг. налицо был не просто существенный спад производства проката легких сплавов, но и существенное перераспределение групп продуктов внутри всей категории «прокат легких сплавов» (см. табл. 18).

Таблица 18

Прокат основных конструкционных материалов, применяемых в авиастроении

Цветной прокат [*] :	1963 г.		1962 г.
	планировалось	фактически	
Всего	25 100	25 312	25 227
алюминиевый	20 100	20 657	19 729
магниевый	4 700	4 328	5 031
титановый	300	327	467

* Так в документе. Разумеется, в данном случае речь идет не обо всех прокатываемых в СССР цветных металлах, а только о применяемых в авиастроении конструкционных материалах.
Составлено по: РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2281. Л. 18, 28, 33, 41.

В заключение отметим, что в 1930-х гг. отечественная промышленность легких сплавов была создана практически с нуля. Это была чудовищно сложная техническая и экономическая задача, но советская экономика, ориентированная на мобилизационную модель развития, с честью сумела эту задачу решить. Годы Великой Отечественной войны стали великим испытанием для всего Советского Союза — его социума, экономики, политической системы и Вооруженных сил. Разумеется, на этом фоне роль отечественной промышленности легких сплавов кажется не столь заметной, но надо отдать должное советским авиаметаллургам — они сумели найти ответы на вызовы военного времени и даже после потери Днепровского и Волховского алюминиевых комбинатов обеспечили советский авиапром необходимым количеством легких сплавов. В 1945—1964 гг. промышленность легких сплавов в целом решила основные проблемы, стоявшие перед ней с 1930-х гг. Авиаиндустрия СССР стала получать столько «крылатого металла», сколько ей было нужно. Более того, к концу 1950-х — началу 1960-х гг. индустрия легких сплавов даже столкнулась с определенным кризисом перепроизводства. В эти годы советская металлургия совершила очередной технический рывок, освоив производство титана и сплавов на его основе. Хотя не все в деле внедрения титановых изделий в отечественную промышленность шло гладко и беспрепятственно, к середине 1960-х гг. новый конструкционный материал уже достаточно широко применялся как в авиастроении и ракетостроении, так и в других отраслях советской индустрии.

Примечания

- ¹ На Западе в этом случае употребляют обобщенный термин «авионика».
- ² Имеются в виду не какие-либо кустарные переделки, вызванные экстренными обстоятельствами военного времени, а именно серийные образцы, которые изначально планировались именно под эти типы двигателей.
- ³ То есть сочетали в своей конструкции металл и дерево.
- ⁴ История металлургии легких сплавов в СССР. 1917—1945 гг. М., 1983.
- ⁵ Мухин М.Ю. «Крылатый металл» для «Сталинских соколов» // The Soviet and Post-Soviet Review. 2004. № 3. С. 325—326; Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность легких сплавов в 1930-х — первой половине 1940-х годов // Труды ИРИ РАН. М., 2015. Вып. 13. С. 258—276; Бочинин Д.А., Лосик А.В. Дефицит алюминия тормозил развитие производства самолетов для армии и флота России более тридцати лет // Клио. 2015. № 5(101). С. 172—176.
- ⁶ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 23.
- ⁷ Первый завод по производству этого сплава был открыт в г. Дюрен, отсюда и название сплава.
- ⁸ Напомню, что без магнезия производство дюралюминия невозможно.
- ⁹ Подробнее см.: Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918—1921 гг.). Ростов н/Д, 1994.
- ¹⁰ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 52.
- ¹¹ Арлазоров М. Конструкторы. М., 1975. С. 31.
- ¹² Кербер Л.Л. Ту — человек и самолет. М., 1973. С. 44.
- ¹³ По некоторым сведениям, «Виккерс» еще до революции рассматривал возможность развития подобных производств в Кольчугино. Подробнее см.: Катыхов Г.И., Михеев В.Р. Крылья Сикорского. М., 1992. С. 255.
- ¹⁴ Авторство Буталова в создании кольчугоалюминия подвергалось сомнению: в начале 1930-х гг. высказывались мнения о том, что оно принадлежало именно Музалевскому, вынужденному из-за интриг уйти с Кольчугинского завода в 1922 г. См.: Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 гг. М., 2006. С. 92.

- ¹⁵ Ранее – Латунный и меднопрокатный завод товарищества Кольчугина.
- ¹⁶ В двадцатые годы термином «дюралюминий» в СССР называли только сплавы, изготовленные в Германии. Сплав, полученный в Кольчугино, получил обозначение «кольчугоалюминий», а разработанный специалистами завода им. Авиахима (ранее назывался «Дукс») – дуксолюминий.
- ¹⁷ До революции – Акционерное общество меднопрокатного и трубного заводов.
- ¹⁸ Наименование «Московский авиационный завод» (*Тростянский А.Г.* Записки конструктора. М., 1998. С. 12) не получило распространения, даже в официальной переписке его часто называли «Дукс».
- ¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 4981. Л. 46–46 об.
- ²⁰ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 84.
- ²¹ Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 1135. Оп. 1. Д. 174. Л. 12.
- ²² Там же. Л. 2; Д. 176. Л. 67.
- ²³ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 98.
- ²⁴ Подробнее о генезисе и деятельности этого подразделения ВСНХ, руководившего комплексом оборонных предприятий, см.: *Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- ²⁵ Фактически, это все тот же завод «Дукс». После того, как ОДВФ было объединено с «Обществом друзей химической обороны и химической промышленности» в единую организацию «Авиахим», предприятие стало называться «Завод им. Авиахима».
- ²⁶ *Тростянский А.Г.* Записки конструктора. С. 79.
- ²⁷ Подробнее о закупках оборудования для авиапромышленности в 1930-е гг. в США см.: *Мухин М.Ю.* «Амторг». Первым делом – самолеты // Полигон. № 3. 2000. С. 36–41; *Mukhin M.* La coopération soviétique-américaine dans le domaine de la construction aéronautique de 1924 à 1941 // Les techniques et la globalisation au XX siècle. Paris, 2016. С. 123–144.
- ²⁸ Главк, ведавший цветной металлургией.
- ²⁹ *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. С. 108.
- ³⁰ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 108.
- ³¹ Цит. по: *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. С. 108.
- ³² Имеется в виду завод им. Авиахима (в переписке тех лет этот завод часто называли «Авиахим».
- ³³ В советское время – завод им. Карла Либкнехта; занимался судостроением.
- ³⁴ Подробнее см.: *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность легких сплавов в 1930-х – первой половине 1940-х годов. С. 258–276.
- ³⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1929–1940 гг.). М., 1967. Ч. II. С. 96.
- ³⁶ *Беляев А.И.* Очерки по истории металлургии легких сплавов. М., 1950. С. 102.
- ³⁷ Обогащенная руда с повышенным содержанием алюминия.
- ³⁸ *Sutton A.C.* Western Technology and Soviet Economy Development. Stanford, 1971. Vol. II. P. 57.
- ³⁹ *Ильменков И., Михельсон Г., Пулиц М.* Алюминиевая промышленность. М.; Л., 1932. С. 109.
- ⁴⁰ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 144.
- ⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 12. Д. 416. Л. 5.
- ⁴² *Sutton A.C.* Op. cit. Vol. II. P. 58.
- ⁴³ Малые, одномоторные самолеты продолжали строить из фанеры, в лучшем случае, по композитной схеме.
- ⁴⁴ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 162.
- ⁴⁵ Его производительная мощность, согласно заданиям пятилетки, должна была в 15 раз превосходить совокупную мощность уже существовавших к тому моменту в СССР дюралюминиевых производств.
- ⁴⁶ Государственный институт проектирования заводов – в те годы в СССР основной центр проектирования промышленных объектов.
- ⁴⁷ Конкретную зарубежную компанию, к услугам которой предполагалось обратиться, еще только предстояло определить по результатам маркетингового исследования.
- ⁴⁸ Подробнее см.: *Мухин М.Ю.* «Крылатый металл» для «Сталинских соколов». С. 325–336.
- ⁴⁹ Подробнее о роли «Амторга» в налаживании деловых контактов между советскими экономическими организациями и американским бизнесом см.: *Мухин М.Ю.* Амторг. Американские танки для РККА // Отечественная история. 2001. № 3. С. 51–61.
- ⁵⁰ Характерно, что эта печь так же закупалась по заказу завода им. Авиахима, который в те годы выполнял функции головного предприятия по технической апробации передовых технологий в области легких сплавов.
- ⁵¹ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 171.

- ⁵² ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 78. Л. 19.
- ⁵³ Этот номер получил «Специализированный завод по обработке легких металлов» после вступления в строй.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 78. Л. 20.
- ⁵⁵ Там же. Л. 51.
- ⁵⁶ С этой компанией СССР имел традиционно хорошие связи еще со времен строительства Фордом в СССР тракторного завода.
- ⁵⁷ «Юнайтед Инжиниринг», «Браун-Бовери» и др.
- ⁵⁸ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 382. Л. 6.
- ⁵⁹ *Sutton A.C.* Op. cit. Vol. II. P. 223.
- ⁶⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 135. Л. 47; ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 486. Л. 6.
- ⁶¹ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 228.
- ⁶² РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 401. Л. 77.
- ⁶³ Там же. Л. 36.
- ⁶⁴ Там же. Д. 408. Л. 10.
- ⁶⁵ Подробнее о проблемах советской авиапромышленности в 1940 – первой половине 1941 г. см.: *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность накануне Великой Отечественной войны // Отечественная история 2003. № 3. С. 113–123.
- ⁶⁶ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2775. Л. 15.
- ⁶⁷ Индустриализация СССР. 1938–1941 годы. М., 1972. С. 136.
- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. 8007. Оп. 1. Д. 33. Л. 96.
- ⁶⁹ *Шахурин А.И.* Крылья победы. М., 1990. С. 84.
- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 182. Л. 8.
- ⁷¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1963. Т. I. С. 411.
- ⁷² История второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 297.
- ⁷³ 1941 год. М., 1998. Кн. 1. С. 560.
- ⁷⁴ Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М., 1956. С. 73.
- ⁷⁵ ГА РФ. Ф. 8007. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
- ⁷⁶ Госплан был не согласен с такой оценкой и определял потребности НКАП на 1943 г. в размере 106 тыс. т.
- ⁷⁷ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 265.
- ⁷⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 408. Л. 57.
- ⁷⁹ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 269.
- ⁸⁰ *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М., 1996. С. 120.
- ⁸¹ Ранее приведена иная цифра закупок алюминия в 1939 г. Возможно, она была впоследствии уточнена, но, в любом случае, разница – 4 799 или 5 313 – не имеет решающего значения, важнее то, что в тот год в страну удалось завести лишь около 10% закупленного алюминия.
- ⁸² ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 182. Л. 1.
- ⁸³ 1941 год. Кн. 1. С. 529, 531.
- ⁸⁴ *Вернидуб И.И.* Боеприпасы победы. М., 1998. С. 32.
- ⁸⁵ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 185. Л. 81–91.
- ⁸⁶ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 111.
- ⁸⁷ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 283.
- ⁸⁸ Там же. С. 317.
- ⁸⁹ Там же. С. 329.
- ⁹⁰ *Галлай М.Л.* Избранное. М., 1990. Т. I. С. 28.
- ⁹¹ Ныне – Новокузнецк.
- ⁹² История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 317.
- ⁹³ Там же. С. 331.
- ⁹⁴ Там же. С. 287.
- ⁹⁵ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 5. С. 42.
- ⁹⁶ *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М., 1970. С. 239, 240.
- ⁹⁷ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 71.
- ⁹⁸ Там же. С. 297.
- ⁹⁹ Там же. С. 308.
- ¹⁰⁰ *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 214.

- ¹⁰¹ История металлургии легких сплавов в СССР ... С. 295.
- ¹⁰² В 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства. Так, Наркомат авиапромышленности (НКАП) стал Министерством авиапромышленности (МАП).
- ¹⁰³ *Подрепный Е.И.* Реактивный прорыв Сталина. М., 2008. С. 221–222.
- ¹⁰⁴ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 2977. Л. 18.
- ¹⁰⁵ Орган по координации работ авиапредприятий в годы «совнархозной» реформы советской экономики (1957–1965).
- ¹⁰⁶ РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 740. Л. 66–73.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 129.
- ¹⁰⁸ К тому времени завод № 150 должен был утратить свое значение как флагман отрасли легких сплавов. Теперь основная нагрузка лежала бы на заводе № 511, мощность которого должна была составить 255 тыс. т, т.е. на него приходилось бы более половины всех мощностей СССР по алюминиевому прокату.
- ¹⁰⁹ Рабочий класс Сибири, 1961–1980 гг. Новосибирск, 1986. С. 48.
- ¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1313. Л. 34–35.
- ¹¹¹ Первый советский сверхзвуковой истребитель (МиГ-19) в серийном производстве с 1954 г.
- ¹¹² РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1313. Л. 17.
- ¹¹³ Там же. Л. 15.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 16.
- ¹¹⁵ В данном случае имеются в виду предприятия, курируемые Государственным комитетом по оборонной технике.
- ¹¹⁶ РГАЭ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1313. Л. 5–8.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 45.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 58.
- ¹¹⁹ Там же. Л. 11.
- ¹²⁰ Там же. Л. 13.

Библиография

- Mukhin M.* La cooperation soviet-americaine dans le domaine de la construction aeronautique de 1924 a 1941 // Les techniques et la globalisation au XX siècle. Paris: Presses Universitaires de Rennes, 2016. S. 123–144.
- Sutton A.C.* Western Technology and Soviet Economy Development. Stanford: Stanford University, 1971. Vol. II. 379 p.
- Аразоров М.* Конструкторы. М.: Советская Россия, 1975. 280 с.
- Беляев А.И.* Очерки по истории металлургии легких сплавов. М.: Металлургиздат, 1950. 143 с.
- Бочинин Д.А., Лосик А.В.* Дефицит алюминия тормозил развитие производства самолетов для армии и флота России более тридцати лет // Клио. 2015. № 5(101). С. 172–176.
- Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
- Вернидуб И.И.* Боеприпасы победы. М.: ЦНИИ НТИКПК, 1998. 201 с.
- Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
- Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М.: Внешторгиздат, 1960. 1135 с.
- Галлай М.Л.* Избранное. М.: Воениздат, 1990. Т. I. 543 с.
- Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. М.: РФМ, 1995. 320 с.
- Ильменков И., Михельсон Г., Путиц М.* Алюминиевая промышленность. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1932. 180 с.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963. Т. I. 600 с.
- История второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1974. Т. 2. 496 с.
- История металлургии легких сплавов в СССР. 1917–1945 г. М.: Наука, 1983. 390 с.
- Катышев Г.И., Михеев В.Р.* Крылья Сикорского. М.: Воениздат, 1992. 432 с.
- Кербер Л.Л.* Ту – человек и самолет. М.: Советская Россия, 1973. 321 с.
- Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) М.: Воениздат, 1970. 400 с.

- Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
- Мухин М.Ю.* «Амторг». Первым делом – самолеты // Полигон. № 3. 2000. С. 36–41.
- Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- Мухин М.Ю.* Амторг. Американские танки для РККА // Отечественная история. 2001. № 3. С. 51–61.
- Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность накануне Великой Отечественной войны // Отечественная история 2003. № 3. С. 113–123.
- Мухин М.Ю.* «Крылатый металл» для «Сталинских соколов» // The Soviet and Post-Soviet Review. 2004. № 3. С. 325–326.
- Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность легких сплавов в 1930-х – первой половине 1940-х годов // Труды ИРИ РАН. М.: ИРИ РАН, 2015. Вып. 13. С. 258–276.
- Подрепный Е.И.* Реактивный прорыв Сталина. М.: Эксмо, 2008. 573 с.
- Присяжный Н.С.* Экономическая чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1994. 452 с.
- Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М.: Иностранная литература, 1956. 295 с.
- Рабочий класс Сибири, 1961–1980 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1986. 355 с.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1929–1940 гг.). М.: Политиздат, 1967. Ч. II. 797 с.
- Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
- Самолетостроение в СССР 1917–1945 гг. М.: Издат. отдел ЦАГИ, 1992. Кн. I. 434 с.; 1994. Кн. II. 471 с.
- Тростянский А.Г.* Записки конструктора. М.: Моск. писатель, 1998. 143 с.
- 1941 год. М.: МФ «Демократия», 1998. Кн. 1. 832 с.
- Шахурин А.И.* Крылья победы. М.: Политиздат, 1990. 300 с.

Быстрова И.В.*

Роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны

Аннотация. Помощь по ленд-лизу способствовала мобилизации экономики СССР на военные нужды путем восполнения военных потерь вооружений, сырья, продовольствия и промышленного оборудования, а также восстановлению экономики из кризиса 1941–1942 гг. Модернизация советской экономики в 1943–1945 гг. была поддержана поставками американских технологий и предприятий. Благодаря деятельности Правительственной закупочной комиссии СССР в США Советскому Союзу были переданы техническая информация и современные технологии.

Ключевые слова: Правительственная закупочная комиссия СССР в США, ленд-лиз, мобилизация народного хозяйства, модернизация, техническая информация.

Помощь СССР по ленд-лизу имела большое значение не только для ведения боевых действий в годы Великой Отечественной войны, но и для модернизации советской экономики, с прицелом на будущее. Российский историк Б.М. Шпотов дал комплексное определение значения ленд-лиза для СССР: «Замещение уничтоженной в боях военной техники; поступление дефицитной или отсутствовавшей в СССР техники и материалов, предназначенных как для непосредственного использования, так и для развития собственного производства; возможность изучения советскими специалистами новейших образцов вооружений и других технических новинок; возможность высвобождения части работников, занятых выпуском военной техники и снаряжения; возможность перепрофилирования части заводов для выпуска военной продукции благодаря замене ранее производимых изделий поставками из-за рубежа; помощь в развитии инфраструктуры в местах получения ленд-лизовских грузов — портового хозяйства, дорог, аэродромов и др.»¹.

Ленд-лиз был призван не только поставлять в СССР все необходимое для ведения военных действий (военную технику, машины, продовольствие), но и восполнять потери, которые несла советская промышленность. За счет ленд-лизовских поставок восполнялся и недостаток сырья, металлов и железнодорожного оборудования.

Важнейшим направлением работы Правительственной закупочной комиссии СССР в США (ПЗК), занимавшейся размещением советских заказов в этой стране и организацией их доставки в порты и отправки в Советский Союз, был сбор технической информации для самых различных отраслей промышленности в СССР. В Законе о ленд-лизе предусматривался «возможный отказ в снабжении материалами по причине секретности (в первую очередь оборудования) и необходимости первоочередного удовлетворения нужд собственных вооруженных сил»². Советские представители всячески старались обойти и преодолеть это ограничение.

* Быстрова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН; Российский государственный гуманитарный университет; irin-bystrova1@yandex.ru.

Переписка ПЗК с американскими ведомствами, отчеты о командировках, технические соглашения, акты об инспекциях поставлявшихся материалов занимают львиную долю рабочей документации этой комиссии. В ходе командировок на заводы советские инженеры, приемщики и представители обучались обращению с поступающей техникой, а также занимались сбором технической информации в интересах Советского Союза.

Важнейшей целью командировок представителей СССР на американские фирмы и предприятия было обучение отечественных инженеров работе с оборудованием, предназначенным к поставке в Советский Союз. Пример — организация обучения инженеров на шинных заводах. Вопрос обсуждался на одном из первых заседаний ПЗК от 4 мая 1942 г. Согласно докладу тов. Степанова, договор на поставку шинного завода был заключен с фирмой «Армстронг» еще в декабре 1940 г. Однако она слишком затянула сдачу технической части проекта. В ноябре 1941 г. было получено разрешение из Москвы «на заказ нового оборудования для завода» и замену станков более совершенными. В ответ фирма «поставила вопрос о дополнительной оплате. Москва <...> об обучении для работы на шинном заводе 20 инженеров. Фирма Армстронг согласилась взять на обучение 20 наших инженеров в течение 8 месяцев»³.

В течение 1943–1944 гг. масштабы технического сотрудничества двух стран и получения советскими представителями информации с американских предприятий и фирм существенно расширились. Поездки на крупные промышленные фирмы приняли характер очень широкого «ознакомления» советской стороны с лучшими достижениями техники США. Американцы допускали представителей СССР туда, куда раньше «было нельзя», чаще шли навстречу советским просьбам о технических переделках поставляемой по ленд-лизу техники. Так, 2 февраля 1944 г. в помещении Военного департамента «Пентагон Билдинг» состоялась беседа нового председателя ПЗК генерал-лейтенанта Л.Г. Руденко с командующим ВВС армии США генералом Г. Арнольдом. Там же присутствовали начальник штаба ВВС генерал-майор Джайлс, начальник авиационного отдела ПЗК полковник С.А. Пискунов и выступавший в качестве переводчика помощник заместителя председателя ПЗК Е.С. Сергеев. В начале беседы генерал Руденко представил генералу Арнольду план отправки из США в СССР самолетов (в предложенных советской стороной количествах) по направлениям в апреле—июне 1944 г. и просил его утвердить. Согласие было дано.

Далее Руденко обратился с просьбой «на всех поставляемых в СССР самолетах типа А-20С заменить существующую носовую часть фюзеляжа с установленными в ней 6-ю пулеметами калибра 12,7 мм кабиной бомбардира. Эта переделка должна дать возможность применения самолета как легкого бомбардировщика вместо штурмовика»⁴. Генерал Арнольд согласился и с этой просьбой, дав «указание начальнику штаба уточнить вместе с представителем Закупочной комиссии требования по переделке носовой кабины самолета А-20С и определить количество возможной поставки для СССР самолетов А-20 с кабинами бомбардировщика». При этом командующий американских ВВС выразил желание «получить все переделки, производимые на самолете А-20С в СССР». С этой целью он предложил «пригласить из СССР инженера-специалиста, знающего все эти переделки, с тем, чтобы здесь, в США, учесть все недостатки

изготавливаемых ими самолетов». Генерал Руденко обещал «запросить по этому вопросу свое правительство».

В ходе беседы председатель ПЗК попросил также, чтобы «установленные бомбоприцелы типа М-9 (Норден) на 38 самолетах “В-25”, отправлявшихся в СССР “с завода Норт Американ Канзас Сити, не снимались. Прицелы Нордена снимаются в Фербенксе и Грейт Фолсе, и взамен их устанавливается старый и непригодный для бомбометания прицел типа Д-8»». Генерал Арнольд согласился с высказыванием советского партнера, что прицел Д-8 — устаревший, «и поэтому просьба генерала Руденко является справедливой». Однако при этом американец заявил, что он «не в курсе дела», и обещал в ближайшее время рассмотреть этот вопрос и «сообщить свое решение письменно»⁵. В итоге техническую новинку — бомбовый прицел «Норден» — передали СССР, несмотря на первоначальное нежелание американцев делать это.

Последующие просьбы и пожелания председателя ПЗК, касавшиеся расширения представительства и визитов советских инженеров на предприятия и объекты США, встретили положительный отклик с американской стороны.

В апреле 1944 г. генерал-лейтенант Л.Г. Руденко и инженер А.А. Ростарчук составили доклад о посещении 13–18 марта 1944 г. оборонных заводов фирм «Крайслер», «Форд», «Дженерал Моторс» в Детройте. В состав советской делегации, помимо авторов доклада, вошли помощник председателя ПЗК полковник Г.В. Шибалов, начальник авиационного отдела инженер-полковник С.А. Пискунов, начальник танкового отдела подполковник Д.И. Пульников, инженер отдела металлов Ф.Ф. Химушин.

Особую роль в организации поездки сыграл председатель Военно-промышленного комитета Д. Нельсон. По словам авторов доклада, именно он, «несмотря на возражения военной разведки, дал разрешение на осмотр нашей группой крупнейших предприятий оборонной промышленности г. Детройта, командировав с нами своих специальных помощников Г.Л. Уитни и Л.С. Брессон. Нельсоном было также дано указание уполномоченному ВПК в Детройте С. Тидеман и его помощнику Ф.Е. Мошер сопровождать нас при посещении предприятий и оказывать содействие в разрешении технических и общих вопросов, которые могли возникнуть в связи с нашей поездкой»⁶.

Соответственно советской делегации был устроен прием со стороны официальных лиц и руководителей промышленности США: «В Детройт мы прибыли утром 13-го марта и на вокзале были встречены мэром г. Детройта Е.И. Джеффрис, начальником Детройтского Отделения артиллерийского управления армии США бригадным генералом А.Б. Квинтон, уполномоченным ВПК М-р Тидеман, его помощником Мошер Ф. и представителями фирмы “Крайслер Корпорейшн”»⁷.

В ходе поездки были осмотрены основные заводы фирм: «1. “Крайслер Корпорейшн”; заводы грузовиков “Доджа”, танковый завод и инженерно-исследовательские лаборатории. 2. “Форд Мотор Ко.”: заводы автомобильных моторов, авиационных моторов, цех турбо суперчаржеров, завод танковых моторов, завод бомбардировщиков “Виллау Ран” и литейные цеха. 3. Фирма “Грейт Лэйкс Стил Ко.”, цеха: мартеновский, блюминг, листового и сортового проката. 4. “Паккард Мотор Ко.” — механические сборочные цеха, занятые производством авиамото-

ра “Роллс-Ройс” жидкостного охлаждения. 5. Фирма “Дженерал Моторс Ко.”, заводы: дизельных моторов, авиаприборов, завод “Каделлак”, изготавливающий части авиадвигателя “Аллисон” и легкие танки М-5. 5. Завод морской артиллерии “Вестингауз”. Всего в течение 5 ½ дней посетили 15 заводов, в связи с чем не смогли ознакомиться с ними “в деталях”. Кроме того, по замечанию советских представителей, «по инструкции военной разведки фирмы стремились в быстром темпе проводить нас по цехам, не давая нам возможности задерживаться на интересующих нас объектах»⁸.

В результате посещения завода «Додж» (один «из пионеров в развитии военных автогрузовиков») были описаны передовые технические характеристики военных грузовиков, совершенный процесс производства и испытаний произведенной техники. В частности назывались современные методы («грузовики нескольких типов собираются одновременно на одном конвейере»; «связь главного конвейера с вспомогательными конвейерами осуществляется по телетайпу, который установлен на узловых участках сборочного конвейера»; «машины с конвейера проходят жесткие испытания согласно условиям армии США» — «крутые подъемы и спуски, резкие повороты, вождение машины по болотистым местам, кустарникам, непаханому полю») и практические наблюдения («машина, испробованная нами, хорошо выдержала полигонные испытания»).

Во время посещения танкового завода отмечалось: он построен «на средства правительства США и передан в эксплуатацию фирме Крайслер в 1941 г. В апреле 1941 г. первый танк М-3 был сдан на испытания армии США, а в августе 1941 г. на заводе работало 3 конвейерных линии, выпуская средние 30-тонные танки. В августе 1942 г. Крайслер по указанию армии США изменил модель танка с М-3 на М-4, известный под названием “Генерал Шерман”, который по своим свойствам и маневренности являлся лучшим танком, чем М-3. 20 июля 1943 г. Крайслер выпустил 10 000-й танк (фирма производила свыше 20 % выпуска всех танков США)». По словам президента фирмы К.Т. Келлера, завод работал без перебоев и имел широкую сеть предприятий-смежников.

Была описана и организация кооперированного производства: «Отдельные танковые детали и моторы поступают на танковый завод по железной дороге, а из близлежащих заводов — на грузовиках; с разгрузочной площадки детали подаются в механический и термический цеха для обработки, продвигаясь в направлении главного сборочного конвейера». Фирма разработала особую технологию упаковки запасных частей для танков, что имело большое значение в процессе транспортировки их по ленд-лизу: «Запасные части тщательно складываются, обертываются в плотную проволочную бумагу и упаковываются в ящики, подготавливаясь к отгрузке почти во все части земного шара. Процесс смазки и упаковки запчастей рассчитан на сохранение последних как в условиях пустыни, в зоне холодного климата, так и в условиях дождливой погоды и в болотных местностях»⁹.

Особо отмечали советские представители личностный фактор: «Отношение руководителей фирмы и, в частности президента м-ра Келлера К.Т. было к нам внимательное и дружественное. Келлер провел с нами почти весь день, охотно показывал нам все детали своего производства и проявлял большой интерес к Советскому Союзу, высказывая надежду о возможностях развития крупных торговых отношений между Америкой и Советским Союзом после войны»¹⁰.

Вторым важнейшим объектом посещения советской делегации стали заводы Форда — старого друга Советского Союза. Согласно докладу, в первый день были осмотрены основные цеха главного завода Форда в Дирборне, а также «новый законченный постройкой в 1942 г. завод авиамоторов, на котором производятся моторы “Пратт энд Уитней” марки R-2 800 мощностью 2000 л.с. Во время осмотра нас сопровождали представители военно-воздушных сил США и администрации компании Форда. Военные представители весьма неохотно отвечали на наши вопросы и отделивались незнанием. Представители компании, очевидно, проинструктированные военными представителями, стремились как можно быстрее провести нас по цехам, не задерживаясь на интересующих нас деталях. Нам удалось осмотреть только сборочный цех, несколько механических и вспомогательных цехов и испытательную станцию».

Вторая группа заводов была осмотрена 15 марта: «Завод Линкольна, где Форд в настоящее время производит танковые моторы жидкостного охлаждения мощностью 500 л.с.», а также завод «“Уиллоу Ран”, производивший тяжелые бомбардировщики В-24». С точки зрения передовых методов организации производства советские специалисты отметили завод «Уиллоу Ран». По данным авторов доклада, «завод был закончен в 1942 г. и представляет собой комбинат, состоящий из основного самолетостроительного завода, ангаров, испытательных станций, учебно-лётной школы и большого аэродрома с радиостанцией, поддерживающей связь с большинством аэродромов США. На заводе в данное время работает около 50 000 рабочих. По своему проекту завод должен выпускать по одному бомбардировщику в час, что по заявлению управляющего заводом м-р Бриккер, было достигнуто в конце 1943 г. Производство самолетов организовано по методу непрерывного потока <...> Завод работает в 2 смены». Отметили советские специалисты и высокую степень выполнения плана (без свойственной плановой системе СССР «штурмовщины в последние дни месяца»): «Месячная программа выпуска самолетов была утверждена Военно-промышленным комитетом на март месяц 405 единиц. На 15-е марта, т.е. в день нашего посещения на лётную площадку был выпущен 203-й самолет»¹¹.

Личное отношение представителей этой фирмы к представителям Советского Союза было особо положительным. По вопросу об «отношении компании Форда к нашему посещению» в докладе сообщалось: «Генри Форд — глава компании в момент нашего посещения отдыхал на Юге, и мы были приняты вице-президентом фирмы — внуком Форда — м-р Генри Форд II. Генри Форд II и м-р Рауш — вице-президент по производству — сопровождали нас лично при осмотре всех предприятий Форда <...> и отвечали почти на все вопросы производственного характера, которые у нас возникали при осмотре отдельных операций».

На другой день нашего визита Генри Форд II сообщил, что старший Форд в течение часа разговаривал с ним по телефону и крайне интересовался нашим посещением, поручив своему внуку предоставить нам максимальную возможность ознакомиться с интересующими нас цехами».

Главный вывод работников ПЗК гласил, что «только у Форда нам удалось получить наиболее ценные материалы, в особенности по производству турбосуперчажеров и танковой и авиационной брони. Главный металлург компании

Форд м-р Маккарл охотно предоставил возможность ознакомиться с техническими материалами по стальному легированному литью, применяемому в авиационном и танковом производстве. Генри Форд II по окончании нашего визита высказал пожелание о возможности установления деловых связей между компанией Форд и хозяйственными организациями Советского Союза и пообещал оказать содействие Закупочной комиссии в разрешении технических вопросов, которые могли быть в компетенции его компании»¹².

С иным отношением пришлось столкнуться советской делегации на металлургическом заводе «Пратт Лэйкс Стил Корп.», принадлежавшем фирме «Паккард Мотор Ко.», которая производила моторы: авиационные и для торпедных катеров. Побывав на оборонных заводах Детройта 13–18 марта 1944 г., авторы доклада отметили: «При посещении завода Паккард нас все время сопровождали представители военной разведки и военные инспектора авиационного корпуса США, и на большинство наших вопросов представители фирмы и военные инспектора почти не отвечали или давали крайне уклончивые и путаные ответы. По всем данным фирма в данное время не расположена к деловым отношениям с Советским Союзом, как мы это наблюдали при посещении фирмы Крайслер и Форд».

Завершающим «аккордом» визита стало посещение целого комплекса заводов компании «Дженерал Моторс», где советской делегации был снова оказан теплый прием. В докладе сообщалось «о внимательности и дружественном отношении, проявленном к нам руководителями фирмы “Дженерал Моторс”, и в частности президентом фирмы м-ром С.Е. Уилсоном. За завтраком, который был дан для нас <...> м-р Уилсон обратился с речью к собравшимся, в которой подчеркнул большую роль СССР в данной войне и необходимость сотрудничества между странами в послевоенное время»¹³.

Представители ПЗК процитировали принципиально важные положения о развитии послевоенного экономического сотрудничества, которые высказал в своей речи в январе 1944 г. председатель совета фирмы «Дженерал Моторс» А.П. Слоан: «После победы Объединенных Наций <...> повсюду возникнет общее стремление к повышению жизненных условий и желания жить лучше <...> Мы должны идти к разрешению послевоенных проблем двумя путями — путем расширения основы обмена товарами и обслуживания путем поощрения индустриализации заграницы. На первый взгляд, эти два подхода противоречат друг другу», поскольку «чем больше мы экспортируем капитал, <...> тем меньше нам придется экспортировать товары и предоставлять услуги. Но это только так до известной степени. По мере того, как страны совершенствуются экономически и увеличивают свою покупательную способность путем развития своих собственных естественных богатств, соответственно увеличивается объем их внешней торговли. Весь темп мирового прогресса получает сильный стимул. Поэтому нам следует помогать другим в их созидательной работе. В то же время, это будет в наших собственных интересах». На эти мысли сослался и президент фирмы «Дженерал Моторс» Уилсон во время встречи с советской делегацией. В заключение визита он заявил, что «вышеуказанным принципом, изложенным в речи м-ра Слоана, фирма “Дженерал Моторс” намерена руководствоваться в своих взаимоотношениях с иностранными странами после войны, и

он надеется, что этот принцип поможет развитию дружественных и экономических отношений между СССР и Америкой»¹⁴.

В целом по итогам бесед с руководителями автомобильных фирм «Крайслер», «Форд» и «Дженерал Моторс» авторы доклада Л.Г. Руденко и А.А. Ростарчук пришли к выводу: «Эти ведущие фирмы уже всерьез работают над послевоенными проблемами, тщательно изучая как вопросы внутреннего рынка, так и вопросы экспорта». По их сведениям, выпуск американскими фирмами автомобилей в размере 6 млн 500 тыс. единиц «предполагался уже в первые послевоенные годы», и при этом «немалый интерес для автомобильных фирм представляет советский рынок», поэтому «изучение автомобильной промышленности США и технических достижений американской автомобильной индустрии за годы войны имеет большой интерес для нас»¹⁵. Таким образом, деятельность представителей ПЗК в годы войны способствовала сбору важнейшей технической информации и разработке идей послевоенного советско-американского экономического сотрудничества. В те годы эта линия следовала в общем русле отношений между СССР и США.

Обширный комплекс форм и методов «технического сотрудничества», который позволял «выуживать» техническую информацию, можно выявить из отчетов отделов ПЗК. Пример тому — обстоятельный отчет шинной группы отдела промышленных установок ПЗК о работе 1 июля 1943 г. — 1 июля 1944 г. Отправка оборудования для шинного завода долго задерживалась американцами, но, в конце концов, в СССР было поставлено самое современное оборудование, а советские инженеры максимально ознакомились с новейшей техникой.

Работники ПЗК в «битве за шинный завод» уделяли особое внимание «обеспечению качества и комплектности товаров при приемке и <...> отгрузке». По данным работников, все оборудование завода состояло из групп: 1) «бывшее в эксплуатации оборудование, переданное фирмой “Форд Мотор Ко.”»; 2) «новое оборудование, приобретенное по контракту у различных фирм». По их оценке, оборудование первой группы, иногда имевшее дефекты, было «удовлетворительного качества», второй — в основном отвечало «требованиям контрактов». Важным достижением советских представителей можно считать то, что им все же удалось добиться поставки американцами самого технически совершенного оборудования для шинного завода. Согласно вышеназванному отчету «до заказа оборудования <...> наши специалисты имели возможность ознакомиться с оборудованием большинства заводов наиболее крупных фирм США» и выбрать новейшее и лучшее. В результате поставленный в СССР «завод был скомплектован из оборудования “последнего слова шинной техники”». Если на заводах американских фирм наши инженеры видели только отдельные агрегаты наиболее современного оборудования, а остальное оборудование по конструкции было уже устаревшим, наш завод по насыщенности современным оборудованием не имел себе равных в США. Завод оборудован новейшими моделями станков для конфекции покрышек, для изготовления браслет, экспандерами, вулканизационными прессами, станками полуавтоматами для стыковки ездовых камер, покраски покрышек, станками для балансировки покрышек, машиной для пропитки корда и др., чего в полном комплекте не имеет ни один шинный завод США»¹⁶.

Так, по гордому заявлению работников ПЗК, «завод исключительно насыщен конвейерами и транспортерами, чего не так много на других шинных заводах США. Бенбери (тяжелое оборудование) оборудованы автоматической развеской и загрузкой ингредиентов, чего нет ни на одном шинном заводе США».

В отчете содержалась характеристика методов изучения американской техники. Первый способ, который позволял изучать ее наиболее обстоятельно, без спешки, «показухи» и иногда стремления «скрыть» все лучшее от гостей, что было свойственно краткосрочным визитам, — «путем систематического изучения отдельных производственно-технических вопросов на основе договоров на техпомощь, заключенных с американскими фирмами». Согласно отчету, в 1943 г. было организовано «две производственных практики для инженеров шинной группы. Первая — на заводах фирмы Армстронг, Раббер Ко., в Нью-Хэйвене (Канз.) и Натгус (Мисс.) по договору от 16 ноября 1940 г. и дополнительному соглашению к нему от 1 июня 1942 г. Производственной практикой было охвачено 6 инженеров <...> Все отчеты инженеров высланы в Наркомрезинпром <...> Договорились о новой практике 15 чел. (там же) с 15 августа 1944 г. на срок 9 месяцев».

Вторая практика была организована для двух инженеров (С.С. Смирнов и П.В. Юдин) по договору с фирмой «Бристоль» от 22 октября 1943 г. (в области измерительных приборов). Их производственное обучение продолжалось полгода (ноябрь 1943 г. — апрель 1944 г.) по «специальной программе»: «3 месяца инженеры провели на заводе фирмы Бристоль, где изучали теорию, конструкцию и сборку измерительных приборов, а остальные 3 месяца — на различных заводах, где, кроме того, изучали эксплуатацию приборов. Стоимость обучения выразилась в 6 000 долларов». И судя по отзывам самих инженеров, и по качеству полученного ими материала, «обязательства фирмы Бристоль выполнены полностью»¹⁷.

Второй метод собирания информации — «путем использования поездок на инспекцию оборудования», для изучения технических вопросов «конструкции и эксплуатации приобретаемого оборудования». В качестве примера указывалась «поездка инженеров А.В. Ефремова и Г.С. Николаева на завод фирмы Марлей Ко., в Канзас Сити, в октябре 1943 г. На заводе была предоставлена возможность подробно ознакомиться с изготовлением деталей оборудования (Градирия — контракт № 10940), рабочими чертежами и самим производством. Кроме того, фирма организовала поездку в г. Баффало на осмотр монтажа аналогичной градирии». По материалам, полученным в результате этих двух посещений, инженеры отправили в январе 1944 г. в Москву отчет и написали статью для журнала «Американская техника и промышленность» (была напечатана в июньском номере).

Вторая поездка инженеров Ефремова и Николаева была на завод фирмы «Уртингтон Памп, где изготавливалось оборудование для холодильной установки по контракту № 10008». После проведения советскими инженерами инспекции оборудования им «был разрешен осмотр производства завода, а также была организована поездка на монтаж аналогичной установки, но большей производительности. Кроме того, фирма устроила осмотр холодильной установки, изготовленной конкурирующей с ней фирмой Корнер Корнер. По материалам,

полученным во время поездок, составлен отчет (выслан в Москву) и написана статья в журнал «Американская техника и промышленность».

Третьей была «поездка на завод по производству газовой сажи фирмы Кабой в г. Тампа (Тексас) инженеров С.И. Бартенева, А.И. Марей и Е.В. Прокопца (февраль 1944 г.). Поездка была организована в связи с имевшимися предложениями фирмы на поставку оборудования для пеллетизации газовой сажи. Во время посещения завода осмотрено производство газовой сажи канальным способом»¹⁸.

Кроме того, руководство фирмы выступило инициатором расширения рамок визита советских инженеров: «С согласия президента фирмы, который лично руководил осмотром производства, была устроена поездка тех же инженеров в исследовательскую лабораторию фирмы в г. Бостон». Отчет о поездке был выслан в Москву в марте 1944 г.

Четвертой стала поездка «инженера Г.С. Николаева на завод фирмы Бриджвотер, где изготавливались гравировальные станки для гравировки рисунка форм (контракт № 52506). Во время посещения тов. Николаев изучил работу станков и их деталей. Отчет выслан в Москву в январе 1944 г.».

Далее описывалось посещение шинно-ремонтных мастерских группой советских инженеров, в которую вошли П.С. Макеев, В.В. Горохов, С.И. Барте-нев, С.С. Смирнов, В.А. Ус. Эти люди «дали очень ценный материал по организации шинно-ремонтного дела в США. Материалы неоднократно высылалась в Москву в адрес Наркомрезинпром».

Наконец, состоялась «поездка инженеров В.В. Горохова и В.А. Ус на заводы фирмы Бик и Ко. для осмотра приобретаемого нами оборудования по балансировке шин в декабре 1943 г. В результате поездки удалось подробно ознакомиться с организацией станций и работой балансировочных станков для шин и транспортных средств. Отчет выслан в Москву в январе 1944 г.»¹⁹.

Был еще один метод сбора технической информации — «путем организации разовых посещений заводов с целью осмотра работы оборудования, аналогичной закупленной для Шинного завода». По образному выражению авторов отчета, «эти поездки, по существу, носили экскурсионный характер, ибо осмотр производства длился всего несколько часов. За истекший период состоялась всего одна поездка такого рода на шинные заводы США, а остальные были сделаны в период май-июнь 1943 г.».

Более распространен был комплексный метод — путем посещения научно-технических конференций, съездов, промышленных выставок. Согласно отчету, «за истекший период были посещены осенние и весенние сессии Американского химического общества (Отделение резины и каучука), весенняя сессия Американского общества стандартов (ASTM), выставка химической промышленности в Нью-Йорке и техническая выставка фирмы Гудри». В марте 1944 г. в Москву была отправлена обстоятельная информация «по различным вопросам технологии резины, доложенным на весенней сессии ASTM».

Последний из методов добывания необходимых сведений советские инженеры обозначили так: «Путем использования случайно представившихся возможностей от американских фирм или их представителей для получения технической информации». В качестве примера в докладе приводилась «поездка инженеров А.И. Марей и С.С. Смирнова <...> на регенераторный завод фир-

мы Мидвест Риклейшит Ко. через посредство доктора Хаузард (так в документе. — *И.Б.*). Отчет о поездке выслан в Москву в июне 1944 г.». Среди всех вопросов организации производства, с которыми удалось ознакомиться советским специалистам, авторы документа выделили «вопрос об организации участка подготовки шин и регенерации». Был отмечен метод организации, предложенный данной фирмой: «Взять из производства все слойнораздирочные машины и заменить их мощными креппер-вальцами, дробящими целиком всю покрывку. Рентабельность этого мероприятия по данным фирмы показана в отчете гг. Марей и Смирнова»²⁰.

В целом задача сбора технической информации являлась одной из ключевых для всех отделов ПЗК. Во многих их отчетах отмечались невиданные возможности, которые открылись перед советскими представителями. Так, в отчете отдела кабельных изделий по выполнению «Третьего Протокола» сообщалось, что «в период настоящей войны мы получили большие возможности посещать и знакомиться со многими предприятиями США в разрезе наших заказов. Кроме того, благодаря <...> хорошим отношениям с фирмами <...> и отдельными представителями американских органов, нам иногда удается получить ценную техническую информацию, которую раньше мы не могли получить ни при каких обстоятельствах (материалы по ВЧ кабелю, полевому проводу, подводному кабелю и т.д.)»²¹.

И общим для всех отделов являлись жалобы на недостаток кадров — владевших специальными знаниями и английским языком людей, которые могли бы обработать и использовать открывшиеся перед ними информационные возможности.

По ряду новейших разработок изделий военного назначения американцы соблюдали режим секретности. Так, из доклада о работе отдела артиллерии и боеприпасов от 28 июня 1944 г. явствует, что в этой области у советской стороны было «недостаточно технической информации по производству вооружения и боеприпасов. Эти данные получить почти невозможно, т.к. ни на один более или менее хороший завод не пускают. Можно <...> сказать, что для Америки чисто количественная сторона выпуска боеприпасов не является характерной. Она может выпускать любое количество, если в этом будет необходимость. В настоящее время идет сокращение выпуска как боеприпасов, так и некоторых калибров артиллерии, в особенности зенитной <...> Следует признать, что мы плохо знаем производственные мощности Америки»²².

В других случаях допуски к информации носили очень ограниченный характер. Например, по интендантскому отделу: согласно отчету от 26 июня 1944 г., «ввиду того, что разрешения на посещения фабрик и заводов, вырабатывающих товары интендантского снабжения, Военным министерством выдавались только в исключительных случаях, отделу было трудно выявить что-либо из технических новинок, применяемых в американской промышленности. В тех случаях, когда отдел получал такие разрешения, то это были второстепенные предприятия или просто мастерские <...> В печати в настоящее время технические новинки не появляются». Советской стороне было известно лишь самое общее положение, что «текстильное машиностроение почти целиком переключено на военные производства»²³.

В других отделах работа шла с переменным успехом — удавалось добыть много технической информации, но, судя по некоторым статьям, она поступала с трудом. Так, в отчете авиационного отдела по рубрике «Техническая информация за период действия 3-го Протокола» содержался обширный список технических материалов, собранных и подготовленных инженерами такого важнейшего отдела ПЗК. Например, «личным составом Авиоотдела в апреле 1944 г. составлен обзорный отчет по вопросам: а) Авиапромышленность США за период 1941—1943 гг.; б) Оценка боевых самолетов ВВС США; в) Технические новинки, введенные на самолетах, моторах и применяемые в производстве; г) Опытное строительство самолетов, моторов и оборудования к ним; д) Тенденции развития самолетов и моторов в США <...> з) Краткий обзор авиапромышленности США и характеристики заводов: Дуглас Аэрокraft Корпорейшн, Норд Америкен Авиэйшн, Белл Аэрокraft Корпорейшн, Кертисс, Рипаблик, Боинг, Консолидейтед, Райт, Пратт Уитней и список заводов авиапромышленности; и) Краткое описание самолета В-29». Этот отчет был отправлен 22 апреля 1944 г. в Москву «лично с начальником Авиоотдела инженер-полковником тов. Пискуновым».

Была налажена четкая система поступления информации по поставлявшимся в СССР самолетам. Согласно отчету, «все новые технические приказы ВВС США по поставляемым самолетам, их моторам, вооружению, оборудованию и приборам отправляются два раза в месяц (диппочтой) в количестве 5 экземпляров в адреса: 1. НКВТ — генерал-майору И.Т.С. тов. Семичастному; 2. ВВС КА — генерал-майору авиации тов. Левандовичу. Наиболее важные технические производства, инструкции и каталоги запчастей посылались дополнительно от 20 до 50 экземпляров, как по инициативе отдела, так и по запросу из Москвы»²⁴.

Что же касалось «информации по новым объектам», этот участок работы руководители авиоотдела считали наиболее сложным, поскольку, по их словам, получить материалы «по новым самолетам, моторам и агрегатам очень трудно, а подчас невозможно». Главный аргумент американской стороны заключался в том, что их советские партнеры имели право стать обладателями материалов, относившихся только к самолетам, которые реально поставлялись в СССР по ленд-лизу. Благодаря настойчивости советским инженерам удавалось зачастую раздобыть информацию о новых самолетах, которые СССР не получал. Согласно документу, в 1943—1944 гг. были отправлены материалы по самолетам «Р-61, С-69, Р-70, Р-51, С-46 и по моторам: Райт-3360, Пратт Уитней-2800-10, Аллисон — 3420».

Среди поступивших «новинок авиатехники» были: технология «впрыска воды в цилиндры двигателя <...> реактивный мотор для самолета Р-59» и несколько собранных советскими представителями научно-исследовательских трудов американского авиационно-технического сообщества: «а) Репорты НАКА за 1943—1944 г. — 54 наименования; б) Материал АЕ за 1943-1944 г. — 98 наименований; в) Технические доклады 12-го съезда авиационного Института (1944 г.) — 22 доклада; г) Отчеты ВВС США по испытанию самолетов, моторов и винтов — 123 отчета». Кроме того, Авиоотдел закупил и отправил в Москву книги 118 наименований по различным отраслям техники, а также выписал на 1944 г. 24 технических журнала в двух экземплярах, один из которых регулярно отправлялся в СССР.

В целом в отношении дела изучения авиатехники США весь инженерный состав авиаотдела имел конкретные технические задания согласно приказу председателя ПЗК о сборе технической информации. Аналитики данного отдела — одного из ведущих по квалификации сотрудников — четко сформулировали причины трудностей в получении ими информации и перечислили предложения по улучшению этого дела.

Помимо постоянных работников ПЗК СССР, Объединения НКВТ посылали в США «временных приемщиков», количество которых к концу 1944 г. было внушительным. Согласно данным, приведенным начальником сектора учета торгпредств Я. Злотниковым, временных приемщиков НКВТ, командированных за границу по состоянию на 1 декабря 1944 г., насчитывалось 273 человека, 236 из которых были направлены в США²⁵.

Работники ПЗК обязательно учитывали и фактор «обратной связи», т.е. отзывы о состоянии грузов по их прибытии в порты в СССР, о сложностях их разгрузки и доставки к местам назначения. В связи с этим возникла проблема «комплектности отгрузки сложных машин на одном судне». По данным отчета ПЗК по Западному берегу, имелись случаи погрузки комплектных машин на одном судне, но в разных трюмах и их различных местах, что создавало затруднения при выгрузке во Владивостоке и отправке груза по назначению. Были отмечены и случаи погрузки скатов и площадок железнодорожных платформ в разных местах трюмов, что усложняло и задерживало сборку платформ во Владивостоке. На эти факты указало руководство Наркомвнешторга и Закупочной комиссии, в результате комплектные машины или станции, железнодорожные платформы стали грузить в один трюм вместе со всеми частями, что облегчало выгрузку в порту назначения.

Представление о характере грузов и особенностях их приемки в советских портах дают отчеты уполномоченных Наркомвнешторга. К примеру, уполномоченный в Мурманске Фотченко 2 марта 1942 г. дал предварительный отчет о грузах, прибывших с караваном № 10. Он, согласно описанию, состоял из пароходов: «Эмпайр Магпи», «Кингс Вуд», «Харт Либери», «Лаудер Кастл», «Мэрилин», «Барвин», «Далдорг», «Эмпайр Баффин», «Степан Халтурин» (на этих судах прибыли грузы из Англии), «Макабао», «Ашхабад», «Корд Кинг», «Сити оф Флинт» (из США). По составу эти грузы были в основном военные: вооружение и боеприпасы, а также грузовики, топливо и промышленное оборудование.

Грузы сортировали и распределяли по ведомствам: ВВС Красной армии — самолеты «Харрикейн», «Аэрокобра», патроны, запчасти для самолетов; НКВМФ — пушки «Эрликон», снаряды, патроны; ГАУ КА — пушки, снаряды, минометы, бомбы; ГУС КА — средства связи. Также выделялись две группы: «нераспределенные грузы» (кабель, генераторы, электроды и др.) и «грузы Ленвнештранса широкого ассортимента гражданского назначения» (станки, прессы, насосы, электрооборудование; алюминий, никель, кобальт, хром; проволока колючая, трубы стальные; горючее, графит, фенол, фосфор и другие химические вещества; кожа, обувь, х/б ткань; медикаменты, грузы Красного Креста; сахар, какао-бобы, пшеница, мука; одеяла, шерстяные изделия). Товары второй группы направлялись целевым назначением на снабжение блокадного Ленинграда.

В документе содержались интересные подробности работы представителей ведомств над «расшифровкой» грузов: «Ввиду отсутствия спецификаций и разного количества обуви в ящиках уполномоченный В/О "Разноэкспорт" тов. Александринский устанавливает количество по подписям на ящиках, результаты сообщим»²⁶.

Ленд-лиз сыграл определенную роль в строительстве и модернизации портов, аэродромов, железнодорожных путей в ходе доставки грузов в СССР. Еще 7 сентября 1941 г. И.В. Сталин лично распорядился начать реконструкцию Архангельского порта. Вскоре после прибытия первого конвоя, 15 октября, уполномоченным Государственного комитета обороны (ГКО) по перевозкам на Севере был назначен выдающийся советский полярник И.Д. Папанин. Он сумел мобилизовать работу местных органов власти на оперативное решение задачи приемки и обработки грузов, поступающих с ленд-лизовскими караванами. К ноябрю 1941 г. в Архангельск были доставлены краны и лебедки из Ленинграда, Мурманска, Владивостока, выделено около 100 автомобилей, 15 барж, 6 буксиров; три военизированные рабочие колонны численностью до 3 тыс. грузчиков. Началась реконструкция Мурманского порта.

Первый конвой, прибывший в Мурманск 11 января 1942 г., PQ-8, доставил 3 тыс. т высококачественного бензина для нужд Красной армии. В дни прибытия конвоя немцы бомбили порт ежедневно. В этих условиях «руководитель британской миссии военно-транспортных перевозок Маккормик предложил И.Д. Папанину во избежание взрыва танкеров и разрушения части порта отправить суда обратно с кораблями военного эскорта. Однако на оперативном совещании у И.Д. Папанина было принято другое решение. Танкеры в глубокой тайне отвели в далеко отстоящий от основных причалов Лесной порт и быстро разгрузили в железнодорожные цистерны бензин, так необходимый фронту».

Всего за период войны «Мурманский порт принял и обработал 379 пароходов, на которых было доставлено 322,9 тыс. тонн различного вооружения и боевой техники. Все эти годы работа Мурманского порта проходила под неослабным наблюдением уполномоченного ГКО И.Д. Папанина и его штаба»²⁷.

Ленд-лизовские поставки шли на оборудование авиатрассы «Аляска — Сибирь». В докладе о состоянии заказов по авиационному отделу на заседании ПЗК от 5 марта 1943 г. начальник авиационного отдела С.А. Пискунов акцентировал внимание на организацию этого важнейшего пути доставки в СССР самолетов. По его мнению, «авиаотдел очень много работает над трассой. Мы имеем сейчас северную воздушную трассу через Фербенкс до Красноярска. Авиаотдел принимал участие при организации этой трассы. При организации ее я встретился с полковником Мазурук (И.П. Мазурук — начальник советской части трассы, выдающийся полярный летчик, Герой Советского Союза, с 1943 г. — командир Первой перегонной авиадивизии. — *И.Б.*), и он сообщил мне, что на трассе ничего нет. Я имел разговор относительно оборудования. У него было недостаточно бензозаправщиков, не было грейдеров, подогревателей, обмундирования, вплоть до гвоздей, которые мы должны послать».

Список необходимого для трассы оборудования насчитывал до 47 наименований. Как писал Пискунов, «процесс “одевания” трассы идет, но с развитием ее потребуется очень многое. У меня есть заказ — купить две взлетные полосы — стальные. Эти полосы стоят около 200 000 долларов каждая»²⁸.

Доставками грузов внутри СССР занимались соответствующие отделы управления НКВТ. Например, с 1 июля 1941 г. по 31 декабря 1944 г. работа его танкового отдела инженерного управления «по скорейшему обеспечению доставки товаров по назначению внутри страны выражалась в командировке постоянных представителей отдела во все порты и пункты прибытия грузов <...> организации в портах штата военных представителей отдела во все порты и пункты прибытия грузов <...> организации в портах штата военных представителей Главных Управлений НКО, что давало возможность ускорить отправку грузов потребителям». В результате успешной деятельности, подчеркивалось в отчете танкового отдела, «в практике до середины 1944 года не имелось случаев задержки или складирования грузов отдела в советских портах. Грузы отдела отправлялись из портов по назначению в течение 5–15 дней со дня их выгрузки из пароходов».

Только начиная с середины 1944 г. «отгрузка из портов Дальнего Востока, особенно ремонтных мастерских, стала задерживаться, ввиду недостатка железнодорожного порожняка, и в настоящий момент на станции Переплетная скопилось 400 мастерских, которые находятся там в течение нескольких месяцев. Принимается решение перебросить их во избежание порчи на базы НКО, расположенные в пределах Приморской и Дальневосточной железных дорог»²⁹.

Поставки по ленд-лизу стратегических материалов, например, авиационного бензина были незаменимы в ходе войны. По данным, приведенным Н.И. Рыжковым, «в Советском Союзе импортный авиабензин и светлые бензиновые фракции использовались почти исключительно для смешивания с советскими авиабензинами с целью повышения их октанового числа, так как советские самолеты были приспособлены к использованию бензинов с гораздо более низким октановым числом, чем на Западе. Поэтому <...> фактически поставленный по ленд-лизу авиабензин был включен в советское производство и составил (вместе со светлыми бензиновыми фракциями) 51,5% советского производства 1941–1945 годов»³⁰.

1 октября 1943 г. в составе ПЗК был создан специальный отдел нефтепродуктов (согласно пояснительной записке к отчету о его работе по выполнению III Протокола за период с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1944 г.) с целью «объединения всех наливных продуктов в одном отделе». В документе выявлена тенденция к росту поставок нефтепродуктов в 1943–1944 гг.: «работа <...> по отгрузке нефтепродуктов в Советский Союз протекала более активно, чем в прошлые годы (особенно <...> изооктан, алкалайт и другие компоненты к высокооктановым бензинам, а также авиационный бензин окт. 100/130, присадки к маслам и другие продукты). Таким образом, Третий Протокол был выполнен по отгрузке нефтепродуктов на 143,7 процентов»³¹.

К числу заслуг отдела нефтепродуктов авторы отчета отнесли включение в регулярную поставку высокоэффективного продукта «Кюмен» для высокооктановых бензинов. Продукт этот был засекречен, и американцы не хотели его поставлять, но, как и в ряде других случаев, поддались напору советской стороны. Поставки кюмена имели место в феврале-июне 1944 г., точные цифры не указывались (возможно, в силу той же секретности).

В момент написания указанного отчета отдела нефтепродуктов (31 июля 1944 г.) находилась «в стадии изучения возможность отгрузки в Союз другого наиболее эффективного компонента для изготовления авиабензина <...> сорт 140–150 и даже

сорт 160. Этот продукт называется “Ксилидин”. Американцы держат этот продукт в секрете, тем не менее, мы отправили в Союз пробную партию в 120 тонн»³².

Личное задание наркома внешней торговли А.И. Микояна «по увеличению протокольных количеств по поставке авиагорючего по 3 Протоколу», как указано в отчете, было выполнено, и американцы обещали «увеличить нам поставки авиагорючего до пределов наших транспортных возможностей».

В последние годы Великой Отечественной войны все большее значение для экономики СССР имели поставки промышленного оборудования, остро необходимого для восстановления разрушенного хозяйства страны. С конца 1943 г. в переговорах между СССР и США возникла тема американской помощи в возмещении ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками, в восстановлении разрушенного хозяйства районов, бывших под оккупацией (угольных шахт Донбасса, гидроэлектростанций, металлургических и машиностроительных заводов).

15 октября во время встречи с посещавшим СССР председателем Управления по военному производству Д. Нельсоном И.В. Сталин выделил наиболее важные в перспективе направления американских поставок для СССР. Он заявил, что «может гарантировать Америке заказы на 10 тыс. паровозов, 50 тыс. ж/д вагонов и платформ, 30 тыс. км рельсов, паровых и гидравлических турбин общей мощностью в 300 тыс. квт»³³. Сталин поднял также вопрос об американском кредите, в котором СССР был крайне заинтересован.

Эти же цифры вновь озвучил В.М. Молотов в беседе 31 декабря 1943 г. с американским послом В.А. Гарриманом, где подробно обсуждался вопрос об обмене информацией и об экономическом сотрудничестве. От имени правительства США Гарриман предложил техническую помощь США «в тех областях, в которых американцы имеют опыт». В частности это касалось производства «готовых домов» для районов, бывших под оккупацией, восстановления угольных шахт (предлагалось два этапа: сначала восстановить шахты «до степени, чтобы они могли давать уголь для военных нужд», затем — «максимально увеличить добычу угля на одного человека») ³⁴. Главным дискуссионным вопросом стало разграничение поставок по ленд-лизу и кредиту.

Помощь в восстановлении железных дорог стала в тот момент явным приоритетом. В январе 1944 г. в ПЗК был организован специальный отдел железнодорожного оборудования, в состав которого вошли железнодорожная группа отдела индустриального оборудования, группа железнодорожных материалов отдела Промсырьеимпорт и группа сигнализации и связи отдела Технопромимпорт. В отдел были переданы все заказы на паровозы, вагоны, рельсы, скрепления, бандажи, колеса и колпары, а также заказы на автоблокировку и железнодорожную диспетчерскую связь³⁵.

Согласно отчету о работе отдела с 1 июля 1943 г. по 1 июля 1944 г., за период III Протокола выполнялись заказы № 38747 по поставке паровозов типа «1-4-0» и № 1-5-0. Ход поставок изделий по номенклатуре отдела американскими фирмами оценивался работниками ПЗК вполне положительно. Так, «по первому заказу фирмами “American Lokomotive Company” и “Baldoin Lokomotive Works” было поставлено 200 паровозов, из них фирмой Болдвина 90 паровозов, фирмой “Алко” — 110 паровозов. Паровозы типа 1-5-0 начали поставяться фирмами с января 1944 г. По июль 1944 г. фирмами было поставлено 500 паровозов и фир-

мой “Алко” — 110 паровозов». При этом особо отмечалось, что «комплектности паровозов при отгрузке в Союз было предано нужное значение и все паровозы отгружались комплектно с необходимым запасом запчастей первой очереди, отгружавшихся с каждым паровозом».

Отдельное место занимали поставки в СССР вагонов. В указанном отчете отдела железнодорожного оборудования подчеркивалось «крайне неудовлетворительное выполнение обязательств по отгрузке вагонов в СССР согласно статьям III Протокола. Возможности американского рынка по поставке вагонов оценивались как очень большие. Приводились общие цифры, что мощность американских вагоностроительных заводов позволяла построить 200 000 грузовых вагонов в год»³⁶. По мнению работников ПЗК, «их возможности использовались не более чем на 30% с учетом постройки вагонов как для собственных нужд, так и для снабжения других стран в счет ленд-лиза и за наличный расчет. Поэтому на многих вагоностроительных заводах некоторые цеха простаивают или заняты производством другого вида продукции (снаряды, судовые части и др.). Это происходит из-за недостатка стали в стране для производства вагонов и их собственные железные дороги сидят на голодном пайке».

К моменту написания отчета (июль 1944 г.) «в связи с сокращением производства вооружения в США появилась возможность увеличить количество выпускавшихся вагонов новой постройки». По информации работников ПЗК, в том году американское правительство «разрешило построить для нужд дорог США 35 000 вагонов» и продолжить их использование в следующем году. Однако «при заказе вагонов 1944—1945 гг. мы будем иметь большие трудности, которые созданы плохой отгрузкой вагонов в СССР по III протоколу. Уже в настоящее время представители военного департамента заявляют, что мы не нуждаемся в получении вагонов, если мы плохо отгружаем»³⁷.

Авторы отчета отмечали «далеко не удовлетворительное» качество отгружаемых вагонов, особенно вагонов и платформ по заказам № 38710, 38690. Вагоны по этим заказам поставлялись на условиях «Эмердженси», т.е. «облегченного веса против подобного же типа вагонов платформ довоенного производства. Расчетные напряжения этих вагонов далеко превышают нормы, принятые как в США, так и в СССР, при проектировании вагонов». Однако «все попытки получить вагоны по этим заказам, удовлетворяющие отечественным требованиям, отклонялись военным департаментом», не желавшим отступать от американских стандартов.

Данный тип вагона (с прицепом, вложенным при поставке вагонов по ленд-лизу для Англии, Китая, Африки и т.д.) был специально разработан для снабжения им Советского Союза по линии ленд-лиза. В то же время для нужд собственных дорог американцы продолжали строить вагоны по нормальным стандартам США³⁸.

Значительное место в поставках занимали «железнодорожные материалы», для реализации которых в ПЗК была создана специальная группа. Особое значение имели поставки рельс. Их массово уничтожали во время партизанской войны в СССР (вспомним знаменитую «рельсовую войну», которая имела место как поддержка действий советских регулярных частей в период Курской битвы летом 1943 г.). По этому направлению поставок советская сторона в лице работников ПЗК предъявляла американцам значительные претензии.

Например, в докладной записке к отчету на 1 июля 1944 г. по группе железнодорожных материалов за июль 1943г. — июнь 1944 г. констатировалось: «Несмотря на значительно возросшую потребность в рельсах и рельсовых скреплениях, как для внутреннего потребления, так и для снабжения этими видами материалов союзников, значительного роста в производстве рельс и скреплений за период военного времени мы не наблюдаем <...> Производство рельс и скреплений в 1943 г. осталось, примерно, на уровне 1942 года. Всего за 1943 год производство рельс, осей, колес, сцеплений и бандажей 3 184 000 тонн». При этом отмечалось, что лимитированное американским правительством «производство рельс, как и других видов материалов, строго планируется правительственными органами. Баланс металла и производство отдельных видов материала регулируется Военно-промышленным комитетом. Без санкции Военно-промышленного комитета ни одно предприятие, являющееся потребителем металла, не сможет его получить <...> металлургические предприятия не смогут принять самостоятельно заказ на изготовление продукции из стали, без разрешения на то Военно-промышленного комитета»³⁹.

Вместе с тем итоги выполнения 3 Протокола по данному виду поставок оценивались ПЗК очень высоко. Согласно указанному отчету «по состоянию на 1 июля 1944 г. фактическая отгрузка по рельсам и бандажам уже превысила цифру 3 Протокола». Одновременно продолжалась «отгрузка таких материалов, как вагонные оси и колесные пары, заказанные еще в счет 2 Протокола, а всего за 12 месяцев было отгружено 279 038, 1 больших тонн железнодорожных материалов». Таким образом, «выполнение 3 Протокола прошло очень успешно», по сравнению со 2-м, который был практически не выполнен по той причине, что «организации США не отказывались предоставить этот материал, только ставили одно условие — вывезти уже изготовленные материалы в СССР. Планирование же отгрузок Москвой совершенно не соответствовало количествам железнодорожных материалов, изготовленных по нашим заказам. С первых дней действия Второго Протокола, мы имели большие остатки наших материалов на складах».

В пояснительной записке к отчету о деятельности спецотдела нефтепродуктов ПЗК (с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1944 г.) отмечалось: «Работа по выполнению III Протокола по отгрузке нефтепродуктов в Советский Союз протекала более активно, чем в прошлые годы (особенно <...> изооктан, алкалайт и другие компоненты к высокооктановым бензинам, а также авиационный бензин окт. 100/130, присадки к маслам и другие продукты)»⁴⁰.

Особо отметим поставки промышленного оборудования для различных отраслей как предметов долговременного пользования, работавших на советскую экономику в послевоенный период. Попытки советской стороны получить нефтегазовые заводы первоначально не встретили одобрения в США. В первые годы войны велись длительные переговоры о передаче СССР «заводов 3 и 4, поставках установок каталитического крекинга Гудри». Согласно отчету группы нефтезаводских установок отдела промышленных установок ПЗК о работе с 1 июля 1943 по 1 июля 1944 г., в группе не было специалистов по нефтяному оборудованию, что препятствовало качественному оформлению заказов у американских фирм. Работники группы указывали: «Обстановка работы по получению комплектных заводов и установок через ленд-лиз очень сложная ввиду того, что многие высшие чиновники ленд-лиза считают, что они не будут из-

готовлены, смонтированы и пущены в эксплуатацию до окончания войны и, следовательно, не послужат удовлетворению прямых нужд войны. Вследствие этой принципиальной установки, несмотря на положительное заключение Военно-промышленного комитета о возможности без ущерба для американской армии поставки для нас всех заявленных нами заводов, а также заявление фирм о наличии у них избытка производственных ресурсов, которые могли бы использовать для нас, ленд-лиз ни одного завода по III Протоколу не утвердил»⁴¹.

После длительных обсуждений и бесконечного затягивания процесса, как пишет Н.И. Рыжков, «в конечном итоге в СССР было поставлено 4 нефтеперерабатывающих завода стоимостью более 43 млн долларов. На американском оборудовании были построены и в конце 1944 года начали давать продукцию нефтеперерабатывающие заводы в Куйбышеве, Гурьеве, Орске, Красноводске. Они, безусловно, внесли определенный вклад в Победу Советского Союза в войне с Германией, но в полную силу стали работать в послевоенный период»⁴².

Ленд-лиз сыграл особенную роль в деле восстановления разрушенного войной военно-морского потенциала СССР. Руководство отдела морских заказов ПЗК с гордостью докладывало, что за два года работы он «обеспечил поставку Родине значительного количества современных боевых кораблей для ВМФ, военно-морского и морского оборудования на общую сумму 126 млн долл., в том числе 10 тральщиков, 80 торпедных катеров, 108 больших и малых охотников за подлодками, 52 десантных судна, ледокол “Северный Ветер”, около 1 500 различных судовых дизелей общей мощностью 380 тыс. лошадиных сил» и большое количество разнообразного судового оборудования. Особо были отмечены новейшие виды техники, которые в СССР не производились, прежде всего «3 вида морских радиолокаторов»⁴³.

Состав, динамика, распределение морских поставок внутри СССР были подробно изложены в аналитической записке морского отдела Инженерного управления НКВТ к отчету за 1944 г., подписанной начальником морского отдела, инженер-капитаном 1 ранга Федоровым.

В структуре импорта морских заказов за 1943–1944 гг. имели место следующие изменения: «Если в части военных кораблей и морского оборудования номенклатура сохранялась, то в 1944 году получили из США современный дизель-электрический ледокол, и более детальное рассмотрение и изучение всех завезенных в Союз военных кораблей позволяет сделать вывод, отмеченный в приложении к приказу Народного комиссара от № 6/1с от 11.1.45 г.

Завезенная в Союз современная военно-морская техника позволяет отечественной судостроительной промышленности и Военно-морскому флоту использовать американский опыт в решении ряда технических вопросов, как, например:

1. Применение автоматики и дизель-электрического движения на ледокольных и других кораблях.
2. Применение переменного тока высокого напряжения в судовых установках.
3. Технология постройки торпедных катеров.
4. Применение двигателей одного вращения на торпедных катерах.
5. Создание современной системы деаэрации и очистки питательной воды на паротурбинных кораблях.
6. Создание магнитных тралов.

В части судоподъемного водолазного оборудования завод 1944 г. составляет 81% от завода данной номенклатуры с начала операций, и это в значительной мере обеспечивает большой объем судоподъемных работ на морских и речных бассейнах, освобожденных от немецких оккупантов. Значительно возрос в 1944 г. завод судовых дизелей, составляющий 70% от количества завезенных дизелей с начала операций»⁴⁴.

Распределение поставляемых по ленд-лизу морских заказов в период с начала войны до 1 января 1945 г. было представлено следующим образом:

- а) Для Военно-морского флота и военного судостроения на сумму 952 161,5 тыс. руб.;
- б) для гражданских наркоматов и гражданского судостроения на сумму 626 870,3 тыс. руб.⁴⁵

Вместе с тем тенденция к ограничению поставок новейшей техники в СССР сохранялась: «США, по-видимому, намерены поставлять нам радиолокаторы из числа радиолокаторов, находящихся на вооружении. Поставка новейших типов из числа вводимых на вооружение радаров, по-видимому, будет производиться после перевооружения армии, флота и авиации США и при условии, если не будет массового спроса на них со стороны Англии, что вполне вероятно. Так, например, по заявлению представителей Военного департамента США, артиллерийские локаторы SCR-584 не могут поставляться нам немедленно из-за большого спроса на них со стороны Англии. Англия поставляет нам через Канаду свои артиллерийские радиолокаторы типа CLMK-III в сравнительно большом количестве»⁴⁶.

В целом советская экономика в военное время настолько зависела от ленд-лизских поставок, что постепенное сокращение, а затем и прекращение последних вызвало большую проблему их «восполнения». По данным Госплана СССР, союзники поставили: авиабензин — 37% к общим ресурсам; рельсы ж/д — 75%; проволока различных видов — от 43 до 93%; свинец — 40%, олово — 28,6%; алюминий — 36,7%; стальной трос — 38,5%; никель — 36,6%; кадмий — 66%; молибденовые концентраты — 81,3%; металорежущие станки — 36,6%; универсальные шлифовальные станки — 100% (в СССР они не производились); бумага — 50%; мясопродукты — 33,5%; сахар — 46,4%; молочный порошок — 80%; яичный порошок — 84% и т.д.⁴⁷

Динамика поставок по группам изменялась в течение войны. На начальном ее этапе центральными были поставки вооружений, военной техники и боеприпасов, однако уже в 1942 г. кризис в советской промышленности — «металлический голод», недостаток нефтепродуктов и т.д. — вызвал рост заявок на металлы и другие стратегические материалы, а затем и на промышленное оборудование. В 1943–1945 гг. постоянной тенденцией являлся рост доли поставок продовольствия, а также транспортных средств, железнодорожного оборудования.

Целый ряд обязательств оказался перевыполненным, т.е. отправлялось больше товаров, чем было положено по протокольным обязательствам, добавлялись и новые пункты в обширный «ассортимент» поставок (появлялись «внепротокольные обязательства»). Номенклатура поставок вплоть до пиковых 1943–1944 гг. неуклонно расширялась. Доля товаров военного назначения, вооружений от протокола к протоколу снижалась, уступая место лидеру поставок

по объему и тоннажу — продовольствию, повышалась доля промышленного оборудования и других предметов «гражданского назначения».

В 1943 г. имела место крупная реорганизация системы управления американскими поставками по ленд-лизу. После назначения на пост посла в СССР Гарримана, ему переподчинили все комиссии, осуществлявшие переговоры по ленд-лизу на территории Советского Союза. Кроме того, был создан новый орган — Администрация внешней экономики, во главе с Л. Кроули, с задачей организовать взаимодействие между всеми американскими агентствами, работавшими за рубежом. После этой реорганизации США значительно сократили объемы помощи всем своим союзникам, даже Великобритании. Только Советский Союз продолжал получать помощь в прежних объемах и более.

С середины 1943 г. до мая 1945 г., когда американское правительство объявило о прекращении поставок по ленд-лизу, их объемы (помесячно) в СССР возрастали и достигли пика в мае 1945 г.

Существенно расширялась и номенклатура поставок, включая и те новые товары, которые американская сторона первоначально не желала предоставлять СССР. Они были буквально «отвоены» у США работниками ПЗК, опиравшимися на мощь и авторитет Советского Союза.

В ходе реализации поставок имелся ряд системных трудностей и проблем. Общей тенденцией динамики ленд-лизовских поставок были сохранение «остатков» обязательств по предыдущим протоколам и переход их на период нового протокола. «Хвост» невыполненных обязательств тянулся вплоть до последнего, IV Протокола. Потерянные в ходе транспортировки изделия (самолеты, танки и др.) американская сторона зачастую отказывалась возмещать.

В связи с этим следует отметить специфику понимания американцами определения «выполнение обязательств». Это была не конечная доставка товаров в СССР. Согласно тексту III Протокола, Военный департамент считал выполненным свои обязательства, если товар по данному обязательству был поставлен советской стороне в лице ПЗК для отправки в порт.

Одна из серьезных проблем при осуществлении советских заказов касалась стандартов производства различных изделий в промышленности США и СССР. В результате возникали сложности при поставках военной техники. В частности имели место хронические недопоставки по ленд-лизу запасных частей для танков, самолетов и других видов техники.

Существенные различия в стандартах производства влекли за собой большие трудности и задержки в размещении заказов СССР по самым разнообразным видам промышленного оборудования. Представитель Администрации ленд-лиза объяснил такую постановку вопроса тем, что «американские фирмы и инженеры (а число последних ограничено) сильно заняты выполнением важных проектов и не в состоянии в настоящее время заниматься разработкой нестандартных для американской промышленности проектов»⁴⁸.

Отправляя самолеты, работникам ПЗК необходимо было посылать и инструменты. По их словам, «если мы захотим отвернуть гайку нашим ключом, то ни один наш ключ не подойдет, ибо американская система — в дюймах»⁴⁹.

При поставках самолетов и танков сказывалась разница в организации производства. В СССР выпускались полностью укомплектованные самолеты,

готовые к боевым действиям, а Америке — неукomплектованные. Имелся ряд наименований, «правительственных деталей» (приборы и оборудование, винты, пулеметы, бомбодержатели, показатели скорости, кислородное оборудование и др.). При этом на основании заказа заводы выпускали самолеты без какого-либо оборудования.

Важнейшую роль в усовершенствовании процесса поставок ленд-лизовой техники в СССР играла «обратная связь» с советской стороной, выполнение технических усовершенствований американской техники по требованиям СССР. При этом Инженерное управление НКВТ подвергло определенной критике квалификацию соответствующих советских военных органов и их отношение к поставляемой по ленд-лизу технике. В частности указывалось, что «отношение Бронетанкового Управления к импортируемым машинам ожидает быть лучшим. Ответственные работники <...> не могут определенно сказать, какие машины им требуются, какие машины завоевали признание и каких машин больше не следует завозить»⁵⁰. При заказе импортной техники наблюдался разнoбой в потребностях между различными органами и управлениями Красной армии.

Благодаря ленд-лизу (образно названным одним зарубежным исследователем «кормлением медведя») советские бойцы ездили на машинах, а летчики летали на первоклассных самолетах производства США. Наши военнослужащие питались созданными в этой стране высококачественными продуктами, работали с ее аппаратурой радиосвязи и получали подарки от американского Красного Креста. Советская промышленность в период металлического голода — в 1942 г. — стала получать из Америки металлы и металлоизделия в большом ассортименте, восполнялись важнейшие изделия машиностроения, которые в СССР почти перестали (паровозы, крупные корабли) или совсем перестали производить (кабель). В 1943–1944 гг. заработали доставленные из США предприятия нефтепереработки, шинный завод; цеха машиностроительных заводов оборудовались американскими станками обширной номенклатуры, в том числе не производившимися в СССР. В нашу страну поступали химические изделия и другое сырье. Поставки по ленд-лизу помогали восстанавливать разрушенную советскую промышленность на новой технической основе. Сотрудники ПЗК СССР в США усердно собирали и отправляли на Родину сотни отчетов с подробной технической информацией о «секретах» различных американских производств.

Примечания

¹ Шпотов Б.М. Военно-экономическое значение ленд-лиза // Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 188–189.

² См.: Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004. С. 49–51.

³ Там же. Л. 45.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 12. Д. 6751. Л. 51.

⁵ Там же. Л. 50.

⁶ Там же. Д. 8645. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 6.

- ⁹ Там же. Л. 9.
¹⁰ Там же. Л. 22.
¹¹ Там же. Л. 27.
¹² Там же. Л. 28.
¹³ Там же. Л. 29.
¹⁴ Там же. Л. 31.
¹⁵ Там же. Л. 33.
¹⁶ Там же. Д. 9022. Л. 173.
¹⁷ Там же. Л. 172.
¹⁸ Там же. Л. 171.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же. Л. 169.
²¹ Там же. Л. 71.
²² Там же. Л. 260.
²³ Там же. Л. 363.
²⁴ Там же. Л. 379.
²⁵ Там же. Д. 8730. Л. 170.
²⁶ Там же. Д. 6365. Л. 43.
²⁷ Цит. по: *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М., 2011. С. 112–113.
²⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6796. Л. 376.
²⁹ Там же. Д. 8615. Л. 28.
³⁰ *Рыжков Н.И.* Великая Отечественная: ленд-лиз. М., 2012. С. 292.
³¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 9022. Л. 81.
³² Там же. Л. 83.
³³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Л. 16.
³⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 6. Оп. 5. Пор. 332. П. 29. Л. 85–89.
³⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 9021. Л. 186.
³⁶ Там же. Д. 9022. Л. 203.
³⁷ Там же. Л. 219.
³⁸ Там же. Д. 9021. Л. 210.
³⁹ Там же. Л. 4.
⁴⁰ Там же. Л. 8.
⁴¹ Там же. Д. 9022. Л. 202.
⁴² *Рыжков Н.И.* Великая Отечественная ... С. 295.
⁴³ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 9022. Л. 112.
⁴⁴ Там же. Д. 8616. Л. 46.
⁴⁵ Там же. Л. 45.
⁴⁶ Там же. Д. 9022. Л. 325–326.
⁴⁷ Цит. по: *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 223.
⁴⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6749. Л. 139.
⁴⁹ Там же. Д. 6796. Л. 371.
⁵⁰ Там же. Д. 8615. Л. 35.

Библиография

- Бутенина Н.В.* Ленд-лиз: сделка века. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 311 с.
Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.
Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.
Рыжков Н.И. Великая Отечественная: ленд-лиз. М.: Экономическая книга, 2012. 439 с.
Шпотов Б.М. Военно-экономическое значение ленд-лиза // Экономика Победы. К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. М.: Ин-т экономики РАН, 2010. С. 188–189.

Демчик Е.В., Гряникова Г.А.*

Дефицит в «солнечное десятилетие» Алтайского края: продовольственная торговля в условиях плановой экономики 1960–1970-х гг.

Аннотация. Статья посвящена вопросам продовольственного снабжения населения Алтайского края в 1960–1970-е гг. На основе материалов Государственного архива Алтайского края, источников личного происхождения, статистических данных и статей местных газет определены: уровень развития пищевой промышленности; стандартные продукты питания; средние цены в розничной сети и организациях общественного питания; динамика розничного товарооборота; качество продуктового снабжения; роль предприятий общественного питания в продовольственном обеспечении городского и сельского населения, а также в контексте истории повседневности выявлены основные стратегии потребления граждан в сложившихся условиях. Сделаны выводы о причинах низкой удовлетворенности населения Алтайского края качеством и доступностью продовольственных товаров, несмотря на сложившееся мнение о продуктовом изобилии этого крупного аграрно-индустриального региона.

Ключевые слова: советская торговля, общественное питание, снабжение, повседневность, экономика региона, Алтайский край.

В 1960–1970-е гг. среди других регионов СССР Алтайский край занимал ведущие позиции по производству продовольствия, машиностроительной и сельскохозяйственной продукции, по развитию химической и легкой промышленности¹. Установлению развитых торговых связей способствовали выгодное географическое положение и высокая транспортная доступность края. Непосредственная близость к крупным сырьевым и перерабатывающим регионам (Новосибирской, Кемеровской, Томской областям) и расположение на пересечении транзитных грузовых и пассажирских потоков (железная дорога на территории края, связывающая Среднюю Азию с Транссибирской магистралью) содействовали развитию торговли. Помимо этого в связи с сельскохозяйственной направленностью экономики края развитие получили отдельные отрасли промышленности — зерновая, молочная, маслодельная и сыродельная². В мясной, молочной и сахарной отраслях пищевой промышленности появлялись новые предприятия, проводились реконструкция сыроваренных предприятий, а также дальнейшая механизация и автоматизация производства. Увеличивались мощности мясоперерабатывающих, маслобойных и мукомольных предприятий. Расширялись площади для созревания и хранения плодоовощной продукции³. Однако нельзя отрицать наличие товарного дефицита, который неразрывно связан с рассматриваемым периодом. Ввиду этого представляется актуальным разностороннее изучение уровня производства продуктов питания и качества потребления продовольственных товаров, вопросов товарного снабжения и

* Демчик Евгения Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, demtchikev@mail.ru; Гряникова Галина Андреевна — аспирант Алтайского государственного университета, galya9309@mail.ru. Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-49-220005 «Торговля и товарное снабжение Алтайского края в 1960–1990-е гг.: от плановой к рыночной экономике».

преодоления дефицита в период 1960–1970-х гг., а также развития розничной торговли и общественного питания в историческом плане.

Продовольственное потребление и снабжение населения СССР исследовались в ограниченном числе работ. Традиционно в советской и современной историографии по экономической истории изучаются отдельные аспекты развития сельского хозяйства, пищевой промышленности, производства продуктов питания и организации общественного питания без учета продовольственного обеспечения населения. Потребление продуктов рассматривалось исключительно в рамках изучения проблем товарного дефицита и аспектов ценовой политики. Менее изученными являются вопросы качества советских товаров и проблема ассортимента по регионам СССР.

Советский исследователь Г.С. Григорьян рассмотрел организацию торговли как форму товарного обращения, которая в условиях развитого социалистического общества исходила из цели наиболее полного удовлетворения спроса населения на товары и услуги, что требовало постоянного совершенствования управления⁴.

В труде, основанном на цифровых данных роста общественного производства⁵, особо подчеркнута роль социалистического государства в экономическом развитии страны, а спрос населения на различные товары, услуги и общественные потребности определены как исходный момент в народнохозяйственном планировании при рациональном сочетании личных интересов граждан и общественных.

Вопросы продуктового дефицита как результат ценовой политики в сфере продовольственного снабжения рассматривали исследователи периода перестройки⁶. Зависимость уровня потребления от ценовой политики государства представлена в аналитическом сборнике В.М. Уралова, отметившего замедление темпов роста покупательной способности населения начиная с 1960-х гг. Автор определил динамику покупательной способности советского населения через отношение заработной платы к стоимости ежемесячного минимального набора продуктов питания (МНПП: мясо, молоко, яйца, рыба, сахар, подсолнечное масло, овощи, мука, картофель)⁷.

Зарубежные авторы освещали аспекты продовольственного снабжения в СССР в 1970–1985 гг. в сравнении влияния развития его пищевой промышленности, аграрного сектора и внешней торговли на уровень обеспеченности советских граждан продуктами питания с соответствующими показателями США и стран Западной Европы⁸.

Экономическое развитие Советского Союза охарактеризовали современные бразильские ученые Н. Мазат и Ф. Серрано, относя 1950-е — середину 1970-х гг. к периоду активного накопления капитала, роста объемов производства и ВВП на душу населения, а следующее за ним десятилетие — экономического спада с отдельными попытками интенсивного накопления капитала⁹.

К теме питания обращался российский историк и экономист Н.А. Мендкович¹⁰. Интересной представляется его попытка проанализировать состояние питания советских людей с точки зрения объективных потребностей и стандартов потребления промышленно развитых стран. Проблемы уровня потребления и развития сферы услуг также рассмотрены в работе М.А. Клиновой¹¹. Автор подробно представила взгляд отечественных исследователей

относительно условий, влиявших на уровень жизни основных категорий населения страны.

Имеются и региональные исследования уровня жизни, однако в них не нашли отражения сведения о продовольственном потреблении населения Алтайского края¹². Ввиду этого представляется возможным применение имеющихся сведений только для проведения сравнительного анализа. Кроме того, они либо не дают достаточной информации о региональном продовольственном обеспечении населения, отражая общую динамику расходов на потребление отдельных продуктов в рамках изучения проблем товарного дефицита, либо содержат данные, касающиеся более раннего периода.

Региональный аспект продовольственного снабжения жителей Алтайского края в 1960-х гг. представлен в краеведческой литературе советского периода. Развитие пищевой промышленности и сельхозпроизводства подробно рассмотрено в труде¹³, раскрывающем динамику развития отдельных отраслей промышленности согласно советским пятилетним планам экономического развития (создание новых предприятий; техническая реконструкция действующих; механизация производства; показатели по производительности труда; географическое размещение производственной сети).

Историография по социально-экономическим процессам новейшей истории Алтая представлена в издании, подготовленном коллективом профессиональных историков. Так, Е.Н. Курсакова описала основные аспекты развития отраслей промышленности края в 1946–1985 гг., провела соответствующий историко-экономический анализ, основываясь на материалах советской историографии проблемы подготовки предпосылок и условий для дальнейшей интенсификации производства¹⁴.

Д.С. Орлов осветил проблему развития сельского хозяйства с учетом его организационно-производственной структуры во второй половине XX в. Однако при проведении подробного анализа, подтвержденного цифровыми данными и экономическими расчетами, автор представил аспекты промышленности и сельского хозяйства без рассмотрения влияния развития производства на уровень продовольственного снабжения в регионе¹⁵.

Особый интерес представляет научно-популярное издание С.Ф. и А.С. Ужакиных. Это воспоминания коренных жителей Барнаула о повседневной жизни, быте и культуре этого города в 1960-х гг.¹⁶ На основе авторских сведений, заметок и детских воспоминаний о «солнечном десятилетии» возникает целостная картина о розничной торговой сети, предприятиях общественного питания, средних ценах на продовольственные товары, о качестве снабжения продуктами жителей столицы края. Между тем авторы не затронули вопросы продовольственного снабжения населения других городов и районов Алтайского края.

Цель данного исследования — разносторонний анализ уровня продовольственного потребления, качества снабжения жителей Алтайского края как части его экономического развития. Материалы работы могут быть использованы для дальнейшего изучения истории советской торговли, осмысления экономического развития региона в 1960 — начале 1970-х гг. в рамках истории повседневности.

Методология изучения вопросов темы основывается на историко-проблемном, социокультурном и аналитическом понимании прошлого. Исследование, яв-

ляясь, в первую очередь, историческим, включает элементы экономического изучения истории торговли. Основываясь на историко-материалистическом подходе осмысления проблем, сфера торговли и система снабжения рассматриваются в тесной взаимосвязи с общими процессами развития советской экономики. Историко-сравнительный метод используется при сопоставлении данных о результатах финансовой деятельности торговых организаций и предприятий общественного питания края на протяжении 1960–1970-х гг. и для выявления динамики развития его розничной торговли и пищевой промышленности. В соответствии с историко-генетическим методом функционирование торговой деятельности рассматривается с учетом социально-экономического развития региона. Ввиду особенностей изучаемого объекта применяется историко-системный метод, в связи с которым функционирование торговли представлено как объективный, закономерный, исторически обусловленный процесс. При работе с научной литературой, газетными статьями и неопубликованными данными архивных источников использовались методы сбора, систематизации, а затем анализа и синтеза полученной информации. Также применялись математические методы статистического анализа, систематизации данных и расчета показателей динамики.

В основе статьи — документы Государственного архива Алтайского края (фондов финансовых учреждений и торговых организаций — Р-718, Р-784, Р-926, Р-1033, Р-1037, Р-1118, Р-1573). Их анализ позволяет охарактеризовать уровень цен, выявить основные черты организации розничной торговой сети и предприятий общественного питания, проследить перебои в снабжении определенными товарами. Помимо прочего, материалы содержат акты ревизий и проверок по вопросам соблюдения штатной дисциплины предприятий и торговых организаций. Сметы и штатные расписания финансовых учреждений и промышленных предприятий городов края позволяют судить об уровне их развития и взаимосвязи с торговыми организациями, о структуре городских отделов торговли плодоовощными и пищевыми товарами, организации розничной торговой сети. Постановления, решения, приказы, инструкции, директивные указания, производственно-финансовые планы несут в себе информацию о показателях развития производства сельхозпродукции в опытно-показательных хозяйствах (землепользование, урожайность, выходное поголовье скота, продуктивность и валовое производство продукции животноводства).

Также при подготовке исследования использовались материал газеты «Алтайская правда» о торговле, развитии отраслей пищевой промышленности и сельхозпроизводства, качестве продовольственных товаров, обслуживании населения предприятиями общественного питания, проблемах, связанных с бюрократизмом и нарушением законодательства в деятельности торгующих организаций.

Отметим силу общественного мнения в те годы: после публикаций писем обратившихся в общественную приемную газеты людей нередко устанавливался порядок, восстанавливалась справедливость на предприятиях Барнаула и соседних районов¹⁷.

В 1960–1970-х гг. первое место в личном потреблении населения занимали пищевые продукты, что подтверждается данными о налоговых поступлениях

с товарооборота в бюджет Барнаула. В 1968 г. в общем объеме налоговых поступлений доля проданного спирта составляла 39,2% (налог с товарооборота — 68 693 руб. в год), вина — 3,7% (6 400), сахара — 3% (5 250), пива — 2,9% (5 164), хлебопродуктов — 1,8% (3 160), маргарина — 1,4% (2 424.). В целом на долю пищевой промышленности приходилось 52% общего числа бюджетных поступлений, текстильной — 16%, трикотажной — 12%, обувной — 0,8%. Так, потребление населением одежды и обуви составляло 27,8%, остальная часть поступлений складывалась из продажи товаров предметов культурно-бытового назначения (18,7%) и парфюмерно-косметической промышленности (1,5%)¹⁸.

Для удовлетворения потребностей населения в продовольствии необходимо развитие производства продуктов питания и связанных с ним отраслей пищевой промышленности. Основным источником роста товаров для продажи выступает производство, объем и ассортиментная структура которого зависят от производственных возможностей его предприятий. В соответствии с этим капиталовложения в пищевую промышленность Алтайского края в 1959–1965 гг. составили 51,2 млн руб., что в три раза превышало показатели предыдущих семи лет. Чтобы увеличить производительность труда объединили предприятия мясной и молочной промышленности в фирмы «Алтаймясо» и «Алтаймолоко», Бийский и Славгородский птицекомбинаты — с мясокомбинатами соответствующих городов, а Горно-Алтайский мясокомбинат присоединили в качестве филиала к Бийскому мясоконсервному комбинату. На снабжение продовольствием влияло увеличение производительности предприятий при сокращении трудозатрат.

В первой половине 1960-х гг. второй Барнаульский мясокомбинат в сутки производил 30 т колбас, 10 — копченостей, 8 — полуфабрикатов, 6 — пельменей, 3 — сосисок, 2 — ливерной колбасы, 1 — студня, 2,5 — мясных хлебов. С введением конвейерной системы по переработке скота в 1959–1965 гг. выработка мяса на предприятиях возросла с 58,6 до 86,4 тыс. т, что составило 32% роста¹⁹.

Молочную продукцию (молоко, сливочное масло, мороженое, твердый сыр и др.) населению края предоставляли заводы Барнаула, Рубцовска, Бийска, мощностью соответственно 100, 60 и 25 т цельномолочной продукции в смену. К 1961 г. к производству приступили Благовещенский, Смоленский, Ребрихинский, Романовский, Знаменский, Ельцовский, Маралихинский, Родинский, Каратужинский, Рассошинский маслозаводы. Товары молочноконсервной промышленности обеспечивали потребности населения и за пределами Алтайского края. Так, созданный в декабре 1959 г. в рабочем поселке Кулунда молочноконсервный завод мощностью 4,4 т сухого молока в смену (2 100 т в год) поставлял молоко на Крайний Север, Дальний Восток и в Восточную Сибирь. Развитие этой отрасли промышленности продолжалось все десятилетие. Так, в 1965 г. началось строительство нового завода сухого молока в с. Верх-Суетка. В маслодельной и сыроваренной промышленности в 1959–1965 гг. на 62 предприятиях были внедрены поточные линии. Например, на Славгородском молочном заводе производительность составила 250 кг масла в час при обслуживании линии двумя работниками²⁰.

Улучшения происходили в сахарной, мукомольной, хлебопекарной, витаминной промышленности. В 1959 г. начал работу овощеконсервный завод в

с. Поспелиха, в конце 1964 г. — в г. Бийске, что ознаменовало возникновение новой отрасли пищевой промышленности на территории Алтайского края²¹. Хлебопекарная промышленность осуществляла производство на дрожжах Барнаульского завода. Белый и серый хлеб, булочки, сайки, пироги, сушки, баранки, рогалики, кондитерскую продукцию населению предоставляли пять хлебозаводов, расположенных в разных частях города, что в полной мере обеспечивало потребности населения²². Изделия производства Барнаульской макаронной фабрики экспортировались по всей Сибири. Для достижения необходимого количества продукции на производстве ввели ночную смену²³. Конфеты, карамель и плитки шоколада в ассортименте изготавливала Барнаульская кондитерская фабрика²⁴.

Барнаульский ликероводочный завод производил вино, водку, портвейн, настойку, Барнаульский завод безалкогольных напитков — фруктовые воды на натуральных сиропах и лимонады «Крем-сода», «Саяны», «Ситро», «Байкал»²⁵, а Барнаульский пивзавод, основанный в 1911 г. купцом А.Ф. Ворсиным, — пиво на основе саратовского и волгоградского ячменного зерна, имевшего лучшие качества по сравнению с алтайским ячменем²⁶.

В 1961–1965 г. Алтайский край занимал ведущую позицию по производству меда, обеспечивая потребности не только местных жителей, но и иностранных граждан. Например, пчелиный воск экспортировался в ФРГ и Японию²⁷. По результатам 1961 г. самыми производительными стали Сорокинский пищевпрокомбинат вместе с колхозными и совхозными пчеловодами, а также отдельные пасечники сельхозартелей — им. Свердлова Аполлона Михайловича, «Красный партизан» и «Путь победы»²⁸.

Среднегодовое производство выборочных категорий продуктов питания в 1960-е гг. представлены в таблице 1. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод об увеличении объемов производства сельского хозяйства в рассматриваемое десятилетие в среднем на 18,2%. В девятой пятилетке (1971–1975) среднегодовое производство сельхозпродукции увеличилось на 12,4%²⁹.

Таблица 1

Динамика среднегодового производства продуктов животноводства и растениеводства в сельском хозяйстве Алтайского края в 1961–1970-х гг.

Наименование продукта	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	Рост производства (%)
Мясо (тыс. т, в живом весе)	299,2	332,8	11,2
Молоко (тыс. т)	1242,6	1532,1	23,3
Яйца (млн шт.)	544,9	620,2	13,8
Зерновые (тыс. т)	4024,1	5204,7	29,3
Картофель (тыс. т)	1032	1170,1	13,4

Составлено по: Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине XX в.: от освоения целины к Продовольственной программе // История Алтая: в 3 т. Барнаул; Белгород, 2019. Т. 3. С. 197.

Высокую долю питания в личном потреблении подтверждают не только увеличение темпов развития производства, но и сведения о расходах людей, содержащиеся в годовых абсолютных разработочных таблицах группировок статистических наблюдений относительно состава семей и денежных доходов и расходов населения Алтайского края.

В конце 1970-х гг. в регионе расходы на питание 100 семей рабочих промышленности составляли в среднем 137 341,9 руб., в том числе на общественное питание — 27 342,32 руб. (32,3 и 6,4% общего числа расходов)³⁰, а 100 семей сельского населения — соответственно 61 636,99 и 4 140,32 руб. (18,5 и 1,2%)³¹.

Известно, что увеличение в СССР в 1962 г. цен на мясо (на 30%), молоко и молочные продукты (на 25%) привело к понижению покупательной способности населения в целом³².

Каковы же были средние цены на основные продукты в подведомственных Управлению общественного питания организациях Алтайского края? Согласно данным за 1967 и 1971 гг. (см. табл. 2), можно говорить о небольшом увеличении розничных цен на предоставляемые предприятиями общепита продукты (за пять лет — 11,4%). Они стоили не больше, чем в магазинах государственной торговли и на городских рынках. Это подтверждают цифровые данные конъюнктурных обзоров Управления торговли исполкома алтайского краевого Совета депутатов трудящихся³³. Кроме того, цены на хлеб, мясо и колбасные изделия были ниже, чем средние розничные цены по СССР на 35,3; 3 и 0,9% соответственно³⁴.

Таблица 2

Динамика средних розничных цен на стандартные продукты на предприятиях Управления общественного питания

Наименование продуктов питания (кг)	Средняя розничная цена (руб.)		Динамика розничных цен (%)
	1967 г.	1971 г.	
Рыбные полуфабрикаты	1,00	0,98	-2
Чай	7,60	7,72	+1,6
Мороженое	1,49	1,53	+2,7
Сыр	2,20	2,30	+4,5
Хлеб	0,17	0,18	+5,9
Мясо	1,51	1,69	+6,3
Колбасные изделия	2,00	2,20	+10
Мясные полуфабрикаты	1,62	1,98	+22,2
Кондитерские изделия	1,87	2,43	+30
Рыба	0,66	0,88	+33,3

Составлено по: ГА АК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4. Л. 57; Д. 72. Л. 28.

В 1960-х гг. цены на основные продукты питания в магазинах государственной торговли края, как и во всей стране в целом оставались неизменными (например, белый хлеб стоил 16 коп., черный ржаной — 12 коп., обсыпанная сладкой крошкой сдобная булка — 5 коп., сладкий пирог с маком и черемухой — 50 коп., 1 кг фруктовой карамели — 1 руб., конфет «Трюфели» — 7 руб., сосисок — 1 руб. 80 коп.)³⁵. Относительно невысокие цены на продукты питания современные исследователи объясняют распространенным в СССР (в рамках социалистической идеологии) представлением о том, что является товарами первой необходимости (в их числе продукты) и всеми остальными (среди них продукция промышленного производства)³⁶.

В 1970 г. СССР занимал седьмое место (после США, Канады, Франции, Германии, Великобритании и Италии) по потреблению говядины на душу населения, третье (после Великобритании и Франции) — животного масла, второе (после Японии) — рыбы и рыбопродуктов³⁷. В начале 1970-х гг. в суточном рационе жителей Алтайского края возросла доля животной пищи. Еще в 1969 г. продажа молока и молочных продуктов увеличилась на 17%, животного масла — на 27%, натурального сыра — на 51%³⁸.

Согласно данным официальной статистики, содержащихся в балансе денежных доходов и расходов населения Алтайского края, продовольственный товароборот в течение 1971 г. возрос на 6,3%. Рост реализации мяса и птицы составил 16,7%, колбасных изделий — 21,4%, молока и молочных продуктов — 8,8%, кондитерских изделий — 5,1%. Приведенные данные свидетельствуют о количественном улучшении рациона. В то же время происходило сокращение продажи сливочного масла, сыра, мясных консервов, рыбы³⁹.

Рост реализации продуктов животного происхождения требовал развития сельского хозяйства. В 1971–1975 гг. капиталовложения в эту отрасль увеличились в 1,7 раз по сравнению с VIII пятилетним планом⁴⁰.

Основой продовольственного снабжения являлась розничная торговая сеть: магазины, палатки, киоски, ларьки, находившиеся в подчинении городских отделов торговли — «Хлебторга» и «Горплодоовощторга»⁴¹. Магазины располагались в одноэтажных домах, обшитых строганой доской с покрытием темно-зеленой краской. Зачастую за свой внешний вид и присвоенные номера магазины получали простонародные имена: «Зеленый», «Стекляшка», «Седьмой», «Сотый» и т.д. Продуктовый магазин традиционно был разделен на отделы (бакалейных товаров, гастрономия, хлебный, мясной, прием посуды). Помимо «магазинов у дома», относившихся к государственной торговле, приобрести продукты питания было возможно в кооперативном магазине, где отмечались более высокое качество товаров («картофель и морковь продавались ровные, чистые и радующие глаз») и более разнообразный ассортимент продукции («колбас на витрине уже сортов пять, и лежат они свободно»). Кооперативные магазины организовывали на площадях городов овощные базары.

Один из них действовал в сентябре-октябре 1961 г. на вокзальной площади Барнаула, где продавали свежую и квашеную капусту, огурцы (свежие, малосольные и соленые), лук, чеснок, яблоки, виноград, арбузы, дыни, соленые томаты и грибы, картофель, свеклу и другие разнообразные продукты⁴².

В 1960-х гг. замороженное в мисках молоко, отборные овощи, мясные продукты и другую продовольственную продукцию населению предоставляли рынки города — «Колхозный» (ныне «Старый базар»), «Крытый» и «Новый»⁴³.

О бесперебойности торговли молочными и мясными продуктами, хлебобулочными изделиями свидетельствуют данные «Конъюнктурного обзора Алтайского края». В 1967 г. по местным торгам продажа продовольственных товаров в целом увеличилась на 9,3% (в частности хлебобулочные изделия — на 1,5%, растительное масло — на 6,3%, сельдь — на 1,4%, сыр — на 3,3%). Но сократились продажи безалкогольных напитков — на 1,2 млн руб. (45%), крупы — на 155 тыс. руб. (7,6%), сахара — на 533 тыс. руб. (4%), соли — на 34 тыс. руб. (1,4%), варенья, джема, повидла — на 319 тыс. руб. (24%). Имели место перебои в торговле сахаром, кондитерскими и макаронными изделиями, сливочным и растительным маслом, причем перечисленные продукты имелись на складах и базах⁴⁴. В то же время в городских магазинах Новосибирской области наблюдался переизбыток макаронных изделий, гречневой крупы и консервированной кильки в томатном соусе⁴⁵.

Особое место в народнохозяйственном планировании Алтайского края занимала организация продовольственного снабжения сельского населения. На 1 января 1974 г. население региона составляло 2 640, 8 тыс. человек, из них в городах жили 1 336,1 тыс. (50,6%), в селах — 1 304,7 тыс. (49,4%) человек⁴⁶. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. такое соотношение наблюдалось лишь в Грузинской, Азербайджанской и Туркменской ССР. В остальных республиках преобладало городское население, как и в целом по СССР (удельный вес городского населения в общей численности составлял 62%)⁴⁷.

В стране организация продовольственного снабжения населения в сельской местности находилась в тесной связи с потребительской кооперацией, деятельность которой была направлена на увеличение производства продуктов в подсобных хозяйствах. Важным результатом стал рост потребления основных продуктов. Душевое потребление мясных продуктов с 1961 по 1980 гг. возросло в 1,6 раза, молочных — в 1,2; яиц — в 1,9; рыбопродуктов — в 2,3; сахара — в 2 раза; овощей и бахчевых культур — в 1,6 раза при сокращении потребления хлебопродуктов в 1,1, картофеля — в 1,2 раз. Продажа продовольственных товаров увеличилась в 3,4 раза, что свидетельствовало об улучшении качества питания, о росте уровня жизни и покупательной способности населения⁴⁸. За тот же период в США душевое потребление яиц сократилось с 316,4 до 279,7 шт. (в 1,1 раза)⁴⁹.

Увеличению продовольственного потребления способствовала такая отрасль народного хозяйства, как общественное питание (общепит). Посредством его предприятий в СССР осуществлялось 15% общего потребления населением продуктов питания. При этом в государственной торговле доля реализации продуктов в общепите была свыше 17% общего объема реализации, в кооперативной торговле — не более 10%⁵⁰.

На территории Алтайского края общественное питание находилось на втором месте по объему товарооборота после местных торгов (151 320 тыс. руб.)⁵¹. Тогда как, например, в г. Кемерово товарооборот общепита составлял лишь 144 780 тыс. руб., занимая тем самым третье место после государственной торговли и потребкооперации⁵².

Советский общепит состоял из предприятий, различных по своему назначению, типу, профилю работы, контингенту потребителей, формам обслуживания и организации производства, месту нахождения, ассортименту выпускаемой и реализуемой продукции. Населению Алтайского края готовые продукты продавали фабрики-кухни, столовые, домовые кухни, рестораны, вагоны-рестораны, кафе, закусочные (в том числе автоматы) и буфеты. На 1 января 1968 г. в районах г. Барнаула, Бийском, Горно-Алтайском, Новоалтайском и Рубцовском районах края располагалось 899 предприятий общепита на 34 278 посадочных мест. Основную часть составляли столовые (диетические; имеющие диетические отделения; раздаточные) — 48,4% общего числа предприятий (435 точек на 29 349 посадочных мест). В 1960-х гг. столовые имелись в каждой крупной организации — на заводах, в школах и техникумах. Популярными заведениями, особенно среди молодежи, стали кафе «Юность», «Бия», «Лада» и др.⁵³ На втором месте по количеству данных предприятий находились буфеты — 46,6% (132 — на 2 113 посадочных мест и 287 — без таковых). В то же время действовали две фабрики-кухни (в Октябрьском районе Барнаула и Бийске) и только одна «автомат-закусочная» (в Железнодорожном районе Барнаула)⁵⁴. Жители отмечали удобство в использовании последней, когда традиционную раздачу, создававшую очередь, заменил стеклянный витраж с разными категориями блюд на выбор («Бросаешь денежку и никакой очереди!»)⁵⁵.

Помимо постоянных стационарных предприятий в 1971 г. в крае действовали 18 точек весенне-летней сети на 498 посадочных мест⁵⁶. Сеть предприятий общепита развивалась и благодаря предоставлению помещений на первых этажах новых жилых домов⁵⁷. Во второй половине 1960-х гг. в Барнауле открыли 133 таких точек на 7 731 посадочных мест⁵⁸.

Если в 1971 г. на территории СССР находились 245 тыс. предприятий общепита⁵⁹, то в Алтайском крае — 1 379 (45 764 посадочных мест), располагавшихся в Барнауле, Бийске, Рубцовске, Новоалтайске, Горно-Алтайске, Славгороде, а также в ресторанах и кафе Краевой конторы. Так, количество предприятий общепита в целом по краю с 1968 по 1971 г. увеличилось в 1,5 раза, количество посадочных мест — в 1,3 раза, что не уступало средним темпам развития данной сети по стране. Обеспеченность же населения края этими предприятиями превышала общесоюзный показатель — 19 и 11 предприятий на 10 тыс. человек соответственно. На 10 тыс. человек Алтайского края приходилось 577 посадочных мест, что на 8% больше, чем в целом по СССР (536)⁶⁰.

В 1972 г. на предприятиях общепита Алтайского края работали 13 129 человек (3 609 поваров, 422 продавца, 129 директоров столовых, 7 директоров трестов столовых и т.д.)⁶¹. К началу 1980-х гг. к этой сфере обслуживания относились 14 580 работников, что на 11% превышало показатель конца 1960-х гг.⁶² Однако в стране с 1970 по 1980 г. прирост количества таких работников составил 31%⁶³.

Тем не менее при общей положительной динамике развития сети общепита и регулярном выполнении плана розничного товарооборота имелись недостатки в работе по выполнению отдельных плановых заданий. Например, в 1973 г. пятая часть предприятий торговли и общественного питания края не выполнили установленные показатели Госплана⁶⁴. Кроме того, посредством комплекс-

ных проверок регулярно выявлялись нарушения по соблюдению правил торговли. В трестах столовых Барнаула выявили случаи обмана за счет нарушения цен, обмера, обвеса, обсчета, занижения калорийности, использования неисправных весов и т.д.

Например, в январе 1962 г. в чайной № 1 отсутствие блюд объяснялось недостатком продуктов, хотя они имелись на складах, объяснение же было следующим: «Просто работники чайной не хотели утруждать себя лишними хлопотами»⁶⁵. 2 ноября 1965 г. в столовой № 2 (вечерний ресторан) официантка Л.С. Берестнева и буфетчица З.Т. Труфанова обманули посетителя на 43 коп., получив с него за ужин 3 руб. 34 коп. вместо 2 руб. 91 коп. В тот же день в столовой № 26 потребителям отпускали гарнир «Картофельное пюре», не заправленный жиром, а калорийность шницеля оказалась занижена на 79 ккал. 16 ноября 1965 г. в столовой № 17 были проданы с недовесом (от 33 до 80 г) блинчики с творогом, колбаса с гарниром, манная каша. Согласно данным общественных проверок, в отдельных столовых края не уделялось должного внимания качеству пищи, разнообразию блюд и культуре обслуживания⁶⁶.

Основными проблемами продовольственного снабжения в розничной торговой сети оставались формирование ассортимента, недостаточная изученность спроса населения и неравномерное распределение товарных запасов между торговыми точками. Например, в 1964 г. в результате проверок барнаульских магазинов выяснилось, что в семи из них отсутствовала соль, в девяти — сельдь, в тринадцати — масло⁶⁷.

В начале 1968 г. в Горно-Алтайском торговом центре был превышен норматив запасов рыбы, маргариновой продукции, овощных и фруктово-ягодных консервов, крупы, ликероводочных изделий на 117 тыс. руб., а в Новоалтайском — на 54 тыс. руб. занижен⁶⁸.

Кроме того, были нередки случаи низкого качества производимой продукции. Алтайское краевое управление Госинспекции в 1964 г. выявило низкое качество хлебобулочных изделий. Это произошло вследствие грубого нарушения технологического процесса и ухудшения качества муки, а также наличия посторонних предметов в хлебе (гвоздь, кусок железа, галька, болт, мышь, бинтовая повязка, тряпка и др.)⁶⁹.

Имелась некачественная продукция среди кондитерских изделий из-за не соответствующего нормам сырья, упаковки товара в нестандартную тару, недостаточного контроля за качеством готовой продукции⁷⁰. Были отмечены такие дефекты: сахар — увлажненность и загрязненность ворсом от мешков; рыба — белобочка и рвань; плодоовощные консервы — ржавление металлических крышек, бактерии из-за недостаточной стерилизации и нарушения норм хранения⁷¹.

В рассматриваемый период представляется возможным обозначить несколько общих по стране особенностей потребления продовольственных товаров. Помимо очереди развитие получили «черный рынок», деятельность спекулянтов, торговля «из-под прилавка». Другой способ заключался в наличии полезных знакомых либо личной принадлежности к партийной номенклатуре или работникам торговли и общепита, снабжавшихся в приоритетном порядке. Кроме того, на рубеже 1960–1970-х гг. появилась создававшая «дефицит второго

уровня» система продовольственных заказов, когда их поступало меньше числа сотрудников.

Таким образом, несмотря на быстрые темпы развития пищевой промышленности, сельского хозяйства и сложившееся мнение об изобилии Алтайского края, в торговле продовольственными товарами в 1960–1970-х гг. сложилась неоднозначная ситуация. Низкий уровень обеспеченности населения продовольствием сохранялся из-за неудовлетворительного качества готовой продукции, специфики распределения и неспособности существовавшей системы удовлетворить повседневные нужды людей. При официально низких государственных ценах на продукты питания и высоком уровне заработной платы сохранялась проблема доступности продовольствия в количественном и качественном плане. Но наблюдалась тенденция к постепенному росту потребления продуктов питания. Этому способствовали высокие темпы производства продовольствия, надлежащая работа государственных инспекций и общественные проверки, выгодные географические условия и месторасположение аграрно-индустриального региона, разветвленная сеть розничной торговли и общепита. Анализ архивных данных позволил определить, что наблюдался быстрый рост предприятий общепита, соответствующий общесоюзным темпам развития. Однако основное развитие получили предприятия Барнаула, столицы Алтайского края, в то время как остальные его города и села располагали небольшим количеством магазинов, кафе, столовых и буфетов.

Примечания

- ¹ Государственный архив Алтайского края (ГА АК). Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463. Л. 7.
- ² Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 387–420.
- ³ Преображенный Алтай / под ред. А.И. Лизинной, Т.М. Макеева. Барнаул, 1967. С. 66–67.
- ⁴ Григорьян Г.С. Торговля в развитом социалистическом обществе. М., 1977.
- ⁵ Социализм и народное благосостояние / под ред. К.И. Миккульского. М., 1976.
- ⁶ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М., 2002; Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2006.
- ⁷ Уралов В.М. Уровень нашей жизни 1913–1993: аналитический сб. М., 1995. С. 18–20.
- ⁸ USSR: the food supply situation. 1985. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp86t00591r000100140005-4> (дата обращения: 11.05.2019).
- ⁹ Mazat N., Serrano F. An Analysis of Soviet Economic Growth From the 1950's to the Collapse of USSR // Roma Tre University. 2018. № 25. June.
- ¹⁰ Мендкович Н.А. Питание в СССР в «Эпоху застоя» (1960–1980-е гг.) // Актуальная история. URL: http://actualhistory.ru/zastoi_foods (дата обращения: 11.05.2019).
- ¹¹ Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии / под ред. М.А. Клинова. Екатеринбург, 2014.
- ¹² Манько Н. История питания новосибирцев — от ковриги до пармезана // Новосибирские новости. URL: <http://nsknews.info/news/144123> (дата обращения: 12.05.2019); Мартюшов Л.Н. Потребление продуктов питания населением Урала в 1950–1980-е гг. // Четвертые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2003.
- ¹³ См.: Преображенный Алтай.
- ¹⁴ Курсакова Е.Н. Промышленность Алтайского края во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х гг. // История Алтая: в 3 т. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX — начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул; Белгород, 2019. С. 211–248.
- ¹⁵ Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края во второй половине XX в.: от освоения целины к Продовольственной программе // История Алтая. Т. 3. С. 173–210.

- ¹⁶ Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках. Барнаул неформальный. Барнаул, 2013.
- ¹⁷ В нашей приемной // Алтайская правда. 1966. № 4. 6 января. С. 3.
- ¹⁸ ГА АК. Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 321. Л. 1.
- ¹⁹ Преображенный Алтай. С. 66.
- ²⁰ Там же. С. 67.
- ²¹ Там же. С. 68.
- ²² Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках ... С. 174.
- ²³ Там же. С. 177.
- ²⁴ Там же. С. 181–182.
- ²⁵ Там же. С. 180.
- ²⁶ Барнаульское пиво // Алтайская правда. 1966. № 16. 20 января. С. 4.
- ²⁷ Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края ... С. 196.
- ²⁸ Так держать! // Алтайская правда. 1962. № 4. 5 января. С. 4.
- ²⁹ Орлов Д.С. Аграрный сектор Алтайского края ... С. 197.
- ³⁰ ГА АК. Ф. Р-718. Оп. 25. Д. 753. Л. 1.
- ³¹ Там же. Д. 773. Л. 82.
- ³² Уралов В.М. Уровень нашей жизни 1913–1993 ... С. 18–20.
- ³³ ГА АК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 299.
- ³⁴ Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах: справоч. издание. М., 2019. С. 304.
- ³⁵ Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках ... С. 175, 181, 199.
- ³⁶ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация ... С. 39.
- ³⁷ Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах ... С. 312–316.
- ³⁸ Пятилетка. Год четвертый // Алтайская правда. 1970. № 22. 28 января. С. 3.
- ³⁹ ГА АК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 472. Л. 43–44.
- ⁴⁰ Преображенный Алтай. С. 131.
- ⁴¹ ГА АК. Ф. Р-784. Оп. 3. Д. 247. Л. 117–118; Д. 206. Л. 231.
- ⁴² Продуктов можно иметь больше // Алтайская правда. 1962. № 22. 26 января. С. 2.
- ⁴³ Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках ... С. 195–201.
- ⁴⁴ ГА АК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 29–30, 195–196.
- ⁴⁵ Манько Н. История питания новосибирцев ...; URL: <http://nsknews.info/news/144123> (дата обращения: 12.05.2019).
- ⁴⁶ ГА АК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463. Л. 7.
- ⁴⁷ См.: Социальное развитие СССР: 1970–1989 гг.: стат. сб. М., 1990; URL: <http://istmat.info/node/20544> (дата обращения: 13.05.2019).
- ⁴⁸ Социализм и потребительская кооперация в СССР / М.П. Трунов [и др.]. М., 1983. С. 3–7, 96–105.
- ⁴⁹ Таранов П.М. Развитие российского рынка яичных продуктов в условиях членства России в ВТО // Вестник аграрной науки Дона. 2013. № 4(14). С. 93.
- ⁵⁰ Статистика общественного питания / Н.П. Тительбаум, Е.М. Новожилова, Л.М. Макарова, М.Т. Астафьев, А.М. Минделевич. Учеб. пособие для студентов экон. фак. торг. вузов по специальности «Экономика общественного питания». М., 1975. С. 42.
- ⁵¹ ГА АК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 784. Л. 106–108.
- ⁵² Там же. Д. 452. Л. 72.
- ⁵³ Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках ... С. 205–207.
- ⁵⁴ ГА АК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4. Л. 112–113.
- ⁵⁵ Ужакин С.Ф., Ужакин А.С. Город на песках ... С. 207.
- ⁵⁶ ГА АК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 78. Л. 11.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-1037. Оп. 4. Д. 3. Л. 14–15.
- ⁵⁸ Там же. Д. 12. Л. 35.
- ⁵⁹ Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: стат. ежегодник. М., 1973. С. 411.
- ⁶⁰ Торговля СССР: стат. сб. М., 1989. С. 17.
- ⁶¹ ГА АК. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 97. Л. 10.
- ⁶² Там же. Д. 7. Л. 40; Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 150. Л. 52.
- ⁶³ Торговля СССР ... С. 6.
- ⁶⁴ ГА АК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 452. Л. 2, 9, 68–69.
- ⁶⁵ Общественный торговый отдел // Алтайская правда. 1962. № 13. 16 января. С. 2.
- ⁶⁶ ГА АК. Ф. Р-1118. Оп. 4. Д. 11. Л. 7–18.
- ⁶⁷ Там же. Л. 9.
- ⁶⁸ Там же. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 192–196, 288–309.

⁶⁹ Там же. Ф. Р-1118. Оп. 3. Д. 2. Л. 15–26.

⁷⁰ Там же. Л. 39–47.

⁷¹ Там же. Л. 51–52, 75–81.

Библиография

- Mazat N., Serrano F.* An Analysis of Soviet Economic Growth From the 1950's to the Collapse of USSR // Roma Tre University. 2018. № 25. June.
- USSR: the food supply situation. 1985. 27 p. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp86t00591r000100140005-4> (дата обращения: 11.05.2019).
- Барнаулское пиво // Алтайская правда. 1966. № 16. 20 января. С. 4.
- В нашей приемной // Алтайская правда. 1966. № 4. 6 января. С. 3.
- Григорьян Г.С.* Торговля в развитом социалистическом обществе. М.: Экономика, 1977. 174 с.
- История Алтая: в 3-х т. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX — начало XXI века) / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та; Белгород: Константа, 2019. 484 с.
- Калабеков И.Г.* СССР и страны мира в цифрах: справоч. издание. М., 2019. 359 с. URL: <http://su90.ru/> (дата обращения: 11.05.2019).
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М.: Эксмо Алгоритм, 2002. Т. 2. 688 с.
- Курсакова Е.Н.* Промышленность Алтайского края во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х гг. // История Алтая. Т. 3. С. 211–248.
- Манько Н.* История питания новосибирцев — от ковриги до пармезана // Новосибирские новости. URL: <http://nsknews.info/news/144123> (дата обращения: 12.05.2019).
- Мартюшов Л.Н.* Потребление продуктов питания населением Урала в 1950–1980-е гг. // Четвертые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 172–175.
- Мендкович Н.А.* Питание в СССР в «Эпоху застоя» (1960–1980-е гг.) // Актуальная история. URL: http://actualhistory.ru/zastoi_foods (дата обращения: 11.05.2019).
- Общественный торговый отдел // Алтайская правда. 1962. № 13. 16 января. С. 2.
- Орлов Д.С.* Аграрный сектор Алтайского края во второй половине XX в.: от освоения целины к Продовольственной программе // История Алтая. Т. 3. С. 173–210.
- Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг.: стат. ежегодник. М.: Статистика, 1973. 827 с.
- Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1987. 448 с.
- Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: АСТ, Астрель, 2006. 352 с.
- Преображенный Алтай / под ред. А.И. Лизинной, Т.М. Макеева. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1967. 235 с.
- Продуктов можно иметь больше // Алтайская правда. 1962. 26 янв. № 22. С. 2.
- Пятилетка. Год четвертый // Алтайская правда. 1970. № 22. 28 января. С. 3.
- Социализм и народное благосостояние / под ред. К.И. Микульского. М.: Мысль, 1976. 446 с.
- Социализм и потребительская кооперация в СССР / М.П. Трунов, Р.Г. Абдулин, Г.Н. Альтшуль, Н.Ф. Баев и др. М.: Экономика, 1983. 350 с.
- Социальное развитие СССР: 1970–1989 гг.: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1990; URL: <http://istmat.info/node/20544> (дата обращения: 13.05.2019).
- Статистика общественного питания / Н.П. Тительбаум, Е.М. Новожилова, Л.М. Макарова, М.Т. Астафьев, А.М. Минделевич. Учеб. пособие для студентов экон. фак. торг. вузов по специальности «Экономика общественного питания». М.: Статистика, 1975. 222 с.
- Так держать! // Алтайская правда. 1962. № 4. 5 января. С. 4.
- Таранов П.М.* Развитие российского рынка яичных продуктов в условиях членства России в ВТО // Вестник аграрной науки Дона. 2013. № 4(14). С. 92–96.
- Торговля СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1989. 480 с.
- Ужакин С.Ф., Ужакин А.С.* Город на песках. Барнаул неформальный / С.Ф. Ужакин, А.С. Ужакин. Барнаул, 2013. 272 с.
- Уралов В.М.* Уровень нашей жизни 1913–1993: аналитический сб. М.: Профиздат, 1995. 48 с.
- Уровень жизни городского населения РСФСР (1946–1991 гг.) в отечественной историографии / под ред. М.А. Клиновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского экономического ун-та, 2014. 353 с.

Конов А.А.*

Модернизация железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг.

Аннотация. В статье раскрыт процесс коренного технико-экономического обновления железнодорожного транспорта Урала на базе электрификации и введения тепловозной тяги. Электрификация стала решающим направлением модернизации железнодорожного транспорта края в связи с огромным транзитным значением Урала, расположенным на стыке между европейскими и восточными районами СССР. В этом регионе осваивались самые большие в стране объемы грузовых перевозок. На первом этапе были электрифицированы широтные направления, пересекавшие Урал с запада на восток, на втором — началась электрификация меридиональных линий, соединявших Южный Урал с Казахстаном и Северным Уралом. На третьем этапе электрификация была ограничена строительством обходов крупных железнодорожных узлов. Электрификация полностью преобразовала материально-техническую базу железнодорожного транспорта. В путевом хозяйстве были созданы новые конструкции пути с использованием железобетонных шпал и тяжелых рельсов из высокопрочной стали, большое развитие получили механизация труда и сварочные технологии.

Ключевые слова: электрификация, тепловозная тяга, локомотив, вагонное хозяйство, железная дорога, путевое хозяйство, капитальный ремонт пути, рельсы.

В отечественной и зарубежной историографии неоднократно ставился вопрос о возможности модернизации железнодорожного транспорта СССР на базе достижений мирового научно-технического прогресса. Авторами трудов по проблемам модернизации отечественного железнодорожного транспорта являются В.П. Лукьянин и В.В. Фортунатов¹. Первый из них представил модернизацию как общесоюзную программу электрификации железных дорог, имевшую целью повышение эффективности всей транспортной системы страны; при этом главным направлением НТП на этом виде транспорта считал тепловозную тягу². Второй автор описал рассматриваемый процесс как период коренного технического перевооружения всей системы путей сообщения при ведущей роли электрификации³.

В.Д. Кузьмич, В.Н. Тарасова, А.А. Тимошин (авторы фундаментального труда по истории железнодорожного транспорта СССР) охарактеризовали модернизацию как переход от малоэффективной и архаичной паровозной тяги к использованию для ведения поездов более современных и экономичных локомотивов — электровозов и тепловозов.

Обозначив модернизацию термином «коренная реконструкция тяги на железнодорожном транспорте»⁴, историки пришли к неоднозначному выводу: после завершения в 1970-х гг. перехода к электрической и тепловозной тяге железнодорожный транспорт не имел ярко выраженного генерального направления развития⁵.

Вместе с тем в 1980-х гг. были электрифицированы крупнейшие широтные линии: Богданович — Тюмень — Называевская (Вагайский ход) и Москва — Ка-

* Конов Алексей Александрович — кандидат исторических наук, докторант Института истории и археологии Уральского отделения РАН, alek.konov2012@yandex.ru.

заны — Свердловск. Также наметилась тенденция к переводу наиболее грузонапряженных участков с тепловозной на электрическую тягу. Поэтому дальнейшее исследование заявленной темы требует привлечения региональных материалов и новых исторических источников.

Считаю, что модернизация железнодорожного транспорта — это его коренное технико-экономическое обновление на базе электрификации, введения тепловозной тяги и развития сети путей сообщения. Цель статьи — раскрыть основные направления модернизации железнодорожного транспорта на Урале, выявить ее особенности с учетом экономических и природно-климатических условий края.

К февралю 1956 г. объективно сложились предпосылки для обновления железнодорожного транспорта СССР и Урала на базе электрификации и тепловозной тяги. Во-первых, модернизация определялась необходимостью увеличения пропускной и провозной способности железных дорог в связи с быстрым ростом советской экономики, ускоренным возрождением оборонного потенциала Советского Союза и расширением его связей с другими государствами. Урал связывал Кузнецкий бассейн (крупнейшую угольно-металлургическую базу страны) с мировым центром нефтяной и газовой промышленности — Сибирью. Железные дороги Урала обслуживали крупные металлургические комплексы страны в Башкирии, Челябинской и Свердловской областях.

Во-вторых, к середине 1950-х гг. практически полностью оказался исчерпанным технико-экономический потенциал паровозной тяги, не отвечавшей новым требованиям перевозочного процесса. Оснащение железных дорог все более мощными паровозами приводило лишь к разрастанию паровозного хозяйства на дорогах.

В-третьих, начался быстрый рост пригородных перевозок, вызванный развитием промышленности и увеличением населения промышленных районов Среднего и Южного Урала. Пригородное движение в крупных городах и индустриальных центрах становилось таким же необходимым, как и городской транспорт.

С учетом новых требований научно-технической политики советское правительство 3 февраля 1956 г. приняло Генеральный план электрификации железных дорог страны, согласно которому в 1956—1970 гг. было необходимо электрифицировать 40 тыс. км линий, т.е. увеличить протяженность электрифицированных железных дорог в девять раз⁶.

При этом требовалось до перевода железных дорог на электротягу выполнить работы по постановке пути на щебеночное основание, по укладке тяжелых рельсов, удлинению путей на станциях, а также по оборудованию линий автоблокировкой и диспетчерской централизацией. Предстояло обеспечить укладку щебеночного основания на 40 тыс. км электрифицированных линий, оборудовать автоблокировкой линии протяжением 19 тыс. км, установить диспетчерскую централизацию на протяжении 9 тыс. км⁷.

Электрификация, становясь комплексным процессом модернизации транспорта, привела к внедрению в производство машин, механизмов и технологий, которые полностью преобразовали материально-техническую инфраструктуру железнодорожной отрасли.

В 1955–1956 гг. в СССР начались научные исследования в области электрификации железных дорог по системе переменного тока промышленной частоты (27,5 кВ). Переменный ток позволял значительно повысить скорости движения поездов, уменьшить электропотребление, улучшить использование мощностей электровозов и тяговых подстанций. Система переменного тока позволяла ускорить и удешевить электрификацию железных дорог: увеличивалось в два-три раза расстояние между тяговыми подстанциями, вследствие чего уменьшалось количество сооружаемых подстанций; устройство самих подстанций существенно упросталось, поскольку на них не требовалось преобразование рода тока; сокращался расход цветных металлов на тяговую сеть⁸.

С 1958 г. началась электрификация по новой системе тока самых грузонапряженных участков Транссибирской магистрали. В 1966–1970 гг. построили первый участок на линии Урал — Магнитогорск — Тобол — Железнодорожная (348 км) с двумя станциями стыкования переменного и постоянного тока в Каргалах и Магнитогорске⁹.

В электрификации железнодорожного транспорта Урала можно выделить три этапа. На первом (1956–1965) были электрифицированы железнодорожные линии широтного направления большой протяженности: Челябинск — Исиль-Куль, Москва — Свердловск. Темпы электрификации оставались в течение всего периода достаточно высокими в связи с выполнением заданий Генерального плана электрификации. На втором этапе (1966–1980) на электрическую тягу переводили железнодорожные линии меридионального направления, соединявшие Урал с Казахстаном и республиками Средней Азии. Были электрифицированы выходы с Южного Урала на Северный, из Башкирии — в центральные районы страны; темпы электрификации существенно снизились. На третьем этапе (1981–1990) в связи с ростом грузопотоков из восточных районов страны, особенно из Западно-Сибирского нефтегазового района, на электрическую тягу перевели линии, работавшие ранее на тепловозной тяге. Тогда были построены и электрифицированы железнодорожные обходы крупных сортировочных станций и железнодорожных узлов: Свердловск — Сортировочный, Пермь-II, Челябинск.

Всего на Урале за 1956–1991 гг. электрифицировали 5 514 км железнодорожных линий. В основном это были широтные магистрали, соединявшие Урал с Поволжьем, центральными районами страны и Сибирью¹⁰. Удельный вес электрифицированных линий Урала практически в два раза превышал этот показатель по СССР, что служило несомненным подтверждением ключевой роли электрификации в модернизации железных дорог.

Этот вид транспорта стал оснащаться только тепловозами и электровозами, причем все более мощными, с лучшими техническими характеристиками, приспособленными для вождения тяжеловесных составов. В 1960-х гг. на железных дорогах появились электровозы ВЛ22, что позволило поднять грузовые нормы поездов с 1 800 до 2 400 т. Вслед за ними появились ВЛ8 (7 350 л.с.), мотор-вагонные секции, а потом и пассажирские электровозы ЧС2. В 1970-х гг. на Урал поставлялись усовершенствованные восьмиосные двухсекционные электровозы нового поколения: ВЛ10, ВЛ11 и ВЛ80 различных модификаций¹¹. Однако полностью обновить локомотивный парк железных дорог края за счет внедрения новых мощных тепловозов и электровозов не удалось¹².

Основным назначением тепловозной тяги на Урале стала временная замена электрической тяги на тех грузонапряженных линиях, которые планировалось электрифицировать в следующие пятилетия. Из перевозочного процесса тепловозная тяга должна была постепенно вытеснить паровозную, чтобы не сдерживать движение грузовых и пассажирских поездов. Тепловозной тяге нашли широкое применение в маневровой работе сортировочных станций, полностью вытеснив из станционного хозяйства паровозы. В 1970-х гг. обновление тепловозного парка на железных дорогах Урала происходило на основе поэтапного наращивания секционной мощности тепловозов¹³.

Для возможности вождения тяжеловесных поездов к 1967 г. было закончено удлинение станционных путей на главном Сибирском направлении — до Челябинска, Свердловска и Нижнего Тагила. На направлении Москва — Казань — Свердловск одновременно со строительством вторых путей также до 1 050 м удлинялись станционные пути, что позволило поднять весовые нормы грузовых поездов от Кузбасса и Караганды до Урала примерно на 25%. Такие же весовые нормы установили и на направлении Свердловск — Казань — Москва. Началась интенсивная трансформация станционного хозяйства, вводилась автоблокировка, менялись средства связи на станциях и в поездах, стрелочные переводы оснащались электрической централизацией управления¹⁴.

Коренная техническая реконструкция тяги вела к интенсивным модернизационным процессам в вагонном хозяйстве железных дорог Урала. Во второй половине 1950-х гг. шло активное пополнение парка большегрузными четырехосными вагонами; все типы вагонов оснащались автосцепкой и автоматическими тормозами, увеличивалась специализация вагонного парка. Началось широкое внедрение стальных цельнокатаных колес и более прочных тележек с литыми боковинами, допуская движение со скоростями до 120 км/ч¹⁵.

В августе 1956 г. вышло постановление Совета министров СССР «Об оборудовании железнодорожного подвижного состава роликовыми подшипниками». Применение последних снижало сопротивление движению, сокращало расходы топлива на тягу поездов на 11%, уменьшало в 7–10 раз усилия при начале движения поезда; длина безостановочного пробега грузовых поездов возрастала со 120–150 до 500–800 км. Однако оборудование ими грузового парка шло медленно и с большими трудностями. Подшипниковые заводы не имели специализированного оборудования для выпуска цилиндрических роликовых подшипников малых габаритов¹⁶.

Модернизация на базе электрификации привела к коренному техническому перевооружению путевого хозяйства железных дорог Урала. На электрифицированных направлениях и линиях с тепловозной тягой выросли скорости движения поездов, увеличился их вес, повысилась интенсивность движения грузовых и пассажирских поездов. Теперь требовалось: выяснить особенности устройства железнодорожного пути при движении с высокими скоростями с точки зрения безопасности и прочности самого пути; найти более совершенные конструкции железнодорожного пути и рациональные формы сопряжения его прямых участков между собой, удовлетворяющие движению поездов с высокими скоростями; определить мероприятия усиления кривых участков пути¹⁷.

С октября 1956 г. в конструкциях верхнего строения пути советских железных дорог стали применять железобетонные шпалы и сборные, блочные подрельсовые основания. Вводя новые строительные материалы, специалисты рассчитывали на повышение несущей способности конструкции пути, достижение долговечности пути, резкое снижение затрат на его содержание. Железобетонные конструкции повышали плавность и безопасность движения поездов. Однако оснащение путей железобетонными шпалами шло крайне медленно: в 1965 г. протяженность путей на таких шпалах не превышала 3,8% железнодорожной сети СССР¹⁸.

Согласно постановлению Совета министров СССР № 1019 «О мерах по повышению стойкости железнодорожных рельсов» от 24 сентября 1960 г. Всесоюзный научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта совместно с Научно-исследовательским институтом черной металлургии провели комплексные работы по повышению контактной прочности и износостойкости рельсов и улучшению условий их эксплуатации. Были разработаны и внедрены проекты мощных типов рельсов Р50, Р65 и креплений к ним, конструкции стрелочных переводов с пологими крестовинами, с усиленным корневым креплением, с износоустойчивыми сердечниками. В начале 1960-х гг. на железных дорогах Урала шла интенсивная укладка рельсов тяжелого типа Р50, Р65. Рельсы легкого типа Р43, Р33 постепенно изымались из путей. В 1965 г. протяженность железнодорожных путей из тяжелых типов рельсов составила 63% всей сети региона, в 1968 г. — уже 70,8%. По химическому составу и прочностным характеристикам рельсы, выпускавшиеся на Нижнетагильском металлургическом комбинате, не уступали лучшим стандартам США и по прочности значительно превосходили рельсы западноевропейских стран. На этом предприятии были впервые изготовлены рельсы для особо грузонапряженных и высокоскоростных линий весом 65–75 кг на погонный метр из высокоуглеродистой стали. К началу 1970-х гг. на Нижнетагильском металлургическом комбинате построили цех термической обработки рельсов, позволивший повысить долговечность рельсовой стали примерно в полтора раза¹⁹.

Модернизация верхнего строения пути на основе железобетонных конструкций и тяжелых типов рельсов потребовала применения новой техники, механизмов, строительных деталей: путеукладчиков для 25-метровых звеньев, уплотнителей балластного слоя, сварных рельсовых стыков, надежной конструкции противоугонных приспособлений.

Во второй половине 1950-х гг. на железные дороги Урала стала поступать новая путевая ремонтная техника, позволявшая автоматизировать трудоемкие производственные операции и существенно повысить качество ремонтных работ. Появились первые вагоны хоппер-дозаторы, которые позволили механизировать и сделать дозированной выгрузку балласта для ремонта пути. Для очистки щебеночного основания уже применяли высокопроизводительную щебнеочистительную машину инженера Драгавцева. Во второй половине 1960-х гг. были созданы и внедрены высокопроизводительные выправочно-подбивочно-отделочные машины ВПО-3000, применялись тракторные планировщики, электрические, пневматические и гидравлические механизмы. Дистанции пути стали оснащаться грузовыми дрезинами ДГК с краном грузоподъемностью 3,5 т,

авторемонтными машинами, рельсошлифовальными вагонами, переносными высоковольтными трансформаторами, позволяющими использовать линии электропередачи для энергоснабжения путевых механизмов и инструмента. Кроме того, для питания путевых машин использовались мотовозы-электростанции мощностью 200 кВт²⁰.

К 1963 г. на железных дорогах Урала был сформирован и введен комплекс высокопроизводительных машин для всесторонней механизации основных тяжелых и трудоемких работ по ремонту пути. Комплекс состоял из четырех отдельных агрегатов: путеукладчика для разборки старого пути и укладки новых, собранных заранее на специальной базе 25-метровых звеньев; высокопроизводительной машины для очистки в пути загрязненного щебня; балластного хоппер-дозатора для доставки балластных материалов к месту работы и механизированной выгрузки их на путь в строго заданных количествах и габаритах²¹.

Путеукладчик Платова состоял из двух машин: первая производила разборку звеньев старого пути, вторая, двигаясь за первой через 150–200 м, укладывала на укатанный свежий щебеночный слой новые звенья. Их монтировали на звеносборочной базе и специальным погрузочным краном Платова перемещали на укладочный поезд. Этим же краном разгружали на базе старые звенья (для их разборки). В течение шести часов двумя такими путеукладчиками осуществлялась замена путевой решетки на протяжении 2 тыс. м пути. Машины Платова дали возможность применить индустриальный метод работ при реконструкции пути на железных дорогах, переводимых на электрическую и тепловозную тягу. Новые пути стали укладывать собранными на звеносборочных базах блоками²².

Реконструкция верхнего строения пути на электрифицированных линиях потребовала организации массовых работ по подъёмке пути с постановкой его на свежий балластный слой из щебня и асбеста. Если раньше при работах по подъёмке пути требовалось огромное количество рабочих для ручной выгрузки балласта, то теперь все операции необходимо было ускорить за счет механизации. На железные дороги Урала поступили электрические балластировочные машины, производившие перемещение и разравнивание балласта на поднимаемом участке пути. После окончания дозировки балласта машина производила подъёмку и вывеску путевой решетки роликовыми клещами или электромагнитами, захватывая ими головки рельсов обеих нитей. Одновременно с вывеской под шпалы подводился в необходимом количестве балласт, устраняя тяжелый ручной труд рабочих. Дозировка балласта производилась со скоростью 15 км/ч, подъёмка пути — 10 км/ч. В 1960-х гг. балластеры стали оснащать механизмами для вырезки из-под шпал загрязненного балластного слоя и уплотнения балласта под путевой решеткой, а также электроуровнем, с помощью которого автоматически выправляли перекосы пути²³.

Большое развитие при ремонте верхнего строения пути получили сварочные технологии. На железных дорогах Урала были построены новые рельсо-сварочные предприятия и реконструированы действующие. В 1950-х гг. сварку рельсов осуществляли термитным способом. Вначале сваривались стыки железнодорожного пути, уложенного на мостах для уменьшения динамического воздействия на фермы. В 1960-х гг. термитную сварку рельсов стали применять на станционных и главных путях. Она давала достаточно прочный стык,

но осуществлялась медленными темпами и требовала много алюминия. В тот же период на железных дорогах применяли сварку рельсов, укладываемых на станционных путях, электродуговым способом с приваркой к их подошве рельсовой подкладки. В 1970-х гг. наладили серийный выпуск путевых машин для электроконтактной сварки рельсов на станциях и перегонах. Такой способ позволил сваривать короткие рельсы в длинные рельсовые плети (25, 37, 50 м), необходимые для повышения скоростей движения поездов на электрифицированных линиях. В 1950–1960-х гг. Тамбовский завод выпустил мощные рельсосварочные машины РСКМ-320, передвижную рельсосварочную машину для электроконтактной сварки рельсов в пути ПРСМ-1 с комплектом механизмов для обработки рельсовых стыков²⁴.

Механизация ремонта, особенно текущего содержания пути проводилась недостаточными темпами. Новых путевых машин не хватало. Сроки изготовления их опытных образцов на заводах не выдерживались (на создание одного из них уходило от двух до четырех лет). Недостаточно развитой оставалась экспериментальная и производственная база ВНИИЖТ по механизации трудоемких процессов, отсутствовали необходимые условия для эксплуатационных испытаний новых машин на дистанциях пути и в путевых машинных станциях²⁵. Все эти недостатки отражались на уровне механизации ремонта и текущего содержания пути.

Таблица

Механизация работ по ремонту и текущему содержанию пути на железнодорожном транспорте Урала (%)

Вид ремонта	1955 г.	1959 г.	1962 г.	1966 г.	1970 г.	1977 г.
Капитальный ремонт пути	29	46	58,6	70,4	74,4	82,3
Средний ремонт пути	23	34	47,5	58,0	61,3	69,1
Подъемочный ремонт пути	11	21,7	37,5	50,8	53,4	61,2
Текущее содержание пути	5	11,4	20,9	26,4	30	36

Составлено по: Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 гг.: сб. документов. М., 2003. С. 282.

По данным таблицы, самым высоким был уровень механизации на капитальном ремонте пути, т.к. он был связан с реализацией Генерального плана электрификации железных дорог. Капитальная реконструкция пути проводилась на электрифицированных железных дорогах, а также на магистральных направлениях с большой грузонапряженностью. Более низкими темпами развивалась механизация на остальных видах ремонта, особенно на текущем содержании пути. Это было связано, во-первых, с недостатком новой путевой техники, специализированной на стабилизации и выправке верхнего строения пути. Во-вторых, работы такого рода проводились на эксплуатируемых участках железных дорог без перерыва движения поездов и были рассредоточены почти на каждом километре, что затрудняло концентрацию путевой ремонтной

техники на конкретных участках. В-третьих, в условиях высокой интенсивности движения поездов руководство дороги не было заинтересовано в проведении масштабных работ по текущему содержанию пути.

Таким образом, электрификация железнодорожного транспорта привела к созданию механизированных технологий по ремонту и реконструкции путевого хозяйства железных дорог, создала предпосылки для автоматизации практически всех производственных процессов на ремонте и содержании пути. Были вытеснены рабочие профессии тяжелого малоквалифицированного труда: стрелочники, кондукторы, дежурные по переезду, путевые обходчики. Все путевые работы стали выполнять высокими темпами при обеспечении отличного качества и с высокой производительностью труда.

В результате модернизации железнодорожного транспорта на Урале к 1970 г. произошла полная замена паровой тяги электрической и тепловозной; была создана промышленная база по ремонту электровозов и производству специального электротехнического оборудования. Кроме того, удалось решить важнейшие научно-технические вопросы, связанные с широким введением новой прогрессивной системы электрической тяги на переменном токе и с обеспечением эксплуатации электрифицированных линий в суровых климатических условиях при высокой грузонапряженности²⁶.

Однако темпы и объемы электрификации железных дорог СССР, начиная с 1965 г. стали неуклонно снижаться. Возникли проблемы со своевременным обеспечением электроэнергией железных дорог Урала и Сибири; с большим отставанием разрабатывалась проектно-сметная документация для электрификации новых линий; принимавшиеся правительством годовые планы для связанных с электрификацией различных отраслевых ведомств оказывались несогласованными. С 1971 г. темпы электрификации железнодорожной сети СССР не превышали 900–1 000 км в год²⁷.

Руководители Госплана отмечали ежегодный рост сметной стоимости электрификации железнодорожных линий²⁸. Объемы электрификации железнодорожной сети были поставлены Госпланом СССР в прямую зависимость от общих капиталовложений в развитие железнодорожного транспорта, которые постоянно уменьшались. Огромные средства поглощали сверхплановые перевозки, строительство Байкало-Амурской магистрали и новых линий для освоения нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири. Существовала объективная необходимость развития других видов транспорта: воздушного, автомобильного и трубопроводного²⁹.

В 1971–1975 гг. электрификация сместилась с Урала в восточные и южные районы СССР. На электрическую тягу планировали перевести южные, северо-западные, кавказские участки железнодорожной сети, продолжили электрификацию Транссибирской магистрали. Весной 1973 г. на заседании коллегии Министерства путей сообщения было принято решение о расширении полигона электрифицированных железных дорог. Участники заседания признали целесообразным электрифицировать в 1976–1990 гг. не менее 30 тыс. км грузонапряженных железных дорог, в основном, на переменном токе промышленной частоты, в том числе в 1976–1980 гг. — 10 тыс. км железных дорог с использованием новейших достижений науки и техники. Ставилась задача полной заме-

ны электрической тяги постоянного тока на переменный ток промышленной частоты, т.к. постоянный ток начинал сдерживать рост грузопотоков, требовал больших затрат на усиление системы энергоснабжения железных дорог. Важным решением в модернизации железнодорожного транспорта в 1976–1990 гг. стал переход к электрификации железнодорожных линий, работавших на тепловозной тяге³⁰.

Эти решения коллегии Министерства путей сообщения, а также дальнейшее расширение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса ускорили электрификацию крупнейшего транзитного направления от Тюмени до Называевской. В 1977 г. председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин принял решение об увеличении темпов электрификации железнодорожного транспорта в два с половиной раза. На 1981–1985 гг. была запланирована электрификация 8,8 тыс. км железных дорог с ежегодным вводом 1 600 км линий³¹. На электрическую тягу стали переводить наиболее грузонапряженные линии (где в ближайшие годы ожидалось удвоение объема перевозок), а также направления перевозок угольных грузов. Ставилась задача с помощью электрифицированных железных дорог освоить районы Сибири и Дальнего Востока³².

К первой группе железнодорожных направлений можно отнести линии Тюмень — Называевская, Красноуфимск — Юдино — Черусти, Оренбург — Кинель и Кандры — Бугульма — Инза. Эти линии проходили по территории Урала и Западной Сибири и должны были принять на себя грузовые и пассажирские потоки с перегруженных участков Транссибирской магистрали, Пермского и Куйбышевского направлений. Ко второй группе можно отнести углевозные направления Целиноград — Кокчетав — Пески — Утяк и Караганда — Чу, проходившие по территории Южного Урала и Казахстана. Эти линии осуществляли нарастающие перевозки угольных грузов из Экибастузского и Карагандинского угольных бассейнов на Урал и в центральные районы страны. Электрификации подлежали и обходы важнейших узлов на грузонапряженных направлениях³³.

В соответствии с разработанной стратегией проводилась электрификация железнодорожного транспорта Урала и Сибири. В 1980–1985 гг. на Свердловской магистрали электрифицированы 939,6 км линий, в том числе направления Свердловск — Тюмень — Называевская, Кузино — Дружинино, Решеты — Арамилы³⁴. Строительные работы были сосредоточены на электрификации Тюменского направления и железнодорожных обходов Свердловского узла. Руководили всеми работами начальник дороги В.М. Скворцов, главный инженер дороги Н.К. Горностырев, инженеры Иванов, Харламов, В.Д. Кузнецов, А.Л. Кисин, Д.И. Кулагин, Набойченко, Александровский, Михеев, И.М. Гужва, Солдатов, Югрин³⁵.

В 1986–1990 гг. для разгрузки Кропачево-Куйбышевского направления электрифицировали линии Оренбург — Погромное — Пугачевск — Сенная — Саратов — Кочетовка, для разгрузки Пермского направления Свердловской магистрали — Казанский ход (Дружинино — Юдино) с развитием станционного и локомотивного хозяйства. Начались работы по сооружению обходов Курганского и Оренбургского узлов³⁶.

С помощью электрифицированных направлений Свердловская железная дорога в крайне сложных условиях полностью обеспечила транспортное обслуживание трех областей (Свердловской, Пермской, Тюменской) и позволила

решить важнейшую стратегическую задачу Советского государства — ускоренное освоение нефтегазового комплекса на севере Тюменской области. Модернизация железной дороги на базе электрификации привела к комплексному преобразованию всей ее технической и социальной инфраструктуры: интенсивному развитию станционного хозяйства, полной замене устройств связи, сигнализации, централизации и блокировки с вводом электрической централизации на всех станциях. Полностью были преобразованы локомотивная, вагонная и путевая службы. Возникли предприятия нового технологического уровня, с высокой производственной культурой и производительностью труда. Все электрифицированные линии и участки были оборудованы полу- и автоматической блокировкой, широко распространена радиосвязь.

Самые ощутимые результаты в модернизации железнодорожного транспорта Урала были достигнуты в 1956–1960-х гг., когда темпы электрификации были исключительно высокими. Начиная с 1970-х гг. интенсивность модернизационных процессов стала снижаться, пропускная способность дорог и скорости движения поездов — падать. В конце 1980-х гг. незавершенность процесса электрификации железных дорог, недостаток сортировочных станций и разгружающих линий, старение локомотивного парка привели железнодорожный транспорт края к глубокому кризису, его отставанию от индустриального развития страны.

Примечания

- ¹ Лукьянин В.П. Больше века на службе России. Екатеринбург, 1998; Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / под ред. В.В. Фортунатова. М., 2007.
- ² Лукьянин В.П. Больше века на службе России. С. 218–222.
- ³ Люди дела ... С. 156.
- ⁴ История железнодорожного транспорта Советского Союза / сост. В.Д. Кузьмич, В.Н. Тарасова, А.А. Тимошин. Т. 3. 1945–1991 гг. М., 2004. С. 152.
- ⁵ Там же. С. 438.
- ⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 1064. Л. 174–189.
- ⁷ Там же. Л. 177.
- ⁸ История железнодорожного транспорта Советского Союза. С. 172.
- ⁹ Железнодорожный транспорт СССР 1956–1970 гг.: сб. документов. М., 1998. С. 226–227.
- ¹⁰ Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. / сост. Г.М. Афонина. М., 2001. С. 152–217.
- ¹¹ Люди и годы. 120 лет локомотивному хозяйству железной дороги. Екатеринбург, 2000. С. 28.
- ¹² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО). Ф. 4. Оп. 101. Д. 295. Л. 90.
- ¹³ История железнодорожного транспорта Советского Союза. С. 211.
- ¹⁴ Там же. С. 290.
- ¹⁵ История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. / под ред. Е.И. Пивовара. М., 2012. С. 414.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 97. Д. 1108. Л. 22–23.
- ¹⁷ Шахуняц Г.М., Ериков О.П. Развитие науки и техники в области пути // Очерки развития железнодорожной науки и техники. М., 1953. С. 51–67.
- ¹⁸ Железнодорожный транспорт СССР 1956–1970 гг. ... С. 50–51.
- ¹⁹ Там же. С. 208, 432.
- ²⁰ Там же. С. 380.

- ²¹ Там же. С. 227–228.
- ²² *Дурново П.С.* Наша страна — пионер в области механизации и организации путевых работ // Очерки развития железнодорожной науки и техники. С. 81.
- ²³ Там же. С. 80.
- ²⁴ Железнодорожный транспорт СССР 1956–1970 гг. ... С. 357, 382.
- ²⁵ Там же. С. 209, 215.
- ²⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11. 1966–1970. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986. С. 57.
- ²⁷ Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 гг.: сб. документов. М., 2003. С. 17.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 102. Д. 1028. Л. 27–30.
- ²⁹ История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3. С. 356–357.
- ³⁰ Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 г. ... С. 90–91.
- ³¹ Там же. С. 277.
- ³² История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3. С. 528.
- ³³ Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 г. ... С. 315.
- ³⁴ ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 111. Д. 543. Л. 72.
- ³⁵ Сектор архивов управления делами Свердловской железной дороги. Ф. Р-65. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–38.
- ³⁶ Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 г. ... С. 492.

Библиография

- Железнодорожный транспорт СССР 1956–1970 г.: сб. документов. М.: Эгра, 1998. 552 с.
- Железнодорожный транспорт СССР 1971–1991 г.: сб. документов. М.: МПС РФ, 2003. 800 с.
- История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. / под ред. Е.И. Пивовара. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2012. 736 с.
- История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3. 1945–1991 гг. М.: Московский гос. ун-т путей сообщения, 2004. 631 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11. 1966–1970. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1986. 574 с.
- Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 гг. / сост. Г.М. Афонина. М.: МПС РФ, 2001. 232 с.
- Лукьянин В.П.* Больше века на службе России. Екатеринбург: СВ-96, 1998. 350 с.
- Люди дела. Вклад железнодорожников в социально-экономическое развитие России / под ред. В.В. Фортунатова. М.: ГОУ «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2007. 292 с.
- Люди и годы. 120 лет локомотивному хозяйству железной дороги. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 303 с.
- Очерки развития железнодорожной науки и техники. М.: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1953. 323 с.

Соловенко И.С.*

Стратегия развития угольной промышленности России в 1990-е гг.

Аннотация. Анализируется стратегия развития угольной промышленности России в 1990-е гг. Показана роль основных участников процесса реформирования отрасли. Делается вывод о том, что стратегическая цель достигалась тяжело из-за размытости и частой смены направлений развития. Это вызывало крупные социальные потрясения. С 1997 г., в рамках деятельности государственных учреждений «ГУРШ» и «Соцуголь», стали формироваться эффективные теоретическая и методологическая базы, ориентированные на прогнозирование и планирование социально-экономических процессов в угольной отрасли. Скорректированная правительством Е.М. Примакова осенью 1998 г. стратегия развития отрасли, в основе которой было умелое сочетание элементов протекционизма и либерализма, сумела объединить интересы всех участников угольного рынка, в том числе международных финансово-экономических организаций. Начался выход угольной промышленности России из кризисного состояния.

Ключевые слова: Россия, рыночные отношения, угольная промышленность, Президент РФ, правительство, профсоюзы, рабочие, стратегия развития, наука.

Период 1990-х гг. является одним из самых сложных в развитии отечественной угольной промышленности. Трансформационные процессы и общеэкономический спад поставили угольную промышленность в весьма уязвимое положение. На это прямо указывает снижение угледобычи в стране (рис. 1).

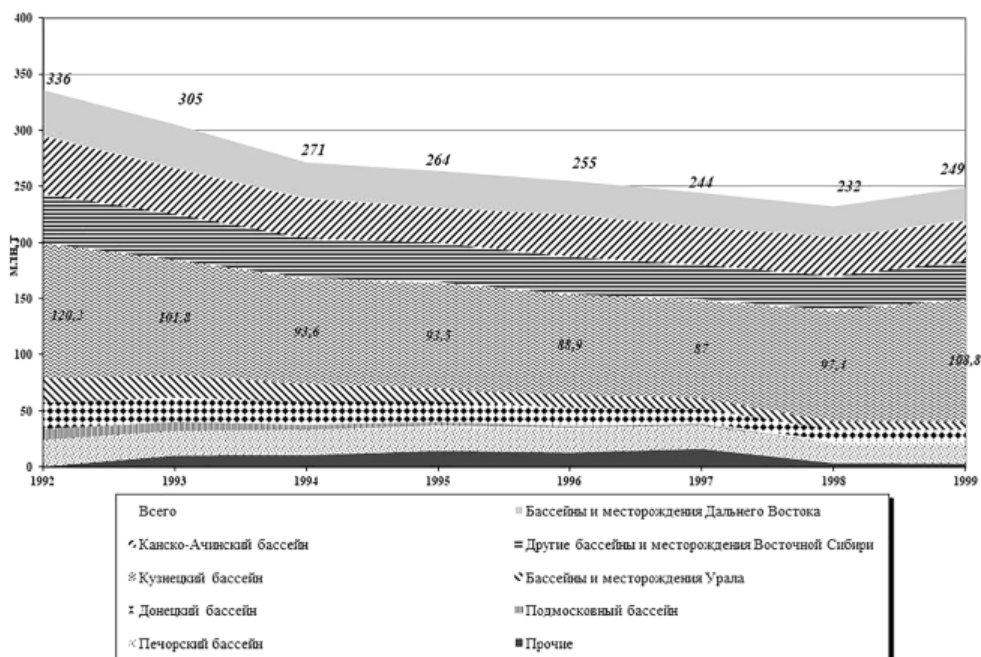
Наиболее трудным временем в течение рассматриваемого периода были первые годы рыночных реформ. В это время падение объемов добычи угля наблюдалось даже на крупнейшей шахте России «Распадской»¹. Возможности быстрого и безболезненного реформирования угольной промышленности оказались ограничены многими политическими, экономическими, психологическими и другими причинами. Это, например, боязнь безработицы со стороны политической элиты страны, повышенная степень изношенности основных фондов (особенно в сравнении с другими отраслями топливно-энергетического комплекса (ТЭК)), высокая степень недоверия рабочих и представителей инженерно-технического персонала по отношению к заявленным преобразованиям и т.д.²

В этих сложных условиях судьба угольной промышленности России во многом зависела от оптимального выбора стратегии ее развития. При этом вполне очевидной была стратегическая цель — это создание конкурентоспособной отрасли как в системе ТЭК России, так и в международном масштабе. По сути, данная цель не отличалась от тех, что присутствовали в экономической политике абсолютного большинства других стран мира. Однако национальная спец-

* Соловенко Игорь Сергеевич — доктор исторических наук, Юргинский технологический институт (филиал) Национального исследовательского Томского политехнического университета, solovenko71@mail.ru. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07350.

Рисунок 1

Добыча угля в Российской Федерации (по бассейнам), 1992–1999 гг.

Составлено по: Текущий архив АО «Росинформуголь».

ифика, а также другие причины и факторы отразились на определении задач (направлений), благодаря которым данную цель планировалось достигнуть.

Четко определиться с направлениями развития угольной промышленности в то время было сложно, т.к. советские планово-организационные учреждения остались в прошлом, а новые госструктуры оказались без рыночного опыта, материально-финансовых средств и полноценной поддержки. В депрессивном состоянии оказалась горная наука. При этом абсолютное большинство предприятий угольной промышленности еще долгое время будет связано с госсобственностью, подчиняясь госкомпаниям «Уголь России» (в дальнейшем — «Росуголь»). Те редкие шахты и разрезы, которые становились частными, также были заинтересованы в определении государством четких контуров своего будущего развития. Вне зависимости от формы собственности все субъекты хозяйственной деятельности нуждались не только в гарантиях поддержки спроса на уголь, но и в создании эффективного механизма реализации произведенной продукции. Особенно важным в условиях внешнеэкономической свободы стал вопрос экспорта угля. Спрос на уголь существенно снизился на внутреннем рынке. Главным потребителем угля были электростанции, а производство электроэнергии снизилось с 1990 по 1997 гг. на 20%. Второй основной потребитель — металлургия — переживала сокращение производства на 40%³ и т.д.

Серьезно пострадали предприятия, ориентированные на добычу коксующихся марок угля. Угледобытчики испытывали серьезный дефицит в экспортноориентированной инфраструктуре. Так, например, у них не было угольного терминала в акватории Балтийского моря, столь необходимого для продажи продукции на европейском рынке⁴.

В начале 1990-х гг. Кремль оказался в замешательстве, в том числе и потому, что ситуацию в угольной промышленности Президент РФ Б.Н. Ельцин отдал на откуп регуляторам рынка. Динамичный спад угледобычи и другие явные признаки начала кризиса в отрасли заставляли руководство страны принимать конкретные меры по стабилизации обстановки. Между тем первоначальными решениями Кремля стали отдельные нормативно-правовые акты (в основном указы президента и постановления правительства России), которые продолжили политику расширения экономической самостоятельности предприятий, но они особо не меняли положения в отрасли.

В этих условиях перед российским правительством встал вопрос структурной перестройки угольной промышленности. К его решению привлекли специалистов Международного банка реконструкции и развития (МБРР), надеясь на финансовую поддержку. Уже в 1992 г. была подготовлена первая версия доклада МБРР по структурной перестройке угольной отрасли России, а в следующем году был подготовлен окончательный совместный доклад МБРР и «Росугля». Правительство РФ вынуждено было согласиться на бюджетозамещающие займы и встать на путь активной реструктуризации угольной отрасли. В соответствии с указанием Минтопэнерго России от 16 июля 1993 г. решение данного вопроса было поручено рабочей группе, в состав которой в основном вошли представители госкомпании «Росуголь», представлявшей государство в акционерных капиталах предприятий отрасли. Одной из главных задач этой госкомпании в соответствии с условиями приватизационного транша МБРР была ускоренная приватизация этих предприятий путем их предпродажной подготовки к продаже госпакетов акций (выделение «здорового ядра», ликвидация убыточных, оптимизация персонала путем передачи непрофильных активов — жилья, объектов соцкультбыта и проч.).

Следующий важный шаг российского правительства в области реформирования угольной промышленности — создание в конце 1993 г. Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МВК). Ее главными задачами стали государственная поддержка развития углепромышленных регионов, своевременное выявление, комплексный анализ и решение их социально-экономических проблем. Базовым принципом деятельности данной организации стал принцип социального партнерства всех участников реформирования отрасли. Назовем лишь некоторые определенные положением о МВК задачи: рассмотрение и принятие решений, определяющих политику и направления реструктуризации угольной промышленности; распределение средств господдержки и контроль за их использованием; принятие решения о ликвидации убыточных угольных организаций и др. Решения МВК были обязательны для всех министерств, ведомств и субъектов РФ.

В условиях формирующейся государственности и экономического хаоса определение стратегии развития базовой отрасли промышленности оказалось

непростой задачей. При ее выработке столкнулись две противоположные позиции госструктур, имевших поддержку российского президента. Первая — либеральная, представленная блоком федеральных министерств, которые отвечали за макроэкономическую политику (например, Министерство экономического развития). Вторая — «консервативная», которую отстаивал такой отраслевой орган управления, как государственная компания «Росуголь». Это противостояние было во многом условным и малозаметным, но оно вполне соответствовало ведомственным интересам и постоянно подогревалось различными лоббирующими группами.

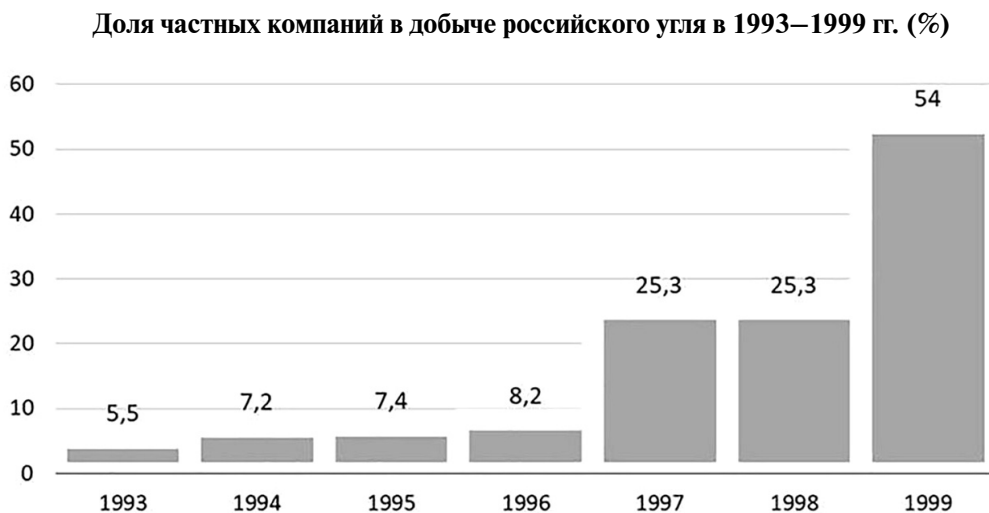
При этом серьезные рычаги воздействия на угольную политику имелись у каждой из вышеуказанных сторон. В начале 1990-х гг. стремление радикальных либеральных реформаторов в короткие сроки преобразовать угольную промышленность в эффективный сектор национальной экономики не было подкреплено возможностями отечественной научной и финансовой базы. Страна не имела опытных ученых-экономистов, владевших рыночными знаниями, тем более в области проведения крупномасштабных реформ. В это время возрастал и дефицит финансовых ресурсов, столь необходимых для любой реформаторской деятельности, тем более в таком огромном секторе народного хозяйства, как угольная промышленность. Не в пользу последней складывались место и роль в топливно-энергетической политике страны, где возрастало влияние нефтяной и газовой промышленности.

Вместе с тем президент Ельцин хорошо знал протестный потенциал работников угольной промышленности и не хотел рисковать экономической и политической стабильностью, которая и так находилась не в лучшем положении. Глава государства был вынужден учитывать аргументы «консерваторов», которые, в свою очередь, выступали против снижения угледобычи, за комфортную для отрасли тарифную политику, стабильные госдотации, глубоко продуманное закрытие нерентабельных и небезопасных предприятий, своевременную и индексированную выплату зарплаты работникам и т.д. Данную позицию продавливали и лидеры Росуглепрофа, ведущего отраслевого профсоюза⁵.

Высокая степень монополизации отрасли при разделении сфер деятельности между различными госучреждениями не позволяла выработать общего подхода к решению шахтерских вопросов. Во многом это обусловило продолжительное сохранение в отрасли низкой доли частных предприятий и компаний (рис. 2), а также рост госдотаций для отрасли (рис. 3).

Формально высокий уровень монополизации отрасли позволял «Росуглю» решать шахтерские вопросы. Однако в сложившейся кризисной экономической и финансовой обстановке ему приходилось быть более «сговорчивым» с федеральными министерствами и ведомствами, благодаря которым шло финансирование не только шахт и разрезов, но и смежных предприятий, инфраструктуры углепромышленных городов и поселков и т.д. Правительство РФ реализовывало топливно-энергетическую политику, которая явно подрывала интересы угольщиков и заставляла их принимать позицию радикальных реформаторов. Вместе с тем до 1994 г. удельный вес госрасходов на угольную промышленность оставался высоким (рис. 3), что показывало явную заинтересованность главного исполнительного органа страны в решении проблем угольщиков. Это созда-

Рисунок 2

Составлено по: Там же.

Рисунок 3

Составлено по: Там же.

вало иллюзию союза шахтеров и власти. И только рост протестного движения рабочих угольной промышленности отчетливо показывал усиление кризиса в важной отрасли народного хозяйства России.

Широкая экономическая свобода не стала панацеей для шахт и разрезов. Тем более рамки отведенной государством свободы были все-таки еще весьма жесткими в силу важной социальной роли, которую играла угольная промышленность на протяжении предыдущих десятилетий. Государство тяготилось бременем шахтерских расходов, и угледобытчики это прекрасно понимали. В данной ситуации актуализировался вопрос перехода шахт и разрезов в частные руки. Перед российским правительством встал вопрос о новых подходах в реализации этого важного направления в угольной политике. Необходимость ускорения приватизации диктовалась важными причинами и факторами: возможность финансовой помощи со стороны международных экономических организаций, рост дефицита госбюджета, монопольное положение «Росугля», привлечение инвестиций, в том числе иностранных и др. Соответственно правительство РФ продолжило денационализацию отрасли, но уже без лишних деклараций, в большей степени ориентируясь на новую цель, — рентабельность.

Данная цель стала приоритетной в ходе реализации реструктуризации угольной промышленности. Достижение высокого уровня рентабельности планировалось осуществить за счет сокращения издержек и интенсификации масштабных структурных преобразований либерального характера. К ним относились, например, приватизация предприятий, создание конкурентной среды в сфере угледобычи, обновление производственных фондов и др. Феномен реструктуризации, в том числе угольной промышленности, был хорошо известен в мире. Это позволяло правительству РФ ориентироваться на положительный опыт других стран, прежде всего Восточной Европы, где трансформационные процессы начались раньше и имели весьма схожий с Россией характер. Исторический опыт подсказывал, что на начальном этапе это был болезненный процесс, но он гарантировал привлечение материальных ресурсов международных финансово-экономических организаций — МВФ, МБРР и др.

МБРР пошел навстречу российскому правительству, но выдвинул ряд непростых требований. Наиболее трудновыполнимыми из них являлись ликвидация нерентабельных предприятий и увольнение почти половины занятых в угольной отрасли (среди них 250 тыс. рабочих). Ослабить негатив социальных последствий процесса реструктуризации мог кредит МБРР, который был обещан в объеме свыше 500 млн долл. США. В связи с безвыходным положением российскому правительству пришлось согласиться на эти условия в 1995 г., но обещанный кредит был получен только в 1996 г.⁶

Процесс перехода на рентабельную работу угледобывающих предприятий стал реализовываться посредством двух базовых документов, утвержденных правительством РФ в середине 1990-х гг. Это «Концепция реструктуризации российской угольной промышленности» (1994) и «Основные направления реструктуризации угольной промышленности России» (1995). Из их содержания следовало, что основными задачами реструктуризации угольной промыш-

ленности являлись не только формирование конкурентоспособных угольных компаний, обеспечивающих свое самофинансирование в длительной перспективе, но и обеспечение социальной защищенности работников отрасли и высвобождаемых трудящихся; последовательное снижение государственной поддержки предприятиям отрасли; социально-экономическое и экологическое оздоровление; обеспечение социальной стабильности в угледобывающих регионах.

Нормативно-правовая база реструктуризации отрасли постоянно дополнялась, в основном за счет разработанных и утвержденных Минтопэнерго РФ, «Росуглем» и МВК документов. Они определяли ключевые направления и особенности реструктуризации угольной промышленности России в зависимости от типов хозяйствующих субъектов, расположения бассейнов, перспективности эксплуатации и др.

Такие документы, как «Основные принципы санации и закрытия неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов угольной промышленности России», «Основные принципы диверсификации производства в угольной промышленности России для трудоустройства работников закрываемых шахт и разрезов» и другие позволяли скорректировать стратегию развития, придать ей дополнительную динамику в той или иной сфере угольной политики. Особенно важными были корректировки по следующим направлениям производственно-экономической и социальной деятельности: модернизация машин и оборудования; оптимизация численности персонала; решение социальных вопросов трудящихся и др.

Важным недостатком реструктуризации угольной промышленности России являлось то, что она слабо опиралась на научную мысль. Игнорирование научного обеспечения производства привело не только к стратегическим промахам в области реформирования угольной промышленности, но и к фундаментальным перекосам в содержании отраслевой экономической науки, подготовке конкурентоспособных инженерных кадров и т.д. Многие проектные организации и научно-исследовательские институты, где опытные сотрудники готовили лучшие проекты строительства и развития угольных предприятий с точными расчетами содержания метана в пластах, согласно требованиям МБРР, были вынуждены переквалифицироваться и превратиться в «ликвидаторов»⁷. Начались безудержное акционирование и последующая продажа акций отраслевых научных учреждений в руки коммерсантов⁸.

В условиях дефицита финансов российскому правительству ничего не оставалось, как продолжить реструктуризацию угольной промышленности в направлении «поддержания перспективных и ликвидации убыточных предприятий и производств»⁹. По вполне обоснованному мнению чиновников из Минэкономразвития России, перспективными являлись предприятия, занимавшиеся открытой угледобычей, т.е. разрезы. Первыми эффективными мерами осуществления реструктуризации стали ликвидация самых убыточных предприятий (табл. 1) и сокращение избыточной рабочей силы (рис. 4).

Таблица 1

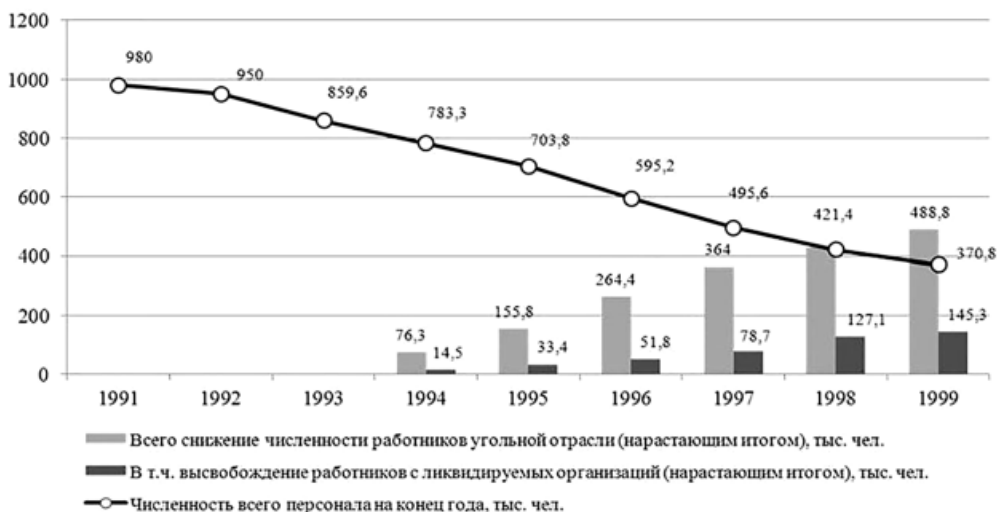
Количество действовавших угледобывающих предприятий в РФ

1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
299, из них: шахт — 234, разре- зов — 65	297, из них: шахт — 232, разре- зов — 65	294, из них: шахт — 229, разре- зов — 65	281, из них: шахт — 214, разре- зов — 67	264, из них: шахт — 196, разре- зов — 68	241, из них: шахт — 174, разре- зов — 67	221, из них: шахт — 124, разре- зов — 97	231, из них: шахт — 119, раз- резов — 112	225, из них: шахт — 106, раз- резов — 119

Составлено по: История угледобычи в России. М., 2003. С. 409.

Рисунок 4

Динамика численности персонала угольной отрасли

Составлено по: Текущий архив АО «Росинформуголь»; Текущий архив ФГБУ «Соцуголь».

Если до 1995 г. отраслевое руководство искусственно поддерживало численность рабочих, увольняя вспомогательный персонал, то в дальнейшем сокращение «излишней рабочей силы» приобрело всеобъемлющий характер (табл. 2).

Таблица 2

Среднегодовая численность рабочих угольной промышленности (тыс. чел.)

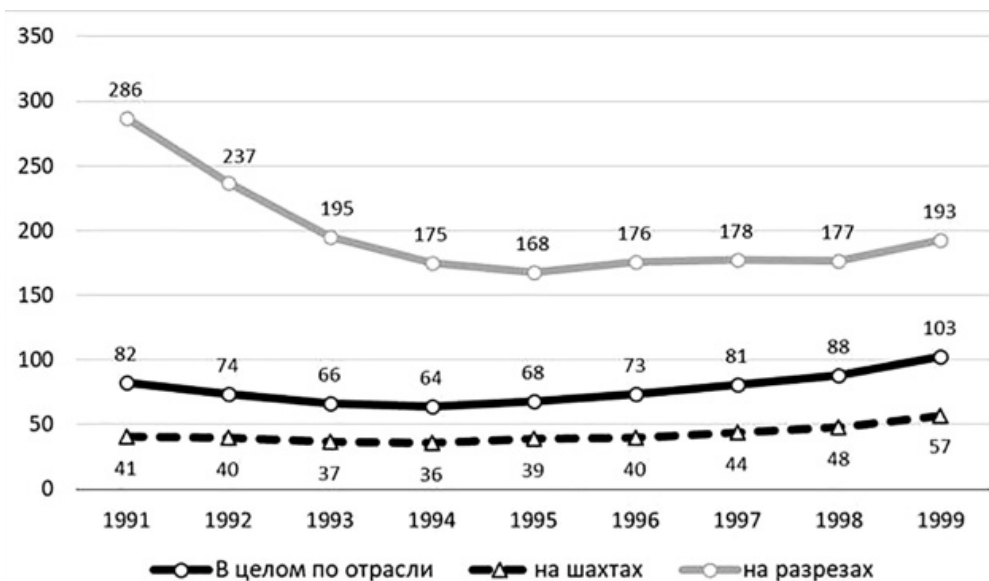
1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
415	448	448	418	380	347	300	256	237

Составлено по: Российский статистический ежегодник. М., 2001. С. 357.

Это действительно способствовало определенному росту производительности труда (рис. 5) и рентабельности производства (табл. 3).

Рисунок 5

Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче угля (т/чел. в месяц)

Составлено по: Текущий архив АО «Росинформуголь».

Таблица 3

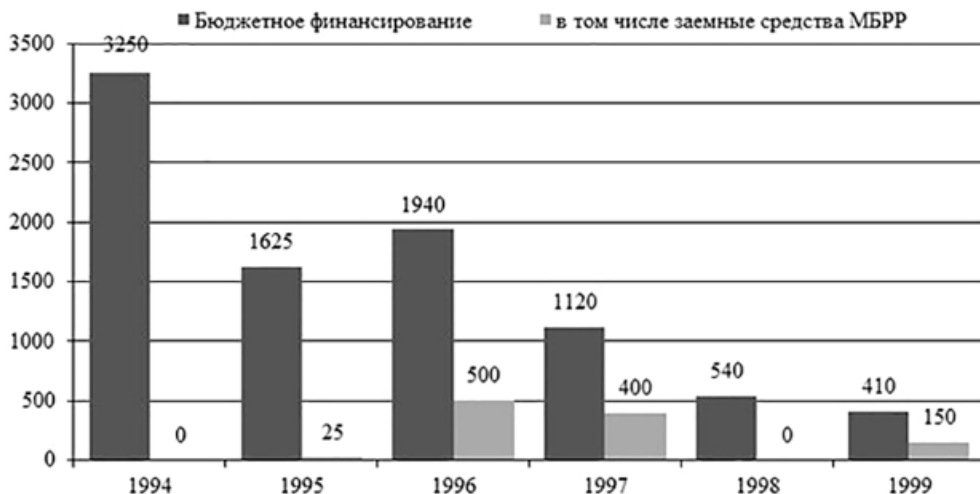
Уровень рентабельности продукции предприятий угольной промышленности (%)

1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
8,0	1,6	2,3	0,4	0,7

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2003. С. 361.

В середине 1990-х гг. сокращение количества предприятий и их кадрового состава реализовывалось в вполне приемлемом формате и умеренными темпами, поэтому не затрагивало интересы большей части работников угледобывающих предприятий. Этому способствовало и выполнение российским правительством взятых на себя обязательств, в том числе перед международными экономическими организациями, что позволило увеличить объемы финансирования угольной промышленности России со стороны МБРР (рис. 6).

Заемные средства МБРР в объемах бюджетного финансирования мероприятий по реструктуризации угольной промышленности России в 1994–1999 гг. (млн долл. США)

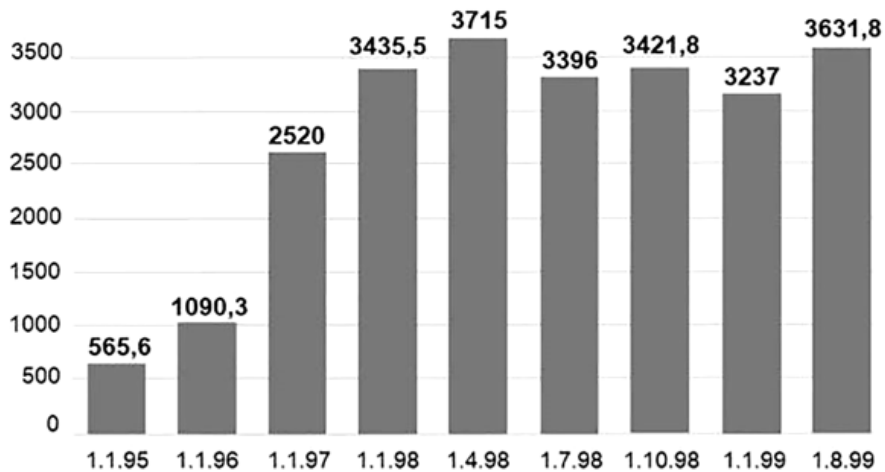
Составлено по: Текущий архив АО «Росинформуголь».

Однако первые положительные признаки оздоровления отрасли оказались заложниками негативной макроэкономической ситуации: отсутствия необходимых рыночных институтов, инфраструктуры и законодательной базы; неэффективной ценовой политики; высоких темпов инфляции; политического и регионального лоббирования и т.д. Поэтому процесс реструктуризации в основном продолжал выражаться в закрытии предприятий и увольнении работников (рис. 4, табл. 2), что не всегда имело научно обоснованный характер. Тем временем финансирование таких структурных преобразований, как, например, обновление основных средств производства, почти отсутствовало.

Процесс ликвидации нерентабельных и небезопасных предприятий часто протекал с явными нарушениями принятых правил и норм. Руководители показывали неумение пользоваться положительными примерами консерваций шахт¹⁰. В результате сильнее всего пострадали работники отрасли. Те, которых уволили, не могли найти достойной работы, а те, кто остались на предприятии, были вынуждены жить на незначительную зарплату, выплаты которой все чаще и чаще задерживали (рис. 7). Несмотря на то, что задолженность возрастала из-за неплатежей потребителей (рис. 8), главную вину за это рабочие угольной промышленности возлагали на правительство и Президента России. В итоге набирало обороты протестное движение, шахтеры все чаще использовали радикальные формы борьбы. Между тем особого социально-экономического эффекта от акций протеста не было, а угледобывающие предприятия испытывали дополнительный удар по хозяйственной деятельности.

Рисунок 7

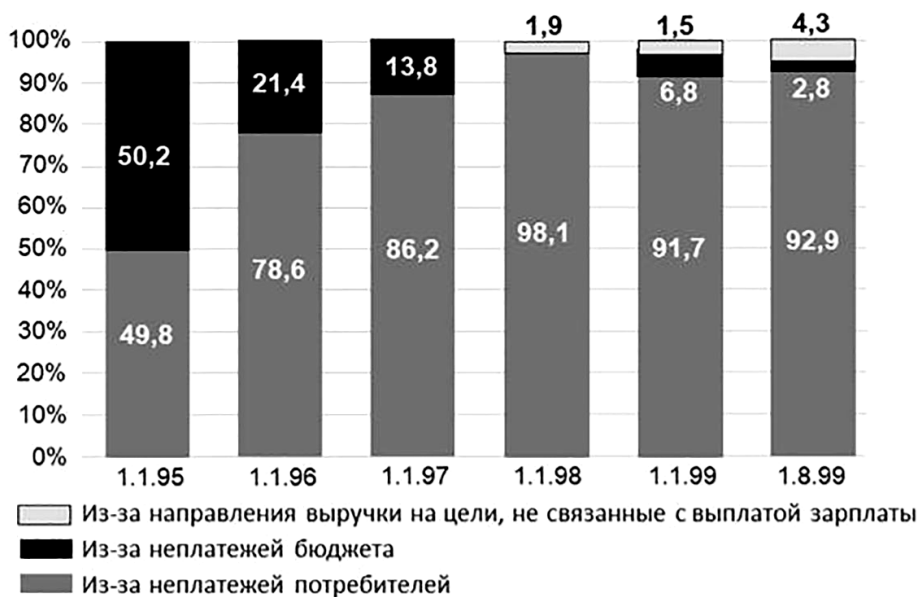
**Динамика задолженности по выплате заработной платы
работникам угольной промышленности (млн руб., в масштабе цен 1998 г.)**

Составлено по: Там же.

Рисунок 8

Структура задолженности по выплате заработной платы (%)

Составлено по: Там же.

Главным результатом стремительной ликвидации нерентабельных и с опасными условиями труда предприятий явилось то, что в течение первого этапа реструктуризации (1994–1997) в стране была остановлена добыча угля на 55 шахтах (табл. 1). Закрытие, а также снижение господдержки шахтам привело к существенному падению угледобычи подземным способом (табл. 4).

Таблица 4

Добыча угля в РФ по способам добычи (млн т)

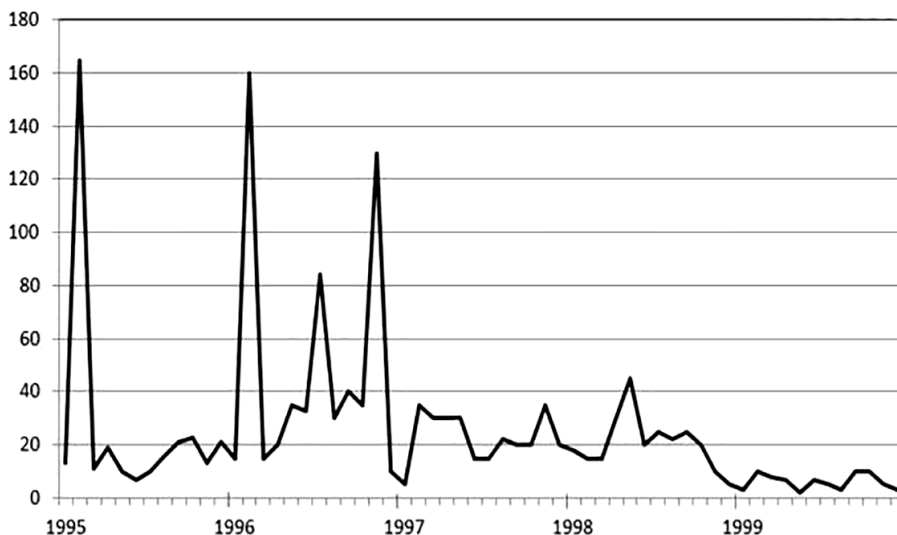
Способы	Годы					
	1990	1995	1996	1997	1998	1999
Подземный	176	111	101	93	82	89
Открытый	219	152	156	152	150	161
Всего	395	263	257	245	232	250

Составлено по: Российский статистический ежегодник. 2003. С. 362.

Такого темпа закрытия шахт мировая история еще не знала. Как никогда остро обнажились вопросы социальной защиты населения углепромышленных городов и поселков. Правительство РФ было вынуждено реагировать на ухудшение социальной стабильности в углепромышленных территориях. Поэтому в 1996 г. был принят федеральный закон «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности». Он гарантировал активное участие государства в решении важнейших вопросов угольщиков, связанных с процессом реструктуризации. Сущностным приоритетом данного закона являлась социальная защита работников отрасли и их семей. Население углепромышленных территорий в очередной раз поверило президенту. Это несколько снизило здесь социально-экономическую и политическую напряженность, в которой тогда так нуждался Ельцин, будучи кандидатом в Президенты РФ. Накануне и во время выборов Президента России заметно снизилось количество забастовок и других акций протеста шахтеров (рис. 9). Несмотря на несколько конъюнктурный характер данного закона и его слабую реализацию (ситуация в социальной сфере углепромышленных территорий только ухудшалась), само его принятие свидетельствовало о некоторых изменениях в приоритетах финансирования процесса реструктуризации.

Ситуация в угольной отрасли несколько стабилизировалась в 1997 г., когда существенно возросло количество приватизированных шахт и разрезов (рис. 2), а самые нерентабельные предприятия были закрыты. Росла производительность труда (рис. 5), к минимуму были сведены долги государства по финансированию отрасли (рис. 8). От приватизации отдельных предприятий главный исполнительный орган страны перешел к прямой конкурсной продаже угольных компаний. Существенно снизилась забастовочная активность шахтеров (рис. 9), что позволило предприятиям снизить экономические потери. Таким

**Динамика забастовок на угледобывающих предприятиях РФ
в 1995–1999 гг. (кол-во случаев)**

Составлено по: Текущий архив АО «Росинформуголь»; *Попов В.Н., А.А. Рожков.* Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М., 1998. С. 31.

образом, повышалась конкурентоспособность шахт и разрезов, в том числе и на международном уровне, а также создавались условия образования финансово-промышленных групп с участием угледобывающих предприятий.

Однако в угольной промышленности набирала обороты такая серьезная проблема, как задолженность по зарплате (рис. 7). Это ставило под угрозу не только социальную стабильность, но и сам процесс реформирования отрасли. Важным шагом в реализации структурных преобразований в угольной отрасли и усилении их социальной направленности стал указ Президента РФ № 1243 от 20 ноября 1997 г. «О совершенствовании управления угольной промышленностью». Теперь функции государственного управления отраслью сконцентрировались в Минтопэнерго России: в Департаменте угольной промышленности и во вновь образованном Департаменте по реструктуризации угольной промышленности. В целях реализации этого указа при министерстве были созданы два государственных учреждения — по вопросам реорганизации и ликвидации нерентабельных шахт и разрезов (ГУ «ГУРШ») и по координации программ местного развития и решению социальных проблем, вызванных реструктуризацией предприятий угольной промышленности (ГУ «Соцуголь»). Ключевым элементом в реализации деятельности данных организаций стала широкая опора на отечественную науку и практику. Серьезная теоретическая и методологическая база, ориентированная на

прогнозирование и планирование социально-экономических процессов, позволила эффективно расходовать средства государственной поддержки и совместно с местными властями оказывать адресную помощь углепромышленным территориям и трудовым коллективам ликвидируемых убыточных организаций.

Заметным результатом изменений в угольной политике в конце 1997 г. стала ликвидация ОАО «Росуголь». На его низкой эффективности регулярно концентрировали внимание специалисты международных экономических организаций. Они считали, что эта организация являлась непрозрачной и порождала коррупцию¹¹. Поэтому объемы очень важной финансовой помощи процессу реструктуризации угольной промышленности России со стороны важнейших международных экономических организаций часто задерживались и были меньше запланированных (рис. 6). Ликвидация «Росугля» позволила сконцентрировать усилия на развитии конкуренции и сформировать условия прозрачной и эффективной проверки механизма распределения финансово-материальных средств, предназначенных для действующих и ликвидируемых угледобывающих предприятий, включая социальную поддержку высвобождаемых работников и членов их семей.

Между тем госкомпания «Росуголь» являлась одним из буферов между шахтерами и российским правительством, т.к. была участником подписания отраслевого тарифного соглашения, а взгляды ее руководства имели протекционистский характер. Ликвидация «Росугля» стала одним из факторов небывалого всплеска протестного движения шахтеров в первой половине 1998 г. потому, что большинство бастовавших предприятий имели отношение к госсобственности и в условиях дифференциации полномочий по угольной отрасли в разных органах управления переговорный процесс потерял конкретного адресата. Всероссийские «рельсовые войны» шахтеров в мае того года поддержали многие жители углепромышленных территорий. Со стороны правительства в переговорах участвовали наспех созданные комиссии, состоявшие из представителей различных органов власти и управления. Результатом их популистского поведения явились новые «рельсовые войны», охватившие ведущий угольный бассейн в июле 1998 г.

Мощные акции протеста заставили российское правительство нарушить планы финансирования реструктуризации угольной промышленности, в том числе и перед международными экономическими организациями. Часть средств, предназначенных для качественного повышения производственно-экономических показателей, пошла на ликвидацию задолженности по зарплате шахтерам. Следствием чего стал отказ МБРР от финансирования отрасли (рис. 6). Весной—летом 1998 г., кроме требования отставки президента Ельцина, в шахтерской среде весьма популярным стал лозунг национализации угольной промышленности. Он не соответствовал концепции реструктуризации, но заставлял правительство реагировать на него, в том числе посредством замораживания темпов приватизации угледобывающих предприятий. В итоге реформирование угольной промышленности еще более затягивалось, а «залповое» решение зарплатного вопроса горняков имело краткосрочный характер.

Шахты и разрезы нуждались в системной работе по выходу из кризиса, который еще более усугубился из-за правительственной чехарды весны—лета 1998 г., крупномасштабных и радикальных акций протеста шахтеров, а также финансового дефолта, разразившегося в том году. В этой трудной обстановке президент Ельцин

пошел на политические уступки оппозиции, сформировав в августе «розовое» правительство Е.М. Примакова. Уже осенью 1998 г. оно скорректировало стратегию развития российской угольной промышленности, которая реализовывалась в двух весьма противоречивых направлениях. Первое — это повышение государственного регулирования в сфере угольной промышленности. Второе — это дальнейшая либерализация угольной политики. Несмотря на определенную противоречивость этих направлений, в действительности они реализовывались вполне органично и гармонично. Не вызывает сомнения тот факт, что экономический курс Примакова имел весьма жесткий монетаристский характер за все время рыночных реформ. Государство стало сильнее воздействовать на угольный рынок, сохраняя при этом приверженность курсу на реструктуризацию шахтерской отрасли. К тому же данное воздействие имело глубоко продуманный характер, не нарушало основ рыночного механизма, а по мере решения социальных проблем трудящихся и увеличения добычи угля участие государства в данной сфере уменьшалось.

В сущности, первое направление свидетельствует о конце периода «дикого капитализма» в сфере угольной промышленности России. Основными задачами государственного вмешательства стали: организация справедливой конкуренции между субъектами хозяйственной деятельности; формирование регулируемого рынка купли-продажи угля; содействие смежным отраслям промышленности; политика протекционизма на внутреннем и внешних рынках и др.¹²

Благодаря данным мерам правительство стало лучше контролировать обстановку на отечественном топливном рынке, а также эффективнее реализовывать интересы всех участников добычи, продажи и потребления угля. Государство упрочивало контроль над стратегически значимыми компаниями и предприятиями, которые выделялись сравнительной рентабельностью.

Главный исполнительный орган страны осознал связь кризиса угольной отрасли и социально-экономических проблем шахтерских городов и поселков с ограниченным участием в хозяйственной деятельности региональных и местных органов власти. Правительство Примакова быстро приняло ряд весьма важных постановлений, которые позволили региональным чиновникам контролировать денежные средства шахт и разрезов, а также соблюдать права трудящихся. Губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев оценил это как первую реальную победу на пути к возрождению угольной отрасли страны¹³.

Несмотря на сложную ситуацию, правительство Примакова сумело придать положительную динамику росту конкурентоспособности отечественных угледобывающих предприятий на международном рынке. Данный позитив стал возможен благодаря, во-первых, укреплению роли и места российских компаний на внутреннем рынке, что автоматически повысило их производственно-экономические показатели и содействовало росту конкурентоспособности; во-вторых, увеличить прибыль экспортно-ориентированных предприятий и компаний позволило устранение «валютного коридора» после дефолта в августе 1998 г. Это помогло повысить экспорт российского каменного угля с 24 млн т в 1998 г. до 27,8 млн т в следующем — 1999 г.¹⁴

Одним из ключевых направлений в стратегии развития угольной промышленности России на рубеже 1998–1999 гг. стала государственная поддержка смежных отраслей. На всех уровнях власти создавались условия организации

и функционирования крупных частных компаний и предприятий, которые соединяли тесно взаимосвязанные отрасли, — угольную, химическую, металлургическую, машиностроительную и др. Эта политика содействовала усилению конкурентоспособности угольщиков, диверсификации региональных экономик, организации новых рабочих мест, увеличению налогооблагаемой базы, созданию новой продукции, инвестиционной привлекательности и др.

Вторым направлением стратегии развития угольной промышленности были интенсификация либеральных реформ, ликвидация каких-либо искусственных преград на их пути. Результатами данного направления явились динамичная приватизация предприятий, корректировка законодательной базы, стимулирование повышения эффективности производства, создание финансово-промышленных групп и др. Приоритетное внимание отводилось политике приватизации угольных компаний, которая к тому времени показала себя как оптимальный способ перехода на уровень рентабельной работы. В 1999 г. количество частных предприятий в угольной отрасли по сравнению с 1998 г. увеличилось более чем в два раза (рис. 2). Это позволило усилить конкуренцию, повысить объемы инвестиций (в том числе иностранных), уменьшить издержки добычи угля, упрочить межотраслевые связи и т.д.

Таким образом, российское правительство успешно освобождало госбюджет от финансовой нагрузки, создавало эффективного собственника и снимало с себя ответственность за результаты производственно-экономической деятельности. В 1999 г. приватизированные шахты и разрезы показывали лучшую динамику развития, в сравнении с государственными. Частные предприятия отличались ростом всех технико-экономических показателей, что подчеркивало верность избранного пути. С этого года возобновилось финансирование отрасли со стороны МБРР (рис. 6).

Положительные результаты развития угольной промышленности способствовали тому, что с 1999 г. объемы господдержки ориентировались на приоритетные цели реструктуризации, а также социальную защиту высвобождаемых в ходе реструктуризации работников¹⁵. Несмотря на значительное сокращение количества предприятий в отрасли, с 1999 г. обозначился поступательный рост угледобычи в стране. Менялись в лучшую сторону технико-экономические показатели, сглаживались социальные проблемы рабочих. Однако только в конце рассматриваемого периода начался выход угольной промышленности России из кризиса. Многие острые проблемы Президенту и правительству РФ пришлось решать в течение следующего десятилетия.

Итак, трудности, связанные с рентабельностью как стратегической цели развития российской угольной промышленности в 1990-х гг., возникли из-за размытости и частой смены ее задач (направлений). Это вызывало крупные социальные потрясения. С 1997 г. в рамках деятельности государственных учреждений «ГУРШ» и «Соцуголь» стали формироваться эффективные теоретическая и методологическая базы, ориентированные на прогнозирование и планирование социально-экономических процессов в угольной отрасли. Скорректированная правительством Примакова осенью 1998 г. стратегия развития отрасли, в основе которой было умелое сочетание элементов протекционизма и либерализма, сумела объединить интересы всех участников угольного рынка, в том числе и международных финансово-экономических организаций. Начался выход угольной промышленности России из кризисного состояния.

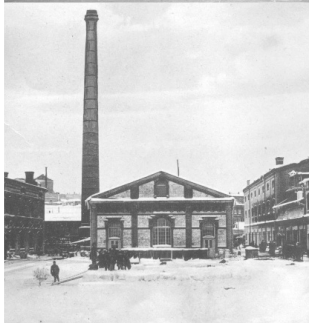
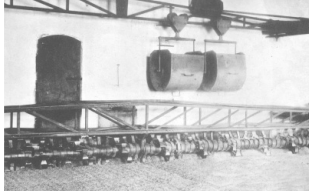
Примечания

- ¹ Архивный отдел администрации г. Междуреченска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5672. Л. 9.
- ³ *Pleines H.* Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien // Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie. Köln, 1999; Berichte / BIOst 19–1999. URL: <http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/4404> (дата обращения: 14.04.2016).
- ⁴ День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004. С. 72.
- ⁵ *Катальников В.Д., Кобяков А.А.* Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты. М., 2004. С. 156.
- ⁶ *Harte S., Grävingsholt J., Pleiners, H., Schröder H-H.* Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen. Bremen, 2003. S. 213.
- ⁷ На рельсы вышли не напрасно. URL: <http://delkuz.ru/content/view/6842/> (дата обращения: 15.01.2011).
- ⁸ *Грицко Г.И., Кочетков В.Н., Лазаренко С.Н.* Угольная промышленность: состояние и перспективы развития // Уголь. 1999. № 4. С. 24.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1578. Л. 68.
- ¹⁰ *Бизюков П.* Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.
- ¹¹ *Кожуховский И.С.* Реструктуризация угольной промышленности России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 134.
- ¹² ГА РФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
- ¹³ *Тулеев А.* Преодоление. Кемерово, 2009. С. 354.
- ¹⁴ Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780g.htm (дата обращения: 15.04.2016).
- ¹⁵ *Щадов В.М.* Рост рентабельности угольного производства // Уголь. 2005. № 8. С. 5.

Библиография

- Harte S., Grävingsholt J., Pleiners, H., Schröder H-H.* Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen. Bremen, 2003. 383 s.
- Pleines H.* Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien // Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie. Köln, 1999; Berichte / BIOst 19–1999. URL: <http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/4404> (дата обращения: 14.04.2016).
- Бизюков П.* Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.
- Грицко Г.И., Кочетков В.Н., Лазаренко С.Н.* Угольная промышленность: состояние и перспективы развития // Уголь. 1999. № 4. С. 21–24.
- День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина [и др.]. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. 132 с.
- История угледобычи в России / В.Д. Грунь, В.Е. Зайденварг, В.Г. Килимник [и др.] / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М.: ПИК ВИНТИ, 2003. 479 с.
- Катальников В.Д., Кобяков А.А.* Уголь и шахтеры в Государстве Российском. Экономический и социально-исторический аспекты. М.: СПЦ «Сувениры. ру», 2004. 392 с.
- Кожуховский И.С.* Реструктуризация угольной промышленности России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 198 с.
- Попов В.Н., А.А. Рожков.* Социальные проблемы в угледобывающих регионах при структурной перестройке угольной промышленности России. М.: б.и., 1998. 256 с.
- Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России); [редкол.: В.Л. Соколин — пред. и др.]. Офиц. изд. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2001. 679 с.
- Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России); [Редкол.: В.Л. Соколин — пред. и др.]. Офиц. изд. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2003. 705 с.
- Тулеев А.Г.* Преодоление. 3-е изд., перераб. и доп. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. 583 с.
- Щадов В.М.* Рост рентабельности угольного производства // Уголь. 2005. № 8. С. 4–7.

Аграрная история

Сухова О.А.*

Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.

Аннотация. Автор анализирует проблемы изучения хозяйства и социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.

В ходе исследования сделан вывод о том, что реализация мобилизационной модели проекта социальной инженерии, обладающего внутренней логикой и единством элементов как системы связей социально-политического взаимодействия, четко фиксируется в выше-названных хронологических рамках. Цель этого проекта (помимо централизации управления и оптимизации производства сельскохозяйственной продукции) состояла в формировании социальной основы индустриального общества, выработке соответствующей психологической оснастки, ориентаций и установок сознания крестьянства. Однако оно, адаптируясь к происходившим изменениям, меняло содержание предписанного порядка действий, используя инструментарий мобилизационной экономики в своих интересах.

Ключевые слова: советская деревня, мобилизационная экономика, хозяйство и практики социального взаимодействия.

Неоднозначность и многомерность дефиниции «мобилизационная экономика», введенной в научный оборот в начале 1990-х гг. для определения стратегии странового развития¹ и распространившегося впоследствии в системе массовых коммуникаций в качестве единицы культурной информации, задает необходимость беспристрастного и объективного анализа как системы представлений, характеризующих существо проблемы, так и методологии и методики ее изучения. Интерес к теме в научной среде усиливается по мере возрастания угроз национальной безопасности в системе международных отношений и кризисных явлений в российской экономике. Так, дважды — в 2009 и 2012 гг. — в Челябинском государственном университете прошла Всероссийская научная конференция на тему: «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века». Подобная проблематика находит поддержку у российских научных фондов².

Вместе с тем на сегодняшний момент сложно констатировать хотя бы наличие общего понимания проблемы мобилизационной экономики в российской истории: не решен вопрос о ее периодизации, не определены предметное поле научного анализа, условия функционирования подобных практик, не выявлены предпосылки и причины актуализации мобилизационных стратегий. Так, «уникальный опыт формирования и использования мобилизационной экономики» В.В. Седов относит только к 1931–1989 гг., А.С. Сенявский же отмечает значимость внеэко-

* Сухова Ольга Александровна — доктор исторических наук, историко-филологический факультет Пензенского государственного университета, savtemp@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125\18) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.».

номических приоритетов в хозяйственном развитии России на протяжении всей ее истории³. Неопределенность существует и в отношении понятийного аппарата. Сомнению подвергается синонимичность определений «мобилизационная экономика» и «модель мобилизационного развития»⁴, а ключевой характеристикой мобилизационной экономики называется регулярное использование чрезвычайных мер, нарушающих существующие нормы и правила⁵ и т.д.

Очевидной представляется необходимость сопряжения данной категории с модернизационной макротеорией (теорией модернизации). Спровоцированная некогда крушением колониальных империй и поиском альтернатив коммунистической ориентации парадигма, объясняющая закономерности перехода от традиционного к индустриальному обществу (обществу модерна), к настоящему времени значительно эволюционировала, что повысило ее эвристическую ценность. Прежде всего речь идет о следующих изменениях: признание вариативности национальных моделей модернизации, зависимости эффективности модернистских программ от гармонии политических, экономических и социокультурных ценностей; отказ от идеи существования «центра modernity»; реабилитация значения традиционных институтов, способных стать факторами социальных изменений; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации; отказ от ее трактовки как единого процесса системной трансформации; осознание некорректности интерпретации модернизации при акценте на ее циклическую, волнообразную природу; признание ее обусловленности внутренними и внешними ограничителями, в роли которых могут выступить социальные представления, ментальность и т.д.⁶

В этом контексте системным признаком выбора мобилизационной стратегии социального развития (на очередной волне модернизационных усилий) будут выступать степень этатизации общественных отношений и использование принудительного труда. Уникальность имперского цивилизационного проекта в российской истории задавала определенный антураж, позволявший весьма эффективно использовать внеэкономические (в том числе и ментальные) методы стимулирования странового развития. Отличия советской модели здесь будут минимальными: например, доминирование на всем протяжении ее истории внеэкономических приоритетов⁷.

Мобилизационная модель экономики, окончательно утвердившаяся в качестве основного курса социально-экономической политики Советского государства к концу 1920-х гг., официально позиционировалась в качестве единственного и исключительного средства для противодействия угрозе государственной безопасности со стороны «враждебного» окружения. И хотя в общем перечне факторов возрождения традиционной стратегии особое положение занимает опыт чрезвычайного управления времен Гражданской войны, нельзя не учитывать исторической преемственности советской и имперской эпох, сохранение геополитических, геоэкономических и социокультурных констант цивилизационного развития. Неслучайно некоторые исследователи относят возникновение мобилизационных стратегий в системе государственного управления к эпохе Нового времени, что объясняется формированием абсолютизма и появлением регулярных армий⁸. Специфику реактуализации соответствующих социально-политических связей в советскую эпоху, конечно, трудно объяснить исключительно проявлением имперских амбиций И.В. Сталина. Однако факт обращения к истори-

ческому опыту оптимизации ресурсов в целях решения военно-стратегических задач несомненен. Подобный контекст позволяет представить 1930-е — начало 1950-х гг. в качестве целостного этапа реализации масштабнейшего социального проекта, ориентированного на формирование системы национальной безопасности традиционными средствами. Попутным и естественным результатом утверждения системы производственных отношений мобилизационной экономики и методов принуждения выступало формирование «депо» соответствовавших социальных реакций, обеспечивавших адаптацию и включавших как различные формы сопротивления, так и механизмы поддержки инноваций.

Основным объектом избранной стратегии выступало крестьянство, по-прежнему составлявшее большинство населения СССР. Степень этатизации советского сельского хозяйства, вмешательства государства в сферу производства и распределения произведенного продукта беспрецедентна. Под видом инновационной стратегии большевики задействовали кооперативную модель организации хозяйственных практик, ориентированную на достижение кумулятивного эффекта посредством обобществления средств производства. Однако переход на инновационные рельсы развития в советском варианте модернизации обеспечивался усилением административного диктата и, как это ни парадоксально, уничтожением носителей необходимых ценностных установок. Колхозы стали суровой «школой коммунизма». Демонстрация технических и социальных преимуществ индустриализации сельского хозяйства и утверждение нового формата связей социального взаимодействия (в большевистской риторике — политико-массовая работа среди крестьянства) играли в ней лишь вспомогательную роль. Главным средством интенсификации производства служил принудительный труд, одноканальный вариант плановой экономики, когда государственные потребности в продукции сельскохозяйственного производства обеспечивались подавлением сопротивления под видом борьбы с антисоветскими проявлениями, а также политикой раскулачивания, широким применением насилия.

Непосредственным результатом подобного социального проекта стал голод 1932–1933 гг., пожалуй, самый массовый в истории страны. Крах политики экономического абсурда привел к созданию более сбалансированной модели, сохранявшей гарантии витальности крестьянского хозяйства в форме приусадебного участка и, по сути, вводившей временное прямое управление аграрным сектором экономики.

В 1933–1934 гг. чрезвычайные полномочия получили политотделы МТС (были сформированы из кадрового корпуса ОГПУ)⁹. Показательно, что их вновь задействовали во время Великой Отечественной войны (в частности с ноября 1941 г. по май 1943 г.) в целях укрепления трудовой дисциплины, порядка и обеспечения выполнения планов сельскохозяйственного производства¹⁰.

Формальными же основаниями для ликвидации данных политотделов стали «дублирование функционала директоров МТС, а также неудовлетворительное состояние политической работы среди колхозников и рабочих совхозов»¹¹.

Повторное обращение к практикам кризисного управления служит весомым аргументом в пользу сохранения единства и преемственности принципов и инструментария мобилизационной экономики на протяжении всего периода 1930–1950-х гг.

Кроме того, использование чрезвычайных мер указывает на ее специфическую характеристику — обусловленность кризисным состоянием общества, следовательно, и ограниченность пределов эффективности по времени, а также степени интенсивности экстремальных управленческих практик.

Критерием эффективности мобилизационной стратегии в колхозной деревне с момента утверждения «Примерного устава сельскохозяйственной артели» (17 февраля 1935 г.) и единой мерой учета труда колхозников и распределения доходов стал трудодень. Подготовка к отражению внешней агрессии вызвала к жизни необходимость интенсификации производства сельскохозяйственной продукции, что в заданной системе координат обернулось ужесточением административного давления на крестьянство. С подачи майского (1939 г.) Пленума ЦК ВКП(б) было введено требование выполнения обязательного минимума трудодней. В условиях резкого сокращения объемов производства сельскохозяйственной продукции на начальном этапе войны минимум был существенно увеличен (постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г.). Для большинства регионов страны увеличение составило 50% (с 80 до 120 трудодней). Впервые был установлен минимум трудодней для подростков — членов семей колхозников в возрасте 12–16 лет (не менее 50 трудодней в году)¹². Невыполнение минимума влекло за собой наказание в виде исправительно-трудовых работ или исключение из сельхозартели.

Мера принуждения к труду под страхом наказания, основанная на административной и уголовной ответственности в реальной действительности была малоэффективна, т.к. исключение из артели государством не приветствовалось. Самой суровой мерой наказания могло послужить изъятие приусадебного участка, однако выделялся он на двор, а не на конкретного члена артели. В итоге обоснованием данной меры принуждения стало лишь получение гарантированного минимума сельскохозяйственной продукции, но никак не укрепление трудовой дисциплины или рост объемов производства. Так, в 1939 г. в целом по СССР 15,8% всех взрослых трудоспособных колхозников не выработали обязательного минимума (8,4% мужчин и 22,2% женщин). В 1940 г. показатель снизился до 11,5%. Однако в годы войны в условиях резкого сокращения трудовых ресурсов советской деревни произошло постепенное увеличение числа колхозников, не выработавших установленного минимума (до 16,2% — в 1944 г., 15,4% — в 1945 г.)¹³.

По тыловым регионам страны показатель составил в среднем 12% (максимальное значение показателя — в Пензенской области и Мордовской АССР: соответственно 32,5 и 30,3% в 1945 г.). В годы войны фиксируется незначительное снижение числа женщин, не выполнивших минимума, но это объясняется, скорее, ростом производственной активности представительниц слабого пола, заменивших ушедших на фронт мужчин.

Неуклонно увеличивалась среднегодовая выработка населения в тыловых регионах: 1940 г. — 250 трудодней, 1945 г. — 267, причем трудовое участие женщин возросло с 193 до 245 соответственно¹⁴. За годы войны произошло снижение доли колхозников, исключенных из колхоза и потерявших право пользования приусадебными участками: 8,5% — в 1939 г., 2,4% — в 1945 г.

Положение советской деревни в целом было близким к катастрофическому: численность трудоспособных колхозников на 1 января 1946 г. сократилась до 67,5% от уровня 1940 г., посевная площадь в 1946 г. составила 71%, на 23,5%

снизилось количество выработанных трудодней, а количество зерна, выданного на трудодни, уменьшилось с 2 ц в расчете на душу населения или 152,4 млн ц в целом (1940) до 0,74 ц или 48,7 млн ц (1945). Это составляло чуть более 200 г в день; в Пензенской области и Мордовской АССР в 1945 г. колхозники получили по 0,4 ц на душу населения или 110 г¹⁵.

В этих условиях решениями февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1947 г. повышенный в 1942 г. обязательный минимум выработки трудодней был сохранен и в послевоенный период¹⁶. В дальнейшем это было зафиксировано в постановлениях Совета министров СССР — о продлении действия повышенного обязательного минимума трудодней на 1949 и 1950 гг.¹⁷

К началу войны налоговое законодательство фактически уравнило все категории сельского населения. Согласно положениям закона «О сельскохозяйственном налоге» от 1 сентября 1939 г., к уплате сельхозналога помимо хозяйств колхозников и единоличных хозяйств, были привлечены хозяйства членов промысловых кооперативов, а также рабочих и служащих, имевших подсобные хозяйства в сельской местности. В военные годы налоговое законодательство менялось неоднократно и в сторону увеличения. 3 июля 1941 г. размер сельхозналога удвоили, в 1942 г. указом Президиума Верховного совета СССР от 29 декабря 1941 г. был введен военный налог, в 1943 г. — повышены нормы доходности крестьянских хозяйств. При этом сохранялись и натуральные налоги, введенные еще декретами 1921 г. и продублированные в форме «обязательств» в начале 1930-х гг. Помимо этого существовала и трудовая, и гужевая повинности на предприятиях Наркомлеса СССР. В течение 1930–1950-х гг. количество дней работы колхозников на лесозаготовках в порядке трудгужповинности постепенно возрастало. Если в конце 1920-х гг. оно составляло 50–60 дней, в 1930-х — первой половине 1940-х гг. — от 100 до 120 дней¹⁸.

Отдельным аспектом анализа выступает изучение практик политического управления, встроенных в мобилизационную модель, и ответной реакции населения на организационные усилия властей. Внезапность военной агрессии потребовала дополнительных мер, направленных на централизацию управления и увеличение объемов государственных поставок сельскохозяйственной продукции. Практическое воплощение курса локализовалось на региональном уровне. Так, указанием Пензенского областного комитета партии в перечень мобилизационных мероприятий в конце июня 1941 г. были включены требования развертывания масштабной агитационно-пропагандистской работы, направленной на укрепление социально-политической сплоченности, усиление бдительности в вопросах государственной безопасности и охраны социалистической собственности.

Эти призывы вылились в митинги, проведенные в колхозах по инициативе райкомов партии («первый раз после начала войны Германии против СССР и второй <...> после речи тов. Сталина, произнесенной по радио 3 июля 1941 года»). Также были предприняты отдельные попытки организовать посты для охраны складов, сельхозмашин и инвентаря, телефонных линий, нового урожая на полях и т.д.¹⁹ Партийные чиновники сетовали на отсутствие дополнительных мероприятий организационного характера на местах, что указывает на существование определенных пределов эффективности мобилизационной модели, логика развития которой требовала постоянного увеличения административного присутствия и политических акций. Не всегда получалось спрогнозировать и реакцию

населения на призывы партии. Бесхитrostное описание провала агитационной кампании в с. Волчий Враг Чембарского района представлено в докладной записке инструктора сельскохозйственного отдела Пензенского обкома ВКП(б) С.С. Шальнева: «На 10/VII было назначено общее собрание колхозников, на котором должны выступить — я и первый секретарь райкома т. Савин и, если по другим колхозам люди собирались в один час, то в Волчьем Враге мы ожидали 3 часа. При неполном сборе собрание было открыто, несмотря на все наши агитационные меры, ни один человек не выступил ни за, ни против. На мою постановку вопроса ко всему залу, что в ответ на призыв вождя товарища Сталина, все как один выйдем в поле на уборку хлеба, мы получили гробовое молчание. Тогда я поставил вопрос в другой плоскости, неужели мы допустим, чтобы также как в 1940 году погиб и урожай в 1941 году. Это будет предательством родины. Ответ также не последовал. На второй день агроном колхоза “Братья Маигусовы” Волчье-Вражского с/сов. мне сообщил, что на сенокосе “некоторые колхозники” вели разговор, что “за невыход на работу не имеют право наказывать, карательную экспедицию не пришлют, чтобы заставлять работать”, словом ободряли “не робейте” и т.д.»²⁰. Такое поведение колхозников Шальнев оценил как проявление саботажа и деятельности контрреволюционной эсеровской организации.

Вместе с тем сохранялся и прежний фон агитационно-пропагандистского ресурса. Воспитание трудящихся «в духе передовых революционных идей», «в борьбе за власть и за построение социалистического строя» признавалось важнейшей сферой реализации управленческих практик, основным полем деятельности ВКП(б)²¹ и, бесспорно, необходимым элементом мобилизационной стратегии. На этом фоне констатация неудовлетворительного состояния работы официальных каналов распространения информации — тревожный сигнал несогласования системы социально-политического взаимодействия, ослабления мобилизующего начала. Так, летом 1942 г. руководство Пензенской области было всерьез обеспокоено падением влияния Коммунистической партии: «Во многих колхозах, совхозах, МТС и промышленных предприятиях политические доклады и беседы не проводятся по несколько месяцев подряд. Вместе с тем радио и газеты до широких масс села не доходят. Большинство газет оседает в учреждениях, сельсоветах, правлениях колхозов, где зачастую расходуется на раскрутку, газетные витрины и витрины последних известий не организованы»²².

В условиях деградации информационного поля активизировались традиционные каналы коммуникации. В некоторых районах области были зафиксированы слухи, в которых информация о создании антигитлеровской коалиции интерпретировалась с позиций жизненных интересов советского крестьянства. К примеру, «26 государств, якобы, предъявили ультиматум советскому правительству о роспуске колхозов и об открытии всех ранее закрытых церквей»²³. Внешний по отношению к советскому руководству фактор, экстремальные практики военной повседневности служили питательной почвой для распространения информации, аккумулировавшей глубинные устремления крестьянского сознания. В этом случае слухообразование передавало не всегда осознанные и вербализованные социальные представления о путях восстановления прежней жизни, традиционной культуры крестьянской повседневности. Признаки грядущих перемен виделись в каждом сообщении, каждом фрейме, рамочно фиксировавшем отклонения от установленного курса

внутренней и внешней политики СССР (введение погонов в РККА, ожидание открытия Второго фронта и т.д.). Так, согласно спецдонесению УНКВД по Курганской области, «провокационные слухи» о роспуске колхозов получили широкое хождение весной 1943 г. после «указа правительства о введении погонов в РККА, что является якобы требованием Америки и Англии, которые настаивают также на роспуске колхозов и ставят вопросы помощи СССР в войне против Германии и открытии Второго фронта в Европе в зависимости от выполнения этих требований»²⁴.

В Шумихинском районе той же области единоличница из д. Каменское убеждала колхозников в том, что «нашему правительству Англия и Америка предложила пять условий: на армию надеть погоны, открыть церкви, распустить колхозы, освободить заключенных и всех евреев направить на фронт. На армию погоны уже одели, церкви в городах открывают, колхозы же сразу распустить неудобно, решили к весне сделать много бригад в каждом колхозе, которые будут работать самостоятельно, и урожай будут делить между собой, а осенью колхозы распустят, и все будем жить единолично». А.А. Александров (заведующий кафедрой), эвакуированный из Ленинграда и проживавший в зерносовхозе «Большевик», в частной беседе заявил: «Народ ко мне ходит и интересуется о роспуске колхозов, я считаю, что такие вопросы и настроения у сельского населения свидетельствуют о том, что народ хочет и ожидает роспуска колхозов»²⁵.

Принципиальное значение имеет изучение крестьянского социума как самоорганизующейся системы — одновременно и объекта внешнего воздействия, государственной экономической и социальной политики, и субъекта, творца новой социальной реальности, находящейся в постоянном взаимодействии с внешней средой и обменивающейся с ней энергией и информацией. При этом специфика содержания и методов аграрной политики ВКП(б) может быть понята как попытка обуздания спонтанных социальных реакций, не предусмотренных идеологией преобразований. С другой стороны, в контексте современной синергетики адаптационные поведенческие стратегии экстремальной повседневности («жизни в катастрофе»), формирующиеся в процессе коммуникации, предстают как механизм самопроизвольного возникновения упорядоченных структур, к рождению порядка из хаоса²⁶.

Например, факт появления постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» свидетельствует, что крестьяне задавали свои правила игры. И превышение допустимых размеров приусадебных участков, закрепленных Уставом сельхозартели, стало обыденной и распространенной практикой. Нарушение нормативов по земельным участкам, находившимся в личном пользовании колхозников, происходило не без ведома правлений колхозов, а нередко санкционировалось и райисполкомами. Так, разбирая множественные случаи нарушения указанного постановления на территории Пензенской области, уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) Новиков, пенял первому секретарю обкома партии А.Ф. Кабанову: в 1940 г. по колхозам области выявили 6 621 случай захвата земли на площади 562 га, но изъято и прирезано к общественным землям только 272 га или 48%; член колхоза «Гигант» (Сердобский район) Бывшев «под видом мнимого раздела семьи пользуется двумя приусадебными участками на площади 0,63 га»; «в результате массового самовольного захвата колхозной земли многие колхозники превратили приусадебные участки

в основной источник дохода и систематически не вырабатывают установленного минимума трудодней»; «Чембарский райисполком в 1940 году официально утвердил приусадебные участки по 36 колхозам (1 689 хозяйствам) с явным нарушением в сторону незаконного их увеличения от 0,02 га до 0,17 га»²⁷.

В том же ряду фиксировалось и обыденное сопротивление принудительным методам мобилизационной экономики: падение трудовой дисциплины, невыход на колхозные работы, невыполнение обязательного минимума трудодней, хищения «социалистической собственности», жалобы и иные формы обращения к властям, самовольный уход колхозников из колхозов и проч. Еще один способ адаптации — начисление трудодней на оплату работ, не связанных непосредственно с колхозным производством. Так, летом 1944 г. в ходе выборочных проверок, проведенных в шести районах Пензенской области, прокуратура выявила массовые случаи нарушения ст. 15 Устава сельхозартели по оплате трудозатрат, не связанных с хозяйственной деятельностью колхоза (аренда квартиры для правления колхоза, для счетоводов и проч., дежурство колхозников в сельсовете, оплата работы кузнеца, уход за сиротами и т.д.)²⁸.

Концепция самоорганизации оказалась востребованной социальными и гуманитарными науками по мере утверждения синергетического подхода, открывшего новые горизонты исследований²⁹. Эвристическая ценность подобных построений определяется выделением и противопоставлением двух состояний социальных связей и взаимодействий: социальной самоорганизации как естественного порядка и социального управления, выступающего искусственным процессом, привносимым извне и задействованным в конструировании «человеческой природы». Социальная динамика при этом определяется возможностью трансформации определенных областей в системе социальных отношений (областей свободы, характеризующихся специфической пластичностью, допускающей восприятие новаций), что и программирует парадоксальную формулу осуществимости утопий³⁰. На наш взгляд, рассматривая человеческое общежитие как социальную систему, важно учитывать ее неотъемлемую характеристику — тяготение к состоянию равновесия, что и предполагает наличие областей, отвечающих за адаптацию к вызовам извне, изменениям, облегчающим восприятие нового. В этом контексте мобилизационная стратегия может рассматриваться как способ усвоения новых смыслов через привычные для коллективной памяти институты. Сюда же следует отнести и этатистские установки крестьянской психологии.

Примечания

¹ Фототов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

² Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2010. № 15(196). Вып. 40. С. 142–147; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск, 2012.

³ Мобилизационная модель экономики ... С. 8–9, 64.

⁴ Круглый стол «Мобилизационная экономика» ... С. 143.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

- ⁷ *Сенявский А.С.* Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики ... С. 64.
- ⁸ *Берсенов В.Л.* Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2016. № 1. С. 17. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/02.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁹ *Кондрашин В.В., Мозохин О.Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М., 2017. С. 280–281.
- ¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 7. С. 260.
- ¹¹ Там же. С. 412.
- ¹² Там же. С. 114, 282.
- ¹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 542. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 2, 5.
- ¹⁵ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях ... М., 1985. Т. 8. С. 140.
- ¹⁷ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 2.
- ¹⁸ *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001. С. 76–97.
- ¹⁹ Государственный архив Пензенской области (ГА ПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 539. Л. 29.
- ²⁰ Там же. Д. 414. Л. 57.
- ²¹ Там же. Д. 637. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953.* М., 2006. С. 425.
- ²⁵ Там же. С. 426–427.
- ²⁶ *Лысак И.В., Басина Н.И.* Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // *Вестник ДГТУ.* 2011. № 10(61). Т. 11. С. 1896–1903.
- ²⁷ ГА ПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 414. Л. 67–72.
- ²⁸ Там же. Д. 1091. Л. 1–2.
- ²⁹ *Пигалев А.И.* Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // *Мир психологии.* 2011. № 2. С. 38–51.
- ³⁰ Там же. С. 40–41.

Библиография

- Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
- Берсенов В.Л.* Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2016. № 1. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/02.pdf (дата обращения: 01.04.2019). С. 15–20.
- Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953* / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1985. Т. 7. 1938–1945. 574 с.; Т. 8. 1946–1955. 542 с.
- Кондрашин В.В., Мозохин О.Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М.: Русская книга, 2017. 304 с.
- Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // *Вестник Челябинского государственного университета. История.* 2010. № 15(196). Вып. 40. С. 142–147.
- Лысак И.В., Басина Н.И.* Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // *Вестник ДГТУ.* 2011. № 10(61). Т. 11. С. 1896–1903.
- Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всероссий. науч. конф. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 662 с.
- Пигалев А.И.* Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // *Мир психологии.* 2011. № 2. С. 38–51.
- Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН; Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2006. 237 с.
- Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 271 с.

Кондрашин В.В.*

Механизмы взаимодействия союзного центра и республиканского руководства Белоруссии в 1943–1945 гг. по вопросам восстановления сельского хозяйства республики

Аннотация. В статье на основе анализа разнообразного комплекса архивных и опубликованных источников, в том числе впервые введенных в научный оборот Национального архива Республики Беларусь и ряда региональных архивов Беларуси, а также центральных архивов России, характеризуются механизмы взаимодействия союзного центра (ЦК ВКП(б), советского правительства, профильных наркоматов СССР и др.) с республиканским руководством БССР (ЦК КП(б), СНК БССР, Наркомземом БССР и др.) по вопросам восстановления разрушенного немецко-фашистскими оккупантами сельского хозяйства республики. В центре внимания события 1943–1945 гг. — первого этапа восстановительного периода. Работа написана по предварительным результатам реализации Соглашения между Федеральной архивной службой России и Комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь от 21 февраля 1997 г. о совместной работе по публикации источников архивами РФ и РБ по актуальным проблемам общей советской истории.

Ключевые слова: сельское хозяйство, восстановительный период, механизмы взаимодействия, союзный центр СССР, республиканское руководство БССР.

В связи с 75-летием победы СССР в Великой Отечественной войне одной из актуальных проблем в российской историографии остается вопрос о причинах и источниках этой победы. Исследователи обоснованно называют ее важнейшим фактором советский тыл. При этом акцент делается на характеристике трудовой активности населения тыловых районов страны. Применительно к аграрному сектору экономики речь идет, прежде всего, о «жертвенном подвиге» колхозного крестьянства, т.е. о трудовом вкладе советской деревни в обеспечение фронта продовольствием и сырьем¹.

Тем не менее вопросы функционирования государственной системы управления сельским хозяйством в военное время, механизмы взаимодействия союзного центра и регионального партийно-хозяйственного руководства в решении насущных проблем аграрной экономики должным образом еще не изучены². В настоящей статье предпринимается попытка в какой-то мере восполнить этот пробел и обосновать тезис о важнейшей роли госуправления в обеспечении успешного функционирования сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны, показав трудовой героизм сельских тружеников.

Исследование проведено на материалах Белорусской ССР (БССР). Ранее в рамках сотрудничества Федеральной архивной службы России, Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь и Института российской истории РАН был подготовлен сборник документов, посвященный восстанов-

* Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru.

лению сельского хозяйства БССР в 1943–1945 гг.³ Автор настоящей статьи при участии белорусских коллег выявил новые документы по указанной теме в российских и белорусских архивах. Поэтому источниковой базой статьи являются документы Национального архива Республики Беларусь и ряда городских и областных архивов Беларуси, а также РГАЭ, ГА РФ и РГАСПИ. В подавляющем большинстве они впервые введены в научный оборот в вышеупомянутом сборнике и существенно дополняют уже известную в белорусской историографии тему восстановления сельского хозяйства БССР в годы Великой Отечественной войны⁴.

Обращение к истории республики Беларусь при анализе рассматриваемой проблемы актуально в связи с необходимостью продолжения сложившейся в отечественной историографии традиции глубокого и всестороннего изучения истории России и народов бывшего Советского Союза в годы Второй мировой войны, с акцентом на регионально-национальные особенности Великой Отечественной⁵. Это позволяет лучше понять причины Победы нашей страны, связанные с особенностями функционирования в военные годы экономики в целом и сельского хозяйства в частности.

Хронологические рамки статьи определены 1943–1945 гг. Осенью 1943 г. начался первый этап восстановления сельского хозяйства БССР (с освобождения от немецко-фашистских оккупантов восточных областей этой республики), продолжавшийся до завершения Второй мировой войны в 1945 г. Второй этап (1946–1950), связанный с проведением коллективизации в западных областях БССР и дальнейшим укреплением материально-технической базы сельского хозяйства Республики, заслуживает отдельного анализа и поэтому в статье не рассмотрен.

На взаимоотношения республиканского руководства Белорусской ССР и союзного центра в годы Великой Отечественной войны повлияли три фактора. Это героическая борьба белорусского народа в оккупации, его огромные жертвы, принесенные на алтарь Победы; видимо, именно этой причине особо теплые отношения И.В. Сталина с руководителем БССР П.К. Пономаренко, возглавлявшим до осени 1943 г. Штаб партизанского движения в СССР⁶, и необходимость особого внимания к экономике в связи с ведением на ее территории в 1944–1945 гг. крупнейших наступательных операций Красной армии. Данные обстоятельства и определили, на наш взгляд, региональные особенности процесса восстановления разрушенной немецко-фашистскими захватчиками экономики БССР в рассматриваемый период. Их суть состояла в особом внимании союзного центра к нуждам республики, по сравнению с другими регионами страны, переживших оккупацию.

Октябрь–декабрь 1943 г. — время активной работы белорусского правительства и союзного центра по оценке ситуации в освобожденных областях республики и выработке первоочередных мер по восстановлению разрушенного оккупантами народного хозяйства, в том числе аграрной отрасли, с участием всех звеньев и уровней республиканской власти. Страшную картину увидели победители, вступив на белорусскую землю осенью 1943 г.: республика лежала в руинах и пепелищах. Предстояло практически с нуля начать ее возрождение. О причиненном нацистами ущербе сельскому хозяйству Белоруссии свидетель-

ствуует докладная записка начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому «Итоги единовременного учета в освобожденных районах БССР» от 30 августа 1944 г.

За годы оккупации, указывалось в записке, сельское население БССР сократилось на 31%, по сравнению с довоенным временем. В освобожденных районах численность лошадей составила к довоенному уровню 37%, крупного рогатого скота — 25%, свиней — 8%, овец и коз — 17%. Катастрофическими были показатели по технической оснащенности МТС и колхозов. В них сохранились 9% тракторов и 4% комбайнов от довоенного уровня (свыше 9 700 тракторов и 1 590 комбайнов)⁷.

В записке имеются сравнительные данные нанесенного сельскому хозяйству ущерба в период оккупации по областям РСФСР, УССР и БССР, в которой он оказался больше, чем в украинских регионах и по ряду показателей — российских. Например, после изгнания немецких оккупантов численность украинского сельского населения составила 72% довоенного уровня, белорусского — 69%. Крупного рогатого скота на Украине осталось 40% довоенного уровня, свиней — 10%, овец и коз — 19%, в БССР — соответственно 25, 8 и 17%; сохранившихся в УССР тракторов было 35% довоенного уровня, комбайнов — 38%, в БССР — соответственно 9 и 4%⁸. Одним из самых тяжких последствий оккупации для белорусской деревни стало уничтожение оккупантами 400 тыс. крестьянских домов⁹.

Кроме того, серьезно пострадала животноводческая отрасль. Из имевшихся до войны в белорусских колхозах 570 тыс. лошадей осталось 192 тыс. (33%)¹⁰. В Германию было вывезено с оккупированной территории республики 70% поголовья лошадей, 74% — крупного рогатого скота, 88% — свиней, 79% — овец и 88% — птицы¹¹. Оккупанты фактически уничтожили в БССР племенное животноводство. В белорусской деревне остались единицы производителей: жеребцов, быков, баранов. В ряде районов почти полностью было уничтожено поголовье овец¹². По подсчетам Наркомата земледелия БССР, к июню 1945 г. в сельской местности численность лошадей составила 29,3% довоенного уровня, крупного рогатого скота — 22,5%, свиней — 9,2%, коз — 16,2%¹³.

В деревнях распространились заразные заболевания животных (ящур, рожа свиней, менингит и чесотка лошадей)¹⁴. На сессии Академии наук БССР, проходившей 20–25 апреля 1945 г., белорусские ученые заявили, что за годы оккупации животноводство республики было «отброшено на десятки лет назад»¹⁵.

Также враг разграбил и уничтожил все существовавшие до войны белорусские предприятия пищевой промышленности и сельскохозяйственного машиностроения¹⁶. Таким образом, масштабы ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками сельскому хозяйству БССР, были огромны. Предстояла большая и напряженная работа по восстановлению сельской экономики республики.

Уже весной–летом 1943 г. обсуждались основные направления восстановления сельского хозяйства республики после ее освобождения от оккупантов и были разработаны первоочередные соответствующие меры. Последние были представлены в решениях состоявшегося 1 апреля 1943 г. в Госплане СССР совещания с участием представителей Госплана, Наркомзема и Академии наук

БССР, а также в справке (о состоянии белорусского сельского хозяйства до и во время оккупации) заместителя наркома земледелия республики И.С. Ярославцева от 12 июля того же года.

В частности, в решениях Московского совещания, основанных на материалах доклада академика В.Н. Лубяко «Направление восстановления и развития социалистического хозяйства Белорусской ССР», указывалось, что «последовательность восстановления сельского хозяйства» должна определяться «правильным сочетанием» основных его отраслей: земледелия, скотоводства и подсобных предприятий в колхозах. При этом «ведущая роль» отводилась скотоводству («особенно свиноводству и крупному рогатому скоту»), расширению посевных площадей под технические культуры и картофель, а также повышению урожайности зерновых культур. Для достижения данной цели совещание считало необходимым уделить особое внимание «географическому размещению» сельскохозяйственного производства в республике, т.е. восстановлению тех отраслей, которые в довоенный период считались наиболее эффективными в каждом конкретном районе. Также следовало восстановить и развивать сеть МТС, довоенную структуру севооборотов в колхозах и совхозах, подсобные хозяйства и огороды сельских жителей и горожан¹⁷.

О том же шла речь в справке И.С. Ярославцева от 12 июля 1943 г. В ней по пунктам перечислялись конкретные мероприятия: восстановление колхозов, МТС, совхозов, довоенной структуры посевных площадей, семенного фонда, животноводства («по линии роста общественного скота в колхозах»), мелиоративных сооружений и осушительной сети. В справке указывались и такие меры, как строительство узкоколейных железных дорог для завоза в районы удобрений, пересмотр всей системы организации и оплаты труда в колхозах (ввиду преобладания там ручного труда из-за недостатка тягловой силы) и др. Автор предлагал провести в освобожденных районах республики репрессии против «пособников немецкого фашизма». Для «научного обоснования» вышеизложенных мероприятий Ярославцев предложил привлечь ученых Академии наук БССР¹⁸.

На протяжении всего 1943 г. вопросы сельского хозяйства находились в центре внимания профильного органа — Наркомата земледелия БССР, руководства СНК БССР и ЦК КП(б)Б (активно взаимодействовавших с Наркоматом земледелия СССР). На основе данных, получаемых с мест из освобожденных районов, они готовили для советского правительства конкретные предложения по решению наиболее важных проблем сельского хозяйства республики. В обобщающем виде предложения были представлены в докладной записке наркома земледелия Белорусской ССР И.А. Крупени народному комиссару земледелия СССР И.А. Бенедиктову 7 декабря 1943 г.¹⁹, а также в совместном письме председателя СНК БССР И.С. Былинского, секретаря ЦК КП(б)Б П.З. Калинина и наркома земледелия СССР И.А. Бенедиктова председателю Комитета по освобожденным районам при СНК СССР, члену ГКО СССР Г.М. Маленкову 10 декабря 1943 г. Изложенные в этих документах предложения были поддержаны советским правительством и легли в основу решений союзного центра, касавшихся восстановления и развития сельского хозяйства Белоруссии в 1943—1945 гг.

Союзный центр имел исчерпывающее представление о тяжелых последствиях оккупации в советских сельских районах, включая БССР, и проявлял инициативу в выработке мер по их преодолению. Для этого выделялись значительные финансовые средства. Например, уже 8 октября 1943 г. на «неотложные нужды в районах, освобожденных от оккупантов», решением СНК СССР Белорусской ССР было выделено из резервного фонда советского правительства 15 млн руб.²⁰ 15 декабря СНК СССР принял постановление «Об организации государственной закупки скота для дальнейшей помощи колхозам районов, освобожденных от немецкой оккупации», в котором Наркомзему СССР предписывалось совместно с Совнаркомом РСФСР, УССР и БССР разработать и представить в СНК СССР «план распределения закупаемого скота по районам, освобожденным от оккупации»²¹. 23 декабря БССР на восстановительные работы выделили еще 35 млн руб.²²

Одним из первых и самых важных соответствующих решений союзного центра было подготовленное при непосредственном участии СНК БССР и ЦК КП(б)Б постановление СНК СССР «Об оказании помощи освобожденным районам Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей Белорусской ССР по восстановлению МТС и колхозов», принятое 27 декабря 1943 г.²³ В качестве первоочередных мер в постановлении предлагалось: восстановить разогнанные немецко-фашистскими оккупантами колхозы, для чего обобществить посевы и вернуть на колхозные фермы разобранный в период оккупации скот, а в колхозные конюшни — лошадей; восстановить МТС и машинно-тракторные мастерские за счет ремонта сохранившейся техники и завоза новой из восточных районов СССР; восстановить или заново построить разрушенные или уничтоженные оккупантами дома колхозников и колхозные хозяйственные постройки; помочь колхозам рабочими лошадьми за счет их завоза из других регионов СССР; восстановить учебные заведения и кратковременные курсы для подготовки и переподготовки специалистов сельского хозяйства и др.²⁴

По каждому направлению деятельности были назначены ответственные союзные наркоматы и ведомства, а также облисполкомы и совнаркомы привлеченных к оказанию помощи БССР российских регионов. При участии и координации со стороны представителей Белоруссии они должны были в установленные постановлением сроки и в утвержденных объемах обеспечить поступление в республику тракторов, сельскохозяйственной техники, горюче-смазочных материалов, рабочего скота и т.д.

Постановление определило зону «персональной» ответственности СНК БССР. Перечислялись следующие мероприятия: выделение земельных участков для подсобных хозяйств восстанавливаемых школ механизации сельского хозяйства; восстановление в 1944 г. Гомельский и Климовичский зоотехнических техникумов и Чериковского ветеринарного сельхозтехникума; создание к 15 января мастерских по выработке сыромяти и шорных изделий «с производством в 1944 г. не менее 2 000 комплектов упряжи»; проведение в течение января—февраля выборов правлений и ревизионных комиссий в колхозах; учета и инвентаризации всего имевшегося там рабочего и продуктивного скота, сельхозинвентаря и другого колхозного имущества; разработка и утверждение на общих собраниях колхозников норм выработки и расценок работ в трудовых

в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели; обеспечение составления во всех колхозах производственных планов и приходно-расходных смет; восстановление или налаживание работы семеноводческих хозяйств; восстановление в течение 1944 г. во всех колхозах освобожденных районов шнуровых книг по учету общественных и приусадебных земель колхозов и государственных актов на вечное пользование земель колхозами, а также на ранее введенные севообороты в колхозах, особенно в райсемхозах. Для организации землеустроительных работ на освобожденной территории Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей СНК БССР поручалось привлечь не работавших тогда в системе земельных органов землеустроителей с сохранением за ними на период проведения землеустройства производственного стажа и размера получаемой зарплаты по месту прежней работы²⁵.

Положения постановления СНК СССР от 27 декабря 1943 г. были закреплены и расширены в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» от 1 января 1944 г.²⁶ и ЦК КП(б)Б — о восстановлении колхозов в освобожденных районах республики от 7 января 1944 г.²⁷ Для освобожденных от оккупантов летом 1944 г. областей Белорусской ССР развернутая программа восстановления сельского хозяйства была представлена в постановлении СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению сельского хозяйства Белорусской ССР» от 3 октября 1944 г.²⁸

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1 января 1944 г. применительно к сельскому хозяйству задачи восстановления связывались с подготовкой к весенней посевной кампании и с выполнением колхозами и единоличными хозяйствами республики обязательных государственных поставок сельскохозяйственной продукции²⁹. Внимание СНК БССР и ЦК КП(б)Б акцентировалось на необходимости завершения основных организационно-производственных мероприятий в колхозах к началу посевной кампании (выборы правлений, восстановление межколхозных границ, колхозных ферм, МТС, засыпку семян, ремонт сельхозинвентаря и т.д.). Определялись и сроки восстановления колхозных животноводческих, свиноводческих и овцеводческих ферм (к осени 1944 г.). Республиканское руководство обязывалось «обеспечить правильное применение в освобожденных районах Белорусской ССР льгот по государственным поставкам, предусмотренных для хозяйств воинов Красной армии, партизан, специалистов сельского хозяйства и колхозников»³⁰.

Установленная в первые месяцы освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков система государственных заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции отличалась от довоенной — были введены льготы для колхозов и переживших оккупацию сельских жителей. Например, в ноябре 1943 г. СНК СССР повысил закупочные цены на лен-долгунец и коноплю для сельхозпроизводителей Белоруссии, а в декабре 1943 г. Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областям был дан сниженный план заготовок и закупок государству зерна и картофеля. При этом основную часть заготавливаемой продукции должны были сдавать непосредственно в продовольственный фонд Красной армии³¹.

Постановление союзного центра от 1 января 1944 г. предусматривало для республиканского руководства и решение таких не отмеченных в постановлении СНК СССР от 27 декабря 1943 г. задач, как восстановление в колхозах дру-

дового рыбного хозяйства и разведение водоплавающей птицы (гусей и уток). Эти меры должны были в короткий срок «серьезно улучшить благосостояние колхозов и колхозников и создать крупный дополнительный источник ценных пищевых продуктов для страны». К 15 февраля 1944 г. Совнарком БССР обязывался представить в союзный центр план организации в республике рыбного хозяйства и крупных ферм водоплавающей птицы, а также отчет о принятых мерах по их созданию³².

Таким образом, в конце 1943—1944 г. союзным центром во взаимодействии с республиканским руководством была подготовлена и принята государственная программа восстановления и развития сельского хозяйства Белоруссии.

В освобожденных районах республики советская власть столкнулась с проблемой антиколхозных настроений, получивших достаточно широкое распространение в белорусской деревне. Об этом указывалось в докладной записке заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б)Б С.И. Тишкова председателю СНК БССР П.К. Пономаренко, датированной 20 апреля 1944 г. и основанной на донесениях направленных в колхозы освобожденных районов уполномоченных ЦК КП(б)Б. В записке приводились факты недовольства колхозников «проводимыми мероприятиями по восстановлению колхозного строя, граничащие с антисоветским поведением». Особое недовольство вызывала кампания по засыпке семян, осуществлявшаяся в белорусской деревне за счет изъятия зерна из личных запасов колхозников, оставшихся от урожая прошлого года, выращенного в единоличных хозяйствах. Некоторые колхозники отказывались от засыпки семян, ожидая возвращения оккупантов и роспуска колхозов вследствие возможного давления на «правительство» Америки³³. Об антиколхозных настроениях говорилось и в отчете СНК БССР о ходе выполнения январского (1944 г.) постановления ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии», подготовленном председателем СНК БССР П.К. Пономаренко в июне 1944 г.³⁴

Глава правительства БССР отмечал, что «антиколхозные настроения» выражались в нежелании сдавать в колхозы семена, лошадей; в припрятывании сбруи; в стремлении вывезти навоз на «свой» участок, а не на колхозное поле; в «слабых» выходах на работу в колхозы и т.д. Указывались и случаи «прямых враждебных антиколхозных выступлений и террористических актов со стороны немецкой агентуры в отношении председателей, бригадиров и представителей партийных и советских органов, работающих в колхозах». Все эти факты, по мнению П.К. Пономаренко, объяснялись последствиями немецкой оккупации, «ослабившей государственную и трудовую дисциплину среди населения, по сравнению с довоенными годами», а также «проводившейся немцами антиколхозной пропагандой». Для изменения ситуации Пономаренко считал необходимым организовать в освобожденных районах массовую пропаганду достижений советской власти, информировать белорусских колхозников о зверствах оккупантов и подвигах партизан. В то же время он отмечал, что «антиколхозные настроения» имели под собой объективную почву — дефицит хлеба и кормов в разоренной оккупантами и боевыми действиями белорусской деревне.

Реакцией союзного центра на сложившуюся ситуацию стало дополнительное выделение республике зерновых ресурсов. Например, 5 мая 1944 г. вышло подписанное И.В. Сталиным постановление СНК СССР «Об отпуске колхо-

зам Белорусской ССР семенной ссуды». Наиболее пострадавшие от оккупации колхозы республики для проведения весеннего сева получали семенную ссуду в размере 5 000 т овса³⁵. Кроме того, в 1944 г. наиболее пострадавшие колхозы полностью освободили от государственных поставок сена³⁶. Тем не менее уборочная кампания 1944 г., проходившая в условиях наступления Красной армии и ожесточенных боев на территории республики, характеризовалась фактами отказов колхозников выходить на уборочные работы в связи с их неприятным планом властей обобществить собранный урожай. Крестьяне не хотели его убирать в колхозные закрома, поскольку опасались, что хлеб не только будет вывезен в счет государственных заготовок, но и сгниет в колхозах вследствие отсутствия там надлежащих условий для хранения (общественных построек и т.п.). Все эти факты с конкретными примерами были приведены в письме наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова наркому земледелия СССР А.А. Андрееву 13 августа 1944 г. Одновременно о них был проинформирован и председатель СНК БССР Пономаренко³⁷.

Серьезная проблема в БССР возникла при восстановлении колхозного животноводства в освобожденных районах. Ответственность правительства Белоруссии в решении этого вопроса была определена в постановлении советского правительства от 27 декабря 1943 г. Для этого республике союзный центр выделили значительные ресурсы. В частности об этом указывалось в постановлении СНК СССР от 26 февраля 1944 г. «О неотложных мерах по восстановлению животноводства колхозов в районах Белорусской ССР, освобожденных от немецких захватчиков»³⁸. В документе определялась цель: восстановить к осени 1944 г. все колхозные фермы крупного рогатого скота, а также свиноводческие и птицеводческие фермы. При этом не менее половины колхозов должны были к данному сроку обзавестись фермами водоплавающей птицы (гусей и уток). Источниками комплектования животноводческих ферм колхозов определялись: закупки скота в восточных областях СССР; возвращение эвакуированного колхозного скота; изъятие у колхозников скота, ранее принадлежавшего колхозным фермам и разобранного в период оккупации из ликвидированных оккупантами колхозов; контрактация (покупка) молодняка у колхозников. В постановлении определялись 10 областей и 2 автономных республики РСФСР, которые обязывались Наркомземом СССР завезти и продать в 1944 г. колхозам Белорусской ССР установленное количество племенного скота³⁹. Чуть позже его уточнили и конкретизировали в постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 4 апреля 1944 г., которое стало основным в данном направлении директивным документом для работы областных и районных органов власти⁴⁰.

В постановлении от 26 февраля 1944 г. Совнарком Белорусской ССР подобрать специалистов для сопровождения скота, которого должны были завозить из российских регионов — гуртоправов, гонщиков скота, доярок и т.д. В обязанность правительства республики входила организация в 1944 г. на освобожденной территории не менее шести инкубаторских станций колхозного птицеводства, а также строительство птицеферм. СНК БССР должен был обеспечить увеличение поголовья водоплавающей домашней птицы, организовав ее продажу колхозам и колхозникам по государственным заготовительным ценам (из завезенных в Белоруссию партий птицы).

В 1944 г. в республике необходимо было организовать 130 пунктов искусственного осеменения сельскохозяйственных животных. СНК БССР обязывался: укомплектовать животноводческие фермы в каждом освобожденном от немецко-фашистских захватчиков районе доярками, свиноводками, конюхами и другим обслуживающим персоналом; открыть межрайонные школы по подготовке ветеринарных санитаров, младших ветеринарных фельдшеров и техников-животноводов; организовать подготовку ветврачей и зоотехников в сельскохозяйственных техникумах Белоруссии, совместно с Наркомземом СССР создать противозооотические отряды по борьбе с инфекционными болезнями скота⁴¹. Постановлением СНК СССР от 10 сентября 1944 г. первоначальный план завоза скота в Белорусскую ССР был незначительно уменьшен. В 1944 г., по данным Сельхозбанка СССР, колхозам республики выдали в виде кредитов 10 млн 641 тыс. руб. на развитие животноводства⁴².

Крупный рогатый скот, овцы и свиньи направлялись в БССР из десяти регионов РСФСР (Горьковской, Ивановской, Ярославской, Кировской, Омской, Вологодской, Молотовской, Калининской областей, Удмуртской и Чувашской АССР). При перегоне и перевозке скота возникали проблемы, приводившие к потерям части поголовья. Например, констатировались факты намеренной задержки скота и даже его присвоения местными властями. В частности в Смоленской области было задержано и роздано колхозам 16 гуртов скота, перегоняемых в республику (1 393 головы крупного рогатого скота и 1 555 — овец). Протесты наркоматов земледелия СССР и БССР вынудили Смоленский облисполком дать распоряжение на места о возвращении Белоруссии самовольно задержанных гуртов. Были вскрыты махинации со скотом со стороны некоторых гуртоправов (перегонщиков) на приемочно-распределительных базах и трассах перегона. Перегонщики тайно обменивали продуктивный скот на молодняк за деньги, вино и продукты, пользуясь тем, что поступавший скот не взвешивался и не пересчитывался на приемочно-распределительных базах. Были установлены факты, когда в перегоняемых отарах гуртоправы стригли овец, а шерсть реализовывали на рынке. Нередко из-за отсутствия либо халатности охраны скот убивали волки, а в отарах — гонщики скота. К началу сентября 1944 г., по официальным данным, убыль скота во время его перегона из российских регионов в Белоруссию составила 1 385 голов крупного рогатого скота и 2 375 овец⁴³.

Справка Наркомзема БССР от 15 октября 1944 г. была посвящена результатам выполнения плана завоза в республику рабочего и продуктивного скота из восточных районов СССР. В начале сентября, указывалось в ней, в колхозы Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей были завезены 2 971 рабочая лошадь (43,1% плана), 177 племенных жеребцов (88%), а в пути находились 875 рабочих лошадей⁴⁴.

К 10 октября Витебская, Гомельская, Могилевская, Полесская и Минская области получили 39 059 голов крупного рогатого скота (66,4% плана), 59 688 овец (80,6%) и 5 211 свиней (42,6%)⁴⁵.

В докладной записке секретаря Бобруйского обкома КП(б)Б Ф.А. Баранова отмечалось, что в область к 20 ноября 1944 г. завезли 83 лошади (10,3% плана), 936 голов крупного рогатого скота (13%), 3 457 овец (32,5%), 1 124 головы пти-

цы (9,5%) (свиней не было вообще)⁴⁶. В тот год с трудом выполнялся план завоза птицы, например, к 20 октября в Гомельскую область привезли всего 1 500 наседок с цыплятами (6,2% плана), в Могилевскую — 1991 (5,1%)⁴⁷.

В целом в 1944 г., несмотря на существовавшие проблемы, основная масса запланированного к завозу из регионов РСФСР рабочего и продуктивного скота, хотя и не в полном объеме, но поступила в БССР и была распределена в наиболее пострадавшие в период оккупации колхозы. При этом нужно учитывать, что ситуация в тыловых районах России, ставших донорами для Белоруссии, являлась тяжелой с точки зрения положения сельского населения и обеспечения колхозов скотом и техникой⁴⁸.

Объемы помощи белорусской животноводческой отрасли аграрного сектора экономики союзный центр наращивал и в 1945 г. В частности при активном участии республиканского руководства советское правительство обратило особое внимание на организацию племенного дела в колхозах и на улучшение кормовой базы колхозного животноводства.

Согласно постановлению СНК СССР «О мерах по восстановлению общественного животноводства в колхозах Белорусской ССР» от 24 марта 1945 г. союзный Наркомзем должен был доставить в республику 300 племенных жеребцов, 2 665 бычков, 600 телок, 2 000 баранов и 150 ярок, 1 200 хрячков и 500 свинок самых элитных пород⁴⁹.

2 августа советское правительство приняло постановление о выделении 33 600 лошадей для колхозов республики⁵⁰. По решению союзного центра в 1945 г. поступила тысяча голов домашней птицы для птицефабрик и колхозов БССР⁵¹.

Еще одним ресурсом восстановления ее животноводства стало поступление трофейных лошадей и крупного рогатого скота с территорий Германии и Польши. 14 марта 1945 г. ГКО СССР принял первое соответствующее решение. Командование 1, 2, 3-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов и Земландской группы войск обязывалось передать Наркомзему СССР 44 600 голов «неиспользуемых фронтами трофейных лошадей», из которых 8 000 следовало перегнать в Белорусскую ССР не позднее 15 июля 1945 г.⁵²

Постановлением ГКО СССР от 26 мая 1945 г. количество передаваемых трофейных лошадей было снижено до 7 тыс. голов⁵³, а последующим решением республике выделили 70 тыс. голов крупного рогатого скота и 25 тыс. голов овец⁵⁴.

Всего же к началу августа 1945 г. части Красной армии завезли из восточных областей Советского Союза и передали БССР 31 498 лошадей, в том числе «по постановлению ГКО СССР» — 25 700⁵⁵.

С начала освобождения БССР от немецко-фашистских оккупантов в центре внимания республиканского руководства и союзного центра были восстановление МТС и снабжение республики сельскохозяйственной техникой. В начале 1944 г. все МТС Белоруссии испытывали серьезные трудности с ремонтом тракторов и сельскохозяйственной техники. В МТС не хватало руководящих кадров и специалистов. Имели место факты бесхозяйственного отношения к прибывавшим из восточных областей СССР технике и трактористам. Например, нередко по вине районных руководителей прибывшие на железнодорожные станции трактора не вывозились в МТС, а сопровождавшие их трактористы оставались без питания. Сломавшуюся при перегоне технику нередко оставляли на дорогах

без охраны, а из-за отсутствия тары предназначенное для МТС горючее вовремя не сливали⁵⁶.

В итоге 6 июля 1944 г. председатель СНК БССР П.К. Пономаренко обратился с просьбой к наркому земледелия СССР А.А. Андрееву о дополнительном выделении республике 60 комбайнов, 100 сложных молотилок и 800 сортировок⁵⁷.

Как и в случае с выполнением постановления советского правительства от 27 декабря 1943 г. «Об оказании помощи освобожденным районам Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей Белорусской ССР по восстановлению МТС и колхозов», не были выполнены в полном объеме и в установленные сроки пункты приказа об отгрузке из регионов СССР для колхозов и МТС БССР сельскохозяйственного инвентаря, автомашин, запасных частей к ним. Например, из 4 тыс. конных плугов в республику поступила только 1 тыс. штук. Она не получила ни одной из запланированных к поставке автомашин, ни одного квадратного метра стекла (было запланировано 10 тыс. кв. м), ни одного килограмма хозяйственного мыла (2 т), ни одного метра мануфактуры (40 тыс. м), ни одной бочки для нефти и бензина (10 тыс. штук). В неполном объеме были выполнены поставки цемента, электропроводов, железа, запасных частей к тракторам, газосварочного оборудования. Лишь гвозди поступили в Белоруссию в полном объеме — 15 т. Главной причиной срыва поставок стали трудности с подвижным составом (не хватало вагонов для перевозки) и бюрократическая волокита (несогласованность наркоматов и ведомств)⁵⁸.

Как свидетельствуют документы, директивные постановления союзного центра и СНК БССР по завозу в республику техники и скота не выполнялись в установленные сроки и установленных объемах по вполне объективным причинам: продолжавшаяся война и необходимость в первую очередь решать проблемы фронта. Именно поэтому возникали трудности с подвижным составом при перевозке техники и скота из регионов РСФСР для освобожденных областей Белоруссии, с передачей республике металлорежущих станков, тракторов, автомобилей, снабжением их горюче-смазочными материалами по линии союзных наркоматов и т.п. В то же время были и причины субъективного плана, как правило, связанные с нерасторопностью и бюрократической волокитой в ряде областей и республик РСФСР, в задачи которых входило выполнение решений союзного центра по оказанию помощи БССР.

Некоторые проблемы технико-бюрократического характера с получением и распределением направляемых в Белоруссию ресурсов из восточных областей СССР возникали на уровне республиканских органов власти. Об этом указывают факты из докладной записки второго секретаря Гомельского обкома КП(б)Б И.П. Кожара секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову и председателю СНК БССР П.К. Пономаренко «О порядке распределения шефской помощи, оказываемой восточными областями освобожденным районам Белоруссии», отправленной адресатам 12 июня 1944 г. Сообщалось, что поступавшее в республику в рамках шефской помощи имущество (станки, моторы, инструменты, оборудование, сельхозинвентарь, ткани, обувь, одежда, предметы домашнего обихода) раздавалось «по запискам отдельных руководящих работников ЦК и СНК БССР в адрес потребителей, по просьбам последних». При этом обкомы и облисполкомы не знали, кому и что выдавалось. В результате, по мнению

автора записки, шефская помощь оказалась «обезличена» и «заменена добродетелью отдельных товарищей»⁵⁹. Проведенной ЦК ВКП(б) проверкой было установлено, что, действительно, данное имущество «выдавалось по указаниям председателя СНК БССР или его заместителей», но не лично и бесконтрольно, а «по представлении заключения комиссии Госплана БССР». То есть, нарушений при распределении шефской помощи областям республики выявлено не было. Тем не менее процедура ее распределения в СНК БССР была изменена в сторону большей гласности и согласованности с областными органами⁶⁰.

Процесс оказания помощи Белоруссии союзным центром сельхозтехники продолжался в период уборочных кампаний 1944–1945 гг.⁶¹ Постановлением ГКО СССР от 3 августа 1945 г. к уборочной кампании был привлечен автотранспорт войсковых частей и учреждений Барановичского и Минского округов. Военные советы этих округов обязывались обеспечить вывоз 200 тыс. т зерна из колхозов Беларуси⁶². Военнослужащие частей, дислоцированных на территории республики, активно участвовали в уборке и осенней посевной кампании. На полевые работы в колхозы посылали даже учебные танки⁶³. Это происходило потому, что союзному руководству было хорошо известно о тяжелейшем положении в сельском хозяйстве БССР. Местные колхозники (в основном женщины, старики и подростки) пахали на коровах, впрягались в железные плуги и бороны, вручную лопатами вскапывали предназначенную под посевы почву⁶⁴.

В письме наркома государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова, направленном 4 октября 1944 г. наркому земледелия СССР А.А. Бенедиктову, приводились выдержки из писем колхозников Полесской области на фронт (получены военной цензурой НКГБ СССР, просматривавшей переписку фронтовиков). Вот некоторые из них: «В колхозе работа очень трудная, лошадей нет, пашут женщины на себе. Восемь женщин запрягаются в плуг, а девятая управляет плугом, вот так и работаем в колхозе»; «я работаю в колхозе, копаю землю под рожь, а также пашем на себе, запрягаемся шесть женщин в плуг, а седьмая ходит за плугом и правит, очень тяжело»; «организовался колхоз, работать тяжело, хлеба мало дали, одну копну на пять душ. В колхозе лошадей нет, коров нет, пашем на себе, очень трудно»⁶⁵.

В конце июля 1944 г., по согласованию с союзным центром, СНК БССР и ЦК КП(б)Б восстановили государственные обязательные поставки зерна, сена, мяса, молока, яиц и шерсти для колхозов и единоличных хозяйств новых освобожденных районов Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской областей. Они устанавливались в половинном размере (50%) от поставок, запланированных для ранее освобожденных областей БССР. При этом сохранялись (и вводились дополнительные) льготы для хозяйств воинов Красной армии и партизан. От госпоставок зерна, мяса, молока, яиц и шерсти освобождались хозяйства красноармейцев и партизан, если в их семьях остались дети до семилетнего возраста при одном трудоспособном члене семьи, занятом в хозяйстве, а также «хозяйства нетрудоспособных родителей воинов Красной армии и партизан при отсутствии трудоспособных членов семьи, занятых в хозяйстве». Льготы в размере 50% процентов нормы сдачи государству мяса, молока и шерсти предоставлялись хозяйствам воинов Красной армии и партизан, в семьях которых при одном трудоспособном, занятом в хозяйстве,

имелось двое и более нетрудоспособных членов семьи. Райисполкомам предоставлялось право после согласования с уполномоченным Наркомата заготовок СССР освобождать полностью или частично от сдачи мяса, молока и шерсти государству отдельные крестьянские хозяйства, «особенно пострадавшие от немецкой оккупации». Хозяйствам колхозников и единоличников, «не имеющим возможности выполнить свои обязательства по поставкам мяса и молока», разрешалось сдавать взамен другие сельскохозяйственные продукты по установленным эквивалентам замены (вместо мяса молоко и яйца и т.д.). Местным органам власти и заготовительным организациям запрещалось налагать на крестьянские хозяйства дополнительные задания по поставкам мяса, молока и шерсти. В то же время установленные льготы для перечисленных категорий сельского населения не меняли общей политики государственных заготовок: не выполнившие их в установленные сроки колхозники и единоличники, как и в довоенный период, подвергались штрафам и другими наказаниями, предусмотренными законом. В августе 1944 г. льготы по госпоставкам предоставлялись колхозам, «особо пострадавшим от немецких захватчиков в период оккупации», в которых посевы зерновых культур и сенокосные луга были «побиты» немецкими частями при отступлении. Они или полностью освобождались от поставок, или должны были выполнять их в половинном размере от установленного плана⁶⁶.

Новую программу восстановления сельского хозяйства для освобожденных летом 1944 г. областей Белорусской ССР разработало республиканское руководство во взаимодействии с союзным центром. Программа была представлена в постановлении СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению сельского хозяйства Белорусской ССР» от 3 октября 1944 г. и в приказе № 978 Наркомзема СССР от 11 октября 1944 г.⁶⁷ В этих документах в полной мере был учтен предыдущий опыт восстановления сельского хозяйства в освобожденных районах Белоруссии. И это вполне закономерно, поскольку речь шла об одних и тех же проблемах, связанных с преодолением последствий оккупации. В программе перечислялись такие мероприятия, как восстановление колхозов (избрание правлений и ревизионных комиссий); учет и полная инвентаризация в них всего сельскохозяйственного инвентаря, скота и имущества; возвращение колхозам разобранных во время оккупации его тружениками лошадей и скота; восстановление границ (межколхозных и приусадебных участков колхозников), а также государственных актов, шнуровых книг колхозов на пользование земель, довоенных севооборотов сельскохозяйственных культур, семеноводческих станций, МТС и МТМ и т.д. Для реализации перечисленных задач были установлены сроки и ответственные организации (союзные и республиканские наркоматы, облисполкомы и т.д.)⁶⁸. Постановлением СНК СССР от 3 октября 1944 г. в освобожденных районах Барановичской, Белостокской, Молодечненской и Пинской областей для колхозов и населения были аннулированы недоимки по всем образовавшимся до оккупации «государственным и местным налогам и сборам». Также в 1944–1945 гг. для колхозов этих областей отменялся подоходный налог и государственный — на лошадей единоличных хозяйств. Пониженные ставки и освобождение от сельхозналога предоставили маломощным колхозным дворам и единоличным хозяйствам указанных областей⁶⁹. В декабре

1944 г. в «связи с уточнением посевных площадей картофеля в освобожденных от немецких оккупантов районах» СНК СССР снизил для Белорусской ССР на 20% общий план заготовок данного овоща государству⁷⁰.

Облесполокомы использовали полученные по государственным поставкам сельхозпродукции льготы для снабжения продуктами на подконтрольной территории госпиталей, больниц, детских садов, рабочих промышленности и железнодорожного транспорта. С этой целью в сельской местности проводились закупки у крестьян мяса, молока и яиц⁷¹.

Следует подчеркнуть, что в первой половине 1944 г. колхозы освобожденных областей Белоруссии выполнили все государственные поставки сельхозпродукции из урожая 1943 г. Кроме того, они внепланово сдали в фонд Красной армии тысячи тонн мяса, сена, соломы и овощей⁷². Эти факты свидетельствовали об успешном ходе восстановления колхозов на освобожденной белорусской территории.

В 1944 г. распространилась практика привлечения колхозников на работы вне колхоза по распоряжениям различных государственных органов, в том числе советского правительства и ГКО СССР. Например, союзный ГКО 20 апреля постановил мобилизовать в БССР до 15 ноября 700 человек «из числа сельского населения» на торфопредприятия Наркомпищепрома СССР⁷³, а 19 июля распорядился обязать СНК республики (и лично его председателя П.К. Пономаренко) направить «в июле—августе 1944 г. 3 тыс. человек для работы на комбинате “Североникель” Наркомцветмета, из них 1 500 чел. мужчин, пригодных для подъемных работ на рудниках»⁷⁴.

Колхозников привлекали и на другие работы: восстановление Западной железной дороги⁷⁵ и Днепро-Бугского канала⁷⁶, различные «областные строительномонтажные работы». Подобная практика была объяснима в условиях военного времени, но она негативно сказывалась на производственной деятельности колхозов, снижала темпы их восстановления, поскольку лишала рабочих рук, которые были на вес золота в условиях хозяйственной разрухи и отсутствия в деревне трудоспособных мужчин.

Большую помощь оказал союзный центр в восстановлении белорусских совхозов. До войны их было 57⁷⁷. Почти все они были до основания разрушены оккупантами, и к моменту освобождения подавляющее большинство совхозов не имели хозяйственных построек, оборудования, сельхозинвентаря, скота, продовольственных запасов и т.п.⁷⁸

5 февраля 1944 г. Совнарком БССР, ЦК КП(б)Б совместно с союзным Наркоматом совхозов представили в СНК СССР проект постановления о неотложных мерах по восстановлению совхозов в освобожденных от немецких захватчиков областях Белоруссии. 28 февраля советское правительство утвердило проект, зафиксировав это в постановлении «О восстановлении совхозов Наркомсовхозов в Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областях»⁷⁹. В соответствии с ним в мае—августе 1944 г. предусматривалось завезти в восстанавливаемые совхозы республики из других совхозов СССР 2 410 голов крупного рогатого скота, 390 лошадей и 60 свиноматок. Эти совхозы освобождались от сдачи мяса государству в 1944 г. Кроме того, в марте они должны были получить по линии Наркомсовхозов СССР еще 25 тракторов, 20 сеялок, 20 тракторных

плугов и 15 тракторных культиваторов. На хозяйственные цели совхозов (строительство жилых и хозяйственных построек) выделялись финансовые средства и строительные материалы⁸⁰.

2 августа 1944 г. нарком совхозов БССР З.М. Голодушко направил в Наркомат совхозов СССР докладную записку, в которой проинформировал союзный центр о ходе восстановления совхозов в республике. К указанному сроку в них поступило 23 трактора, 21 плуг, 15 культиваторов и 12 сеялок. Были задержаны «в пути» 10 из 16 запланированных к отправке в БССР комбайнов из совхозов Алтайского края. Также отмечалось, что в совхозы Белоруссии завезли 385 лошадей, но из общего числа запланированных оказалось «не получено» пять голов из совхозов Пензенской области. Кроме того, констатировался факт невыполнения плана завоза из регионов страны в совхозы БССР токарно-винторезных станков, электросварочных аппаратов, оконного стекла, толя, брезента, электропроводов, гвоздей и трофейных бочек для горюче-смазочных материалов. Из-за отсутствия на базах Автотракторосбыта запчастей (к тракторам и автомашинам) их поступило в республику всего на 30 тыс. руб. (планировалось на 100 тыс.)⁸¹.

Восстановление совхозов БССР при активной поддержке союзного центра продолжилось и в 1945 г. Так, например, в марте поступил трофейный скот из Восточной Пруссии: 12 855 голов крупного рогатого скота, 1 200 лошадей, 775 овец⁸².

В рассматриваемый период в центре внимания руководства страны и республики оставалась жилищная проблема в сельской местности. Предпринимались активные действия по восстановлению разрушенных оккупантами деревень, строительству жилья для колхозников, а также производственных и культурно-бытовых учреждений на селе. Эта работа рассматривалась всеми органами власти республики в качестве одной из важнейших, поскольку и в 1944, и в 1945 гг. тысячи семей колхозников продолжали жить в землянках, сараях, подвалах и других временных сооружениях. Во многих районах было мало восстановленных больниц, изб-читален, бань, аптек, а имевшиеся культурно-бытовые учреждения находились в непригодных помещениях, многие школы вели занятия в сельских избах и даже в землянках.

По инициативе и при самом непосредственном участии председателя СНК БССР П.К. Пономаренко в начале июня 1945 г. была завершена работа над целевой программой восстановления и строительства жилья и культурно-бытовых объектов в сельских районах Белоруссии. 5 июня 1945 г. программа была представлена И.В. Сталину в виде проекта постановления СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по восстановлению и строительству жилых домов колхозников, производственных построек в колхозах и культурно-бытовых зданий в селах Белорусской ССР». После обсуждения в ЦК партии и советском правительстве проект был подписан Сталиным, о чем свидетельствует постановление СНК СССР от 13 июня 1945 г.⁸³

Также Сталин поддержал предложенную Пономаренко программу создания в сельской местности республики небольших заводов по производству кирпича и керамической плитки для строительства жилья, объектов соцкультбыта в разрушенных оккупантами районах БССР⁸⁴. На эти цели в 1944 г. союзный центр выделил из госбюджета 39 млн 290 тыс. руб., в том числе на капитальные вложения в колхозах и МТС — 16 млн 590 тыс. руб. Кроме того, были выда-

ны долгосрочные кредиты: 7 млн руб. — на индивидуальное жилищное строительство рабочих, специалистов и служащих МТС, МТМ и земельных органов; 16 млн 900 тыс. руб. — на нужды сельского хозяйства республики, из которых 5 млн руб. направлялись непосредственно на хозяйственные нужды колхозов, 4 млн руб. — колхозникам; 500 тыс. руб. предназначались инвалидам Великой Отечественной войны и семьям фронтовиков на покупку скота⁸⁵.

20 июня 1945 г. ГКО СССР обязал СНК БССР «вывезти из Германии для восстановления производства обозного и сельскохозяйственного инвентаря, а также жилого фонда республики 450 металлообрабатывающих и 200 деревообрабатывающих станков»⁸⁶. Поступление трофейного оборудования для поддержки белорусской деревни продолжилось и в последующие месяцы⁸⁷.

Согласно постановлению СНК СССР от 21 июля 1945 г. право «кредитоваться на жилищное строительство» у Сельхозбанка на льготных условиях получили демобилизованные из Красной армии военнослужащие, инвалиды Великой Отечественной войны, семьи военнослужащих и семьи воинов, погибших на фронте⁸⁸.

В ходе реализации мер по строительству жилья для сельских жителей белорусское руководство столкнулось с проблемой дефицита финансовых средств для покупки и доставки леса. 30 апреля 1944 г. было принято постановление СНК СССР «О порядке отпуска леса колхозам и сельскому населению в освобожденных районах». В нем указывалось, что с 1 мая 1944 г. отпуск леса колхозам должен был производиться со скидкой в размере 50% установленной «попенной платы»⁸⁹, а партизанам и инвалидам Великой Отечественной войны — бесплатно⁹⁰. Тем не менее на протяжении 1944—1945 гг. ситуация с восстановлением жилья колхозников в освобожденных районах Белоруссии оставалась сложной. Из-за нехватки средств, нерасторопности в создании строительных бригад районного и колхозного руководства, неинформированности по их вине людей об имевшихся возможностях покупки леса колхозники сожженных оккупантами деревень, в том числе семьи красноармейцев и партизан, продолжали жить в землянках или у родственников в соседних деревнях. В более выгодном положении оказались семьи, в которых имелись трудоспособные мужчины. Их усилиями дома восстанавливались быстрее⁹¹.

В 1944—1945 гг. союзный центр поддержал инициативу республиканского руководства о восстановлении в БССР предприятий сельскохозяйственного машиностроения, разрушенных оккупантами (Гомсельмаша и др.). Невысокие темпы работ на объектах сельскохозяйственного машиностроения (Гомсельмаша, льно-пенькозаводов и др.) объяснялись недостаточным финансированием строительства, отсутствием специалистов, рабочей силы, задержками со стороны союзных организаций в поставках необходимого оборудования. Тем не менее процесс восстановления шел. Например, на строительстве Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения силами рабочих были организованы мелкие мастерские, кузнечное отделение на два горна, слесарно-жестяное отделение, столярно-плотничная мастерская и столовая на 400 человек.

В марте 1944 г. начался набор молодежи в открытые при заводе школу ФЗО и ремесленное училище⁹². 24 августа 1944 г. СНК СССР принял постановление о выделении из своего резервного фонда 50 млн руб. на покрытие бюджетных расходов БССР, в том числе 20 млн руб. — на расходы «по восстановлению хозяйства г. Гомеля и Гомельской области»⁹³.

Существенная помощь была оказана союзным центром в 1945 г. посредством завода в республику трофейных сельхозмашин. Так, 26 апреля вышло постановление ГКО СССР о передаче БССР со складов 3-го Белорусского фронта 300 вагонов с сельхозмашинами⁹⁴, 16 мая — «О выдаче оборудования с немецких молоко и мясоперерабатывающих заводов в Восточной Пруссии и Померании» (за подписью И.В. Сталина). Согласно второму документу Наркомат мясомолочной промышленности СССР и Главное трофейное управление Красной армии обязывались с 25 мая по 25 июня 1945 г. завезти в БССР оборудование двух немецких предприятий: маслосырзавода г. Шиппенбейля (для Барановичского молочно-маслодельного завода) и завода плавяных сыров г. Мариенбурга (для Минского молочного завода)⁹⁵.

20 июня 1945 г. по решению ГКО СССР из немецкого г. Котбуса была направлена авторемонтная мастерская Макса Хейланда на Минский механический завод Наркомсовхозов БССР⁹⁶. В том же году трофейное оборудование поступало и на восстанавливаемый в Гомеле завод сельскохозяйственного машиностроения. Восстановительные работы на «Гомсельмаше» тормозились по вине союзных наркоматов, не выполнявших в срок своих обязательств по поставке оборудования. Летом 1945 г. ситуация стала меняться благодаря активной позиции секретаря Гомельского обкома КП(б)Б Ф.В. Жиженкова, проинформировавшего о данной проблеме секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, и необходимое оборудование поступило на завод⁹⁷.

Помощь союзного центра БССР в решении первоочередных задач восстановления разрушенного оккупантами сельского хозяйства не исчерпывалась завозом скота, техники и различного промышленного оборудования. Республике предоставлялись дополнительные ресурсы и льготы по продовольственному снабжению населения, особенно таких его категорий, как семьи партизан и военнослужащих Красной армии. Так, 4 марта 1945 г. СНК СССР принял постановление, обязавшее Наркомат заготовок при союзном СНК выделять ежемесячно с марта до 1 июля 1945 г. сверх утвержденных рыночных фондов по 250 т муки для снабжения хлебом проживавших в сельской местности Витебской и Полоцкой областей семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны. В 1944–1945 гг. наиболее пострадавшие от оккупации колхозы БССР постоянно получали от союзного центра семенные ссуды для проведения весенней и осенней посевных кампаний⁹⁸.

О степени эффективности механизмов взаимодействия союзного центра и руководства Белоруссии в 1943–1945 гг. по вопросам восстановления сельского хозяйства республики свидетельствует следующий факт. Несмотря на тяжелейшие последствия немецко-фашистской оккупации, уже в 1944 г. восстановленные белорусские колхозы и совхозы в условиях острого дефицита рабочей силы, тягла, сельскохозяйственной техники, а также продолжавшихся военных действий успешно выполнили в целом данные им задания по обязательным государственным поставкам сельхозпродукции и различным видам трудовой повинности военного времени. Эта тенденция была закреплена и усилена в 1945 г. Параллельно (начиная с осени 1943 г. — начала освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков) в «партизанской республике» шел динамичный процесс восстановления жилого фонда колхозов и совхозов, укрепления их материально-технической базы, улучшения материального положения сельского населения⁹⁹.

Данные выводы свидетельствуют о том, что важнейшей причиной победы СССР над фашистской Германией и ее сателлитами в годы Второй мировой войны был сложившийся механизм управления экономикой страны союзным центром. Он позволил с максимальной эффективностью использовать имевшиеся материальные и людские ресурсы страны, чтобы, с одной стороны, обеспечить потребности армии и фронта, с другой — сохранить и восстановить функциональную дееспособность основных отраслей экономики. На примере Белорусской ССР можно утверждать, что действовавшая в годы войны модель управления СССР и созданный сталинским режимом в довоенный период народнохозяйственный комплекс позволяли после освобождения Красной армией не только в кратчайшие сроки восстанавливать разрушенные оккупантами огромные районы страны, но и использовать их потенциал для нужд продолжавшейся войны.

Примечания

- ¹ См.: *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль, 1998; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970; *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М., 2013; *Гаерлиов Н.С.* Алтай в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1990; *История крестьянства СССР*: в 5 т. Т. 3. Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М., 1987; и др.
- ² См.: *Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства // *Власть и общество, 1941–1945*: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севастьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 50–77; *Кондрашин В.В.* Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2005. № 2. Т. 7. С. 289–300; и др.
- ³ Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943–1945: документы и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (отв. сост.) [и др.]; редкол. В.И. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018.
- ⁴ См.: *Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. — 1944 г.*: сб. документов и материалов. Вып. 2. 1943 г. — 1944 г. Минск, 2010; *Освобожденная Беларусь: документы и материалы*. Кн. 1. Сентябрь 1943 — декабрь 1944. Минск, 2004; и др.
- ⁵ См.: *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны.
- ⁶ См.: *Скалабан В.* Извилистая фортуна Пономаренко. Архивный след вождя советских партизан // *Родина*. 2010. № 5. С. 44–46.
- ⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 93. Д. 1360. Л. 11–10; Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 48. Оп. 9. Д. 62. Л. 3–13.
- ⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 1360. Л. 11–10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ НА РБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 100. Л. 67–69; Ф. 48. Оп. 9. Д. 185. Л. 72–84.
- ¹² Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 37. Л. 128–134.
- ¹³ Там же. Ф. 48. Оп. 9. Д. 185. Л. 72–84.
- ¹⁴ Там же. Д. 57. Л. 19–23.
- ¹⁵ Там же. Д. 100. Л. 67–69.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 1803. Л. 40–37.
- ¹⁷ НА РБ. Ф. 31. Оп. 4. Д. 62. Л. 6–7 об.
- ¹⁸ *Белорусы в советском тылу ...* С. 86–91.
- ¹⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3242. Л. 23–29.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 91. Л. 329.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 221. Л. 208, 213.
- ²² Там же. Д. 222. Л. 63.
- ²³ Там же. Л. 105–110; Ф. Р-9504. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–6.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222. Л. 105–110.
- ²⁵ Там же.

- ²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 234–243.
- ²⁷ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 518. Л. 1–4, 7, 11–12, 29–45.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3437. Л. 53–57.
- ²⁹ Освобожденная Беларусь ... С. 34–39.
- ³⁰ Восстановление сельского хозяйства Беларуси ... С. 97.
- ³¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 220. Л. 68–69; Д. 221. Л. 208, 213.
- ³² Восстановление сельского хозяйства Беларуси ... С. 97.
- ³³ НА РБ. Ф. 4. Оп. 46. Д. 15. Л. 40–47.
- ³⁴ Там же. Оп. 29. Д. 518. Л. 1–4, 7, 11–12, 29–45, 78.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 250.
- ³⁶ Зональный государственный архив в г. Мозыре Республики Беларусь. Ф. 80. Оп. 3. Д. 3. Л. 2–2 об.
- ³⁷ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 29. Л. 45–48.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 242–249.
- ³⁹ НА РБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 60. Л. 6–8, 165–172.
- ⁴⁰ Там же. Д. 59. Л. 244–253.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 242–249.
- ⁴² НА РБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 76. Л. 111–113.
- ⁴³ Там же. Оп. 61. Д. 72. Л. 99–103.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 46. Д. 51. Л. 42–48.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 48. Оп. 9. Д. 59. Л. 244–253.
- ⁴⁶ Государственный архив общественных объединений Могилевской области. Ф. 4317. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2–4, 5 об., 8.
- ⁴⁷ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 51. Л. 42–48.
- ⁴⁸ *Вьлицан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства. С. 50–77.
- ⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 246. Л. 230–239.
- ⁵⁰ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 188. Л. 130–131.
- ⁵¹ Там же. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1773. Л. 185–186.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 64, 65, 66.
- ⁵³ Там же. Д. 419. Л. 97–100.
- ⁵⁴ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 134. Л. 24–25, 30.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 61. Д. 188. Л. 130–131.
- ⁵⁶ Восстановление сельского хозяйства Беларуси ... С. 224.
- ⁵⁷ НА РБ. Ф. 4. Оп. 46. Д. 21. Л. 26–27.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 48. Оп. 9. Д. 185. Л. 134–145.
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 70. Л. 78–79.
- ⁶⁰ Там же. Л. 80.
- ⁶¹ НА РБ. Ф. 4 п. Оп. 46. Д. 21. Л. 26–27.
- ⁶² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 449. Л. 61–64.
- ⁶³ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 2. Л. 1; Ф. 48. Оп. 9. Д. 62. Л. 55–56.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 5. Л. 79–80; Оп. 61. Д. 15. Л. 64–66.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 29. Д. 5. Л. 79–80.
- ⁶⁶ Зональный государственный архив в г. Орше (ЗГА ОРШ). Ф. 162. Оп. 7. Д. 3. Л. 72–73.
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 235. Л. 29–35; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3437. Л. 53–57.
- ⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 235. Л. 29–35.
- ⁶⁹ Там же. Л. 67–70.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 106. Д. 124. Л. 349–350.
- ⁷¹ Зональный государственный архив в г. Новогрудке. Ф. 33. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.
- ⁷² Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАОО ГО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 16. Л. 171, 183–186, 192.
- ⁷³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 320. Л. 111.
- ⁷⁴ Там же. Д. 362. Л. 56.
- ⁷⁵ ЗГА ОРШ. Ф. 162. Оп. 7. Д. 3. Л. 29.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 379. Л. 147, 150.
- ⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 1860. Л. 13–14.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 221. Л. 208, 213.
- ⁷⁹ Там же. Д. 224. Л. 258–260.

- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 101. Л. 62–63.
- ⁸² Там же. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 134. Л. 18–19.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1451. Л. 44–46, 92–107.
- ⁸⁴ НА РБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 60. Л. 223.
- ⁸⁵ Там же. Л. 6–8.
- ⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 429. Л. 28–30.
- ⁸⁷ НА РБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1773. Л. 12–13.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 76. Л. 111–113.
- ⁸⁹ Имеется в виду плата за каждый пень.
- ⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 222.
- ⁹¹ ГАОО ГО. Ф. 3525. Оп. 1. Д. 2. Л. 79–80.
- ⁹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 1803. Л. 40–37.
- ⁹³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 233. Л. 223.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 406. Л. 17.
- ⁹⁵ Там же. Д. 417. Л. 171.
- ⁹⁶ Там же. Д. 429. Л. 28–30.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 122. Д. 94. Л. 80–82.
- ⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 250; Д. 247. Л. 179, 227; Д. 262. Л. 328.
- ⁹⁹ Восстановление сельского хозяйства Беларуси ... С. 260–287, 353–376.

Библиография

- Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль: Изд-во Волог. ИПК и ППК, 1998. 286 с.
- Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М.: Наука, 1970. 466 с.
- Белорусы в советском тылу. Июль 1941 г. — 1944 г.: сб. документов и материалов. Вып. 2. 1943 г. — 1944 г. Минск: НА РБ, 2010. 183 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
- Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943–1945: документы и материалы / сост.: В.Д. Селлеменев (отв. сост.) [и др.]; редкол.: В.И. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2018. 648 с.
- Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа. М.: РНФ, 1995. 79 с.
- Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства // Власть и общество, 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севастьянов. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.
- Гаверилов Н.С.* Алтай в годы Великой Отечественной войны / под ред. В. Соколова. Барнаул: Алтайское книж. изд-во, 1990. 248 с.
- История крестьянства СССР: в 5 т. Т. 3. Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. М.: Наука, 1987. 447 с.
- Кондрашин В.В.* Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра РАН, 2005. № 2. Т. 7. С. 289–300.
- Освобожденная Беларусь: документы и материалы. Кн. 1. Сентябрь 1943 — декабрь 1944. Минск: НА РБ, 2004. 398 с.
- Скалбан В.* Извилистая фортуна Пономаренко. Архивный след вождя советских партизан // Родина. 2010 №. 5. С. 44–46.

Положение в трудовой сфере (1990-е гг.). Формирование среднего класса на селе

Аннотация. В статье рассмотрены последствия радикальной аграрной реформы начала 1990-х гг., ее влияние на сельскую жизнь и материальное положение населения. Проанализированы важнейшие перемены в сельской трудовой сфере: создание новых акционированных сельскохозяйственных предприятий, перешедших в частную собственность; резкий спад производства, массовые увольнения, безработица, несвоевременные выдачи зарплат и др. Отмечен и острый дефицит рабочих мест, сокращение трудовой занятости сельян, особенно женщин. И все же самым негативным фактором жизни сельян стало резкое снижение уровня оплаты аграрного труда, что и стало предпосылкой возникновения социального и имущественного неравенства. Наряду с бедными сельянами, выживавшими при доходах ниже «черты бедности», появились и другие социальные слои. Особое внимание уделено появлению «среднего класса» села, изучение которого только начато. Рассмотрены социально-имущественные критерии данной группы, факторы появления, основные виды занятий и проч. В заключение сделан вывод, что появление среднего класса и укрепление его социальных и экономических позиций пойдет на пользу российскому селу, поскольку с уходом из него этому классу «есть что терять».

Ключевые слова: аграрные преобразования, сельский социум, трудовая сфера, увольнения, безработица, доходы сельских жителей, сельскохозяйственные предприятия, подсобные хозяйства, фермеры, имущественная дифференциация, богатые, бедные, средний класс.

Одной из важнейших характеристик сельского социума является состояние его трудовой сферы. В начале 1990-х гг. в сельской местности России проживали свыше 39 млн человек (27% общего состава ее населения), причем 18 млн — трудовые ресурсы села (22% общего их наличия в стране). Непосредственно в сельском хозяйстве в то время трудились примерно 10 млн человек (13% общего числа работников, занятых во всех отраслях российской экономики)¹.

Начавшиеся в России рыночные реформы проходили тяжело, сопровождаясь масштабными социальными издержками. Наступление тяжелых времен россияне почувствовали уже в начале 1992 г., когда по решению правительства в стране была объявлена либерализация цен и отпущены цены на продукты и важнейшие виды потребительских товаров. По данным Госкомстата РФ, в 1991–1996 гг. цены на потребительские товары в России выросли в 2 199 раз, в том числе на продовольствие — в 2 061 раз. На этом фоне минимальный уровень заработной платы был повышен всего в 1 тыс., а пенсий — в 3 тыс. раз². Параллельно с небывалым ростом цен быстро закручивалась спираль инфляции, падала покупательная способность российского рубля. По мере перехода к рынку становилось ясно, что население от этой меры сильно проигрывает, поскольку повсеместно быстро снижался уровень жизни основной массы российских семей. В силу огромной разницы в резко поднявшихся ценах и реальных финансовых возможностях людей, их фактические доходы только за 1992 г.

* Вербицкая Ольга Михайловна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, verb-olga@yandex.ru.

упали более чем в два раза по сравнению с 1991 г.

В наиболее острый период рыночных реформ (1992–1993 гг.), когда невероятно быстро повышались цены и снижались реальные зарплаты, стали постоянно задерживаться выдачи пособий на детей и пенсий старикам, жизненный уровень населения катастрофически упал. Практически $\frac{1}{3}$ российских граждан трудоспособного возраста (49,7 и 46,9 млн человек соответственно), располагала денежными доходами в объеме ниже установленного в стране прожиточного минимума. И хотя с 1994 г. число неимущих в стране понемногу снижалось, но в 1997 г. свыше 30 млн россиян еще жили за чертой бедности, поскольку их доходы до этого уровня не дотягивали. Для сравнения: до реформ в РСФСР такой уровень жизни имели всего 2,3 млн человек (1,6%)³.

В экстремальную ситуацию бедности и лишений попали, прежде всего, безработные, многодетные семьи, пенсионеры и недееспособные. Много среди них оказалось и работников, сохранивших свои рабочие места, но в тех отраслях, которые в годы реформ стали «особо кризисными» (оборонная отрасль, машиностроение, бюджетная сфера, а также сельское хозяйство и др.). И если в советский период зарплата этих людей обеспечивала им вполне достойную жизнь, то в переходный период ее мизерный уровень превратил их в нищих. К тем, кто жил в бедности, следует причислить и прибывавших из стран ближнего зарубежья беженцев и вынужденных переселенцев. Массовое обнищание в России, наступившее с рыночными реформами, многократно усиливалось политикой «шоковой терапии» и ее верными спутниками — безработицей и шокирующим ростом цен. В целом эта политика ничего хорошего не приносила, и в народе появилась горькая шутка: «Шок есть, а терапии что-то не видно»⁴. Непосредственно для села весьма негативным последствием либерализации цен стали резкий рост тарифов на ресурсы (в том числе на бензин и другие виды топлива), подорожание необходимой селу техники, минеральных удобрений и проч., что буквально разоряло сельскохозяйственные предприятия, в которых тоже падало производство. В создавшихся условиях администрация проводила массовые сокращения работников.

На общем кризисном фоне сельской жизни последствия рыночного реформирования ощущались особенно остро. Общее разочарование в реформах сформировало в сельском социуме тяжелый морально-психологический фон, в котором доминировали осознание людьми огромного ущерба от рыночных преобразований и неуверенность в будущем. Следует учитывать и то, что за период колхозного строя социальная психология жителей села серьезно изменилась. Еще накануне коллективизации, в конце 1920-х гг., подавляющая часть крестьян-единоличников проявляла огромную заинтересованность в расширении своих земельных наделов, проявляла всемерную заботу о плодородии почв, увеличении в хозяйстве поголовья скота и т.д., то к концу XX в. ситуация уже была совсем иная. За прошедшие десятилетия большая часть сельских жителей почти полностью растеряли былую крестьянскую приверженность к земле, их ментальность претерпела радикальные изменения. К этому времени они уже стали обычными наемными работниками на земле, которые за установленную плату отработывали положенные часы в коллективном хозяйстве. Состояние дел в общественном хозяйстве их особо не волновало, поскольку они уже давно были отстранены от участия в руководстве и планировании колхозного производства, их мнение нико-

го особо не интересовало. Поэтому по-настоящему они переживали лишь за свое подсобное хозяйство, которое играло серьезную роль в их жизни. Учитывая отмеченные перемены в социальной психологии крестьян, в конце 1980-х гг., когда разрабатывалась концепция будущей радикальной аграрной реформы, большое внимание в ней было уделено и возрождению в крестьянине чувства хозяина земли. Однако в 1990-е гг., по мере реального перехода к рынку, эти аспекты совсем ушли из поля зрения реформаторов, и все ранее принятые социальные программы были просто свернуты. Это лишь подтверждало, что проблемы села и Агропромышленного комплекса (АПК) в то время уже не являлись приоритетом государственной политики, и денег для их развития в казне больше не находилось.

Шокирующие последствия аграрных преобразований 1990-х гг. оказывали на обитателей села сильное дезориентирующее воздействие. Буквально на их глазах происходил демонтаж колхозно-совхозной системы, рушился прежний уклад жизни, возникали фермерские хозяйства и новые коммерческие структуры, а сельскохозяйственное производство приходило в полный упадок, рождая массовую бедность. Было очевидно, что рыночные преобразования уже отбросили развитие российского села на несколько десятилетий назад.

Переход к рыночным отношениям стал мощным фактором, прочертившим резкую грань между жизнью в советской России и в условиях формирующегося рынка. Значительные изменения, далеко не в лучшую сторону, происходили и в сфере трудовых отношений села. Серьезные институциональные преобразования, начавшиеся в соответствии с требованием указа Президента РФ Б.Н. Ельцина от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», постепенно закладывали основы для нового способа организации производства и занятости на селе. Главное, что их отличало от прежних времен, — это численное доминирование предприятий (коллективных и индивидуальных форм), уже работавших на одной из форм частной собственности. В процессе реализации аграрной реформы все коллективные предприятия социалистического типа прошли реорганизацию, выбрали для своего дальнейшего развития новые организационно-правовые рамки, которые, по их мнению, более всего им соответствовали. При этом многие сельскохозяйственные предприятия (СХП) подверглись дроблению на более мелкие хозяйства. Происходившие изменения заметно трансформировали организационно-хозяйственную структуру СХП. В частности вместо 25 тыс. колхозов и совхозов, действовавших на территории РСФСР в канун реформ, в 1990 г., довольно быстро, уже к 1994 г., возникло 27 тыс. новых частных предприятий различной величины и типа собственности⁵.

В ходе институциональных преобразований расформированию подверглись колхозы и совхозы, которые почти 60 лет предоставляли стабильную занятость и заработок сельскому населению. Проведение аграрной реформы сопровождалось массовыми сокращениями работников из сельхозпредприятий, к этому времени уже прошедших через приватизацию, акционирование и теперь действовавших преимущественно в рамках частной собственности. Острый экономический кризис, усиленный еще и «шоковой терапией», либерализацией цен, вызвал банкротство очень многих СХП, и в аграрном производстве начался спад производства. С этого времени администрации предприятий начали в массовом порядке увольнять работников, но и те, кто еще сохранял за собой

рабочие места, месяцами не получали зарплаты. Многим жителям села было не на что содержать свои семьи.

В процессе рыночной перестройки АПК существенно изменилась и система трудовой занятости на селе. В условиях начавшегося экономического спада, когда порядка 80% сельскохозяйственных предприятий пребывало на грани банкротства, и резко упал спрос на рабочую силу, отношения между наемными работниками и администрацией существенно осложнились. Позиции работников в СХП в то время были сильно ослаблены, прежде всего, сложившимся в сельской местности острым дефицитом рабочих мест и отсутствием выбора. Работодатели искали наиболее работоспособных, квалифицированных и «дешевых» работников. А работники — рабочие места, по возможности с более высокой оплатой и лучшими условиями труда, социальными гарантиями и т.п.

В создавшейся ситуации в огромную проблему для жителей деревни превратилась крайняя узость сельского рынка труда, поскольку кроме разорявшихся сельхозпредприятий во многих селах нигде поблизости не было никакой возможности для нового трудоустройства. Масштабные увольнения работников, распространившиеся на всю Россию, привели к появлению практически неизвестного в СССР социального «зла» — массовой безработицы. В первый период рыночных реформ (1992–1995) в России ежегодно поиском работы были заняты около 25 млн уволенных и оставшихся «на улице» безработных. Поиски редко приводили к успеху, и разрыв между числом потерявших работу, и теми, кто ее нашел, в то время лишь продолжал увеличиваться (от 1 до 3,5 млн человек)⁶.

В феврале 1994 г. президент Б.Н. Ельцин в своем Послании Федеральному Собранию РФ даже был вынужден признать, что основная часть населения страны, прежде всего трудящиеся, платят за реформы непомерно высокую цену, расплачиваясь потерей рабочих мест, утратой источников доходов, недопустимым снижением уровня жизни, а, следовательно, здоровьем своим и своих детей. Президент РФ отмечал, что «наибольшие опасения вызывает бедность, вопиющее неравенство и безработица». И все же заявления о том, что в дальнейшем ведение внутренней политики и принятие государственных программ, лишь еще больше снижавших уровень жизни, недопустимы, выглядели голословными. Тем более что и его торжественные заверения в своей работе ориентироваться на «снижение цены реформ» для населения, на деле не имели соответствующего подкрепления⁷.

Действительно, никакого заметного облегчения не происходило — проблемы, существовавшие в феврале 1994 г. и обозначенные в Послании президента, еще больше обострились: спад производства происходил практически во всех отраслях. Достаточно отметить, что даже по официальным данным, к 1995 г. безработица в целом по стране выросла более чем в два раза, а с учетом неполной занятости потенциал безработных оценивался уже в 10–12% общей численности трудоспособного населения⁸.

В аграрной сфере при снижении производства и массовых увольнениях быстрее всего сокращалось количество работников в СХП. К 1998 г. по сравнению с 1990 г. в целом оно уменьшилось на 4,2 млн человек, т.е. более чем наполовину (на 55%)⁹. Характерно, что качественный состав работников, уволенных из данного сектора аграрной экономики, в значительной мере включал в себя механизаторов

(почти половину их общей численности в 1991 г.), операторов машинного доения (51%), а также руководителей и специалистов, количество которых упало сразу почти на 40%. Приведенные цифры подтверждают, что в процессе сокращения рабочих мест в СХП и организациях российская деревня в основном теряла свою квалифицированную рабочую силу. Но, думается, что определенная часть перечисленных категорий квалифицированных работников, возможно, ушла из сельскохозяйственных предприятий и «по доброй воле», не дожидаясь официальных увольнений, поскольку эти специальности были востребованы и вне аграрного производства. Но в любом случае, увольнения нанесли, безусловно, серьезный ущерб всему сельскому хозяйству, поскольку они еще больше ухудшили и без того непростые условия ведения производства в крупных и средних предприятиях. Особенно пострадали такие виды работ, как сев, пахота, уборка урожая и др., которые прежде были практически полностью механизированы¹⁰.

Подобным образом складывалась ситуация с занятостью и в других отраслях сельской экономики. Состояние баланса трудовых ресурсов показывало, что общая занятость на селе (без учета занятых в личном подсобном и домашнем хозяйствах, а также учащихся) по сравнению с 1991 г. снизилась всего за год на 2,6 млн человек (16%). Многочисленные увольнения проходили не только в сельхозпредприятиях, но еще в большей мере — в учреждениях социальной сферы села и строительстве, т.е. в тех отраслях, которые в период аграрной реформы практически полностью перестали получать финансирование из федерального бюджета и вынужденно сворачивали свою деятельность. Сельская безработица росла опережающими темпами — ее уровень превышал городскую, минимум, на 60%. Более того, по сравнению с ее критическим уровнем, рассчитываемым по методике ООН (10%), безработица в российских селах была выше в два раза. Ситуация достигла невероятной остроты: по данным выборочных исследований Госкомстата РФ, в первом квартале 1999 г. на селе уже насчитывалось 3,3 млн безработных, которые искали работу и были готовы к ней приступить немедленно. В целом ряде российских регионов уровень сельской безработицы достиг невероятно высокого уровня. Если в Алтайском крае, республиках Адыгее, Карелии, Бурятии, а также в Волгоградской области ее уровень достигал 20–25%, то в Калининградской области, в республиках Северного Кавказа (Карачаево-Черкесии, Дагестане, Кабардино-Балкарии) — уже 35–50%, а в Ингушетии был поставлен своеобразный рекорд — работы в селах не имело около 60% трудоспособного населения¹¹.

Среди женщин фактический уровень безработицы в аграрном секторе оказывался значительно выше, что подтверждали данные Министерства труда и социального развития РФ. Так, доля сельских женщин, не имевших работы, достигла в Бурятии 78%, Адыгее — 76%, Башкортостане — 74%. Столь же высоким оказался ее уровень в Липецкой области, Ставропольском и Алтайском и других краях. Положение сельянок усугублялось и тем, что мужчины к тому времени «отняли» у них даже традиционно женские сферы труда — торговлю, финансы и бухгалтерию¹².

В 1990-е гг., несмотря на общий низкий уровень оплаты труда, в сельском социуме из-за безработицы еще больше стало цениться наличие постоянного места работы. В сельхозпредприятиях нового типа работа обеспечивала агра-

риев, как и в советский период в колхозах и совхозах, не только заработком и другими социальными гарантиями (им продолжал начисляться трудовой стаж, полагалась пенсия по старости, оплата временной нетрудоспособности и др.). Работники СХП в отличие от основной массы сельского населения даже сохранили доступ к медицинскому обслуживанию, что в годы кризиса рассматривалось в качестве особой привилегии, поскольку сельские медицинские учреждения, пребывая в полном упадке, стали практически не доступны всем сельским жителям. Следует также отметить еще одно обстоятельство, придававшее дополнительную выгоду занятости в СХП: по сохранявшейся еще с советского времени традиции селяне имели возможность пользоваться и другими, нелегальными, способами дохода. Особую распространенность в те годы приобрело воровство («несунство») кормов и другой продукции из коллективного предприятия в свои подсобные хозяйства. Из хозяйства предприятия выносилось все, включая даже «казенное» горючее, которое потом перепродавалось посторонним лицам; использовались в личных целях даже ведомственные транспортные средства и др. Таким путем селяне старались как бы «компенсировать» свою очень низкую, да еще нерегулярно выплачиваемую зарплату.

В случае если где-то появлялась вакансия, сразу создавались высокая конкуренция и напряженность, буквально уже на стадии подбора кадров, а сама вероятность зачисления работников сильно зависела от многих факторов, преимущественно от половозрастных критериев. Ощущался жесткий гендерный подход, даже когда речь шла всего лишь о временной работе. Шансы мужчин и женщин при формальном трудоустройстве оценивались по-разному. Например, проходившие в начале 2000-х гг. опросы сельских жителей Новгородской области показали, что 65% опрошенных мужчин считали, что они могут получить работу на селе. И наоборот, практически столько же (56%) опрошенных женщин заявляли, что им найти работу на селе или в районе практически невозможно. В то же время респонденты-мужчины такой ответ давали лишь в 29% случаев. Кроме того, женщины мало представляли себя в качестве наемной рабочей силы у своего бывшего соседа, ныне ставшего предпринимателем, дачника или фермера (19% женских ответов против 63% мужских). Свою более низкую активность при поиске работы женщины объясняли высокой загруженностью в домашнем и личном подсобном хозяйстве. На сельском рынке труда, если и возникали вакансии, то обычно это были такие виды работ, которые требовали значительных физических усилий, традиционно выполняемых мужчинами (строительство, заготовка топлива, перевозка грузов, сельскохозяйственные работы и проч.). Наконец, на селе еще действовала традиционная система социальных норм, которая не одобряла наем женщин к частным лицам на поденную работу¹³.

Тенденцию снижения доли женского труда в сельском хозяйстве отражает и другой источник — проводившееся в 1990-х гг. обследование населения по проблемам занятости. В 1992 г. занятыми вообще (с учетом временной работы) в среднем по селам России было 84,3% мужчин и 77,1% женщин, но и впоследствии удельный вес сельских женщин, имевших официальную занятость, стал еще ниже. Например, в 1997 г. занятость имели 68,5% сельских мужчин дееспособного возраста и 62,4% женщин, а в 1998 г. — 65,5% и 59,2% соответственно.

Анализ сельской занятости по отраслям показывает, что максимум ее снижения произошел в строительстве (в 2,2 раза), даже в сравнении с сельским хозяйством, где в среднем она снизилась на 22,4%¹⁴.

Закономерным следствием снижения потребности в женской рабочей силе на селе стало уменьшение доли женщин в общем составе занятых по отраслям экономики. Если в 1990–1997 гг. доля женского труда в среднем по экономике РФ снизилась на 4%, то в сельском и лесном хозяйствах — на 7%. Однако справедливости ради, подчеркнем, что доля женщин в общем составе занятых в промышленности оказалась выше, практически на уровне максимальных значений по всей экономике — 9%¹⁵.

Особый трагизм приобрела ситуация в сельской глубинке, в отдаленных поселениях, где вследствие окончательного экономического краха или реорганизации свою деятельность прекращало единственное имевшееся там предприятие. Это означало, что в данной местности работы больше нет, и чтобы выжить, остается только уезжать из села. И если в годы кризиса и реформ найти новую работу в сельской местности было вообще невозможно, то и на городском рынке труда селяне, за крайне редким исключением, тоже потеряли свою конкурентоспособность. В городах в это время уже была своя армия безработных, многие из которых, в отличие от сельских жителей, кроме специальности, имели свое жилье и городскую прописку.

Занятости населения принадлежит центральное место в общей системе функционирования сельского социума, и включение трудовых ресурсов в его сферу при рыночных условиях осуществляется через рынок труда. В целом занятость как социально-экономическая категория сама по себе выражает отношения между работниками, работодателями, государством и профсоюзами по поводу уровня, условий и характера занятости. Это, в свою очередь, подразумевает как определенное соотношение между наличием рабочих мест и существующим на них спросом, так и условия найма работников, уровень оплаты их труда, его условия, социальные гарантии и проч.

Конкретным воплощением трудового потенциала в сельском социуме являются его трудовые ресурсы, к которым принято относить лиц трудоспособного возраста, независимо от того, заняты они в экономике или нет (за исключением неработающих инвалидов труда и т.п.), а также работающих лиц нетрудоспособного возраста. Эти категории функционирующих трудовых ресурсов образуют занятое население¹⁶.

В процессе рыночной перестройки АПК и радикальных институциональных трансформаций 1990-х гг. существенно поменялась и система трудовой занятости на селе. В советские годы сельское хозяйство большинства российских регионов, особенно в Нечерноземном центре и на Северо-Западе РСФСР, постоянно испытывало острую потребность в дополнительной рабочей силе. Определенный излишек незанятых работников трудоспособного возраста имелся лишь в многолюдных сельских районах Северного Кавказа. Но в целом аграрная отрасль РСФСР характеризовалась, скорее, дефицитом рабочей силы, нежели потребностью в дополнительных рабочих местах. В сельской местности основным являлось аграрное производство, но показатели производительности труда в нем еще не были в состоянии компенсировать машинами недо-

статок рабочих рук. С целью большей эффективности аграрного производства подавляющая часть имевшегося трудового потенциала села и соответственно рабочих мест, концентрировалась непосредственно в коллективных сельскохозяйственных предприятиях (колхозах и совхозах). Кроме того, определенным числом рабочих мест располагали и предприятия перерабатывающих отраслей, однако все это было несопоставимо с положением в колхозно-совхозном производстве. Еще менее емкой в этом плане оказалась сельская социальная сфера (детские учреждения, школы, медицинские и торговые предприятия, сельские культурно-бытовые учреждения — клубы, библиотеки и др.).

В СССР занятость взрослого населения была обязательной; размер зарплат устанавливался централизованно, в соответствии с государственными ставками, а безработицы в сельском хозяйстве практически не было (по крайней мере, официально). Но в изменившихся условиях новой России, по мере перехода к рынку, ситуация быстро менялась, и определенную ясность вносил новый закон «О занятости населения в Российской Федерации» (апрель 1991 г.), который регламентировал правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения. Понятие «занятость» в законе определялось как деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, приносящая заработок. Подчеркивалось также, что государство предоставляет гарантии в области реализации прав граждан на трудовую и социальную защиту от безработицы. Любое принуждение к труду, равно как и привлечение к ответственности за незанятость, согласно закону, запрещались. Данное положение было вполне созвучно конкретной обстановке с занятостью в стране, при которой существовала острая нехватка рабочих мест.

В то же время закон декларативно провозглашал необходимость оказания социальной поддержки безработным и обязательность выплаты им соответствующих пособий¹⁷. Обнародование этого закона должно было помочь упорядочению процесса формирования рыночных институтов, призванных регулировать ситуацию с безработными (организация процесса регистрации и постановки на учет населения, лишившегося рабочих мест; оказание помощи в поиске работы, в том числе посредством организации ярмарок вакансий и выплаты социальных пособий по безработице). Между тем острый экономический кризис способствовал еще большему сокращению производства, особенно после приватизации государственных предприятий, когда многие из них обанкротились и закрылись. На приватизированных предприятиях администрация еще смелее сокращала ставшую излишней рабочую силу — по сокращению штатов или отправляя в бессрочный отпуск¹⁸.

Сельскому сообществу пришлось, по сути, решать непростую проблему последствий массовых увольнений из сельскохозяйственных предприятий. Тем более что при этом страдали сельские жители, работавшие и в акционированных предприятиях нового типа (АО, ООО, различные кооперативы, товарищества и проч.), которых буквально выбрасывали на улицу. Создавшееся положение с отсутствием вакантных рабочих мест на СХП превращало увольнение вчерашних колхозников и работников в настоящую беду. Государство же фактически самоустранилось, заняв позицию наименьшего сопротивления, полагаясь всецело на рыночную стихию, которая, по заверениям либералов, организовавших рефор-

мы в стране, рано или поздно «сама все отрегулирует». Ослабление активной регулирующей роли государства, низкая эффективность его воздействия на социальные процессы, особенно в сфере занятости и оплаты труда, социальной защиты, не могли не отразиться на общем положении села. Со временем государство фактически отказалось и от функции основного производителя и нанимателя рабочей силы.

Пожалуй, в период активной фазы реформ наиболее благоприятные перемены произошли в социальном статусе сельских жителей. Уже на первом этапе рыночных преобразований (1992–1993) в процессе расформирования колхозов и совхозов и в соответствии с указом президента Ельцина от 27 декабря 1991 г. они получили полагающуюся им долю земли и имущества (пай). Помимо действующих работников СХП, все это получили и пенсионеры, а также часть работавших в социальной сфере. На каждое сельское домохозяйство в среднем по России пришлось по два земельных пая, каждый величиной примерно в 5,5 га, но в ряде регионов земельные пай бывали и более весомыми. Ранее, по советским законам, все жители села являлись лишь пользователями своей приусадебной земли, в то время как ее единственным хозяином выступало государство. Аграрная реформа 1990-х гг. превратила их всех сразу в собственников земли, что значительно повысило статус и права селян. По официальным данным, около 12–14 млн граждан РФ, в основном жители села, стали собственниками земли¹⁹.

Однако радость от получения земельных паев для многих селян омрачилась увольнением из СХП и необходимостью искать новую работу. В конце концов, основной массе потерявших работу, при резком сокращении числа рабочих мест на селе, ничего другого не оставалось, как окончательно перейти на собственное семейное подворье и заняться традиционным выращиванием картофеля, других овощей, разведением скота и птицы. В советский период частные подворья селян именовались «личными подсобными хозяйствами» (ЛПХ), но в условиях 1990-х гг. они хоть уже и превратились в рудимент ушедшей эпохи, их роль в жизни сельских семей на этапе перехода к рынку не снизилась. Более того, можно сказать, что она поднялась еще выше, поскольку именно эти хозяйства, не столь давно бывшие «подсобными» (а по новой, статистической и экономической терминологии, просто «крестьянские хозяйства»), сумели обеспечить физическое выживание основной массе сельского населения. В последнее десятилетие XX в. «крестьянские хозяйства», приняв в себя пару-тройку миллионов сельских жителей из числа потерявших работу в коллективных предприятиях, еще и выполнили чрезвычайно важную социальную миссию. По меткому определению Л.В. Бондаренко, они стали, «приемной нишей для рабочей силы, высвободившейся из сельхозпредприятий»²⁰. Именно сектор ЛПХ в 1990-е гг. предоставил занятость огромному числу экономически активного сельского населения, вынужденно перешедшему туда из-за сокращения из СХП. За девять лет (1991–1999) за счет категории трудоспособных работников, перешедших из сельскохозяйственных предприятий, подсобные хозяйства пополнились рабочей силой более чем в два раза — с 2,0 до 4,4 млн человек²¹.

Однако не стоит полагать, что вся многомиллионная армия сельских безработных выживала исключительно лишь благодаря экономике своих приусадебных хозяйств. По справедливому замечанию академика А.В. Петрикова, огром-

ное значение в решении социальных проблем села, в частности, обеспечении занятости сельского населения и поддержании его доходов, имело и развитие малого сельского предпринимательства. Достаточно напомнить, что из коллективных сельхозпредприятий в 1990-е гг. были уволены свыше 4 млн человек, а сектор ЛПХ при этом сыграл роль «социального амортизатора», приняв подавляющую их часть. Однако Петриков справедливо обратил внимание на то, что государство, не оказав селянам, потерявшим занятость и зарплату, вообще никакой помощи, сумело, однако на этом «мирном переходе» сэкономить немалые средства, отводимые на реализацию программы борьбы с сельской бедностью и безработицей. Дело в том, что при общей численности сельских безработных примерно в 1,8 млн человек, из них на бирже труда были зарегистрированы и получали пособия всего лишь 320 тыс. Остальным же государственные органы в пособиях отказали, незаконно мотивируя это наличием у них земельных долей или даже личных подворий. Поэтому при всех многочисленных издержках аграрной реформы большинство сельских безработных получили еще и несправедливый отказ в полагавшихся им государственных пособиях. Оставшимся один на один со своими трудностями и материальными проблемами, им приходилось поддерживать свое существование разными способами, включая не только занятие подсобным хозяйством, но и доступные формы малого предпринимательства. А государство, отказывая в выплате пособий по безработице, ежегодно экономило на безработных селянах серьезные финансовые средства, не выплачивая им полагавшихся по закону пособий²².

Вынужденный масштабный переход части селян на работу в свои подворья, бесспорно, следует оценивать, как важнейший способ их адаптации к резко ухудшившимся условиям существования. Перенос в частные хозяйства центра экономической активности более чем двух миллионов активных и дееспособных работников, не считая вспомогательных категорий рабочей силы, традиционно там работавших, способствовал серьезной трансформации ЛПХ в направлении действительно интенсивно развивавшихся «крестьянских хозяйств». Одновременно мощный приток рабочей силы значительно ускорил их развитие и экономическую эффективность. Приложение гораздо большего объема трудовых затрат позволяло сельской семье, подобно фермерам, тоже выносить на рынок несколько больше продукции, произведенной в ЛПХ.

В связи с этим не будет лишним напомнить, что сельскую занятость в неформальном секторе подсобных хозяйств всегда рассматривали как работу на самих себя, поэтому она государством соответственно и не оплачивалась. Начав трудиться на своих подворьях, бывшие работники обанкротившихся сельхозпредприятий понесли, кроме зарплатных, и другие потери экономического и социального плана. Так, занятость в частных хозяйствах не засчитывалась им в трудовой стаж, лишала их прав на пенсионное обеспечение в старости, на оплачиваемый отпуск, социальное страхование по болезни и проч. Тем не менее они «выживали», выращивая огородные культуры, а если в личном пользовании имелся домашний скот или птица, то имели еще и ценные продукты животного происхождения, включая мясо, молоко, яйца и проч.

За предыдущие полвека советской истории частные подворья (подсобные хозяйства) много раз доказывали свою непреходящую ценность в жизни сель-

ского социума. Помимо своей производственной роли, ЛПХ давно стали непреходящим атрибутом сельского образа жизни вообще. В критических условиях 1990-х гг. именно они создали тот фундамент, который обеспечил физическое выживание миллионам селян, брошенных реформами в бездну безработицы и бедности. Даже наиболее уязвимые в социальном плане группы села, включая семьи с детьми, пенсионеров, безработных, домохозяйства, не имевшие в своем составе дееспособных членов семей, всю свою трудовую энергию направили на ЛПХ и ценой тяжелого физического труда сумели хотя бы по минимуму, но обеспечить себя пропитанием. При этом производство в подсобных хозяйствах было нацелено, прежде всего, на самообеспечение продуктами данной семьи, и только небольшая часть их при необходимости могла быть реализована на рынке. Производством продукции с целью рыночных продаж занималось сравнительно небольшое число ЛПХ (менее 20%), а их подавляющее большинство (свыше 80%) производили продукцию исключительно для конечного потребления в своих семьях, а не ради продажи²³. В отличие от этих хозяйств, производство сельскохозяйственной продукции фермерами имело товарный характер и предназначалось исключительно для рынка.

Большинство селян, лишившись стабильной занятости и основного источника дохода — зарплаты, с удвоенной энергией весь свой трудовой потенциал мобилизовали на работу в семейных подворьях. По данным Федеральной службы земельного кадастра РФ, на протяжении 1990–2000 гг. подсобные и дачные хозяйства в стране держали в разные годы в общей сложности от 15,5 до 16,3 млн российских семей, включая горожан. Несколько меньшая цифра, зато более конкретная — об общем числе подсобных хозяйств в сельской местности — была названа во время Всероссийской переписи населения (2002) — 13,5 млн домохозяйств. В любом случае, среди подсобных хозяйств, принадлежавших гражданам РФ, количественно явно доминировали частные подворья сельских жителей, доля которых насчитывала не менее 80%²⁴.

Правда, чтобы элементарно выжить и прокормиться, всей семье приходилось много работать, включая подростков и стариков. Например, в 1999 г. из общего числа работников (17 млн) всех возрастных категорий, проживавших в сельской местности, более половины (10,6 млн, 63%) полностью или частично были заняты в своих частных подворьях и домашних хозяйствах. В то же время общая среднемесячная численность трудовых ресурсов (в возрасте 15–72 лет), занятых в данном секторе села, по сведениям Федеральной службы земельного кадастра России, в том же году составила 7,3 млн, в 2002 г. — 8,1 млн человек. С учетом всех членов семей, включая имевших и другую занятость, приносящую доход, эта цифра в разные годы доходила до 14–16 млн человек²⁵. Столь полная мобилизация человеческих ресурсов села, направленная на «выживание», подтверждала способность селян противостоять негативным последствиям рыночного реформирования.

Высокая занятость в домашних хозяйствах, прежде всего приусадебного типа, представляла собой уникальное явление, где в пик аграрного сезона практически 40% всего взрослого населения страны (а в сельской местности эта доля временами была и выше) занималось производством сельскохозяйственной продукции — частично для продажи на рынке, но главным образом,

для собственного потребления. Не удивительно, что такие способы адаптации жители села воспринимали уже как общепринятую практику и норму трудовых отношений²⁶.

В этот нелегкий период, стремясь сэкономить на заметно вздорожавших продуктах, наряду с сельскими жителями, производством сельскохозяйственной продукции, занимались и многие тысячи горожан. Иными словами, это был действительно гигантский «анклав экономики самообеспечения», который включал в себя не только безработных жителей села. Проводившиеся обследования населения по проблемам занятости среди жителей городов и сельской местности подтверждали, что в течение года в ЛПХ трудились в среднем около 23 млн человек, или примерно каждый пятый взрослый житель РФ. Эта цифра почти в пять раз превышала общую численность занятых в формальном секторе сельского хозяйства, т.е. в крупных и средних СХП (с учетом работавших в фермерских хозяйствах)²⁷.

Благодаря существенному притоку рабочей силы за счет членов семей, потерявших работу, а главное — их самоотверженному труду, сектор подсобных хозяйств за сравнительно небольшой период времени сумел оформиться в самостоятельный мелкотоварный хозяйственный уклад сельской экономики. В 1990-х гг. сельские частные подворья превратились не только в самостоятельный уклад, но еще и в наиболее энергично развивавшийся сектор сельскохозяйственного производства России. За это время значительно возрос их удельный вес в занимаемой земельной площади РФ (благодаря полученным участкам земли), а также существенно поднялась их доля в валовом производстве аграрной продукции. Если накануне рыночной реформы, в 1990 г., они производили всего 26,3% общего объема сельскохозяйственной продукции, произведенной всеми категориями хозяйств, то в 1998 г. этот показатель увеличился более чем в два раза (59,2%). Значит, один сектор бывших ЛПХ производил аграрной продукции больше, чем коллективные сельскохозяйственные предприятия всех типов (38,7%) и крестьянские (фермерские) хозяйства (2,1%) вместе взятые²⁸.

Таким образом, крестьянские (подсобные) хозяйства населения в экстремальных условиях 1990-х гг. продемонстрировали настоящий экономический подъем, проявили себя гибкой и жизнеспособной формой хозяйствования. Столь значительный экономический успех крестьянских хозяйств приусадебного типа в России свидетельствовал и об удачном прохождении ими переходного периода. Однако социальная цена такой адаптации оказалась чрезмерной — огромное и всеобъемлющее самоограничение при тяжелейшем физическом труде всех членов семьи.

Поскольку одной из целей институциональных реформ на селе было воспитание в крестьянине чувства хозяина земли, реформаторы возлагали большие надежды на новый экономический уклад села — фермерские хозяйства, которые должны были помочь с решением этой задачи. В действительности же оказалось, что после получения земельных долей и при выборе оптимального для себя способа дальнейшего распоряжения ими, лишь очень небольшое количество сельских домохозяйств решилось пойти на организацию собственных фермерских хозяйств. Слишком многие из них были не в состоянии самостоятельно работать на земле, поэтому куда больше селян предпочло вос-

пользоваться полученной возможностью сдавать землю в аренду (крупному реорганизованному сельскохозяйственному производителю или фермеру как юридическому лицу). Но все же больше всего работников аграрных предприятий, выбирая подходящий способ распоряжения землей, предпочли за счет нее расширить уже имевшееся у них подсобное хозяйство. Этому способствовало и то, что в ходе реорганизации коллективных предприятий советского типа большинство работников, получив свою долю земли и имущества бывших колхозов и совхозов, стали акционерами новых сельхозпредприятий частного типа и одновременно совладельцами приватизированной земли. Поэтому вместо непосредственного наделения землей за счет полученной земельной «доли» они просто получили соответствующий государственный документ, который подтверждал этот факт. В натуральном виде земля выделялась лишь тогда, когда владелец пая выходил из состава предприятия, чтобы организовать свой бизнес на земле, включая крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ).

В итоге более половины жителей села (54,2%) в силу преклонного возраста, состояния здоровья, недостатка знаний, а то и вследствие чисто крестьянского консерватизма отказались от организации собственного дела на земле²⁹. Решиться открыть свой аграрный бизнес многие семьи не смогли из-за отсутствия сильных и дееспособных домочадцев, имевших возможность заниматься тяжелым земледельческим трудом. Тем более что, кроме относительно молодого возраста и крепкого здоровья, будущему фермеру требовалось еще и многое другое, в том числе от него не зависящее: доступ к кредитам, услугам предприятий рыночной инфраструктуры (склады для хранения продукции, транспорт для перевозки и проч.). Помимо этого, время от времени им нужны были консультации специалистов по вопросам рыночной адаптации и т.п. Тем не менее основную роль сыграло уже давно происходившее старение жителей села, и проявились негативные последствия многолетней миграции из него молодежи. По этой причине демографический состав остававшихся селян постоянно ухудшался, т.к. молодых, энергичных, грамотных и готовых рисковать становилось все меньше, а доля пенсионеров неуклонно росла. В последнее десятилетие XX в. в российских деревнях наблюдалось численное превосходство пожилых людей, особенно женщин. Такова была демографическая реальность, которую реформаторы, похоже, принимать во внимание не хотели.

Фактические темпы и масштабы создания в стране фермерских хозяйств, а главное — экономические итоги их работы доказали, что расчет реформаторов на «всеобщую фермеризацию» исходил не только от незнания природы российского крестьянства, но и реальных условий, создавшихся на селе. За десять лет развития фермерского движения к 2001 г. общее число зарегистрированных и действовавших КФХ по стране составило всего 261,7 тыс. На селе их доля не превышала и 2%. Выборочное обследование Госкомстата РФ (2001) показало, что в целом насчитывалось всего 442,9 тыс. российских фермеров вместе с членами их семей. Если к этому прибавить примерно 50% тех, кто работал в этих хозяйствах на условиях найма, то в фермерском секторе на тот момент были заняты всего около 700 тыс. человек³⁰.

ЛПХ и КФХ, довольно быстро оформившиеся как самостоятельные уклады сельской экономики, по своим масштабам и прочим характеристикам оказа-

лись очень разными (и потому не сопоставимыми). Если в подсобных хозяйствах работали от 14 до 16 млн человек (всех возрастов) и производили большую часть сельскохозяйственной продукции, то крестьянские (фермерские) хозяйства насчитывали меньше 1 млн человек, а производили всего 2–2,5% (1998) общего объема валовой продукции аграрного сектора³¹.

Тем не менее в ходе институциональных преобразований на селе оформилась новая хозяйственная структура аграрного производства. Независимо от конкретной организационно-правовой формы в ней стали преобладать частные предприятия коллективной или индивидуальной формы собственности. К началу 1999 г. на селе уже действовали 333,3 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых осталось немного (4,2%) государственных и муниципальных предприятий — всего 13,9 тыс. единиц. Подавляющее большинство хозяйственных субъектов на селе уже стали частными предприятиями — 313, 2 тыс. (94% общего числа), среди которых 270,2 тыс. (81,1%) были представлены сравнительно небольшими КФХ. Наряду с этим, на селе имелись еще и 6,2 тыс. сельхозпроизводителей (1,8%), действовавших в рамках смешанной формы собственности³².

Таким образом, государственный сектор на селе уже перестал быть ведущей формой землевладения в РФ, и его доля в общей площади земель сельскохозяйственного пользования значительно снизилась. При таком раскладе земля в большинстве СХП уже не принадлежала государству, а перешла в собственность объединенных крестьян и отдельных частников. Суммарная доля всех частных хозяйственных субъектов абсолютно преобладала в общей структуре землевладения России. Это свидетельствовало об активном формировании на селе многоукладной аграрной экономики, в которой как самостоятельные хозяйственные уклады выделились не только крупные сельхозпредприятия, преимущественно частного типа, но и фермерские хозяйства, а также частный сектор бывших подсобных хозяйств.

Происходившие на селе радикальные экономические преобразования повлекли за собой и не менее существенные перемены в материальной обеспеченности его населения. Вплоть до самого начала рыночных реформ для него основным источником поступления денег служила заработная плата. Отметим, что в годы радикальных преобразований в стране, при тяжелом состоянии всей российской экономики, угнетенной «шоковой терапией» и либерализацией цен, крупные негативные изменения произошли и в системе оплаты аграрного труда. Либерализация цен коснулась не только подорожания продуктов и товаров первой необходимости, но распространилась более глубоко — на сам механизм ценообразования, в том числе и в таких важнейших экономических отраслях, как промышленность и сельское хозяйство. Сильно подорожали вся сельскохозяйственная техника, топливо, удобрения и т.п. ресурсы, необходимые аграрному сектору. В то же время цены на сельхозпродукцию, хоть и поднялись, но в значительно меньшей мере, поэтому стоимость продуктов выражалась в несопоставимо более низких ценах по сравнению с промышленной продукцией. Это соответствующим образом отражалось и на общем уровне оплаты аграрного труда. На протяжении всего периода реформ величина зарплат в сельском хозяйстве постоянно только снижалась, что неизбежно повлияло на ранее сложившееся соотношение различных источников дохода сельского

населения. Характерно, что зарплата в эти годы потеряла свою былую ведущую роль среди всех прочих денежных поступлений в семейный бюджет селян. Что касается ее среднего уровня, то он тоже с каждым годом и во всех подразделениях сельского хозяйства неуклонно снижался: если в 1990 г. он практически полностью приблизился (на 95%) к среднему размеру зарплат по всей российской экономике, то в последующие годы происходило лишь его сокращение. В итоге к 2001 г. средний размер зарплаты в сельском хозяйстве не достигал и 40% уровня 1990 г. При сравнении средних зарплат в сельском хозяйстве со сложившейся ситуацией в других отраслях (промышленность, транспорт) очевидно, что между ними произошел ощутимый разрыв. К началу XXI в. разрыв достигал уже трех и более раз и отнюдь не в пользу сельского хозяйства³³.

Таблица 1

**Удельный вес среднемесячной начисленной заработной платы
в сельском хозяйстве относительно ее размера в ряде других отраслей (%)***

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100	100	100
Промышленность	108	104	112	110	111	115	123	124
Сельское хозяйство	61	50	50	48	46	45	40	40
Лесное хозяйство	74	73	68	66	60	58	61	58
Строительство	133	129	126	122	128	125	126	128
Транспорт	151	150	156	144	141	144	150	137

Составлено по: Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. М., 1998. С. 123; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. Оффц. издание: стат. сб. М., 2002. С. 109.

Данные таблицы 1 подтверждают, что средний уровень начисленной заработной платы в сельском хозяйстве на всем протяжении периода 1990-х гг. был не только минимальным по всей российской экономике, но еще из года в год постоянно снижался, причем быстрее, чем в какой-либо другой ее сфере. Уже в 1993 г. оплата труда в этой отрасли опустилась на последнее место в отечественной экономике, на котором и продержалась достаточно долго, а в это время межотраслевой разрыв с каждым годом лишь нарастал. Похожие тенденции действовали и в лесном хозяйстве, но нигде, кроме сельского хозяйства, снижение зарплат не стало таким глубоким и продолжительным. Например, в промышленности и строительстве после некоторого снижения уровень зарплат вновь стал расти, но в сельском хозяйстве они ни разу не повышались в 1990-х гг. В целом в 1993–2001 гг. уровень заработной платы в сельском хозяйстве формально понизился на 21%, а если сравнивать с 1990 г., то на 55%³⁴.

Огромную ценность при изучении материальной обеспеченности сельского населения представляют сведения о доходах и источниках их поступления в

семейный бюджет. Однако за изучаемый период таких данных не существует, поскольку официально их не публиковали. Отчасти этот пробел был восполнен Л.В. Бондаренко — аграрником-экономистом, которая на основе особых подсчетов и сопоставлений, пришла к выводу о заметном снижении уже к 1998 г. роли зарплаты, ранее доминировавшей в валовых доходах сельских домохозяйств. Ее величина заметно снизилась, и она отошла на второй план (167,7 руб., 29,9%). Первенство среди всех доходов того времени, хоть и с небольшим преимуществом, перешло к тем, которые получали от продажи продукции ЛПХ (168,7 руб., 30,1%). Разница, конечно, невелика, но в данном случае важна тенденция, которая и закрепилась надолго. На третьем месте по значимости среди всех статей дохода сельских семей стояли пенсии (в среднем 96 руб., 17,1%), после них — детские пособия, различные дотации и льготы.

При сравнении удельного веса оплаты труда в 1990 г. в совокупном семейном доходе (67%) и ее состояния к 1998 г. (менее 30%) видно, что значимость зарплаты как важного источника доходов сельских домохозяйств за эти годы уменьшилась сразу на 37%. Столь резкое снижение произошло, несмотря на то, что почти все (95%) занятые члены домохозяйств в том или ином качестве продолжали работать на предприятиях и в организациях. Но причина этого — не только резкое сокращение уровня оплаты труда в сельском хозяйстве. Далеко не последнее значение приобрели еще и большие задержки в выплате зарплат, их общая нерегулярность. Все это и привело к заметному падению роли зарплаты в совокупных доходах сельских семей. Зато на первое место вышли доходы от подсобного хозяйства, которые были не только натуральными, но и в виде денежных поступлений от их частичной реализации (примерно на 30%). Напомним, что еще в 1990 г. суммарные доходы от ЛПХ приносили лишь 21,5% общего совокупного дохода семьи колхозника и 18% — работника совхоза. Сам факт снижения более чем вдвое размера фактической оплаты труда работавших по найму в СХП свидетельствовал и о том, что она уже не могла выполнять прежние функции — воспроизводственную и стимулирующую³⁵. По этой причине многие селяне стремились ради дополнительного заработка найти любое занятие, даже если пришлось бы уехать из родных мест.

Представляется, что именно резкое снижение после 1991 г. уровня оплаты труда в сельском хозяйстве, к тому же продолжавшееся более десяти последующих лет, и стало «спусковым механизмом» длительного распространения по российским селам бедности, придав ей масштабный характер. Но и безработица тоже внесла свой негативный вклад в обеднение сельского населения, а ее уровень еще в XXI в. остается высоким. Например, в 2002 г. он, после некоторого снижения, вновь поднялся до 11,5%, в результате общее число сельских безработных в трудоспособном возрасте вновь увеличилось до 1,9 млн человек³⁶.

Все еще оставалась не решенной и проблема своевременной выплаты заработной платы — селяне порой по несколько месяцев терпеливо ее дожидались. В этом отношении ситуация даже на средних и крупных СХП не изменилась и в 2001–2002 гг. Проводившиеся опросы сельских жителей показали, что их доходы, в том числе и по причине неполучения зарплат, а, следовательно, и материальное положение, никак не улучшались. Так, 49% сельских респондентов отметили, что за истекший период их доходы не изменились, а 12% рядовых ра-

бочих прямо заявили, что их материальное положение только ухудшилось. Но, несмотря на все это, работники сельхозпредприятий очень боялись потерять работу — об этом говорило 15% опрошенных. В то же время у «начальства» — руководителей и специалистов высшего звена АПК, имелось другое мнение. Хотя их было сравнительно немного — 21%, но они заявили, что их материальное положение улучшилось, а вот среди их коллег в среднем звене АПК аналогичные оценки дали 16% опрошенных³⁷.

Именно таким образом и происходила постепенная дифференциация сельского социума по имущественному признаку. В отличие от тех, кто сохранил работу в СХП и хотя не регулярно, но все-таки получал зарплату, подавляющее большинство других сельских обитателей даже такими доходами не располагали. В частности, самыми бедными на селе в те годы были семьи с детьми, особенно неполные, где из родителей была, как правило, одна мать. Например, в 1994 г. доходы семей с детьми почти вдвое (в 1,85 раза) были ниже, чем у бездетных. Иными словами, почти $\frac{2}{3}$ общего числа сельских детей до 16 лет в этот период проживали в семьях, чьи доходы оставались ниже официально установленного «порога бедности» — прожиточного минимума. Это грозило отзываться в будущем крайне негативными последствиями, особенно для генфонда села. К социальным группам, традиционно формирующим самый бедный пласт сельского социума (многодетным и неполным семьям; не работавшим пенсионерам по старости и инвалидности; семьям опустившихся алкоголиков) следует добавить еще и семьи, где работу потерял хотя бы один трудоспособный член семьи. Он не получал зарплаты, что сразу переводило всю его семью в разряд бедных. Весьма уязвимым являлось материальное положение и в домохозяйствах, где имелись нетрудоспособные члены семьи. Например, в 1993 г. почти $\frac{1}{2}$ такого типа семей были бедными, поскольку их доходы оставались ниже прожиточного минимума, еще $\frac{1}{4}$ семей — «крайне бедными», т.к. их доходы уступали этому уровню в два и более раз³⁸.

По сравнению с городом сельские жители получали меньше и разного рода социальных трансфертов, т.е. пенсий, пособий, дотаций и льгот, предоставляемых в натуральном выражении. К 1998 г. их общая доля в валовом доходе сельских домохозяйств возросла в три раза по сравнению с 1990 г. и составила 21%. Одновременно это означало падение доли самостоятельных заработков у селян — не только из-за снижения денежных доходов от сельхозпредприятий, но и от личных подсобных хозяйств. Соответственно по этой причине на селе ощутимо поднялась доля социальных иждивенцев, получавших от государства различные пособия. Но, как показало исследование, удельный вес социальных трансфертов, получаемых сельскими жителями, все равно был существенно ниже, чем в городах. Достаточно отметить, что в городе домохозяйств-получателей дотаций в 1998 г. насчитывалось 36% их общего числа, а на селе — 20,8%. В сумме получалось, что размер дотаций и льгот в среднем на одного получателя в месяц в городе равнялся 84 руб., а на селе — 53 руб.³⁹

Несмотря на то, что средний уровень пенсий у селян был примерно на 15–20% ниже, чем в городе, все же положение сельских пенсионеров, несмотря на высокую инфляцию, постепенно улучшалось даже по сравнению с работавшими членами семей. Дело в том, что пенсии чаще индексировались, поэтому уве-

личивались быстрее зарплат и выплачивались более регулярно. В 1990-е гг., в соответствии с законом, несколько раз поднимались надбавки к пенсиям ветеранов Великой Отечественной войны и вдов погибших на ней военнослужащих. К примеру, 1 июня 1996 г. прошла внеочередная индексация пенсий — в 1,2 раза. Благодаря таким мерам у пенсионеров риск впасть в бедность все-таки был ниже, чем даже у мужчин трудоспособного возраста⁴⁰.

Происходившие на фоне острого финансового кризиса в стране постоянные задержки с выдачей зарплат, а также детских пособий и других социальных доплат семьям привели к тому, что доходы ниже прожиточного минимума на селе в 1995 г. имели около $\frac{2}{3}$, а в 1999 г. — уже 73% его жителей. Такая бедность постоянно усугублялась узостью сельского рынка труда и невозможностью практически найти работу, именно поэтому в те годы на селе людей с доходами ниже минимального прожиточного уровня насчитывалось на 30–50% больше, чем в городе⁴¹.

Выраженная в денежном доходе сельская бедность обычно превосходила ее масштабы в городе в 1,6 раза. Однако в конце 1990-х гг. по удельному весу селян, пребывавших в крайней бедности и даже нищете (с ресурсами и денежными доходами в два и более раз ниже прожиточного минимума), она превосходила городские показатели соответственно в 2,4 и 3 раза. Всего же в 2003 г. в крайней бедности (по денежным доходам) пребывали 25,2 млн сельских жителей, в то время как вся их численность, по переписи 2002 г., составляла 38,7 млн человек. Следовательно, подавляющее большинство жителей села — ровно $\frac{2}{3}$, включая младенцев, — были абсолютно бедными. Согласно международным меркам, данный уровень бедности считался невероятно высоким, превышавшим даже ее критический уровень (10%) в пять-шесть раз. А ведь до начала рыночных реформ в стране общая ситуация с бедностью обстояла несопоставимо лучше. Ее порогом в РСФСР считался месячный доход в 75 руб., и «за ним», например, в 1985 г. находилось всего 11,3% россиян, к 1990 г. их доля упала до 3,2%, правда, в сельской местности была немного выше⁴².

Как известно, целью аграрной реформы 1990-х гг. являлось создание новых эффективных хозяйственных субъектов на базе частной собственности на землю. Для этого благодаря конкурентоспособной среде все товаропроизводители в аграрном секторе экономики должны были стать коллективными или единоличными собственниками средств производства, быть кровно заинтересованными в результатах своего труда. Именно такими вначале и представлялись факторы формирования среднего класса на селе. Но реальная практика продемонстрировала слабое экономическое обоснование российских реформ 1990-х гг. и полное игнорирование ими исторического опыта предыдущих аграрных преобразований. В силу этих причин далеко идущие планы и мечты реформаторов-либералов споткнулись о жесткую реальность российского села, где практически отсутствовали какие-либо предпосылки для появления среднего класса.

Тем не менее, несмотря на очень низкие доходы преобладавшего большинства селян, поставленных реформами на грань физического выживания, в условиях «дикого капитализма», при общей политической и экономической нестабильности в стране, широкой практике несправедливого распределения доходов между «начальством» и рядовыми работниками, следует констатировать, что имущественное неравенство на селе все-таки развивалось. Во время

реформ в социальном составе села под влиянием проведенной приватизации, развития фермерства и других причин происходили определенные изменения, подтверждавшие углубление имущественной дифференциации и социальное расслоение в сельском социуме.

Серьезный вклад в изучение данной проблемы внес социолог В.В. Пациорковский, рассмотрев ее в неразрывной связи с процессом экономического расслоения и общей бедностью населения России в 1990-х гг. Ученый констатировал, что в этот период в сельском социуме уже полным ходом шла социальная дифференциация. По его мнению, она началась еще до официального старта аграрной реформы, по мере того как стало возникать и активизироваться фермерское движение. И что важно, в качестве главной предпосылки появления существенных различий в имущественном положении разных групп сельского социума он рассматривает уровень дохода (см. табл. 2).

Таблица 2

**Дифференциация совокупных доходов сельских домохозяйств в 1991–2001 гг.
(руб. в месяц)**

Доходы	1991 г.	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2001 г.
Сред. доход 10% семей с миним. низким доходом	150,7	8107,3	174500,0	430297,9	705,8	1257,0
Сред. доход 10% семей с максим. высоким доходом	1329,3	54256,9	1636300,0	3292364,9	7180,4	15278,6
Разница (во сколько раз)	8,8	6,7	9,4	7,7	10,2	12,3

Составлено по: Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2003. С. 305; Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. М., 2009. С. 106–107.

Из таблицы следует, что такие различия на селе уже имелись к 1991 г., и постепенно они привели к более ощутимой «поляризации» доходов у его жителей. Скорее всего, данный процесс имущественной дифференциации начался еще ранее, возможно, в конце 1980-х гг., в ходе рыночных экспериментов периода перестройки. В то время немало самых предприимчивых и смелых жителей села успешно работали в бригадах, организованных по принципу подряда, аренды и других форм «частичного внедрения рыночных элементов» в социалистическую экономику, и при этом неплохо зарабатывали. Но все же в советский период на селе, как и везде, отсутствовали экономически и социально независимые слои общества. Сельское население по имущественному критерию оставалось однородным, но по мере осуществления рыночных преобразований, особенно приватизации, в нем стали быстро оформляться различавшиеся группы. Эти различия определялись не только конкретно занимаемым местом в должностной иерархии предприятия, но и формой его собственности, а, следовательно, и фактическим размером получаемых доходов.

Бесспорно, мощным импульсом в развитии процесса имущественной дифференциации на селе послужило и массовое создание фермерских хозяйств,

весьма поддерживавшихся государством, в том числе и финансами, а также появление мелкого предпринимательства. С началом рыночных реформ 1990-х гг. дело приняло довольно осязаемый характер, и имущественная дифференциация с каждым годом становилась более заметной. Во всяком случае, по данным таблицы, в 1991 г. доходы по группе 10% наиболее богатых сельских домохозяйств уже существенно (в восемь раз) превышали соответствующие показатели у 10% самых бедных сельских домохозяйств, а в 1999 г. эта разница достигла десяти раз. Тем не менее, подчеркивал автор таблицы, несмотря на эти колебания, дифференциация по доходам в сельской местности постоянно оставалась заметно ниже таких же различий в доходах по городу и стране в целом. На селе эта дифференциация как с точки зрения экономического роста, так и общей демографической динамики была ближе к оптимальному уровню, что вполне естественно, поскольку доходы жителей села были намного ниже, да и деньги там вообще были совсем другими⁴³. К середине 1990-х гг. в сельском населении уже существовало довольно четкое разделение на две противоположные и количественно несопоставимые группы — бедные (в среднем, $\frac{2}{3}$ сельских жителей России) и богатые (пока малочисленные, но материально обеспеченные главы домохозяйств).

В 1998–2001 гг. поляризация сельского населения по имущественному признаку развивалась уже в гораздо более благоприятных рыночных условиях. После финансового дефолта 1998 г. и резкого падения курса рубля, импортное продовольствие сильно подорожало, поэтому горожане были вынуждены больше покупать относительно дешевые отечественные продукты питания, что весьма позитивно отозвалось на уровне доходов сельского производителя. Благотворные для села явления совпали еще и со стабилизацией выплаты пенсий и начавшимся их, хоть и слабым, но все-таки, ростом. Тем более что стабилизирующее значение пенсий для села и их роль в снижении уровня сельской бедности были гигантскими⁴⁴.

Но даже среди «бедных» и неимущих селян со временем началась определенная структуризация по принципу поиска занятия, приносящего хоть какой-то доход. Наиболее активные и дееспособные люди из «бедных» стремились своим трудом «выбиться из нищеты», искали дополнительные заработки. Впоследствии именно такие «активисты» положили начало формированию некоего промежуточного социального слоя, который в будущем будет назван «средним классом».

В целом вопрос о среднем классе считается сегодня спорным в научной литературе, в принципе он пока разрабатывается лишь «в первом приближении». Сам факт существования его в российском обществе до сих пор вызывает серьезные сомнения, а тем более на селе, но кое-какие подвижки в изучении происходят. Правда, до настоящего времени вопрос о количественных параметрах сформировавшегося среднего класса полностью открыт, т.е. статистически он никак не обеспечен, и никаких конкретных цифр нигде еще не приведено. И это, скорее всего, говорит о том, что специальные обследования на этот предмет в рассматриваемые годы не проводились. Даже в докладах, опубликованных по итогам проводившихся с конца 1990-х гг. мониторингов состояния социально-трудовой сферы села, при всем богатстве и разноплановости их фактического мате-

риала, видно, что социальная и имущественная дифференциация еще не стала предметом обследования. И ни в одном из выпусков результатов мониторингов разных лет не найти даже такой рубрики. И если никто так и не опубликует об этом конкретных цифровых данных (с указанием величины дохода у разных представителей, их количестве, пусть даже на примере какой-нибудь одной области или района), то эта проблема в рамках рассматриваемого периода останется до конца не изученной.

И все же в научных публикациях 2000-х гг. в определенной мере поднимался вопрос о среднем классе на селе⁴⁵. Можно встретить даже кое-какие определения «среднего класса», правда, очень различающиеся подходами. Например, при освещении проблемы экономических субъектов в постсоветской России дано следующее: «Доминирующая по численности совокупность домохозяйств в структуре общества — с достаточно высокими по уровню и средними по удельному весу параметрами, отражающими качественные характеристики их жизнедеятельности, члены которой лояльно относятся к существующему общественному устройству и выполняют нормативно-исполнительские функции по его поддержанию»⁴⁶.

На наш взгляд, данная дефиниция перегружена явно завышенными требованиями к тем, кто может войти в эту социальную группу села. В принципе в данном вопросе очень многое зависит от критериев подхода к самому пониманию «среднего класса» и, соответственно, кого к нему можно причислять. Однако в данном случае в стороне остался немаловажный момент: каким же должен быть уровень доходов у тех, кто этот класс составляет? Тем более что речь идет о 1990-х гг. — периоде чрезвычайных перемен преимущественно негативного характера не только в уровне жизни селян, но и в их образовательных и квалификационно-профессиональных характеристиках. Такие критерии способны сразу резко ограничить количество людей, причисляемых к среднему классу. Более того, при столь строгих требованиях к «зачислению» в средний класс совершенно не реально, чтобы он уже в 1990-е гг. стал «доминирующим» по численности. Ранее было показано, что на селе в это время абсолютно преобладала другая часть жителей — «бедные», чьи доходы серьезно не дотягивали даже до минимального прожиточного уровня. И именно данная группа, бесспорно, количественно доминировала (около $\frac{2}{3}$ общего состава населения).

Тем не менее представляется, что и в этой огромной группе села даже статус «бедного» не мешал некоторым ее представителям — наиболее предприимчивым и энергичным, стараться как-то улучшить собственное имущественное положение, искать и находить полезное занятие, способное принести хотя бы весьма скромный доход. Поэтому можно сказать, что социальная грань между бедными слоями и формировавшимся средним классом явно была условной.

Более адекватное ситуации переходного периода определение «среднего класса» предложил В.В. Пациорковский. Оно выглядит более обоснованно, конкретно и реалистично. Данная дефиниция — результат достаточно долгого и многостороннего социологического изучения сельской России на этапе рыночных реформ, в том числе и проблем трансформации ее социальной структуры. Она основана на критериях получаемых доходов, хотя, впрочем, им же и ограничивается. Автор справедливо считает, что чертой, разделяющей сельский

социум на отдельные группы, выступают доходы его жителей, точнее, степень их соответствия существующему в стране прожиточному минимуму. И при этом питательной средой формирования «среднего класса» выступают «бедные слои»: «Средний класс — это социальный слой, находящийся по уровню материальной обеспеченности (доходам) между бедными социальными слоями, доход которых ниже или близок к принятому в настоящий момент прожиточному минимуму (ПМ) в месяц на 1 члена семьи, и обеспеченными слоями, доход которых превосходит в 4 и более раз ПМ»⁴⁷.

Можно лишь сожалеть, что подобные теоретические выкладки и обоснования не подкреплены цифровым материалом. Никаких количественных параметров ни о бедных, ни о богатых авторы пока не приводили. Безусловно, для этого требовались особые исследования, тем более что данная проблема, связанная с конкретизацией доходов, относится к числу крайне деликатных. Так, точных сведений о возросших доходах нет даже в материалах ежегодных мониторингов социально-трудовой сферы села, проводившихся специалистами ВНИИЭСХ при Министерстве сельского хозяйства.

В.В. Пациорковский считает, что у среднего класса и уровень доходов тоже средний — в пределах не менее одного, но и не более четырех ПМ. Здесь все понятно — и не требуются более никаких дополнительных критериев, вроде соответствующего образовательного уровня, квалификации или хотя бы характера занятий. И такое определение представляется вполне достаточным еще и потому, что априори не приписывает среднему классу доминирующего положения в социуме, чего в 1990-х гг. на селе еще и в помине не было.

Но автор пошел дальше, считая, что внутренний состав формировавшегося среднего класса был довольно разнообразным. И хотя тогда, в первой половине 1990-х гг., с полной уверенностью к нему относили лишь фермеров, чье появление «как класса» пришлось именно на это время, он все же считает, что справедливо к среднему классу можно причислять и других «крепких сельских домохозяев». Это могли быть, например, предприниматели разного уровня и масштаба, занимавшиеся посреднической деятельностью или оказанием в аграрной сфере и вне ее различных услуг и т.д. Их доходы, скорее всего, заметно уступали фермерским, но эти представители определенно уже сформировали некую имущественную прослойку между бедными и богатыми жителями села, пусть даже и не значительную в количественном отношении⁴⁸.

По мере перехода российского села к рыночной экономике, мелкие сельские предприниматели заявляли о себе более активно. В частности, А.В. Петриков высказал, на наш взгляд, справедливое мнение, что кроме фермеров, средний класс — это еще и часть владельцев личных подсобных хозяйств, которые тоже осуществляли рыночные продажи. Именно из бедной среды (а откуда же еще?) возникали мелкие сельские предприниматели, которые искали собственные пути к материальному благополучию. Кроме тяжелейшего труда на своем частном подворье, нередко в полном семейном составе, включая подростков и стариков, они прощупывали и другие возможности повышения материального уровня. В 1990-е гг. до 20% бывших подсобных хозяйств производили продукцию не только для внутрисемейного потребления, но и для частичной продажи на рынке, что делает правомерным причисление этой части хозяев,

наравне с фермерами, к сельскохозяйственным предпринимателям. Между ними, конечно, было и немало различий — прежде всего, в масштабах производства и рыночных продаж, но были и общие черты — предпринимательство в целях получения прибыли.

Наряду с этими двумя группами А.В. Петриков назвал еще одну форму малого сельского предпринимательства — занятия несельскохозяйственным бизнесом (торговлей, закупкой сельскохозяйственного сырья, сбором дикорастущих растений и грибов, а также народными промыслами и другой деятельностью). Хотя точных сведений автор тоже не привел, но сделал ссылку на данные баланса трудовых ресурсов. Согласно этим сведениям, в 1990-х гг. на селе количество не занятых в сельском хозяйстве увеличилось на 15%. К этой категории предпринимательства относятся даже мелкие сельскохозяйственные организации. В них трудились менее 60 работников, плюс кооперативы и другие формы рыночной инфраструктуры, созданные субъектами малого бизнеса с целью удовлетворения потребности в ресурсах разного рода и для реализации продукции, кредитовании и получения других услуг⁴⁹.

В то же время на селе вскоре появились и рабочие бригады, например, строительные и ремонтные, которые выполняли отдельные заказы своих соседей. Социальный состав таких бригад мог существенно различаться. Данными видами мелкого предпринимательства занимались как члены семей руководителей СХП, так и переселенцы из городов. Но, похоже, не только они одни, поскольку немало самих селян, исходя из критерия доходов, отнесенных к группе «бедных», охотно пополняли эти стихийно возникавшие бригады, оказывавшие на селе услуги в сферах строительства жилья и ремонта. Их услуги уже требовались довольно заметному числу домохозяйств. Например, В.В. Пациорковский назвал данный факт «весьма знаковым явлением в жизни села» 1990-х гг. — не столько возрождение непосредственно жилищного строительства, сколько начавшуюся активную реконструкцию сельских подворий, необходимость в которой возникла в связи с бурным экономическим развитием подсобных хозяйств, которые, по сути, и превращали своих хозяев в мелких товаропроизводителей⁵⁰.

Работы по строительству и ремонту велись чаще всего на средства самих застройщиков, но, как правило, с привлечением наемной рабочей силы, конкретно — из сельских бригад строительных рабочих. Большой удачей для них считалось найти приработок в виде изготовления сруба или рубки леса. Как еще одну из разновидностей мелкого сельского предпринимательства необходимо назвать и появление мелких магазинчиков или торговых точек, открывавшихся в специальных пристройках прямо к собственным домам их хозяев. В таких магазинах нередко продавались сельскохозяйственная продукция соседских личных подворий или же хозяйственные товары повседневного спроса⁵¹.

На общем фоне постепенного распространения различных видов мелкого предпринимательства на селе, включая охоту, рыбную ловлю, сбор и продажу грибов и ягод, следует упомянуть и другие формы массовой адаптации жителей к осложнившемуся экономическому существованию на этапе переходного периода. В целом в 1990-х гг. в трудовой сфере села сложилась специфическая ситуация, когда из-за массовой и длительной безработицы значительная часть молодых селян-мужчин — пожалуй, целое поколение, недавно вошедшее в

трудоспособный возраст, вообще не имело опыта постоянной работы на одном месте. Его представители весь этот период, в лучшем случае, довольствовались временными подработками, выполняя разовые хозяйственные работы, в том числе и на соседских подворьях. В межсезонье они занимались колкой дров, ремонтом заборов и крыш, а в сезон копали огороды и получали за это в основном еду и выпивку⁵². Но получение дополнительного наряда на выполнение работ непосредственно в сельхозпредприятии ими особенно ценилось.

Важно отметить и то, что в кризисный период 1990-х гг. при крайней ограниченности сельского рынка труда было вынужденно реанимировано старинное крестьянское «отходничество», широко практиковавшееся в России со времен отмены крепостного права, но фактически свернутое после коллективизации. Немало сельских мужчин, стараясь окончательно не увольняться со своего предприятия, где им месяцами не выплачивали зарплат, уходили в близлежащие города, подражаясь на сезонные работы. Например, в Татарстане, многие мужчины, приехавшие из села, оформлялись работать на железной дороге, городских стройках и проч. Хороший доход приносила работа вахтовым методом на нефтедобыче, включая разработки в северных районах России и т.д.⁵³

В целом во временном трудоустройстве селян в городе очень многое зависело от состояния транспортного сообщения с ним конкретного сельского поселения. Наличие железной дороги или автотрассы федерального значения заметно облегчало (особенно тем, кто проживал в пригороде) продажу в городе части продукции своего подворья по более высоким ценам, не говоря уж об устройстве на временную работу. Жителям сельской «глубинки», вблизи которой не было транспортных магистралей, приходилось намного труднее, поэтому они довольствовались другими формами приработка.

Согласно данным Всероссийской переписи 2002 г., по причине мизерных доходов от сельхозпредприятий и даже подсобных хозяйств очень многие сельские жители подыскивали себе дополнительные занятия, приносящие доход. На момент переписи общая численность сельского населения по социально-демографической группе (от 15 лет и старше) в РФ насчитывала 28 037,3 млн человек, из которых 20,2 млн (72%) заявили о том, что имеют всего один источник средств существования. В то же время у 17,3 млн человек (или почти 62%) было два источника доходов, у более 1 млн — три, а у 31,3 тыс. — четыре и более⁵⁴. Значит, первая группа сельского населения, назвавшая всего один источник поступления средств, была не совсем искренней при ответе, поскольку, если даже просто сложить общее число лиц, имевших один и два источника доходов, мы получаем цифру, значительно превосходящую общее число селян в возрасте от 15 лет и старше. Но и такие ответы ценны, поскольку они подтверждают предприимчивость жителей села, хотя и в слабой форме, но проявлявшуюся с целью улучшения материального положения. Вынужденное стремление большинства дееспособных селян совмещать основную занятость в СХП, не приносящую ощутимого дохода, с другими подработками, также демонстрировало их способность к адаптации в изменившихся условиях.

Безусловно, характер выполняемой работы «ради приработка» оказывался разным, но чаще всего это было занятие, выполняемое на условиях найма. В любом случае, работа в нескольких местах приносила дополнительный до-

ход. Тем самым определенной части таких «совместителей» все-таки удавалось вырваться из группы «бедных» и перейти в следующую социальную страту — «средний класс». Доходы его представителей, отмечал В.В. Пациорковский, уже заметно превышали минимальный прожиточный уровень в РФ. Наиболее сильным и успешным селянам удавалось даже «открыть собственное дело», применить свою энергию и предприимчивость в еще не заполненных на тот момент экономических нишах — не только в аграрном секторе, но и в других сферах.

Таким образом, институциональные изменения в ходе аграрных преобразований 1990-х гг. создали необходимые условия не только для радикальной замены в сельском хозяйстве старого экономического механизма. Существенно изменилась и система трудовой занятости на селе. Под непосредственным воздействием политики «шоковой терапии» и либерализации цен сельхозпредприятия пережили спад производства, что вынуждало их увольнять в массовом порядке своих работников. Это привело к безработице и быстрому обеднению сельских жителей. В целях элементарного выживания значительный контингент оказавшейся «лишней» рабочей силы вынужденно перешел в хозяйства своих семейных подворий, что негативно отразилось на материальном положении селян. Одновременно в сельском социуме довольно быстро проходила «поляризация» населения по имущественному признаку, четко выделились две противоположные группы — «бедные» (около $\frac{2}{3}$) и немногочисленные «богатые». Со временем на этом фоне началось формирование «третьей силы» — среднего класса. Его появление и укрепление в сельском сообществе имеет большое значение. Он способен придать сельской жизни столь необходимую ей стабильность и устойчивость, в том числе и перед лицом реальной угрозы — миграционного «исхода» селян в город. Поскольку средний класс все же имеет какую-то собственность, в том числе и земельную, ему есть что терять. И это позволяет надеяться, что у российского села есть неплохие перспективы на будущее⁵⁵.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1027. Оп. 2. Д. 74. Л. 5–6.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 5. Д. 612. Л. 96–97.
- ³ Социальное положение и уровень жизни населения России: стат. сб. 1998. М., 1998. С. 8; Россия в цифрах. 1995: крат. стат. сб. М., 1995. С. 17.
- ⁴ *Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К.* История современной России. Десятилетие либеральных реформ 1991–1999 гг. М., 2011. С. 63.
- ⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник. М., 1991. С. 542; Российский стат. ежегодник, 1994: стат. сб. М., 1994. С. 346.
- ⁶ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1996-й. М., 1996. С. 15.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1491. Л. 20.
- ⁸ Там же. Л. 21.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 74. Л. 5–6.
- ¹⁰ *Бондаренко Л.В.* Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М., 2003. С. 123.
- ¹¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегод. доклад по результатам мониторинга 1999 г. М., 2000. С. 8.
- ¹² См.: Крестьянская Россия. 1998. 21–30 декабря.

- ¹³ Киркорова Л. Хозяйства населения: занятость и социальная защита сельских жителей // АПК: экономика, управление, 2004. № 8. С. 49.
- ¹⁴ Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен ... С. 122.
- ¹⁵ Социальное положение и уровень жизни населения в России ... С. 57.
- ¹⁶ Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен ... С. 110, 111.
- ¹⁷ Закон «О занятости населения в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru>.
- ¹⁸ Киркорова Л. Хозяйства населения ... С. 44.
- ¹⁹ Никоновские чтения — 2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М., 2002. С. 289.
- ²⁰ Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен ... С. 165.
- ²¹ Петриков А. Государственная поддержка малого предпринимательства в АПК и сельского развития // АПК: экономика и управление. 2003. № 1; Киркорова Л. Хозяйства населения ... С. 47.
- ²² Петриков А.В. Государственная поддержка малого предпринимательства в АПК и сельского развития // Никоновские чтения — 2002 ... С. 387.
- ²³ Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг.: доклад НИУ Высшей школы экономики при участии Всемирного банка и международного валютного фонда. М., 2011. С. 67.
- ²⁴ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2005. Т. 14. С. 230; Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М.; СПб., 2017. С. 261.
- ²⁵ Петриков А. Государственная поддержка малого предпринимательства в АПК и сельского развития // АПК: экономика и управление. 2003. № 1. С. 35; Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен ... С. 165.
- ²⁶ Уровень и образ жизни населения России ... С. 65.
- ²⁷ Там же. С. 67.
- ²⁸ Сельское хозяйство в России. Офиц. издание ГКС РФ: стат. сб. М., 2000. С. 33.
- ²⁹ Бондаренко Л.В. Бедность в сельской России. М., 2005. С. 92.
- ³⁰ См.: Вербицкая О.М. Сельская семья ... С. 265.
- ³¹ Сельское хозяйство в России. Офиц. издание ГКС РФ: стат. сб. 2000. С. 33.
- ³² Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегод. доклад по результатам мониторинга (5-й вып.). М., 2003. С. 9.
- ³³ Сельское хозяйство в России. Офиц. издание ГКС РФ: стат. сб. М., 1998. С. 27–28; Пациорковский В.В. Сельская Россия. 1991–2001 гг. М., 2003. С. 97.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 74. Л. 5–6.
- ³⁵ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегод. доклад по результатам мониторинга 1999 г. С. 62–63.
- ³⁶ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегод. доклад по результатам мониторинга (5-й вып.). С. 108.
- ³⁷ Там же. С. 101, 108.
- ³⁸ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегод. доклад по результатам мониторинга 1999 г. С. 68–70.
- ³⁹ Там же. С. 64.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1914. Л. 71.
- ⁴¹ Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. М., 2002. С. 10, 12.
- ⁴² Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социальная история. 2005. № 11. С. 71; Бондаренко Л.В. Бедность в сельской России. С. 56.
- ⁴³ Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. М., 2009. С. 10.
- ⁴⁴ Там же. С. 108.
- ⁴⁵ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001; Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. С. 118; Петриков А.В. Государственная поддержка малого предпринимательства в АПК и сельского развития // Никоновские чтения — 2002 ..; Лылова О.В. Основные стратегии предпринимательства, реализуемые сельским населением в период реформ // Никоновские чтения — 2002 ..; Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ). Ч. 1. Домохозяйства современной России / под ред. Р.М. Нурева. М., 2003; и др.
- ⁴⁶ См.: Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ). Ч. 1. С. 124.
- ⁴⁷ Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. С. 118–119.
- ⁴⁸ Средний класс в современном российском обществе. М., 1999. С. 94, 109.
- ⁴⁹ Петриков А.В. Государственная поддержка малого предпринимательства в АПК и сельского развития // Никоновские чтения — 2002 ... С. 387.

- ⁵⁰ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. С. 255–256.
- ⁵¹ Лылова О.В. Основные стратегии предпринимательства ... С. 289.
- ⁵² Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. С. 109.
- ⁵³ Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 445, 453.
- ⁵⁴ Источники средств к существованию. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2004. Т. 5. С. 8–11; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 47 (подсчет).
- ⁵⁵ Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. С. 118–119.

Библиография

- Аграрная политика России: современные тенденции. М.: Эпикон, 1999. 102 с.
- Бондаренко Л.В. Бедность в сельской России. М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2005. 142 с.
- Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2003. 510 с.
- Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 69–77.
- Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. М.: СПб.: Центр гуманитарных перспектив, 2017. 404 с.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1996-й. М.: Академия, 1996. 208 с.
- Закон о занятости населения в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru>.
- Источники средств к существованию. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 5. 410 с.
- Киркорова Л. Хозяйства населения: занятость и социальная защита сельских жителей // АПК: экономика, управление. 2004. № 8. С. 44–52.
- Лылова О.В. Основные стратегии предпринимательства, реализуемые сельским населением в период реформ // Никоновские чтения — 2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М.: Энциклопедия рос. деревень, 2002. 560 с.
- Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 750 с.
- Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. 2004. № 2. С. 441–457.
- Пациорковский В.В. Сельская Россия. 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
- Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. М.: Поколение, 2009. 189 с.
- Петриков А. Государственная поддержка малого предпринимательства в АПК и сельского развития // АПК: экономика и управление, 2003. № 1. С. 119–127.
- Пихоя Р.Г., Журавлев С.В., Соколов А.К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ 1991–1999 гг. М.: Новый хронограф, 2011. 311 с.
- Российский стат. ежегодник, 1994.: стат. сб. Офиц. изд. М.: Гос. Ком. по стат., 1994. 621 с.
- Россия в цифрах. 1995: крат. стат. сб. М.: ГКС РФ, 1995. 354 с.
- Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 14. 493 с.
- Сельское хозяйство в России. Офиц. издание ГКС РФ: стат. сб. М.: Гос. Ком. РФ по стат. (Госкомстат России), 1998. 448 с.
- Сельское хозяйство в России. Офиц. издание ГКС РФ: стат. сб. М.: Гос. Ком. РФ по стат., 2000. 414 с.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 1999 г. М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2000. 159 с.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (5-й вып.). М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2003. 121 с.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. Офиц. издание: стат. сб. 1998. М.: Госкомитет РФ по статистике, 1998. 450 с.
- Средний класс в современном российском обществе. М.: РНИСиНП; РОССПЭН, 1999. 299 с.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 гг.: доклад НИУ Высшей школы экономики при участии Всемирного банка и международного валютного фонда. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 86 с.
- Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ). 2-е изд., испр. и доп. М.: Московский обществ. науч. фонд, 2003. 319 с.

Summary

Igor N. Slepnev

On the characterization of the role of I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte in the railway tariff policy

Summary. The article examines the activities of I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte in the first years of the work of the Department of railway Affairs of the Ministry of Finance formed by the law of March 8, 1889. This was the first, and perhaps the most difficult period in the Department's work, during which a new mechanism for tariff regulation on Russian Railways was being set up. And special attention is paid to Vyshnegradsky and Witte paid attention to the regulation of tariffs for bread as the main type of agricultural goods transported by Railways, the main product of domestic consumption of the country's population and agricultural exports.

On the basis of archival materials stored in the RGIA, the article describes the activities of Vyshnegradsky and Witte to regulate grain tariffs in order to overcome the severe consequences of the crop failure in 1891. The influence of this crop failure on the revision of the tariff policy for the transportation of grain cargoes is shown.

Keywords: I.A. Vyshnegradsky, S.Yu. Witte, railway tariff reform on March 8, 1889, Department of railway Affairs of the Ministry of Finance, Tariff Committee, regulation of railway tariffs, railway tariffs for transportation of grain cargoes, crop failure of 1891, grain export.

Eugeny G. Neklyudov

Crisis at the Demidov factories in 1909: causes and effects, assessments and reactions

Summary. In the article is analyzed the financial crisis that erupted in the largest mining economy of the Demidov family in the Urals in 1909. The dynamics of the events were traced, the manifestations of the crisis situation reflected on the situation of the population of the Nizhny Tagilsky District, the points of view of the regional mining authorities, owners and their Petersburg administration, as well as factory employees and workers on the causes of the crisis and ways to overcome it. The reaction of the Ministry of Trade and Industry and the Council of Ministers to the local «Tagil» crisis was identified, which reflected the general unsuccessful situation in the mining industry of the Urals. The measures taken by the state and owners to prevent a deepening of the financial crisis and its development into a social crisis are presented.

Keywords: Urals, mining industry, Demidov family, financial crisis.

Andrey V. Mamaev

The economic policy of the Russian authorities in Turkestan at the beginning of the XX century

Summary. The article is devoted to the activities of the State Duma and the government of the Russian Empire at the beginning of the XX century on the economic development of the Turkestan outskirts and its integration into the empire. In addition to the works of historians, the materials of the State Duma, audits of K.K. Palen, documents of Turkestan officials, archival funds of the Asian part of the General staff and the Council of Ministers are used.

The author states that the attention to Turkestan in the metropolis in the early XX century. increased, there was a discussion of conceptual issues of development and integration of the region, and specific measures in this direction. The metropolis failed to achieve a unified policy and unity of management. We can talk about «one-sided» action: thanks to the efforts of State administration of land management and agriculture (GUZiZ) questions of arrangement and welfare of the migrants clearly should take precedence over indigenous concerns.

The processes of modernization in the region developed spontaneously, as many reform projects were either developed and discussed for many years, or they did not have time to accept or implement until the revolution. It can be assumed that the measures of integration and unification of economic management of the region were delayed because of the disinterest of some departments in their early unambiguous resolution.

Keywords: Turkestan, Russia, Empire, modernization, economic policy, metropolis, outskirts, General Directorate of land management and agriculture, State Duma, settlers.

Alexander A. Bessolitsyn

Ledentsov association as a philanthropic project during the economic modernization in Russia

Summary. In the present article, based on the example of the «Association for the support of experimental sciences and their practical implementation named after Khristofor Semenovich Ledentsov» the author demonstrates the innovation character of the activity of this organization, which was created based on private financing with the purpose to support scientists, innovators, rationalizers etc. during the economic modernization at the edge of XIX–XX centuries.

The analysis of the reports of the Association's committees allows to describe the mechanism of the organization's work, demonstrate the real contribution into the support of innovations and scientific breakthroughs, which was the purpose of creating the Association as well as point out the problems which the experts faced during their work. Large number of projects, which could not be accepted mostly because of their weak scientific elaboration as well as lack of financing made the Association to focus during its work on the support of the existing scientific schools and groups. At that, the Council during its practical activity aimed to separate the negative view to an innovation from the view to an innovator. For this purpose, the Association conducted significant educational work, supported certain innovators in their «direction to the right track».

During its practical activity the Association followed the will of its founder who specifically underlined the necessity to support mostly those breakthroughs and innovations, which did not demand substantial financing but at the same time were useful to all society. In view of this, the activity of the Ledentsov Association was definitely of a philanthropic nature.

The article is based on the materials of the professional journal of the Association — «Vremennik», which was issued from 1909 till 1917.

Keywords: K.S. Ledentsov, technological breakthrough, venture project, target capital, innovations, scientific schools, financial risks.

Liliya V. Kalmina, Anna M. Plekhanova

Western Transbaikalias economic modernization peculiarities (1880–1920s)

Summary. As soon as the Tsarist regime understood Transbaikalia's geopolitical role as a military and economic base for the consolidation of Russia's position in the East, this realization contributed to the stepping up of regional economic life. The construction of the Trans-Siberian Railroad, which became the first large-scale modernization project in the region laid the foundation of the economic concept of Transbaikalia's development envisaged as creation of a transportation infrastructure as the kernel of its industrial growth. The Tsarist ideas of regional development centered on the geopolitical factor were borrowed by the Soviet state, which in the 1920s formulated the ideologically loaded concept of regional transformation on a different economic basis. West Transbaikalia, which acquired a national autonomy status with the creation of the Buryat-Mongolian ASSR, was to play the role of «an outpost of world revolution in the Buddhist Orient». Modernization attempts by the Tsarist, and then Soviet state provided the conditions for the accelerated socialist modernization of the 1930s.

Keywords: Transbaikal Region, Buryat-Mongolian ASSR, Mongolia, geopolitical strategy, economic modernization, industrial revolution, Transsiberian Railway, Kyakhta railway, new economic policy.

Pavel V. Lizunov

Family Banking House «H. Wawelberg»: from the money changer to joint-stock commercial banks in Warsaw and St. Petersburg

Summary. The article discusses the history of the family banking firms «H. Wawelberg», founded in 1848 in Warsaw. Starting from a small bargaining shop, three generations of the Wawelberg family created one of the famous banking houses of the Russian Empire, on the basis of which the St. Petersburg Trade Bank (1912) and the Western Bank in Warsaw (1913) were established. With the complication of economic relations in the late XIX — early XX century, the value of bank houses begins to fall. It is becoming increasingly difficult for them to compete with large joint-stock banks, which possessed more solid capital and greater opportunities. Since the early 1910s a number of Russian banking houses are starting to corporatize, while others in their development have gone in the same direction. The merchant bank ceased to exist after the Bolsheviks nationalized all private commercial banks in 1917, and the Western Bank in Warsaw in 1946.

Keywords: banking house «H. Wawelberg», St. Petersburg (Petrograd) Trade Bank, Western Bank in Warsaw, Petersburg, Warsaw.

Vladimir V. Morozan

Aristocrats and dignitaries — clients of the St. Petersburg office of the State Bank

Summary. The article discusses the credit history of a number of well-known Russian aristocrats and dignitaries — clients of the St. Petersburg office of the state bank. The noted clientele used various services of this institution, however, loans for rural owners and industrial loans were the most demanded. Possessing significant land holdings, aristocrats and dignitaries especially needed working capital to maintain a sufficient level of production in their estates or at factory enterprises. Moreover, in most cases, their credit relations with the capital office of the State Bank were complicated by the frequent disruption of payments both at interest rates and the repayment of capital debts. Obviously, the process of adapting this category of bank customers to the economic requirements of the time was at the end of the 19th - 20th centuries, relatively hard. Not everyone was able to maintain their position in the country's product market.

Keywords: State Bank, credit, land tenure, mining, debts.

Bakhtiyor A. Alimdjanov

The history of the Samarkand branch of the Russian-Asian Commercial Bank

Summary. The article discusses the basics of the activities and functions of the Samarkand branch of the Russian-Asian Commercial Bank (1900—1917). In Soviet historiography, banks were understood as an instrument of «colonialism» both Western and Russian. The author, based on archival data, proves that the financial institutions of the Russian Empire took into account local specifics and encouraged the production of export-oriented products. The author actively uses interbank correspondence in the article, the annual reports of the director of the branch, as well as the audit materials of the Samarkand branch. For the first time in historiography, the bank's active and passive operations were investigated, bank expenses and profits were analyzed, and bank personnel were studied. The author, in contrast to Soviet and post-Soviet researchers, believes that banks have not become «monopolists» in the economy of Central Asia. The main reason, according to the author, is the adaptation of the bank to really existing economic relations in Turkestan governor-general and khanates. In the understanding of banks, the «modernization» of the Central Asian economy consisted in financing export crops and mediating between the metropolis and the periphery. The work is based on the materials of the archive of the Russian State Historical Archive (RGIA).

Keywords: Russian-Asian Bank, Samarkand, Turkestan, modernization, Central Asia, periphery.

Mikhail G. Nikolaev

Banker by the will of the Party: pages of Alexander P. Spunde's biography (1882–1962)

Summary. The article attempts to reconstruct the milestones of biography of Alexander P. Spunde (1882–1962), a Soviet politician, society figure and statesman who occupied — with breaks — high positions in the system of the former State Bank from October 1917 till the end of 1928 and was the Chairman of the country's main bank in March–June 1918. The author used Spunde's personal papers that are stored at the State Archive of the Russian Federation (GA RF) and have yet been unclaimed by experts focusing on the banking history of the New Economic Policy epoch. The papers shed light on the little-known issue of conflicts within the top management of the bank in 1927–1928.

Keywords: The State Bank of RSFSR, the State Archive of the Russian Federation, Alexander P. Spunde, Aron L. Sheinman, Stanislav V. Kossior, Grigory K. Ordzhonikidze.

Oleg B. Mozokhin

Campaign to combat «sabotage» at industrial and transport facilities in the late 1920s and early 1930s

Summary. In the twenties, due to criminal negligence, sabotage and low professional level of middle managers, state-owned enterprises of the country suffered huge losses. The Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) decided to restore order at industrial enterprises and transport facilities. It was difficult and long to do it by economic means, probably that's why we remembered the proven way to solve all the problems, about repressions. Initially, the OGPU and the Supreme Soviet of the USSR conducted a campaign to combat diversions and fires. Then there was the first major process of pest control so called «Shakhtinsky», later similar cases were fabricated in almost all industries and transport facilities. With these measures, relative order was established, but the victims of these processes were most often innocent of the crimes they were charged with. A concrete historical study of this issue allows us to more clearly present the real processes of functioning of public authorities and security in the period under study. This is important for the formation in Russian society of an objective picture of complex and debatable problems of Russian history.

Keywords: Central Committee of the CPSU(b), Politburo, Stalin, OGPU, wrecking, repression, industry, transport.

Mikhail Y. Mukhin

Metal for the aviation industry. The problem of providing the Soviet aircraft industry with structural metal in 1921–1964

Summary. The production of structural metals is a key issue for the aviation industry of any country. The aviation industry, which depends on imported supplies of construction materials, in fact, can not be considered full-fledged. Therefore, for the USSR the question of creating a national industry of light alloys was one of the most important aspects of industrial policy. In the 1930s, the Soviet aluminum industry was created from a zero level. This allowed to start the production of all-metal multi-engine aircraft. During the Great Patriotic War, despite the loss of two of the three aluminum plants that existed at that time, the USSR was able to ensure the production of aluminum at a level sufficient to ensure the aircraft industry. However, the bulk of Soviet aircraft during the war did not have all-metal fuselages. Only in the postwar years, against a background of a sharp increase in the output of aluminum, it was possible to make the transition to reactive all-metal aircraft. In the late 1950s, the titanium industry was created in the USSR, which was a new stage in the development of aviation metallurgy.

Keywords: aviation industry, metallurgy, aluminum, titanium, aluminum industry, titanium industry, industrialization, Great Patriotic War, Stalin, Khrushchev, Sovnarkhoz, planned economy, transfer of technology, technical innovation, Cold war, jet aviation, aviation, aircraft building.

Irina V. Bystrova

The role of Lend Lease in mobilization and modernization of Soviet economy during Great Patriotic war

Summary. Lend lease aid helped to mobilize Soviet economy for military needs by substitute of war losses of armaments, raw materials, foods, and industrial equipment, assisted the recovery of Soviet industry from its crisis in 1941–1942. Modernization of Soviet economy in 1943–1945 was supported by importing of modern American technologies and enterprises. The activities of Government Purchasing Commission of the USSR in the USA contributed to supply of modern techniques and technical information from the USA to the USSR.

Keywords: Government Purchasing Commission of the USSR in the USA, Lend-lease, mobilization of national economy, modernization, technical information.

Evgeniya V. Demchik,

Galina A. Grianikova

Grocery Shortage in «The Sunny Decade» of Altai Krai: Food Stuff Trade in the context State-planned Economy in the 1960 — the 1970th

Summary. The article is devoted to the phenomenon of food supply of population in Altai Krai in the 1960–1970th. Based on the statistical data and materials of the State Archive of the Altai Territory, sources of private origin, articles of local papers development level of food industry, standard food staples, the average prices in retail network and the organizations of public catering, retail turnover, a quality of food supply and the role of catering establishments in the food supply of the urban and rural population are determined. In the context of history of daily life the main strategies of consumption of citizens at this conjuncture are revealed. Conclusions are drawn about the reasons of low population satisfaction of Altai Krai with quality and availability of food staples, despite the developed opinion on abundance of the large agrarian-industrial region.

Keywords: soviet trade, catering industry, supply, daily life, region's economy, Altai Krai.

Alexei A. Konov

The modernization of the Ural railway transport in 1956–1991

Summary. The article considers the process of radical technical and economic renewal of the Ural railway transport on the basis of electrification and diesel traction. Electrification became the decisive way of modernization of transport because of great transit significance of the Ural region, situated between the western and eastern regions of the USSR. Electrification increased twice the carrying capacity of the Ural railways.

In the first period the electrification spread on the main lines crossed the Urals from the West and to the East. In the second period the electrification started on the meridional lines connected the South Urals with Kazakhstan and the Northern Urals. In the third period electrification had been limited to construction of the lines round the junctions. The electrification transformed the material and technical base of the Ural railway transport. In the track service the soviet specialists created the new constructions of the track from ferroconcrete ties heavy steel rails. The mechanization of the working processes and welding technologies became the attributes of modernization in all the services of railroads.

Keywords: Electrification, diesel traction, locomotive, van service, railroad, track service, the renewal of the track, rails.

Igor S. Solovenko

The development strategy of the coal industry in Russia in the 1990s

Summary. The article analyzes the development strategy of the coal industry in Russia in the 1990s. The role of the main participants in the industry reform process is shown.

It is concluded that the strategic goal was difficult to achieve due to the fuzziness and frequent change of development directions. This caused major social upheaval. Since 1997, within the framework of the activities of the state institutions «GURSH» and «Sotsugol», an effective theoretical and methodological base has been formed, focused on forecasting and planning social and economic processes in the coal industry. The industry development strategy adjusted by the Primakov Government in the fall of 1998, which was based on a skillful combination of elements of protectionism and liberalism, was able to combine the interests of all coal market participants, including international financial and economic organizations. The recovery of the Russian coal industry from the crisis began.

Keywords: Russia, market relations, coal industry, President, Government, trade unions, workers, development strategy, science.

Olga A. Sukhova

Economy and practices of social interaction in the Soviet countryside in the context of the USSR mobilization economy in the 1930s — early 1950s

Summary. The author analyzes the problems of the studying the economy and social interaction in the Soviet countryside in the context of the mobilization economy of the USSR in the 1930s — early 1950s.

In the course of the study, the author comes to the conclusion that the implementation of the mobilization model as a social engineering project with internal logic and unity of elements, as a system of connections of social and political interaction is clearly fixed in the chronological framework of the 1930s — 1950s. The goal of the project (in addition to centralizing the management and optimization of agricultural production) is the formation of the social basis of an industrial society, the development of appropriate psychological equipment, orientations and attitudes of consciousness. On the other hand, adapting to the changes that took place, the peasantry changed the content of the prescribed procedure, using the tools of the mobilization economy in their own interests.

Keywords: soviet village, mobilization economy, economy and social interaction practices.

Viktor V. Kondrashin

Mechanisms of interaction of the union center and the republican leadership of Belarus in 1943–1945 on the restoration of agriculture of the Republic

Summary. The article was written on the preliminary results of the implementation of the agreement between the Federal Archival Service of Russia and the Committee on Archives and Record Keeping of the Republic of Belarus of February 21, 1997 on joint work on the publication of sources by the archives of the Russian Federation and the Republic of Belarus on topical issues of common Soviet history.

Based on the analysis of a diverse set of archival and published sources, including those first introduced into scientific circulation from the National Archives of the Republic of Belarus and a number of regional archives of Belarus, as well as the central archives of Russia, the article describes the mechanisms of interaction of the Union Center (CC of the CPSU(b), Soviet government, specialized people's commissariats of the USSR, etc.) with the republican leadership of the BSSR (Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks), Council of People's Commissars of the BSSR, People's Commissariat of Agriculture of the BSSR, etc.) on the restoration of the Nazi-occupied invader-ruined agriculture of the republic.

The focus of the events of 1943–1945 — the first stage of the recovery period. By the example of the Byelorussian SSR, it is shown that the model of managing the USSR economy during the war years and the national economic complex created by the Stalin regime in the pre-war period made it possible to successfully restore the regions of countries destroyed by the invaders and use their economic potential for the needs of the war.

Keywords: agriculture, recovery period, mechanisms of interaction, Union Center of the USSR, republican leadership of the BSSR.

Olga M. Verbitskaya

The situation in the labor sphere (1990s) and the formation of the middle class in rural areas

Summary. The article considers the consequences of the radical agrarian reform of the early 1990s, its impact on rural life and the financial situation of the population. The most important changes in the rural labor sphere are analyzed: the creation of new joint-stock agricultural enterprises that have passed into private ownership; a sharp decline in production, mass layoffs, unemployment, late payment of wages, etc. There is also an acute shortage of jobs, the reduction of labor employment of villagers, especially women. And yet the most negative factor in the life of the villagers was a sharp decline in the level of payment for agricultural labor, which became a prerequisite for the emergence of social and property inequality. Along with the poor villagers who survived on incomes below the «poverty line» there were other social strata. Special attention is paid to the emergence of the «middle class» of the village, the study of which has just begun. A review of the social and property criteria of this group, the factors of occurrence, principal classes and so forth. In conclusion, it is concluded that the emergence of the middle class and the strengthening of its social and economic positions will benefit the Russian village, because this class «has something to lose» with the departure from the village.

Keywords: agrarian transformations, rural society, labor sphere, dismissals, unemployment, incomes of rural residents, agricultural enterprises, subsidiary farms, farmers, property differentiation, rich, poor, middle class.

Содержание

Предисловие	3
Экономическая история Российской империи	
<i>Слепнев И.Н.</i> К характеристике роли И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте в проведении железнодорожной тарифной политики.....	9
<i>Неклюдов Е.Г.</i> Кризис на демидовских заводах в 1909 г.: причины и следствия, оценки и реакции	29
<i>Мамаев А.В.</i> Экономическая политика российских властей в отношении Туркестана в начале XX в.	49
<i>Бессолицын А.А.</i> Леденцовское общество как филантропический проект в условиях экономической модернизации России	69
<i>Кальмина Л.В., Плеханова А.М.</i> Особенности модернизации экономики Западного Забайкалья (1880–1920-е гг.).....	87
История финансов и банковского дела	
<i>Лизунов П.В.</i> Семейный банкирский дом «Г. Вавельберг»: от меняльной лавки до акционерных коммерческих банков в Варшаве и Петербурге	101
<i>Морозан В.В.</i> Аристократы и сановники – клиенты Санкт-Петербургской конторы Государственного банка	157
<i>Алимджанов Б.А.</i> История деятельности Самаркандского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка	170
<i>Николаев М.Г.</i> Банкир волею Партии: страницы биографии А.П. Спундэ (1892–1962).....	184
История советской и постсоветской экономики	
<i>Мозохин О.Б.</i> Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах промышленности и транспорта в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	219
<i>Мухин М.Ю.</i> Металл для авиапрома. Проблема обеспечения советской авиапромышленности конструкционным металлом в 1921–1964 гг.	243
<i>Быстрова И.В.</i> Роль программы ленд-лиза в мобилизации и модернизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны.....	279
<i>Демчик Е.В., Гряникова Г.А.</i> Дефицит в «солнечное десятилетие» Алтайского края: продовольственная торговля в условиях плановой экономики 1960–1970-х гг.	301
<i>Конов А.А.</i> Модернизация железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг.	315
<i>Соловенко И.С.</i> Стратегия развития угольной промышленности России в 1990-е гг.	326
Аграрная история	
<i>Сухова О.А.</i> Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.	345
<i>Кондрашин В.В.</i> Механизмы взаимодействия союзного центра и республиканского руководства Белоруссии в 1943–1945 гг. по вопросам восстановления сельского хозяйства республики	354
<i>Вербицкая О.М.</i> Положение в трудовой сфере (1990-е гг.). Формирование среднего класса на селе	374
Summary	401
Содержание.....	408
Contents	409

Contents

Editorial notes	3
ECONOMIC HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE	
<i>Igor N. Slepnev</i> . On the characterization of the role of I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte in the railway tariff policy	9
<i>Eugeny G. Neklyudov</i> . Crisis at the Demidov factories in 1909: causes and effects, assessments and reactions.....	29
<i>Andrey V. Mamaev</i> . The economic policy of the Russian authorities in Turkestan at the beginning of the XX century	49
<i>Alexander A. Bessolitsyn</i> . Ledentsov association as a philanthropic project during the economic modernization in Russia	69
<i>Liliya V. Kalmina, Anna M. Plekhanova</i> . Western Transbaikalia's economic modernization peculiarities (1880–1920s)	87
THE HISTORY OF FINANCE AND BANKING	
<i>Pavel V. Lizunov</i> . Family Banking House «H. Wawelberg»: from the money changer to joint-stock commercial banks in Warsaw and St. Petersburg	101
<i>Vladimir V. Morozan</i> . Aristocrats and dignitaries — clients of the St. Petersburg office of the State Bank	157
<i>Bakhtiyor A. Alimdjanov</i> . The history of the Samarkand branch of the Russian-Asian Commercial Bank	170
<i>Mikhail G. Nikolaev</i> . Banker by the will of the Party: pages of Alexander P. Spunde's biography (1882–1962)	184
THE HISTORY OF THE SOVIET AND OF POST-SOVIET ECONOMY	
<i>Oleg B. Mozokhin</i> . Campaign to combat «sabotage» at industrial and transport facilities in the late 1920s and early 1930s	219
<i>Mikhail Y. Mukhin</i> . Metal for the aviation industry. The problem of providing the Soviet aircraft industry with structural metal in 1921–1964.....	243
<i>Irina V. Bystrova</i> . The role of Lend Lease in mobilization and modernization of Soviet economy during Great Patriotic war	279
<i>Evgeniya V. Demchik, Galina A. Grianikova</i> . Grocery Shortage in «The Sunny Decade» of Altai Krai: Food Stuff Trade in the context State-planned Economy in the 1960 – the 1970th.....	301
<i>Alexei A. Konov</i> . The modernization of the Ural railway transport in 1956–1991	315
<i>Igor S. Solovenko</i> . The development strategy of the coal industry in Russia in the 1990s	326
THE AGRICULTURAL HISTORY	
<i>Olga A. Sukhova</i> . Economy and practices of social interaction in the Soviet countryside in the context of the USSR mobilization economy in the 1930s — early 1950s	345
<i>Viktor V. Kondrashin</i> . Mechanisms of interaction of the union center and the republican leadership of Belarus in 1943–1945 on the restoration of agriculture of the Republic	354
<i>Olga M. Verbitskaya</i> . The situation in the labor sphere (1990s) and the formation of the middle class in rural areas	374
Summary.....	401

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Ежегодник. 2018/19

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: Е. В. Добычина
Макет и оформление: Я. В. Быстрова

Подписано к печати 26.04.2020
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,3.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 3; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская область, Белгородский район, поселок Северный,
ул. Березовая, д. 1/12. Тел.: 8 (4722) 300720. e-mail: mail@konstanta-hrint.ru